

ВЕСТНИК
Томского государственного университета
2014. № 381. Апрель

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ
- КУЛЬТУРОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО
- ЭКОНОМИКА
- ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
- НАУКИ О ЗЕМЛЕ

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY, SOCIAL
AND POLITICAL SCIENCES
- CULTURAL STUDIES
- HISTORY
- LAW
- ECONOMICS
- PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS
- EARTH SCIENCES

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL
2014. № 381. April

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьёв**, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьёв, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.;
А.А. Глазунов, д-р техн. наук, проф.; **В.И. Голиков**, канд.
ист. наук, доц.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
Л.С. Гринкевич, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р
пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.;
Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук,
проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**,
канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **О.М. Краснорядцева**,
д-р психол. наук, проф.; **В.П. Парначёв**, д-р геол.-минерал.
наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома
Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**,
канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ;
А.И. Потekaев, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прокументов**,
д-р юрид. наук, проф.; **Г.Н. Прокументова**, д-р пед. наук,
проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слизов**,
канд. хим. наук, доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства
ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**,
канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьяна**, канд. геол.-
минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.;
О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**,
д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.;
Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice
Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics,
Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in
Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**,
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor;
Ye. Borisov, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in
Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology,
Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor;
V. Golikov, PhD in History, Associate Professor; **A. Gortsev**,
Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of
Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor;
T. Demeshkina, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr.
of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**,
Dr. of Economics, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and
Mathematics, Senior Researcher; **O. Krasnoriadtseva**, Dr. of
Psychology, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and
Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State
University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and
Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of
Law, Professor; **G. Prozumentova**, Dr. of Education, Professor;
Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor;
Yu. Slizhov, PhD in Chemistry, Associate Professor;
V. Sumarokova, Director of TSU Publishing House;
S. Sushchenko, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**,
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor;
G. Tatianin, PhD in Geology and Mineralogy, Associate
Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**,
Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of
History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor;
E. Shrager, Dr. of Engineering, Professor

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ВЫПУСКА

Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.;
О.М. Краснорядцева, д-р психол. наук, проф.;
Д.С. Воробьёв, канд. биол. наук, доц.; **В.П. Парначёв**,
д-р геол.-минер. наук, проф.; **Л.М. Прокументов**,
д-р юрид. наук, проф.; **Г.Н. Прокументова**, д-р пед. наук,
проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р
пед. наук, проф.

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE

T. Demeshkina, Dr. of Philology, Professor; **V. Zinoviev**, Dr. of
History, Professor; **V. Kanov**, Dr. of Economics, Professor;
S. Kulizhskiy, Dr. of Biology, Professor; **O. Krasnoriadtseva**,
Dr. of Psychology, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology,
Associate Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and
Mineralogy, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor;
G. Prozumentova, Dr. of Education, Professor; **E. Chernyak**,
Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor

Журнал «Вестник Томского государственного университета»
включён в «Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук»
(http://vak.ed.gov.ru/ru/help_desk/list/)

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694,
электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.
ISSN: печатный вариант – 1561-7793;
электронный вариант – 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Certificates of registration: printed version № 018694,
electronic version № 018693
Issued by the Russian Federation State Committee for Publishing
and Printing on April 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
April 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Бельская Н.С. Применение аналитико-описательных методов в решении сравнительных задач судебного лингвистического исследования речевых произведений	5
Вершинина Е.Н. Актуализация категории «свойственности – чуждости» в имиджевом образовательном дискурсе	11
Воронова Е.С. Речевой жанр предположения в диалектной коммуникации	18
Гевель О.Е. «Военная жизнь генерала-лейтенанта Дорохова» и «Война и мир» Л.Н. Толстого: историко-биографические параллели образа Федора Долохова	22
Конюк А.В. Системно-структурный анализ фамилий Томского уезда XVII в. (лексическое поле «Имена собственные»)	27
Костецкая Е.В. Литературная биография П.П. Ершова в материалах «Тобольских губернских ведомостей»	33
Рытова Т.А. Поэтика «поколенческого» сюжета в романе А. Иличевского «Математик»	42
Седельникова О.В. Проблемы атрибуции статей А.Н. Майкова о выставках в Императорской Академии художеств. Статья вторая	52
Титова Н.С. Средства введения аргументации в научных текстах М.М. Бахтина (конструкция «действительно, но»; «конечно, но»; «несомненно, но»; «бесспорно, но»; «безусловно, но»)	58
Шумилина Н.В. Особенности полифонического лиризма в раннем творчестве Е.П. Ростопчиной	62

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

Быков А.А. Зарождение христианской благотворительности	68
Гапонов А.С., Тарабанов Н.А. Эвристические возможности современной герменевтики в обосновании социального познания и моральной теории	76
Силинская А.С. Семантический аспект языка музыки: сравнительный анализ	84
Хмылёв В.Л., Кондрасюк В.А. Практические аспекты взаимодействия информационных уровней восприятия реальности	87

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Елинер И.Г. Современная мультимедийная система и проблемы ее оптимизации	94
Прокопова Н.Л. Культурно-историческая обусловленность критериев оценки речевого искусства риторического типа	101
Прядуха Н.А. Моделирование художественно-ассоциативного культурного ландшафта города (на примере его музыкально-звуковых характеристик)	108
Рындина О.М. Река в культуре хантов Тром-агана и музейной экспозиции	113

CONTENTS

PHILOLOGY

Belskaya N.S. Application of analytical and descriptive methods for comparative task solution in forensic linguistics	5
Vershinina Ye.N. The actualization of the category "insiders-outsiders" in the image-building discourse in the educational sphere	11
Voronova Ye.S. The speech genre of assumption in dialect communication	18
Gevel O.E. <i>The Military Life of Lieutenant-General Dorokhov and War and Peace</i> by Leo Tolstoy: historical and biographical parallels of the image of Fyodor Dolokhov	22
Konyuk A.V. The system and structure analysis of 17th-century Tomsk uezd family names (lexical field "Proper Names")	27
Kostetskaya E.V. P.P. Yershov's literary biography in Tobol'skie Gubernskie Vedomosti	33
Rytova T.A. Poetics of the "generational" plot in A. Ilichevsky's novel <i>The Mathematician</i>	42
Sedelnikova O.V. Problems of attribution of A.N. Maikov's articles on exhibitions in the Imperial Academy of Arts. Article Two	52
Titova N.S. Text clips expressing objection under the guise of agreement as a means of introducing the argument	58
Shumilina N.V. The features of polyphonic lyricism in E.P. Rostopchina's early lyrics	62

PHILOSOPHY, SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES

Bykov A.A. The origin of Christian charity	68
Gaponov A.S., Tarabanov N.A. Heuristic capabilities of modern hermeneutics in justifying social cognition and moral theory	76
Silinskaya A.S. The semantic aspect of the language of music: a comparative study	84
Khmylev V.L., Kondrasyuk V.A. Practical aspects of interaction of reality perception information levels	87

CULTURAL STUDIES

Eliner I.G. Contemporary multimedia system and problems of its optimization	94
Prokopova N.L. Cultural-historical conditionality of assessment criteria for speech arts of the rhetorical type	101
Pryadukha N.A. Modeling of the artistic associative cultural landscape of the city (by example of its music and sound performance)	108
Ryndina O.M. The river in the culture of the Trom-Agan Khanty and in the museum exhibition display	113

ИСТОРИЯ

Дмитриенко Н.М., Григорьева С.Е. К истории создания Сибирского областного научно-художественного музея в Томске (1911–1920 гг.)	119
Дорофеев М.В., Семиколонов М.В. Проблема крестьянской собственности на землю в российской исторической мысли во второй половине XIX в.	123
Лекаренко О.Г. Подготовка США к «фраунду Кеннеди» в ГАТТ	128
Полухин А.Н. Ранняя история восточных славян, Киевской Руси в исторической концепции П.Н. Савицкого	136
Румянцев П.П. Формирование пенсионного обеспечения промышленных работников дореволюционной России на примере служебного персонала крупных золотопромышленных компаний Восточной Сибири	142
Сарычева Т.В. История становления и распространения физического воспитания детей в Западной Сибири в 1920-х гг.	147
Торопчин Г.В. Австралийский Союз и Федеративная Республика Германия в режиме ядерного нераспространения в 1991–2011 гг.	153
Чудинов С.И. Аберрации совести в революционном народничестве (на примере эсеровского терроризма)	160

ПРАВО

Алексеева Т.А. Криминалистическая структура устной речи	167
Долматов А.О. Обстоятельства, подлежащие учету при назначении наказания несовершеннолетним в истории отечественного уголовного законодательства	171
Ермакова О.В. Влияние предмета хищения на определение момента окончания преступления	175
Титаренко А.П. Концептуальное изменение подходов в деятельности полиции по предупреждению хищений товарно-материальных ценностей	179

ЭКОНОМИКА

Дорожкин Е.М., Щербина Е.Ю. Взаимодействие социальных институтов в процессе формирования человеческого капитала	184
Ильина Т.Г., Голубенко А.П. Кластеризация на финансовых рынках: теоретические, методологические и организационные основы	189
Казakov В.В. Инновационные процессы в социально-экономических системах: системно-синергетический подход	195
Петиненко И.А., Соболева Е.Н., Редчикова Н.А., Чиков М.В. Иностранные транснациональные компании в экономике стран БРИКС: инновационный аспект	202

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Гужов Ф.А., Бредихина Ю.П., Капилевич Л.В., Ильин А.А., Ложкина М.Б. Физиологическое обеспечение точности ударов в спортивном карате	214
Загrevский В.И., Загrevский О.И. Метод компьютерной визуализации техники спортивных упражнений	220

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Вершинин Д.А., Уйманова В.А., Овсянников С.А. Сток взвешенных наносов р. Актру и особенности его режима за последние 50 лет	226
Кижнер Л.И. Экономические аспекты обеспечения метеорологической информацией о заморозках в Томской области	232
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	238

HISTORY

Dmitrienko N.M., Grigorieva S.Ye. On the history of foundation of the Siberian Scientific and Art Museum in Tomsk (1911–1920)	119
Dorofeev M.V., Semikolenov M.V. The problem of peasant land ownership in the Russian historical thought in the second half of the nineteenth century	123
Lekarenko O.G. Preparation of the USA for the Kennedy Round in GATT	128
Polukhin A.N. The early history of the East Slavs and Kievan Rus' in P.N. Savitsky's historical concept	136
Rumyantsev P.P. Formation of industrial workers pension in pre-revolutionary Russia by example of employees of large gold mining companies in Eastern Siberia	142
Sarycheva T.V. The history of formation and popularization of physical education among children in Western Siberia in the 1920s	147
Toropchin G.V. The Commonwealth of Australia and the Federal Republic of Germany in the nuclear non-proliferation regime in 1991–2011	153
Chudinov S.I. Aberrated conscience in the revolutionary Narodnik Movement (by example of terrorism of the Socialist Revolutionary Party)	160

LAW

Alekseeva T.A. The criminalistic structure of oral speech	176
Dolmatov A.O. Circumstances to be considered when sentencing juvenile offenders in the history of domestic criminal law	171
Ermakova O.V. Influence of the object of theft on the definition of the moment of crime termination	175
Titarenko A.P. Conceptual change of the approaches in the police activity to prevent inventory theft	179

ECONOMICS

Dorozhkin E.M., Scherbina E.Yu. Interaction of social institutions in the process of human capital formation	184
Ilyina T.G., Golubenko A.P. Clustering in financial markets: theoretical, methodological and organizational framework	189
Kazakov V.V. Innovative processes in the social-economic systems: the system-synergistic approach	195
Petinenko I.A., Redchikova N.A., Soboleva E.N., Chikov M.V. Foreign transnational corporations in BRICS economies: the innovative aspect	202

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

Guzhov F.A., Bredikhina Yu.P., Kapilevich L.V., Ilyin A.A., Lozhkina M.B. Physiological mechanisms of ensuring the accuracy of strikes in sports karate	214
Zagrevsky V.I., Zagrevsky O.I. Computer visualization of sports exercise technique	220

EARTH SCIENCES

Vershinin D.A., Uimanova V.A., Ovsyannikov S.A. Suspended load in the Aktru River and peculiarities of its regime over the last 50 years	226
Kizhner L.I. The value of prognostic information for reduction of losses from frosts in Tomsk Oblast	232
BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	238

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81-139

Н.С. Бельская

ПРИМЕНЕНИЕ АНАЛИТИКО-ОПИСАТЕЛЬНЫХ МЕТОДОВ В РЕШЕНИИ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ЗАДАЧ СУДЕБНОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЧЕВЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Статья посвящена вопросам применения современных аналитико-описательных методов в судебной лингвистической экспертизе текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму, при решении задач сравнения продуктов речевой деятельности, в основном выявляемых при мониторинге социальных сетей Интернета и представляющих собой клоны определенных текстов-образцов, обработанные и преднамеренно искаженные с тем, чтобы привнести искусственно созданные отличия, не направленные на реальное различие данных текстов при восприятии.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза; экстремистские материалы; экспертные задачи сравнения; текстовое совпадение; аналитико-описательный метод; количественный подсчет; семантико-синтаксический анализ; стратегия отождествления альтернативных описаний ситуации; речевые жанры.

Проблема метода остается одной из самых важных и нерешенных проблем лингвистической экспертизы – относительно нового рода судебных речеведческих экспертиз. Важнейшая задача, которая в настоящее время стоит в центре исследований в области лингвистической экспертологии, – создание методик проведения лингвистических экспертиз по различным категориям дел [1. С. 15].

Целью публикации является постановка проблемы применения и конкретизации аналитико-описательных методов в решении экспертных задач сравнения при исследовании продуктов речевой деятельности, которые в основном выявляются при мониторинге социальных сетей Интернета и представляют собой клоны определенных текстов-образцов [2], обработанные и преднамеренно искаженные с тем, чтобы привнести искусственно созданные отличия, не направленные на реальное различие данных текстов при восприятии.

Нужно отметить, что особую значимость решение данных задач приобрело именно в последнее время при производстве судебной лингвистической экспертизы в рамках расследования уголовных дел, связанных с противодействием экстремизму. Прежде всего, это связано с тем, что с 2007 г. Министерством юстиции РФ (ранее – Росрегистрацией) на основе судебных решений составляется и регулярно обновляется Федеральный список экстремистских материалов (далее Список), которыми согласно ФЗ РФ «О противодействии экстремистской деятельности» № 114-ФЗ от 25.07.2002 г. (в ред. от 27.07.2006 г. № 148-ФЗ, от 27.07.2006 г. № 153-ФЗ, от 10.05.2007 г. № 71-ФЗ, от 24.07.2007 г. № 211-ФЗ, от 29.04.2008 г. № 54-ФЗ), ст. 1, п. 3, являются «предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистической рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения во-

енных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы».

Первоначально Список включал 14 пунктов. По состоянию на конец января 2014 г. он содержит 2 212 пунктов, часть из которых исключена в связи с повтором содержания ранее внесенных пунктов: это статьи, листовки и брошюры, книги, номера газет и журналов, кинофильмы, видеоролики, музыкальные произведения, представленные текстами песен, и произведения изобразительного искусства.

Однако речевые произведения, уже внесенные в Список экстремистских материалов, зачастую воспроизводятся вновь и продолжают хождение под измененными названиями по принципу «Кафтан-то почти новый, да дырки старые» / «Кафтан-то старый, зато заплатки новые». Очевидно, что представляется более целесообразным (с привлечением специальных знаний эксперта) установить совпадение того или иного речевого произведения с уже внесенным в Список объектом, нежели заново признавая соответствующие материалы экстремистскими, по сути, переполнять Список клонами. Как показывает экспертная практика автора данной статьи, когда у субъектов назначения судебной лингвистической экспертизы – сотрудников правоохранительных органов имеются достаточные основания полагать, что продукт речевой деятельности, фигурирующий в качестве доказательства по делу, является аналогом материала, признанного судом экстремистским и занесенного в Федеральный список экстремистских материалов, как правило, назначается так называемая сравнительная экспертиза.

Сравнением называется установление объема сходства или различия двух и более объектов материального мира, которые должны обладать четырьмя основными свойствами или признаками системы: целостностью и делимостью, наличием устойчивых связей, организацией и эмерджентностью. С одной стороны, объект является целостным образованием, с другой – в его составе отчетливо выделяются элементы, обладающие системно значимыми свойствами. Наличие интегриро-

ванных качеств показывает, что свойства объекта хотя и зависят от свойств элементов, но не определяются ими полностью: 1) система не сводится к простой совокупности элементов; 2) изучая каждую часть системы в отдельности, нельзя познать все свойства системы в целом; 3) система всегда организована определенным образом посредством существенных устойчивых связей (отношений) между элементами или / и их свойствами, которые превосходят по мощности связи с элементами, не входящими в данную систему; 4) эмерджентность предполагает наличие качеств (свойств), присущих системе в целом, но не свойственных ни одному из ее элементов в отдельности. Продукты речевой деятельности как объекты лингвистического исследования в полной мере соответствуют системной модели.

В ходе сравнения используются приемы логического мышления: абстракция (для выделения существенных признаков сравниваемых объектов и отграничения их от всех иных), анализ (для определения существенности / несущественности признака для сравнения и в ходе сравнения признаков одного и другого объекта), сопоставление, обобщение (промежуточная фаза суммарной оценки совокупности подлежащих сравнению признаков) и синтез полученных знаний о сравниваемых объектах. При решении задачи сравнения речевых произведений эти приемы логического мышления соответствуют стадиям экспертного исследования, которое должно производиться с использованием специальных знаний в области лингвистики.

В настоящее время в юрислингвистическом ключе объективирована только проблема лингвистических критериев, позволяющих определить границы трансформаций вторичного текста в сравнении с первичным применительно к конфликтогенным речевым произведениям, являющимся предметом судебного разбирательства в свете закона о защите чести и достоинства и закона о защите авторских прав.

Под «вторичным» в лингвистике устойчиво понимается текст, который образуется в результате процесса дериваций на основе первичного текста и с коммуникативной точки зрения включает сведения о содержании первоисточника в виде результатов аналитико-синтетического преобразования последнего. Таким образом, вторичный текст может быть объяснен с помощью исходного текста или выведен из него путем употребления определенных правил. В качестве вторичного, или производного, также в широком смысле может рассматриваться любой текст, обладающий определенным прототипом и находящийся с ним в тесном взаимодействии. основополагающий признак данного понятия состоит в том, что вторичный текст в языковом отношении все же представляет собой качественно новый текст по сравнению с первоисточником.

В судебных лингвистических исследованиях анализ вторичных текстов на предмет их конфликтогенности связан именно с качеством передачи чужого слова. В этом аспекте экспертный интерес представляет вторичное речевое произведение, содержащее «неадекватную передачу первоисточника, в силу чего рядовой получатель информации не может корректно декодировать первичный текст, что приводит к его дезинформированию, порождающему речевой и правовой конфликт» [3].

При сопоставлении текстов на предмет решения этой правовой проблемы объективной и неконфликтной будет являться такая передача чужого текста, когда «при всех сокращениях и синонимических заменах на различных языковых уровнях сохраняется фактуальный, концептуальный, коннотативный и стилистический уровни текста» (трансляция). Юридизируются субъективные способы передачи чужой речи (приращения смысла, идентифицируемые при декодировке текста как коннотации прагматического субъекта), которые попадают в противопоставленное поле трансформации. Деформация как тип реализации трансформации обладает максимальной конфликтогенностью и имеет две основные формы проявления: «изменение качественных / количественных / временных / субъектно-объектных (конкретных) характеристик фактуального плана первичного текста; слияние и неразличение модальных планов авторов первичного и вторичного текста» [3]. Поскольку при квалификации искажения текста, переданного с чужих слов, возникает проблема характера привнесенных изменений, здесь используется подход к тексту как комплексу аспектов, которые в различной мере сохраняются или изменяются во вторичном тексте.

Решение же экспертных задач сравнения речевых произведений с экстремистскими материалами, включенными в Федеральный список экстремистских материалов, на предмет установления сходства, разницы и ее смысловозначительного значения отличается определенной спецификой, которая на данном этапе не освещена в специальной литературе как на уровне научных статей, так и монографических исследований.

В таком случае имеет место как раз адекватное представление первоисточника (экстремистского материала), искаженного с целью мнимой дифференциации для того, чтобы продолжить распространение данного текста с его конкретными смыслами, избежав при этом правовой ответственности. Эксперт-лингвист при производстве исследования имеет дело не с интерпретацией или присвоением чужого текста как юрислингвистическими фактами, а именно с «клонированием» (понимаемым как копирование или воспроизведение) исходного текста с последующим привнесением в текст-клон изменений, направленных на мнимую дифференциацию от исходного текста (понимаемого именно как целое, понятие совпадения «части произведения» здесь не актуально, так как не влечет вывод о текстуальном совпадении с текстом-образцом) – мнимую, поскольку данные изменения функционально не призваны служить различению этих текстов при восприятии. Кроме того, описываемая проблема фактически снимает оппозицию первичного / вторичного текста вообще: тексты-клоны, отличающиеся формальными признаками, могут создаваться как последовательно во времени, так и одновременно – путем одновременного размножения объектов с последующим одновременным же привнесением формально дифференцирующих признаков. В этом отношении предпочтительнее использовать процессуальные для экспертов обозначения «проверяемый текст» и «текст-образец», отражающие корреляцию между текстами в рамках производства конкретного экспертного исследования.

При экспертизе речевого произведения на предмет установления сходства с материалом, включенным в Федеральный список экстремистских материалов, объектом исследования является проверяемый текст, предметом – проверка предположения о том, что данный текст полностью совпадает со сравнительным образцом – материалом, признанным судом экстремистским, или же является преднамеренно искаженным текстом сравнительного образца, однако привнесенные различия не несут смысловозначительной функции. Юридически значимым является именно объективное и полное отображение текста-образца в проверяемом тексте с той или иной степенью формального, но не содержательного искажения. При наличии разницы проверяемого текста по сравнению с текстом-образцом процедура исследования в аспекте данной экспертной задачи ограничивается обоснованием наличия (не) смысловозначительного характера обнаруженных изменений, но не предполагает их содержательного анализа.

Методические принципы решения экспертной задачи сравнения речевых произведений основываются на характеристиках текста: развернутость или последовательность знаковых единиц (выраженные формальные признаки протяженности); отдельнооформленность (сигналы начала и конца); связность и цельность (межфразовая связь рядоположенных предложений, тематическая организация). Структурные составляющие текста – слова, синтагмы, фразы, сферхфразовые единства, композиционные фрагменты.

Спорными представляются бытующие утверждения о том, что сравнительно-лингвистическое исследование призвано установить степень идентичности языковой информации, в том числе размещенной на различных носителях. Идентичность, или тождество, объекта в криминалистике означает, в первую очередь, его неповторимость, индивидуальность, отличие его от подобных ему объектов. Поэтому идентифицировать (отождествить) объект значит путем сравнительного исследования по отображениям или фрагментам, отражающим совокупность общих и частных признаков, установить его тождественность самому себе в разные моменты времени и в различных его состояниях. Очевидно, что не этот процесс экспертного познания имеет место при решении экспертных задач сравнения (сопоставления) продуктов речевой деятельности, которые представляют собой обработанные и преднамеренно искаженные клоны определенных текстов-образцов (материалов, ранее внесенных в Федеральный список экстремистских материалов).

При решении описываемых нами экспертных задач исследованию подлежат два (и более) автономных объекта действительности, которые могут совпадать по совокупности своих системных признаков и свойств, т.е. являться одинаковыми, или иметь некоторые намеренно привнесенные отличия, не направленные на их различение при восприятии. Формулировка же экспертом вывода о том, что один объект (речевое произведение) *идентичен* другому, влечет абсурдное значение того, что сравниваемый объект по отношению к тому, с которым проводится сравнение, является не таким же, а *тем же самым*.

На наш взгляд, для констатации отображения текста-основы в «клонированном», но впоследствии наме-

ренно искаженном тексте предпочтительнее все же использовать в качестве термина лексему **«совпадение»**, которая имеет в структуре своего значения семантику сходства, общности, одинаковости (значение 2), соответствия, согласованности (значение 3), соединения, сочетания, совмещения (значение 4), совмещения при наложении – о геометрических фигурах, линиях (значение 5) [4].

Примеры постановки вопросов перед экспертом:

– Совпадает ли текст песни аудиокomпозиции «Х», размещенной на Интернет-странице пользователя «xxx», с предоставленным для сравнения текстом песни группы «У» под названием «х», признанным решением К-го районного суда г. Воронежа от xx.xx.xxxx экстремистским материалом?

– Совпадает ли видеозапись «Х», размещенная на Интернет-странице пользователя «xxx» (idxxx), с предоставленной для сравнения видеозаписью «У»?

Для решения данных экспертных задач нами предлагается использовать аналитико-описательный метод, метод количественного подсчета и метод семантико-синтаксического анализа. Алгоритм решения задачи задается следующими этапами:

1. Сверка стенограмм звучащей речи, в случае если на исследование представлены видеофайлы или аудиокomпозиции, представление сопоставляемых речевых произведений в виде линейной последовательности текста (реструктуризация) [5. С. 4]. Описание невербального функционала видеотекстов.

2. Полное представление сопоставляемых текстов в заключении эксперта в сравнительной таблице в виде линейной последовательности текста – символов, морфологических структур, высказываний, сети взаимосвязанных сверхфразовых единств. Начало текста совпадает с началом первого предложения, конец текста – с концом последнего.

3. Сопоставление лексем в текстах во всех грамматических формах, выделение уникальных лексем подчеркиванием.

4. Сопоставление синтаксической и композиционной организации текстов с введением условных обозначений (предварительно эксплицировать общую специфику исследуемого текстового материала с точки зрения семантико-синтаксической структуры – скажем, песенный стих).

5. Сопоставление технической и информационной составляющих компонентов визуального восприятия видеотекстов (временная и пространственная привязка структуры видеотекста, изобразительный ряд по отношению к тексту).

6. Представление статистики исследования на лексическом уровне (результат измерения лексического объема текстов с указанием количества общих и уникальных лексем в том и другом текстах), на уровне синтаксической и композиционной организации (указание результата сопоставления предложений и высказываний текстов), на уровне визуального компонента для видеофайлов.

7. При выявлении несовпадения на лексическом, синтаксическом и композиционном, визуальном уровнях текста эксперт не может ограничиться технической констатацией участков несовпадений. Решающее зна-

чение имеет оценка несовпадений в аспекте их значимости для смысла произведения в целом. Целесообразно проводить анализ смысловозначительной функции выявленных различий при сопоставлении смысловой организации текстов.

Данный этап исследования базируется на теоретическом принципе неоднородности потока языковой информации по степени его значимости для понимания речевого целого: во фразе большей значимостью обладает лексема, находящаяся в позиции фразового ударения; в тексте большей значимостью обладают название, вступление, заключение. Некоторые элементы текста имеют дополнительные выделения: эмфазы – в звучащей речи, восклицательные знаки, многоточия, технические выделения (шрифт, рамки, цвет) – в письменной речи. Порядок слов в предложении также несет семантическую, строевую и смысловозначительную функции, а кроме того, эмфатическую функцию, при которой на первое место выносятся то, что эмоционально, психологически оказывается более важным. Несовпадение языковой информации в этих частях текста, как правило, вызывает несовпадение в понимании смысла речевого целого.

В нашей экспертной практике был случай, когда песенный текст «1» дословно совпадал с текстом-образцом «2», за исключением неразборчивого фрагмента четвертого куплета текста «1» объемом в 12 слов, соответствующего фразе в тексте-образце, в которой суд при вынесении решения не отметил экстремистских значений. Второй и третий куплеты текста «1» по сравнению с текстом-образцом «2» были переставлены местами.

Сопоставление смысловой организации текстов показало, что в исследуемом песенном тексте, как и в песне, текст которой был признан экстремистским материалом и занесен в Федеральный список экстремистских материалов, отсутствует четко выраженная композиционная структура сюжета. Соответственно, совпадение текстов по содержанию зависит от наличия дословного и синтаксического совпадения композиционных фрагментов текста (куплетов, припева) между собой и перестановка куплетов в исследуемом тексте по сравнению с текстом-образцом является структурным, но не содержательным отличием.

В итоге был сделан вывод, что текст песни «1» совпадает по содержанию с текстом песни «2», признанным экстремистским материалом, выявленные различия не влияют на текстуальное совпадение этих речевых произведений, так как не несут в себе смысловозначительной функции.

Минимальным намеренным искажением «клонированных» речевых произведений в случае наличия полного текстуального совпадения является изменение наименования. Так, названия аудио- и видео- файлов зачастую бывают представлены распространенным словосочетанием (например, «Опровержение обвинений против Хизб ут-Тахрир», «Хизб ут-Тахрир. Ответ критикам», «Опровержение лжи на исламскую партию освобождения»). Для описания явления семантического тождества этих синтаксических конструкций нами предлагается использовать теорию синтаксической синонимии.

Под синтаксическими синонимами понимаются: «факты смысловых уравниваний между целыми предло-

жениями, отличными друг от друга не только по синтаксической структуре, но и по стилистическим оттенкам» [6. С. 25]; «параллельные обороты речи, которые различаются тонкими оттенками в значениях и поэтому во многих случаях могут заменять один другой» [7. С. 175]; «такие конструкции, в которых содержится тождественное общесмысловое значение, создаваемое словами, лексически близкими по значению, выполняющими одинаковую функцию, но структурно различно организованные, однако способные замещать одна другую, например, в словосочетаниях: Отцовский дом и Дом отца; Человек с кривым носом и Кривоносый человек...» [8. С. 8]; «такие различающиеся по структуре свободные соединения одних и тех же слов (словосочетания), а также предложения, их части и более сложные синтаксические единицы языка <...>, которые выражают однородные отношения и связи реальной действительности» [4. С. 14].

Таким образом, к синтаксической синонимии относятся предложения (распространенные словосочетания), репрезентирующие одну когнитивную ситуацию и отношения объективной действительности, при этом построенные по разным моделям, но сохраняющие семантическое тождество лексических морфем и полностью взаимозаменяемые в определенных условиях контекста (когда они выступают в роли заголовков и установлено общее совпадение сравниваемых речевых произведений).

Итак, категоричный вывод о текстуальном совпадении речевых произведений с материалами, включенными в Федеральный список экстремистских материалов, вытекающий из результата проведения всех этапов сравнительного исследования, представляется корректным формулировать следующим образом: «Речевые произведения совпадают в плане текстуальной, структурной, визуальной (для видеофайлов), смысловой организации. Названия речевых произведений в соотношении с их текстовым содержанием являются синтаксическими синонимами и полностью взаимозаменяемы по смыслу».

К этой же проблематике относится отождествление альтернативных описаний одной и той же ситуации действительности в нескольких текстах различных речевых жанров.

Как указывает А.Н. Баранов [9], рассматриваемая проблема не ставилась в данном виде в лингвистической семантике и в лингвистике текста, поскольку семантический анализ с использованием семантических метаязыков в современных теориях так или иначе связан с процедурами представления (переписывания) содержания слова, предложения и текста в более явной, эксплицитной форме. Здесь же мы имеем дело с ситуацией, когда есть несколько текстов, описывающих какие-то ситуации (добавим – в различных речевых жанрах), и требуется определить, об одной ли ситуации идет речь. Данная задача, как отмечает исследователь, относится к задачам анализа, однако в идеальном случае ее следовало бы решать с использованием процедур анализа через синтез, чтобы определить возможность порождения исследуемых альтернативных текстов при каких-то исходных данных.

В современных исследованиях по теории текста и формальному моделированию сюжета повествования к

важнейшим компонентам повествования, на которые опирается отождествление адресатом текста как описания конкретной ситуации, относятся, во-первых, актанты ситуации, т.е. сами участники событий, объекты ситуации и их функции, во-вторых, количество / состав событий и их последовательность [10. С. 135–168]. Поэтому процедура отождествления событий, представленных в разных текстах (фрагментах текстов), основанная на идеях грамматики сюжетов, предполагает: анализ участников событий, объектов ситуации и их функций; анализ состава событий и их последовательности; соотнесение событий с участниками и объектами. Однако применение этой методики затруднено, если используются речевые стратегии вуалирования смысла.

Экспертная задача заключается в том, чтобы показать высокую степень сходства в номинации компонентов ситуации и предикатов, обозначающих действия или состояния участников, что и указывает на то, что имеется в виду одна и та же ситуация. Для описания этого явления, как представляется, небезынтересно экстраполировать термин «вариация», обозначающий видоизменение второстепенных элементов, частных чего-либо, при сохранении того, что является основой (в теории музыки – изменение главной музыкальной темы разными переходами, с удержанием основной мелодии).

Квалификация фрагментов текста как вариативных описаний одной ситуации оказывается необходимой, если требуется, например, показать, что в СМИ развернута кампания «черного пиара» [9. С. 134–137]. Однако в настоящее время необходимость в применении экспертной стратегии отождествления альтернативных описаний одной ситуации в различных текстах возникает при производстве судебной лингвистической экспертизы по уголовным делам, возбужденным по признакам преступления, предусмотренного ч. 1, ст. 282 УК РФ, по фактам религиозного экстремизма.

Это связано с тем, что преступления такой направленности приобретают тенденцию к выраженности в проведении акций, осуществляемых по заранее разработанному плану масштабных рекламно-информационных действий. Агитационные материалы, сопровождающие эти мероприятия, зачастую создаются по принципу «дерева текстов»: на жесткой основе кон-

кретного сюжета (шаблона, макрофрейма) с использованием вариаций создается целый ряд речевых произведений в разных речевых жанрах, ориентированных на различные сегменты целевой аудитории.

Так, в рамках одной акции могут быть продемонстрированы текстовый баннер, несколько вариантов листовок, предназначенных для имамов мечетей или простых прихожан, и т.п., а также произнесены или зачитаны с листа устные выступления-воззвания. При сопоставлении участников / объектов и ситуаций / событий текстов баннера и листовок выявляется, что тематический фрейм одного из представленных речевых произведений (скажем, баннера) полностью является базой деривационного развития остальных (листовок, устных выступлений и т.п.). При этом единство и динамика текста баннера как макрофрейма, состоящего из совокупности нескольких утверждений-субфреймов, определяют последовательность тематического, концептуального и модального текстообразования листовок и устных выступлений.

Разумеется, разнообразие таких речежанровых продуктов – «дериватов» – может исчисляться десятками и сотнями. Поэтому для оптимизации процесса экспертного исследования необходимо, доказав, что тексты данных разножанровых речевых произведений обладают едиными коммуникативной (целевой) авторской установкой, структурой, содержанием, смыслом и спецификой речевого воздействия на адресата, анализировать это «дерево» целиком, а не по одному листочку. С этой целью исследовательская часть заключения эксперта открывается сравнительными таблицами, репрезентирующими, во-первых, способы номинации участников и объектов ситуации и, во-вторых, состав ситуаций / событий в текстах исследуемых речевых произведений.

Подводя итог, можно сделать вывод, что при производстве в рамках расследования уголовных дел, связанных с противодействием экстремизму, судебных лингвистических экспертиз, в ходе которых решаются задачи сравнения речевых произведений, представляются наиболее актуальными аналитико-описательный метод, количественный подсчет, семантико-синтаксический анализ и экспертная стратегия отождествления альтернативных описаний одной и той же ситуации в текстах различных речевых жанров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2010. 363 с.
2. Селезнев К., Владимиров А. Лингвистика и обработка текстов // Открытые системы. СУБД. 2013. № 04. URL: <http://linter.ru/ru/press-center/detail/27/1660> (дата обращения: 20.01.2014).
3. Иваненко Г.С. Вторичный текст как источник правового конфликта. URL: <http://siberia-expert.com/publ/satti/stati/4-1-0-320> (дата обращения: 20.01.2014).
4. Сухотин В.П. Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке. М. : АН СССР, 1960. 160 с.
5. Артамонов Е.Б., Степушкина Е.П., Чербуниин А.А. Методы предварительной реструктуризации текста при лексическом анализе // Інтелектуальний потенціал молоді в науці і практиці (Ч. 2) : матеріали Всеукраїнської наукової конференції студентів, аспірантів та молодих вчених. Хмельницький: ХІЕП, 2006. С. 4–7.
6. Рихтер Г.И. Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке // Русский язык в школе. 1937. № 3. С. 3–25.
7. Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. М. : Эдиториал УРСС, 2009. 408 с.
8. Галкина-Федорук Е.М. Синонимы в русском языке // Русский язык в школе. 1959. № 3. С. 6–14.
9. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. 2-е изд. М. : Флинта ; Наука, 2009. 592 с.
10. Баранов А.Н., Паришин П.Б. Варианты и инварианты текстовых макроструктур (к формированию когнитивной теории текста) // Языки мира: Проблемы языковой вариативности / отв. ред. В.Н. Ярцева. М. : Наука, 1990. 214 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 19 февраля 2014 г.

APPLICATION OF ANALYTICAL AND DESCRIPTIVE METHODS FOR COMPARATIVE TASK SOLUTION IN FORENSIC LINGUISTICS

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 5-10 DOI: 10.17223/15617793/381/1

Belskaya Nicole S. Altai State Pedagogical Academy (Barnaul, Russian Federation). E-mail: nicole_belskaya@mail.ru

Keywords: forensic linguistics; extremist materials; speech genre; methods of comparison; textual coincidence; analytical and descriptive methods; method of quantitative calculation; method of semantic and syntactical analysis; identification of alternative descriptions of same situation.

The article is devoted to the problems of application of modern analytical and descriptive methods in forensic linguistics connected with counteraction to extremism. These methods are applied for comparison of texts representing clones of models processed and purposely distorted to introduce artificially created differences in comparison with the text sample which have not been directed to distinction of these texts at perception. An expert has to establish textual coincidence, differences and their value. Establishment of similarity or distinction of two and more objects is called comparison. The main system properties of these objects are: integrity and divisibility, existence of stable relations, organization and emergency. The use of logical thinking corresponds to the stages of the expert study: abstraction (for allocation of essential features of compared objects), analysis (for determination of significance / insignificance of a feature for comparison), comparison stage, generalization (a total score of features for comparison), synthesis of the gained knowledge about compared objects. The object of the study is the text, the subject is verification of the assumption that this text completely coincides with a comparative sample – a material which has earlier been recognized by court as an extremist material and entered the Federal List of Extremist Materials (<http://minjust.ru/ru/extremist-materials?search=&page=8>). It means that the text sample fully displays in the checked text, but with some distortion. The methodological principles of this expert task solution are based on text characteristics: sequence of units (the expressed formal features of extent); the initial and final markers of the text; connectivity and integrity (interphrase connection and subject organization of the text), structural components – words, syntagmas, phrases, composition fragments. An algorithm is offered to solve the expert tasks using *analytical-descriptive and statistical methods* as well as the method of the semantic-syntactical analysis. In confirmation of this point of view the author gives real examples from expert practice on criminal cases connected with counteraction to extremism. Thus, the author of the article comes to a conclusion that application of the *analytical-descriptive and statistical methods*, the method of the semantic-syntactical analysis and the expert strategy of identification of alternative descriptions of the same situation in the texts of various genres is most relevant for comparison task solution in forensic linguistics.

REFERENCES

1. Brinev K.I. *Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza*. Diss. doktora filol. nauk [Theoretical linguistics and forensic linguistics. Philol. Doct. Diss.]. Kemerovo, 2010. 363 p.
2. Seleznev K., Vladimirov A. Lingvistika i obrabotka tekstov [Linguistics and text processing]. *Otkrytye sistemy. SUBD – Open Systems Journal*, 2013, no. 4. Available at: <http://linter.ru/ru/press-center/detail/27/1660/> (accessed 20.01.2014).
3. Ivanenko G.S. *Vtorichnyy tekst kak istochnik pravovogo konflikta* [Secondary text as a source of legal conflict]. Available at: <http://siberia-expert.com/publ/satti/stati/4-1-0-320> (accessed 20.01.2014).
4. Sukhotin V.P. *Sintaksicheskaya sinonimika v sovremenном russkom literaturnom yazyke* [Syntactic synonymy in the modern Russian literary language]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1960. 160 p.
5. Artamonov E.B., Stepushkina E.P., Cherbunin A.A. [Methods of preliminary text restructuring in lexical analysis]. *Intelektual'nyy potencial molodi v nauci i praktyci: Materiali Vseukraïns'koï naukovoï konferentsii studentiv, aspirantiv ta molodikh vchenikh* [Intellectual potential of young people in theory and practice: Proc. of the all-Ukrainian scientific conference of students, graduate students and young scientists]. Khmel'nits'kiy, KhIEP Publ., 2006, pp. 4-7. (In Russian)
6. Rikhter G.I. *Sintaksicheskaya sinonimika v sovremenном russkom literaturnom yazyke* [Syntactic synonymy in the modern Russian literary language]. *Russkiy yazyk v shkole*, 1937, no. 3, pp. 3-25.
7. Gvozdev A.N. *Ocherki po stilistike russkogo yazyka* [Essays on the stylistics of the Russian language]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2009. 408 p.
8. Galkina-Fedoruk E.M. *Sinonimy v russkom yazyke* [Synonyms in the Russian language]. *Russkiy yazyk v shkole*, 1959, no. 3, pp. 6-14.
9. Baranov A.N. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika* [Linguistic examination of the text: theory and practice]. Moscow, Flinta-Nauka Publ., 2009. 592 p.
10. Baranov A.N., Parshin P.B. *Varianty i invarianty tekstovykh makrostruktur (k formirovaniyu kognitivnoy teorii teksta)* [Variants and invariants of text macrostructures (on the formation of the cognitive theory of text)]. In: *Yazyki mira: Problemy yazykovoy variativnosti* [Languages of the World : Problems of language variation]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 214 p.

АКТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ «СВОЙСТВЕННОСТИ – ЧУЖДОСТИ» В ИМИДЖЕВОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ 14-34-01264 «Миромоделирующие возможности речевых жанров современного городского дискурса», руководитель – Карпова Наталия Александровна.

Представлен один из лингвистических аспектов описания имиджевого образовательного дискурса. Выявляется механизм создания положительного имиджа высших учебных заведений Томска в СМИ посредством использования когнитивных категорий базового уровня, в частности категории «свойственности – чуждости». Определяются характерные для данного дискурса средства ее экспликации на различных уровнях языка: лексическом, морфологическом, синтаксическом и текстовом, выявляются их роль в репрезентации университетов.

Ключевые слова: когнитивная категория «свойственности – чуждости»; образовательный дискурс; имидж вуза.

Актуальность исследования имиджевого образовательного дискурса обусловлена рядом экстралингвистических факторов. Во-первых, сфера высшего образования находится в центре общественного и политического внимания в течение последних десяти лет в связи с вхождением российских вузов в Болонский процесс и формированием на государственном уровне новых социально-экономических требований к системе российского образования в целом. Ежегодно возрастает конкуренция между университетами в борьбе за вхождение в международные рейтинги. Кроме того, университеты закрепляют за собой позиции важных имеджеобразующих факторов регионов и городов.

Исследуемые тексты являются результатом сложного междискурсивного взаимодействия. Их макроцель состоит в формировании положительного имиджа томских вузов, позиционировании их как лучших в российском образовательном пространстве, выделении Томска на образовательной карте России в особую территорию с богатым кадровым потенциалом. Одним из типичных инструментов самопрезентации является выстраивание категории «своего круга». При помощи нее университеты выстраивают в сознании аудитории образ вуза – общности людей, объединенных одними целями и интересами и обладающих определенными привилегиями. Для анализируемого материала характерна побудительность, его отличает малая степень спонтанности, адресантом и адресатом соответственно выступают организация и целевая аудитория. Имиджевый образовательный дискурс отличается особой этикетностью: нейтральный тон повествования, редкое использование эмоционально окрашенной лексики, отсутствие тактики унижения противника. Тональность дискурса, его этикетность и антиэтикетность могут быть рассмотрены как средства имплицитного выражения категории «свойственности – чуждости» [1. С. 122].

Использование когнитивных категорий базового уровня, в частности категории «свойственности – чуждости», рассматривается исследователями в качестве эффективного инструмента создания положительного имиджа, формирования определенного отношения к объекту в сознании аудитории в рамках разного типа дискурсов [2. С. 202]. Данная категория обладает свойством разноуровневой репрезентативности, что позволяет представлять университеты на страницах специализированных изданий [3. С. 47].

Одна из первых попыток описания категории «свойственности – чуждости» в русском языке была предпринята А.Б. Пеньковским [4]. Им была сформулирована гипотеза о существовании данной семантической категории и ее сопряженности с категорией отрицательной и положительной оценки. А.Б. Пеньковский также полагал, что выделенная категория обладает собственными регулярными средствами языкового выражения.

«Дальнейшее признание за дихотомией “свое – чужое” категориального статуса, как правило, носило априорный и несомненный характер» [3. С. 42]. Однако разные исследователи предлагали различные подходы к ее изучению. Последователи А.Б. Пеньковского рассматривали данную категорию в неразрывной связке с оценочной семантикой. В свою очередь, представитель когнитивного направления в лингвистике Э. Рош, описывая категории базового уровня, особо выделяет такое их свойство, как их экспликация про помощи «коротких, высокочастотных и стилистически нейтральных слов» [5. С. 101]. Объединяя в своей работе оба подхода к исследованию категории «свойственности – чуждости», Е.В. Кишина [3] разграничивает два уровня категоризации по признаку «свое» – «чужое»: эмоциональный и рациональный. На первом «выделяются определенные стереотипы аксиологического восприятия реальности: все входящее в личную сферу говорящего обладает мелиоративной оценочностью» [Там же. С. 54]. На рациональном уровне категоризация мира эксплицирована при помощи номинативных атрибутивов с архисемой «свое» – «чужое» и примыкающих к ним местоимений.

В рамках данной статьи мы понимаем категорию как особый формат знания, а процесс категоризации – как распределение по группировкам и классам, носящее языковой характер. Категоризация в данном случае предполагает оценку объекта или явления как на рациональном, так и на эмоциональном уровне. Категоризация может быть напрямую не сопряжена с оценкой, но на макроуровне является инструментом создания определенного образа у объектов одной категории.

В современной лингвистике существует ряд работ, посвященных анализу средств выражения категории «свойственности – чуждости» в различных типах дискурса. Базовый характер категория носит в диалектном дискурсе. Универсальность оппозиции элементов кате-

гории предопределила междисциплинарный подход к ее рассмотрению [6. С. 85]. В результате этого в последние годы в отечественной лингвистике появились работы, написанные на стыке социальных наук и когнитивной лингвистики, посвященные изучению средств реализации названной категории в текстах СМИ различной направленности. Среди таких исследований преобладают труды, посвященные изучению политического дискурса (Е.И. Шейгал, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова, Е.В. Кишина, И.С. Грабовенко, Т.А. Демешкина и др.). В текстах этой сферы категория «свойственности – чуждости» приобретает ярко социализированный характер и реализуется при помощи специфических коммуникативных ходов и языковых средств [3. С. 48].

Категория «свойственности – чуждости» играет важную роль в структурировании имиджевого образовательного дискурса. В данной статье предпринимается попытка описания особенностей ее выражения в текстах всероссийской газеты «Поиск», посвященных деятельности томских вузов. Большая часть анализируемых текстов направлена на создание положительного образа конкретного вуза в сознании читателя. Задача данных публикаций – максимально полная и убедительная самопрезентация учреждений высшего образования.

В ходе работы было проанализировано около 130 текстов новостного и имиджевого характера, в них было выделено более 50 высказываний, в которых семантика «свойственности – чуждости» эксплицирована на различных уровнях языка.

Лексический уровень.

1. На лексическом уровне категория «свойственности – чуждости» представлена при помощи лексических единиц с семантикой «свое – чужое»: **родной, альма-матер, «чужие», другие.**

*«Но желание благополучия **родному** вузу, надежда на лучшую жизнь оказались сильнее сомнений, и вместе с А. Кобзевым у руля университета встали люди, имеющие опыт успешной работы в новых условиях».* Юбилей ТУСУР: На опережение! № 37 (2012). 14.09.2012.

*«Он должен поработать в другом научном центре, набраться опыта, в том числе международного, а только потом вернуться в **родной вуз**».* Уйти, чтобы вернуться. Выпускников Томского политехнического тянет в Альма-матер. № 26 (2013). 28.06.2013.

Согласно «Словарю русского языка» прилагательное «родной» обладает следующими значениями: 1) находящийся в кровном родстве; 2) родственник; 3) относящийся к месту рождения; 4) дорогой, близкий сердцу [7. С. 724]. Все эти четыре значения в определенной степени реализуются в данных примерах. Вуз, благодаря использованию данного прилагательного, предстает и как место становления студента, и как его помощник и воспитанник, и как важное и дорогое место для тех, кто когда-то в нем учился. Автором текста в сознании читателя создается образ студентов и выпускников, связанных одним общим чувством к своему вузу.

«–На самом деле, климат и географическая отда-ленность не играют сегодня существенной роли, –

*считает заместитель проректора по образовательной и международной деятельности ТПУ Татьяна Петровская. – Холодно? А вот американцы говорят: нет плохой погоды, есть неправильная одежда. Нынешнее поколение молодых людей во всем мире растет мобильным, готовым к переездам и путешествиям. Интернет, социальные сети стирают этнические и культурные границы, и молодежь сегодня не боится “**чужих**”...». Климат не помеха. Томский политехнический университет становится все более привлекательным для иностранных студентов. № 19–20 (2013).*

В данном примере субстантивированное прилагательное «**чужие**» несет значение «незнакомый с культурой, традицией, иностранец». Сегодня вузы выделяют иностранных студентов в особую категорию. Они одновременно являются и гостями, и полноправными членами университетских сообществ.

*«В отличие от многих **других** вузов страны ТУСУР был больше готов к работе в условиях рыночной экономики».* № 37 (2012). 14.09.2012.

*«Поэтому уже в январе 2013 года прошла первая встреча инициативной группы, на которой были поставлены вопросы о том, чем выгодно отличается **Томский государственный университет от других вузов России**, каковы его “изюминки” и каким видят ученые его будущее».* № 52 (2014). 27.12.2013.

В приведенном высказывании оппозиция строится на противопоставлении «единичного, дискретного и неопределенного, размытого, нерасчлененного множества» [8. С. 387]. Таким образом, то, что входит в «свой круг», является понятным, конкретным, имеющим название. То же, что является чужим, предельно обобщено.

2. В некоторых случаях категория «свойственности – чуждости» реализуется в текстах газеты «Поиск» при помощи «лексем совместности» [9. С. 159]: **все, вместе, совместный.** Е.И. Шейгал характеризует данный тип лексем «как специализированные вербальные знаки интеграции, позволяющие политикам отождествлять себя с аудиторией, апеллировать к общей национальной, статусной и прочей социальной принадлежности» [Там же]. В рамках образовательного дискурса подобные лексемы могут быть использованы для объединения некоего количества людей в конкретную общность – принадлежность к одному вузу.

*«–В декабре прошлого года мы единогласно приняли комплексную программу развития нашего университета на 2013–2017 годы. К этому сроку ТГАСУ должен войти в категорию наиболее успешных университетов России, признанных не только в стране. Задача действительно амбициозная, но выполнимая. Мы разрабатывали ее **вместе**, создав своего рода мозговой центр вуза, объединяющий практически всю интеллектуальную элиту университета».* Поэтажные планы. Томский вуз приступил к многоуровневой перестройке. № 11 (2013). 15.03.2013.

*«Например, количество публикуемых статей в научных журналах с высоким импакт-фактором не отражалось на зарплате и учебной нагрузке специалиста. Сейчас мы **всем** платим за это неплохие надбавки и снижаем учебную нагрузку. Вторая задача, которую решают эффективные контракты, – привлечение ода-*

ренных и полезных для университета сотрудников со стороны». Начать и выиграть. В Томском политехническом университете заключен первый эффективный контракт с научно-педагогическим работником. № 22 (2013). 31.05.2013.

В представленных примерах определительное местоимение **весь** и наречие **вместе** фиксируют объединение сотрудников университетов в одну особую группу. В первом случае члены данной группы находятся в ТГАСУ, сотрудников этого университет отличает от их коллег из других вузов то, что все они принимали участие в создании программы развития своего университета. Преподаватели ТПУ, в свою очередь, представлены как привилегированная группа педагогов, которые получают повышенную заработную плату и обладают рядом преимуществ в графике работы.

В имиджевых текстах лексемы совместности могут выполнять и другую функцию – репрезентацию успешности университета в сфере установления партнерских отношений с различными компаниями.

«В университете реализуются 13 совместных с зарубежными вузами магистерских программ уровня “двойной диплом” (12% от общего количества). Ежегодно ТПУ получает более 120 патентов». Идущие в ведущие. Томский политех готов к конкуренции. № 47 (2013). 22.11.2013.

«Еще одно, уникальное, производство было открыто Сибирским ботаническим садом ТГУ вместе с томским объединением “САВА”». В классическом стиле. Томский госуниверситет держит марку. № 52 (2012). 28.12.2012.

«В 2007 году к исследователям ТГУ присоединились коллеги из Франции. По инициативе посольства этой страны был организован консорциум из примерно десяти организаций Франции и России. Международное научное объединение получило название CAR-WET-SIB (Carbon-Wetlands-Siberia)». Затянуло в болота. Ученые ТГУ нашли надежные индикаторы климатических изменений. № 48 (2013). 29.11.2013.

В данных примерах лексемы совместности играют несколько другую роль. Они показывают, что университеты не просто выстраивают в текстах СМИ «свой круг» из сотрудников и обучающихся конкретного университета, но и включают в этот круг внешние организации различных уровней: областного и международного. Эта функция лексем совместности приобретает все большее значение и становится одной из наиболее важных для образовательного дискурса в силу усиления конкуренции университетов в сфере установления партнерских отношений с иностранными университетами и промышленными предприятиями различного уровня.

3. Семантика «свойственности – чуждости» актуализируется в текстах образовательного дискурса при помощи метафор. «Метафорические образы, формирующие анализируемую группу, являются своеобразными индикаторами осмысления и категоризации мира по принципу “свое – чужое”» [3. С. 75].

В образовательном дискурсе метафоры чаще всего используются для репрезентации категориальной сферы «свойственность». Среди них преобладают метафоры родства, дома и дружбы. Они представлены лексемами **сватать, родня, дружба, дом**.

«ТоМа на два дома. В Национальном исследовательском Томском государственном университете ректоры двух вузов – ТГУ и Университета Маастрихта – подписали соглашение о сотрудничестве». № 23 (2013). 07.06.2013.

В приведенном примере метафора дома является наиболее эффективной по двум причинам: понятийная сфера дома хорошо знакома, близка и понятна каждому человеку, «ее фреймы и слоты обладают высоким ассоциативным потенциалом и находятся в кругу естественных “извечных” интересов человека» [10. С. 156].

Во-вторых, она имеет высокий эмоциональный потенциал: отчий дом, родительский дом, собственный дом, домочадцы, семейный очаг, семейный быт, обустройство дома и даже домашние животные – все эти понятия способны пробуждать добрые чувства.

«Символично, что наша дружба с Маастрихтом закрепляется договором именно сейчас, в Год России в Нидерландах и Год Нидерландов в России, а также в дни 135-летия Томского университета, – отметил ректор ТГУ профессор Георгий Майер. – Сегодня мы присутствуем при создании новой программы, которая даст нашим университетам новые проекты и решения».

В данном случае выделенный лексический компонент обладает значением взаимной привязанности и уважения, основанных на длительном и продуктивном знакомстве. Е.А. Шейгал называет такие лексемы «специализированными вербальными знаками категориальной сферы “свое”» [9. С. 129].

«Лучших “сватают” в магистратуру ТПУ уже с 3–4-х курсов. Такую функцию, как подчеркнул в беседе с корреспондентом “Поиска” за рамками конференции Петр Чубик, способен выполнять только единый центр, на кафедры рассчитывать не стоит». № 44–45 (2011). 11.11.2011.

В приведенном высказывании процесс выбора аспирантов университетом уподобляется процессу выбора родителями пары своему ребенку. Метафора дает возможность передать несколько очень важных характеристик процесса отбора аспирантов. Во-первых, сотрудники ТПУ относятся к этому с большим вниманием и ответственностью, знакомство с будущими аспирантами является не формальным, а личным, и союз аспиранта и университета предстает длительным и обдуманным. Подобные метафоры позволяют охарактеризовать подход томских университетов к сотрудничеству и выбору коллег не как формальный, а как продуманный, индивидуальный и ориентированный на длительные периоды времени.

«Томский политехнический и Томский государственный архитектурно-строительный университеты – дружная родня». № 52 (2012). 28.12.2012.

Метафоры родственных отношений позволяют подчеркнуть близость двух университетов, показать, насколько тесным является сотрудничество в рамках конкретного проекта, и содержит указание на историческую традиционность подобного сотрудничества.

Морфологический уровень.

1. Наиболее употребительными средствами экспликации категории «свойственности – чуждости» в текстах образовательного дискурса являются притяжательные местоимения.

В политическом дискурсе такие местоимения чаще всего выражают единства адресата и адресанта, а также семантику коллективного отправителя информации [11. С. 54]. Для образовательного дискурса наиболее актуальна вторая функция притяжательных местоимений.

«В Томском госуниверситете систем управления и радиоэлектроники умение работать над проектом, грамотно представлять его на конкурс прививается со студенческой скамьи. Неудивительно, что, пройдя всевозможные внутривузовские отборы, наши студенты-старшекурсники, аспиранты, молодые ученые часто выигрывают и в крупных федеральных конкурсах». № 50 (2012). 14.12.2012.

Обозначение **своих** осуществляется через использование притяжательного местоимения «наш». Студенты, аспиранты и молодые ученые ТУСУРа объединяются в единую группу, закрытую и в некотором роде элитарную. Эта элитарность заключается в умении работать над проектами и зарабатывать при помощи участия в проекте деньги.

«Среди успехов этого года – удачное участие нашей молодежи в конкурсе “Мой первый грант” Российского фонда фундаментальных исследований: победителями в этой номинации стали сразу девять представителей ТУСУРа». № 50 (2012). 14.12.2012.

В данном фрагменте интервью сотрудника ТГУ притяжательное местоимение используется для противопоставления молодых ученых ТУСУРа их коллегам из других вузов.

«Первую международную школу по изучению проблем, связанных с изменениями климата, наш университет провел на своей гляциологической станции “Актру” в 2011 году. И, судя по отзывам участников, школа прошла очень удачно, – говорит руководитель проекта, профессор ТГУ Сергей Кирпотин». № 28 (2012). 12.07.2013.

При помощи притяжательных местоимений автор публикации не только выделяет Томский государственный университет из ряда других высших учебных заведений страны, но и делает акцент на богатстве материальной базы вуза. Тот факт, что у университета есть собственная гляциологическая станция, работает на повышение статуса вуза в глазах читателя.

«Своих не бросать! У выпускников Томского политехнического университета нет проблем с трудоустройством». № 13 (2013). 29.03.2013.

В данном примере выпускники ТПУ представлены как некоего рода собственность университета, за которую он несет ответственность. Также в материале реализовано и другое значение местоимения **свой** – близкий, находящийся в родственных отношениях, длительных, которые не прекратятся по истечении какого-либо времени, в данном случае – периода обучения.

2. Противопоставление также может осуществляться на уровне форм лица, организующих текстовый фрагмент [9. С. 386] и при помощи конструкций совместности, образованных личными местоимениями, включающими говорящего в определенный круг.

«Мы изначально сделали ставку на системный профессиональный подход к работе по всем направлениям: от набора студентов-иностранцев до их тор-

жественного выпуска, – говорит Татьяна Петровская». № 19–20 (2013). 17.05.2013.

«Мы в ТПУ собираемся идти по такому же пути – организовать систему постдок-позиций для молодых исследователей, как российских, так и зарубежных, – поясняет Алексей Пестряков. – Министерство образования и науки РФ планирует летом объявить специальный конкурс на постдок-позиции для зарубежных молодых ученых, которых мы можем пригласить к себе. В PhD-докторантурах у нас учится 21 человек, и мы направляем туда новых. Считаем это хорошим способом завязывать тесные и многолетние связи с ведущими зарубежными университетами». № 26 (2013). 28.06.2013.

В обоих случаях говорящий объединяет себя с университетом, представителем которого он является. В данном случае **мы** равно университету и одновременно является его частью.

Ряд исследователей выделяет еще два способа реализации семантики «свойственности – чуждости» на морфологическом уровне: «трансформация собственных существительных единственного числа в нарицательные генерализующего значения» и употребление неопределенных местоимений в качестве актуализаторов обезличивания и отчуждения противной стороны [3. С. 124; 7. С. 162]. В образовательном дискурсе примеры подобной экспликации встречаются крайне редко, в частности в новостных заметках.

«Ученые Томского политехнического университета выиграли региональный конкурс на разработку новой схемы теплоснабжения Томска. Цена контракта составит 18 млн рублей. Политехники готовы сделать работу за 355 дней». № 37 (2012). 14.09.2012.

Синтаксический уровень.

1. Одним из широко используемых способов маркировки «своих» и «чужих» в текстах образовательного дискурса являются субстантивно-субстантивные словосочетания с подчинительной связью управление. «На основе грамматического значения, во взаимодействии его с лексическим наполнением главного и зависимого компонентов складывается смысловая организация словосочетания» [12. С. 598]. В исследуемых словосочетаниях преобладает смысловая организация типа «целое и его часть». Использование подобных словосочетаний эффективно при категоризации действительности. В роли главного компонента в таких словосочетаниях выступают наименования групп – участников образовательного дискурса, в роли зависимого компонента – имя собственное, называющее конкретное учреждение высшего образования. В текстах СМИ могут использоваться как полные названия университетов, так и аббревиатуры.

«Мы целенаправленно отбираем одаренных ребят в ряды “элитных” аспирантов ТУСУРа, предоставляя им все возможности для успешного ведения научно-исследовательской работы в НИИ и лабораториях университета». № 50 (2012). 14.12.2012.

Словосочетание «аспиранты ТУСУРа» представлено как некий бренд, наименование закрытой привилегированной группы, которая принадлежит Томскому государственному университету систем управления и радиоэлектроники.

«Сегодня иностранные студенты ТПУ проживают в комфортном общежитии университета в двух- и трехместных комнатах, оснащенных всем необходимым. Решены вопросы медицинского страхования и оказания медпомощи. Отлажено взаимодействие с миграционной службой, правоохранительными органами». № 19–20 (2013). 17.05.2013.

В анализируемом фрагменте о Томском политехническом университете работает та же модель построения образа закрытой привилегированной группы обучающихся. В качестве недискретной общности выступают все иностранные студенты томских вузов. Среди них в особую группу выделяются те, кто учится в ТПУ.

«Ребята из Томского государственного получили 25 медалей, впереди только МГУ и Физтех». № 42 (2013). 18.10.2013.

«Спрос на выпускников ТПУ, даже в Томске, по-прежнему высок». № 13 (2013). 29.03.2013.

«Ученые Национального исследовательского Томского государственного университета убеждены: феномен глобального потепления действительно существует, причем ситуация развивается довольно быстро. В начале 1990-х годов биологи и почвоведы ТГУ отправились в первую экспедицию в Западно-Сибирскую субарктику». № 48 (2013). 29.11.2013.

«Премия “Надежды России” Российского союза научных и инженерных общественных объединений (их присуждают от 4 до 10 ежегодно) вручили молодому профессору ТГУ». № 42 (2013). 18.10.2013.

В приведенных примерах выделенные словосочетания играют несколько другую роль. Здесь не просто обозначается принадлежность малой группы к большой, но малая группа создает положительный имидж большой, а не наоборот.

2. Предложения противительного характера, содержащие антитезы. Подобные предложения отличаются четкой двухчастной структурой, обладают большой выразительностью. Значительная часть их направлена на выражение негативного отношения автора текста к тому, что находится не в рамках «своего круга» и на намеренное отделение «своего» от «чужого» через противопоставление.

«Если москвичи не очень-то охотно едут работать на периферию, то наши выпускники готовы выезжать за пределы своего региона, они более мобильны».

Противопоставление «своих» и «чужих» в данном случае реализуется в сложноподчиненном расчлененном предложении с корреляционной связью. Союз **если** употреблен не в традиционном значении условия, а в значении сопоставления. Помимо синтаксической структуры предложения оппозиция «своих» и «чужих» выражена через обозначения пространства, единой принадлежности к определенной местности, региону.

«Технические параметры прибора, который мы создаем, выше, чем у продукции, представленной на рынке, – рассказывает руководитель проекта профессор ТПУ Борис Гриценко».

В приведенном сложноподчиненном предложении Томский политехнический университет противопоставлен

другим вузам не напрямую, а через свою продукцию.

Текстовый уровень.

1. Противопоставление «своего» и «чужого» может быть выражено в структуре текста.

«Нашему вузу – 50 лет. Для большинства университетов с мировым именем это подростковый возраст. Но и такого сравнительно небольшого времени Томскому государственному университету систем управления и радиоэлектроники хватило, чтобы войти в пору активной зрелости, приобрести черты, которые выгодно выделяют его среди многих высших учебных заведений страны». № 37 (2012). 14.09.2012.

В рамках данного фрагмента текста дважды реализуется противопоставление ТУСУРа другим вузам – на лексическом и грамматическом уровнях языка. Повтор носит экспрессивный характер. При помощи него автор выстраивает текст, повторяя, продолжая и развивая одну и ту же мысль в пределах абзаца. Повтор не просто связывает одно высказывание с другим, но и открывает перспективу для дальнейшего расширения высказывания.

«Если москвичи не очень-то охотно едут работать на периферию, то наши выпускники готовы выезжать за пределы своего региона, они более мобильны. Например, недавно компания “Сургутнефтегаз” пожелала трудоустроить сразу 300 наших выпускников. Мы заинтересовались: почему так? Ведь рядом есть выпускники местных вузов? Но представители компании полагают, что эти ребята, поработав год-два, могут уволиться при появлении более высокооплачиваемой работы. А наши выпускники будут продвигаться по карьерной лестнице, не прыгая с места на место. Кроме того, известно, что у них хорошо развито чувство командной работы, корпоративный дух». № 13 (2013). 29.03.2013.

В приведенном фрагменте неоднократно повторяется оппозиция «своих» и «чужих» через обозначение пространственной принадлежности субъектов к определенной местности, региону.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что базовая категория «свойственности – чуждости» является важной для образовательного дискурса. Она эксплицируется в текстах СМИ на четырех уровнях языка: лексическом, морфологическом, синтаксическом и текстовом.

Наиболее часто выражается при помощи лексических единиц с семантикой «свое – чужое», лексем совместности, метафор родства, личных и притяжательных местоимений.

Оппозиция «своих» и «чужих» в текстах образовательного дискурса выполняет две основные функции. Первая заключается в выделении в сознании аудитории «своих» в определенную привилегированную группу и наделении позитивными чертами ее представителей. Вторая – в формировании позитивного имиджа вуза за счет обозначения принадлежности его успешных студентов, аспирантов, выпускников и сотрудников к данному образовательному учреждению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград : Перемена, 2000. 386 с.
2. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Едиториал УРСС, 2008. 284 с.
3. Кишина Е.В. Категория «свойственность – чуждость» в политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2006. 188 с.
4. Пеньковский А.Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики 1985–1987. М. : Наука, 1989. С. 54–84.
5. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2011. 256 с.
6. Кишина Е.В. Славянская семантическая оппозиция «свой – чужой» в лингвокультурологическом аспекте описания // Славянские языки и культуры в современном мире : II Международный научный симпозиум (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 21–24 марта 2012 г.) : тр. и материалы / сост.: О.В. Дедова, Л.М. Захаров, К.В. Лифанов ; под общ. рук. М.Л. Ремнёвой. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2012. С. 85–86.
7. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвист. исследований ; под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. с измен. М. : Рус. яз., 1981. Т. 1: А–Й. 702 с.
8. Демешкина Т.А. Риторика в системе гуманитарного знания // Наука и образование : материалы Всерос. науч. конф. (20–21 февраля 2003 г.) : в 4 ч. Белово, 2003 Ч. 3. С. 382–391.
9. Шейгал Е.А. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 431 с.
10. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000 гг.). Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2001.
11. Грабовенко И.С. Семантическое поле «свой / чужой» и средства его выражения в современном масс-медийном политическом дискурсе // Лингвистика. Збірник наукових прац. 2012. № 1 (25), ч. 2. С. 53–56.
12. Современный русский язык : учеб. для филол. спец. ун-тов / В.А. Белошапкова, Е.А. Брызгунова, Е.А. Земская и др. ; под ред. В.А. Белошапковой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Высш. шк., 1989. 800 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 19 февраля 2014 г.

THE ACTUALIZATION OF THE CATEGORY "INSIDERS-OUTSIDERS" IN THE IMAGE-BUILDING DISCOURSE IN THE EDUCATIONAL SPHERE

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 11-17 DOI: 10.17223/15617793/381/2

Vershinina Yevgeniya N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: en.kurmi@gmail.com

Keywords: educational discourse; image of university; cognitive category "insiders-outsiders".

Relevance of the research of the image-building educational discourse is determined by a number of extralinguistic factors. First of all, the system of higher education has been located in the center of public and political attention over the past ten years. It was caused by the entry of Russian universities in the Bologna process and the formation of new state-level socio-economic requirements of the Russian education system as a whole. Competition between universities in the fight for entry into the international ratings rises every year. In addition, universities strengthen their positions as important image-modeling factors of regions and cities. An important task for them is to create and promote the university as a brand. Using of the cognitive category "insiders-outsiders" can be an effective tool of creating a positive image. This category can represent objects at different levels. Universities can use this property of the basic category for self-presentation in specialized media. There are a number of works about the analysis of means of expression of the category "insiders-outsiders" in various types of discourse in modern linguistics. Basic researches of this category are the researches of dialectal discourse. Opposition of members in this category is universal. As a result, there were researches developed at the confluence of social science and cognitive linguistics and devoted to the study of implementation methods of the above mentioned category in different media texts in Russian linguistics over the last years. The category "insiders-outsiders" plays an important role in structuring of institutional educational discourse. This article is an attempt to describe the features of its explication in the all-Russian newspaper *Poisk* (search) texts about the activities of Tomsk universities. Most of the analyzed texts aim at creating the positive image of a particular institution in the reader's mind. The purpose of these publications is the most complete and convincing self-presentation of universities. During the work about 130 feature articles and soft-news have been analyzed. About 50 utterances with the semantics of "insiders-outsiders" explicated on the different levels of language have been selected. Based on this analysis, we can conclude that the basic category of "insiders-outsiders" is important for educational discourse. It is explicated in the texts of the media on the four levels of language: lexical, morphological, syntactical and textual. Most commonly this category is expressed by lexical units with the semantics of "insiders-outsiders", tokens compatibility, metaphors of kinship, personal and possessive pronouns. In most cases category of "insiders-outsiders" is expressed by lexemes with semantic of "insiders-outsiders", lexemes of compatibility, metaphors of kinship, personal and possessive pronouns. The opposition "insiders-outsiders" has two main functions in the texts of educational discourse. The first function consists in presenting "insiders" in the reader's mind as a group of people with special positive features. The second function consists in modeling of a positive image of the university using the positive image of its successful students, graduate students, alumni and staff.

REFERENCES

1. Sheygal E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2000. 386 p.
2. Issers O.S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communication strategies and tactics of Russian speech]. Editorial URSS Publ, 2008. 284 p.
3. Kishina E.V. *Kategoriya "svoystvennost' – chuzhdost'" v politicheskom diskurse*. Dis. kand. filol. nauk [Category "mine – alien" in political discourse. Philol. Cand. Diss.]. Kemerovo, 2006. 188 p.
4. Pen'kovskiy A.B. *O semanticheskoy kategorii "chuzhdosti" v russkom yazyke* [On the semantic category of "alien" in the Russian language]. In: *Problemy strukturnoy lingvistiki 1985–1987* [Problems of structural linguistics in 1985–1987]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 54–84.
5. Skrebtsova T.G. *Kognitivnaya lingvistika: kurs lektsiy* [Cognitive linguistics: lectures]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Philological Faculty Publ., 2011. 256 p.

6. Kishina E.V. [Slavic semantic opposition "mine – alien" in the linguoculturological aspect of description]. *Slavyanskie yazyki i kul'tury v sovremennom mire: II Mezhdunarodnyy nauchnyy simpozium: Trudy i materialy* [Slavic languages and culture in the modern world: II International Scientific Symposium: Proceedings]. Moscow, Moscow University Publ., 2012, pp. 85-86. (In Russian)
7. Evgenyeva A.P. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t.* [Dictionary of the Russian Language. In 4 vols.]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1981. Vol. 1 (A-Ÿ), 702 p.
8. Demeshkina T.A. [Rhetoric in the Humanities]. *Nauka i obrazovanie : materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Science and education: Proc. of the all-Russian scientific conference]. In 4 parts. Belovo, 2003. Pt. 3, pp. 382-391. (In Russian)
9. Sheygal E.A. *Semiotika politicheskogo diskursa*. Dis. doktora filol. nauk [Semiotics of political discourse. Philol. Doct. Diss.]. Volgograd, 2000. 431 p.
10. Chudinov A.P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafor (1991-2000 gg.)* [Russia in the metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor (1991-2000)]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2001.
11. Grabovenko I.S. Semanticheskoe pole "svoe / chuzhoy" i sredstva ego vyrazheniya v sovremennom mass-mediynom politicheskom diskurse [Semantic field "mine / alien" and means of its expression in modern mass media political discourse]. *Lingvistika. Zbirnik naukovikh prats*, 2012, no. 1 (25), pt. 2, pp. 53-56.
12. Beloshapkova V.A., Bryzgunova E.A., Zemskaya E.A. et al. *Sovremennyy russkiy yazyk* [Modern Russian language]. Moscow, Vyssh. Shk. Publ., 1989. 800 p.

РЕЧЕВОЙ ЖАНР ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ В ДИАЛЕКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Обосновывается правомерность выделения речевого жанра предположения в диалектной коммуникации. Анализируются основные параметры речевого жанра: коммуникативная цель, образ автора – образ адресата, диктумное содержание, формальные показатели. Приводятся примеры использования рассматриваемого речевого жанра в диалектной коммуникации. Отмечена специфика семантики формальных показателей речевого жанра предположения.

Ключевые слова: речевой жанр; диалект; предположение; образ автора; образ адресата; формальные показатели.

В современной лингвистике большое внимание уделяется изучению взаимосвязей языковых явлений и человека. В настоящее время в качестве одного из ведущих направлений в сфере описания функционального аспекта языка выступает жанроведение.

Изучение речевых жанров (РЖ) характеризуется разнообразием материала, на котором проводятся исследования: изучаются жанры письменной и устной речи, жанры неофициального и официального общения, диалектной речи и литературного языка. В отечественном языкознании существует большое количество работ, посвящённых описанию отдельных речевых жанров. Осуществлены подробные монографические описания ряда речевых жанров, среди которых РЖ объяснения в любви [1], автобиографического рассказа [2], административного объявления [3], поздравления [4], светской беседы [5], социальной рекламы [6] и др.

В данной статье обосновывается правомерность выделения речевого жанра предположения, выявленного в диалектной коммуникации, а также его описание в соответствии с выделенными параметрами. Исследование проводится на материале русских старожильческих говоров Среднего Приобья. Информантами являются диалектоносители, представители народного типа речевой культуры. Объём материала составляет 295 высказываний. Среднеобские говоры описаны в жанрово-речевом аспекте в серии статей томских диалектологов: особенности оценочных, информативных, ритуальных жанров, а также жанр воспоминаний в дискурсе диалектной личности [7–11], жанр потчевания [12], миромоделирующий потенциал речевого жанра [13].

В качестве основной гипотезы исследования принимается идея Т.В. Булыгиной, А.Д. Шмелёва [14] о том, что в русском языке следует наряду с повествовательными, вопросительными и побудительными предложениями выделять гипотетические предложения, предназначенные для выражения речевого акта гипотезы. В речи этот тип предложений реализуется в высказываниях, отражающих незнание говорящим действительного положения дел, а в качестве формальных показателей выступают модальные слова: *возможно, может быть, вероятно, должно быть, наверное, несомненно, по-моему* и др.

В «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой семантика лексемы «предположение» определяется следующим образом: «1. Предварительное суждение о чем-л.; догадка. 2. План, замысел, предварительное намерение» [15].

Как следует из определения, слово «предположение» имеет два значения. Семантическая основа выде-

ления РЖ предположения может быть определена как «догадка, предварительное суждение об объекте речи, явлении, событии и т.д.». В рамках рассматриваемого РЖ совершается несколько различных действий с информацией: запрос или передача, а также квалификация информации по параметру истинности.

Речевой жанр предположения является сложным, информативным и ориентированным на собеседника жанром, который функционирует в устной речи диалектоносителей, он может быть как спонтанным, так и спровоцированным. Предположение реализуется в ситуациях естественного повседневного общения, его временная соотнесённость с событиями, о которых идёт речь, может быть различной. Признаком предположения является наличие вводно-модальных слов и конструкций в структуре высказывания. Существует несколько разновидностей данного жанра:

– собственно предположение, которое может носить прогностический характер: *Аптечная, это вот, наверное, белая-то ромашка, а вот эта вот, что у меня на огороде растёт вот, она – жёлтеньки шишечки у неё, лечебная; Танцует и танцует [внучка]. Наверно, балеринкой станет;*

– предположение-мнение: *По-моему, их называют «незабудки», ага?; А за анонимки сейчас, по-моему, уголовное дело возбуждается.*

Для описания РЖ предположения в статье используются параметры анкеты РЖ, выделенные Т.В. Шмелёвой [16]: коммуникативная цель, образ автора и образ адресата, диктум и модус, коммуникативное прошлое и будущее, особенности формальной организации.

Коммуникативная цель говорящего при использовании рассматриваемого РЖ состоит в высказывании догадки, в том числе и о событиях, имевших место в прошлом (*Мужчина раньше [назывался] «барин», жена – «барыня», «барышня» – девушка, «барич» – мальчик, они, можа, чё и носили, мы не знаем*), вынесении предварительного суждения о предмете речи. В рамках определённой коммуникативной ситуации она может быть различной: высказать мнение – *А она вроде скуповата. Чтоб она мёду стаканчик дала – Бо-оже!*, сделать прогноз – *Може грибов наберём на вареве. А ты чё не идёшь?*, выразить неуверенность в достоверности имеющейся информации – *Может быть, буру лисицу зовут серебрянкой, не знаю*. В ряде случаев высказывания являются реактивными, поскольку извлечены из рассказов диалектоносителей о своей жизни и ответов на уточняющие вопросы. Автор речи делится своим мнением (*А мне кажется, ничё не страшный котёнок. Так только, досадливый; А тысячный это*

вот и есть, **по-моему**, он этот самый дружка), высказывает различные гипотезы и соображения (Домовой – это уж, **верно**, как человек тож. Были, **может**, я не знаю), сообщает о возможных перспективах (Я по матери Волошин, а так вершининский. Я родился здесь и, **наверно**, здесь и помру; Я **полагал**, что... сёдни), рассказывает о событиях, имевших место в прошлом (Я **вот знаю**, с шейсят четвёртого года не было такой воды; Кто-нибудь едет, какой-нибудь начальник. До станка. Волость, **наверно**, платила, или староста оплачивал).

Образ автора и образ адресата. В рамках диалектной коммуникации речевой жанр предположения традиционно возникает в рамках ситуации общения «диалектоноситель – диалектоноситель». В большинстве случаев автор и адресат являются равноправными участниками коммуникации по социальному и возрастному статусу.

Если же в качестве одного из собеседников выступает носитель литературного языка, роли коммуникантов приобретают другие характеристики: набор знаний говорящего о мире будет существенно отличаться от набора знаний слушающего.

С точки зрения **диктума** предположение может характеризоваться различной временной перспективой события. Связано это с тем, что в рамках ситуации общения речь может идти как о событиях, которые произойдут в будущем, так и об имевших место в прошлом. Диалектоносителям свойственно говорить о давно прошедших событиях так, словно их можно наблюдать в момент речи [17]. В число тем, поднимаемых в рамках диалектного общения, входят: погода (Пройдёт, **будто бы** вёдро станет, да нет; Если только вот ласточка поднялась, **то будет** вёдро), перспективы на урожай (А вот она [черёмуха] **бы** нынче **хороша была**, дак шибко ветра), истории из собственной жизни и жизни односельчан (Раньше дуб драли из него, чернотальник. Дерево, **видно**, разное у него, **видно**, дуло черно, не как у талины. Ём красили раньше шубы; Серьги носили, сережки, кольца. У богатых были хороши, а у беденьких, **может**, совсем не было).

Следующим параметром описания РЖ предположения является **фактор прошлого**, имеющего отношение исключительно к событиям общения, предшествующих данному РЖ. Как отмечает Т.В. Шмелёва, фактор прошлого может иметь жанрообразующее значение, разделяя речевые жанры на инициальные и реактивные. В связи с тем, что в ходе беседы диалектоносители могут высказывать предположения как в рамках своего повествования (Не знашь, Катя, Лукина-то была, депутат-то наш – **поди**, слыхал?), так и в ответ на уточняющие вопросы интервьюера, некоторые из рассматриваемых высказываний можно охарактеризовать как реактивные ([А Горёвка – почему?] – А Бог её знает. **Наверно**, там-ка бедно жили все, в горе. Не знаю; – Ну, вот бежит куды попало да говорит чё попало, да и вот дикушей **называют** её. Ну, дикует, **говорят**).

Фактор будущего, относящийся к результированности речевого жанра. «Запрограммированной» речевой реакцией на предположение является подтверждение / опровержение или согласие / несогласие адресата с высказыванием говорящего (–Кумушка, ты слыхала,

что эта сумасшедшая ночь ли какая? – Ага.). При этом не каждое предположение может быть подтверждено или опровергнуто сразу же. Например, гипотезы о погоде в ближайшее время (от нескольких часов до суток) или прогнозы на урожай (Она [туча] дождёва идёт, **может**, и у нас посеет).

Наличие устойчивых характеристик **формальной организации РЖ** является одним из важных признаков в анкете. Применительно к РЖ предположения можно выделить следующий набор жанрообразующих средств: вводно-модальные слова и конструкции с семантикой предположения, а также формы прошедшего и будущего времени глагола.

Яркой приметой РЖ предположения являются вводно-модальные слова, маркирующие различные источники информации: непосредственное восприятие, воспоминания, ссылку на данные чужого опыта (как будто, вроде, по-моему и т.п.) или логический вывод (может, наверное, видимо, поди, ли чё ли и т.п.) [18]:

А за анонимки сейчас, **по-моему**, уголовное дело возбуждается;

Батист. Он **вроде** похож на капрон, но она [блуза] батистова, на ней даже атикетка была;

Барашек запашистый такой, **мне кажется**, у него, как рожками, загнуты лепесточки (о растении);

Отец хотел его [ребёнка] забрать, но она его не отдаёт, **видимо**, из-за алиментов, потому что ребёнка-то ей не надо;

Ну, клевер, визиль. Он вяжет, **наверно**, потому;

Теперича кругом ходили, вот за руки возьмутся все, человек, **наверно**, **поди** сколько, до полста;

Может, и не на почве ревности, но всё же, **может**, и задевает;

У них длинные ножки, потому что у них, **видимо**, это я по-своему рассуждаю, там трава сильная;

Так работал, так работал, лет сорок, **наверно**, стажу у него, и в Москве был, «Ветеран труда» у него, у него и медаль, как назвать-то, Коль? Орден **ли чё ли**? [19].

В качестве примера функционирования РЖ предположения в речи диалектоносителей приведём отрывок из диалога:

<...> – И вот и сына тогда хватило грозой. Сына-то закапывали в землю, и её закапывали. Сын-то отошёл, а она нет.

– Нельзя закапывать.

– Нельзя? Ну а от говорят, что ток, **дискать**, уходит в землю. С ём отводились, а... **Может**, его не сильно хватило, а её-то сильно, и не могли отводиться.

– Это давно-то было?

– Давно-о уже, давно. Лет, **наверное**, тридцать, **наверно**, уже. Давно. Это война кончилась сколь? Пятьдесят? Да, где-то... сын – раненый пришёл с фронта, он, **наверно**, рано пришёл. **Наверно**, **поди**, как не сорок (лет)... Вскоре тут. Ну дети-то у ней... от Николай, Борис, Алексей – трое у ней, а эти от – Леонид, Дмитрий – эти определены были. Ну те уж на фронте были, трое маленьких было [20. С. 75].

В приведённом отрывке можно выделить несколько коммуникативных целей: диалектоноситель делится информацией об известном ему положении со своими собеседниками. Участниками данного диалога, помимо

диалектоносителей, являются и носители литературного языка. В частности, реплика «Нельзя закапывать» принадлежит городскому жителю, а уточняющий вопрос «Это давно-то было?» задан собирателем. Образ автора в данном примере – носитель народной речевой культуры, а образы адресатов – носители народной речевой культуры и носители литературного языка.

Диктумное содержание: рассказ о событиях, имевших место в прошлом, свидетелем которых был говорящий. С точки зрения коммуникативного прошлого, высказывания говорящего являются реактивными, а коммуникативное будущее в данном случае отсутствует, так как «запрограммированной» реакции подтверждения / опровержения от собеседников не поступило.

Формальные показатели жанра: вводно-модальные слова с семантикой гипотетичности. Неуверенность в достоверности передаваемой информации выражена говорящим посредством разных слов: *дискать*, *мо-*

жеть, наверное / наверно, поди, маркирующих наличие некоторого стороннего источника информации.

Таким образом, представляется правомерным выделение особых высказываний, служащих для передачи гипотез в русском языке. Они реализуются в речевом жанре предположения, который является сложным, информативным, обладающим собственными формальными показателями, строящимся и функционирующим по законам устноречевой коммуникации. Специфику формальных показателей этого жанра составляет наличие вводно-модальных слов и конструкций. Они в силу своей семантики позволяют разграничивать предположения, источником которых является чувственный опыт говорящего, и предположения, связанные с мыслительными процессами. Наиболее частотными в говоре являются: *наверное* – 74 употребления, *может* – 56 и *кажется* – 12 употреблений на 295 высказываний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ползунова М.В. «Объяснение в любви» как сложный речевой жанр: лексика, грамматика, прагматика : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 24 с.
2. Волошина С.В. Речевой жанр автобиографического рассказа в диалектной коммуникации : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2008. 184 с.
3. Карпова Н.А. Специфика речевого жанра административного объявления в русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2010. 196 с.
4. Дудкина Н.В. Речевой жанр «поздравление» в русской и американской лингвокультурах : дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2011. 219 с.
5. Горлова Г.Н. Светская беседа как речевой жанр русской культуры первой половины XIX века : дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2011. 228 с.
6. Рюмин Р.В. Социальная реклама как речевой жанр : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 158 с.
7. Демешкина Т.А. Жанровая типология диалектного высказывания (на материале языка личности) // Явление вариативности в языке. Кемерово, 1994. С. 21–25.
8. Демешкина Т.А. Жанровые формы диалектной речи (на материале языка личности) // Явление вариативности в языке. Кемерово, 1997. С. 122–129.
9. Гынгазова Л.Г. Жанр оценки в языке личности // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 40–49.
10. Гынгазова Л.Г. О речевом жанре воспоминания (на материале языка личности) // Актуальные направления функциональной лингвистики: материалы научной конференции «Языковая ситуация в России конца XX века». Томск, 2001. С. 167–174.
11. Гынгазова Л.Г. Ритуальные жанры в языке диалектной личности // Русский язык как средство реализации диалога культур. Хабаровск : Изд-во ХГТУ, 2005. С. 46–56.
12. Иванцова Е.В. Ритуал потчевания в традиционной народной культуре // Теоретические и прикладные аспекты филологии : сб. науч. тр., посвящ. 10-летию кафедры РЯЛ ИЯК ТПУ. Томск, 2004. С. 141–145.
13. Волошина С.В., Демешкина Т.А. Миромоделирующий потенциал речевого жанра (на материале диалектной речи) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 3 (19). С. 14–20.
14. Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. «Возможности» естественного языка и модальная логика // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М., 1990.
15. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1981–1984. Т. 3.
16. Шмелёва Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. Вып. 1. С. 92.
17. Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1997. 52 с.
18. Демешкина Т.А. Диалектное высказывание. Аспекты семантики. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 110–114.
19. Вершининский словарь / гл. ред. О.И. Блинова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 1–3.
20. Иванцова Е.В. Живая речь русских старожилов Сибири : сб. текстов. Томск, 2007.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 февраля 2014 г.

THE SPEECH GENRE OF ASSUMPTION IN DIALECT COMMUNICATION

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 18–21 DOI: 10.17223/15617793/381/3

Voronova Yevgeniya S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ves1989@mail.ru

Keywords: speech genre; dialect; assumption; image of author; image of addressee; formal parameters.

Modern linguists pay great attention to the study of interrelations of linguistic phenomena and the person. Currently the study of genres is one of the leading directions in the functional aspect of the language. There are many publications devoted to separate genres in Russian linguistics. This article proves the appropriateness of the separation of the speech genre of assumption in dialect communication, and provides its description according to the selected parameters. The study is carried out on the language material of the Russian Middle Ob region old timers' sub-dialects. The author analyses the main parameters of a speech genre: the communicative purpose, the image of the speaker, the image of the addressee, the dictum content and formal indicators. Examples of this speech genre are taken from dialect communication. Some semantic peculiarities of the assumption speech genre indicators have been noted. The semantic basis of separating the assumption speech genre can be defined as a guess, preliminary judgment about the object of speech, phenomenon, event, etc. The speech genre implies several different actions with the information: request or transfer, qualification of information according to the validity parameter. The speech genre of assumption is complex, informative and interlocutor-focused. It functions in oral speech, and can be spontaneous or provoked. The assumption is implemented in situations of natural everyday communication, its temporal correlation with events may be different. The assumption indicator is parenthetical and modal words and constructions in the structure of

the utterance. The speaker's communicative goal of using the considered speech genre is to express a guess about the events of the present, past, to make a preliminary judgment on the subject of speech. In most cases the author and the addressee are equal participants of the communication from the point of their social status and age. The assumption can be characterized by the different time perspective of the event. It is due to the fact that in a language situation one can speak about future and past events. The following set of assumption genre-forming means can be suggested: parenthetical and modal words and structures with the semantics of assumption, past and future tense forms of the verb. Assumptions are implemented in the speech genre of assumption, which is complex, informative, and has its own formal indicators, structure and functions according to the laws of oral communication. The specificity of the genre indicators is the presence of parenthetical and modal words and constructions, which allows differentiating assumptions built on the speaker's sensual experience from those related to the thinking processes due to their semantics.

REFERENCES

1. Polzunova M.V. "Ob'yasnenie v lyubvi" kak slozhnyy rechevoy zhanr: leksika, grammatika, pragmatika. Avtoref. dis. kand. filol. nauk ["Declaration of Love" as a complex speech genre: vocabulary, grammar, pragmatics. Abstract of Philol. Cand. Diss.]. Ekaterinburg, 2008. 24 p.
2. Voloshina S.V. *Rechevoy zhanr avtobiograficheskogo rasskaza v dialektnoy kommunikatsii*. Diss. kand. fil. nauk [The speech genre of the autobiographical narrative in dialect communication. Philol. Cand. Diss.]. Tomsk, 2008. 184 p.
3. Karpova N.A. *Spetsifika rechevogo zhanra administrativnogo ob'yavleniya v russkom yazyke*. Diss. kand. fil. nauk [Features of the speech genre of the administrative notice in the Russian language. Philol. Cand. Diss.]. Tomsk, 2010. 196 p.
4. Dudkina N.V. *Rechevoy zhanr "pozdravlenie" v russkoy i amerikanskoy lingvokul'turakh*. Diss. kand. fil. nauk [The speech genre "congratulation" in Russian and American linguocultures. Philol. Cand. Diss.]. Rostov-na-Donu, 2011. 219 p.
5. Gorlova G.N. *Svetskaya beseda kak rechevoy zhanr russkoy kul'tury pervoy poloviny XIX veka*. Diss. kand. fil. nauk [Small talk as a speech genre of the Russian culture in the first half of the 19th century. Philol. Cand. Diss.]. Astrakhan', 2011. 228 p.
6. Ryumin R.V. *Sotsial'naya reklama kak rechevoy zhanr*. Diss. kand. fil. nauk [Public service advertising as a speech genre. Philol. Cand. Diss.]. Tomsk, 2012. 158 p.
7. Demeshkina T.A. *Zhanrovaya tipologiya dialektного vyskazyvaniya (na materiale yazyka lichnosti)* [Genre typology of dialect utterances (by the language of a person)]. In: *Yavlenie variativnosti v yazyke* [The phenomenon of variation in the language]. Kemerovo, 1994, pp. 21-25.
8. Demeshkina T.A. *Zhanrovye formy dialektnoy rechi (na materiale yazyka lichnosti)* [Genre forms of dialect speech (by the language of a person)]. In: *Yavlenie variativnosti v yazyke* [The phenomenon of variation in the language]. Kemerovo, 1997, pp. 122-129.
9. Gyngazova L.G. *Zhanr otsenki v yazyke lichnosti* [Genre of evaluation in the language of a person]. In: *Problemy leksikografii, motivologii, derivatologii* [Problems of lexicography, motivology, word formation]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1998, pp. 40-49.
10. Gyngazova L.G. [On the speech genre of memoirs (by the language of a person)]. *Aktual'nye napravleniya funktsional'noy lingvistiky: materialy nauchnoy konferentsii "Yazykovaya situatsiya v Rossii kontsa XX veka"* [Topical areas of functional linguistics: Proc. of scientific conference "Language situation in Russia at the end of the 20th century"]. Tomsk, 2001, pp. 167-174.
11. Gyngazova L.G. *Ritual'nye zhanry v yazyke dialektnoy lichnosti* [Ritual genres in the language of a dialect speaker]. In: *Russkiy yazyk kak sredstvo realizatsii dialoga kul'tur* [The Russian language as a mediator in the dialogue of cultures]. Khabarovsk, Khabarovsk State Technical University Publ., 2005, pp. 46-56.
12. Ivantsova Ye.V. *Ritual potchevaniya v traditsionnoy narodnoy kul'ture* [The regaling ritual in the traditional folk culture]. In: *Teoreticheskie i prikladnye aspekty filologii: Sb. nauch. tr.* [Theoretical and applied aspects of philology. Collection of scientific papers]. Tomsk, 2004, pp. 141-145.
13. Voloshina S.V., Demeshkina T.A. World modelling potential of speech genre in dialect speech. *Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2012, no. 3 (19), pp. 14-20. (In Russian)
14. Bulygina T.V., Shmelev A.D. "Vozmozhnosti" estestvennogo yazyka i modal'naya logika [The potential of the natural language and modal logic]. In: *Voprosy kibernetiki. Yazyk logiki i logika yazyka* [Problems of Cybernetics. Language of logic and logic of language]. Moscow, 1990.
15. Evgenyeva A.P. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t.* [Dictionary of the Russian Language. In 4 vols.]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1981–1984.
16. Shmeleva T.V. [Model of speech genre]. *Zhanry rechi* [Speech genres], Saratov, 1997, Issue 1, p. 92. (In Russian)
17. Gol'din V.E. *Teoreticheskie problemy kommunikativnoy dialektologii*. Avtoref. dis. d-ra filol. nauk [Theoretical problems of communicative dialectology. Abstract of Philol. Doct. Diss.]. Saratov, 1997. 52 p.
18. Demeshkina T.A. *Teoriya dialektного vyskazyvaniya. Aspekty semantiki* [The theory of the dialect utterance. Aspects of semantics]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2000, pp. 110-114.
19. Blinova O.I. (ed.) *Vershininskiy slovar'* [The Vershininsky Dictionary]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1998. Vols. 1-3.
20. Ivantsova Ye.V. *Zhivaya rech' russkikh starozhilov Sibiri: Sb. tekstov* [Live speech of the old timers of Siberia. Collected texts]. Tomsk, 2007, p. 75.

«ВОЕННАЯ ЖИЗНЬ ГЕНЕРАЛА-ЛЕЙТЕНАНТА ДОРОХОВА» И «ВОЙНА И МИР» Л.Н. ТОЛСТОГО: ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ ОБРАЗА ФЕДОРА ДОЛОХОВА

В качестве опорного источника рассматривается ранее не привлекавшая внимания исследователей рукопись «Военная жизнь генерала-лейтенанта Дорохова», принадлежащая перу Руфина Ивановича Дорохова и хранящаяся в фонде рукописей, старопечатных и редких изданий Национальной библиотеки Республики Беларусь. Существенная концептуальная близость исследуемого рукописного документа тексту толстовского произведения и его претекстам позволяет включить «Военную жизнь генерала-лейтенанта Дорохова» в круг «фоновых» типологических параллелей одной из главных биографических историй романа – линии Долохова, пополнить круг прототипов героя еще одним историческим лицом – Иваном Александровичем Дороховым.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой; персонаж; прототипы; рукопись; военная биография.

Историческое мышление Толстого в романе «Война и мир» остро актуализирует вопрос о выяснении источников как аналитической логики писателя, так и самих образов героев произведения, нередко имеющих правдоподобные прототипические корни. Особенно интересна в этом отношении фигура Федора Долохова, стянувшая к себе сразу несколько реально-биографических сюжетов.

В комментарии к роману «Война и мир» Б.И. Кандиев пишет о нескольких вероятных прототипах толстовского героя: «В создании его писатель использовал ряд источников: семейные предания о своем дальнем родственнике Федоре Ивановиче Толстом, которого он лично знал; сведения о прославленном на Кавказе храбреце, офицере Р.И. Дорохове, также знакомом Толстому, и источники об известном партизане 1812 г. Фигнере» [1. С. 12]. А. Петровский в комментарии к дневникам Толстого также отмечает характерную множественность прототипов: «...образ Долохова не сразу дался Толстому. В черновых рукописях можно проследить колебания между чертами Федора Толстого-Американца, увековеченного Грибоедовым (“В Камчатку сослан был, вернулся алеутом”), и партизана А.С. Фигнера» [2. С. 90]. Прототипу Долохова Толстому-Американцу и его влиянию на толстовский нарратив посвящены исследования Т.Н. Архангельской [3]. Между тем кавказский знакомый Толстого Руфин Иванович Дорохов продолжает считаться в науке одним из возможных, наряду с Ф.И. Толстым-Американцем и А.С. Фигнером, вдохновителей образа Долохова, который «воспринимается как дублер Дорохова, наделенный автором фрагментами его биографии и характера» [4. С. 88].

Особый интерес проблеме прототипов персонажей великого толстовского романа придают письменные свидетельства исторических фигур, привычно ассоциирующихся с Долоховым, которые, предстывая в качестве «документов эпохи», оказываются в сложных отношениях с текстом «Войны и мира», выступая в качестве дополнительных слагаемых его контекста. Так, обращает на себя внимание достаточно обширное литературное наследие Руфина Ивановича Дорохова (он был включен в энциклопедию «Русские писатели» [5. С. 158–159]), в числе произведений которого есть хранящаяся ныне в отделе рукописей, старопечатных и

редких изданий Национальной библиотеки Республики Беларусь книга, озаглавленная «Военная жизнь генерала-лейтенанта Дорохова» [6]. Документ датирован 1850 г., он представляет собой писарскую копию биографического текста объемом 216 страниц, написанного Р.И. Дороховым о его отце Иване Александровиче. Ранее документ был частью фонда генерал-лейтенанта Федора Ивановича Паскевича: рукопись содержит посвящение Паскевичу и приложения с военными донесениями и письмами И.А. Дорохова. Насколько нам известно, до настоящего момента этот текст в науке о Толстом специально не рассматривался.

Несмотря на то что личность И.А. Дорохова находилась в поле зрения Толстого (в разделах романа эпопеи, посвященных партизанской войне, последний появляется несколько раз под своим настоящим именем (см., например: [7. Т. 12. С. 106])), вопрос о знакомстве романиста с данной рукописью в период работы над «Войной и миром» является дискуссионным. Впрочем, полностью исключать такую возможность нельзя: Толстой был знаком и с Р.И. Дороховым, и с Ф.И. Паскевичем. Любопытно и то, что жена Ф.И. Паскевича Ирина Ивановна, в девичестве Воронцова-Дашкова, перевела на французский язык несколько произведений Толстого, в том числе «Войну и мир». Немаловажно отметить, что И.А. Дорохов был земляком Толстого, и его биография могла быть известна писателю из разных источников. Мы бы хотели прежде всего обратить внимание на сходство отдельных мотивов и, шире говоря, повествовательных решений, к которым прибег автор документа, с текстом «Войны и мира», сходство, обусловленное закономерностями нарративизации исторического события в середине XIX в. и, в частности, осмыслением Отечественной войны 1812 г.

Начнем с совпадений в персонажной структуре, с одной стороны, привлеченного нами рукописного документа и, с другой – произведений Толстого, непосредственно предшествовавших «Войне и миру». Ситуация, при которой возможными прототипами одновременно становятся и отец, и сын, довольно любопытна и отсылает нас к повести Л.Н. Толстого «Два гусара» (1856), героями которой как раз и являются отец и сын Турбины. П. Громов назвал это раннее произведение первым подходом к взятию большой темы, раскрывшейся позже в «Войне и мире» [8. С. 135].

Действительно, широкий историко-событийный зачин повести явно не соответствует ее небольшому размеру. Обычно литературоведы (П. Громов, Т.Н. Архангельская) отмечают близость образа Турбина-отца Толстому-Американцу, причем семантические характеристики этого толстовского героя, по мнению исследователей, предвосхищают в перспективе Долохова «Войны и мира». С.И. Розанова же отмечает близость биографических описаний Р.И. Дорохова как Долохову, так и персонажу «Двух гусаров»: «Феномен Дорохова художнически исследован в “великой книге” глубже, разносторонней, чем аналогичный феномен в повести “Два гусара”. “Станный, привлекательный, наглый” Долохов, получивший от прототипа свои родовые черты, интерпретируется автором в контексте времени, в недрах которого в начале столетия сформировался тип “странный” индивидуальности, несущей в себе доброе и злое, горячность и хладнокровие, ум и безрассудство, сентиментальность и жестокость, героическое и преступное, тип эпохальный и исчезнувший» [4. С. 88].

Сопоставляя Турбиных с Дороховыми, автором и героем рукописи «Военная жизнь генерал-лейтенанта Дорохова», можно выявить любопытные сходства, однако заданная в повести Толстого главная антитеза *отец – сын*, в рамках которой отец воплощает в себе удаль поколения победителей Наполеона, а сын предстает лишь жалкой пародией на отца, не находит в привлекаемом нами рукописном источнике соответствий: оба Дороховых (с поправкой на время) – личности яркие и героические. Толстой создает свои тексты под «эпическим», всеохватным углом зрения, ему важно увидеть поколение крымского поражения вообще, а Дорохов пишет семейную историю, подводит биографию отца непосредственно к себе. В автобиографическом нарративе естественным образом «включается» энергия самооправдания, в толстовском же тексте налицо противоположная установка – суда, приговора (отсюда в перспективе и морализм – суд уже и над самим собой). Автобиографический нарратив Толстого в будущем – это «Исповедь», а дороховская же военная биография – текст семейный, написанный со сглаживающей, идеализирующей точки зрения; нравственный императив здесь дан лишь как история служения, отсюда акцент на подвигах и пр. Одним из прототипов Турбина-отца и Долохова являлся двоюродный дед писателя, Толстой-Американец, потому «семейное» отношение к этим персонажам можно заметить, но в целом толстовскому взгляду присуще более генерализирующее, «над-стоящее» видение, которое способно выделить и слабые стороны, и даже иногда нечто «наполеоническое», иррационально присутствующее в русском герое Отечественной войны.

Неуместность таких персонажей, романтических эксцентриков, в мирное время наглядно видна на примере биографии Руфина Дорохова, о котором А.В. Дружинин (показательно, что – в книге о Лермонтове) заметил: «Живи он в двенадцатом году, при широкой дороге для военного разгула и дисциплине, ослабленной необходимостью, его прославили бы...» [9. С. 380]. В мирной ситуации его таланты применимы были только на Кавказе, о котором толстовский герой «Рубки леса» Болхов (отметим созвучность фамилий)

сказал: «В России ведь существует престранное предание про Кавказ, <...> будто это какая-то обетованная земля для всякого рода несчастных людей» [7. Т. 3. С. 54].

С парностью персонажей «Двух гусар» соотносится не только параллель двух Дороховых, старшего и младшего, но также аналогичная связь Паскевичей, один из которых (адресат посвящения рукописи), Ф.И. Паскевич, был, как и Руфин Дорохов, сыном прославленного героя Ивана Федоровича Паскевича. Любопытно, что дата смерти его отца, И.Ф. Паскевича (20 января 1856 г.), близка по времени началу работы Толстого над повестью «Два гусара», которая писалась в марте – апреле 1856 г., но могла быть задумана ранее. Некоторые факты биографии отца-Паскевича также продуктивно соотносятся и с дороховскими характеристиками, особенно в свете их «персидского ореола»: Долохова после удачных персидских походов называют «персиянином», Паскевич же получил за персидскую кампанию графский титул и звучную добавку к фамилии: «Эриванский», которые унаследовал и его сын. Имя Паскевича встречается в толстовских текстах неоднократно, причем в числе этих упоминаний (отметим, в частности, черновики повести «За что?») есть и негативные, в которых писатель третирует «ограниченного, грубого солдата Паскевича» [Там же. Т. 42. С. 503].

В рукописи, повествующей о военных подвигах генерал-лейтенанта Дорохова, обнаруживаются некоторые сюжеты, перекликающиеся с мотивной структурой образа Долохова. Повторим: маловероятно, что Толстой был знаком с написанными Р.И. Дороховым воспоминаниями об отце, но в устной форме история генерал-лейтенанта могла быть знакома писателю, и речь скорее должна идти о единстве поведенческих моделей, близости жизнестроительных сюжетов, положенных в основу разнообразных автобиографических памятников эпохи. Становление толстовских принципов нарратива проходило в близком знакомстве с этим блоком источников.

Любопытно, что реальный «жизнетекст» генерала-лейтенанта Дорохова оказывается каноничнее, идеальнее, чем близкий ему романтически-неоднозначный вариант жизни толстовского героя. В исследуемой рукописи Иван Александрович Дорохов представлен исключительно с положительной стороны. Его «жизне война», «военная жизнь» содержит только подвиги. Даже отступление засчитывается за подвиг:

«Во все время отступления, продолжавшегося беспрерывно десять суток, потеря авангарда Дорохова состояла только в 6ти убитых и 18ти раненных, и в оставлении по разным местам с небольшим 30ти человек, не могущих по болезни и усталости. Отступление это, поставившее Дорохова высоко в мнениях Императора Александра и обоих Главнокомандующих, нельзя не почитать одним из замечательнейших подвигов» [6. Л. 33 об. – 34].

Дорохов – сирота, и его успехи в продвижении по службе согласно рукописи – всецело результат его личной храбрости и верности в служении Отечеству на военном поприще:

«Оставшись сиротой, Иван Семенович, 30 октября 1783 года поступил в Артиллерийский и Инженерный: / ныне 2й кадетский корпус» [Там же. Л. 2].

По открытию в 1787 г. военных с турками действий, Смоленский полк находился под Врашиловым. Здесь Дорохов был в первый раз в огне, командуя охотниками. Храбрость, оказанная им при этом случае, обратила на него внимание не только ближайших начальников, но даже самого князя Потемкина, заступившего на место Румянцева [Там же. Л. 2 об.].

Не имея порока тщеславия, Дорохов более всего дорожил военной своею известностью. Однажды казачий офицер донес Бенигсену, будто бы Дорохов, находящийся с отрядом на Боровской дороге, отрезан и окружен неприятелем. Приняв это за обвинение в оплошности, Дорохов требовал исследования в несправедливом обвинении его и заключил рапорт свой следующими словами: «кто с чистою совестью перед Богом, государем и отечеством без всякой протекции, в продолжении 27 лет под пулями приобретал себе репутацию, тому и тень пятна на его чести тяжелее самой смерти!». Фельдмаршал князь Кутузов, письмом от 20 сентября, поспешил успокоить Дорохова, заверяя его, что неосторожная ошибка казачьего офицера не может иметь никакого влияния на то уважение, которое столь отличный Генерал заслужил в Армии своею опытностью... [Там же. Л. 75 об.].

Храбрость и полезность Дорохова неоднократно подчеркивается: Барон Бенигсен в военном свидетельстве писал: «Изюмовского Гусарского полка шеф генерал-майор Дорохов, сверх отличной храбрости, расторопности и неустрашимости, оказанных им в разных сражениях минувшей противу французов кампании...» [6. Л. 21 об.]. Качества эти делают Дорохова человеком, способным повести за собой отряд в случае смерти командира: «...пред самым рвом командир батальона Зыбин был убит. Дорохов принял начальство над батальоном, своеручно убил несколько неприятельских солдат и удержался на валу» [6. Л. 17 об. – 18], эти же качества позволяют ему становиться героем военных анекдотов: «В одной из атак ранен он был в левую руку пулею навывлет; подчиненные и некоторые товарищи тщетно уговаривали его перевязать рану: “стоит ли русскому думать о царапине в руке, когда надобно отстаивать честь отечества”» [Там же. Л. 40 об. – 41].

Главный герой «Военной жизни генерала-лейтенанта Дорохова» изображается как внимательный начальник и тонкий стратег:

«Дорохов хотел было ту же минуту идти обратно к Воложину и отбить его у французов, но чрезмерная усталость людей, изнурившихся семидневными форсированными маршами, принудила это намерение до следующего дня» [6. Л. 32 об.], только необыкновенное присутствие духа, опытность и отвага начальника, дивное мужество и безусловное усердие подчиненных могли спасти отряд этот от гибели, и даже не позволить неприятелю, отовсюду его окружавшему, отхватить ни одного орудия, ни малейшей части обоза! [6. Л. 34 об.].

Но есть в его характеристиках и некоторая двойственность, связанная с дерзостью.

В военное время деятельный, неутомимый, но всегда осторожный, никогда не вдавался он слепо в опасность, а не однажды доказывал на опыте, что искусные отступления можно приобрести больше пользы и сла-

вы, чем безрассудною отвагою... Подобная осторожность тем более удивляла в Дорохове, что он в бою отважен был до дерзости, а в минуты вспыльчивости не мог воздержаться себя ни на словах, ни на письме. Один из любивших Дорохова начальников, получивший от него рапорт, которым имел право быть недоволен, обнимая его на следующий день за победу сказал ему «Любезный Иван Семенович. Авангардного начальника и партизана осторожнее, неусыпнее, храбрее и рассудительнее, храбрее и рассудительнее Вас быть не может, но осмотрительнее в переписке, я думаю, найти не трудно» [Там же. Л. 73–73 об.].

Интересен зафиксированный в рукописи «личный вклад» героя в победу над Наполеоном, подчеркивающий значимость Дорохова в Отечественной войне:

Наполеон, встревоженный нападением Дорохова на пути его сообщений, выслал против него отряд генерала Ламюзе [Там же. Л. 47].

Когда через два дня неприятельские войска стали ежечасно умножаться на калужской дороге, прозорливый, опытный Дорохов, имевший безошибочный взгляд на военные движения, первый проник замыслы Наполеона... [Там же. Л. 61 об.].

«Таким образом, в полной мере оправдалось соображение Дорохова, что Наполеон хочет через Калугу прорваться в плодородные наши губернии. Дорохов донес о сем князю Кутузову и, получи повеление, спешит к Малоярославцу, где и держатся, пока не прибудет туда вся Армия из Тарутина... Вскоре появились войска Наполеона и подошла наша Армия, закипел упорный бой, и неизвестный дотоле городок сделался историческим, как пункт, на котором рушились последние надежды гордого Завоевателя. Несколько раз переходил Малоярославец из рук в руки; с обеих сторон истощены были все усилия самоотвержения; но наконец Наполеон, убедившись в невозможности пробиться на Калугу, отступил с полчищами своими и обратился на тот же разоренный им Смоленский путь, которым шел он к Москве и на котором в последствии погибла вся его Армия. В этом знаменитом бою, положившем основание спасению нашего отечества, Дорохов сражался в самом городе» [Там же. Л. 63 об. – 64].

Когда разнесся слух в главной квартире Армии, что рана Дорохова смертельна, Светлейший Князь Кутузов послал сказать ему: «неприятель бежит; Южная Россия обязана ему <Дорохову> обороною – и если уж неизбежно – он может умереть спокойно [Там же. Л. 65–65 об.].

Внешние характеристики И.А. Дорохова во многом перекликаются с описанием Долохова в «Войне и мире». О Дорохове: «...голос имел громкий, ясный, речь важную; в обществе любил больше молчать, и потому казался задумчивым; в кругу же семейства, товарищей и приятелей был чрезвычайно любезен; требовал неограниченного к себе доверия от друзей своих, и сам им платил тем же... Известный в армии за отличного ездока, он вместе с тем был одним из лучших в России стрелков из ружья и пистолета» [Там же. Л. 72 об. – 73]. Долохов представлен Толстым как отличный стрелок, обладатель ясного и громкого голоса, упоминания о котором встречаются неоднократно. Храбрость и дерзость являются значимыми характеристиками Долохова, как и двойственность по отношению к людям близким и всему остальному обществу.

В черновиках «Войны и мира» Долохов объявляет о своем желании убить Наполеона, что перекликается с легендами о военной биографии А.С. Фигнера, но также может быть связано с особенной ролью И.А. Дорохова в завершении войны: см. диалог Долохова с Кутузовым накануне Бородинского сражения: «И ежели вашей светлости нужно человека, который бы пошел в неприятельскую армию убить Бонапарта, то я готов быть таким» [7. Т. 16. С. 101].

Легендарность деяний, оставленная долгая память в обществе – черты как самого толстовского персонажа, так и всех его прототипов: Ф.И. Толстого-Американца, А.С. Фигнера, Р.И. Дорохова. Александр Иванович Дорохов также обладал посмертной славой: «Еще в 1831 г., в войну с польскими мятежниками, слыхали, как старые усачи Изюмцы желая похвалить в бою молодого гусара, говорили: “тебе сказал бы спасибо и И Дорохов”» [6. Л. 76].

Долохов, как и И.А. Дорохов, часто меняет место службы и должность, но это не планомерное движение вверх, а кривая линия, прерываемая постоянными разжалованиями: офицер; разжалованный; солдат; вновь офицер; советник персидского шаха; командир отряда партизан.

Однако некоторые аспекты жизни Долохова помещают его – при прочих равных условиях (ранение персонажа в руку и смерть командира, открывающая возможность самим командовать отрядом) – на другой полюс относительно этической позиции, занимаемой Дороховым. Так, Долохов отнюдь не является внимательным начальником для своих подчиненных – его наполеоновское кредо «цель оправдывает средство» оказывается в романе причиной гибели людей (что в толстовском тексте ассоциируется с Наполеоном («Наполеоновское» начало в образе Долохова рассмотрено В.Г. Одиновым [10]), на глазах которого также гибнут в воде польские гусары). Вспомним сцену переправы через плотину Аугеста во время австрийской кампании 1805 г., когда Долохов, «раненный в руку, пешком, с десятком солдат своей роты (он был уже офицер), и его полковой командир, верхом, представляли из себя остатки всего полка» [7. Т. 9. С. 354]. Герой решительно командует солдатам оставить узкую плотину и вступить на тонкий осенний лед («Сворачивай! – закричал он, подпрыгивая по льду, который трещал под ним, – сворачивай! – кричал он на оружие. – Держит!...» [7. Т. 9. С. 355]). Однако «лед, державший пеших, рухнул огромным куском, и человек сорок, бывших на льду, бросились кто вперед, кто

назад, потопляя один другого» [Там же. Т. 9. С. 355]. Очевидно, что данный эпизод предвосхищает знаменитую сцену с Наполеоном и польскими гусарами.

Примечательно, что вне войны герои такого типа нам фактически не показаны: Долохов всегда вносит хаос даже в мирные эпизоды, И.А. Дорохов в перерывах между войнами согласно рукописи как будто вообще не действует. «Уход» рассматриваемых образов тесно связан с завершением военных действий. Дорохов умирает медленно, как умирает на страницах «Войны и мира» Кутузов, ощутивший свою ненужность. Рана, полученная Дороховым, конечно, сыграла здесь свою роль, но кажется более мифологичной – как рана Ахиллеса: «В минуту атаки ранен он был в левую ногу, пулею, которая ударив в плюсну, прошла навывлет около пятки. Тяжкая рана эта не только удалила Дорохова с поля битвы, но разлучила его навсегда с поприщем военной славы, сделавшись чрез два года причиною преждевременной его кончины» [6. Л. 74 об.]. Долохов же совершенно пропадает со страниц «Войны и мира» вместе с окончанием войны.

Задумывая образ Долохова, Толстой задействует тот способ обработки исторического материала, о котором проникательно писал Ю.М. Лотман. Так, внедренные в художественный образ Тушина фрагменты биографии А.В. Суворова проливают свет на алгоритм конструирования образов целого ряда иных персонажей романа-эпопеи: «Герой Толстого, конечно, не портрет Суворова. Толстой сделал нечто большее. Он как бы подверг реальное историческое лицо художественному изучению и извлек из него то, что в образе Суворова, по мнению Толстого, связано было с народностью. Показательно, что Толстой ввел своего героя в обстановку заграничных походов, а не Отечественной войны 1812 года. Суворов был человеком другой эпохи; для Отечественной войны Толстому нужен был Кутузов. Характерно, что те настроения <...>, которые Толстой дает своим героям на Бородинском поле, в образе Тушина отсутствуют» [11. С. 282–283]. Долохов – образ настолько сложный, что Толстому для его определения понадобилось несколько ярких исторических прототипов. В этом смысле военная биография генерал-лейтенанта И.А. Дорохова, очевидно, не входила в давно и хорошо известный круг источников, освещавших подвиги героев эпохи начала XIX столетия. Тем важнее обнаруженная нами существенная концептуальная близость малоизвестного рукописного документа к главной в русской литературе художественной версии Отечественной войны – роману Толстого «Война и мир».

ЛИТЕРАТУРА

1. Кандиев Б.И. Роман-эпопея Л.Н. Толстого «Война и мир». Комментарий. М.: Просвещение, 1967. 390 с.
2. Толстой Л.Н. Дневник 1864–1865 гг. / Публ. А. Петровского // Литературное наследство. Т. 37–38, кн. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 89–102.
3. Архангельская Т.Н. «На свете нравственным загадка». Ф.И. Толстой-Американец: страницы жизни. Тула: Ясная поляна, 2010. 188 с.
4. Розанова С.И. Лев Толстой и пушкинская Россия. М.: Флинта; Наука, 2000. 285 с.
5. Лосицкий И.А. Дорохов // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Г–К / гл. ред. П.А. Николаев. М.: Большая Российская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 158–159.
6. Дорохов Р.И. «Военная жизнь генерала-лейтенанта Дорохова» [рукопись] – 1850. Отдел рукописей, старопечатных и редких изданий Национальной библиотеки Республики Беларусь. Ед. хр. 091/207.
7. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. (Юбилейное). М.: ГИХЛ, 1928–1958. Т. 3, 10–12, 42.
8. Громов П.П. О стиле Льва Толстого: «Диалектика души» в «Войне и мире». Л.: Худ. лит., 1977. 484 с.

9. М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и прим. М.И. Гиллельсона, В.А. Мануйлова. М. : Худож. лит., 1964. 583 с.
10. Одинокое В.Г. Поэтика романов Л.Н. Толстого. Новосибирск : Наука, 1978. 160 с.
11. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). 2-е изд., доп. СПб. : Искусство-СПб., 2011. 413 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 3 февраля 2014 г.

THE MILITARY LIFE OF LIEUTENANT-GENERAL DOROKHOV AND WAR AND PEACE BY LEO TOLSTOY: HISTORICAL AND BIOGRAPHICAL PARALLELS OF THE IMAGE OF FYODOR DOLOKHOV

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 22-26 DOI: 10.17223/15617793/381/4

Gevel Olga Ye. Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: olyagevel@mail.ru

Keywords: Leo Tolstoy; character; prototypes; handwritten document; military biography.

The prime aim of the article was to expand the field of historical parallels and prototypes for Fyodor Dolokhov, one of the prominent characters in the narrative structure of Tolstoy's novel *War and Peace*. As one of the basic sources we attracted the manuscript titled *The Military Life of Lieutenant-General Dorokhov*. Having been written in the 19th century by Rufin Ivanovich Dorokhov and now kept in the Division of Manuscripts of the National Library of Belarus, it has never been studied by Tolstoy researchers. Rufin Dorokhov is recognized by the literary scholars as one of the main Dolokhov's prototypes. However, the biography of his father Ivan Alexandrovich, written by Rufin, allowed us to trace a number of significant plot and motif coincidences with Tolstoy's oeuvre. These very observations in turn helped us to conclude that Dolokhov as a character is deeply rooted in historical and cultural context of the early 19th century – regardless the fact whether Tolstoy read and used Dorokhov's family chronicle while composing the source base for his greatest novel. The life of Ivan Alexandrovich, the hero of the Patriotic War against Napoleon in 1812, is compared with Tolstoy's story *The Two Hussars*, whose protagonists – father and son – immediately recall the association with the Dorokhov family. The motif equivalences and characteristics of both the *War and Peace* personage Fyodor Dolokhov and Dorokhov, the protagonist of the military biography, are analyzed. The differences in the author's position are traced along with the general comparison of the two texts: while Tolstoy creates an ethically ambiguous image of Dolokhov, Rufin Dorokhov on the contrary idealizes his father whose life finally becomes similar to the paragons of military hagiography of the past. The mechanism of incorporation of true historical details within the structure of the literary image revealed by Yuri Lotman and applied by this scholar to another *War and Peace* character, captain Tushin, is used in the course of the analysis of Fyodor Dolokhov's literary image. The significant conceptual affinity of the studied manuscript to the Tolstoy's novel with its pretexts eventually allowed us to place *The Military Life of Lieutenant-General Dorokhov* within the circle of the "background" typological parallels to the "Dolokhov's plot" – one of the most remarkable biographical lines of *War and Peace*, as well as to supply the prototypes and historical "reflections" of this character with yet another persona – Ivan Alexandrovich Dorokhov.

REFERENCES

1. Kandiev B.I. *Roman-epopeya L.N. Tolstogo "Voyna i mir"*. Kommentariy [L.N. Tolstoy's epic novel *War and Peace*. A commentary]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1967. 390 p.
2. Tolstoy L.N. [The diary of 1864-1865]. *Literaturnoye naslediyе* [Literary Heritage]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1939, vols. 37-38, book 2, pp. 89-102.
3. Arkhangel'skaya T.N. "Na svete nravstvennom zagadka". F.I. Tolstoy-Amerikanets: stranitsy zhizni ["A puzzle for the moral society" F.I. Tolstoy, an American: pages of life]. Tula, Yasnaya polyana Publ., 2010. 188 p.
4. Rozanova S.I. *Lev Tolstoy i pushkinskaya Rossiya* [Leo Tolstoy and Pushkin Russia]. Moscow, Flinta-Nauka Publ., 2000. 285 p.
5. Losievskiy I.Ya. Dorokhov [Dorokhov]. In: Nikolaev P.A. (ed.) *Russkie pisateli. 1800 – 1917. Biograficheskiy slovar'. Г-К* [Russian writers. 1800-1917. Biographical Dictionary. Г-К]. Moscow, Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya Publ., 1992. Vol. 2, pp. 158-159.
6. Dorokhov R.I. "Voennaya zhizn' Generala-Leytenanta Dorokhova" [manuscript] [The Military Life of Lieutenant-General Dorokhov. A manuscript]. 1850. *Department of Manuscripts and Rare and Precious Books of the National Library of Belarus*. Item 091/207.
7. Tolstoy L.N. Poln. sobr. soch.: v 90 t. [Complete Works. In 90 vols.]. Moscow, GIKhL Publ., 1928-1958. Vols. 3, 10-12, 42.
8. Gromov P.P. *O stile L'va Tolstogo: "Dialektika dushi" v "Voynе i mire"* [On the style of Leo Tolstoy: "The Dialectics of Soul" in *War and Peace*]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1977. 484 p.
9. M. Yu. Lermontov v vospominaniyakh sovremennikov [M. Lermontov in the memoirs of the contemporaries]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1964. 583 p.
10. Odiokov V.G. *Poetika romanov L. N. Tolstogo* [Poetics of novels by Leo Tolstoy]. Novosibirsk, Nauka. Sibirskoe otd. Publ., 1978. 160 p.
11. Lotman Yu.M. *Besedy o russkoy kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII- nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture: life and traditions of the Russian nobility (the 18th – early 19th centuries)]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb. Publ., 2011. 413 p.

СИСТЕМНО-СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ФАМИЛИЙ ТОМСКОГО УЕЗДА XVII в. (ЛЕКСИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ»)

Статья посвящена изучению фамилий жителей Томского уезда XVII в. в системно-структурном аспекте. Исходя из значений доономастических основ антропонимов нехристианского происхождения, выделяется лексическое поле «Имена собственные» с частными микрополями «Топонимы», «Этнонимы», «Личные имена»; исследуется структура этих антропонимов, которая в целом представлена теми же словообразовательными средствами, что и в общерусских фамилиях. Рассмотрев семантику и структуру фамилий, входящих в лексическое поле «Имена собственные», можно получить некоторую историко-культурную информацию. Фамилии хранят в себе информацию об истории заселения края: в Томск переселялись жители Центральной России, других сибирских острогов, иностранцы. Выделенные микрополя позволяют говорить и о репрезентации концепта «Свой – Чужой», который на данном материале реализуется во второй своей части через слова, называющие «чужаков», – пришельцев из других городов и стран.

Ключевые слова: фамилии; антропонимы; личные имена; топонимы; этнонимы; Томский уезд XVII в.

Исследование антропонимов является актуальной задачей современной лингвистики с ее антропоцентрическим подходом. Имена собственные, в частности фамилии, являются неотъемлемой частью языка и духовной культуры народа, их создавшего. Возникшие в далеком прошлом, они хранят в себе ценную информацию как лингвистического, так и культурного плана. В отличие от нарицательных слов, которые быстро реагируют на изменения в разных сферах общественной жизни, имена собственные, созданные на определенном этапе исторического развития общества, «консервируют» в себе систему взглядов и оценок социума. Поэтому анализ имен собственных продуктивен при изучении картины мира определенного временного отрезка. Антропонимы как слова, называющие именно человека, важны при изучении его языкового образа, поскольку при номинации в качестве мотива именования в первую очередь выступают важные, выдающиеся особенности человека. Кроме того, имена собственные, образованные от апеллятивов, называющих реалии окружающего мира (природы, быта, социальных отношений и т.д.), являются основой для реконструкции картины мира определенного исторического отрезка времени. Антропонимы как лексические единицы являются источником лингвистической информации о диалектных, устаревших, утраченных лексемах, об особенностях словообразования, о моделях именования человека.

Целью данной работы является системно-структурный с элементами историко-культурного анализ фамилий XVII в.

Объектом исследования являются фамилии, образованные от топонимов, этнонимов и личных имен нехристианского происхождения, зафиксированные в деловых документах Томского уезда XVII в.

В статье продолжается изучение сибирских фамилий XVII в., начатое профессорами Томского государственного университета В.В. Палагиной [1], Л.А. Захаровой [2]. Новизна настоящего исследования обусловлена тем, что в научный оборот вовлекается новый, ранее не изучавшийся материал памятников сибирского делового письма XVII в., проанализированный в структурном и историко-культурном аспектах.

В основу исследования положен предложенный А.В. Суперанской [3. С. 19–20] для изучения собствен-

ных имен метод выделения лексических полей, с которыми соотносятся реконструированные апеллятивы, с целью моделирования фрагмента языковой картины мира и выявления историко-культурной информации. Во многих случаях в основе антропонима лежит многозначное слово, все его лексико-семантические варианты разнесены в соответствующие лексические поля.

В данной статье рассмотрено лексическое поле «Имена собственные». Название полю дано условно, поскольку оно включает в себя не только онимы, но и слова, образованные от них (например, *Вологдин* – от *‘Вологда’* и *Вологжанин* – от *‘вологжанин’*). Лексическое поле «Имена собственные» делится на микрополя «Топонимы», «Этнонимы», «Личные имена», «Имена мифологических существ». К микрополю «Топонимы» отнесены антропонимы, образованные не только от собственно топонимов (именования городов, деревень, рек, озер и т.п.), но и от названий жителей этих мест. К микрополю «Этнонимы» относятся именования лица по этническому признаку (в данной работе поддерживается взгляд В.А. Никонова [4. С. 5], который относил этнонимы к классу имен собственных, в отличие, например, от А.В. Суперанской [5. С. 205–206], которая относала их к именам нарицательным), к микрополю «Личные имена» – фамильные прозвания, образованные от личных имен нехристианского происхождения. Для выявления этимологии фамилий были использованы, в первую очередь, словари антропонимов. При отсутствии в них искомого антропонима использовались общерусские и диалектные словари. В таких случаях применялся метод реконструкции лексических основ антропонимов: от фамилии отсекается антропонимический формант и восстанавливается исходный апеллятив. Рассмотренные фамильные прозвания образованы от прозвищ или личных имен, которые, в свою очередь, произошли от апеллятивов / имен собственных. При этимологизации антропонимов в данной статье мы опускаем стадию прозвищ и сразу указываем производящий апеллятив / имя собственное.

Лексическое поле «Имена собственные»:

1. Микрополе «Топонимы»: *Астраханец, Астраханец, Астраханцев* – от *астраханец* – выходец из Астрахани [6]; *Белослудец, Белослудцов* – от *белослудец* – выходец из населенного пункта Белая Слуда на р. Северная Двина [7]; *Бельский* – от *бельский* – выхо-

дец из Бельска [6] (населенные пункты с таким названием есть на Украине, в Белоруссии, Польше (Belsk) [8]); **Бжицкий** – от бжицкой – выходец из польского городка Bzite [Там же]; **Битюков** – от Битюг – название реки в Воронежской губернии [9]; **Бобровский**, **Бобровской** – от бобровский, бобровской – выходец из Боброва (Воронежская область), Бобровского (Свердловская область) [Там же]; **Брянченин** – от брянченин – житель Брянска [6]; **Великосельский** – от великосельский – выходец из д. Великое Село [6]; **Верхотурец**, **Верхотурцев** – от верхотурец – выходец из Верхотурья (Свердловская область) [10]; **Вилежанин**, **Вилеженин** – от вилежанин – человек, приехавший с р. Виледи (притока р. Вычегды) [7]; **Владимирец**, **Володимирец** – от владимирец, володимирец – выходец из Владимира [6]; **Вычегжанин** – от вычегжанин – житель берегов р. Вычегда [7]; **Вятка**, **Вяткин** – от Вятка – название города [11]; **Вятченин** – от вятченин – выходец из г. Вятка [Там же]; **Галиченин** – от галиченин – выходец из г. Галич [12]; **Годлевский**, **Готлевский** – от годлевский – выходец из Годлева (селение в Литве) [13]; г. Годлево в Польше [8]; **Двинянин** – от двинянин – выходец с р. Двины [14]; **Едловский** – от едловский – выходец из г. Едлов в Польше [8]; **Ергольский** – от ергольский – выходец с берегов р. Ерга [6]; **Казанец**, **Казанцев**, **Казанцов**, **Козанцев** – от казанец, козанец – выходец из г. Казань [6]; **Кайгородец**, **Кайгородов** – от кайгородец, Кай-городок – город на Верхней Каме [7]; **Каргополец** – от каргополец – выходец из Каргополя [6]; **Козлитин** – от козлитин – выходец из г. Козельск [Там же]; **Кокшар** – от кокшар – выходец из местности по р. Кокшенге [7]; **Коланец** – от коланец – выходец из г. Кола Муромской области [9]; **Кокоревский** – от кокоревский – выходец из Кокоревки (Брянской области) [Там же]; **Кондинский** – от кондинский – выходец из Кондинского (Курганская область) [Там же]; **Костромитин**, **Костромитинов** – от костромитин – выходец из г. Кострома [6]; **Лалетин** – от лалетин – выходец из г. Лальска [11]; **Мангазея** – от Мангазея – русский город XVII в. на Севере Западной Сибири, на р. Таз [15]; **Мезенец** – от мезенец – житель берегов р. Мезень, впадающей в Белое море [13]; **Москвитин** – от москвитин – выходец из г. Москва [16. Т. 13]; **Мосальский** – от мосальский – выходец из Мосальска [6]; **Нарымец** – от нарымец – выходец из Нарыма [9]; **Пенеженин** – от пенеженин – выходец из местности на р. Пинега (приток р. Северной Двины) [14]; **Перемитин**, **Пермитин** – от перемитин, пермитин – выходец из г. Пермь [11]; **Поморцев** – от поморец – тот, кто живет на берегу моря; житель Поморья [17. Т. 17]; **Свяженин** – от свяженин – выходец с берегов р. Свяга [6]; **Тарской** – от тарской – выходец из г. Тара (Омская область) [9]; **Тобольский** – от тобольский – выходец из г. Тобольск [Там же]; **Тюменец**, **Тюменцов** – от тюменец – выходец из г. Тюмень [Там же]; **Умансков** – от уманский – выходец из г. Умань в Черкасской области [13]; **Черкашенин**, **Черкашенинов** – от черкашенин – выходец из г. Черкассы [12].

Структура фамилий лексического микрополя «топонимы». Рассмотренное микрополе представлено несколькими словообразовательными моделями, которые расположены в порядке частотности:

1) антропонимы на -ский / -ской / -цкий / -цкой:

Бельский, Бжицкой, Бобровский, Бобровской, Бруцкой, Бруцкой, Валишевский, Великосельский, Вильской, Едловский, Ергольский, Мосальский, Суховольский, Тарской, Теплинской, Тобольский (Тобольск + -ский, наложение основ), Тюменский и др. Как отмечается многими исследователями [4. С. 105; 18. С. 166;], фамилии на -ский / -цкий, -ской / -цкой чаще всего образованы от географических названий. Топонимы, лежащие в основе таких фамилий, являются названиями родовых владений, поместий, городов или регионов, рек, озер и т.п., а также могут обозначать место рождения, местожительство или народность того лица, который носит подобную фамилию. Однако, соглашаясь с Б.О. Унбегауном [6. С. 234], нельзя отрицать и возможность образования фамилий с этими суффиксами от крестильных имен или фамилий на -ов / -ев, -ин, а не от названий местности. Так, например, фамилии *Бобровский, Кокоревский, Кондинский* могли быть образованы как от географических названий, так и от антропонимов на -ов / -ев, -ин, которые, в свою очередь, образованы от прозвищ *Бобр, Кокорь, Конда*.

По данной модели «топоним + -ский / -цкий, -ской / -цкой» образовывались фамилии как русского, так и нерусского происхождения, а именно фамилии украинского, белорусского, польского дворянства. Установить, каково происхождение той или иной фамилии, довольно трудно, а порой невозможно. Среди томских антропонимов с данными суффиксами нам встретились фамилии, образованные от географических названий России, а также от названий украинских (*Бельский*), польских (*Бжицкой, Едловский*) географических объектов.

Встретилось также несколько фамилий, произошедших от формы на -ский, но дополнительно оформленные еще и суффиксом -ов: *Готлевсков* (при наличии формы *Годлевский*), *Умансков* и др.

2) антропонимы на -ец / -цев / -цов:

-ец	-цев / -цов
Астраханец, Астараханец	Астраханцев
Белослудец	Белослудцов
Верхотурец	Верхотурцев
Владимирец, Володимирец	–
Казанец	Казанцев, Казанцов, Козанцев
Кайгородец	–
Каргополец	–
Колмогорец	–
Мезенец	–
Нарымец	–
Новгородец, Ноугородец	–
–	Поморцев
–	–
Тюменец	Тюменцов

Антропонимы этой группы образованы от прозвищ на -ец, которые обозначают жителей каких-либо городов. Как видно из таблицы, не все антропонимы оформлены фамильным суффиксом.

3) антропонимы на -анин / -янин, -енин(ов): *Вилежанин, Вычегжанин, Брянченин, Вилеженин, Вятченин, Галиченин, Пенеженин, Свяженин, Черкашенин, Черкашенинов* и др. Антропонимы данной группы произошли из апеллятивов на -анин / -янин / -енин, которые обозначают жителей того или иного города, села, деревни, а также выходцев из какой-то местности (в данном случае – с берегов рек Пинеги, Свяги). Ти-

пичным для таких наименований является суффикс -анин / -янин, а появление суффикса -енин «может отражать севернорусское изменение *a* в *e* между палатализованными согласными» [6. С. 108]. Антропонимы данной группы в целом еще не оформлены фамильным суффиксом -ов (кроме антропонима *Черкашенинов*), что говорит о прозвищном характере этих именований, которые, однако, были необходимы для точной идентификации лица.

4) антропонимы на -итин (ов), -етин: *Козлитин, Костромитин, Костромитинов, Лалетин, Москвитин, Перемитин, Пермитин* и др. Не оформленные фамильными суффиксами (кроме *Костромитинов*) данные антропонимы образованы от древних названий жителей городов с суффиксом -итин.

5) антропонимы на -ин, образованные от названий городов, сел, рек женского и среднего рода: *Вяткин, Лутовин, Лутовинин, Пичерин* и др.

6) антропонимы на -ов / -ев, образованные от названий городов, сел, рек мужского и среднего рода единственного или множественного числа: *Битюков, Песков (Пески), Сыолов (р. Сысола), Чепелев (с. Чепель)* и др.

7) бессуффиксные фамилии, образованные от названий рек, городов и других географических объектов: *Вятка, Кинозер, Колмогор, Коломна, Краснояр, Мангазея* и др.

2. Микрополе «Этнонимы»: **Аргунов** – от аргун – родо-племенная группа касимовских татар [12]; **Гречанин, Гречанинов, Греченин** – от грек, гречанин [16. Т. 5]; **Гузинов** – от гуз – название тюркской народности [19]; **Зирианин, Зыринин, Зырянов** – от зырянин, зырянин, зыряне – угро-финское племя [6]; **Каратаев** – от каратай – этническая группировка (мордва) в Поволжье [11]; **Колмак** – от колмак, калмык – название народа [6]; **Корела, Корелин** – от корела – представитель народности финно-угорской группы, житель Карелии [16. Т. 10]; **Корсаков** – от корсак – представитель племени, живущего по берегам Каспийского моря (Астр.) [20. Т. 14]; **Литвин** – от литвин – именование по этнической принадлежности; так могли прозвать не только литовцев, но и украинцев, белорусов, жителей западных русских территорий (Смоленщины) [11]; **Мещерин, Мещеряк** – от мещера, мещерин, мещеряк – представитель тюркизированного угро-финского племени мещера [6]; **Монгулин, Мунгал, Мунгалев, Мунголин, Мунголь** – от монгол, мунгал – могол – народность, живущая в восточной Сибири [16. Т. 12]; **Немчин** – от немчин, немец – приезжий западноевропеец (не только из Германии) [17. Т. 11]; **Пермяков** – от пермяк – представитель финно-угорского племени Перми [6]; **Поляков** – от поляк – название этноса [6]; **Русинов** – от русин – русский [17. Т. 22]; **Сартаков** – от сартак – представитель тюркского племени сартов [13]; **Цыганов** – от цыган – представитель этноса цыган [6].

Структура фамилий микрополя «Этнонимы»:

1) наиболее многочисленной является группа **антропонимы, образованные с помощью стандартных патронимических суффиксов -ов / -ев** (наиболее многочисленная): *Аргунов, Гречанинов, Гузинов, Зырянов, Каратаев, Карсагалов, Корсаков, Мунгалев, Поляков, Русинов, Цыганов, Сартаков, Черкасов*. В основах ан-

тропонимов данной группы лежат существительные мужского рода единственного или множественного числа, называющие представителей племен, народов. Антропонимы *Гречанинов, Русинов* образованы от апеллятивов, оформленных суффиксом -ин со значением единичности; фамилии *Пермяков, Поляков* – от апеллятивов с суффиксом -як, также обладающим значением единичности; фамилия *Зырянов* – от существительного мужского рода множественного числа (зыряне + -ов). Остальные антропонимы образованы от слов, не оформленных специфическими суффиксами.

2) антропонимы, не оформленные фамильным суффиксом: *Гречанин, Греченин, Зирианин, Зыринин, Колмак, Корела, Литвин, Мещеряк, Мунгал, Мунголь, Немчин*. Эти слова представляют собой фамильные прозвания или прозвища, которые образованы от названий представителей тех или иных народностей, племен. Основами таких антропонимов, как *Гречанин, Греченин, Зирианин, Зыринин, Литвин, Мещеряк, Немчин* являются существительные с суффиксами -анин / -янин, -енин, -ин, -як, которые обладают значением единичности: «представитель племени, один из». Антропонимы *Колмак, Корела, Мунгал, Мунголь* являются производными от существительных – названий племен без каких-либо специфических суффиксов.

3) антропонимы на -ин: *Корелин, Монгулин, Мунголин*.

3. Микрополе «Личные нехристианские имена»:

1) древнерусского происхождения [21]: **Аргунов** – от Аргун; **Болтин** – от Болта; **Бардин** – от Барда; **Береза, Березкин, Берескин** – от Береза; **Букин** – от Бука; **Вятка, Вяткин** – от Вятка; **Зирианин, Зыринин, Зырянов** – от Зырян; **Казанец, Казанцев, Казанцов, Козанцев** – от Казанец; **Каргополец** – от Каргопол, Каргополец; **Кокшар** – от Кокшар; **Колмак** – от Калмык; **Корела, Корелин** – от Корела; **Корсаков** – от Корсак; **Кошечев** – от Кошей; **Лалетин** – от Лалетин; **Литвин** – от Литвин; **Москвитин** – от Москвитин; **Перемитин, Пермитин** – от Пермитин; **Пермяков** – от Пермяк; **Поляков** – от Поляк; **Поморцев** – от Поморец; **Русинов** – от Русин; **Свияженин** – от Свияжанин; **Черкасов** – от Черкас.

2) тюркского происхождения: **Бахметов** – от Бахмет – татарское личное имя («Богатый») [11]; **Болтин** – от Болта – тюркское личное имя («Топор») [13]; **Каратаев** – от Каратай – тюркское личное имя («Черный жеребенок») [11]; **Муратов** – от Мурат – тюркское имя, от арабского ‘мурад’ («желание», «цель») [13]; **Осанов** – от Асан – тюркское личное имя («Красивый») [11]; **Саламатов** – от Саламат – тюркское личное имя («Благополучие», «Невредимость») [7]; **Чаадаев** – от Чагатай – тюркское личное имя («Храбрый», «Честный», «Искренний») [11]; **Шеринов, Ширинов** – от Ширин – персидское личное имя («Сладкий», «Прелестный», «Прекрасный») [22]; **Шериханов, Шериханов** – от Шерихан, Шерихан – тюркское личное имя (шир – «лев», хан – «правитель») [7];

3) польского происхождения: **Кашпиров** – от Кашпер, Каспер – польское личное имя (из перс. «казначей») [8].

Структура фамилий микрополя «Личные нехристианские имена»: **а) антропонимы, образованные от основ личных имен с помощью суффикса -ов /**

-ев: *Аргунов, Бардаков, Бахметов, Болтин, Зырянов, Казанцев, Казанцов, Козанцев, Каратаев, Кашипов, Корсаков, Муратов, Осанов, Пермяков, Поляков, По-морцев, Русинов, Саламатов. Чаадаев, Черкасов, Шериханов, Шериханов, Шеринов, Ширинов; б) антропонимы, образованные от основ личных имен с помощью суффикса -ин:* *Болтин, Бардин, Березкин, Берескин, Букин, Вяткин, Зиянин, Зыренин, Корелин; в) антропонимы, не оформленные фамильным суффиксом:* *Береза, Вятка, Казанец, Каргополец, Кокшар, Колмак, Корела, Лалетин, Литвин, Перемитин, Пермитин, Москвитин, Свяженин.*

Рассмотрев семантику и структуру фамилий, входящих в лексическое поле «Имена собственные», можно получить некоторую историко-культурную информацию. Фамилии, образованные от топонимов или слов, называющих человека по месту жительства, хранят в себе информацию об истории заселения края. В деловых документах фиксировалось имя прибывшего из другого региона человека с обязательным указанием на место выхода. Это указание могло быть оформлено как поясняющий контекст (например, *Максимка сын Поилов – родом Устюга Великого*), могло входить в состав именования человека (например, *Васька Офонасьев сын Верхотурец*), а могло входить и в состав именования, и в поясняющий контекст (например, *Василий Путимцев – отец Иван родом Путимля после разорения пришел*). Проанализировав прозвания, которые указывают на место выхода переселенцев, мы можем восстановить историю заселения сибирских острогов в XVII в. В них приезжали из городов европейской части России, **с севера:** Вологды (*Вологдин, Вологжанин, Вологженин*), с берегов Северной Двины (*Белослудец, Белослудцов*) и ее притоков (*Вилеженин, Вычегжанин*); **с юга:** из Орловской области (*Галиченин*), Брянска (*Брянченин*), Вязьмы (*Вязмитин*), Астрахани (*Астраханец, Астараханец, Астраханцев*); **из среднерусских городов**, например, из Владимира (*Владимирец, Володимирец*). В Томск приезжали из Уральского региона (*Верхотурец, Верхотурцев*), из сибирских городов (*Мангазея, Нарымец, Тобольский, Тарской, Тюмелец*). Кроме приезжих из русских городов, в Томск прибывали выходцы из Украины, Польши.

Информацию о составе населения можно также получить при анализе антропонимов, образованных от этнонимов – названий лиц по этнической принадлежности. В фамилиях зафиксированы, в основном, названия представителей коренных племен, национальностей, проживавших на территории Российского государства (*Зиянин (Зыренин, Зырянов), Каратаев, Корела (Корелин), Корсаков, Черкасов*); также встречаются фамилии, в основе которых лежат названия представителей европейских народов (*Гречанин (Гречанинов), Греченин, Литвин, Немчин, Поляков*); тюркских народностей (*Аргунов, Гузинов, Карсагалов, Сартаков*).

Довольно большое количество фамилий образовано от личных имен нерусского, в основном тюркского происхождения, что объясняется своеобразием исторического развития Российского государства и длительными контактами русских и тюркских народов. Кроме того, многие сибирские остроги были построены на землях, где изначально проживали местные тюркские племена. Так, например, Томский острог был построен по повелению московского царя после того, как «в 1604 году князь еуштинских татар Тоян подал царю челобитную, где просил принять еуштинцев в русское подданство и предлагал построить город на Томи для защиты земель от набегов степных кочевников (киргизов, калмыков, чатов и др.)» [23]. На одной территории проживали представители разных народов, культур, языков, что не могло не сказаться на антропонимах.

Таким образом, топонимы и топонимические названия, этнонимы и личные нехристианские имена дают нам представление о составе населения рассматриваемых сибирских острогов XVII в.: в основном это представители русской национальности, прибывшие из различных мест Российского государства. Эти данные подтверждают выводы, сделанные В.В. Палагиной: «Уже с момента основания Томска в составе его постоянного населения были не только севернорусы, но и москвичи, и южнорусы» [24. С. 61]. Также это представители тюркских и иных народностей; представители «литвы» – служилых людей украинского, польского и другого происхождения.

Лексическое поле «Имена собственные», в которое входят слова, послужившие ономастическими основами, представляет фрагмент языковой картины мира, отражая такой концепт, как «Свой – Чужой», который в данном материале реализуется во второй своей части через слова, называющие «чужаков», пришельцев из других городов, стран. По наблюдениям Ю.С. Степанова, «это противопоставление, в разных видах, пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [25. С. 126]. Самоопределение народа начинается с момента «осознания некоторой группой людей самой себя как “своих” в отличие от “чужих”» [Там же. С. 128]. Сибирские остроги, построенные в XVII в., не были местами традиционного проживания русского населения, это были вновь осваиваемые территории, куда приезжали представители разных сословий из многих городов не только Российского государства, но и других стран. В связи с этим наименования, данные по месту выхода человека, хорошо выполняли дифференцирующую функцию. Но кроме этого, наличие таких антропонимов свидетельствует о том, что в народном менталитете присутствует идея деления на «своих» и «чужих», даже если «свои» стали таковыми не так давно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Палагина В.В. Русские антропонимы XVII века как источник информации о диалектном составе населения (на материале томских документов XVII века) // Вопросы изучения лексики русских народных говоров (диалектная лексика): сб. ст. 1971. Л., 1972. С. 83–91.
2. Захарова Л.А. Антропонимы жителей острогов Томского разряда XVII – начала XVIII вв.: диалектный и национальный состав, структура // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009. № 3 (7). С. 5–17.
3. Супранская А.В. Теоретические проблемы ономастики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1974. 48 с.

4. Никонов В.А. Этнография имен / под ред. В.А. Никонова, Г.Г. Стратановича. М. : Наука, 1971. 262 с.
5. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М. : Наука, 1973. 365 с.
6. Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М. : Прогресс, 1989. 443 с.
7. Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. Пермь : Книжный мир, 2005. 462 с.
8. Rymut K. Nazwiska polaków. Słownik historyczno-etymologiczny : w 2 t. Krakow, 1999. T. 1. 504 с.
9. Атлас мира. М. : Федеральная служба геодезии и картографии России: ОНИКС, 2000. 448 с., ил.
10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 1978–1980. Т. 1–4.
11. Ганжина И.М. Словарь современных русских фамилий. М. : АСТ Астрель, 2001. 672 с.
12. Королёва И.А. Словарь имён Смоленского края. Смоленск : СГПУ, 2006. 368 с.
13. Федосюк Ю.А. Русские фамилии. М. : Русские словари, 1996. 220 с.
14. Кюришнова И.А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб. : Дмитрий Буланин, 2010. 672 с.
15. Большая Советская энциклопедия : в 30 т. / под ред. А.М. Прохорова. М. : Сов. энциклопедия, 1974. Т. 15. 631 с.
16. Словарь русского языка XVIII в. : в 15 т. / гл. ред. Ю.С. Сорокин. Л. : СПб., 1984–2005.
17. Словарь русского языка XI–XVII вв. : в 28 т. / гл. ред. В.Г. Бархударов, Е.А. Державина. М. : Наука, 1975–2008.
18. Суперанская А.В., Суслова А.В. О русских фамилиях. М., 2010. 284 с.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М. : АСТ Астрель, 2004. Т. 1. 588 с.
20. Словарь русских народных говоров : в 39 т. / Ф.П. Филин [и др.]. М. ; Л. : Наука, 1965–2005.
21. Тушиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имён. М. : Русский путь, 2004. 890 с.
22. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М. : Наука, 1979. 279 с.
23. Емельянов Н.Ф. Город Томск в феодальную эпоху. Томск, 1984. 223 с.
24. В.В. Палагина: годы и труды / под ред. Л.А. Захаровой [и др.]. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 368 с.
25. Степанов Ю.С. Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Академический Проспект, 2001. 990 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 февраля 2014 г.

THE SYSTEM AND STRUCTURE ANALYSIS OF 17TH-CENTURY TOMSK UEZD FAMILY NAMES (LEXICAL FIELD "PROPER NAMES")

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 27-32 DOI: 10.17223/15617793/381/5

Konyuk Anastasia V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Nastya_konyuk@mail.ru

Keywords: surnames; anthroponyms; proper names; toponyms; ethnonyms; Tomsk uезд (district) of 17 century.

Anthroponyms are good data to study both the language and culture of the people who created them. Their analysis provides information about the language of the era when the name was formed, cultural contacts of the people, social relations and features of their thinking. This paper offers the research of the origin of non-Christian family names of 17th-century Tomsk uезд (district) inhabitants in the system-structural aspect with elements of historical and cultural analysis. As part of the analysis language information of a proper name is studied: the meaning of the stems of last names, their structure (onomastics formants). On the basis of the meaning of pre-onomastic anthroponyms of non-Christian origin the lexical field "Proper Names" is defined with microfields "Place Names" (Belosludtsov, Vyatkin, Kazantsev, Kostromitinov), "Ethnonyms" (Argunov, Grechaninov, Zyrenin, Permyakov, Rusinov, Tsyganov), "Personal Names": a) of ancient Russian origin (Boltin, Bereza, Koshcheev), b) of Turkic origin (Bakhmetov, Muratov, Osanov), c) of Polish origin (Kashpirov). The structure of anthroponyms is represented by the same word-formation means as in Russian surnames in general: the dominant formants are *-sky /-skoy /-tsky /-tskoy, -ov /-ev, -in*. In addition, a significant part of anthroponyms is not formed by family suffixes. Having examined the structure and semantics of the names of the lexical field "Proper Names", one can get some historical and cultural information about the history of settlement of the region: people from Central Russia moved to Tomsk from the north (Vologdin, Vilezhanin), south (Astrakhansev, Bryanchenin, Galichenin), from Central Russia (Volodimirets, Novgorodets), the Urals (Verkhoturtev) from other Siberian burghs (Tobolsky, Tyumenets, Narymets). Anthroponyms formed from ethnonyms indicate the multinational population of Tomsk district, represented both by Russian and indigenous peoples of the Russian state: Zyrians, Karelians, Corsacs, Circassians, and others (Zyrianov, Korelov, Korsakov, Cherkasov), as well as by foreigners: Poles, Lithuanians, Greeks, and others (Polyakov, Litvin, Grechaninov). A large number of names of Turkish origin testify to the close proximity and cohabitation of Russian and Turkic peoples. The microfields allow to speak about the representation of the concept "Mine – Other", which in this material is realized in its second part ("Other") in the words naming "outsiders" – people from other cities and countries.

REFERENCES

1. Palagina V.V. *Russkie antroponimy XVII veka kak istochnik informatsii o dialektnom sostave naseleniya (na materiale Tomskikh dokumentov XVII veka)* [Russian anthroponyms of the 17th century as a source of information about the dialect structure of the population (by Tomsk documents of the 17th century)]. In: *Voprosy izucheniya leksiki russkikh narodnykh govorov (dialektnaya leksika)* [Problems of studying the vocabulary of Russian folk dialects (dialect vocabulary)]. Leningrad, 1972, pp. 83-91.
2. Zakharova L.A. Anthroponyms of 17 – beginning 18 centuries of Tomsk district stockaded town inhabitants: dialectal and national composition, structure. *Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2009, no. 3 (7), pp. 5–17.
3. Superanskaya A.V. *Teoreticheskie problemy onomastiki*: avtoref. dis. dokt. filol. nauk [Theoretical problems of onomastics. Abstract of Philol. Doct. Diss.]. Leningrad, 1974. 48 p.
4. Nikonov V.A. *Etnografiya imen* [Name ethnography]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 262 p.
5. Superanskaya A.V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [The general theory of the proper name]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 365 p.
6. Unbegaun B.O. *Russkie familii* [Russian surnames]. Moscow, Progress Publ., 1989. 443 p.
7. Polyakova E.N. *Slovar' permских фамилий* [The Dictionary of Perm Surnames]. Perm', Knizhnyy mir Publ., 2005. 462 p.
8. Rymut K. *Nazwiska polaków. Słownik historyczno-etymologiczny*: w 2 t. Krakow, 1999. Vol. 1, 504 p.
9. *Atlas mira* [Atlas of the World]. Moscow, Federal'naya sluzhba geodezii i kartografii Rossii: ONIKS Publ., 2000. 448 p.
10. Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*: v 4 t. [The Explanatory Dictionary of the Living Russian Language. In 4 vols.]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1978-1980. Vol. 1-4.

11. Ganzhina I.M. *Slovar' sovremennykh russkikh familiy* [The Dictionary of Contemporary Russian Surnames]. Moscow, AST: Astrel' Publ., 2001. 672 p.
12. Koroleva I.A. *Slovar' familiy Smolenskogo kraya* [The Dictionary of Surnames of Smolensk Region]. Smolensk, SGPU Publ., 2006. 368 p.
13. Fedosyuk Yu.A. *Russkie familii* [Russian Surnames]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1996. 220 p.
14. Kyurshunova I.A. *Slovar' nekalendarnykh lichnykh imen, prozvishch i famil'nykh prozvaniiy Severo-Zapadnoy Rusi XV–XVII vv.* [The Dictionary of Non-Calendar Personal Names, Nicknames and Family Names in Northwest Rus' of the 15th – 17th centuries]. Saint-Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2010. 672 p.
15. Prokhorov A.M. (ed.) *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya: v 30 t.* [The Great Soviet Encyclopedia. In 30 vols.]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1974. Vol.15, 631 p.
16. Sorokin Yu.S. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka XVIII v.: v 15 t.* [Dictionary of the 17th-century Russian language. In 15 vols.]. St. Petersburg, 1984–2005.
17. Barkhudarov V.G., Derzhavina E.A. (eds.) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.: v 28 t.* [The Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th centuries. In 28 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1975–2008.
18. Superanskaya A.V., Suslova A.V. *O russkikh familiyakh* [On Russian surnames]. Moscow, 2010. 284 p.
19. Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [The Etymological Dictionary of the Russian Language. In 4 vols.]. Moscow, AST Astrel' Publ., 2004. Vol. 1, 588 p.
20. Filin F.P. et al. (eds.) *Slovar' russkikh narodnykh govorov: v 39 t.* [The Dictionary of Russian Vernaculars. In 39 vols.]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965–2005.
21. Tupikov N.M. *Slovar' drevnerusskikh lichnykh imen* [The Dictionary of Old Russian Proper Names]. Moscow, Russkiy put' Publ., 2004. 890 p.
22. Baskakov N.A. *Russkie familii tyurkskogo proiskhozhdeniya* [Russian surnames of Turkic origin]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 279 p.
23. Emel'yanov N.F. *Gorod Tomsk v feodal'nyu epokhu* [Tomsk in the feudal era]. Tomsk, 1984. 223 p.
24. Zakharova L.A. et al. (eds.) *V.V. Palagina: gody i trudy* [V.V. Palagina: Years and works]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2007. 368 p.
25. Stepanov Yu.S. *Slovar' russkoy kul'tury* [A Dictionary of Russian culture]. Moscow, Akademicheskii Prospekt Publ., 2001. 990 p.

ЛИТЕРАТУРНАЯ БИОГРАФИЯ П.П. ЕРШОВА В МАТЕРИАЛАХ «ТОБОЛЬСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

Рассматривается роль газеты «Тобольские губернские ведомости» в создании литературной репутации П.П. Ершова. Ершовская тема находит отражение в публикациях произведений поэта, памятных статей и стихотворений местных сочинителей в честь прославленного земляка. Последовательно «Тобольские губернские ведомости» (ТобГВ) наряду со столичными журналами и биографическими воспоминаниями А.К. Ярославцова, М.С. Знаменского принимают участие в мифологизации личности и деятельности П.П. Ершова, отводя ему место первого поэта Сибири. Усилиями корреспондентов ТобГВ образ автора одной сказки, загубленного таланта превращается в фигуру активного просветителя и мудрого педагога.

Ключевые слова: Ершов; «Тобольские губернские ведомости»; литературная биография Ершова; литературная репутация; литература Сибири.

За все время существования «Тобольских губернских ведомостей» ершовская тема лишь изредка находила отражение на их страницах. Редакция ТобГВ не ставила задачи освещать литературную жизнь региона. Уделяя большее внимание реконструкции сибирской истории, наполняя газету символическими именами исторических личностей (Ермак, Матвей Гагарин, Филофей Лещинский и др.), «среди современников “Ведомости” не видят или не смеют видеть тех, кто со временем, пожалуй что, и затмит героев прошлого» [1. С. 54]. Действительно, «губернская шкала ценностей особого рода: здесь Николай Степанович Пиленков затмевает своего неудачливого племянника Петра Павловича Ершова», «Ф.М. Достоевский – только “политический преступник”, которому “дарованы некоторые права по происхождению”, П.А. Словцов – “член попечительного о тюрьмах комитета”, П.П. Ершов – коллежский советник, цензор неофициальной части “Тобольских губернских ведомостей”, один из многих кавалеров ордена Станислава, получивший его всего лишь за “выслугу лет”» [Там же].

При всем при том имя П.П. Ершова является знакомым для Тобольска и поэтому не могло не попасть на страницы «Губернских ведомостей». Но в первые годы издания газеты упоминания о Ершове-художнике совсем не встречаются. В это время П.П. Ершов сам исполнял обязанности цензора и редактора неофициальной части и потому не имел возможности печататься в местной газете. Этот факт подчеркивает Ю.Л. Мандрика, ссылаясь на «Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г.»: в соответствии с распоряжением от 6 апреля 1848 г. цензор не должен участвовать в редакции периодических изданий [2. С. 229].

Однако известно, что в конце 1850-х гг. Ершов публиковался в столице. В 1857 г. в «Живописном сборнике замечательных предметов из наук, искусств, промышленности и общежития», издаваемом А. Плюшаром и В. Генкелем, выходят «Осенние вечера» [3]. Небольшая пьеса «Кузнец Базим, или Изворотливость бедняка» напечатана в «Сборнике литературных статей, посвященных русским писателям памяти покойного книгопродавца-издателя Александра Филипповича Смирдина» [4]. Почти одновременно с «Кузнецом Базимом» в журнале А. Плюшара «Весельчак» выходит в свет подписанная тремя звездочками небольшая поэма «Нос» с подзаголовком «Лиро-эпическое произведение,

исполненное поэзии и философии» [5. С. 127–128]. Комментируя эту ситуацию, Н.М. Ядринцев писал: «Удивительно, что пребывание Ершова, просвещеннейшего литератора, с 1836 по 1869 г., ничем не выразилось в местной печати» [6. С. 369].

В конце 1850 – начале 1860-х гг. имя Ершова появляется на страницах официальной части газеты «Тобольские губернские ведомости» в связи с награждениями и перемещениями по службе. Газета сообщает о деятельности Ершова-чиновника: в 1857 г. он определен членом Совета по учебной части [7. С. 54], в 1861 г. награжден орденом Святого Станислава [8. С. 26], в 1863 г. уволен из Совета Тобольской женской школы [9. С. 11].

В неофициальной части губернской газеты за 1857–1858 гг. имя Ершова можно встретить только в подписи большинства номеров: «Печатать позволено. Рассматривал неофициальную часть ведомостей, Директор училищ *Ершов*», «Печатать позволено. Цензор, Директор училищ *Ершов*». В № 40 (1 октября) ТобГВ за 1858 г. в последний раз появляется его цензорская подпись. По мнению Т.П. Савченковой, в это же время заканчивается журналистская работа П.П. Ершова в тобольской газете, результатом которой было появление ряда статей на тему культурной жизни, образования и просвещения Сибири, написанных под псевдонимами Житель Тобольска, Любитель, Тобольский житель [10. С. 149–150].

После завершения сотрудничества П.П. Ершова с газетой целое десятилетие вплоть до 1868 г. «ершовская тема» не находила отражения в публикациях неофициальной части. Этот факт был отмечен В.Г. Утковым: «...среди фамилий тоболяков, принимавших участие в различных официальных собраниях, вечерах и т.п., сведения о которых опубликованы в “Тобольских ГВ” с 1862 по 1869 год, нигде не встречается фамилия Ершов» [5. С. 137]. Данное замечание не совсем точно: Ершов упоминается в списке благотворителей литературно-музыкального вечера, проведенного в 1863 г. [11. С. 351]. По мысли В.Г. Уткова, события жизни поэта способствовали такому затишью. В это время П.П. Ершов отстранился от чиновничьего круга, общественных мероприятий, последние годы провел в окружении семейства, уйдя в религию, переживая материальные трудности и страдая от болезни.

В 1869 г. П.П. Ершов посчитал долгом откликнуться на выдающееся событие – посещение Тобольской

губернии великим князем Владимиром Александровичем в июле 1868 г., написав приветственные стихи великому князю и заблаговременно направив их высокому адресату в Омск. Стихи были приняты благосклонно: «Когда великий князь доехал до Тобольска и встретился с Ершовым, то почва для милостивого общения была уже подготовлена» [12. С. 132]. Программа пребывания августейшего гостя в Тобольске включала и осмотр гимназии в присутствии ее бывшего директора.

«Тобольские губернские ведомости» от 27 июля 1868 г. сообщали о посещении Владимиром Александровичем губернской гимназии: «Здесь же представлен был великому князю г. генерал-губернатором бывший директор Тобольской гимназии Ершов, которого его высочество благодарил за поднесенное ему в г. Омске стихотворение, сказавши, что читал его с наслаждением, причем выразил сожаление, что в настоящее время известной его сказки “Конек-Горбунок” нет в продаже, на что г. Ершов объяснил, что готовится новое издание её» [13. С. 158–159].

Стихотворение Ершова, заслужившее одобрение августейшего адресата, не было своевременно опубликовано в местной периодике. Оно было напечатано лишь после смерти автора в подготовленном А.К. Ярославцовым «биографическом воспоминании» о своем университетском товарище. К.В. Ратников полагает, что причины этого связаны не с внутривредакционной политикой губернской прессы, а скорее с обстоятельствами личной биографии самого Ершова. Ко времени написания стихотворного приветствия «Его императорскому высочеству великому князю Владимиру Александровичу на случай прибытия его в Западную Сибирь», ставшего последним поэтическим произведением Ершова, поэт был уже тяжело болен водянкой, от которой и умер спустя год с небольшим, 18 августа 1868 г. Физические силы истощались, у Ершова не оставалось уже ни возможности, ни желания хлопотать о публикации своего стихотворения [12. С. 132].

Представляя собой традиционный по жанровой форме панегирик в честь особы императорского дома, стихотворение Ершова примечательно, прежде всего, выражением искренней радости от осуществления давнишних надежд на благотворные реформы в жизни страны:

И всё, что видел я как будто райский сон,
И всё, чего желал душою восхищенной,
Всё то уже свершил посланник неба, он,
Державный твой отец, на благо полвселенной!

[14. С. 341–342].

Автобиографические мотивы отчетливее звучат в центральных строках стихотворения, где чередуются мотивы верноподданнической любви и увядания жизненных и творческих сил:

Теперь, на склоне дней, слабеющей рукой
Я вновь беру перо, с слезой в глазах нежданной,
Чтобы приветствовать, в стране моей родной,
Тебя, высокий гость, и твой приход желанной.
Но взор пытающий напрасно смотрит вдаль,
Его ослабила тяжелой жизни битва;
И смутно видится грядущего скрижаль;
И вещей речи нет, — одна в устах молитва

[Там же].

Так, в жанр панегирической оды входят мотивы иного жанра — элегии, более свойственного лирике П.П. Ершова. По мнению К.В. Ратникова, письма Ершова предшествующих лет к друзьям и родным объясняют причины отхода поэта от литературного труда, свидетельствуя не только о материальных трудностях, но и о его идейном неприятии резко критического направления литературного процесса 1860-х гг. В подтверждение исследователь приводит цитаты из ершовских писем этого времени: «Играть на лире, — выражаясь словами прежних поэтов — очень хорошо под безоблачным небом, когда над головою сень яблони, с которой яблоки сами падают в рот. А тут до пения ли, когда не знаешь, чем извернуться месяц на скудной пенсии с громадой ребят» (В.Я. Стефановскому, тюменскому окружному начальнику. Январь 1865); «Приходит иногда желание перебраться в Питер или в Москву, чтобы к своей пенсии приложить еще лепту от литературных трудов. Но вспомнив о нынешнем безалаберном направлении, с которым я никак не только не могу сойтись, но даже и примириться, я поневоле остаюсь, как рак на мели, в сибирской трущобе» (Треборну. 23 января 1865) (цит. по: [12. С. 133]).

Хотя стихотворение «Его императорскому высочеству великому князю Владимиру Александровичу на случай прибытия его в Западную Сибирь» так и не было опубликовано в ТобГВ, газета отметила знаменательное событие 1868 г., соединив на страницах «Тобольских губернских ведомостей» имена великого князя и замечательного поэта.

В 1869 г. официальная печать откликнулась на смерть П.П. Ершова. В № 36 неофициальной части ТобГВ за 1869 г. А. Панкевич печатает стихотворение «После кончины Петра Павловича Ершова». В знак уважения к литературной и общественной деятельности поэта редакция газеты позволяет поместить на страницах губернского издания поэтическое произведение, написанное в память о знаменитом земляке. В стихотворении находит отражение взгляд автора на историю жизни художника, дается оценка человеческих достоинств Ершова и его творческих достижений, освещаются события похорон. А. Панкевич напоминает читателю губернской газеты о значимых моментах биографии П.П. Ершова, сделав ее основой для сюжета:

Недавно наш Тобольск лишился
Того, кто в нем родился, жил,
Того, кем край наш так гордился,
Кого народ весь так любил

[15. С. 170].

Это стихотворение можно считать началом биографического мифа Ершова, создававшегося на протяжении многих лет, в том числе усилиями губернских журналистов. В соответствии с процессом мифологизации корректируется реальная биография писателя. Местом рождения Ершова становится Тобольск — столица Сибири, а не мало кому известная деревня Безрукова.

Ершову отведено место первого поэта Сибири. Становясь героем литературной биографии, П.П. Ершов приобретает известность:

То был Ершов — поэт известный,
Он славу в юности стяжал,
С тех пор в России отзыв лестный
О нем нигде не умолкал

[Там же].

Автор стихотворения неоднократно отмечает, что сказочник заслужил народную славу и уважение сибиряков. Мотив любви к родине является одним из центральных в памятном стихотворении. Уважения заслуживает переезд П.П. Ершова из столицы в Тобольск, что, по мнению А. Панкевича, оказало значительное влияние на развитие просвещения и образования в Сибири, однако, к сожалению, отдалило поэта от литературного творчества:

И дум своих уже народу
В стихах он не передавал,
Как будто чувствовал невзгоду
Судьбы, скучал и тосковал.
А сколько чудных дум в нем было,
Но он таил их много лет,
Как будто что-то запретило
Ему знакомить с ними свет

[15. С. 170].

Мотивы судьбы, рокового предопределения и невольного молчания, тайных дум составляют удел романтических биографий, в ключе которых выдерживается начало биографического сюжета этого стихотворения. В словах Панкевича слышится указание на тяжелое душевное состояние Ершова, связанное с бытовыми проблемами и творческим кризисом. Стихотворение проникнуто сочувствием к сложным обстоятельствам жизни и уважением к художнику, создавшему знаменитую сказку:

Семейный, он страдал нуждою.
Лишь гонорарий за Конька
Был помощью ему порою;
Но помощь та не велика.
На миг тогда он оживлялся
И говорил: «Конек мой – ты,
Служа мне верно, постарался
Меня вновь вывезть из нужды»

[Там же].

Завершается стихотворение уже в ином тоне: логике жизненного пути Ершова диктуют социальные обстоятельства, а сам поэт оказывается героем времени в духе шестидесятых годов:

Он *добрый* был и *благодушный*,
Всегда *путем правдивым* шел,
Судьбе безропотно *послушный*,
Он рано в вечность отошел

[Там же].

Элементом биографического мифа является мотив посмертного бытия героя. Как частный человек, долгие годы отлученный от литературы, Ершов дорог близким людям. Но в число «родных» включены и земляки поэта, тронутые участием к близкому, видимому горю. Всемирной славе автор стихотворения противопоставил «скромную могилу». Тем отчетливее поиск литературной параллели для определения места Ершова в общероссийской литературе:

К могиле *скромной* проводили
С *большим почетом* мы его,
И *Бога* за него *молили*,
Как за *родного* своего

[Там же].

В последнем четверостишии автор вписывает Ершова в ряд классиков русской литературы, сравнивая

значение его литературного таланта с творческой славой И.А. Крылова:

Но *слава* прочная *Ершова*
Не ослабеет никогда,
Как *слава* дедушки *Крылова*
Во все грядущие года

[Там же].

Благодарными словами в адрес человека, заслужившего своей деятельностью уважение народа, и предсказанием о мировом признании поэта завершается стихотворное известие о смерти П.П. Ершова, адресованное жителям губернии на страницах ТобГВ. Редакция обращает внимание общественности на значимость события, сопровождая сочинение следующим примечанием: «Хотя стихотворения вообще не входят в программу нашего издания, но в настоящем случае, в ожидание подробной биографии П.П. Ершова, мы решились сделать исключение – из уважения к памяти покойного поэта, в свое время пользовавшегося известностью не только в Сибири, но и в Европейской России и глубокоуважаемого всеми знавшими его здесь лично» [Там же]. Обещание сотрудников газеты поместить в ближайшем номере подробный материал о великом земляке не нашло реального воплощения. Более того, в течение двадцати пяти лет после смерти поэта губернская газета вообще не возвращалась к «ершовской теме».

Лишь в 1894 г. ТобГВ в № 33–34 печатают заметки по поводу 25-летия со дня смерти П.П. Ершова под заголовком «Тобольск, 14 августа» [16]. На первой странице неофициальной части № 33 сообщается о важном событии ближайших дней: «На днях – 18 августа – исполняется двадцатипятилетие со дня смерти в 1869 году талантливого автора популярного “Конька-Горбунка”, бывшего директора тобольской губернской гимназии, Петра Павловича Ершова» [16. № 33. С. 663]. Редакция газеты считает своим долгом напомнить читателям о «светлой личности» Ершова, так как поэт был первым цензором местной газеты, основанной в 1857 г. Памятная статья проникнута уважением к литературной, педагогической, просветительской деятельности П.П. Ершова. Опираясь на письма Ершова и воспоминания А.К. Ярославцова, в биографической заметке без подписи автор останавливает внимание на фактах биографии художника, напоминает о литературных заслугах поэта, дает оценку его литературной жизни.

Этой публикацией было продолжено формирование биографии П.П. Ершова. Последовательно имя Ершова делается символом литературной Сибири.

В рассказе о событиях жизни подчеркивается связь прославленного тоболяка с родным краем: родился в губернии, учился в тобольской гимназии, прожив два года в Петербурге и окончив Санкт-Петербургский университет, вернулся учителем в Тобольскую гимназию, позже служил инспектором, затем директором, продолжая заниматься в Тобольске литературной и общественной деятельностью. Сведений о работе П.П. Ершова в ТобГВ автор не сообщает, больше вспоминает его поэтические заслуги, как бы разделяя творчество на два этапа: «петербургский» и «тобольский». Автор дает краткий обзор литературной деятельности Ершова в ранний период, обращая внимание

на его сотрудничество с известными столичными журналами своего времени: «В Тобольск Ершов явился уже автором многих стихотворений, печатавшихся в бытность в Петербурге более в “Библиотеке для чтения” и “Современнике”. Кроме “Конька-Горбунка” им были написаны следующие стихотворения: в 1833 г. – “Сцена в лагере” <...>; в 1834 г. – “Молодой орел”; в 1835 г. – “Желание”, “Первая любовь”, “Тимковскому” (по случаю отъезда его в Америку), “Сибирский казак (старинная быль)”, “Русская песня”, “Туча”, “Прощание с Петербургом”, “25-е декабря 1835 г.”, “Дуб”, “Ночь”, “Ночь в Рождество Христово”, “Семейство роз”, “Молитва 25 декабря 1835 г.”, “Фома кузнец” и в 1836 году – “Послание к другу» [16. № 33. С. 663]. Почти все они отражают раздумья поэта о своей судьбе, «многие из них полны пессимизма, мотивов разочарования и крушения надежд» [17. С. 281].

Неизвестный автор заметки о 25-лети со дня смерти П.П. Ершова ставит целью подчеркнуть значение Тобольска в жизни и творчестве художника. О художественных достоинствах сказки «Конек-Горбун» говорится в нескольких словах в начале и заключении статьи. Слава сказочника представляется еще более значительной на фоне природной скромности поэта («Ершов отличался поразительною скромностью», «скромный Ершов», «имя скромника Ершова»). Ершов – человек с непростой творческой судьбой более интересен автору, который поддерживает распространенное в то время мнение, что назначение Ершова на службу в Тобольск «отозвалось не без вреда на дальнейшей литературной деятельности этого талантливого человека» [16. № 33. С. 663].

Свидетельством тому являются собственные сетования поэта в письмах к друзьям на тяжелую атмосферу провинциальной жизни и житейские невзгоды, которым автор заметки уделяет значительное место, знакомя читателя с достоверным источником сведений о писателе. 5 мая 1837 г. П.П. Ершов писал одному из петербургских друзей: «А я, брат, сижу себе сиднем, в подобие Илье Муромцу, которого я собираюсь воспеть когда-нибудь хотя скуки ради. Разве упомянуть тебе о моих хождениях в гимназию и из гимназии, и в музыкальную и из музыкальной. Остальное время сижу дома, палю цигары и думаю о прежних счастливых днях. А славное то было время! Поневоле вздохнешь, призадумавшись. Ты скажешь – приезжай сюда! Да, скоро сказка сказывается: рад бы в рай, да грехи не пускают. Остается убивать как-нибудь время пополам – да кой чорт пополам – с девяноста девятью частями скуки, да одной частью отрады. Писать не пишу, потому что не хочется, а не хочется потому, что скучно...» [Там же].

Мысли о скуке повторяются и в других текстах писем, приведенных в публикации ТобГВ. Тенденциозность подборки формирует заданный концепцией статьи образ поэта. Например, в письме П.П. Ершова от 22 июля 1843 г. слышатся надежды на возвращение к литературным занятиям и на народное признание, которым, как известно, не суждено было осуществиться: «По части же поэтической я решительно живу одними проектами, и ни одного из них не привел в действие... Впрочем, не думайте, что я уж вовсе охладел к святому призванию. Нет! Будет время, когда колеблемость моя

разрешится, и я выступлю на поприще поэзии не как робкий новичок, для которого хвала толпы составляет всю награду, а ропот ее – истинное наказание... Огонь поэзии еще не потух в душе моей» [16. № 33. С. 664].

Литературная биография П.П. Ершова делится на две контрастные части: одна принадлежит «большой» литературе, другая – провинциальной культуре. Обе по-своему значимы. Но если автор «Конька-Горбунка» не требует специального представления, то Ершов – житель Тобольска – остался почти неизвестной личностью. Поэтому автор юбилейной заметки подробно характеризует «тобольский период» творчества поэта. В Тобольске Ершовым были написаны стихотворения «Вопрос», «Видение», «Часы тайны», «Государю Наследнику (на приезд его в Тобольск в 1837 г.)», «Друзьям», «Музыка», «Сузге (сибирское предание из времен завоевания Сибири)» и др. [Там же]. С 1837 по 1868 г. Ершов сочиняет поэтические произведения, которые, по общему мнению, являются уже не столь значительными, как прославившая его сказка «Конек-Горбун». Автор статьи «Тобольск, 14 августа» соглашается с мнением университетского товарища Ершова А.К. Ярославцова, что поэт был автором одной книги. Такова судьба некоторых талантливых художников – блистательно вступить на литературное поле и быстро исчезнуть: «Подобное, правда, видим в Богдановиче, написавшем только поэму “Душенька”, и в Грибоедове, создавшем только комедию “Горе от ума”...» [Там же].

Внимание читателя губернских ведомостей обращается на особое место творчества П.П. Ершова в русском литературном процессе, его имя вписывается в ряд великих писателей: «Имя скромника Ершова было искренно приветствовано Пушкиным, Жуковским и другими знаменитостями и стало известно Наследнику престола» [16. № 33. С. 663]. ТобГВ замечают, что «светлая личность» Ершова не должна быть забыта, потому что «для читающей России он явился <...> поэтом-народником, знаменитая сказка которого затмила подобные произведения даже в трудах самого Пушкина» [Там же].

В соответствии с задачами общественного издания газета снимает различие между жизненным и литературным планом биографии Ершова, оценивает его просветительскую деятельность наравне с художественной.

Новый контекст, в который поставлено творчество П.П. Ершова, делает фигуру сибирского поэта более значительной, влияет на оценку «тобольского периода» его жизни и творчества. В Сибири Ершову отводится роль «просветителя», общественного деятеля. Это определение должно было вытеснить в сознании еще живых современников Ершова представление о рядовом чиновнике, частном человеке, ничем ни примечательном директоре гимназии: «...для нашей же Тобольской губернии, как своей глубоко любимой родины, П.П. посвятил всю свою служебную деятельность, начиная с первых дней ее, и деятельность эта не была бесплодной» [Там же]. В соответствии с логикой канонизации личности поэта в общественном сознании редакция газеты предлагает почтить память П.П. Ершова полезными и благодарными делами: «Учреждение стипендии имени этого поэта-директора при нашей гу-

бернской гимназии и издание полного собрания его поэтических работ, разбросанных теперь по разным изданиям 30-х и 40-х годов, ставшим давно библиографической редкостью, были бы достойной оценкой заслуг покойного на его учебном и литературном поприщах в наступающий день двадцатипятилетия кончины его» [16. № 33. С. 664].

Раздел «Хроника» неофициальной части № 33 ТобГВ среди событий августа 1894 г. (отъезд и прибытие чиновников, работа Мариинской школы, общества трезвости, народное гуляние, состояние погоды и др.) содержит следующее сообщение о памятной дате смерти П.П. Ершова: «В “Сиб. Листке” читаем: На будущей неделе, в четверг, 18 августа, исполнится 25 лет со дня смерти тобольского уроженца (?) поэта П.П. Ершова, автора “Конька-Горбунка”, скончавшегося в 1869 году. Было бы очень желательно, чтобы в его родном городе нашлись лица, которые взяли бы на себя инициативу организации как чествования памяти покойного поэта устройством народного празднества, для ознакомления простого народа с покойным поэтом, так и увековечения этой памяти соответственным учреждением или хотя бы открытием подписки в Сибири и России на устройство в Тобольске школы его имени» [18].

В память о литературной и общественно-культурной деятельности П.П. Ершова в № 33 1894 г. в разделе «Фельетон» под заголовком «Из стихотворений П.П. Ершова» помещаются поэтические произведения «талантливого земляка», «написанные в юности и в зрелом возрасте» [19. С. 664–669].

Используя материалы известной работы «Биографические воспоминания университетского товарища А.К. Ярославцова», редакция знакомит читателя с ранними стихотворениями «Желание» (1835), «Первая любовь» (1835), которые можно отнести к философско-романтической лирике [20. С. 55].

Задача сотрудников газеты – показать разнообразие творческого наследия Ершова, увидеть Ершова-романтика, философа, сатирика. Под отдельным заголовком в номере напечатаны две эпиграммы П.П. Ершова:

Ты говоришь, что без изытья,
Мы все родня, что все мы братья.
Ну, что ж? Прекрасные слова!
Но слов одних для дела мало:
Ведь, по законам естества,
Необходимы для родства,
Единый род, одно начало.
Но здесь-то целый океан
Положен вами в разделенье:
Ведь мы – Адама поколение,
А вы – потомки обезьян

[21. С. 669].

В биографических воспоминаниях А.К. Ярославцова встречаем комментарий к другой эпиграмме: «Когда разглагольствования о правах женщин достигли и до Тобольска, тогда Ершов так улыбнулся в эпиграмме своей» [22. С. 37]:

Дабы прогресс с законом согласить,
И женщин приравнять к мужчинам,
Им дозволяется отныне
Усы и бороду носить

[23. С. 669].

Эпиграмма «Проект нового устава» звучит скорее шутивно, чем сатирически. Сотрудники редакции отобрали нейтральные, не острые, не персонально адресованные юмористические стихи о современных поэту умонастроениях. В эпиграммах слышен голос Ершова-традиционалиста, отзывающегося на события культурной и общественной жизни России.

В год памяти газета делает исключение в программе издания: напоминает жителям губернского города о литературной деятельности прославленного сказочника. В этом же номере в разделе «Библиография» печатается «Указатель материалов для библиографии П.П. Ершова» [24. С. 679]. Он включает в себя семнадцать источников, отсылающих к местным и столичным изданиям 1866–1889 гг. В списке указывается, что на смерть Ершова в 1869 г. откликнулись столичные издания «Санкт-Петербургские ведомости», «Иллюстрированная газета», в 1873 г. – «Русский архив». В столице многие были озадачены новостью о смерти поэта, которого считали давно умершим: «В № 235 “С.-Петербургских ведомостей”, 27 августа 1869 г., явился коротенький некролог, из которого узнали мы, что 21 числа того же месяца скончался, в Тобольске, П.П. Ершов, автор известного “Конька-Горбунка” [22. С. 1]. А.В. Никитенко, близкий Ершову человек, в это время писал: «Горе людям, которые осуждены жить в такую эпоху, когда всякое развитие душевных сил считается нарушением общественного порядка» [25. С. 120].

Указатель дает обзор материалов о жизни и творчестве Ершова начиная с известной монографии А.К. Ярославцова и заканчивая жизнеописаниями для детского чтения. В основном библиография составлена из периодических источников, однако в ней встречаются «Настольный словарь» Ф. Толя и сборник «Русские поэты в биографиях и образцах» Н.В. Гербеля, где упоминается имя Ершова. В целом подборка материалов предложена больше для знакомства с биографией поэта и его педагогической деятельностью, чем с целью изучения литературного творчества П.П. Ершова.

В № 34 ТобГВ за 1894 г. вновь звучит тема памяти П.П. Ершова. В ряду главных известий недели – сообщение о прошедших 18 августа мероприятиях «по случаю двадцати-пяти-летней годовщины со дня смерти в 1869 году народного поэта-сибиряка Петра Павловича Ершова» [16. С. 684]. Редакция подробно сообщает о событиях памятного дня. Во время панихиды, совершенной в Тобольской губернской гимназии, законоучителем гимназии протоиереем Н.Г. Грифцовым была сказана речь о заслугах Ершова на учебном поприще. Собравшимся в первую очередь напомнили о его педагогической биографии, отметив с благодарностью заслуги прославленного учителя и директора: «Имя П.П. должно быть очень памятно и дорого для Тобольска как поэта-народника. Не время и место здесь подробно распространяться о поэтических дарованиях незабвенного автора “Конька-Горбунка”. <...> Для нас полезнее и приличнее в настоящий раз напомнить то, чем был П.П. для гимназии» [Там же]. Ершов запомнился землякам человеком трудолюбивым, глубоко религиозным, добрым, преданным «делу любви, которому посвятил всю свою жизнь». Заслуги Ершова-художника привлекли меньше внимания «начальству-

ющих и учащихся», чем его образовательная деятельность. Произносятся слова благодарности, Н.Г. Грифцов не считает уместным судить о поэтическом таланте Ершова, ограничившись известной оценкой, данной А.С. Пушкиным «Коньку-Горбунку».

Провинциальная пресса нашла аргументы для доказательства идеи, важной для самоопределения края: талантливый человек обрел в Сибири новое поприще, предпочтя жизнь художественной работе.

О произведениях П.П. Ершова не говорят и на литературно-драматическом вокальном вечере, организованном в память поэта и устроенном с благородной целью открытия в Тобольске народной чайной имени П.П. Ершова. Члены тобольского общества трезвости сообщают собравшимся краткие биографические сведения, иллюстрируя чтение сказки «Конек-Горбунок» портретом автора и «туманными картинками» П.С. Паутова. Программа народных чтений была дополнена исполнением приезжими артистами драматической оперетты «Ой не ходы Грыщу на вечерницы» М. Старицкого и выступлением любительского хора. Комментарии автора заметки свидетельствуют о благодарном отношении тоболяков к П.П. Ершову: «Зал собрания был полон посетителей, что свидетельствовало о теплоте чувств публики к памяти покойного народного поэта...» [16. С. 685].

Газета сообщает, что в этот же день на Завальном кладбище собрались родственники и представители местной печати воздать должное добрым делам покойного. Сотрудники ТобГВ и «Сибирского листка» возложили венки к памятнику поэта: «...металлический венок из густых иммортелей с расцветающей розой, с надписью на ленте «Автору “Конька-Горбунка” и первому своему цензору. Тобольские Губернские Ведомости» [Там же]. Об этом событии рассказывает Е.В. Кузнецов в стихотворении «У могилы автора “Конька-Горбунка” (памяти П.П. Ершова)», помещенном в разделе «Фельетон» этого же номера:

Не чары весна навевает...
Сегодня в гостях у поэта,
Под сенью старинных плакучих берез,
Вьет Муза венки иммортелей и роз,
И, лептой святого завета,
Могучий талант вспоминает

[26. С. 684].

Е.В. Кузнецов, так же как Ершов в свое время, был активным общественным деятелем, занимался просветительской работой, много писал и печатался, интересовался историей края, развивал газетное дело в Сибири. В 1890-е гг. Е.В. Кузнецов исполнял обязанности редактора «Тобольских губернских ведомостей». В стихотворении Е.В. Кузнецов восхищается творческим долголетием Ершова, подчеркивая, что он отнюдь не был автором одного произведения. Правда, пережить время удалось лишь сказке, которая стала «памятником» поэту:

Но старится все над могилой...
Лишь славный Конек-Горбунок все удал,
И резв и могуч среди бурь, среди скал,
Все с той же волшебною силой
Ловить он Жар-птицу летает.
Все те же ему ласки, приветы:

В чертогах роскошных, в землянке сырой,
В далеких краях, на отчизне святой –
Все также он младость в балетах
Красой Царь-девицы пленяет!

[26. С. 684].

В том же номере «Тобольских губернских ведомостей» помещены воспоминания автора, скрытого под псевдонимом А.Б. Они принадлежат К.М. Голодникову, который, кроме «газетного» варианта воспоминаний, оставил мемуары о Тобольской гимназии 1830-х гг., содержащие немало подробностей о личности и судьбе П.П. Ершова [10. С. 265].

Педагогическая деятельность П.П. Ершова, связанная с преподаванием словесности, литературными занятиями и театральными увлечениями, становится главным предметом воспоминаний. Бывший гимназист, ученик П.П. Ершова начинает статью с описания собственных впечатлений от первой встречи с педагогом, к тому времени уже заслужившим известность и признание благодаря своей сказке: «...из расспросов знакомых узнаем, что это бывший студент с.-петербургского университета и автор “Конька-Горбунка” Петр Павлович Ершов, приехавший в нашу гимназию на должность учителя латинского языка. Последнее обстоятельство не мало изумило нас; как это, думали мы, *поэт и апостол живого слова* будет преподавать нам такую мертвечину, как латинский язык?» [27. С. 690]. Читатель «Тобольских губернских ведомостей» узнает подробности преподавательской работы П.П. Ершова в гимназии. Он добросовестно и талантливо ведет занятия по истории русской литературы, используя записки петербургского профессора Никитенко и дополняя материал собственными рассказами о творчестве современных ему литераторов. А.Б. не раз обращает внимание на то, что Ершов был знаком с такими признанными поэтами и писателями, как Жуковский, Пушкин, Крылов, Бенедиктов и другими, находил в их глазах признание и уважение, прославился талантом сказочника.

Рассказ К.М. Голодникова о посещении Тобольской гимназии в 1837 г. цесаревичем Александром Николаевичем, которого сопровождал В.А. Жуковский, соотносит литературные имена российских поэтов: «...особенное внимание наше привлекал симпатичнейший поэт В.А. Жуковский, многие из стихотворений которого мы знали от слова до слова; рядом с ним ходил по классам и наш П.П., напоминая нам известное латинское изречение: “*similes simili haudet*”» («Похожий рад похожему») [27. С. 691]. А.Б. цитирует начало приветственного стихотворения, прочитанного П.П. Ершовым наследнику:

Склонясь рукой на грань Урала,
Главу сокрыв в полярных льдах,
Сибирь печальная лежала
На снеговых своих коврах.
И тщето жизнью роскошной
В ее отчизне все цвело;
Она склонила в сон тревожный
Отяжелевшее чело.
Но то не сон; порой являлась
На ней отрадная заря,
И жизнь в груди ее держалась
Священным именем царя

[27. С. 691–692].

К.Г. Голодников последовательно создает тенденциозно-идеологизированный образ Ершова. По словам мемуариста, П.П. Ершов воспитывал в гимназистах уважение к историческому прошлому России и Сибири, к монархии, народным традициям. Его ученики «с жаром» принимались изучать словесность, «бросались писать стихи», увлекались гимназическим театром: «Желая ближе ознакомить нас с драматическими произведениями, а также и с дикцией, П.П. исходатайствовал у директора гимназии разрешение на представление нами в зале гимназии, на праздниках, некоторых легких пьес» [Там же. С. 692]. В занимательной форме Ершов знакомил учеников с произведениями ведущих театральных авторов конца XVIII – начала XIX в., среди которых были «Недоросль» Д.И. Фонвизина, «Новый Стерн» А.А. Шаховского, «Прихотник без денег, или искатель обедов» П.Н. Арапова, «Филаткина свадьба» А.Я. Княжина, «Еще суматоха, или На свете все превратно» Д.Т. Ленского и др. Поэт ставил и собственные пьесы: «Суворов и станционный смотритель», «Сельский праздник», «Якутские божки» и др.

К.М. Голодников доказывает, что талант Ершова не погиб в Сибири. Так, в газетной заметке «Из воспоминаний о П.П. Ершове» журналист пишет, что поэт «не оставлял своих литературных занятий, и веселая общественная жизнь не привлекала его; он не играл в карты

и не танцевал, да и в семейных домах бывал редко» [Там же. С. 691]. Как видим, в ершовском биографическом сюжете, который создавали ведомости, наметился новый мотив: Сибирь предоставила автору «Конька-Горбунка» своего рода «поприще» – пространство для подлинно героических испытаний.

«Ершовская тема» присутствует в ряде других публикаций ТобГВ 1890-х гг. В 1896 г. в четырех номерах местной газеты П.М. Головачев печатает написанное тобольским композитором И. Корниловым либретто оперы «Сузге», источником которой послужила поэма П.П. Ершова [28]. В 1897 г. в № 23 «Тобольских губернских ведомостей» Е.В. Кузнецов помещает сочинение «Утес Сузге» [29. С. 352–353]. Публикации 1890-х гг. придают теме новое измерение, они показывают, как происходит освоение сибирского творчества П.П. Ершова в новую эпоху.

«Тобольские губернские ведомости» довольно активно участвуют в формировании биографии П.П. Ершова, мифологизируют ее в соответствии с запросами провинции. «Ведомости» формируют свой сибирский пантеон, где имя П.П. Ершова занимает особое место. Внимание местной газеты к биографии П.П. Ершова вполне закономерно в связи с формированием новых идей сибирских областников, которые настаивали на собственной истории и литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбачева Н.Н., Рогачева Н.А. «Таково свойство губернского города...»: губернский город в зеркале «Тобольских губернских ведомостей» 1857–1862 гг. // Филологический дискурс. Вестник филологического факультета Тюменского государственного университета. 2001. Вып. 2. С. 49–56.
2. Мандрика Ю.Л. От Конька-Горбунка на коньке горбатом (еще одна гипотеза о творчестве П.П. Ершова) // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 2. С. 227–234.
3. П.Е. (Ершов П.П.) Осенние вечера // Живописный сборник замечательных предметов из наук, искусств, промышленности и общества. СПб. : Изд. А. Плюшара и В. Генкеля ; Тип. Морского Министерства, 1857.
4. Ершов П.П. Кузнец Базим, или Изворотливость бедняка // Сборник литературных статей, посвященных русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя Александра Филипповича Смирдина. СПб. : Изд-е петербургских книгопродавцев, 1858–1859. Т. 3–4. С. 327–352.
5. Утков В.Г. Гражданин Тобольска. Свердловск : Средне-Уральск. кн. изд-во, 1979. 144 с.
6. Яворинцев Н.М. Начало печати в Сибири // Литературный сборник: собрание научных и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке. СПб. : Изд-во газеты «Восточное обозрение», 1885. С. 352–407.
7. Объявления и извещения // Тобольские губернские ведомости. 1857. № 8. Оф. ч.
8. Всемилоостивейшие награды // Тобольские губернские ведомости. 1862. № 5. Оф. ч.
9. Высочайшим приказом по ведомству... // Тобольские губернские ведомости. 1863. № 3. Оф. ч. С. 11.
10. Савченкова Т.П. Петр Павлович Ершов (1815–1869): Архивные находки и библиографические разыскания. Ишим : Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2011. 344 с.
11. Черемшанский А. Отчет по литературно-музыкальному, с живыми картинками вечеру, данному 22 сентября 1863 г. // Тобольские губернские ведомости. 1863. № 41.
12. Ратников К.В. Либеральные чаяния и официозные чувства: общественно-политический и биографический контекст стихотворного приветствия П.П. Ершова великому князю Владимиру Александровичу (Тобольск, 1868) // 150 лет периодической печати в Сибири: материалы регион. науч. конф., посвящ. 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей». Томск : ТМЛ-Пресс, 2007. С. 130–135.
13. Тобольск. Местные известия: Тобольск 23–26 июля 1868 года // Тобольские губернские ведомости. 1868. № 30. С. 158–159.
14. Ершов П.П. Конек-Горбунок: Избранные произведения и письма / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. В.П. Зверева. М. : Парад; БИБКОМ, 2005. 624 с.
15. Ланкевич А. После кончины Петра Павловича Ершова // Тобольские губернские ведомости. 1869. № 36. Н. ч.
16. Тобольск, 14 августа [По поводу 25-летия со дня смерти П.П. Ершова] // Тобольские губернские ведомости. 1894. № 33. Н.ч. С. 663–664; № 34. Н. ч. С. 684–685.
17. Очерки русской литературы Сибири : в 2 т. / ред. А.П. Окладников ; Академия наук СССР. Сибирское отделение. Новосибирск : Наука, 1982. Т. 1. 606 с.
18. Хроника // Тобольские губернские ведомости. 1894. № 33.
19. Из стихотворений П.П. Ершова // Тобольские губернские ведомости. 1894. № 33.
20. Ратников К.В. П.П. Ершов и С.П. Шевырев (Традиции «поэзии мысли» в лирике Ершова 1830-х гг.) // Ершовский сборник. Ишим ; Тобольск, 2005. Вып. 2.
21. Ершов П.П. Нигилисты-естественники // Тобольские губернские ведомости. 1894. № 33.
22. Ярославцов А.К. Петр Павлович Ершов, автор сказки «Конек-горбунок». Биографические воспоминания университетского товарища / А.К. Ярославцов. СПб. : Тип. В. Демакова, 1872. 200 с.
23. Ершов П.П. Проект нового закона // Тобольские губернские ведомости. 1894. № 33.
24. Указатель материалов для библиографии П.П. Ершова // Тобольские губернские ведомости. 1894. № 33.
25. Утков В.Г. Люди, судьбы, события. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1970. 240 с.

26. Е.К. (Кузнецов Е.В.). У могилы автора «Конька-Горбунка» (памяти П.П. Ершова) // *Тобольские губернские ведомости*. 1894. № 34.
 27. А.Б. Из воспоминаний о П.П. Ершове // *Тобольские губернские ведомости*. 1894. № 34. С. 690–692.
 28. Головачев П.М. Из либретто оперы «Сузге» // *Тобольские губернские ведомости*. 1896. № 9. С. 248–249; № 47. С. 1119–1120; № 51–52. С. 1195–1197.
 29. Кузнецов-Тобольский (Кузнецов Е.В.). Утес Сузге // *Тобольские губернские ведомости*. 1897. № 23.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 февраля 2014 г.

P.P. YERSHOV'S LITERARY BIOGRAPHY IN TOBOL'SKIE GUBERNSKIE VEDOMOSTI

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 33-41 DOI: 10.17223/15617793/381/6

Kostetskaya Yekaterina V. Tobolsk State Social-Pedagogical Academy n.a. D.I. Mendeleev (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: katerinavb@yandex.ru

Keywords: P. Yershov; Tobol'skie Gubernskie Vedomosti; Yershov's literary biography; literary reputation; literature of Siberia.

Tobol'skie Gubernskie Vedomosti (*Tobolsk Province Gazette*) made a great impact on P.P. Yershov's biography, turning it into a myth in response to the needs of the province. The Tobolsk period of life and literary writing seems to be no less important in the biography of P.P. Yershov than his St. Petersburg one, as the creative potential of his personality in his native region was revealed through his social and educational activities. The literary fame of Yershov became the basis of his social success in his homeland that is why the literary biography of Yershov, partially developed by Tobol'skie Gubernskie Vedomosti activists, combined social and literary work which could not be understood separately. However, the creative line of Yershov's biography is considered to a lesser extent due to the widespread popularity of his artistic merits as of a storyteller. The staff of the provincial newspaper believed the local resident to be more interested in the facts of P. Yershov's Siberian biography. For the regional consciousness social and educational activities are more valuable than artistic merits. The beginning of development of the readers's attitude to Yershov as to the educator, to the literary symbol of Siberia, was marked by a memorable review in *Tobol'skie Gubernskie Vedomosti* published after the death of the poet in 1869. The year of 1894 in Tobolsk was the commemoration of P.P. Yershov. On the 25th anniversary of the poet's death, the local newspaper published a series of articles devoted to his life and work, in which the biography of Yershov was mythologically interpreted in the context of the cultural life of Tobolsk Province. The articles reflecting the memoirs of P.Yershov's contemporaries adhered the common view on the human nature and artistic merits of P. Yershov developing an idealised image of his personality and writing. Ignoring the official requirements the editors introduced poetic works by P.Yershov to the provincial reader publishing poems and epigrams on the pages of the newspaper. Due to the fact that the rigorous program of *Tobol'skie Gubernskie Vedomosti* did not assume the publishing of art works, the number of newspapers dedicated to P.P. Yershov was incomparably small in relation to the literary and educational merits of the famous poet. *Vedomosti* developed its own Siberian Pantheon, where the name of P.P. Yershov took a special place. In the context of provincial culture Yershov is perceived as a remarkable person, whose life deserves to be recorded as a biography. Thus, the interest of the local newspaper to the biography of P.P. Yershov is quite obvious due to the rise of the new ideas generated by Siberian regionalists, who insisted on the priority of their history and literature.

REFERENCES

- Gorbacheva N.N., Rogacheva N.A. "Takovo svoystvo gubernskogo goroda": gubernskiy gorod v zerkale "Tobol'skikh gubernskikh vedomostey" 1857–1862 gg. ["This is the feature of a provincial town": a provincial town in the mirror of Tobol'skie gubernskie vedomosti of 1857-1862]. *Filologicheskii diskurs. Vestnik filologicheskogo fakul'teta Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta – Tyumen State University Herald. Philology*, 2001, Issue 2, pp. 49-56.
- Mandrika, Yu.L. Ot Kon'ka-Gorbunka na kon'ke gorbatom (eshche odna gipoteza o tvorchestve P.P. Yershova) [From The Little Humped horse on a humped horse (another hypothesis about P.P. Yershov's works)]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta – Tyumen State University Herald*, 2012, no. 2, pp. 227-234.
- P.E. [Yershov P.P.] *Osenne vechera* [Autumn evenings]. In: *Zhivopisnyy sbornik zamechatel'nykh predmetov iz nauk, iskusstv, promyshlennosti i obshchezhitia* [A scenic collection of remarkable objects of the sciences, arts, industry and hostel]. St. Petersburg, Izd. A. Plyushara i V. Genkelya Publ., Tip. Morskogo Ministerstva Publ., 1857.
- Yershov P.P. *Kuznets Bazim, ili Izvorotlivost' bednyaka* [Blacksmith Bazim, or foxery of the poor]. In: *Sbornik literaturnykh statey, posvyashchennykh russkimi pisatelyami pamyati pokoynogo knigoprodavtsa-izdatel'ya Aleksandra Filippovicha Smirdina* [Collection of literary articles by Russian writers in memory of the deceased bookseller-publisher Alexander Philippovich Smirdin]. St. Petersburg, Izd. petersburgskikh knigoprodavtsev Publ., 1858-1859. Vol. 3-4, pp. 327-352.
- Utkov V.G. *Grazhdanin Tobol'ska* [A Tobolsk citizen]. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizh. izd-vo Publ., 1979. 144 p.
- Yadrintsev N.M. *Nachalo pechati v Sibiri* [Introduction of printing in Siberia]. In: *Literaturnyy sbornik: sobranie nauchnykh i literaturnykh statey o Sibiri i Aziatskom Vostoke* [A collection of literary and scientific articles about Siberia and East Asia]. St. Petersburg, Izd-vo gazety "Vostochnoe obozrenie" Publ., 1885, pp. 352-407.
- Ob'yavleniya i izveshcheniya [Announcements and notices]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti*, 1857, no. 8, official pt., p. 54.
- Vsemilostiveyshie nagrady [Honorary awards]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti*, 1862, no. 5, official pt., p. 26.
- Vysochayshim prikazom po vedomstvu... [By the Imperial Order in the department]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti*, 1863, no. 3, official pt., p. 11.
- Savchenkova T.P. *Petr Pavlovich Yershov (1815–1869): Arkhivnye nakhodki i bibliograficheskie razyskaniya* [Pyotr Pavlovich Yershov (1815-1869): bibliographical findings and archival discoveries]. Ishim, Ishim State Pedagogical Institute Publ., 2011. 344 p.
- Cheremshanskiy A. Otchet po literaturno-muzykal'nomu, s zhivymi kartinkami vecheru, dannomu 22 sentyabrya 1863 g. [A report on the literary and music soiree with live pictures of September 22, 1863]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti*, 1863, no. 41, p. 351.
- Ratnikov K.V. [Liberal aspirations and officious feelings: social, political and biographical context of the poetic greeting by P.P. Yershov to Grand Duke Vladimir Alexandrovich (Tobolsk, 1868)]. *150 let periodicheskoy pechati v Sibiri: materialy Region. nauch. konf., posvyashchennoy 150-letiyu izdaniya v Sibiri "Gubernskikh vedomostey"* [150 years of the periodical press in Siberia. Proc. of the Regional scientific conference on the 150th anniversary of Gubernskie Vedomosti in Siberia]. Tomsk, TML-Press Publ., 2007, pp. 130-135. (In Russian)

13. Tobolyak, Mestnye izvestiya: Tobol'sk 23–26 iyulya 1868 goda [Tobolyak, Local news: Tobolsk of July 23-26, 1868]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti*, 1868, no. 30, pp. 158-159.
14. Yershov P.P. *Konek–Gorbunok: Izbrannye proizvedeniya i pis'ma* [The Little Humpbacked Horse: selected works and letters]. Moscow, Parad, BIBKOM Publ., 2005. 624 p.
15. Pankevich A. Posle konchiny Petra Pavlovicha Yershova [After the death of Pyotr Pavlovich Yershov]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti*, 1869, no. 36., non-official pt., p. 170.
16. Tobol'sk, 14 avgusta: Po povodu 25-letiya so dnya smerti P.P.Yershova [Tobolsk, August 14. On the 25th anniversary of the death of P.P. Yershov]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti*, 1894, no. 33, non-official pt., pp. 663-664; no. 34, non-official pt., pp. 684-685.
17. Okladnikov A.P. Ocherki russkoy literatury Sibiri: v 2 t. [Essays on Russian literature in Siberia. In 2 vols.]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1982. Vol. 1, 606 p.
18. Khronika [A chronicle]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti*, 1894, no. 33, p. 667.
19. Iz stikhotvoreniy P.P. Yershova [From the poems by P.P. Yershov]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti*, 1894, no. 33, pp. 664-669.
20. Ratnikov K.V. *Yershovskiy sbornik* [Yershov's collected works]. Ishim, Tobol'sk, Issue 2, 2005, p. 55.
21. Yershov P.P. Nigilistu-estestvenniku [To a Nihilist-naturalist]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti*, 1894, no. 33, p. 669.
22. Yaroslavtsov A.K. *Petr Pavlovich Yershov, avtor skazki "Konek-gorbunok". Biograficheskie vospominaniya universitetskogo tovarisha* [Pyotr Pavlovich Yershov, the author of the fairy tale "The Little Humpbacked Horse". Biographical memories of a university friend]. St. Petersburg, Tip. V. Demakova Publ., 1872. 200 p.
23. Yershov P.P. Proekt novogo zakona [A new draft law]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti*, 1894, no. 33, p. 669.
24. Ukazatel' materialov dlya bibliografii P.P. Yershova [Index of materials for P.P. Yershov's Bibliography]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti*, 1894, no. 33, p. 679.
25. Utkov V.G. *Lyudi, sud'by, sobytiya* [People, fates, events]. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoe knizh. izd-vo Publ., 1970. 240 p.
26. E.K. [Kuznetsov E.V.] U mogily avtora "Kon'ka-Gorbunka" (pamyati P.P. Yershova) [At the tomb of the author of "The Little Humpbacked Horse" (In memory of P.P. Yershov)]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti*, 1894, no. 34, p. 684.
27. A.B. Iz vospominaniy o P.P. Yershove [From memories of P.P. Yershov]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti*, 1894, no. 34, pp. 690-692.
28. Golovachev, P.M. Iz libretto opery "Suzge" [From the libretto of "Suzge" Opera]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti*, 1896, no. 9, pp. 248-249; no. 47, pp. 1119-1120; no. 51-52, pp. 1195-1197.
29. Kuznetsov-Tobol'skiy. [Kuznetsov E.V.] Utes Suzge [Suzge Cliff]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti*, 1897, no. 23, pp. 352-353.

ПОЭТИКА «ПОКОЛЕНЧЕСКОГО» СЮЖЕТА В РОМАНЕ А. ИЛИЧЕВСКОГО «МАТЕМАТИК»

Рассматривается поэтика «поколенческого» сюжета в романе А. Иличевского «Математик» (2011). Констатируется, что он реализован не в изображении поколенческого конфликта на уровне «событий», а в изображении коммуникации поколений на уровне «со-бытия», когда главный герой формирует идею математического воскрешения генов умерших предков, осмысляет возможности «трансцендентной» встречи с умершими поколениями. Стратегия объяснения поэтики «поколенческого» сюжета связывается со своеобразием авторской поэтики героя (по Ю.М. Лотману). Предлагается объяснение поэтики потока сознания, символизации образов сознания и субстанциализации символов, трактовки героем языка, так как сюжет связан с выявлением героем структур, соединяющих реальность (жизненный мир), подсознание (интуицию) и мышление (рацио).

Ключевые слова: русский роман 2000-х гг.; поколение; сюжет; А. Иличевский.

Актуальность исследования поэтики сюжета в романах 2000-х гг. определяется приближением художественной картины мира в прозе к «реальному описанию» мира «во всём его объёме», т.е. движением повествовательных форм к «динамичности и открытости», «допущению множества сценариев и вариантов» [1. С. 41–42]. Это требует теоретического обоснования выбора авторами новых сюжетных средств и детальной интерпретации поэтики сюжета в отдельных произведениях. Ю.М. Лотман объяснял «исключительное богатство трансформаций и перекомбинирования сюжетных структур» взаимодействием «традиций жанра» с «сюжетами жизни» [2. С. 329]. «Поколенческий» сюжет – «сюжет жизни», и традиционно модель этого сюжета в литературе была сведена к изображению «поколенческого конфликта»¹ в каких-либо классических вариантах: «эдипов комплекс» (поколенческий конфликт на биолого-генетической основе), «отцы и дети» (поколенческий конфликт на социально-исторической основе), так как вплоть до рубежа XX–XXI вв. конфликт поколений рассматривался в основном либо как естественный закон, коренящийся в антропологической структуре человеческих потребностей, либо как универсальная тема человеческой истории. Современная литература акцентирует иные проблемы, определяющие модель «поколенческого» сюжета: с одной стороны, фиксирует в ситуации власти техноса, глобализации, компьютеризации, СМИ-технологий разрыв поколенческих коммуникаций или превращение их в рациональные и поверхностные; с другой стороны, осмысливая ошибки стереотипов и ценностей поколений как слишком частый в эпоху техноса процесс, сосредоточивается на проблеме открытия человеком смыслов актуальной реальности как поколенческих смыслов.

Для интерпретации «поколенческого» сюжета романов 2000-х гг. нужно учесть, что сюжетостроение этих произведений характеризует сознательная установка авторов на «сложность» и «рационализм». Это романы-путаницы, монтажные конструкции, где все взаимозаменяемо, все происходит одновременно (Л. Петрушевская «Номер Один, или В садах других возможностей»; А. Королев «Быть Босхом»; М. Шишкин «Венерин волос», «Письмовник»; А. Иличевский «Матисс», «Перс», «Письмовник»; Ю. Волков «Эдип царь» и др.). Сюжетная сложность связана с необходимостью передать представление о неоднородности со-

временной картины мира: «Реальность теряет единство и раскладывается на множество плоскостей» [4]. Осознание усложнившейся картины реальности, влияние визуальной культуры побуждают авторов к рационализму в сюжетостроении: сюжет становится схематичен, так как движется не персонажами и их поступками, а мыслью автора: выстраивая картину мира, авторы «сравнивают, уподобляют» реальности либо «отсылают от одной реальности к другой посредством намеков, иносказаний», либо «раскрывают их подлинную сопричастность, взаимопревращение» [4]. Кроме того, современное изменение сюжетостроения определяется изменением понятия «текст». Во-первых, текст сегодня рассматривается не как законченный, застывший продукт, а как идущее на наших глазах производство, «подключенное» к другим текстам, другим кодам [5. С. 424] (отсюда интертекстуальность как основа сюжетных моделей). Во-вторых, текст трактуется теперь как место коммуникации автора и читателя, поле для их взаимодействия и герменевтических процедур [1. С. 34–35]. Это формирует расширение сюжета: он выстраивается не только как цепь изображаемых событий, история, но и как «система событий художественной коммуникации, включающая писателя, читателя и дискурсное поле их отношений» [Там же. С. 41–42], а в качестве основных средств создания образов актуализируются такие категории, как мотив, сюжет-ситуация, язык повествования [Там же. С. 42]. В то же время большие исторические нарративы и завершённые рассказываемые истории (в том числе завершённые художественные фабулы) стали осознаться как фикции. Возникает вопрос, как это изменение традиции сюжетостроения влияет на изображение «сюжетов жизни», например, как меняется модель «поколенческого» сюжета? Цель данной статьи – проанализировать «сюжет жизни» в романе Александра Иличевского «Математик» (2011) выявить особенности поэтики «поколенческого» романного сюжета 2000-х гг.

Выбор материала обусловлен тем, что роман «Математик» (и другие романы А. Иличевского 2000-х гг. – «Матисс», «Перс») «прорвался в мейнстрим», «ошеломив сложностью и стилистической сгущённостью повествования» [4], а также тем, что творчество А. Иличевского вызвало внимание многих критиков (А. Латынина, Е. Вежлян, А. Голубкова, А. Ганиева, В. Пустовая, Л. Данилкин и др. [6])² – Иличевского

считают лучшим прозаиком последнего десятилетия, называют «писателем для умных». О презентабельности романов Иличевского свидетельствует то, что критики (М. Амусин) вводят Иличевского в ряд авторов как элитарной, так и беллетристической литературы (В. Пелевин, О. Славникова, И. Бояшов, Б. Акунин, Л. Улицкая) и отмечают, что признаком сходства их произведений являются жанровая гетерогенность (мотивы, сюжетные ходы пересекаются, накладываются друг на друга, интерферируют, создавая сложные сочетания и эффекты), а также мотив несубстанциональности реальности (она легко поддается всяческим трансформациям и превращениям) и стремление «расшифровать иероглифы бытия и повседневной жизни» с установкой на «глобальное объяснение» состояния мира [7. С. 42–43].

Критики уже отмечали, что сюжеты романов Иличевского вырастают из ряда метафор, плавно перетекающих одна в другую и каждый раз заново перестраивающих общий смысл текста: «Описываемое им происшествие словно бы утончается, и через его тонкую оболочку начинает просвечивать иная реальность. Каждое событие многократно отражается в себе самом, приобретая значение символа» [8. С. 276]. А. Голубкова объясняет рационализм сюжетостроения романов Иличевского присущей его произведениям эстетикой модернизма (модернизму свойственно пристальное вглядывание в реальность с разложением ее на мельчайшие детали, каждая из которых приобретает самостоятельное значение). Созданный Иличевским образ мира выглядит как прозаическая квазиреальность, но нарратив не выстраивается (критики считают, что Иличевский не умеет строить сюжет [9], «про отношения между людьми почти ничего не знает» [10]), потому что автор смотрит на сюжетную ситуацию извне, объективирует процесс субъективного осмысления героем видимого мира сквозь «иероглифы бытия» (критики называют романы Иличевского «поэмами, написанными в строчку»). Персонажи вступают скорее в «пространственные отношения», и демонстрируется, что это «пространство продумано и расчислено» автором [11. С. 204].

Это объясняет, почему выявление поколенческого сюжета в романе Иличевского «Математик» проблематично: нет явного межпоколенческого или внутривоколенческого конфликта, и изображение коммуникации представителей разных поколений в настоящем времени редуцировано (в сюжете есть только небольшой эпизод совместной поездки героя с отцом в Белоруссию на могилу деда, включенный в дискурс воспоминания). Однако присутствуют «следы» поколенческого сюжета: завязка действия – в событии ухода главного героя из семьи (получив Филдсовскую премию, математик Максим Покровский бросил жену и двух детей); сюжет связан с развитием субъективной идеи героя о математическом воскрешении генов умерших предков и с его путешествиями по миру в поисках ландшафта для виртуальной встречи с другими поколениями; эпизодически в повествование включаются фрагменты воспоминаний героя о «значимых близких», вошедших в его жизненный мир в детстве (мать, отец, бабушка). С нашей точки зрения, поколенческий сюжет в романе связан с изображением не пря-

мой коммуникации (встречи или конфликта) поколений, а их со-существования в «со-бытии», а также с изображением формирования героем (частным человеком) поколенческих ценностей (идей, текстов, символов, образа объективного мира) ради заботы о других поколениях.

Стратегию объяснения поэтики поколенческого сюжета в романе Иличевского следует связать со своеобразием авторской поэтики героя. По Ю.М. Лотману, «поэтика сюжета в романе – это в значительной мере поэтика героя, поскольку определенный тип героя связан с определенными же сюжетами» [2. С. 328]. Тип героя прозы Иличевского уже охарактеризован критиками как «ищущий странник, путешествующий по миру... пловец... вращающийся в круговерти бытия, проплывающий» всё время один и тот же путь: рождение – существование – смерть» [13]; отмечалось, что «модернистское бегство героя из цивилизации в бродяжничество лишь частично мотивируется теми изменениями, которые неосознанно происходят в его психике, в большей степени это происходит из трезвого осознания героем модернистской основы бытия», поэтому герой Иличевского «сознательно избирает бродяжничество как образ жизни» [14. С. 273]. Такое смешение в эстетике Иличевского черт модернизма и реализма придает поэтике героя и, следовательно, поэтике «поколенческого» сюжета в романе «Математик» особое качество, однако, являясь типичной чертой литературы 2000-х гг., требует дальнейшего уточнения (это одна из сверхзадач данной статьи).

«Поколенческий» сюжет романа «Математик» сформирован двумя целями главного героя, гениального математика Максима Покровского: первая (связана с процессом самоидентификации) – «физический» поиск героем своего места не в социуме, а в бытии (отсюда отказ от науки и профессии после получения Филдсовской премии, уход из семьи, бивуачная неукорененная жизнь маргинала в Сан-Франциско, поездки по степному югу России и Украины, восхождение на вершину Хан-Тенгри); вторая цель (связана с ответственностью перед другими поколениями) – внутренняя устремленность героя к новой жизненной и профессиональной цели – воскрешению связей с умершими поколениями (отсюда проверка героем идеи воскрешения умерших через математическое вычисление их генетического кода). Особенность поэтики сюжета в романе «Математик» состоит в том, что определяемые этими целями сюжетные линии связаны системой взаимодействующих между собой мотивов горы / вершины; воды / океана / озера / тумана; ландшафта / моста и др., презентующих одновременно пространство реальности и пространство сознания героя. Таким образом, наррация сильно усложняется, событийный и умозрительный планы смешиваются.

Иличевский показывает, что цели героя мотивируются, с одной стороны, осмыслением собственного пьянства, которое стало результатом непонимания им «катастрофы, поразившей мать» после ухода из семьи отца в первые постсоветские годы, с другой стороны, опустошением от занятий высшей математикой (Максим осознает, что в результате достижения математических вершин «нет сил на большее, а на меньшее не разменяюсь» [15].

С. 17]). Отсюда отказ от преподавательской деятельности («никому ничего не объяснишь» [15. С. 17]) и поиск самых глобальных – цивилизационных и онтологических – целей. Таким образом, герой изображен в момент «отрезвления» сознания (выхода из состояния научного творчества и алкоголизма), но это порождает интенцию не к соединению с окружающей действительностью, а к максимальному абстрагированию от нее ради решения новой задачи: при рассмотрении цивилизационных проблем герой понимает, что «математика оторвалась от природных нужд человека» [15. С. 18], и видит решение в математическом конструировании генов умерших поколений. Это цель «поколенческого» масштаба, так как она не только задает «антропологический» смысл личной биографии героя, но и обозначает его интенцию к радикальной трансформации сложившихся представлений о реальности путем воскрешения других поколений.

Воскрешение мертвых предков математическим путем можно интерпретировать в романе как ядро энтелехии³ постсоветского поколения, выразителем которой становится Покровский. Появление такой цели обусловлено не только отрицательным опытом семейного существования в советское время, полученным ровесниками Максима как данность (в семье героя могилы предков-крестьян, живших в XX в., безвестно затеряны на степном юге России; дед погиб во время Великой Отечественной войны и похоронен в братской могиле; отец уезжает в Америку, мать спивается), но и стремлением постсоветского поколения к абстрагированному пониманию социального мира (цель Максима – математически воскресить гены мертвых предков, но уйти от контактов с живыми близкими).

Б.В. Марков объясняет подобный подход современного человека тем, что сегодня философия вошла в новую постантропологическую эпоху, для которой характерен отказ от метафизической идеи человека (он связан с успехами биологии, которая определяет человека как цепь молекул и генетических кодов, с открытиями социологии, которая объясняет мораль и мировоззрение как надстройки над базисными социальными и экономическими институтами, и с претензиями этнологии, которая указывает на неуниверсальность человеческого) [16. С. 56]. Ряд знаковых систем, которые перебирает герой-математик для оформления идеи воскрешения, иллюстрируют жизненный мир и ценности поколения Покровского: его интересует не история, а историческая генетика⁴ (так как эта наука ставит целью на основе генома человека расшифровать ДНК его предков: «Слить бы из вены несколько капель крови и получить из них ДНК», – рассуждает Максим [15. С. 19]), не религиозные учения, а оккультизм (героя привлекает возможность смоделировать с помощью оккультных практик работу сознания в моменты профетических состояний, так как Максим по опыту знает, что математические озарения приходили к нему во время сна); не литература, а пакет компьютерных программ (герой старается создать алгоритм, с помощью которого моделируется генный обмен). Таким образом, Иличевский показывает, что языки культуры (истории, литературы, религии) постперестроечным поколением замещаются на новые ориентиры, скорее разрушающие традиционную духовную культуру.

Однако ориентация на новые «языки», по Иличевскому, является для постсоветского поколения не духовным тупиком, а путем к новым открытиям. Так, результатом перебора знаковых систем становится осознание героем того, что «в его распоряжении один из мощнейших вычислительных и модельных аппаратов в мире, созданный его разумом» [15. С. 19], т.е. он сам, его сознание, точнее – мышление. Осознание героем Иличевского себя как «вычислительного и модельного аппарата» обозначает и знаковую систему, выбранную для разработки идеи воскрешения, и внесение смысла в собственную биографию. Таким образом, поэтика героя и поэтика поколенческого сюжета включают в романе «Математик» процесс овеществления и технократизации героем собственного мышления, что воплощает идеи постсоветского, постиндустриального поколения.

Сюжет третьей главы «Отец и дед» представляет различные варианты повседневных способов «воскрешения» предков. Максим летит из Америки с отцом в белорусский городок Печищи, чтобы найти мемориал с захоронением деда, погибшего в годы Великой Отечественной войны. Эта сюжетная ситуация позволяет читателю оценить различные отношения к памяти об умершем близком у трех поколений: Максим считает, что с помощью компьютерных технологий «мир становится прозрачней, ближе» и с легкостью находит в Интернете полную информацию о месте захоронения деда (на сайте Минобороны) и о деталях смертельного боя деда (в архиве белорусской газеты), поэтому готов быстро действовать – ехать на поиск могилы деда. Отец, выросший в советское время, привык, что вся информация скрыта и действие не приводит к результату («Мы с матерью, твоей бабушкой, несколько раз посылали в Подольск запрос, но отвечали только, что дед погиб под Гомелем» [Там же. С. 20]), поэтому сомневается в том, есть ли смысл в поездке, не спешит ехать. Умершая бабушка принадлежала к поколению хранителей онтологической памяти и постоянно, вопреки отказам властей выдать информацию, предпринимала попытки найти могилу мужа. Вследствие этого различаются и способы повседневного воспоминания умершего близкого у представителей трех поколений: бабушка всю жизнь сохраняла память о муже, создав онтологически значимый ритуал (никогда не отмечала Новый год, потому что в этот день погиб муж); отец Максима начиная с послевоенного детства не может изжить эмоцию переживания горечи утраты своего отца, потому что он запомнил детали его индивидуального облика; Максим осознает, что мысли о деде заставляют его принимать самого себя, так как он давно уже научился моделировать и овеществлять в повседневности образ деда: преломляя собственное отражение в стеклах университетской библиотеки, он видит встречу сразу двух отраженных образов себя, и в одном привык узнавать молодого деда, на которого он похож.

Поэтика этой ситуации – модернистская: 1) герой опирается на образ сознания (фигуру субъективной памяти); 2) он неоднократно воспроизводит отраженные виды (фотография деда преломляется в его памяти, образ памяти мысленно проецируется им на стекло библиотеки, когда он видит там удвоенный собственный образ); 3) встреча в стекле визуальных образов

«деда» и «себя» – виртуальная, иномирная (происходит в зазеркалье). Ф. Дескола отмечал, что «то общее представление, которое я могу иметь о существовании другого... формируется на основе моих собственных ресурсов, когда я абстрагируюсь от мира и от всего, что он значит для меня, то есть от моего тела и от моей интенциональности» [17. С. 156]. Однако Иличевский показывает, что эта модернистская ситуация порождает эффект присутствия деда в повседневной жизни, а также объективную идентификацию героем самого себя.

Иличевский подчеркивает, что мыслительная стратегия Максима оказывается наиболее продуктивной и этичной: именно он, а не отец, настаивает на поездке в Белоруссию (хотя на братской могиле еще нет плиты с именем деда) и находит там, на месте, способ материализации памяти: создает ситуацию «воскрешения» – ночует в Новый год с отцом на снежном поле ради взгляда в небо, в которое смотрел дед, когда умирал. В этой ситуации происходит усиление переживания трансцендентного: переживание виртуальной встречи с умершим дедом как с «Другим» (принадлежащим миру трансцендентному) соединяется с переживанием «взгляда в небо» (вглядывание в Небытие). Семантика Нового года и ночного неба задает онтологический хронотоп данной сюжетной ситуации. Иличевский показывает, что герой в этой ситуации, смоделированной им самим, открывает, что именно сознание человека, способное преодолеть время и смерть, является аппаратом моделирования воскрешения: «–Значит, кости деда здесь... пробормотал Максим и почувствовал, как мозг... был занят настройкой недавно разработанной модели, с помощью которой можно было локализовать в фазовом пространстве рождений до восьми поколений прародителей» [15. С. 25].

Таким образом, развитие поколенческого сюжета в романе определяется не поколенческим конфликтом и не ситуациями поколенческих встреч, а процессом осмысления возможности «трансцендентной» встречи с умершими поколениями. Ради этого герой производит мыслительные операции, описание которых можно найти в работах Э. Гуссерля и А. Шюца: «...чтобы открыть сферу трансцендентальной субъективности как таковую», человек «должен лишиться мира, который прежде, в естественной установке, просто полагался как существующий, этого самого полагаемого бытия, и возвратиться к живому потоку собственных переживаний этого мира», в этом феноменологическом акте («эпохе») «схватывается чистая жизнь сознания». «В этом универсуме переживаний трансцендентального субъекта я нахожу все мои мысли об окружающем меня жизненном мире, к которому принадлежит, помимо всего прочего, моя жизнь вместе с другими, а также присущие ей процессы образования общностей, активно и пассивно придающие этому жизненному миру форму мира социального» [18. С. 521].

В сюжете Иличевского субъективная идея воскрешения вызывает изменение образа жизни героя и среды вокруг него. Во-первых, в повседневной жизни в Сан-Франциско вокруг героя складывается новая социальная структура (круг новых значимых близких), которая соответствует структуре поколенческих связей в семье: среди нового окружения нет его родственников, но

есть «старик» (китаец Чен), «возлюбленная» / «жена» (русская художница Вика), старший «друг» (Барни) и младший «alter ego» – носитель сознания вне стереотипов (даун Джорсон). Однако духовного обмена не происходит, коммуникация персонажей скорее функциональная (с Ченом Максим совершает выходы «на природу», за Джорсоном наблюдает в процессе совместной работы, с Барни связан в сфере искусства). С одной стороны, это отражает проблему редуцирования семейной коммуникации, подмену семьи суррогатом при полном повторении поколенческих структур семьи; с другой стороны, выявляется своеобразие коммуникативной цели Максима: он рассматривает окружающих как объекты собственного мышления.

Во-вторых, находясь в процессе абстрагирования, необходимом для развития идеи воскрешения, герой начинает не только людей, но и все окружающие объекты переосмыслять как образы скрытой реальности или как фигуры собственного мышления. Так, топография Сан-Франциско во время развозки пиццы на велосипеде позволяет ему видеть город как живой организм, подсказывающий, как разработать «временные проекции» генного кода: «Вся система городского кровотока мыслилась им как система со сложной функцией давления: пробки, улочки, по которым удобнее двигаться пешком, чем на машине, подъемы-спуски, петли кварталов – все это хором увлеченно формулировало для него задачу на оптимизацию времени» [15. С. 32].

Смешение культурных, национальных, религиозных, социальных знаковых систем в пространстве города вынуждает героя сначала к накоплению множества впечатлений о частной жизни (наблюдения за заказчиками пиццы), а затем к осмыслению пространства природы, так как только это дает позицию абстрагирования и «покоя» (внеаходимость по отношению к цивилизации, истории, культуре, знаки которых соединяются в городской среде): «Пока он искал только точку покоя. Он чувал, что в этом городе он способен обрести успокоение... Ледяное океанское течение, соседствуя с мелким, прогретым у Беркли заливом, рождало точку росы над городскими холмами» [Там же. С. 33]. Все основные пространственные мотивы (горы, воды, ландшафта, моста), становящиеся в сюжете романа символами мышления героя, впервые осмыслены Максимом в повседневном пространстве Сан-Франциско: «Он подхватывал сумку-термос с заказом и нырял в неоновую сетку таинственного гористого города, затопленного туманами, с трех сторон тесно обнятого океаном и увенчанного великолепным зрелищем моста над проливом» [Там же. С. 21]. Семантика мотивов океана и тумана (океан – символ первоначала, из которого все возникло; туман – вещество хаоса, образовавшее Вселенную), а также модернистская поэтика соединения онтологических природных явлений с урбанистическим пространством подчеркивают, что Живое и Неживое связаны между собой, перетекают одно в другое в каждом явлении действительности.

Ключевыми в системе городских пространственных мотивов являются мотив моста и мотив пляжа. Функция мотива «моста» в романе определяется сложившейся в культуре символикой моста, обозначающей «переход к реальности, от смерти к бессмертию, от

нереального к реальному» [19. С. 210]. «Мост казался милей вечности. Каждое утро Макс приближался к нему во время легкой пробежки. Садился на скамейку над обрывом. Взгляд его реял над заливом. Позвоночник протяжно стремился уподобиться мосту» [15. С. 33]. Образ городского пляжа устойчиво используется Иличевским как воплощение перехода от пространства материального мира к пространству абстрактных ментальных фигур: на пляжном берегу, глядя на горизонт, герой выстраивает цепь событий от прошлого к будущему (вспоминает о детских переживаниях, о поездке с отцом в Белоруссию и формирует план поездки на юг России в места жизни предков). Топос пляжа, несущий семантику «промежуточности» (граница между океаном и землей, стихией и цивилизацией) и визуально воплощающий оголенную (пустую) структуру пространства, способствует кристаллизации идеи героя. На пляже в диалоге со случайным цыганом (человек мира, странник) герой объясняет по-новому свою идею: чтобы воскрешать погибших, ему необходимо вычислить наследственность душ, и он ищет «структуры, которые инвариантны относительно огромного числа поколений» [Там же. С. 40]; наконец, наблюдая на пляже за игрой собаки с мячом, Максим видит в этом модель тех мыслительных процессов, которые происходят в его сознании: «Бессвязная речь в мозгу Максима настигала будущие следы, подхватывала всё движение пса, в стремительном броске соединявшего концы параболы, взмывшей из крепкой руки хозяина» [Там же. С. 41].

Далее Иличевский выстраивает сюжет так, чтобы показать смешение образов реальности, подсознания и фигур абстрагирования из размышлений героя. В восьмой главе «Из пены» герой сосредоточивается на осмыслении собственных снов, образы которых развивают маргинальные ситуации повседневности: Максиму снится, что всплывшие на пляже Сан-Франциско утопленники – это воссоздание Афродиты из пены. В романе Иличевского образы сна сближены с маргинальными образами повседневности вследствие того, что структурно близки, но отчужденная от действительности реальность сна позволяет герою увидеть символические смыслы повседневной ситуации: он осмысляет события сна как «эксперимент по созданию из Неживого Живого» [Там же. С. 45]. Осмысление сна приводит героя, ищущего средства вычисления «наследственности душ», к открытию соотношения структур сознания и мышления, которое он описывает с помощью символов: сознание человека обладает «тектоническим свойством сдавленного нравственностью кристалла», «напряжение сильных мыслей составляет ландшафт», но «ток мыслей» похож на дерево, на «расцветающий сад» [Там же. С. 46]. Таким образом, происходит выявление структур, соединяющих реальность (жизненный мир), подсознание (интуиции) и трансценденции мышления (рацио).

Иличевский переносит в сюжете идею «структур» из контекста сознания героя в контекст мира, цивилизации, чтобы соотнести ее с действительностью. Глава «Истребитель» содержит несколько символических образов, которые демонстрируют, что современная цивилизация трагична, так как зиждется на затвердевших структурах (Неживое): «тело ремонтируемого дома» со

вскрытой обшивкой всех этажей подчеркивает энтропию бытовой среды и сохранение структурной основы здания; памятник жертвам Холокоста, «заглядывающий» с обрыва в «Корвет», где Максим занимается сексом с Викой, воплощает бессмысленность памяти в современной цивилизации и сохранение структуры памяти; «театр военных действий», который устраивает пилот Роджер на теле проститутки-арабки, – знак перенесения человеком структур войны в сферу интимного. Иличевский подчеркивает, что осознание таких структур современной цивилизации заставляет героя еще раз задуматься о необходимости идеи воскрешения погибших как способной изменить «траекторию» современной цивилизации: Максим обращается к созданию текстов и к осмыслению «языка» и «текста».

Семантически значима форма первых записей героя – наброски воображаемых диалогов с собеседником с условным именем World (англ. – мир): подчеркнуты незаконченность записей героя (наброски), опора на субъективные представления (воображение), нацеленность на диалог с «миром» и осознание условности этого собеседника (герой называет его World, следуя моделям компьютерного общения, скрывающего истинный лик адресата). Благодаря такой промежуточной и условной форме герой формулирует (объективирует) в тексте следующие представления, воплощающие его отказ от опоры на голые структуры и на процесс абстрагирования, его попытки совместить жизненный мир, язык и мышление (живое и неживое): 1) «искусственный сверхмощный разум», способный воскресить умерших, «следует строить не на твердом кристалле, а на живой плоти, на разуме как таковом» [20. С. 7]; 2) чтобы разрушить границу между мышлением человека и машины, нужен «интерфейс взаимодействия» – язык, «которым живое говорит с неодушевленным», так как «одушевленное есть один из видов неодушевленного» [Там же. С. 8]; 3) «теория языка должна, наконец, объединить живую и неживую материю, поместить их в структуру взаимного дополнения» [Там же].

Однако Иличевский не ограничивается этой близкой постмодернизму точкой зрения: вкладывает в уста героя мысль о том, что «согласно законам речи устроен геном», и объяснение философской основы этой мысли – «состыковка штудий и Витгенштейна⁵, и Геделя⁶ – с законами физического мира» [Там же]. Поэтому несмотря на то, что в сюжете романа проверяется идея языка как структуры, благодаря которой осуществляется связь Живого с Неживым, реализуется эта идея не в выходе авторского сознания к трансцендентальным онтологическим процессам (как в постмодернизме), а в сюжете героя, и мотивируется поколенческой идеей героя (поиском способа воскрешения умерших поколений).

Кроме того, в поэтике героя романа «Математик» акцентируется не только идея языка, но и поэтика сознания и символизация образов сознания. Так, герой находит символический образ, связывающий функции языка и человека, – «мост». В главе «Мост» Максим после выхода в открытый океан на нелегальный лов крабов (семантика выхода за «мост», за границу цивилизации, столкновения со «стихией») постигает антропологический смысл существования человека («Чело-

век есть мост между Живым и Неживым» [20. С. 13]), осознает, что в прошлом его «усилия в математическом преобладании были способом, каковым он сам преобразовал себя в Слово, с помощью которого Живое обращалось к Неживому» [Там же]. В результате, герой приходит к выводу: «чтобы помыслить фундаментальное устройство Вселенной, следует приобрести знание о природе собственного мышления» [Там же]. Таким образом, Иличевский не связывает концепцию героя с постмодернистскими представлениями об онтологичности языка, он вводит такие сюжетные ходы, которые воплощают соединение реалистических, постмодернистских и модернистских представлений, акцентирует не только необходимость постигать Неживое, но и необходимость постигать мышление.

Новое символическое представление о том, что такое мышление, приходит к Максиму из снов (тем самым визуализируется, абстрагируется и символизируется): в первом сне он видит мышление как гористый ландшафт, во втором – математические объекты предстают как теологические (в виде служебных ангелов мышления). Поиск визуальных символических образов, осуществляемый и на сознательном уровне (в текстах), и на подсознательном (в снах), важен для поколения Максима, влияет на изменение представления о внешнем и внутреннем мире: Покровский начинает понимать не только то, что мышление имеет антропологическое значение («Внешне я ничем не отличаюсь от продавца в магазине. Или от таксиста... Что-то должно смыкаться внутри, должна существовать какая-то неочевидная связь между математиком и просто человеком» [20. С. 14]), но и то, что общечеловеческие рефлексии и эмоции имеют постантропологический смысл («наличие “эмоции” и “рефлексии” в этой среде (среде математических объектов. – Т.Р.) позволило бы ввести коммуникативную категорию, с помощью которой можно было бы построить искомый язык общения с Неживым» [Там же]).

Сны и тексты соединяются автором в сюжете в контексте условного трансцендентального пространства, создаваемого мышлением героя, в котором героем не только формируются отдельные символы, но и моделируется целый символический универсум. Однако своеобразие поколенческого сюжета в данном романе обусловлено тем, что, с точки зрения героя, недостаточно сконструировать отвлеченные от повседневности символы, иллюстрирующие идею воскрешения, нужно превращать их в объективно существующие элементы повседневной жизни (Максим приглашает отца вновь поехать в Белоруссию, чтобы убедиться, что символическая плита с упоминанием имени деда установлена на братской могиле).

Таким образом, поэтика символизации сопряжена у Иличевского с поэтикой реификации, субстанциализации символов. После отказа отца от поездки Максим ищет способы внесения обретенных им символов в повседневность: рассказывает Барни о матери и о Белоруссии как о конкретных причинах появления его идеи воскрешения умерших, демонстрирует Барни свои записи с вычислениями размещения всех воскресших на площади Москвы и сообщает, что он ищет «математическую модель передачи полной информа-

ции об умерших живым» [20. С. 16] (так он представляет процедуру воскрешения). Барни в ответ начинает делиться с Максимом своим опытом (предлагает развить идею воскрешения в фильм, придумывает элементы сценария об ирреальных сценах воскрешения и Судного дня). Он навязывает Максиму свои постмодернистские авангардистские концепции, основанные на «переводе жизни в текст», однако благодаря этому герой осознает, что для соединения найденных им символов с повседневностью тоже нужен какой-то язык и текст (например, язык и текст кино).

Максим использует идею Барни о сценарии и видит в такой форме текста способ материального соединения осмысленного им символического универсума с действительностью, т.е. материальный языковой объект (мост), соединяющий Неживое с Живым. Иличевский вводит в роман отдельную главу «Сценарий», включающую в себя текст ученического сценария Максима о восхождении братьев Абалаковых на Хан-Тенгри в 1930-х гг. Содержание сценария показывает, что Максим проверяет возможности различных дискурсов текста передать правду исчезнувшего прошлого. Сценарий построен на чередовании дневников Евгения Абалакова (написанных в момент восхождения) и мемуаров его брата Виталия (переосмысляющих это же восхождение спустя некоторое время). Без каких-либо комментариев герой сталкивается в рамках своего сценария пересказанные им фрагменты чужих текстов, и становится понятно, что дискурс «дневника» (используемый Евгением) позволяет вести записи в момент событий, передавать живые эмоции автора (совершающего ошибки, не видящего своего мужества), воссоздавать мельчайшие бытовые действия, связанные с восхождением. Дискурс «мемуаров» свидетельствует о позиции отчуждения от событий, о приукрашивании автором собственной роли (в мемуарах Виталий приписывает себе мужественные поступки Евгения), о трезвой, но «готовой» оценке ошибок и просьб других.

По Иличевскому, «мостом» между исчезнувшим прошлым («Неживым») и настоящим могут стать тексты, написанные в форме «дневников» (их автор – Евгений Абалаков – оценивается Максимом как более точно передающий истину). Об этом свидетельствует финальный эпизод главы «Сценарий», в котором Максим пытается понять принцип действия конкретной бытовой вещи, из-за которой погиб Евгений Абалаков, – газовой колонки. Образ этой вещи соединяет в романе семантику быта и смерти, современности и прошлого, Живого и Неживого (Евгения и Максима), так как «вещь» доступна проверке (Максим дотошен в познании правды жизни Евгения и узнает в московском музее газового хозяйства, что от подобных первых в стране газовых колонок действительно можно было умереть).

Таким образом, в поколенческом сюжете романа «Математик» важное сюжетообразующее значение имеет идея текста, который исследуется в различных ракурсах как структура, устанавливающая связь не только Живого с Неживым, но и Неживого с Живым (т.е. в том и другом направлении). Иличевский показывает, что вследствие этого структура текста может сама порождать смыслообразование. Так, например, найденная героем форма сценария, опирающаяся на

моделирование диалога текстовых дискурсов, не позволяет визуализировать восхождение братьев в кинематографическом смысле («Снять нельзя», – говорит преподаватель на курсах), но дает возможность соединять и множить в «тексте» варианты одной ситуации: Максим включает в свой сценарий отрывок из дневника Евгения, в котором тот, в свою очередь, рассказывает драматичную историю восхождения своих двух кумиров, Кроули и Эккенштейна, в конце XIX в. Благодаря этому текстовому приему высвечивается идея: внешние перемещения человека по миру определяются внутренним ландшафтом его сознания (то, как по-разному братья Абалаковы, Кроули / Эккенштейн восходили и спускались с одной и той же горы, отражает их личности и зафиксировано их текстами). Как видно, идея ландшафта, принципиальная в сюжете героя и поколенческом сюжете романа, порождена взаимодействием текстовых структур между собой в процессе посредничества текста между Неживым и Живым. Далее Иличевский строит сюжет на том, что показывает, как герой извлекает эту идею из реальности текста и перемещает в жизненный мир, проверяя ее значимость для его субъективной идеи воскрешения, а также ее состоятельность в рамках объективной реальности.

Путешествия героя рассматриваются в романе как способ соединения его оформленной в текстах идеи с пространством мира. В предпоследней главе романа «За казаками» изображаются поездки Максима и Барни по российскому и украинскому югу как способ совмещения их идей и ландшафта действительности: цель Барни – отснять готовые («настоящие») виды и лица казаков, чтобы создать фототекст; цель Максима – увидеть географический ландшафт, «запечатленный в сознании предков», чтобы понять их личности и сознание, так как ландшафт – это личность («Леонардо да Винчи считал, что... человек – малый мир, ибо составлен из земли, воды, воздуха и огня подобно самой планете. Примерно то же относится и к сознанию человека, которое обретается в ландшафте» [20. С. 49]).

В путешествии Максим не испытывает претензий к российской действительности 2000-х гг. (несмотря на коллизии ночевки в тюремной гостинице в Орле, обнаружения наркотиков Барни на русско-украинской границе), потому что не сосредоточен на оценке цивилизации, истории, культуры как объективно и неизбежно существующей реальности, он лишь внимательно всматривается в ландшафты, пытается связать скрытые в них знаки между собой, чтобы обнажились коды существования живших здесь когда-то и умерших людей: например, в Ясной Поляне он сразу чувствует нецелостность ландшафта, отсутствие центра, связывающего все воедино, и только потом узнает, что Толстой всю жизнь пытался восстановить утраченный родовой дом на холме, но так и не смог; в деревне Ладовская балка, где жила прабабка Акулина, он рассматривает речку, в которой, по семейному преданию, бабка в 1933 г. ловила рыбу оренбургским платком; в деревне Козиевка, где жил дед, герой собирает землю с обочины и оглядывается, запоминая ландшафт этого места; в буддийском храме в Элисте, возле пантеона статуй буддийских учителей, осознает, что культура начинается с культа мертвых, восполняя те зияния речи, которые

существуют в Небытии. Степной ландшафт Калмыкии и пространство буддизма подвигают героя к мысли о том, что «ландшафт, тело земли, удобрен телами погибших и похож на человека, а человек составлен из веществ мира» [20. С. 50].

Таким образом, путешествие и наблюдения за ландшафтами позволяют герою понять реализованную в пространстве действительности связь Живого / Неживого и конструировать в своем сознании трансцендентальный образ мира и человека в нем, абсолютно совпадающий и с видимыми объектами, и с открытиями классического искусства (Максим вспоминает, что задник на ренессансных картинах важнее первого плана, так как там мир изображен как ландшафт, видимый во все концы).

Финал поколенческого сюжета определяется финалом путешествий героя – восхождением вместе с Барни на Хан-Тенгри. Эта ситуация соединяет несколько мотивов в поэтике героя: мотив путешествия (бродяжничества) как вращение в «круговерти бытия» [13], мотив восхождения на гору как аналог достижения математических вершин, мотив ландшафта как наблюдение героем материальных пространственных знаков связи Неживого и Живого, а также мотив трансцендентной встречи с умершими поколениями. Образ одной из главных вершин Тянь-Шаня горы Хан-Тенгри позволяет Иличевскому поместить все мотивы в космологическую и антропологическую систему отсчета. Максим полностью сосредоточивается на наблюдениях за горой со стороны («Хан-Тенгри поглощал все зрение» [20. С. 55]) и открывает онтологическое сходство: гора (вершина) похожа на мать, так как на вершине жизнь и смерть максимально близки, а мать – проводник из Небытия в жизнь и обратно [Там же]. Таким образом, глядя на ландшафт горы, Максим постигает суть существования матери. Об объективности этого ментального процесса свидетельствует то, что ландшафт горы производит такое же влияние на сознание Барни, вспоминающего на горе главную женщину своей жизни – бабушку, которая его вырастила.

Таким образом, Иличевский показывает в финале поколенческого сюжета процесс реификации: при длительном наблюдении со стороны значимость вершины перестает восприниматься героем как интенция, порожденная его сознанием, – в его представлении за ней закрепляется «качество нечеловеческой, дегуманизированной фактичности» (продукт его человеческой деятельности – мышления – воспринимается им самим как что-то совершенно от этого отличное, как природное явление, следствие законов Небытия) [23. С. 146]. Иличевский находит поведенческий жест, который указывает на максимальное отчуждение героя от продукта собственной мыслительной деятельности (символизации горы, ландшафта, матери), – Максим начинает испытывать жуткий страх перед восхождением (потому что осознает вершину уже не как интенцию собственного сознания, а только как отчужденный природный объект), безуспешно пытается изжить этот страх (таблетками, раскаянием перед матерью, решением математических задач) и идет к вершине только после того, как там пропал Барни (этика, эмоции сопереживания заставляют преодолеть страх, следовательно, он

действительно возник из-за осознания вершины как отчужденного «космического» явления).

В ситуации восхождения, выходя из позиции «наблюдающего», герой максимально соединяется с ландшафтом действительности – трижды погружается в «пещеры» альпинистов (комфортную, дискомфортную и просто в спальник в снегу), которые становятся все меньше и теснее, и таким образом уходит в «лоно» горы (лоно матери), чувствует себя «комочком». С мифологической точки зрения, «...пещера – “символ вселенной”. Олицетворяет центральный пункт, средоточие, центр мира, место соединения личности с высшим эго; место инициации и второго рождения. Пещера – это женский принцип, утроба Матери-Земли в ее защищающем аспекте. Это одновременно место и погребения и возрождения, тайны, приращения и обновления, откуда человек возникает и куда он возвращается после смерти в каменной гробнице» [19. С. 245]. На горе в пещере герой переживает символическую ситуацию рождения-смерти (возвращение в лоно матери и в Небытие) и одновременно ситуацию возвращения к «человечности» (эмоциям, телу), в результате чего гора перестает быть страшной, и покорение вершины теперь его не влечет. Чтобы подчеркнуть обретение героем истинного переживания бытия-небытия-бытия, автор вводит в сюжет сон находящегося в пещере Максима о реализовавшемся воскрешении: «На рассвете он откинулся в дрему, и привиделось ему, что все те альпинисты, что замерзли когда-то в горах, потихоньку освобождаются от ледового плена и, подобно ожившим статуям, собираются вокруг высоченного костра, у которого отогреваются и выступают к вершине» [20. С. 55].

Моделирование автором ситуации воскрешения, которую переживает в финале сам герой (искавший математические «алгоритмы» воскрешения предков),

подтверждается апелляцией к библейским мотивам «оживания тела Христа и его выхода из заваленной камнем гробницы» (Евангелие от Петра) [24. С. 251] и «блудного сына»: чуть не замерзнув насмерть, Максим после снежной пещеры возвращается в Долгопрудный к спившейся матери. Символично, что в финальной сцене герой изображается приходящим в дом матери в городе Долгопрудном (подчеркивается, что он идет мимо прудов). Символика воды обозначает круговорот жизни и смерти.

Таким образом, в романе Иличевского развитие поколенческого сюжета определяется не поколенческим конфликтом и не ситуациями поколенческих встреч (коммуникаций), а процессом осмысления возможности «трансцендентной» встречи с умершими поколениями (герой начинает конструировать образ «пространства встречи с умершими», анализирует структуры мышления, языка, текста как средства связи Живого и Неживого). Поэтика поколенческого сюжета тесно связана в «Математике» с поэтикой героя и определяется смешением черт модернизма, постмодернизма и реализма в эстетике Иличевского. Сны и тексты героя соединяются в контексте условного трансцендентального пространства, создаваемого его мышлением, в котором не только формируются отдельные символы, но и моделируется целый символический универсум. При этом поэтика символизации сопряжена в романе с поэтикой реификации, субстанциализации символов: бродяжничество и путешествия представлены в романе как способ соединения оформленной в текстах идеи героя с пространством действительности. Система пространственных мотивов и символических образов (горы, воды, моста, пещеры и др.) презентует одновременно пространство реальности / Небытия и пространство сознания героя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Конфликт поколений – это процесс возникновения, проявления, столкновения и разрешения противоречий как между представителями одного поколения (внутрипоколенный конфликт), так и между представителями разных поколений (межпоколенный конфликт)» [3. С. 42].

² Латынина А. Странники и бродяги. URL: <http://www.sites.google.com/site/alexanderilichevsky/kritika>; Наринская А. Писатель разговорного жанра // Weekend. 2010. № 15 (161); Беляков С. Память ландшафта // Новый мир. 2008. № 10; Яранцев В. Медленные мальчики // Пение известняка. А. Иличевский. 2008; Голубкова А. Медленное изучение натуры // Новое литературное обозрение. 2008. № 89; Лиза Ё-Новикова. Лирика о физике // Коммерсантъ. 28.11.2007. № 219 (3795); Данилкин Л. Матисс нулевых. URL: <http://www.afisha.ru/blogcomments/280>; Люсый А. Русский Гулливер. М.: Наука, 2005–2006; Вежлян Е. Модернистское исчезновение автора: след и сад // Новый мир. 2006. № 2; Пустовая В. Крупицы тверди // Вопросы литературы. 2010. № 4. URL: <http://www.magazines.russ.ru/voplit/2010/4/put5.html>; Ермолин Е. Художественная проза. Четвертый квартал 2007 // Континент. 2008. № 135; Ермошин Ф. Падающий автор // Октябрь. 2008. № 9.

³ Под энтелехией К. Маннгейм, введший это понятие, понимал внутреннее предназначение поколения. По Р. Пиндеру, энтелехия – это творческое ядро преемственности поколений, все отношения преемственности могут быть выражены через это понятие, близкое по смыслу понятию «дух времени».

⁴ Б. Марков отмечает: «Еще более зрелищным вторжением технологий в интимную сферу субъекта является геновая инженерия. Отсюда популярность фантастического проекта, предлагающего заново сделать человека. Если техника конфронтирует с гуманизмом, то генетика приводит к мысли о полном растворении и потере субъективности. Генетики не пользуются понятием персонального субъекта в моральном или в каузальном смысле. Таким образом, техники анализа сознания, будь то феноменология, герменевтика или психоанализ, оказываются ненужными. Вместе с ними оказываются под вопросом и практики гуманизации человека, основанные на философской рефлексии» [16. С. 56].

⁵ «Витгенштейн ставит вопросы об условиях возможности содержательности языка, стремится установить пределы мышления, обладающего объективным смыслом и несводимого к каким-либо психологическим особенностям. При этом мышление отождествляется с языком... границы языка совпадают с границами “мира”» [21. С. 394–395].

⁶ «Гёдель следует конструктивистскому подходу (строю логику и арифметику одновременно), то есть провозглашает изучение на арифметических моделях всевозможных логических отношений» [22. С. 215].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бальбуров Э.А. Сюжет и история: к проблеме эволюции повествовательных форм // Сюжет. Мотив. История. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2009.
2. Лотман Ю. Сюжетное пространство русского романа XX столетия // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988.

3. Глотов М.Б. Поколение как категория социологии // Социологические исследования. 2004. № 10.
4. Вежлян Е. Новая сложность. О динамике литературы // Новый мир. 2012. № 1. URL: http://www.magazines.russ.ru/novyi_mi/2012/1/v14.html#_ftn12#_ftn12
5. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.
6. Латынина А. Странники и бродяги. URL: <http://www.sites.google.com/site/alexanderilichevsky/kritika>
7. Амузин М. ...Чем сердце успокоится. Заметки о серьезной и массовой литературе в России на рубеже веков // Вопросы литературы. 2009. № 3.
8. Голубкова А. Медленное изучение натуры // Новое литературное обозрение. 2008. № 89.
9. Немзер А. Гулять так гулять // Время новостей. 2007. 7 декабря. URL: <http://www.vremya.ru/2007/225/10/193644.html>
10. Ермолин Е. Художественная литература. Второй квартал 2007. URL: <http://www.magazines.russ.ru/continent/2007/133/hu15.html>
11. Булкина И. Проза «нулевых» // Знамя. 2010. № 9.
13. Грибоедова А. Рец. на сборник: Иличевский А.В. Пловец: рассказы. М. : АСТ: Астрель, 2010. URL: <http://www.ruskiymir.ru/ruskiymir/ru/publications/review/review0030.html>
14. Голубкова А. Медленное изучение натуры // Новое литературное обозрение. 2008. № 89.
15. Иличевский А. Математик // Знамя. 2011. № 4.
16. Марков Б.В. Образ человека в постантропологическую эпоху // Вопросы философии. 2011. № 2.
17. Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры. М. : НЛО, 2012.
18. Шюц А. Феноменология и социальные науки // Логика культуры. Антология. СПб. : Университетская книга, 2009.
19. Купер Дж. Энциклопедия символов. М. : Ассоциация духовного единения «Золотой век», 1995.
20. Иличевский А. Математик // Знамя. 2011. № 5.
21. Большая Российская энциклопедия : в 30 т. М. : Большая Российская энциклопедия, 2006. Т. 5.
22. Всемирная энциклопедия: Философия. Москва : АСТ ; Минск : Хорвест, Современный литератор, 2001.
23. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Руткевич. М. : Медиум, 1995.
24. Мифы народов мира : в 2 т. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. Т. 1.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 3 февраля 2014 г.

POETICS OF THE "GENERATIONAL" PLOT IN A. ILICHEVSKY'S NOVEL *THE MATHEMATICIAN*

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 42-51 DOI: 10.17223/15617793/381/7

Rytova Tatiana A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rytova1967@mail.ru

Keywords: Russian novel of the 2000s; generation; plot; A. Ilchevsky.

A model of the "generational" plot in the Russian literature of the 19th–20th centuries has been reduced to the image of the "generational conflict" in any classic version, such as the Oedipus complex (a generational conflict on the biological and genetic basis), fathers and sons (a generational conflict on the socio-historical basis). Literature at the turn of the 20th–21st century records the gap of generational communication or their transformation into rational and superficial in the situation of technos power, globalization, computerization and media technology. It is hard to identify the generational plot in the novel by Alexander Ilchevsky *The Mathematician* (2011): there is no explicit inter- or intra-generational conflict, the image of generation communication in real time is reduced. Here the "generational" storyline is linked to the development of the subjective idea of the main character about the mathematical resurrection of the dead ancestors' genes and to his travels around the world in searching for the space to reach the "transcendent" meeting with the resurrected generations. The article connects the strategy of explaining the poetics of the "generational" plot with the originality of the author's poetic of the character (by Yu.M. Lotman). In *The Mathematician* the poetics of the character and the poetics of the "generational" plot presuppose the main character's reification and technocratization of his own thinking that embodies the ideas of the post-Soviet, post-industrial generation. Being in abstraction, which is necessary for the development of the idea of resurrection, the character begins to think about himself as a "computational and model machine" and about people and objects around as the images of the hidden reality or as figures of their own thinking. This article explains the poetics of the stream of consciousness, the symbolization of images of consciousness, the substantialization of symbols as well as the character's interpretation of language, as the plot presents the character's identification of the structures that connect the reality (life-world) with the subconscious (intuition) and the mind (the rational). Thus, the character researches the text in different aspects as a structure that links the living with the non-living and vice versa, the non-living with the living. His travel and landscape observations allow the character to understand the connection of the living and the non-living implemented in the space of reality. During his travel around Russia and Ukraine the character of Ilchevsky is not focused on assessment of civilization, history and culture as an objective and immutably existing reality, he peers into the landscape trying to find interconnection between the signs it hides in order to expose the existence codes of people who used to live and die here. At the end of the novel the character immerses into the "cave" of climbers on Khan-Tengri Mount three times and thus goes into the mountain "bosom" (mother's bosom). He experiences the situation of a symbolic birth-death (returning to the mother's bosom and Nothingness) and at the same time the situation of coming back to "humanity" (emotions, body). The character's discovery of the true experience of being-nothingness-being confirms by his dream on the mountain about the resurrection of the dead mountaineers which came true.

REFERENCES

1. Bal'burov E.A. *Syuzhet i istoriya: k probleme evolyutsii povestvovatel'nykh form* [The plot and the story: the problem of narrative form evolution]. In: *Syuzhet. Motiv. Istoriya* [Plot. Motive. Story]. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publ., 2009.
2. Lotman Yu. *Syuzhetnoe prostranstvo russkogo romana XX stoletiya* [The plot space of the Russian novel of the twentieth century]. In: Lotman Yu.M. *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol'* [In the school of poetic words: Pushkin. Lermontov. Gogol']. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1988.
3. Glotov M.B. Pokolenie kak kategoriya sotsiologii [Generation as a term of sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2004, no 10.
4. Vezhlyan E. Novaya slozhnost'. O dinamike literatury [New complexity. On the dynamics of literature]. *Novyy mir*, 2012, no. 1. Available at: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2012/1/v14.html#_ftn12#_ftn12.
5. Barthes R. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected Works. Semiotics. Poetics]. Moscow, 1989.
6. Latynina A. *Stranniki i brodyagi* [Wanderers and vagabonds]. Available at: <http://sites.google.com/site/alexanderilichevsky/kritika>; Narinskaya A. Pisatel' razgovornogo zhanra [A writer in the conversational genre]. *Weekend*, 2010, no. 15 (161); Belyakov S. Pa-

- myat' landshafta [Landscape memory]. *Novyy mir*, 2008, no. 10; Yarantsev V. *Medlennye mal'chiki* [Slow boys]. In: Ilichevskiy A. *Penie izvestnyaka* [The singing of limestone], 2008; Golubkova A. *Medlennoe izuchenie natury* [A slow study of nature]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2008, no. 89; Liza 'b-Novikova. *Lirika o fizike* [Lyrics on physics]. *Kommersant*", November 28, 2007, no. 219 (3795); Danilkin L. *Matiss nulevykh* [Matisse of the zeros]. Available at: www.afisha.ru/blogcomments/280; Lyusyy A. *Russkiy Gulliver* [A Russian Gulliver]. Moscow, Nauka Publ., 2005-2006; Vezhlyan E. *Modernistskoe ischeznovenie avtora: sled i sad* [Modernist disappearance of the author: the trail and the garden]. *Novyy mir*, 2006, no. 2; Pustovaya V. *Krupitsy tverdi* [Grains of arch]. *Voprosy literatury*, 2010, no. 4. Available at: <http://magazines.russ.ru/voplit/2010/4/pu5.html>; Ermolin E. *Khudozhestvennaya proza. Chetvertyi kvartal 2007* [Fiction. Fourth quarter of 2007]. *Kontinent*, 2008, no. 135; Ermoshin F. *Padayushchiy avtor* [A falling author]. *Oktyabr*', 2008, no. 9.
7. Amusin M. *Chem serdtse uspokoit'sya. Zametki o ser'eznoy i massovoy literature v Rossii na rubezhe vekov* [What will calm the heart. Notes on the serious and popular literature in Russia at the turn of the centuries]. *Voprosy literatury*. 2009. no. 3.
 8. Golubkova A. *Medlennoe izuchenie natury* [A slow study of nature]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2008, no. 89.
 9. Nemzer A. *Gulyat' tak gulyat'* [Going the limit]. *Vremya novostey*, December 7, 2007. Available at: <http://www.vremya.ru/2007/225/10/193644.html>.
 10. Ermolin E. *Khudozhestvennaya literatura. Vtoroy kvartal 2007* [Fiction. Second quarter of 2007]. Available at: <http://magazines.russ.ru/kontinent/2007/133/hu15.html>
 11. Bulkina I. *Proza "nulevykh"* [Prose of the "zeros"]. *Znanya*, 2010, no. 9.
 13. Griboedova A. Review of: Ilichevskiy A.V. *Plovets: rasskazy* [A swimmer. Short tales]. Moscow, AST: Astrel' Publ., 2010. Available at: <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/publications/review/review0030.html>
 14. Golubkova A. *Medlennoe izuchenie natury* [A slow study of nature]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2008, no. 89.
 15. Ilichevskiy A. *Matematik* [The Mathematician]. *Znanya*, 2011, no. 4.
 16. Markov B.V. *Obraz cheloveka v postantropologicheskuyu epokhu* [The image of the person in the post-anthropological era]. *Voprosy filosofii*, 2011, no. 2.
 17. Descola Ph. *Par-delà nature et culture*, Paris, Gallimard, Bibliothèque des sciences humaines, 2005. (Russ. ed.: Deskola F. *Po tu storonu prirody i kul'tury*. Moscow, NLO Publ., 2012.)
 18. Schütz A. *Fenomenologiya i sotsial'nye nauki* [Phenomenology and the social sciences]. In: *Logika kul'tury. Antologiya* [The logic of culture. Anthology]. St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2009.
 19. Cooper J.C. *An Illustrated Encyclopaedia of Traditional Symbols*. Thames & Hudson, 1987. 208 p. (Russ. ed.: Kuper Dzh. *Entsiklopediya simvolov*. Moscow, Assotsiatsiya Dukhovnogo Edineniya "Zolotoy vek" Publ., 1995.)
 20. Ilichevskiy A. *Matematik* [The Mathematician]. *Znanya*, 2011, no. 5.
 21. *Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya: V 30 t.* [The Big Russian Encyclopedia. In 30 vols.]. Moscow, Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya Publ., 2006. Vol. 5.
 22. *Vsemirnaya entsiklopediya: Filosofiya* [The World Encyclopedia of Philosophy]. Moscow, AST Publ., Minsk, Kharvest Publ., Sovremennyy literator Publ., 2001.
 23. Berger P.L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Anchor, 1967. 219 p. (Russ. ed.: Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya*. Moscow, Medium Publ., 1995.)
 24. *Mify narodov mira. Entsiklopediya v dvukh tomakh* [Myths of Nations of the World. Encyclopedia in Two Volumes]. Moscow, Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya Publ., 1998. Vol. 1.

ПРОБЛЕМЫ АТРИБУЦИИ СТАТЕЙ А.Н. МАЙКОВА О ВЫСТАВКАХ В ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ

Статья вторая

Представлен первый опыт атрибуции важной части творческого наследия А.Н. Майкова – обзоров ежегодных выставок в Императорской Академии художеств, публикуемых в журналах «Отечественные записки» и «Современник» с 1847 по 1853 г. Во второй статье устанавливается принадлежность поэту обзора выставки, напечатанного в 11-м номере журнала «Современник» за 1847 г. Рассмотрен также комплекс внешних и внутренних предпосылок, обусловивших прекращение Майковым деятельности художественного критика.

Ключевые слова: А.Н. Майков; художественная критика; атрибуция; обзор; выставки в Императорской Академии художеств; «Современник».

А.Н. Майков был автором семи обзоров выставок, напечатанных в журнале «Отечественные записки» в 1847 и 1849–1853 гг. [1]. В биографии поэта точно указан временной промежуток, в который он обращался к деятельности художественного критика: 1847–1853 гг. [2. С. 32]. В автобиографии Майков отметил, что написал «до восьми статей» о выставках [3. Л. 5 об.]. При этом и в биографическом очерке М.Л. Златковского и в автобиографии [Там же] говорится о том, что обзоры выставок поэт публиковал не только в «Отечественных записках», но и в «Современнике». В.Э. Боград в книге «Журнал “Современник”». 1847–1866: Указатель содержания» атрибутировал Майкову три статьи подобного рода, опубликованные в этом журнале в 1847, 1852 и в 1857 гг. [4. С. 485, 540]. Уже беглое ознакомление с текстами статей 1852 и 1857 гг. [5, 6] позволяет исключить по отношению к ним авторство Майкова. Они далеки от тех формальных и содержательных особенностей, которые в целом характеризуют статьи о выставках, опубликованные поэтом в «Отечественных записках» [1]. Особенно это очевидно по отношению к статье 1852 г., которую не трудно сопоставить с аналогичным обзором Майкова в 11-м номере журнала «Отечественные записки» и увидеть принципиальные различия двух текстов.

Опубликованная в 11-м номере журнала «Современник» 1847 г. статья «Годичная выставка в Императорской Академии художеств» [7], напротив, приписывается В.Э. Боградом Майкову не без оснований. Судя по письмам и статьям В.Г. Белинского, в этот период он вообще очень симпатизировал деятельности молодых представителей кружка Майковых, сожалел, что они не сотрудничают в «Современнике», и мечтал переманить их к себе от Краевского, прилагая к этому усилия [8. Т. 6. С. 407–408, 427]. Белинский упоминал при этом М.П. Заблочного, С.С. Дудышкина¹, В.А. Милютину и В.Н. Майкова, рассматривая, вероятно, А.Н. Майкова прежде всего как поэта. Однако представляется вполне возможным, что, заметив удачный критический дебют А.Н. Майкова в апрельском номере в «Отечественных записках» 1847 г., в изменившейся ситуации (в августе 1847 г. в связи с трагической смертью В.Н. Майкова «Отечественные записки» лишились редактора) редакция «Современника» заказала ему разбор очередной выставки в Академии художеств. Майков очень переживал смерть брата. 30 сентября 1847 г. он признавался Ю.Д. Ефремовой:

«Я до сих пор еще не могу совершенно освоиться с своим положением; не только прошедшее нас связывало с братом, но *все будущее созидалось вдвоем, так что один был необходим другому, и всякий план не иначе мог быть осуществлен, как трудами обоих*»² [10. С. 78].

В этом контексте вполне вероятно, что именно задачи развития русской художественной критики и повышения уровня эстетического образования русского общества, которые предлагал ему реализовать в своих статьях В.Н. Майков [11. С. 84–85], заставили А.Н. Майкова не отказаться, а напротив, принять предложение редакции «Современника» и высказать все то, что неоднократно обсуждалось в беседах с Валерианом и уже оформилось в сознании критика.

Главным аргументом в пользу авторства Майкова становится содержание статьи и особенности авторского стиля. Подобно дебютной статье поэта о выставке картин Айвазовского [12], обзор в «Современнике» 1847 г. начинается ироническим фельетонным вступлением, в котором автор продолжает размышлять о месте искусства в жизни русского общества и важности выставок для формирования эстетического сознания публики:

Выставка картин Айвазовского	«Современник», 1847
«Частные выставки или, как в Париже и Риме, открытые мастерские – будут для художников лучшим средством непосредственного сближения и знакомства с публикой и публики с художниками; это для них будет то же, что журнал для писателей. <...> непременно поведет к лучшему для вас лично (для художников. – О.С.) и для публики тоже, хотя бы она выиграла тут только час или полчаса разговора о вас, об искусстве, а не о преферансе, погоде, здоровье, геморрое, ломе в пояснице, служебных занятиях и разводах» [12. С. 167]	«Что-то в обыкновенное время, когда нет выставки в Академии, ничего, но слышно о том, что делают живопись и скульптура, как бы их вовсе и не было; посреди ежедневных новостей о повышениях, службе, сплетнях, родинах, крестинах, холере – если есть холера – и еще о кое-каких толках, о важных государственных вопросах, нет вопроса о мире художеств...» [7. С. 59]

Далее критик развивает осмысление этой темы, указывая на неразвитость эстетической потребности и отсут-

ствии элементарного эстетического образования русского общества в целом. Опосредованно он пытается заложить в сознание читателя понимание необходимости обратного, противопоставляя малый интерес петербургских жителей к искусству тому, что он видел в Риме:

«...ко мне подошел один мой спутник на выставке и звал домой. Я предложил было ему пройти по коридорам и взглянуть на “Последний день Помпеи” – он с гордостью отвечал, что уж “видел ее.... на другой день, как она была привезена”... В Эрмитаже он тоже был: <...> А этому уж лет пятнадцать!.. как же это?.. что же это значит? Разрешите мне, о Петербург, о, эстетический город!..»

И, не зная почему, после всего этого вспомнил я одного моего знакомого в Риме, потом другого, потом целое семейство, потом другое семейство... Не проходило недели, чтобы все эти лица не посетили церкви св<ятого> Петра, не полюбовались работами всех ее строителей, живописцев и скульпторов и не съездили в Колизей; не проходило месяца, чтобы они не сделали визита, как добрым друзьям, ватиканским антикам, не покивали головой, как старому знакомому, Аполлону Бельведерскому, Юпитеру Олимпийскому и всем почтенным сенаторам и трибунам римского народа <...>. И им становилось как будто неловко, тяжело, как будто оскорблялся долг приличия, если они не зайдут в палаццо Барберини и не посмотрят, что делает многострадалица Беатриче Ченчи, или в другое палаццо, послушать, что теперь наигрывает рафаэлев скрипач... Для них эти предметы *были постоянными предметами изучения и каждый раз сообщали какую-нибудь новость...* Впрочем, может быть, это-то и есть настоящая странность; а эстетический Петербург гораздо умнее, он любит первое впечатление и дорожит им, никогда его не возобновляя и не поверяя; он сразу понял и антики, и мысль всех художников всех времен и всех народов, так что все это может быть для него новостью, пока он не видал, а увидел – он запомнил как биржевую справку, как адрес зубного врача, взял заметку для памяти – деловой человек!» [7. С. 61–62].

Обращает на себя внимание уже сам отбор памятников, которые посещают знакомые автору жители Рима, среди которых столь любимые Майковым Колизей, Аполлон Бельведерский, «Портрет Беатриче Ченчи»³.

В дебютной статье о выставке картин Айвазовского обозначились отличительные особенности мышления Майкова-критика: он изначально отказывается от простого перечисления представленных на выставке произведений, которое отличается от каталога лишь незначительными описаниями картин. Формируя собственный инвариант жанра обзора годичной выставки, он опирается на опыт Белинского, представившего в своих ежегодных обзорах русской литературы качественно новый подход к осмыслению не всего напечатанного, а того лучшего, что появилось в российском словесном искусстве в течение года, и разрабатывает в связи с этим один или несколько концептуальных эстетических вопросов, проводя его рассмотрение через всю статью. Эти вопросы, с одной стороны, вырастают из необходимости осмысления вызревающих на глазах важнейших черт современной литературы, а с другой – как прочная нить, прошивающая и скрепляющая отдельные и

как будто не связанные друг с другом суждения в единое целое, обеспечивают целостность ткани текста. Майков использует этот подход для того, чтобы поднять на качественно новый уровень русскую «литературу художеств», находящуюся, в его понимании, в плачевном состоянии [12. С. 167]. В обзоре выставки картин Айвазовского молодой критик не разбирает отдельные произведения этого признанного мастера морского пейзажа, но дает целостную характеристику пейзажной живописи и в данном контексте рассматривает важнейшие особенности таланта этого художника («он любимец Нептуна, а не любовник Амфитриты») [Там же. С. 172]. На этом основании критик начинает разговор о достоинствах и недостатках Айвазовского, сопоставляя его отношение к предмету с подходом других художников, не только мастерски владеющих техникой изображения подвижных природных явлений, но способных передать на полотне свое эмоциональное переживание, увлекающее современного зрителя гораздо больше, чем сложные технические эффекты [Там же. С. 173–175]⁴. Таким образом, статья представляет общую характеристику творческой манеры Айвазовского и осмысление современных требований к пейзажной живописи вообще.

Автор обзора выставки в 11-м номере журнала «Современник» за 1847 г. также рассматривает представленные на выставке произведения русской живописной школы в контексте важных историко-теоретических проблем. Переходя от фельетонного вступления к собственно обзору, критик пытается настроить сознание читателя, подтолкнуть его к восприятию художественного произведения как к явлению исторически обусловленному. Для этого он предпосылает характеристике лучших произведений изобразительного искусства размышление о характере самого процесса развития искусства, о том, что его движение определяет периодическое явление гения (Беллини, Корреджио, Рафаэля, Рубенса), который своими открытиями возводит его на качественно новую ступень. Однако не менее важным оказывается и кажущийся не столь интересным последующий этап усвоения этих открытий массой художников («школами») [7. С. 60–63]. В связи с этим автор впервые говорит о недостатке чисто эстетического подхода к оценке произведения искусства, не предполагающего соотношения с историко-культурным контекстом его появления в целом. Эта мысль будет так или иначе повторяться во всех статьях, выражаясь прямо и четко или проявляясь подспудно в самом анализе живописного полотна, и получив, наконец, полное осмысление во второй части обзора выставки редких вещей в размышлении о роли критики в развитии искусства⁵.

Обращаясь несколько ниже к обзору представленных на выставке пейзажей, Майков фактически повторяет важнейшие требования к такого рода живописи, которые были изложены им ранее в статье о выставке Айвазовского: «жизненности и субъективности изображаемой природы; <...> без которой, повторяем, всякий пейзаж, как он ни будь хорошо скомпонован и написан, всегда будет сух, мертв и холоден» [12. С. 173–176].

Итак, об авторстве Майкова по отношению к обзору выставки, опубликованному в 11-м номере журнала

«Современник» 1847 г., свидетельствуют логические принципы организации текста, постановка существенных теоретических проблем, которые получают здесь первичное осмысление и будут развиты в последующих статьях, общий подход к анализу отдельных произведений, представленных на выставке (первостепенный интерес к «поэтической мысли», положенной в основу произведения, к оригинальности трактовки сюжета по отношению к подчиненным им формальным характеристикам)⁶ и широкий историко-культурный контекст, а также характерные особенности стиля. Именно вся совокупность рассмотренных фактов позволяет с уверенностью говорить о принадлежности Майкову этой статьи, которая становится восьмой в нашем списке, что соответствует количеству, названному поэтом в автобиографии [3. Л. 5 об.].

Таким образом, деятельность Майкова-критика приходится на период с 1847 по 1853 г. Это во многом связано с интенсивностью собственных творческих поисков молодого поэта, ощущающего новизну задач, стоящих перед искусством, и активным осмыслением актуальных проблем современной художественной культуры. Безусловно, определенным толчком к началу публичных выступлений А.Н. Майкова в качестве художественного критика стали принятие Вал.Н. Майковым предложения редактировать сначала «Финский вестник», а в скором времени Отечественные записки» и разработанная им программа развития журнала как средства всестороннего просвещения читателей, повышения общего культурного уровня российского общества в целом. С этим связано то заметное просветительское начало, которое также объединяет все опубликованные А.Н. Майковым статьи о выставках и существенно отличает их от публикуемых в «Современнике» статей В.П. Гаевского.

После смерти брата деятельность художественного критика в контексте ужесточения политической реакции в эпоху «мрачного семилетия» стала для Майкова одним из немногих доступных способов относительно свободного выражений своих мыслей в форме публичного выступления. Повод для такого заключения дает признание, сделанное поэтом в письме близкому другу М.П. Заблочному-Десятовскому в декабре 1855 – январе 1856 гг.:

«...стал сожалеть, что не вел ни журнала, ни переписки; впрочем, этого я не делал, *все находясь под страхом внезапного взлома замков и осмотра жандармского*. Ох, тяжелое время! сколько развития и жизни у нас украло оно! и подумать страшно <...>».

Что касается до меня, то я вздумал было собрать свои стихи и издать их, но представь себе мое разочарование! Первая книга стихотворений мне решительно опротивела по недостатку самостоятельности – картины неизвестного мира, быта, пейзажи без всякого географического значения. <...> За первой путного написано мною только «Очерки Рима»: тут есть *верность природе, и есть сколько-нибудь моего личного участия и чувства*, хоть есть тоже выдуманное. *За сим мною писано много с недосказанною мыслью: все написанное гибнет от этого ложного основания и объясняется, конечно, тем гнетом, который на нас лежал, и господством кривды и всех мерзких правительственных*

систем, которые до того возбудили ненависть к существующему порядку вещей, что мы сделались неспособны к преследованию чистых целей искусства. С другой стороны, и будучи не в состоянии (по причине цензуры) брать сюжеты из действительной жизни, стал я почерпнутые из жизни идеи облекать в греческие формы: “Алкивиад”, “Анакреон”, н<a>пр<имер>» [10. С. 83].

В цензурных условиях второй половины 1840-х гг. писатели практически не имели возможности обратиться к художественному воссозданию актуальных проблем современности, не прибегая к использованию эзопова языка. В собственной творческой практике Майков сталкивался с этим еще в середине 1840-х гг., например, при получении цензурного разрешения на поэмы «Две судьбы» и «Машенька» [16. С. 29–33]. Обращение к сюжетам и образам, заимствованным из античной и средневековой истории, позволяло отчасти завуалировать злободневность проблем, но и это не спасало произведения Майкова от цензурных запретов. Так, стихотворение «Савонарола» и лирическая драма «Три смерти», известные в рукописях с 1851 г., были высоко оценены современниками, но опубликованы только в 1857 г. Осенью 1851 г. П.А. Плетнев писал Я.К. Гроту:

«Майков написал превосходное стихотворение “Выбор смерти”. Это что-то небывалое в новейшей поэзии нашей. <...> Оба новые стихотворения свои Майков читал у меня сам: одно “Выбор смерти”. А другое “Савонарола”. <...> Только теперь и думать нельзя о напечатании: цензура покамест похожа на удава, который инстинктивно бросается душить все, что дышит» [17. С. 559–560].

В этой ситуации нельзя исключать, что работа над статьями, пришедшаяся по большей части на период «мрачного семилетия», рассматривалась Майковым именно как возможность публично высказаться и предоставить публике повод для размышлений об искусстве и проблемах современной действительности, как своего рода служение на благо общества.

С 1854 г. в общественно-политической и культурной жизни России начался продолжительный период перемен. В годы Крымской войны Майков пережил значительный эмоциональный и творческий подъем, связанный с осознанием особых задач поэта перед обществом. Летом 1854 г. поэт делился с А.Ф. Писемским следующими размышлениями:

«Нынешняя война в нашей частной жизни, в истории наших убеждений – событие столь же решительное, столь же важное, как и в политическом мире. Я готов пророчить, что нынешние события – *важнейший шаг в нашем развитии; с них начнется новый период нашей исторической жизни, уже потому, что он заставил всех и каждого вдруг внезапно остановиться и спросить себя “кто же ты?”*». И каково бы то ни было образование каждого, из каких бы источников ни почерпнул он свои знания и мнения, – все в один голос, в один миг должны были разрешить этот вопрос и единодушно, перед судом совести ответить: «Я Русский». Ничто не подавило в нашем сознании, что можно быть ученым и образованным человеком и чувствовать, что мы в то же время Русские и что в нас превыше всего

одно святое чувство любви к отечеству <...>. *На нас, писателях, лежит великий долг, увековечить то, что чувствовали вместе со всеми*» [18].

В другом письме, адресованном двоюродному брату, историку А.А. Майкову, размышляя о подлинных причинах Крымской войны, поэт признавался:

«Что [нрзб.] до меня, то нынешние обстоятельства поглотили меня совершенно. Я сражаюсь по-своему» [19. С. 250–252].

В момент высочайшего патриотического подъема в русском обществе поэт создает произведения, вошедшие в сборник «1854-й год». Идеино-художественным центром его стала поэма «Клермонтский собор», в которой Майков стремился выразить общую идею, связавшую всех представителей русского общества. Поэт обратился в этом произведении к глубокому исторически обусловленному осмыслению войны, в которой против России ополчились Англия и Франция, заключив союз с мусульманской Турцией. Пафос поэмы заставил редакторов журнала «Современник» назвать Майкова первым русским поэтом, представившим «<...> задушевное выражение общего чувства патриотизма» [20. С. 609, 611].

Значительный перелом, произошедший в его творческом сознании в годы Крымской войны, Майков описал в речи на праздновании пятидесятилетия своей литературной деятельности:

«В одну из самых тяжелых для меня эпох, в Крымскую войну 1853–1855 гг., я бросился из Петербурга в Москву, чтобы почувствовать под собою почву, найти для себя оправдание и сочувствие хотя бы только у стен кремлевских, у этих золотых куполов соборов, под сенью которых я родился; я попал в молодую редакцию “Москвитянина”, где были Островский, Филиппов, Аполлон Григорьев, Эдельсон, Горбунов и многие, которых теперь не помню. У них я нашел не только оправдание и сочувствие, но увидел в них моих единомышленников» [21. С. 694–695].

Вероятно, именно в общении с «молодой редакцией «Москвитянина»⁷ и, прежде всего, с А.Н. Островским, с которым, судя по интонациям письма к драматургу, Майков особенно сошелся, поэт начал осмысливать для себя новое направление поэтической деятельности – обращение к народной жизни и русской истории, которое увлекло его с головой и отвлекло от других занятий, в том числе и от художественной критики. Так в начале 1855 г. Майков писал Островскому:

«Теперь в Петербурге я опять сиротей: литераторы здесь смотрят дико и не интересуются тем, что нас интересует, другие – люди деловые, и у них у всех более всего развит критический ум, так что вообще я опять скучаю: здесь все делают карьеру. (N.B. Кстати: что Вы не оснуете драмы на карьере? хоть много писано на эту тему, но она еще ждет своего художника, а тема-то горячая)» [10. С. 80].

Бросается в глаза особый тон письма – доверительный, легко открывающий путь к разговору о творчестве. Важно и то, что в продолжение этих слов Майков переходит к критическому обзору всего, что написано им ранее:

«...кроме “Трех смертей”, ничего нет у меня хорошего; от этого мне сделалось очень грустно; все не выдержано, незрело, есть попытки, задатки чего-то худо-

жественного, но ничего полного, готового, словом, хорошего. Только в “Трех смертях” есть места недурные» [10. С. 81].

Эти слова свидетельствуют о том, что бурные изменения в общественно-политической жизни России середины 1850-х гг., «когда, – по словам Златковского, – он (Майков. – О.С.) обнаружил столько чуткости к коренным началам русской жизни и к общественному возбуждению, последовавшему в Крымскую войну и за нею» [2. С. 41], породили в сознании поэта творческий кризис, потребность в серьезном переосмыслении следящего и поисках нового направления [2. С. 42]. Неслучайно этот мотив настойчиво прослеживается и в других письмах Майкова этого периода [10. С. 83–86].

Однако Крымская война стала катализатором процесса, начавшегося в сознании Майкова ранее, еще в 1852 г. в контексте обсуждения лирической драмы «Три смерти». Важную роль в развитии самой внутренней потребности в переосмыслении всего написанного ранее и обращении к поэтическому воспроизведению картин русской истории сыграло письмо В. А. Жуковского [22. С. 41]. 27 ноября 1851 г. он писал Плетневу:

«Благодарю вас за доставление стихов Майкова; я прочитал их с величайшим удовольствием. Майков имеет истинный поэтический талант <...>. *Дай Бог ему понять свое назначение, дай Бог ему приобрести взгляд на жизнь с высокой точки, то есть быть тем поэтом, о котором я говорил в моем письме к Гоголю, и избежать того эпикуреизма, который заразил поэзию и осквернил поэзию нашего времени*». «Скажите от меня Майкову, – продолжает Жуковский 19 декабря, – что он со своим прекрасным талантом может начать ряд новых русских поэтов, служащих высшей правде, а не материальной чувственности. Пускай он возьмет себе за образец Шекспира, Данте, а из древних – Гомера и Софокла. Пускай питается историей и знанием природы, и более всего знанием Руси, той Руси, которую нам создала ее история, – Руси богатой будущим, не той Руси, которую выдумывают наши поклонники безумных доктрин нашего времени, но Руси самодержавной, Руси христианской, – и пускай, скопив это сокровище знаний, это сокровище материалов для поэзии, – пускай проникнет свою душу святынею христианства, без которой наши знания не имеют цели, и всякая поэзия не иное что как жалкое сибаритство <...>. Таково мое завещание молодому поэту: *если он с презрением оттолкнет от себя тенденции, оскверняющие поэзию и вообще литературу нашего времени, то он со своим талантом совершит вполне назначение поэта*» [23. С. 716–717, 723].

Видимо, о последнем отзыве идет речь в письме Плетнева к Майкову:

«<...> я покажу Вам еще две страницы о Вас от Жуковского, из нового письма, которое вчера получил я от него. Сверх того он прислал мне новые стихи, которые вам приятно будет прочесть» [24. Л. 2 об.; 23. С. 723–724].

В ответном письме Жуковскому Плетнев отметил, что Майков «ждал приговора вашего как голоса судьбы <...>. Я очень надеюсь, что его служенье музам будет достойно его таланта» [23. С. 722]. Слова Жуковского, прочитанные ему Плетневым, Майков воспринял как «духовный

завет для дальнейшей деятельности» [24. С. 247]. Интерес к русской истории стал основой зрелого творчества поэта. Итогом начавшихся в то время поисков Майкова явились написанные в 1860-е гг. произведения: поэма «Странник» (1867), «Стрелецкое сказание о царевне Софье Алексеевне» (1868), перевод «Слова о полку Игореве» (1866–1870) и отрывков «Из Апокалипсиса» (1868), прозаических рассказов «О святых митрополитах Петре и Алексее и о славном Мамаевом побоище», «Начало восточного вопроса: Взятие турками Константинополя», «Москва – третий Рим», «Царь Иван Васильевич Грозный. Покорение Казани и Астрахани», «Завоевание Сибири» [25. С. 302–367], а опыт эстетической рефлексии о проблемах современной культуры помог придать этим произведениям особую художественную форму.

Таким образом, окончание Майковым деятельности художественного критика связано с ситуацией подведе-

ния итогов и определенным творческим и мировоззренческим кризисом, пережитым поэтом в середине 1850-х гг., результатом которого стало значительное изменение творческих интересов. Вполне возможно, что в 1860–1870-е гг., особенно в связи с издательскими проектами Ф.М. Достоевского, Майков так или иначе возвращался к этой деятельности (если не писал сам, то участвовал в обсуждении), однако архивные материалы не позволяют в настоящий момент однозначно говорить о принадлежности ему еще каких-либо публикаций, посвященных осмыслению состояния российского изобразительного искусства. Возможно, это было связано с появлением литераторов, начавших специально заниматься художественной критикой (В.В. Страхова и др.), однако наиболее вероятным представляется то, что творческие интересы в этот период вытеснили эстетическую рефлексия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ О нереализованных намерениях редакции «Современника» переманить к себе Дудышкина и их возможных причинах см.: [9. С. 202–203].
- ² Здесь и далее в цитатах при отсутствии специальных указаний курсив мой. – О.С.
- ³ В одном из писем из Рима (зима 1842–1843 гг.) Майков называет Колизей и статую Аполлона Бельведерского «...главным, что мне понравилось и поразило меня более всего» [13. Л. 36 об.] «Портрет Беатриче Ченчи» – один из любимых Майковым женских портретов, образец трогательной и грациозной формы, вызывающей симпатию зрителя (см.: [14. С. 20]).
- ⁴ В 1842 г. подобные критические замечания в адрес Айвазовского высказал В.П. Боткин (см.: Боткин В.П. Выставка в Императорской Санкт-Петербургской академии художеств в 1842 г. С. 73).
- ⁵ Ср.: в обзоре 1847 г.: [7. С. 62–63] и во второй части статьи о выставке редких вещей [15. С. 24–27].
- ⁶ В статье об академической выставке 1847 г. эта характерная особенность ярче всего проявилась в объемном фрагменте, посвященном анализу картины Ричцони «Толкучий рынок» [7. С. 77–78].
- ⁷ О важности этого события свидетельствовал сам Майков (см.: [2. С. 41–42]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Седельникова О.В. Проблемы атрибуции статей А.Н. Майкова о выставках в Императорской Академии художеств. *Статья первая* // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 280. С. 34–40.
2. Златковский М.Л. А.Н. Майков. 1821–1897 г.: Биографический очерк. 2-е изд., значит. доп. СПб., 1898.
3. Майков А.Н. Автобиографические сведения за 1821–1856 гг. (И.С. Ремезову) // РНБ. Ф. 453. Оп. 1. № 1.
4. Боград В.Э. Журнал «Современник». 1847–1866: Указатель содержания. М.; Л., 1959.
5. Большая выставка в Императорской Академии художеств. Октябрь, 1849 // Современник. 1852. № 11. Отд. 2. С. 77–86.
6. Выставка Императорской Академии художеств 1857 года // Современник. 1857. № 4. Отд. 2. С. 65–80.
7. Майков А.Н. Годичная выставка в Императорской Академии художеств // Современник. 1847. Т. 6, № 11. Отд. 2. С. 57–80.
8. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений и писем: в 13 т. М., 1953–1959.
9. Егоров Б.Ф. С.С. Дудышкин – критик // Ученые записки Тартуского университета. 1962. Вып. 189. С. 195–231.
10. Майков А.Н. Письма 1847–1867 гг. Публ. И. Г. Ямпольского // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1975 г. Л., 1977. С. 72–121.
11. Седельникова О.В. Статьи А.Н. Майкова о выставках в Академии художеств и их значение в развитии эстетического сознания 1840–1850-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 3 (11). С. 81–96.
12. Майков А.Н. Выставка картин г. Айвазовского в 1847 году // Отечественные записки. 1847. Т. 51, № 4. Отд. 2. С. 166–176.
13. Майков А.Н. Письма родителям // ИРЛИ. № 16994.
14. Майков А.Н. Выставка Императорской Академии художеств в 1849 году // Отечественные записки. 1849. Т. 67, № 11. Отд. 2. С. 19–40.
15. Майков А.Н. Художественная выставка редких вещей, принадлежащих частным лицам, учрежденная в залах Императорской Академии художеств, в пользу бедных (статья вторая) // Отечественные записки. 1851. Т. 76, № 5. Отд. 8. С. 19–39.
16. Ямпольский И.Г. Из архива А.Н. Майкова // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1974 год. Л., 1976. С. 24–52.
17. Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. Пб., 1896. Т. 3.
18. Санктпетербургские ведомости. 1854. 11 августа.
19. Седельникова О.В. Ф.М. Достоевский и кружок Майковых. Томск, 2006.
20. Некрасов Н.А. ПСС и П. М.: Гослитиздат, 1950. Т. 9.
21. Юбилей А.Н. Майкова // Исторический вестник. 1888. № 6. С. 688–696.
22. Овсянников Н. Литературное направление Майкова и его художественное настроение в связи с историческими занятиями // А.Н. Майков. Его жизнь и сочинения: сб. историко-литературных ст. / сост. В.И. Покровский. М., 1904. С. 38–57.
23. Плетнев П.А. Сочинения и переписка: в 3 т. СПб., 1885. Т. 3.
24. Языков Д.Д. Жизнь и труды А.Н. Майкова. Материалы для истории его литературной деятельности // Русский вестник. 1897. № 12. С. 235–255.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 4 января 2014 г.

PROBLEMS OF ATTRIBUTION OF A.N. MAIKOV'S ARTICLES ON EXHIBITIONS IN THE IMPERIAL ACADEMY OF ARTS. ARTICLE TWO

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 52–57 DOI: 10.17223/15617793/381/8

Sedelnikova Olga V. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sedelnikovaov@tpu.ru

Keywords: A.N. Maikov; art criticism; attribution; review; exhibitions in the Imperial Academy of Arts; *Sovremennik*.

Presented is the first attempt of attributing an important part of A.N. Maikov's artistic legacy, which are his reviews of the Imperial Academy of Arts annual exhibitions published in *Otechestvennye Zapiski* and *Sovremennik* in the period from 1847 to 1853. In Article

One, the attribution of the seven exhibition reviews posted in *Otechestvennye Zapiski* in 1847 and 1849-53 to Maikov was proved. However, as Maikov himself stated in the autobiography, the number of the articles posted was "up to eight", and, besides *Otechestvennye Zapiski*, they were also published in *Sovremennik*. This fact brings us to attribute another article by Maikov published in this journal. The article mentioned proves Maikov's authorship of the Academy of Arts exhibition review published in Issue 11 of *Sovremennik* of 1847. The evidence is logical principles of text building, statement of essential theoretical problems which are first realized in here and will be developed in later articles, general approach to analysis of some of the works presented in the exhibition (prime interest in the "poetic thought" lying in the basis of paintings, original interpreting of the plot as opposed to formal characteristics), and broad historical-cultural context, as well as characteristic peculiarities of the poet's style. Maikov's turn to the activity of an art critic in the period from 1847 to 1853 resulted from his own intensive creative pursuits, rising from the young poet's sensing the new missions laid upon the art, and his realizing the urgent problems of the art culture of those days. Another impulse to A.N. Maikov's public speaking was Val.N. Maikov's consent to edit *Finsky Vestnik* (The Finnish Herald) and, later, *Otechestvennye Zapiski*, and his own strategy of the journal development. The cease of his activity as an art critic was caused by the process of evaluation and a kind of creative and ideological crisis the poet underwent in the mid-1850s, which crucially changed his artistic interests. He probably turned to this work time and again in the 1860-70s (if not as an author then as a participant of discussions), especially, in connection with Dostoevsky's publishing projects. However, the archives do not allow us to surely confirm his authorship of any other articles about the condition of Russian painting art. Perhaps, the reason was the young writers specializing on art criticism (V.V. Strakhov, etc), but more probably it was that the poet's artistic inclinations prevailed over his aesthetic reflection.

REFERENCES

1. Sedel'nikova O.V. [Problems of attribution of A.N. Maikov's articles on exhibitions in the Imperial Academy of Arts. Article One]. *Vestnik Tom. gos. un-ta – Tomsk State University Journal*, 2014, no. 380, pp. 34-40. (In Russian)
2. Zlatkovskiy M.L. *A.N. Maikov. 1821–1897 g.: Biograficheskiy ocherk* [A.N. Maikov. 1821-1897: A Biographical Sketch]. St. Petersburg, 1898.
3. Maikov A.N. *Avtobiograficheskie svedeniya za 1821-1856 gg. (I.S. Remezovu)* [Autobiographical data for 1821-1856 (to I.S. Remezov)]. In: National Library of Russia. F. 453. List 1. No. 1.
4. Bograd V.E. *Zhurnal "Sovremennik". 1847-1866: Ukazatel' soderzhaniya* [Sovremennik journal. 1847-1866 Content Index]. Moscow, Leningrad, 1959.
5. Bol'shaya vystavka v Imperatorskoy akademii khudozhestv [A large exhibition at the Imperial Academy of Arts. October 1849]. *Sovremennik*, 1852, no. 11, pt. 2, pp. 77-86.
6. Vystavka Imperatorskoy Akademii khudozhestv, 1857 goda [An exhibition of the Imperial Academy of Arts, 1857]. *Sovremennik*, 1857, no. 4, pt. 2, pp. 65-80.
7. Maikov A. N. Godichnaya vystavka v imperatorskoy Akademii khudozhestv [The year-long exhibition at the Imperial Academy of Arts]. *Sovremennik*, 1847, vol. 6, no. 11, pt. 2, pp. 57-80.
8. Belinsky V.G. *Polnoe sobranie sochineniy i pismen: V XIII tt.* [Complete Works and Letters. In 13 vols.]. Moscow, 1953-1959.
9. Egorov B.F. S.S. Dudyskhin – kritik [S.S. Dudyskhin, a critic]. *Uchen. zapiski Tartus. un-ta*, 1962, Issue 189, pp. 195-231.
10. Maikov A.N. *Pis'ma 1847-1867 gg. Publ. I.G. Yampol'skogo* [Letters of 1847-1867 published by I.G. Yampolsky]. In: *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 1975 g.* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1975]. Leningrad, 1977, pp. 72-121.
11. Sedel'nikova O.V. Apollon Maikov's articles about exhibitions in the Academy of Arts and their role in the development of aesthetic awareness of 1840-1850s. *Vestnik Tom. Gos. un-ta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2010, no. 3 (11), pp. 81-96. (In Russian)
12. Maikov A.N. Vystavka kartin g. Ayvazovskogo v 1847 godu [Exhibition of paintings by Aivazovsky in 1847]. *Otechestvennye zapiski*, 1847, vol. 51, no. 4, pt. 2, pp. 166-176.
13. Maikov A. N. *Pis'ma roditelyam* [Letters to parents]. The Institute of Russian Literature, no. 16994.
14. Maikov A.N. Vystavka imperatorskoy Akademii Khudozhestv v 1849 godu [An exhibition of the Imperial Academy of Arts in 1849]. *Otechestvennye zapiski*, 1849, vol. 67, no. 11, pt. 2, pp. 19-40.
15. Maikov A.N. Khudozhestvennaya vystavka redkikh veshchey, prinadlezhashchikh chastnym litsam, uchrezhdennaya v zalakh Imperatorskoy Akademii Khudozhestv, v pol'zu bednykh (stat'ya vtoraya) [An art exhibition of rare items belonging to private individuals organized in the halls of the Imperial Academy of Arts to help the poor (Article Two)]. *Otechestvennye zapiski*, 1851, vol. 76, no. 5, pt. 8, pp. 19-39.
16. Yampol'skiy I.G. *Iz arkhiva A.N. Maikova* [From the archive of A.N. Maikov]. In: *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 1974 g.* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1974]. Leningrad, 1976, pp. 24-52.
17. *Perepiska Ya.K. Grot s P.A. Pletnevym* [Correspondence between Ya.K. Grot and P.A. Pletnev]. St. Petersburg, 1896. Vol. 3.
18. *Sanktpeterburgskie vedomosti*, August 11, 1854.
19. Sedel'nikova O.V. *F.M. Dostoevskiy i kruzhok Maikovykh* [F. Dostoevsky and the Maikovs circle]. Tomsk, 2006.
20. Nekrasov N.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pismen* [Complete Works and Letters]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1950. Vol. 9.
21. Yubiley A.N. Maikova [A.N. Maikov's anniversary]. *Istoricheskiy vestnik*, 1888, no. 6, pp. 688-696.
22. Ovsyannikov N. *Literaturnoe napravlenie Maikova i ego khudozhestvennoe nastroyenie v svyazi s istoricheskimi zanyatiyami* [Literary views of Maikov and his artistic mood connected with his involvement in history]. In: *A.N. Maikov. Ego zhizn' i sochineniya. Sb. istoriko-literaturnykh statey* [A.N. Maikov. His life and writings. Collected papers on history and literature]. Moscow, 1904, pp. 38-57.
23. Pletnev P. A. *Sochineniya i perepiska: v 3 t.* [Works and letters. In 3 vols.]. St. Petersburg, 1885.
24. Yazykov D.D. *Zhizn' i trudy A.N. Maikova. Materialy dlya istorii ego literaturnoy deyatel'nosti* [Life and works of A.N. Maikov. Materials for the history of his literary activity]. *Russkiy vestnik*, 1897, no. 12, pp. 235-255.

СРЕДСТВА ВВЕДЕНИЯ АРГУМЕНТАЦИИ В НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ М.М. БАХТИНА (КОНСТРУКЦИЯ «ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, НО»; «КОНЕЧНО, НО»; «НЕСОМНЕННО, НО»; «БЕССПОРНО, НО»; «БЕЗУСЛОВНО, НО»)

Рассматриваются конструкции со следующими текстовыми скрепами: действительно, но; конечно, но; несомненно, но; бесспорно, но; безусловно, но. Предполагается, что конструкция **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, НО**, выражающая «возражение под видом согласия» (Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелёв), может функционировать в научном тексте, а именно в научной дискуссии, с целью введения аргумента или контраргумента к чужому мнению, тезису. Для проверки гипотезы исследуются все научные работы М.М. Бахтина, признанные образцами высокой культуры научной мысли, особой диалогичности. В результате анализа текстов подтверждается высказанное предположение, а также выделяются другие конструкции с подобной семантикой: конечно, но; несомненно, но; бесспорно, но; безусловно, но. В заключение дается комментарий функционирования каждой из этих конструкций.

Ключевые слова: скрепа; возражение под видом согласия; действительно; конечно; несомненно; бесспорно.

Труды М.М. Бахтина представляют большой исследовательский интерес не только с точки зрения содержания, но и с точки зрения формы построения текстового пространства. В этом плане тексты М.М. Бахтина практически не изучены. В своём исследовании мы обратились к формальным средствам введения смысловых текстовых блоков, создающих значение аргументации. По нашим данным, можно выделить определенный круг лексических единиц, а также конструкций, позволяющих вводить аргументы **ВЕДЬ, В САМОМ ДЕЛЕ, ТАК, НЕДАРОМ, НЕСЛУЧАЙНО, ДЕЛО В ТОМ, ЧТО** и группу средств, которая будет рассмотрена в этой статье отдельно. Обратимся к группе конструкций, маркирующих особую ситуацию: автор возражает оппоненту (аргументирует свою позицию), используя оборот мнимого согласия.

Слово **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** функционирует в русском языке в качестве наречия, частицы, вводно-модального слова. Однако в рамках данной работы нас будут интересовать его синтаксические свойства, в частности возможность соединять фразы и абзацы в тексте. Значение слова **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО**, общее для всех типов употребления, Е.А. Стародумова определяет так: «Говорящий подтверждает истинность информации или чьё-либо (в том числе собственное) мнение (намерение, обещание, предположение и т.д.), высказанное ранее или просто известное. Информация или мнение таковы, что достоверность их (с точки зрения говорящего) может вызвать сомнения у адресата или вызывает сомнения у говорящего» [1. С. 236].

Помимо самостоятельного употребления в тексте встречается конструкция, образованная скрепой **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** с компонентом **НО**. Сочинительный противительный союз **НО** обозначает «противопоставление, ограничение» [2. С. 410]; «в разговоре, в начале реплики, содержащей в себе *возражение* собеседнику»; «в сложных предложениях уступительного типа ставится в начале второго предложения в значении однако, все-таки» [3. С. 412]. Вместе эти два компонента создают особую конструкцию с противоречивой семантикой: с одной стороны, говорящий соглашается с оппонентом, подтверждает истинность высказанных в предтексте фактов, с другой – высказывает возражение. Получаем текстовую реализацию

стратегии, имеющей место в научном дискурсе: возражение под видом согласия. Соединение противоположных когнитивных действий может быть объяснено спецификой научного поиска: выдвижение идей и опровержение их. Е.А. Стародумова полагает, что само слово способствует выражению диалогичности мысли: «“Действительно” оказывается нужным словом при столкновении мнений (знаний): это мнения (знания) или двух разных субъектов, или одного субъекта, раздвоенного – сначала сомневающегося, затем отвергающего собственные сомнения или просто считающего нужным заострить внимание на истинности факта» [1. С. 199]. Исследователи Т.В. Булыгина и А.М. Шмелёв обращают особое внимание на подобное образование и отмечают, что оно «выражает согласие, но зачастую используется для внесения оговорки. Говорящий соглашается с общим положением, чтобы заострить внимание на частностях, с которыми он не согласен» [4. С. 306–308]. В числе других способов выражения подобной семантики авторы указывают скрепы «в самом деле» и «на самом деле». В связи с этим заметим, что «в самом деле» выражает подтверждение, согласие говорящего, тогда как «на самом деле» говорящий использует для опровержения высказывания. Совместно с **НО** семантику согласия-возражения может выражать только скрепа **В САМОМ ДЕЛЕ**.

Основываясь на значении первого компонента данной конструкции, слова **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО**, в семантике которого присутствует противопоставление реального и мнимого, а идея реального трансформируется в идею «бесспорно верного», авторы «Путеводителя по дискурсивным словам» выделяют целую группу единиц, выражающих идею реальности: **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, БЕЗУСЛОВНО, БЕСПОРНО, КОНЕЧНО, НЕСОМНЕННО** [5. С. 53].

Мы предположили, что данные единицы могут создавать конструкцию с **НО**, подобно слову «действительно». Проверив предположение на материале научных работ М.М. Бахтина («Из предыстории романного слова», «Проблема содержания и формы», «Проблемы поэтики Ф.М. Достоевского», «Рабле и Гоголь», «Рабле и карнавальная культура Средневековья», «Слово в романе», «Формы времени и хронотопа в романе»), мы обнаружили реализации следующих конструкций: *действительно* +

но / однако; бесспорно + но; несомненно + но; конечно + но / однако; безусловно + но / однако.

Семантические оттенки разных конструкций обусловлены индивидуальным значением первого слова (действительно, бесспорно, несомненно, конечно, безусловно), но все они в равной мере могут употребляться для выражения согласия – возражения в следующей градации:

1) говорящий полностью опровергает некую общеизвестную позицию или позицию какого-то конкретного оппонента (полное опровержение, согласие используется как оборот вежливости);

2) говорящий частично не согласен с позицией оппонента; конструкция используется для четкого определения области согласия и области возражения, которая требует уточнения, критики;

3) говорящий согласен с оппонентом, но считает необходимым обратить внимание на частные случаи, уточняет детали.

В первом случае показатель тезиса возражения следует за неким утверждением, которое считается автором общеизвестным, общепринятой точкой зрения.

Например, автор приводит общий тезис: *«Иной раз уверяют, что это понятие (эстетическое) можно найти в предмете изучения непосредственно, что изучающему теорию литературы совершенно не нужно обращаться к систематической философии за понятием эстетического, что он найдет его в самой литературе...»* – говорящий соглашается с самым общим утверждением, не касающимся собственно предмета разговора: *«Действительно, эстетическое как-то дано в самом художественном произведении, – философ его не выдумывает»*. Тезис возражения, следующий после «но», определяет собственную позицию автора по вопросу об эстетическом в литературоведении: *«но научно понять его своеобразие, его отношение к этическому и познавательному, его место в целом человеческой культуры и, наконец, границы его применения может только систематическая философия с ее методами»* [6. С. 9]. Определив таким образом свою позицию, автор приступает к ее аргументации. Оппозиционное мнение в таком случае используется как эксплициатор темы, о которой пойдет речь далее.

Во втором случае автор одновременно и соглашается с позицией оппонента, и возражает ей, четко разделяя положения на не вызывающие сомнений и спорные. *«Объяснения Кауса во многом правильны. Действительно, полифонический роман мог осуществиться только в капиталистическую эпоху»*. Далее Бахтин перечисляет приводимые Каусом аргументы: *«...мог появиться только при условии многообразия социальных миров в своей индивидуальной замкнутости», «появляется противоречивая сущность становящейся социальной жизни, не укладывающаяся в рамки уверенного и спокойно созерцающего монологического сознания»* и делает вывод: *«все это объективные предпосылки, на которых основывается Каус»* [7. С. 12]. Отталкиваясь от общей области согласия, Бахтин вводит свой тезис: *«Но объяснения Кауса оставляют самый объясняемый факт нераскрытым (причины возникновения романа в капиталистическую эпоху другие)»*, аргументируя это тем, что *«дух капитализма*

дан на языке искусства и в частности на языке особой разновидности романного жанра», «необходимо раскрыть конструктивные особенности этого многопланного романа, лишенного привычного монологического единства» [Там же]. Таким образом, выдерживается логика научной дискуссии – высказывание своего мнения в связи с мнениями других исследователей.

Подобная схема реализуется при использовании средств «нельзя не согласиться с /имя автора позиции/, что... действительно... однако», где слово «согласиться» однокоренное указанному А.Д. Шмелёвым компоненту «согласен», который также маркирует ситуацию возражения под видом согласия. Союз «но» заменяется синонимичным ему в данном контексте союзом «однако» и введением конструкции утверждения через двойное отрицание «нельзя не согласиться с..., что...». Тезис: *«нельзя не согласиться с Гроссманом, что все указанные им функции действительно присущи авантюрному материалу в романе Достоевского»*. Тезис-возражение: *«Однако нам кажется, что этим дело далеко не исчерпывается»*. Аргумент: 1) «Занимательность сама по себе никогда не была самоцелью для Достоевского»; 2) «не был художественной самоцелью и романтический принцип сплетения возвышенного с гротеском, исключительного с повседневным» [Там же].

В третьем случае автор не спорит с основной позицией, но полагает, что она должна быть уточнена, конкретизирована. Общий тезис не подвергается сомнению, но внимание направлено на возможность рассмотрения объекта с другой точки зрения. *«Мистерия (у Достоевского) действительно многопланна и до известной степени полифонична, но эта многопланность и полифоничность мистерии чисто формальные, и самое построение мистерии не позволяет содержательно развернуться множественности сознаний с их мирами»* [Там же]. Многопланность мистерии не оспаривается, но автор обращает внимание на определенную точку зрения на мистику – это мистика в произведении Достоевского, в его видении, и характеристики данного аспекта взятого понятия далее выводятся на первый план: 1) *«Здесь с самого начала все закрыто и предрешено»*; 2) *«в полифоническом романе Достоевского... дело идет о последней диалогичности, т.е. о диалогичности последнего целого... роман Достоевского диалогичен, он строится как целое взаимодействия нескольких сознаний и т.д.»*

Конструкции с **КОНЕЧНО**, **НЕСОМНЕННО**, **БЕССПОРНО**, **БЕЗУСЛОВНО** могут реализовывать смысловые отношения, перечисленные нами для конструкции **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО**, **НО**. Наиболее часто встречается в текстах конструкция со скрепой **КОНЕЧНО**. Некоторые примеры нельзя отнести к случаю выражения семантики возражения под видом согласия: **КОНЕЧНО** в них располагается после **НО** и указывает на бесспорность возражения. *«Роман Пушкина – это самокритика литературного языка эпохи, осуществляемая путем взаимоосвещения всех его основных направленных жанровых и бытовых разновидностей. Но, конечно, это не отвлеченно-лингвистическое взаимоосвещение: образы языков не отделены от образов мировоззрений и их живых носителей – людей, мыслящих, говорящих и действующих*

в социальной и исторически конкретной обстановке» [6. С. 416].

В следующем примере, как нам представляется, реализуется второй случай: «Но каков же замысел автора этого произведения? Каково его отношение к Священному писанию? Исследователи по-разному отвечают на эти вопросы. Все, **конечно**, соглашаются, что здесь имеет место какая-то игра со священным словом, **но** степень вольности этой игры и ее смысл оцениваются по-разному. Ряд исследователей утверждает...» [Там же]. Возможно и выражение полного согласия с уточнением: «Вечеря Киприана», **конечно**, не мнемонический прием. Это пародия, точнее – пародийная травестия. **Но** нельзя переносить на средневековую пародию (как, впрочем, и на античную) современные представления о пародийном слове. Функции пародии в новое время узки и несущественны» [Там же]. Значение слова КОНЕЧНО – «согласие, подтверждение» – создает определенный семантический оттенок: если скрепой **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** автор призывает согласиться с определенным реально существующим порядком вещей, то словом **КОНЕЧНО** он указывает на некое неоспоримое мнение, на то, что следующее за ним утверждение не следует обсуждать далее, оно уже принято к сведению.

НЕСОМНЕННО в этом кругу ближе слову **КОНЕЧНО**, его значение, основанное на значении производящего слова «сомневаться» – выдвигать противоречащие аргументы, также апеллирует к области мнений, идей, а не реальности. В следующем примере автор частью конструкции с **НЕСОМНЕННО** вводит тему, в рамках которой реализует свое мнение, следующее за компонентом **НО**: «Особенно часто мы утрачиваем ощущение пародийности. **Несомненно**, что многое в мировой литературе прошлых времен нам предстоит еще прочесть заново, услышать в другом регистре. **Но** для этого прежде всего необходимо понять особую природу народного смеха прошлых времен – его мирозерцательность, универсализм, амбивалентность, связь с временем и т.п. – то есть все то, что почти полностью утрачено смехом нового времени» [8. С. 150]. Особенно острой полемики данная конструкция не создает.

Слово **БЕССПОРНО** образовано от прилагательного «бесспорный», восходящего к глаголу «спорить». Семантика полемичности задается значением глагола «спорить» (аргументированно доказывать свою позицию). Основное значение скрепы **БЕССПОРНО** – говорящий утверждает абсолютное принятие истинности информации или чьего-либо (в том числе собственно) мнения. В нашем материале такая конструкция встречается всего один раз: «Когда скульптор работает над мрамором, то он, **бесспорно**, обрабатывает и мрамор в его физической определенности, **но** не на него направлена ценностно-художественная активность творца, и не к нему относится осуществляемая художником форма <...>; создаваемая скульптурная форма есть эстетически значимая форма человека и его тела: интенция творчества и созерцания идет в

этом направлении; отношение же художника и созерцателя к мрамору как к определенному физическому телу носит вторичный, производный характер, управляемый каким-то первичным отношением к предметным ценностям, в данном случае – к ценности телесного человека» [6. С. 15]. Так как автор рассуждает о понимании формы искусствоведением, область согласия в данном контексте носит формальный характер, согласие касается самой общей канвы основного высказывания. Прием используется для снятия самого общего возражения, которое может возникнуть у читателя, и привлечения его внимания к глубинной сути рассматриваемых понятий.

Третьей по частотности после конечно и действительно идет конструкция с **БЕЗУСЛОВНО**, семантика слова апеллирует к принятию некой информации в обход условий, указывает на очевидность. Значение скрепы нельзя отнести ни к объективной реальности, ни к сфере выражения субъективного мнения, в отличие от «бесспорно», «несомненно». Конструкция может разделять тезис на область согласия и область возражения. Например: «Смех, **безусловно**, был и внешней защитной формой. Он был легализован, он имел привилегии, он освобождал (в известной только мере, конечно) от внешней цензуры, от внешних репрессий, от костра. Этот момент нельзя недооценивать. **Но** сводить к нему все значение смеха совершенно недопустимо. Смех не внешняя, а существенная внутренняя форма, которую нельзя сменить на серьезность, не уничтожив и не исказив самого содержания раскрытой смехом истины» [8. С. 107]. Автор признает важность внешних проявлений смеха, но утверждает необходимость рассмотрения его внутренних основ. Реализует конструкцию и третий случай: полное согласие с уточнением. «Мы уже указывали, что классический стихотворный рыцарский роман не укладывается всецело в рамки первой линии, что вольфрамовский «Парцифаль», например, **безусловно** является уже великим образцом романа второй линии.

Однако в дальнейшей истории европейской прозы двуголосое слово вырабатывается, как и на античной почве, в мелких эпических жанрах (фабль, шванки, мелкие пародийные жанры), в стороне от большой дороги высокого рыцарского романа» [6. С. 212].

Итак, мы рассмотрели функционирование скреп со значением возражения под видом согласия в текстах М.М. Бахтина. Основные схемы конструкции: **действительно + но / однако; бесспорно + но; несомненно + но; конечно + но / однако; безусловно + но / однако**. Значение согласия и возражения по-разному распределяется между компонентами конструкции, а семантические модификации варьируются от полного согласия с частичным уточнением до полного отрицания позиции оппонента с последующим введением своего тезиса. Чаще же всего конструкция используется для ведения дискуссии с оппонентом, в которой его мнение разбивается на область согласия и область возражения, что выражает естественное развитие научной мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стародумова Е.А. Слово «действительно» как показатель внешней и внутренней диалогичности // Е.А. Стародумова. Избранные работы: описание русских частиц, словарные статьи, синтаксис художественной прозы. Владивосток, 2011.

2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995.
3. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2000. Т. 1.
4. Булыгина Т.В., Шмелёв А.М. Возражение под видом согласия // Языковая концептуализация мира. М., 1996.
5. Баранов А.Н., Плунгян В.А. и др. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.
6. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
7. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.
8. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М., 1990.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 31 января 2014 г.

TEXT CLIPS EXPRESSING OBJECTION UNDER THE GUISE OF AGREEMENT AS A MEANS OF INTRODUCING THE ARGUMENT

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 58–61 DOI: 10.17223/15617793/381/9

Titova Natalia S. Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: class.room@mail.ru

Keywords: clip; objection under the guise of agreement; *deystvitel'no*; *konechno*; *nesomnenno*; *bessporno*.

Russian philologists label the word *deystvitel'no* (really, indeed) as an adverb, a particle or a parenthetical modal word, but it also can be defined as a text clip connecting the phrases or parts of the text. The common meaning of the word *deystvitel'no* is confirmation of the truth of information. Along with the independent functioning of the word *deystvitel'no* in the text there is a construction made by a combination of two components: the word *deystvitel'no* and the conjunction *no* (but). Together, these two components create a special construction with contradictory semantics: on the one hand, the speaker agrees, confirms the truth of the facts expressed in pre-context, on the other hand, s/he expresses an objection. Thus, we get a text implementation of the strategy characteristic for scientific discourse: objection under the guise of agreement. Connection of the opposite cognitive actions can be explained by the features of scientific research: a scientist makes an assumption and then tries to deny it. The dialogical way of thinking is also typical for the scientific text. Researchers T.V. Bulygina and A.M. Shmeliov note that the construction expresses agreement, but it also is used to make a reservation, or to focus on details that are questionable. Along with the word *deystvitel'no*, *A Guide to Discursive Words* allocates an entire group of units expressing the idea of reality with words: *bezuslovno*, *bessporno*, *konechno*, *nesomnenno* (unquestionably, certainly, undoubtedly). We hypothesized that these units can create a construction with word *no*, like the word *deystvitel'no*. We tested our hypothesis on the material of scientific papers by M.M. Bakhtin ("From the *Prehistory of Novelistic Discourse*", "The Problem of Content, Material, and Form in Verbal Art", *Problems of Dostoyevsky's Poetics*, "Rabelais and Gogol", "Rabelais and Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance", "Discourse in the Novel", "Forms of Time and of the *Chronotope* in the Novel"), and we found out realization of the following constructions: *deystvitel'no* + *no/odnako*; *bessporno* + *no*; *nesomnenno* + *no*; *konechno* + *no/odnako*; *bezuslovno* + *no/odnako*. The semantic nuances of these different constructions are due to the individual meaning of the first word (*deystvitel'no*, *bessporno*, *nesomnenno*, *konechno*, *bezuslovno*), but they can equally be used to express the following gradation: 1) the speaker completely refutes a commonly known position or the position of a particular opponent (full retraction, agreement is used to express politeness); 2) the speaker partially disagrees with the position of the opponent; the construction is used to clearly identify the areas of agreement and the areas of objections that require clarification; 3) the speaker agrees with the opponent, but considers it necessary to draw attention to particular cases, clarifies the details.

REFERENCES

1. Starodumova E.A. *Slovo "deystvitel'no" kak pokazatel' vneshney i vnutrenney dialogichnosti* [The word "deystvitel'no" as an indicator of the external and internal dialog]. In: Starodumova E.A. *Izbrannye raboty: opisaniye russkikh chastits, slovarnye stat'i, sintaksis khudozhestvennoy prozy* [Selected works: description of Russian particles, dictionary entries, syntax of fiction]. Vladivostok, 2011.
2. Ozhegov S.I. Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 1995.
3. Ushakov D.N. (ed.) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language]. In 4 vols. Moscow, 2000. Vol. 1.
4. Bulygina T.V., Shmeliev A.M. *Vozrazheniye pod vidom soglasiya* [Objection under the guise of agreement]. In: *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira* [Language conceptualization of the world]. Moscow, 1996.
5. Baranov A.N., Plungyan V.A. et al. *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [A Guide to Russian Discursive Words]. Moscow, 1993.
6. Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow, 1975.
7. Bakhtin M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow, 1963.
8. Bakhtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [Rabelais and Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, 1990.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИФОНИЧЕСКОГО ЛИРИЗМА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Е.П. РОСТОПЧИНОЙ

Рассматриваются особенности полифонического лиризма как эстетической доминанты раннего творчества Е.П. Ростопчиной. Детально анализируются основные мотивы лирики поэтессы, ее жанровые особенности, поэтика хронотопа, дневниково-исповедальный тип художественной рефлексии. Предметом специального изучения становится вопрос о влиянии поэзии М. Деборд-Вальмор на раннюю лирику Ростопчиной.

Ключевые слова: автопсихологизм; полифонизм; романтизм; жизнестроительство; русско-западноевропейские литературные связи.

Творчество Е.П. Ростопчиной традиционно делится на два периода. Первый начинается в 1820-е гг. и продолжается до середины 1840-х гг. Второй период охватывает следующее десятилетие: со второй половины 1840-х до середины 1850-х гг. Как поясняет эту периодизацию А.В. Тархова [1. С. 10], первый период деятельности Ростопчиной связан с освоением и переосмыслением романтических традиций в ее творчестве, попытками объединить достижения русской и французской романтической лирики (А. де Ламартин, М. Деборд-Вальмор). Историк литературы Б. Романов отмечает, что во втором периоде в творчестве поэтессы происходит сдвиг в сторону прозы: лирических произведений становится меньше, но пьес, написанных белыми стихами, повестей – больше, что объясняется общей тенденцией развития русской литературы 1840-х гг.: ее движением от поэзии к прозе [2. С. 16].

Влияние романтической эстетики особенно наглядно проявляется в ранний период творчества поэтессы, и связано это с автопсихологическими особенностями ее лирики: героиня поэзии Ростопчиной становится своеобразным лирическим двойником автора. По мнению А.М. Ранчина, поэтессы, «стирая черту между своей жизнью и ее словесным преломлением... одновременно и придавала осязаемость традиционным поэтическим формулам, и подчиняла свою биографию условиям литературы» [3. С. 9]. Так, например, традиционный элегический образ воспоминания в раннем стихотворении «Молодой месяц» (1829) становится своеобразной «поэтической формулой» осознания целостности внутренней и внешней жизни лирической героини. Эта своего рода автолитературоцентричность во многом передается через соотнесение стихотворного эпиграфа из Ламартина и созвучную ему вопросительную интонацию, анафоры и медитативную лексику основного текста. Ср.: эпиграф:

*Doux reflet d'un globe de flame,
Charmant rayon, que me veux-tu?..*

(*Нежный отблеск пылающего шара, прелестный луч, что ты мне желаешь? – Ламартин. Раздумья*) и начальную строфу стихотворения:

*Какое смутное волненье
В душе рождается моей?
Младого месяца явление
Все чувства пробудило в ней.
<...> Когда в тревожном ожиданье
Мой юный оперялся ум.
<...> Когда в тиши, в уединенье*

*Событьем были для меня
Небес вечерние явленья...
<...> Когда с боязнью безотчетной
Взирала я на небосклон...*

[4. С. 30–31].

Тема воспоминания через выразительную систему метафор представлена и в стихотворении «Талисман» (1830), а образ любви в ранней лирике воспринимается и как возможность воскресения души другого в поэтическом слове в произведении «Когда б он знал!» (1830), и как авторефлексия о предназначении женщины быть посредницей «меж божеством и светом», чтобы «послание ангелов в быту земном свершать», в стихотворении «Равнодушной» (1830).

Автопсихологические образы в поэзии Ростопчиной этого периода раскрываются во многом через дневниково-исповедальные интонации, обращенные героиней к самой себе и имеющие хронологическую маркированность. Так, например, в стихотворении под названием «Осенние листья» с эпиграфом из известной элегии Андрея Тургенева рефлексия автора непосредственно соотносится и с указанием даты его написания: «22 августа 1834 Село Анна». Или в диалогическом послании «Прежней наперснице» ситуация сокрытия героиней своей внутренней жизни перед лицом света и в бальной зале прямо связана и с хронологией его написания: «31 декабря 1834 Москва». Как отмечает в этой связи В.С. Расторгуев [5. С. 10], именно дневниковый принцип организации стихотворений позволил Ростопчиной соединить традиционные романтические образы с конкретным психологическим опытом. Благодаря такой конструктивной доминанте формируется особый характер авторской рефлексии, тесно связанный с женским типом лиризма. Особенность данного типа лиризма видится в непосредственности переживаний, эмоциональной сосредоточенности автора одновременно на бытовых и бытийных проблемах, преломлении онтологического начала через вещественное, предельно субъективном осмыслении события.

Другой исследователь творчества Ростопчиной также сравнивает ее лирику с дневником, куда заносятся вместе случайные и значительные события. Даты, указание мест создают условно-биографический контекст, благодаря которому автор получает возможность эстетически осмыслить его и ввести в область художественного целого. При этом событийная основа отходит на второй план, а внимание сосредоточивается на выявлении эстетической ценности самого объекта [3.

С. 22]. Все это позволяет Ростопчиной реализовать принцип панэстетизма как одного из конструктивных начал в ее творчестве [6. С. 179].

Переосмысление романтических канонов касается и эстетики двоемирия в поэзии Ростопчиной, которая заметно трансформируется, выявляя многомерность восприятия окружающего мира автором. Значимым здесь оказывается дневниковый принцип организации лирики, основанный на синхронизации поступка и слова, чувства и его вербального выражения. Важная роль в этом плане отводится хронотопу дневникового типа, который отличается камерностью. В нем воссоздается пространство «малого», внутреннего мира героини, отделяющее и противопоставляющее ее «большому» миру («Талисман», «Ангелу-хранителю»). Вместе с тем время в нем индивидуализировано, подчинено субъективным воспоминаниям героини, оно теряет определенность своих характеристик («Певица», «Фантазия», «Где мне хорошо»).

В раннем творчестве поэтессы преобладает, по словам И.М. Семенко, лиризм песенного типа, получающий выражение через обобщенное, суммарное изображение внутреннего мира героини, через широко используемое автором явление отрицательного параллелизма и, наконец, через само обращение к жанру литературной песни. В данном случае примером могут служить произведения, входящие в цикл «Простонародная песня» (1831), «Осенний вечер» (1831), «Русская песня» (1834) и др. В этих стихотворениях важную роль играет и сам образ музыки, пения. Песня становится здесь то выражением голоса целого народа, то поэтическим изливанием страданий одинокой души, как, например, в произведении «Цыганский табор» (1831). Ср.:

*Но вот гремющий хор внезапно умолкает...
И Таня томная одна теперь слышит:
Ее песнь грустная до сердца проникает,
И страстную тоску в нем шевелит она...*

[4. С. 42].

Лиризм песенного типа, обращенность к образу пения, особая мелодика стиха Ростопчиной обусловили тот факт, что многие из ее произведений были положены на музыку А.А. Алябьевым, А.С. Даргомыжским, А.Г. Рубинштейном, Н.И. Бахметевым и др.

Главная же особенность поэзии Ростопчиной связана с лиризмом полифонического типа. Он предполагает синтез песенного начала и особого женского мировосприятия, которые передают характерную диалогичность ранних стихотворений поэтессы. В них автор осознает себя поэтом, избранником и в то же время постоянно акцентирует свое женское начало. Женское мировосприятие часто включает в себя полемику с мужским миром и его системой ценностей.

Так, например, в стихотворении «Прежней наперснице» (1834) женское и мужское начало противопоставляются как разные поведенческие модели, принятые в высшем свете. Ср.:

*Под хитрым словом у мужчины
Мысль часто в речи не видна;
Чтоб скрыть немой тоски причины,
Улыбка женщине дана!..*

[4. С. 58].

Женскость поэзии Ростопчиной предполагает также и особое сентиментально-рефлексивное чувство, присутствующее в ней. В этом смысле одним из самых значимых ее ранних стихотворений является «Последний цветок» (1835), в котором судьба засохшего цветка сравнивается с невольным молчанием одинокой женщины-поэта, не надеющейся быть услышанной и понятой в большом мире культуры. Ср.:

*Мне суждено, под схиною молчанья,
Святой мечты все лучшее стаить,
Знать свет в душе... и мрак в очах носить!
Цветок полей, забытый без вниманья,
Себя с тобой могу ли я сравнить?*

[4. С. 69].

Встречающаяся здесь лексика с семантикой закрытости, невыговоренности («под схиною молчанья», «стаить», «мрак в очах», «забытый без вниманья») как будто передает изначальную невостреченность женского слова в мире поэзии. Не случайно это стихотворение Ростопчиной было очень высоко оценено П.А. Вяземским, который в письме к А.И. Тургеневу от 8 февраля 1836 г. писал: «Какое глубокое чувство, какая простота и сила в выражении и, между тем, сколько женского!» [7. С. 203].

Другая особенность полифонического лиризма Ростопчиной видится в особом соотношении всего стихотворения и эпиграфа к нему. Как известно, почти все стихотворения поэтессы сопровождаются эпиграфами, взятыми из произведений Ламартина, Байрона, Т. Мура, Гете и других авторов. Так, в стихотворении Ростопчиной «На прощанье...» (1835) развиваются отдельные мотивы и образы из известного стихотворения Байрона «Расставание» (1808), эпиграф из которого используется здесь. Этот эпиграф позволяет не только вписать тему разлуки в творчестве русской поэтессы в общеевропейский культурный контекст, но и передать оттенки собственного чувства. Упоминание об образах духовных близнецов, духовной внутренней связи любящих придает стихотворению Ростопчиной особый психологический рисунок. Ср.:

*Меж нами так много созвучий!
Сочувствий нас цепь обвила...<...>
В поэзии, в музыке оба
Мы ищем отрады живой;
Душой близнецы мы...*

[4. С. 61].

Мотивы духовного родства и «роковой разлуки» подразумевают здесь не только историю любви героя и героини, но и судьбы персонажей из произведения Байрона, в котором значительное место отводится конфликту человека и социума. Ср.: у Байрона:

*Мы долго скрывали
Любовь свою,
И тайну печали
Я также таю*
(перевод С. Маршака) [8. С.48]

и у Ростопчиной:

*Пусть они рядят и судят.
Хотят нас с тобой разгадать!
Не бойся!.. Меня не принудят
Им сердце мое показать!..*

[3. С. 60].

Эпиграф из этого же произведения Байрона встречается и в другом стихотворении поэтессы под названием «Последнее слово» (1838), в котором передается и автопсихологичность, и лейтмотивность ее поэзии, наиболее ярко раскрывающиеся через явление внутренней циклизации.

Еще одна особенность данного типа лиризма у Ростопчиной связана с эстетикой жизнестроительства. Как писал В. Ходасевич, «поэт жил в ней, питаясь ее женскими чувствами, мечтаемый рай бытия вырос из корней быта. Женщина была несчастна в личной судьбе: поэт создавал из этого трагедию любви. Дама боялась светского осуждения... но поэт умел преобразить его в чувство тайны. Так непрестанно растила она свое большое и главное из своего малого и случайного», конструируя свою художественную судьбу по законам романа [9. С. 423]. Роман как философско-эстетический феномен и как своего рода «жанр жизни», определяющий личную судьбу поэтессы, получает параллельное воплощение и в таких ее произведениях, протосюжетом которых является история жизни и любви автора. Среди них «Талисман» (1830), «На прощанье...» (1835), «Месть» (1836), «Ссора» (1838), «Вы вспомните меня» (1838), «Последнее слово» (1838), «В степи» (1838).

Исследовательница поэтического творчества Ростопчиной Л.И. Щерблыкина [10] указывает, что исходной точкой ее лирики служили пушкинско-лермонтовские традиции. Так, влияние поэзии Пушкина связано у Ростопчиной прежде всего с темой поэзии, поэтического слова, как, например, в произведениях «Кто поэт» (1835), «Сонет» («Бывают дни, — я чую: вдохновенье») (1835), «Эльбрус и я» (1836). Они оказывают внутренне созвучны таким стихотворениям Пушкина, как «Пророк», «Поэт» («Пока не требует поэта»), «Поэт и толпа», «Эхо» и др.

Влияние поэзии Пушкина прослеживается и в любовной лирике Ростопчиной. Нельзя не отметить тематического сходства пушкинского стихотворения «Храни меня, мой талисман» (1825) и первого опубликованного стихотворения Ростопчиной «Талисман» (1831). Талисман как символ постоянства и памяти о любви, способной уберечь от жизненных невзгод, становится центральным у Пушкина и у Ростопчиной. Однако если у Ростопчиной талисман сравнивается с «узлом бытия» и «роковой тайной», присущей любви как таковой, то у Пушкина талисман — это символ прошедшей любви и памяти о ней. Эти произведения образуют своеобразную диалогию, в которой стихотворение Ростопчиной передает зарождение любовного чувства, а стихотворение Пушкина — его угасание и благодарность за прошедшее.

Диалог Ростопчиной и Пушкина рассматривается и на уровне поэтики, и связан он с обращением к разнокачественным эпитетам для передачи психологических оттенков чувств, с употреблением глаголов-синонимов с повторяющимися союзами, с использованием синкретичных подлежащих и сказуемых [10. С. 7].

Важно отметить, что сам образ Пушкина также присутствует в лирике Ростопчиной этого периода и связан с философией творчества и поэтического самоопределения поэтессы. Так, стихотворение «Черновая

книга Пушкина», опубликованное после смерти поэта в журнале «Современник» в 1839 г., имело следующее авторское предисловие: «Пушкин заказал себе черновую книгу. Она, после его смерти, перешла к В.А. Жуковскому, который написал в ней несколько недоконченных стихотворений и потом подарил ее мне, с наказом дополнить и докончить ее» [11. С. 137]. Как известно, Жуковский вписал в этот альбом свое знаменитое «Посвящение» к «Ундине» и еще девять стихотворений в антологическом роде, которые при его жизни не печатались и впоследствии объединились издателями под названием «Из альбома, подаренного графине Ростопчиной» [12. С. 698]. Исполняя «немой завет» Пушкина, Жуковский создал авторский цикл, в котором тема человека и его судьбы неотделима от темы творчества, заданной самим масштабом личности великого русского поэта [13. С. 41, 51]. Посвящая это стихотворение Жуковскому, которого поэтесса называет «мой сердца духовник», она пытается осмыслить эстетическую природу своего творчества. Ср.:

*<...> Мне, слабой, недостойной,
Мой сердца духовник пришел ее вручить,
Мне песнью робкою, неопытной, нестройной
Стих чудный Пушкина велел он заменить!..
Но не исполнить мне такого назначения,
Но не достигнуть мне желанной вышины!
Не все источники живого песнопенья,
Не все предметы мне доступны и даны:
Я женщина!.. Во мне и мысль и вдохновенье
Смирненной скромностью быть скованы должны!*
[4. С. 93].

Здесь поэзия, поэтическое слово воспринимаются как «живое песнопенье», предполагающее ответный вербальный или эмоциональный отклик читателя. Одновременно само творчество осмысливается у Ростопчиной в гендерном аспекте: женская поэзия как будто изначально включает в себя определенный и ограниченный набор тем и мотивов, подразумевает особый эстетический диалог между «мыслью и вдохновеньем», соединяющий индивидуальный поэтический опыт с его преломлением в традиционной поэтической образности.

Впоследствии в двухтомнике «Стихотворения графини Ростопчиной», первое и второе издание которого вышло в 1856 и 1857 гг. при жизни автора, она печатала это произведение одновременно с известным письмом Жуковского к ней от 25 апреля 1838 г. В нем русский поэт пишет: «Посылаю Вам, Графиня, на память книгу, которая может иметь для вас некоторую цену. Она принадлежала Пушкину; он приготовил ее для новых своих стихов и не успел написать ни одного; мне она досталась из рук смерти, я начал ее; то, что в ней найдете, не напечатано нигде. Вы дополните и докончите эту книгу его. Она теперь достигла настоящего своего назначения. Все это в старые годы я написал бы стихами, и стихи были бы хороши, потому что дело было о вас и о вашей поэзии; но стихи уже не так льются, как бывало, — кончу просто: не забудьте моих наставлений; пускай этот год уединения будет истинно поэтическим годом вашей жизни. Ваш Жуковский» [14. С. 211]. Тема скоротечности земной жизни и ранней смерти, тема судьбы и творчества, звучащие в этом письме, получают органичное продолжение в таких

стихотворениях Жуковского из альбома, подаренного графине Ростопчиной, как «Роза», «Надгробие юноше», «Голос младенца из гроба», «Судьба», «Он лежал без движенья, как будто по тяжелой работе». Эти же темы получают затем осмысление и в стихотворениях Ростопчиной, объединенных образами Пушкина и поэтов пушкинского круга. Среди них «Две встречи» (1838–1839), «Одним меньше. На смерть партизана Дениса Давыдова» (1839), «Арабское предание о розе» (1840) и др.

Влияние Лермонтова на лирику Ростопчиной также неоспоримо. Оба поэта обращались к теме человека, осознающего свое психологическое, социальное и экзистенциальное одиночество. Так, например, исследователями приводится стихотворение Ростопчиной «Не скучно, а грустно», совпадающее по ведущему настроению и образам с лермонтовским «И скучно, и грустно», однако стихотворение Ростопчиной было написано раньше лермонтовского. Как отмечает Л.И. Шевцова, этот текст может служить параллелью к стихотворению Лермонтова или же его предтечей, так как «в поэтической палитре Е.П. Ростопчиной мы находим иные краски, вызванные к жизни максимализмом отрицания, ощущением своей внутренней противоречивости, что так характерно для творчества М.Ю. Лермонтова» [15. С. 22]. Как известно, с образом Лермонтова связан и поэтический цикл стихотворений Ростопчиной под названием «Пустой альбом». Опубликованный впервые в журнале «Москвитянин» в № 2 за 1842 г., этот цикл открывался следующим примечанием автора: «Этот альбом был мне подарен М.Ю. Лермонтовым, перед отъездом его на Кавказ, в мае 1841 года, стало быть, незадолго перед его смертью. В нем написал он свое стихотворение ко мне: “Я знаю, под одной звездой Мы были с вами рождены”» [4. С. 152].

Нужно отметить, что большое влияние на поэтическое становление Ростопчиной оказала также французская романтическая поэтесса Марселина Деборд-Вальмор (1786–1859). Современники отмечали особый характер ее стихов и тип ее лирической героини, которая кажется безыскусной, простодушной и удивительно искренней. В России Деборд-Вальмор была весьма популярна: одна из ее элегий, по мнению Ю.М. Лотмана, послужила одним из источников письма Татьяны к Онегину в романе Пушкина «Евгений Онегин» [16. С. 625].

О влиянии Деборд-Вальмор на русскую литературу Ростопчина писала в «Неизвестном романе», говоря о ней как о поэтессе, «от которой все мы так плакали в свою молодость и после которой уж никто не умел изобразить женское сердце» [4. С. 175]. В творчестве Ростопчиной есть и прямые подражания французской поэтессе. К примеру, в стихотворении «Когда б он знал» встречается подзаголовок «Подражание Деборд-Вальмор». Это стихотворение впоследствии вошло в «Дневник девушки». В альбоме Ростопчиной, хранящемся в РГАЛИ, есть выписки из романов Деборд-Вальмор [17. Л. 112–113, 158, 176].

Однако влияние французской поэтессы на произведения Ростопчиной не ограничилось только прямыми подражаниями. Заимствуются и трансформируются основные мотивы и образы лирики Деборд-Вальмор, характер ее лирической героини. Как известно, одна из

центральных тем в творчестве французской поэтессы – переживание лирической героиней любовного чувства, часто неразделенного, сопровождаемого мотивом предопределения и неизбежного расставания. Любовное чувство у Деборд-Вальмор приобретает черты платоновского мифа: встреча с возлюбленным становится откровением о смысле собственного существования, лирическая героиня словно вырывается из замкнутого пространства, получая возможность прикоснуться к идеальному миру. И не случайно в ее стихах появляется мотив предзнания: лирическая героиня знает о предстоящей встрече, об ее роковом значении.

Важно отметить, что развитие любовного чувства у Деборд-Вальмор проходит несколько этапов: от изображения зарождающейся любви автор переходит к передаче конфликта двух любящих, от единения, раскрытия смысла жизни в другом человеке – к одиночеству и страданиям. Важную роль при этом играют образы света, солнца, которые в ее поздней лирике заменяются образом огня или огненной цепи.

Французская поэтесса насыщает символическими образами свои лирические тексты, и здесь на первый план выходит образ музыки как метафоры счастья. Музыка и мечта, в представлении французской поэтессы, становятся земным воплощением идеального мира, возможностью претворить переживаемый идеал в действительность.

В творчестве же Ростопчиной этот символ трансформируется в образ бала, который сопровождается мечтой-видением, грезой. Причем греза часто превращается у нее в мираж, в обманное видение. Если в Деборд-Вальмор музыка становится символом счастливого прошлого, то у Ростопчиной образ бала амбивалентен: в ранней лирике бал лишен временных характеристик и описывается как нескончаемый поток жизни и радости («Не лучше ли предстать на бале // С улыбкой, в полном торжестве, // Чем жертвою прослыть печали // И на зубок попасть молве?...») («Прежней наперснице», 1834). В поздней же период творчества, как, например, в «Цирке девятнадцатого века» (1850), образ бала приобретает inferнальные черты: он обнажает «масочную» природу персонажей и акцентирует внимание на апокалиптической семантике горящих балных огней.

Наиболее тематически близкими оказываются стихотворение Ростопчиной «Колокольный звон ночью» (1839) и «Вечерние колокола» Деборд-Вальмор. Мотив колокольного звона традиционен для романтической лирики. В стихотворении «Вечерние колокола» Деборд-Вальмор колокольный звон становится вестником грядущего счастья. В тексте используется значение колокольного звона как тревожного набата, однако оно остается нереализованным: лирическая героиня воссоединяется со своим возлюбленным. Ее радость от долгожданной встречи с любимым столь огромна, что наполняет и оживляет весь мир. И не случайно образ колокольного звона не только передает суточные временные отрезки, но и становится своеобразным медиатором между небом и землей, знаком вечного соединения любящих и здесь, и там. Ср.:

*И если ты в душе грустишь с колоколами,
Пусть время, горестно текущее меж нами,
Напомнит, что лишь ты средь суеты земной*

*Всегда со мной! Всегда со мной!
И сердца блавест с колоколами рядом
Нам встречу возвестит наперекор преградам.
Польется песнь небес из выси голубой
Для нас с тобой! Для нас с тобой!*

(пер. И. Кузнецовой) [18. С. 644].

Как видим, в стихотворении французской поэтессы наблюдается усложнение хронотопа, в котором в традиционную романтическую оппозицию «небо – земля» вписываются «уныние – счастье», «свет – тьма», «разлука – воссоединение». Вечерний звон колоколов превращается в небесный гимн счастью героини.

Одна из функций колокольного звона – быть «проводником душ» – развивается и в стихотворении Ростопчиной «Колокольный звон ночью». В нем рефлексия лирической героини направлена во внешний мир. Колокольный звон становится спутником переломных моментов и в человеческой жизни, и в жизни социума, включая сюда пожары, разрушения и смерть. Ср.:

*Он томно загудел, торжественный, нежданный,
В необычайный час <...>*

*Мне сладко грезилось... и вдруг вот он раздался,
Неумолимый звон...*

*Как жалобный набат, он в сердце отзывался,
Как близкой смерти стон*

[4. С. 105].

Тревожный колокольный звон у Ростопчиной противопоставляется мечтательным сновидениям лирической героини: «неумолимый звон» – «отрадная тишина» ночи. Однако звон колокола в этом стихотворении, в отличие от «Вечерних колоколов» Деборд-Вальмор, не несет в себе гармонизирующего начала. Напротив, он назван «взывающей медью», «жалобным набатом» и сравнивается с «близкой смерти стоном». Образ колокольного звона здесь тесно связан с мотивом воспоминаний, который неотделим в сознании лирической героини от трагических событий человеческой жизни: в ночном колокольном звоне ей слышатся отзвуки панихид по умершим, тревожные известия о природных катастрофах.

Как видим, мотив колокольного звона в обоих произведениях оказывается вписанным в жизненное

пространство человека, сопровождая его и в радости, и в горе. Он не только умиротворяет, вносит гармонию в душу, служит вестником счастья, как у Деборд-Вальмор, но и напоминает о бренности человеческой жизни, о конечности бытия. И страх, который испытывает лирическая героиня, по своим свойствам приближается к экзистенциальному страху. Дневная жизнь с ее волнениями и тревогами исчезает, и обнажается истинная природа существования человека перед лицом смерти, в ситуации неизбежного конца. И колокольный звон становится в обоих текстах как бы самым голосом бытия, обращенным к живым.

Таким образом, в ранних стихотворениях Ростопчиной формируется особый тип лиризма – полифонический лиризм. Он включает в себя песенное начало, которое соединяется с аутопсихологизмом, дневниково-исповедальными интонациями, а также с характерным женским мироощущением, носящим по преимуществу сентиментально-рефлексивный характер. Этот тип лиризма предполагает и изначальную внутреннюю лейтмотивность, и диалогичность, связанную с использованием поэтических эпиграфов, создающих характерный поэтический контекст вокруг ее произведений. Стремление выстраивать свою жизнь по законам романной эстетики позволяет говорить об элементах романного сюжета в лирике Ростопчиной, о формировании своей типологии героев.

В целом же ранняя лирика поэтессы характеризуется размытием жанровых границ и созданием новых синтетических текстов, объединяющих в себе жанровые признаки послания, элегии и романа. В связи с постепенной трансформацией романтического жанрового канона меняется и характер ее лирической героини, которая не только осознает себя светской женщиной со своим утонченным миром чувств и переживаний, но одновременно и женщиной-поэтом. В целом же в первом периоде творчества Ростопчина органично усваивает романтические темы, мотивы и образы и в то же время продолжает диалог с самой романтической традицией как в русской, так и в западноевропейской литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тархова А.В. Творчество Евдокии Ростопчиной 1830–1850-х гг. // Литература. Культура. Эстетика. Шадринск, 2003. Вып. 1.
2. Романов Б. Лирический дневник Евдокии Ростопчиной // Ростопчина Е.П. Стихотворения. Проза. Письма. М., 1986.
3. Ранчин А.М. История женщины и поэтессы – в романе, повести, комедии // Ростопчина Е.П. Счастливая женщина. М., 1991.
4. Ростопчина Е.П. Стихотворения. Проза. Письма. М., 1986.
5. Расторгуева В.С. Поэзия Е.П. Ростопчиной : автореф. ... дис. канд. филол. наук. Л., 1990.
6. Минц З.Г. Блок и русский символизм // Избранные труды : в 3 кн. СПб., 2004. Кн. 3.
7. Остафьевский архив. СПб., 1899. Т. 3.
8. Байрон Д.Г. Стихотворения. Поэмы. Драматургия. М., 1997.
9. Ходасевич Вл.Ф. Графиня Е.П. Ростопчина: ее жизнь и лирика // Ростопчина Е.П. Счастливая женщина. М., 1991.
10. Щерблыкина Л.И. Лирика Е.П. Ростопчиной (проблемы поэтики) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994.
11. Современник. 1839. Т. 15, № 3.
12. Реморова Н.Б. <Из альбома, подаренного графине Ростопчиной>. Комментарий // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М., 2000. Т. 2.
13. Реморова Н.Б. К вопросу о лирическом цикле у В.А. Жуковского // Проблемы метода и жанра : сб. науч. ст. Томск, 1982. Вып. 8.
14. Стихотворения графини Ростопчиной : в 2 т. 2-е изд. М., 1857. Т. 1.
15. Щецова Л.И. Ростопчина: проблемы поэтики. Лермонтовское общество. М., 2007.
16. Лотман Ю.М. Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки. 1960–1990. «Евгений Онегин». Комментарий. СПб., 1998.
17. РГАЛИ. Ф. 433 (Ростопчина (Сушкова) Е.П.). Оп. 1. Ед. хр. 18.
18. Европейская поэзия XIX века (Библиотека всемирной литературы. Т. 85). М., 1977.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 февраля 2014 г.

THE FEATURES OF POLYPHONIC LYRICISM IN E.P. ROSTOPCHINA'S EARLY LYRICS

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 62-67 DOI: 10.17223/15617793/381/10

Shumilina Nadezhda V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: swansea@yandex.ru

Keywords: poetry; lyrical self-reflection; polyphony; Romanticism; life-building.

Polyphonic lyricism as an aesthetic dominant of the poetics of E. Rostopchina's early works is described in the article. The first period of E. Rostopchina's works is connected with the development and recomprehension of the Romanticist traditions in her creativity, attempts to unite the achievements of the Russian and French Romanticist lyrics (A. de Lamartine, M. Desbordes-Valmore). Rostopchina's early poetry is analyzed in the unity of the polyphonic content presented through various genre and speech styles: folk songs, lyrical monologues, dedications, elegies, messages. The influence of the Romanticist esthetics is connected with lyric introspection: the lyrical heroine becomes the alter-ego of the author combining the literary image and the biographic basis. The chronological mark creates the conditional and biographic context that allows esthetic interpreting the event outline of a lyrical narration. The chronotope of this type of lyrics is notable for intimacy, its time is individualized and subordinated to personal memories of the heroine. Owing to such a constructive the dominant lyricism of the polyphonic type is formed. This type of lyricism supposes the initial internal leitmotivity and dialogism connected with the use of poetic epigraphs, creating a characteristic poetic context around her works. The aspiration to array life by laws of the novelistic aesthetics allows speaking about the elements of a novelistic plot in the lyrics of Rostopchina, about forming her own typology of heroes. The novel as a philosophical and aesthetic phenomenon, as a kind of a "life's genre" deciding the poetess' personal destiny, the esthetics of life-building gets a parallel embodiment in her works whose inner plot is the author's life and love in their dynamics. The French Romanticist poetess Marceline Desbordes-Valmore had a great impact on Rostopchina's poetic formation. The influence of the French poetess on Rostopchina's works was not limited to direct imitations. The main motives and images of Desbordes-Valmore's lyrics, the character of her lyrical heroine are adopted and transformed, the transparent symbolical images are reinterpreted. The poetics of E. Rostopchina's early works is generalized at the end of the article. The most important feature of the poetics of Rostopchina's lyrics seems to be in extending the genre limits and in creating of the new synthetic texts combining the genre features of the message, the elegy and the romance. Due to the gradual transformation of the Romanticist genre canon the character of her lyrical heroine changes, too. Rostopchina does not only organically adopt the Romanticist themes, motives and images, but also carries on the dialogue with the Romanticist tradition in the first period of her creative activity.

REFERENCES

1. Tarkhova A.V. [Evdokia Rostopchina's works of 1830-1850s]. *Literatura. Kul'tura. Estetika*, Issue 1. Shadrinsk, 2003. (In Russian)
2. Romanov B. *Liricheskiy dnevnik Evdokii Rostopchinoy* [The lyrical diary of Evdokia Rostopchina]. In: Rostopchina E.P. *Stikhotvoreniya. Proza. Pis'ma* [Poems. Prose. Letters]. Moscow, 1986.
3. Ranchin A.M. *Istoriya zhenshchiny i poetessy – v romane, povesti, komedii* [The story of a woman and a poetess in the novel, story, comedy]. In: Rostopchina E.P. *Schastlivaya zhenshchina* [A happy woman]. Moscow, 1991.
4. Rostopchina E.P. *Stikhotvoreniya. Proza. Pis'ma* [Poems. Prose. Letters]. Moscow, 1986.
5. Rastorgueva V.S. *Poeziya E.P. Rostopchinoy*. Avtoref. kand. filol. nauk [E.P. Rostopchina's poetry. Abstract of Philol. Cand. Diss.]. Leningrad, 1990.
6. Mints Z.G. *Blok i russkiy simbolizm: Izbr. trudy: V 3 kn* [Blok and Russian symbolism: Selected works. In 3 books]. St. Petersburg, 2004. Book 3.
7. Ostafiev Archive. Vol. 3. St. Petersburg, 1899.
8. Byron J.G. *Stikhotvoreniya. Poemy. Dramaturgiya* [Lyrics. Poems. Dramaturgy]. Moscow, 1997.
9. Khodasevich V.I. *Grafiya E.P. Rostopchina: ee zhizn' i lirika* [Countess E.P. Rostopchina: her life and lyrics]. In: Rostopchina E.P. *Schastlivaya zhenshchina* [A happy woman]. Moscow, 1991.
10. Shcheblykina L.I. *Lirika E. P. Rostopchinoy (problemy poetiki)*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Lyrics of E.P. Rostopchina (problems of poetics). Abstract of Philol. Cand. Diss.]. Moscow, 1994.
11. *Sovremennik*, 1839, vol. 15, no. 3.
12. Remorova N.B. <*Iz al'boma, podarennoy grafine Rostopchinoy*>. *Kommentariy* [From the album presented to Countess Rostopchina. A commentary]. In: Zhukovsky V.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 20 t.* [Complete Works and Letters. In 20 vols]. Moscow, 2000. Vol. 2.
13. Remorova N.B. [On the lyrical cycle of V.A. Zhukovsky]. *Problemy metoda i zhanra: sb. nauchnykh statey* [Problems of method and genre. Collected papers], Tomsk, 1982, Issue 8. (In Russian)
14. *Stikhotvoreniya grafini Rostopchinoy: V 2 t.* [Poems by Countess Rostopchina. In 2 vols.]. Moscow, 1857.
15. Shchevtsova L.I. *Rostopchina: problemy poetiki. Lermontovskoe obshchestvo* [Rostopchina: problems of poetics. Lermontov society]. Moscow, 2007.
16. Lotman Yu.M. *Pushkin. Biografiya pisatelya. Stat'i i zametki. 1960-1990. "Evgeniy Onegin". Kommentariy* [Pushkin. Biography of the writer. Articles and notes. 1960-1990. Eugene Onegin. A commentary]. St. Petersburg, 1998.
17. Russian State Archive of Literature and Art. F. 433 (Rostopchina (Sushkova) E.P.). L. 1. Item 18.
18. *Evropeyskaya poeziya XIX veka* [European poetry of the 19th century]. In: *Bibliotekaya vseмирnoy literatury* [Library of World Literature]. Moscow, 1977. Vol. 85.

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 364:94(37/38)

А.А. Быков

ЗАРОЖДЕНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

Рассматривается проблема происхождения христианской благотворительности, ее истоки и принципы, а также влияние на ее развитие античной цивилизации.

Ключевые слова: христианство; благотворительность; античная цивилизация.

Христианство появилось в I в. н.э. в рамках огромной Римской империи, простиравшейся от Евфрата до Атлантики и от Британии до пустыни Сахара. Ни до, ни после не было государства, сумевшего сделать Средиземное море своим внутренним. Отметим и очень разнородный этнорелигиозный состав этой великой империи, что, бесспорно, имело значение для последующего господства христианства. Смогло бы христианство после столетий борьбы победить другие религии в относительно однородном греко-римском религиозном пространстве? Вряд ли. Или намного позднее. Вспомним попытки реанимации умирающего античного мира римским императором Юлианом Отступником (361–363 гг.), или ностальгическую любовь римских сенаторов к своим языческим богам даже в V в. н.э. Античный мир сопротивлялся новой религии достаточно долго, но как мы увидим, не хотел признавать своего же «сумрачного и аскетичного ребенка», который мешал жить по-прежнему, весело и беззаботно с одной ценностью – гедонизмом.

Однако в свое время возник вопрос: почему же христианство победило и стало доминирующей конфессией Римской империи в IV в.? Интересен вопрос и о роли собственно античной культуры в этом процессе, тем более что христианские авторы эту роль не признают либо стараются сильно преуменьшить (в частности, по поводу происхождения интересующей нас благотворительности).

Ф.Ф. Зелинский, один из глубоких знатоков Античности, в своем классическом труде «История античных религий» анализирует подготовленность языческого мира к восприятию христианства (в чем он был абсолютно уверен). Эта подготовленность обусловлена тремя факторами:

- 1) развитием языческой религии;
- 2) развитием философской спекуляции;
- 3) развитием науки.

Конечно, важной предпосылкой было состояние религиозного сознания. По мнению Ф.Ф. Зелинского, если «...явная греческая религия находилась в состоянии разложения и поэтому особенно сильного препятствия не представляла, то, наоборот, тайная религия мистерии (не столько, впрочем, элевсинских, сколько орфических) пользовалась широкой популярностью; но она же в значительной степени предвляла христианство и этим шла ему навстречу» [1. С. 405].

Главное в орфизме – это миф о страждущем боге – спасителе, Дионисе Загрее, растерзанном титанами, и миф о воскресении (Эвридики – Орфеем). Этот культ

внимания верующих (в противоположность явной религии с ее несбыточным догматом о восстановлении справедливости на земле) направлял на загробную жизнь, суля вечное блаженство – добрым, наказания, вечные и временные – злым, и развивая практику постов, омовений и очищений, посредством которых человек во время земной жизни мог подготовить себе лучшую участь по ту сторону смерти [1. С. 406].

Римское многобожие в противоположность греческому отличалось полной неопределенностью, качественной и количественной, и было поэтому склонно к интеграции, результатом которой должно было быть поклонение одному всеобъемлющему божеству. В данную эпоху таким божеством старались сделать «гения» царствующего дома (это было, в принципе, далеко не тождественно с обоготворением самого императора, но на практике часто сводилось к нему), что предвляло в одно и то же время два догмата христианской религии: во-первых, ее монотеизм; во-вторых, ее учение о Богочеловеке. Что касается последнего пункта, то можно сказать, что именно благодаря ему христианство стало столь естественной религией греко-римской культуры, как оно было несовместимо с иудаизмом [Там же. С. 407].

Позиция другого ученого Aube отчасти совпадает с позицией Ф.Ф. Зелинского. Он считал, что религия Римской империи слишком мало была дидактичной; она не имела догматов, строго сформулированных, вероучения, заключенного в катехизис, что и предопределило ее замену христианством [2. С. 11].

Отметим, что и восточные культы, проникающие на территорию Римской империи (Митра Непобедимый, Великая мать Идейская Изиды, каппадокийская Ма или Беллона), были близки к монотеизму. Стремление к единобожию становится главной тенденцией религиозного мышления и творчества первых веков новой эры.

Однако путь христианства к полному доминированию в Римской империи был весьма тернист, как, впрочем, и жизнь самого Иисуса Христа. До сих пор представляет интерес дихотомическая связка проблем: гонения на христиан и религиозная толерантность. Эти проблемы отчасти связаны и с поддержкой духовной и материальной в рамках христианских общин.

Мнения по поводу вышеназванных проблем сильно расходятся. Aube считал, что «Рим отличался религиозной толерантностью, самого понятия преступления против религии не существовало, не было поэтому и понятия преследования за веру; власть уважала индивидуальную совесть и предоставляла ей весьма широ-

кие льготы; при свободе совести не было особого трибунала, карающего за мнения, потому что *cogitationis poenam nemo patitur*; карались не мнения, а дела. Поэтому-то не только в I в. не было издано указов против христиан, но и во II в. Даже рескрипт Траяна был не против христиан, а только по делу христиан [Там же].

Э. Ренан не менее категоричен: «Свобода мысли была абсолютна. От Нерона до Константина ни один мыслитель, ни один ученый не подвергался стеснениям в своей работе... всем культам, которые сами были терпимы к другим, жилось очень свободно в империи; причина же исключительного положения христианства и ранее его, иудаизма, заключалась в их нетерпимости» [3. С. 39].

А. Донини, видный итальянский религиовед, считал, что религиозная терпимость Рима – это миф [4. С. 171]. Однако А. Донини очень осторожный в научном плане и объективный ученый. «Гонения были и продолжались до начала IV в., даже если число жертв было не столь велико, как хотят думать. Важнее объяснить их причины, нежели установить их пропорции» [Там же. С. 77]. К таким причинам в первую очередь относится социально-политический климат эпохи. Бесспорно, что «апокалиптическая литература, по происхождению иудейская, а позже христианская, никогда не была очень благосклонной по отношению к римским властям. От книги Притчей Соломоновых до книги Еноха, от приписываемых александрийскими иудеями Сивилле Эритрейской пророчеств до рукописей Мертвого моря, вплоть до прямого и открытого призыва к ненависти в откровении Иоанна (Апокалипсисе) отвращение к Риму и его господству проявляется явно и неопровержимо» [Там же. С. 177–178].

Римские власти знали об этом и, в свою очередь, относились к христианам с подозрением и даже с отвращением, считая христианство «пагубным суеверием» (Тацит «Анналы», XV, 44). Впрочем, репрессии обрушивались не только на христиан, но также и на апологетов любых культов, которые вызывали подозрения в подрыве безопасности страны и общественного спокойствия. Однако защита безопасности государства, как и общественной стабильности, – естественная функция любого режима власти.

В работе Амброджо Донини «У истоков христианства» есть любопытный фрагмент: «Домициан стоит на втором месте в списке императоров, якобы преследовавших христиан. Против него церковная традиция всегда была настроена очень злобно, вплоть до того, что Домициана именовали “ожившим Нероном”» [Там же. С. 182]. Удивляет слово «якобы». Складывается впечатление, что итальянский ученый сомневается в «страшных гонениях» на христиан.

Тем не менее проблемы у христианских общин с римской администрацией существовали, в чем они нередко были и сами не безгрешны. Истина, как известно, лежит посередине. Но нас данный сюжет интересует в плане сплочения христиан, усиления их солидарности, создания (а где-то и заимствования) форм взаимоподдержки и благотворительных начал.

Давление на христиан усиливало жесткость границ референтной группы. Поэтому христиане стремились помогать всем своим единоверцам или тем, кто выда-

вал себя за таковых. Об этом писал античный автор, очевидец событий Лукиан Самосатский: «Христиане проявляют невероятную быстроту действий, когда случится происшествие, касающееся всей общины, и прямо-таки ничего не жалеют. Поэтому к Перегрину от них поступали значительные денежные средства ввиду его заключения в тюрьме, которое превратилось для него в хороший источник доходов. ...Так вот, когда к ним приходит обманщик, мастер своего дела, умеющий использовать обстоятельства – он скоро делается весьма богатым, издеваясь над простецами» [5. С. 297]. В дальнейшем потенциал помощи своим сильно возрос, благодаря тому что «своих», по крайней мере, в восточных провинциях империи, стало большинство населения, и это вполне объяснимо.

Ф.Ф. Зелинский выделял факторы, ускорившие объединения античных народов под знаменем креста: их политическая объединенность под сенью римской власти; внешнеполитическая организация населения; роль еврейства и еврейского прозелетизма в Римской империи; социальные кризисы и пауперизм [1. С. 410].

Патриотизм, который раньше привязывал человека к его национальным богам, мало-помалу испарился, а с исчезновением обаяния национальных религий увеличивалась потребность в такой, которая бы обращалась к человеку безотносительно к его национальной и племенной квалификации. Если грек льнул к Зевсу, римлянин – к Юпитеру, египтянин – к Изиде, то «человек как таковой мог признавать только “бога” как такового». Именно такого бога (*Theos Deus*) давала ему христианская религия. Итак, политический космополитизм подготовил космополитизм религиозный [Там же. С. 411].

Отметим еще несколько важных обстоятельств, которые также сыграли определенную роль в конституировании христианства как доминирующей конфессии. Римская империя включала в себя почти всю известную тогда ойкумену и обеспечивала защиту ее границ. Мир и порядок способствовали культурному обмену (метаболизму), и христианство постепенно отходит от «жизни еврейской» [3. С. 318], впитывая полезный опыт богатейших социальных практик античной цивилизации.

Другим важным обстоятельством был законодательный акт императора Каракаллы (188–217 гг.) – в 212 г. он даровал права римского гражданства всему свободному населению Империи, правда, исключительно в финансовых целях (граждане обязаны были платить налоги) [6. С. 332]. Тем не менее христиане стали равными тем же италикам и их интеграция в римский социум, надо полагать, усилилась. Возросли и финансовые возможности христианских общин в оказании благотворительной помощи единоверцам, что опять же способствовало вовлечению новых членов.

Однако, помимо социума Римской империи, античной культуры, к которым мы еще вернемся, существовал еще один очень важный источник христианской благотворительности – это иудейская традиция, запечатленная в Ветхом Завете Библии.

Библия представляет собой собрание книг, которые, согласно иудейской и христианской религиям, считаются Священными Писаниями божественного происхождения, сводом основных законов веры и морали.

Иудейская и христианская библия не совпадают. Священное Писание евреев сложилось до нашей эры на основе культов Древнего Израиля и Древней Иудеи, в то время как христианское учение возникло в эпоху разложения рабовладельческого строя. Иудеи не канонизировали книги, изданные в христианскую эпоху, в то время как христиане почитают написанные евреями книги за Священное Писание, что имеет значение для нашего исследования.

Итак, Библия состоит из двух частей: еврейской Библии, обычно называемой христианами Ветхим заветом, и исключительно христианских книг, объединенных под названием Новый Завет.

Итак, обратимся к Ветхому Завету как одному из источников христианской благотворительности. Ветхозаветная этика определяла благотворительность как важное почти сакральное деяние: «...к бедному ты будь снисходителен и милостыню ему не медли; ради заповеди помощи бедному и в нужде его не отпускай его ни с чем. Трать серебро для брата и друга и не давай ему заржаветь под камнем на погибель; располагай сокровищем твоим по заповеди Всевышнего и оно принесет тебе более пользы, нежели золото; заключи в кладовых твоих милостыню, и она избавит тебя от всякого несчастья» (Сир. 29.11-15; здесь и далее см. [7]).

В Ветхом Завете встречаются указания на все традиционные виды благотворительности, которые позднее вошли в христианскую благотворительную нормативную систему. Одним из таких видов значится помощь родственникам: «Если брат твой бедней и придет в упадок у тебя, то поддержи его, пришлец ли он, или поселенец, чтобы он жил с тобою» (Лев. 25.35).

Еще одна категория благополучателей появилась позднее и связана с социальным расслоением. Это нищие, которым в Ветхом Завете уделяется достаточно много внимания: «Ибо нищие всегда будут среди земли твоей; поэтому я и повелеваю тебе: отвержай руку твою брату твоему, бедному твоему и нищему твоему на земле твоей» (Втор. 15.11); некоторые советы по поводу нищих даются в этой же главе (Втор. 15.7-10).

Однако мало помогать бедным, необходимо их и защищать перед сильными мира сего и просто от дурных людей: «Открывай уста твои для правосудия и для дела бедного и нищего» (Притч. 31.9).

«Открывай уста твои за безгласного и для защиты всех сирот» (Притч. 31.8). Поддержка сирот и вдов – еще один вид благотворительности, отраженный в этических установках Ветхого Завета. Благословения погибавшего приходило на меня, и сердцу вдовы доставлял я радость (Иов 29.13). В книге Иова есть и другие фрагменты, посвященные вдовам и сиротам (Иов 29.12; 31.16–17).

В христианство перешла еще одна практическая установка – «накорми голодного». «Разделяй с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, одень его, и от одиноковного твоего не укрывайся» (Ис. 58.7).

В пророческих речах присутствуют возвышенные и в то же время экзистенциально мудрые высказывания: «Если голоден враг твой, накорми его хлебом; и если он жаждет, напой его водою» (Притч. 25.21). Лучше быть добрым к врагу, попавшему в беду, и сделать из

него друга, чем плодить врагов. В тексте Ветхого Завета упоминается и необходимость заботы об узниках (Ис. 58.6; 61.1).

Тем не менее перечисление видов благотворительной деятельности – это еще не все наследие Ветхого Завета. В книге пророка Даниила говорится о прощении грехов, что позднее стало одной из важнейших заповедей христианства; «Посему, царь, да будет благоугоден тебе совет мой; искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным; вот, чем может продлиться мир твой» (Дан. 4.24), т.е. человеку благотворительному было обещано прощение его грехов, что до сих пор является христианской традицией.

Таковы ветхозаветные истоки христианской благотворительности, которые были в дальнейшем развиты в книгах Нового завета, в Посланиях и деяниях апостолов в Didascalia Apostolorum и других трудах более поздних античных христианских авторов. «Но Вы любите врагов ваших, и благодарите, и займы давайте, не ожидая ничего; и будет Вам награда великая, и будете сынами Всевышнего; ибо он благ к неблагодарным и злым. Итак, будьте милосердны, как и Отец ваш милосерд» (Лк. 6.36).

«Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5.7), «Христос осудил тех, кто отказал в помощи ближнему» (Мф. 25.31-46).

Христианская благотворительность – это добровольная забота о тех, кто нуждается в поддержке, защите; помощь вещами, деньгами, едой, советом, трудом и просто сочувствием, умением выслушать человека попавшего в беду. «Надобно поддерживать слабых и помятовать слова Господа Иисуса, ибо он вам сказал: “Блаженны давать, нежели принимать”» (Деян. 20.35).

Всякая благотворительность ценна, если совершается от полноты веры и любви: и две лепты вдовицы (Мк. 12.42-44), и чаша воды, поданная жаждущему (Мф. 10.42). Истинный благотворитель поделится последним, дабы исполнить свой долг христианина.

Центральное место в христианских текстах уделяется милостыне, т.е. различным видам материальной поддержки. В евангелиях даются строгие указания по поводу различных аспектов подачи милостыни, на самом деле очень непростого феномена: «Всякому просящему у тебя давай, и от взявшего твое не требуй назад» (Лк. 6.30), «и как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Лк. 6.31).

Как мы видим в дальнейшем, не все авторы раннего христианства разделяли принцип «слепой» раздачи милостыни. Тем не менее в отношении благотворительных дел как «ярмарки тщеславия» никаких расходов нет. «Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного» (Мф. 6.1). Итак, «...когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою» (Мф. 6.2). Искренние благодеяния не занимают поиском светской славы, людской похвалы, наград от власти.

Таковы нравственные установки Нового Завета, позднее развитые в Посланиях Апостолов, Didascalia Apostolorum (Апостольских Постановлениях), трудах святителей. «Будем же прощать грехи ближних, будем

творить милостыню, будем смиренными», – писал Иоанн Златоуст [8. С. 840].

Постепенно в лоне церкви формируются принципы служения ближним. Церковная благотворительность эволюционирует и превращается в достаточно строгую систему социального служения.

Одним из первых принципов христианской благотворительности следует считать равномерность [9]. Слова Христа и невозможности богатому войти в Царство Небесное ранняя церковь понимает как призыв к добровольной бедности, а богатство видится непреодолимым препятствием для осуществления заповедей Нового завета. Искренне понимая слова Спасителя, первые христиане отдают свое имущество в пользу нуждающихся единоверцев: «Иди, изтреби лесная тернии сребролюбия, продажд имение твое, и наполни плодами сердце твое подая нищим, и имение имаша сокровище на небеси» [10. С. 521]. Однако был еще один фактор, влияющий на поведение ранних христиан, – социальный состав верующих, как правило, в основном бедных. Позднее появились и богатые, да и бедность – понятие относительное. Поэтому у апостола Павла звучит призыв к разумной равномерности в распределении средств: «Ибо если есть усердие, то оно принимается смотря по тому, кто что имеет, а не потому чего не имеет. Не требуется, чтобы другим было облегчение, а вам тяжесть, но чтобы была равномерность. Ныне ваш избыток в восполнении их недостатка; а после их избыток в восполнении вашего недостатка, чтобы была равномерность» (2 Кор. 8:12-14).

Важен был и принцип добровольности. Апостол Павел говорил: «Каждый уделяет по расположению сердца, не с огорчением и не с принуждением; ибо добровольно дающего любит Бог» (2 Кор. 9:7). «...Кто сеет скупо, тот скупо и пожнет; а кто сеет щедро, тот щедро и пожнет» (2 Кор. 9:6). Благодетель должен жертвовать искренне и получать от своего деяния удовлетворение. Августин в XIII книге пишет об удовольствии и пользе, происходящей от благодеяний, оказываемых ближнему: «Ибо в подающих не сие даяние плод есть, но сие есть плод, с каким намерением оно дают» [10. С. 539]. Иоанн Златоуст, рефлексируя по поводу мотивации подающих, пишет, что «от нас... требуется не изобилие, а усердие» [8. С. 656], т.е. дело не в щедрости, а в искренности и возможностях благодетеля. Подавать обильно могли люди преступные и развратные, замаливая грехи, о чем, ясно сказано в *Didascalia Apostolorum*, но об этом речь пойдет ниже. Итак, добровольность, искренность, усердие при оказании помощи ближним отражали глубинные интенции христианства, но они вольно-невольно имели практический смысл – вовлечение новых членов в христианские общины и уменьшение количества язычников и в конечном счете успешность распространения Евангелия.

На эту цель работал и принцип распределения средств в соответствии с потребностями нуждающихся. «Все же верующие были вместе и имели все общее. И продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого» (Деян. 2:44-45).

В Апостольских Постановлениях (*Didascalia Apostolorum*) особо подчеркивается роль епископа в распределении благ и описываются моральные каче-

ства, которыми он должен располагать. «Его рука должна быть открытой к деянью, он должен любить сирот и вдовиц, бедных и странных, должен быть неутомимым и не должен знать никакого (ложного) страха; должен знать, кто достоин получать милостыню» (*Constitutiones Apostolorum* – CA 2, 5; здесь и далее см. [11]), т.е. в соответствии с нуждаемостью.

Епископ обязан «теми дарами, которые приносятся подчиненным вам народом, содержать диаконов, вдов и сирот, нуждающихся и странных» (CA 2, 25). «...Епископ хорошо знает тех, кои находятся в нужде и каждому уделяет столько, сколько ему надлежит, дабы кто-либо в один и тот же день или одну и ту же неделю не получил бы несколько раз, а другой – ни разу» (CA 2, 27).

Итак, при раздаче пожертвований учитывались причины бедности, пол, возраст, состояние здоровья, количество иждивенцев, в какой семье вырос. Поэтому одни бедные получали полное содержание, а другие, способные хотя бы как-то работать, – частичное. Подчеркивается святость помощи прежде всего сиротам и вдовам: «Пресвитер должен быть для вас вместо апостолов; вдовы и сироты да почитаются вами подобно алтарю» (CA 2, 27).

Складывается впечатление, что именно в *Didascalia Apostolorum* впервые изложен принцип адресности при оказании помощи нуждающимся, столь популярный и основополагающий в современной социальной работе. Античные епископы не только знали, но и использовали данный принцип в практической деятельности, тем более что *Didascalia Apostolorum* – достаточно жесткий нормативный документ, своеобразный «путеводитель» по жизни для ранних христиан, указания которого следовало строго выполнять.

В Апостольских Постановлениях упоминается еще один принцип помощи ближним – нелицеприятие или, как его стали называть позднее в России, «слепая» раздача милостыни. Бесспорно, это самый противоречивый принцип, отношение к которому как со стороны святителей, так и рядовых верующих было весьма неоднозначно.

Ссылаясь на слова Христа «Всякому просящему у тебя дай» (Мф. 5:42); «У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая» (Мф. 6:3), Церковь предостерегает от чрезмерной разборчивости и излишнего любопытства при подаении милостыни. Иоанн Златоуст подводит достаточно сильное обоснование для сознания верующего человека, после которого отпадает всякое желание устраивать разборки нищих: «...пока еще продолжается торг, купим милостыни, или вернее – чрез милостыню купим спасение. Христа одеваешь ты, одевая бедного» [8. С. 660]. И далее: «...в бедности скрывается Бог; бедняк протягивает руку, а принимает Бог. Когда случится с тобою какое-нибудь горе, подай скорее милостыню; возблаговари за то, что оно случилось, и ты увидишь, какая найдет на тебя радость» [Там же. С. 665].

И. Златоуст фактически оправдывает хитрые уловки нищих: «Но для чего, скажешь, они обнажают изуверенные члены? Из-за тебя; если бы мы были сострадательны, им не было бы нужды прибегать к таким средствам, если бы они с первого раза склонялись к милосердию, то не употребляли бы столько хитростей»

[8. С. 669]. Из данных рассуждений святителя вполне логично вытекает совет: «Так и ты не любопытствуй, потому что ты принимаешь ради Христа; а если станешь всегда с точностью разузнавать, то часто пройдешь мимо и достойного уважения мужа, и погубишь награду, которую имел бы за это». И. Златоуст призывает не разбираться и с этноконфессиональной принадлежностью нищих: «Он Божий, будет ли то эллин, или иудей, достаточно, что он нуждается в помощи [8. С. 671]. Любопытно, что в Послании к галатам апостол Павел пишет: Итак, доколе есть время будем делать добро всем, а наипаче своим по вере» (Гал. 6.10). Разница в установках объясняется конкретными историческими реалиями. В I в. Anno domini (от Рождества Христова) христиан еще было немного и средствами они располагали более скудными. Отсюда и акцент на помощь единоверцам. В конце IV – начале V вв. в эпоху Иоанна Златоуста картина прямо противоположная – христианство стало доминирующей религией в Римской империи со всеми вытекающими последствиями.

И. Златоусту принадлежит в высшей степени гуманистическая фраза «Подлинно великая вещь – человек, и драгоценная – муж милостивый» [Там же. С. 669]. Добавим, готовый раздавать милостыню «всякому просящему».

Однако не все святители разделяли эту установку. Так Василий Великий учил: «Кто дает милостыню бродягам и развратным, тот бросает деньги псам» [12. С. 186]. Амброджо Донини приводит почти конформистский афоризм, которого нет в евангелиях, но который известен не только из Апостольских Постановлений («Учение апостолов»), но и из сочинений св. Августина, Кассиодора, Григория Великого и св. Бернарда: «Пусть милостыня прежде увлажнится потом в твоих руках, прежде чем ты поймешь, кому ее подать» [4. С. 113].

В Апостольских Постановлениях, которые представляют собой нормативный документ, регулирующий жизнь христианских общин, очень жестко как раз отстается избирательность, разборчивость при даянии милостыни: «Достойны осуждения принимающие милостыню, не нуждаясь в ней. Горе имеющим и обманом (милостыню) принимающим или могущим помогать себе и получающим милостыню, ибо каждый из тех, кто принимает, должен дать отчет Господу Богу в день суда о том, как он принимал» (СА 4, 3). В дальнейшем жесткость суждений только усиливается: «А имеющие и принимающие милостыню обманом и хитростью или, с другой стороны, ленивые, которые вместо того, чтобы работать и помогать другим сами принимают, те будут привлечены к ответу за то, что они принимают, так как они отягощают положение бедных верующих. ...Ибо кто имеет и обманом получает, тот верует не в Бога, а в незаконную мамону и ради несправедливой наживы начинает говорить лицемерно и полон неверия. Таковому грозит опасность уподобиться неверующим» (СА 4, 3). Эти цитаты в особых комментариях не нуждаются.

Церковь развивалась как живой организм, через болезни роста, противоречия, отражаемые в диспутах, латентную борьбу группировок, столкновения непримиримых позиций авторитетных клириков, каждый из которых был фанатично уверен в своей истине.

Тем не менее отметим позицию автора Апостольских Постановлений (имя автора до сих пор точно не

известно). Он явно отличался дальновидностью и мог прогнозировать дальнейший ход событий при полной реализации принципа нелицеприятия (неразборчивой, «слепой», милостыни). Но в дальнейшем, в Средние века, Новое время, этот принцип доминировал и фактически породил целый класс профессиональных нищих, с которыми правительства европейских стран вели порой жестокую борьбу, особенно в Англии, а в России это противодействие, как правило, безуспешное, завершилось только в 1917 г. с приходом к власти большевиков. Как это ни странно, но теоретики молодого Советского государства исповедовали принцип «кто не работает, тот не ест», четко сформулированный в Апостольских Постановлениях в начале III в. н.э. Но это уже другая история.

Итак, вернемся в эпоху раннего христианства. В Апостольских Постановлениях содержится еще один важный принцип благотворительности – всеохватность и целесообразность.

Епископы обязаны были распределять пособия наиболее нуждающимся, однако с серьезными ограничениями: «...а если там есть мужчина неумеренный, преданный пьянству, или ленивый и, вследствие этого, нуждающийся в самом необходимом для поддержки тела – таковой не достоин ни милостыни, ни церкви» (СА 2, 5). «Итак, будьте во всякие времена деятельны, ибо не исправимым позором является праздность. Таким образом, кто у вас не трудится, тот не должен есть, ибо ленивых ненавидит Господь Бог, ленивец не может быть верующим» (СА 2, 63). Использование данного принципа на практике позволяло элиминировать из категорий, получающих пособие праздных (ленивых) и аддиктов. Целесообразность заключалась в выделении тех категорий и конкретных людей, которые реально нуждались в помощи. Епископы должны были «...о сиротах печись как родители, о вдовицах как мужья, взрослых сочетать браком, ремесленнику доставлять работу, страннику кров, алчущим пищу, нагим одежду, болящим посещения, заключенным вспоможения» (Апост. Пост. IV, 2). В соответствии с этим правом, девушку из числа сирот, достигшую брачного возраста, епископы обязаны были выдать замуж, а мальчика-сироту снабдить средствами, чтобы он мог научиться ремеслу и стал сам себя кормить. Если мальчик успешно овладевал азами какого-либо ремесла, то он получал «...вознаграждение, приличествующее его ремеслу, чтобы он мог достать инструменты, необходимые в ремесле, дабы не сделаться тягостным для любви братьев. ...И воистину блажен тот кто может помогать себе и не отягощать положение сирот, вдов и странных» (СА 4, 2–3). Подобные установки сильно напоминают протестантские Нового времени, впрочем, они и сейчас актуальны в рамках социальной работы.

Как видим, помимо помощи чисто материальной и денежной, епископы занимались предоставлением работы, способствовали обучению ремеслу, устраивали по возможности и личную жизнь. Такая тотальность социального служения распространялась и на некоторые другие категории нуждающихся: престарелых верующих, потерпевших кораблекрушение, сосланных на рудники и острова, заключенных в темницы (Евр. 13.3), но если все это случилось ради Христовой

веры, т.е. на гонимых за веру. Еще одна любопытная категория – замужняя женщина, но обедневшая, обремененная детьми, болезнями, даже предпочиталась вдове (Апост. Пост. II, 4).

Таким образом, установки служения ближним, содержащиеся в Апостольских Постановлениях, свидетельствуют о стремлении к всеохватности практически всех нуждающихся в различных видах помощи или, по крайней мере, обратившихся за поддержкой, либо замеченных епископом, пресвитерами и добровольными помощниками. Желающих было больше, но здесь уже действовал принцип целесообразности.

Кроме вышеназванных принципов, действовало еще одно в высшей степени нравственное правило – чистота дара.

Епископы должны были наблюдать за достоинством благотворителя и чистотой («правостью») его дара. Они должны были исследовать образ жизни жертвователя или жертвовательницы (СА 4, 5). Очень точно принцип «чистоты дара» и дух Апостольских Постановлений передает следующая выдержка: «Но если есть епископы, которые пренебрегают этим и не заботятся о таких вещах из лицемерия, или ради несправедливой наживы, или потому, что нерадивы и не производят расследования, то таковые должны дать отчет, а это нелегко. Для доставления содержания сиротам и вдовам принимают от богачей, держащих людей в темнице, или плохо обращающихся со своими слугами, или действующими жестоко в своих городах, или угнетающим бедных, или от достойных призрения, или от таких, которые постыдно злоупотребляют своим телом...» (СА 4, 5–6). Перечень таких довольно велик. Далее следует фраза, достойная уст апостолов: «Но если церкви так бедны, что нуждающиеся должны быть питаемы подобными людьми, то было бы лучше для вас умереть с голоду, чем принимать от злых» (СА 4, 9–10).

Итак, ранняя христианская благотворительность опиралась на идеал служения ближним и исповедовала следующие принципы: равномерность, добровольность, распределение средств в соответствии с нуждами, нелицеприятие (с большими оговорками), всеохватности и целесообразности чистоты дара.

Благотворительность не сводилась только к предоставлению пищи, денег, одежды, но нуждающимся подыскивали работу, устраивали их семейную жизнь, воспитывали с детства. Воспитание имело две ярко выраженные цели: во-первых, вывести человека из безвыходного нравственного и психологического состояния, к которому привела нищета. Необходимо было повысить его адаптивный потенциал, воспитать способность к самоорганизации и самопомощи. Это и сейчас актуально в теории и практике социальной работы. Во-вторых, воспитать детей в духе любви к ближнему, т.е. воспроизводить новые поколения благотворителей. Эта цель рассчитана на перспективу и несет в себе явный экзистенциальный смысл.

Христианская благотворительность, ее всеохватность, даже нелицеприятие сыграли не последнюю роль в росте популярности новой религии и в конечном счете ее победе в Римской империи.

Первый пример массовой христианской благотворительности – помощь голодающим в Палестине из

Антиохии, Греции и Македонии в I в. н.э. В IV в. в Римской империи создаются богоугодные заведения. Однако милостыня остается главным видом благотворительности.

Христиане строго следовали установке, о которой Иоанн Златоуст писал: «Всякий раз, когда мы не будем совершать милостыни, мы будем наказаны как грабители» [13. С. 56]. Отметим и гостеприимство оказываемое приезжим членам других общин: «Эта забота была главным фактором в образовании единой христианской церкви» [1. С. 424].

Тем не менее, как это ни странно звучит, проблема происхождения христианской благотворительности остается не вполне ясной, имплицитной. Очевидно, что одним из истоков этого феномена является Ветхий Завет. Иисус Христос, отцы церкви, более поздние христианские авторы очень хорошо знали изречения иудейских пророков и охотно их цитировали. Но возникает вопрос о влиянии греко-римской культуры и гигантского социума Римской империи на происхождение и генезис христианской благотворительности. А оно, несомненно, было, несмотря на враждебное отношение римлян к новой религии.

Вряд ли утонченным римлянам мог понравиться призыв «Кто хочет идти за мною... отвергни себя и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мрк. 8.34). Здесь мы видим основу коренного отличия благотворительности христианской от античной – полное отречение от себя, отказ от индивидуализма, фанатичное рвение. Это и отпугивало образованных граждан Римской империи от христианства. Можно вспомнить «бунт» императора Юлиана Отступника против христианства, воспитанного как раз в лоне этой религии, да и состав верующих в Вечном городе в III в. свидетельствует о том, что в него входили в основном иноземцы.

Однако процесс христианизации Римской империи со времен императора Константина (306–337 гг.) оказался необратимым. Можно говорить о взаимонастройке римских властей и церкви, а популярность новой веры среди рабов и «низов» была во многом обеспечена не только идеей спасения, но и продуманной благотворительной деятельностью.

Итак, как свидетельствует анализ Апостольских Постановлений, к III в. н.э. была конституирована христианская благотворительность, но существовала и достаточно развитая античная, о чем отцы церкви предпочитали умалчивать, и понятно почему – она же «языческая».

Поль Лафарг об этом рассуждал следующим образом: «Не христианство впервые дало миру идею благотворительности, да в этом и не было нужды: в городах древнего мира, за несколько столетий до Рождества Христова, благотворительность достигла пышного расцвета и практиковалась с таким милосердием и великодушной щедростью, о которой христиане никогда не представляли не имели» [14. С. 16–17]. А дальше П. Лафарг обвиняет отцов церкви в неискренней партийности и «подобных им авторов, за которыми рабски следовали христианские историки и моралисты из мира, чтобы утверждать, будто благотворительность возникла лишь в момент появления христианства» [Там же. С. 17].

И действительно, по мнению некоторых русских церковных историков XIX в., язычники (греки и римляне) не знали любви к ближнему, а в основе всего лежал эгоизм. Так, И.Д. Петропавловский пишет, что «богачи производили огромные денежные затраты на какие-либо сооружения в пользу города или государства из тщеславия, чтобы сделать свое имя громким или обессмертить его в истории» [15. С. 7].

В то же время этот историк восторгался обилием античных, языческих благодетелей.

Таким образом, анализ конкретных реалий в первые века нашей эры в Римской империи свидетельствует о наличии двух феноменов милосердия – греко-римском и христианском – параллельных системах благотворительности, поддержки тех же категорий населения. Но как повлияла античная система на христианскую при столь враждебном отношении христиан к римским властям, к ценностям греко-римской цивилизации?

Жить в обществе столь культурном, утонченном и быть совершенно независимым от него маловероятно, можно об этом влиянии только умалчивать, что и было сделано христианами авторами.

Ф.Ф. Зелинский по поводу влияния античных общественных и профессиональных структур писал следу-

ющее: «Милостыня была двоякого рода – по отношению к частным лицам и по отношению к общине, к которой христианин принадлежал. Последняя была видоизменением членских взносов коллегий, этих первообразов христианских общин» [1. С. 423].

Итак, можно говорить о некотором заимствовании христианами опыта практик античных коллегий, да и в целом «воздействие внешних форм этой культурной среды на жизнь церкви было особенно сильно» [Там же. С. 427].

А. Донини был абсолютно уверен во влиянии гностицизма на обрядовую и богослужебную традиции христианства [4. С. 140]. Возможно и влияние римской социальной политики, которая во многом носила благотворительный характер и была продолжена позднее римскими христианскими императорами.

Итак, в течение пяти веков античной эпохи происходила институционализация христианской благотворительности, на которую оказали сильное воздействие иудейские традиции (Ветхий Завет) и социальные практики греко-римского социума. Христианское милосердие – это синтез разных начал, а в итоге – продукт античной цивилизации, который до сих пор с некоторыми модификациями используется в современном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зелинский Ф.Ф. История античных религий. Ростов н/Д : Феникс, 2010. 478 с.
2. Христианская церковь и римский закон в течение двух первых веков. Киев : Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1892. 214 с.
3. Ренан Э. Марк Аврелий и конец античного мира. СПб. : Издание Н. Глаголева, 1907. 350 с.
4. Донини А. У истоков христианства. М. : Политиздат, 1979. 341 с.
5. Лукиан Самосатский. Сочинения : в 2 т. СПб. : Алетея, 2001. Т. 2. 536 с.
6. Брокгауз Ф., Ефрон И. Иллюстрированный энциклопедический словарь. М. : ЭКСМО, 2008. 960 с.
7. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. Канонические. М., 1989. 1198 с.
8. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста. Архиепископа Константинопольского. СПб. : Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1906. Т. 12, кн. 1, 2. 468 с.
9. Ермолина Я. Принципы благотворительности в ранней церкви // Релігія в Україні. URL: <http://www.religion.in.ua/main/history/9192-blagotvoritelnost-v-rannej-cerkvi.html> (дата обращения: 10.01.2014).
10. Блаженного Аврелия Августина Иппонийского епископа исповедания, заключающиеся в тринадцати книгах. М. : Типография компании Типографической, 1787. 571 с.
11. Didascalia Apostolorum (текст памятника в русском пер.) // Известия Томского Императорского университета. 1914. Кн. 55. 195 с.
12. Христианская беседа. Приложение к еженедельному духовному журналу «Пастырский собеседник». М. : Типография общества распространения полезных книг, 1893. Т. 2. 503 с.
13. Брокгауз Ф., Ефрон И. Энциклопедический словарь. СПб. : Издательское общество Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, 1891. Т. 4. 472 с.
14. Лафарг П. Благотворительность. Одесса : Порядок, 1905. 40 с.
15. Петропавловский И.Д. Исторический очерк благотворительности и учения о ней в языческом мире, в Ветхом Завете и в древней церкви христианской. М., 1895. 120 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 31 января 2014 г.

THE ORIGIN OF CHRISTIAN CHARITY

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 68-75 DOI: 10.17223/15617793/381/11

Bykov Alexander A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: aab56@sibmail.com

Keywords: Christianity; charity; ancient civilization; origins; principles.

Philosophers, historians and representatives of other areas of the humanities have long been interested in the genesis of charity as a sociocultural phenomenon. As early as ancient times, authors such as Ennius, Marcus Tullius Cicero, and Lucius Annaeus Seneca studied the motivation, forms of activities, restrictions in this area, and the typology of philanthropists. However, charity was transformed by the change of eras, moral systems, and the level of civilization and socio-economic development. Even in ancient times two distinct stages in the development of philanthropy can be seen: Greco-Roman, i.e. pagan, and Christian. The emergence of Christian charity, the analysis of its sources, and the relationship with the Roman imperial society is the goal of this article. Nevertheless, the analysis of the phenomenon is complicated by the Christian tradition, the authors of which were silent about the Greco-Roman (pagan) charity, or felt, as a Russian church historian I. D. Petropavlovsky did, that it did not know love toward neighbors. Christian charity originating in the Roman Empire traveled a difficult path to institutionalization: from modest mutual aid within a few Christian communities to more extensive assistance to all in need regardless of their ethnic and religious origins, which helped increase the number of Christians. Pressure on the Christian church by the Roman authorities led to an increase in internal group solidarity, but not to hardening of the reference group boundaries. Christians were willing to help all fellow believers or those who called themselves such, Lucian of Samosata wrote. The

sacred texts of the Old and New Testaments, the Epistles, the Apostolic Creed and practical experience in the deeds of the ancient civilization including the activities of the Greek and Roman polities and boards are undoubtedly sources of Christian charity. The first form of charity was alms, which has a fairly ancient origin and was used in ancient Greece, in the classical period. However, the attitude toward it is very controversial. The principle of "blind" almsgiving charity was founded in the Gospels, but the opposite was stated in the Apostolic Creed: the principle of categorical almsgiving. The first principle prevailed in the future, giving rise to a class of professional beggars. And there were other forms of charitable deeds: feeding the poor, and caring for orphans, widows, the elderly, and prisoners. Therefore we can say that Christian charity, like Christianity itself, is a product of ancient civilization that is still used with some modifications in the modern world.

REFERENCES

1. Zelinskiy F.F. *Istoriya antichnykh religiy* [The history of ancient religions]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2010. 478 p.
2. *Khristianskaya tserkov' i rimskiy zakon v techenie dvukh pervykh vekov* [The Christian Church and the Roman law in the first two centuries]. Kiev, Tipografiya G.T. Korchak-Novitskogo Publ., 1892. 214 p.
3. Renan E. *Marc Aurèle ou la Fin du monde antique*. Calmann-Lévy, 1882. (Russ. ed.: Renan E. *Mark Avreliy i konets antichnogo mira*. St. Petersburg, Izdanie N. Glagoleva Publ., 1907. 350 p.
4. Donini A. *Storia del cristianesimo*. Teti, 1975. 361 p. (Russ. ed.: Donini A. *U istokov khristianstva*. Moscow, Politizdat, 1979. 341 p.)
5. Lukian Samosatskiy. *Sochinenie: v 2 t.* [Lucian of Samosata. Works. In 2 vols.]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001. Vol. 2, 536 p.
6. Brockhaus F., Efron I. *Illyustrirovanny entsiklopedicheskiy slovar'* [The Illustrated Encyclopedic Dictionary]. Moscow, EKSMO Publ., 2008. 960 p.
7. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo pisaniya Vetkhogo i Novogo zaveta. Kanonicheskie* [The Bible. The Scriptures of the Old and New Testaments. Canonical]. Moscow, 1989. 1198 p.
8. *Tvoreniya svyatogo ottsa nashego Ioanna Zlatousto. Arkhiepiskopa Konstantinopol'skogo* [Works of our Holy Father John Chrysostom. Archbishop of Constantinople]. St. Petersburg, The Saint Petersburg Theological Academy Publ., 1906. Vol. 12, Books 1,2, 468 p.
9. Ermolina Ya. *Printsipy blagotvoritel'nosti v ranney tserkvi* [Principles of charity in the early church]. Available at: <http://www.religion.in.ua/main/history/9192-blagotvoritelnost-v-rannej-cerkvi.html>. (accessed 10.01.2014)
10. *Blazhennogo Avreliya Avgustina Ipponiyskogo episkopa ispovedaniya, zaklyuchayushchiesya v 13 knigakh* [The Confessions of St. Augustine. In 13 books]. Moscow, Tipografiya kompanii Tipograficheskoy Publ., 1787. 571 p.
11. Didascalia Apostolorum. *Izvestiya Tomskogo Imperatorskogo universiteta*. Book 55, 1914. 195 p. (In Russian)
12. *Khristianskaya beseda* [A Christian conversation]. Supplement to *Pastyrskiy sobesednik*. Moscow, Tipografiya obshchestva rasprostraneniya poleznykh knig Publ., 1893. Vol. 2, 503 p.
13. Brockhaus F., Efron I. *Entsiklopedicheskiy slovar'* [The Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg, Izdatel'skoe obshchestvo F.A. Brokgauza i I.A. Efrona Publ., 1891. Vol. 4, 472 p.
14. Lafargue P. *Blagotvoritel'nost'* [Charity]. Odessa, Tipografiya "Poryadok" Publ., 1905. 40 p.
15. Petropavlovskiy I.D. *Istoricheskiy ocherk blagotvoritel'nosti i ucheniya o ney v yazycheskom mire, v Vetkhom Zavete i v drevney tserkvi khristianskoy* [Historical review of charity and teachings on it in the pagan world, in the Old Testament and in the ancient Christian church]. Moscow, 1895. 120 p.

ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ В ОБОСНОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ И МОРАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 13-06-00119)

в рамках проекта «Концептуальные основания прикладной этики: методология принятия морального решения».

Рассматривается вопрос о том, какие возможности даёт современная герменевтическая философия для тематизации природы социального познания; что приходит на место «модели субъекта» декартовского типа в современной философии; как решается проблема условий социального познания. Выявляется, что современная герменевтическая философия позволяет выйти за пределы традиционных концептуальных рамок в осмыслении природы социального познания и представить его как вид социальной практики, связанный с трансляцией и рационализацией смыслов, которые составляют суть социальной материи.

Ключевые слова: социальное познание; «медиа́льная модель» субъекта; традиция; коммуникативное сообщество; жизненный мир; язык; коммуникация; философская герменевтика; формальная прагматика; трансцендентальная прагматика; Х-Г. Гадамер; Ю. Хабермас; К.-О. Апель.

В результате так называемого «коммуникативного поворота» произошло окончательное преодоление модели сознания, которая долгое время являлась фундаментом классических философских построений. В рамках современного состояния философии, которое определяется как постметафизическое [1. С. 16], субъект и трансцендентальное сознание утрачивают статус первичных оснований. Познающая активность стала мыслиться как производные от языковых систем и форм жизни. Эти изменения имели последствия не только в философии, но также и во всём спектре социогуманитарного познания. Так, основополагающие лейтмотивы, нашедшие своё выражение в рамках постметафизического мышления, – ориентация на форму языка и представление о контекстуальности предпонимания феноменов – были восприняты социальной наукой и привели к появлению нового типа социальной теории, который получил название «современная критическая теория» [2] или «современная социальная теория» [3].

Данный тип социальной теории вообрал в себя базовые предпосылки и понятия герменевтической философии. В частности, центральными для этой парадигмы становятся проблемы коммуникации, языка, жизненного мира и действия, а базовыми познавательными процедурами – понимание и интерпретация. Эти изменения нередко ставят под вопрос научный статус «современной социальной теории», так как имплицитные ими предпосылки вступают в противоречие с традиционными представлениями о критериях научности и объективности. Так, например, «коммуникативный поворот» привёл к утверждению в социальной теории представления о контекстуальной обусловленности познавательной деятельности. Была выявлена несостоятельность модели «чистого сознания» как источника объективного знания и фундамента научной рациональности. Социальные теоретики переняли представление современной герменевтики о «конечном» характере нашего мышления. Было выявлено, что теоретическая работа проходит не «под знаком вечности», а вплетена в сеть различного рода социальных и культурных предпосылок, зачастую не осознаваемых самим исследователем. Всё это делает проблематичной позицию нейтрального отстранённого наблюдателя, а вместе с тем и возможность получения объективного знания. Кроме того, возникает вопрос о границах самой социальной те-

рии. Дело в том, что представление о контекстуальной обусловленности социальной теории ставит под вопрос универсалистские притязания последней. Возникает вопрос: ограничены ли пределы действия «современной социальной теории» только тем контекстом, в рамках которого они создаются, или же те положения, к которым приходят социальные теоретики, носят характер универсальных истин? Ведёт ли принятие представления о ситуативности нашего мышления к запрету на любые универсалистские притязания? Возможно ли преодолеть контекстуальную обусловленность интерпретации? Проблемная ситуация, с которой мы сталкиваемся при ответе на поставленные выше вопросы, связана с тем, что мы уже не можем опираться на традиционную модель автономного субъекта и апеллировать к инстанции трансцендентальной субъективности. В данном контексте необходимо выявление новой онтологии как фундамента в обосновании социального познания.

Данная статья посвящена вопросу о том, какие возможности даёт современная герменевтическая философия для тематизации природы социального познания и решения вышепоставленных вопросов. Говоря о социальном познании, мы имеем в виду прежде всего социальную философию, социологическую теорию и теорию морали. Для решения данного вопроса нам необходимо, во-первых, выявить, что приходит на место «модели субъекта» декартовского типа в современной философии, во-вторых, рассмотреть, как решается проблема условий познания в современной философии.

Первый наш тезис заключается в том, что *в рамках современной герменевтической философии происходит переход от «модели субъекта» декартовского типа к «медиа́льной модели» субъекта*. В современной коммуникативной философии «субъективность» и «самосознание» не являются чем-то первичным, происходит детрансцендентализация субъективности. Она уже не мыслится как необходимое условие бытия и познания. Мышление сущностно связано с тем социокультурным контекстом, в котором оно себя обнаруживает. В гносеологическом отношении это значит, что любая теоретическая деятельность всегда несёт на себе печать той ситуации, в которой она осуществляется. При де-трансцендентализации субъективности происходит также онтологизация временного измерения и мира повседневных практик.

На место трансцендентального *cogito* приходят иные бес- субъектные инстанции (традиция, жизненный мир, комму-никативное сообщество), которые образуют медиаль-ное измерение нашего теоретического и практического опыта. Специфика этих инстанций заключается в том, что они, с одной стороны, выступают основанием нашей познавательной деятельности и формируют наше сознание, но с другой стороны, они сами подвержены изменениям в процессе нашей исторической практики.

Значение данной трансформации состоит в том, что данные феномены ставят под вопрос традиционные философские различия. Например, различие теоретического и практического, которое базировалось на субъект-объектной модели познания. Наша теоретическая деятельность вырастает из повседневных практик и так или иначе связана с трансляцией или трансформацией мира повседневного. В современной коммуни-кативной философии происходит онтологизация смыс-лового (языкового) универсума. Мир предстаёт как некоторая совокупная структура значимостей. Данный универсум функционирует на уровне повседневных практик. И именно данный универсум выступает фундаментом нашей познавательной деятельности. В связи с этим происходит деконструкция и субъект-объектного отношения. Выявляется изначальное онто-логическое единство субъекта и объекта. Именно это единство и обеспечивает возможность познания. На место «модели сознания» декартовского типа приходит «медиальная модель» субъекта. Традиции, жизненному миру и коммуникативному сообществу приписывается статус, аналогичный статусу трансцендентального сознания в классической философии. Однако специфика данных феноменов в том, что они носят фактический и исторический характер. Это не неизменные априорные структуры, но структуры, которые подвержены изме-нениям, так как способом их бытия является история.

Проиллюстрируем данный тезис, обратившись к концепциям наиболее влиятельных представителей современной герменевтики, а именно к философской герменев-тике Х.-Г. Гадамера, трансцендентальной прагматике К.-О. Апеля и формальной прагматике Ю. Хабермаса.

По мнению Гадамера, «идея абсолютного разума во-обще не входит в число возможностей исторического человечества. Разум существует для нас лишь как реаль-ный исторический разум, а это означает только одно: ра-зум не сам себе господин, он всегда находится в зависи-мости от тех реальных условий, в которых проявляется его деятельность» [4. С. 238]. Беспредпосылочное мыш-ление – миф эпохи Просвещения. Мышление исследова-теля изначально вплетено в сеть культурных предпосы-лок, авторитетных мнений и предрассудков, которые со-ставляют контекст его деятельности. Этот контекст не является нейтральным по отношению к процессу интер-претации, но оказывает активное воздействие и на выбор предмета исследования, и на предположение этого пред-мета, и в конечном итоге на результат исследования. Исто-лкование текста не начинается с «чистого листа». Прежде чем приступить к интерпретации, исследователь уже имеет предварительное понимание смысла этого тек-ста. «Предрассудки и пред-мнения, владеющие сознанием интерпретатора, не находятся в его свободном распоря-жении» [Там же. С. 350]. Отсюда задача заключается не в

том, чтобы избавиться от них, но в том, чтобы сделать их максимально явными.

Заявляя о невозможности преодоления контекстуаль-ной зависимости, Гадамер не утверждает в герменевтике субъективизм и произвол в интерпретации текстов. Одна-ко в рамках его герменевтического проекта происходит переосмысление традиционных представлений об объек-тивности и механизмах познавательной деятельности. Герменевтика Гадамера покидает горизонт философии сознания, тематизируя процесс познания в языковом и историческом измерениях. Указав на несостоятельность идеи чистого разума в качестве фундамента познания, Гадамер ставит на его место иную инстанцию – *тради-цию*. Именно языковая традиция, а не трансцендентальная субъективность становится субстанцией познавательной деятельности. Однако это не субстанция в традиционном понимании, как нечто абсолютное и неизменное. Тради-ция существует во времени, в истории, точнее, время и история являются способом существования традиции. Она оказывается своеобразным медиумом, в котором со-здаются и транслируются во времени некоторые смыслы и значения. В одной из своих статей Гадамер так форму-лирует своё понимание традиции: «...традиция, к которой мы принадлежим и в которой мы живём, – это не часть нашего культурного опыта, не так называемое культурное предание, которое тогда состояло бы из одних памятни-ков текстов и заключалось бы лишь в передаче смыслов, выраженных средствами языка и исторически засвиде-тельствованных. Нет, нам непрестанно передаётся, *traditur*, сам же познаваемый в коммуникативном опыте мир, он передаётся нам как постоянно открытая беско-нечная задача. Никогда он, этот мир, не бывает перво-зданным миром первого дня» [5. С. 14].

Именно традиция формирует наше предположение текста. Она задаёт тот горизонт, из которого осуществ-ляется интерпретация. Горизонт определяется той системой предрассудков и содержательных пред-мнений, которые функционируют в культуре. По Гадамеру, горизонт не является чем-то замкнутым, он открыт и постоянно фор-мируется. «Историческая подвижность человеческого бытия состоит в том, что оно никогда не привязано ис-ключительно к какому-то одному месту и потому никогда не обладает действительно замкнутым горизонтом. Гори-зонт скорее есть некое пространство, куда мы попадаем, странствуя, и которое следует за нами в наших странстви-ях. Горизонты смещаются вместе с движущимися» [4. С. 360]. В рамках процесса интерпретации происходит не отречение от собственного горизонта, а наоборот, его полная актуализация. Только полное осознание своего исторического горизонта, направляющих предрассудков и смыслоожиданий даёт нам возможность воздерживаться от поспешных мнений и суждений.

Рассматривая процесс истолкования в онтологиче-ской плоскости, Гадамер не даёт ответа на вопрос о том, как возможно совместить тезис об историчности нашего мышления с притязаниями на универсальную значимость, характерную для «наук об обществе». С его точки зрения, контекстуальную обусловленность интерпретации невозможно преодолеть, так как кон-текст оказывается структурным элементом истолкова-ния. Но в герменевтическом проекте Гадамера проис-ходит выход за пределы традиционного представления

о теоретической деятельности, которое представляет теорию как нейтральное созерцание объекта познания. У Гадамера процесс интерпретации оказывается культурно значимой практикой, в рамках которой происходит трансляция смыслов предания в современность.

Апель, так же как и Гадамер, указывает на несостоятельность философии трансцендентального сознания. Разум, по его мнению, носит ситуативный характер, а его деятельность обусловлена исторически сложившейся практикой конкретного общества. Трансцендентальная прагматика исходит из того, что субъектом познавательной деятельности является не чистое мышление, а реальное коммуникативное сообщество. Означает ли это утверждение релятивизма и невозможность притязаний на универсальную значимость в социальной науке? С точки зрения Апеля, нет. Проведя ревизию предпосылок традиционной теории познания, Апель выявляет в качестве необходимого условия социальных наук *трансцендентальную языковую игру неограниченного коммуникативного сообщества*. Именно трансцендентальная языковая игра неограниченного коммуникативного сообщества является необходимым условием intersubjectивной значимости социального познания.

Анализируя процесс коммуникации, Апель выявляет структуры, значимость которых абсолютна. Данные условия не могут не учитываться даже теми, кому поиски последних оснований познания представляются бессмысленными. По мнению Апеля, такой априорной структурой является коммуникативное сообщество. Это априори с необходимостью имплицитно участвует в любом аргументативном дискурсе, поскольку он с необходимостью признаёт два условия: во-первых, реальное коммуникативное сообщество, субъектом которого он стал в процессе социализации; во-вторых, идеальное коммуникативное сообщество, в котором могла быть определена правильность любого аргумента и адекватно понят его смысл.

Коммуникативное сообщество в качестве трансцендентальной предпосылки критических социальных наук не является «ни идеалистической в духе традиционной философии сознания, ни материалистической в духе онтологического “диамата” либо сциентистского объективизма позитивистского происхождения. Данная концепция располагается *по ту сторону идеализма и материализма*» [6. С. 197]. Такое понимание коммуникативного сообщества является следствием постулируемой Апелью посылки, согласно которой идеальные нормы всякой аргументации, т.е. нормы, благодаря которым происходит формирование консенсуса в познании реального мира, должны реализовываться в конкретном обществе.

Коммуникативное сообщество соединяет в себе аспекты идеального и реального. Идеальное сообщество предполагается присутствующим в реальном как его действительная возможность. Оно обнаруживается в любом конкретном коммуникативном сообществе в качестве его идеальной структуры. Процесс познания, понимаемый как общественно обусловленный процесс, развивается в направлении снятия противоречия между двумя сторонами коммуникативного сообщества. Эта идеальная структура выполняет две функции: конститутивную, поскольку она является трансцендентальным условием возможности любого реального коммуникативного сообщества, и регулятивную, поскольку она выступает также в качестве це-

ли реального коммуникативного сообщества. В качестве трансцендентального условия возможности коммуникации идеальное сообщество предшествует любому коммуникативному акту как неограниченное и не связанное ни с каким определённым видом языковой игры, которая генерирует правила функционирования любого реального сообщества. В качестве регулятивного принципа идеальное сообщество предстаёт как идеал, который должен реализоваться в ходе исторического процесса. Этот идеал выступает своеобразной шкалой при оценке положения дел реального коммуникативного сообщества.

Представление о коммуникативном сообществе как о трансцендентальной посылке критических социальных наук снимает, с точки зрения Апеля, противоречие между постулатом об обусловленности истины герменевтической ситуацией и претензией критических социальных наук на универсальность и intersubjectивную значимость своих истин. Реальный и идеальные аспекты коммуникативного сообщества с необходимостью предполагают друг друга. Идеальные нормы коммуникации всегда нуждаются в конкретной реализации. А реальное сообщество всегда так или иначе соотносит себя с нормами языковой игры идеального коммуникативного сообщества. В этом случае реальное коммуникативное сообщество дистанцируется от самого себя, становясь на позицию идеального сообщества, т.е. вырабатывает «критическое самосознание».

Одним из центральных понятий универсальной прагматики является понятие «жизненный мир». Данное понятие разрабатывается и вводится через анализ и реконструкцию того дотеоретического знания, которым обладает каждый действующий субъект, а также через выявление структуры и установление статуса, которым это знание обладает. В общем смысле жизненный мир представляет собой глубинный слой нетематического знания, которое организовано в определённую универсальную структуру. Эта структура имеет априорный характер и является фундаментом любого теоретического и практического знания.

Тематизируя феномен жизненного мира, Хабермас исходит из ситуации коммуникативного взаимодействия, языковой ситуации, «в которой говорящий, находясь в коммуникации со слушателем, говорит о чём-то и выражает то, что *он сам об этом думает*» [7. С. 39]. Целью коммуникативного взаимодействия является достижение взаимопонимания. Ситуация коммуникации является фрагментом жизненного мира, который выделяется через тему и артикулируется посредством целей и планов участников коммуникации. Этот фрагмент включает в себя сеть смысловых связей отсылок, которые становятся более анонимными и диффузными по мере пространственно-временного и социального удаления. Ситуация коммуникативного взаимодействия образует центр жизненного мира для участников. Этот центр имеет подвижную границу. Жизненный мир, к которому принадлежат участники коммуникации, всегда определённым образом присутствует, но образует только фон для актуальной сцены. В горизонт ситуации вводятся лишь некоторые отрывки жизненного мира. Эти отрывки образуют контекст коммуникации и могут быть тематизированы. В перспективе коммуникативного взаимодействия жизнен-

ный мир предстаёт как совокупность общих убеждений и самоочевидностей, используемых участниками при совместной интерпретации ситуации. Если эти самоочевидности являются релевантными для ситуации, то они мобилизуются в форме согласуемого и одновременно проблематизируемого знания. Ситуации коммуникативного взаимодействия сменяют друг друга, но границы жизненного мира не могут быть трансцендированы. Жизненный мир является средой, в которой происходит смещение горизонтов ситуации. Он формирует универсальный контекст, который является безграничным и сам устанавливает границы.

Таким образом, «жизненный мир образует... интуитивно уже заранее понимаемый *контекст* ситуации действия; в то же время он поставляет *ресурсы* для процессов истолкования, в которых участники коммуникации стараются покрыть возникающую в той или иной ситуации действия потребность во взаимопонимании» [7. С. 202–203]. Он выступает своеобразным резервуаром культурных самоочевидностей для осуществления интерпретации. Однако Хабермас не ограничивает жизненный мир только передаваемым посредством культуры фоновым знанием. К элементам жизненного мира он относит также язык, социальные нормы и субъективные переживания. Также к структурным компонентам жизненного мира относится общество. Действующий субъект является не только продуктом культурной традиции, к которой он принадлежит, но и продуктом процесса социализации, в который он погружен. Контекст действия образуется не только преданием, но и обществом.

Парадигмальным становится не субъект-объектное отношение, а скорее так называемое коммуникативное взаимодействие. На первый план выступают такие феномены, как язык и коммуникация. В связи с этими изменениями встаёт вопрос о возможности получения общезначимого – в данном контексте корректнее говорить: intersубъективно значимого (т.е. разделяемого всеми членами языкового сообщества) – знания.

Следующий тезис состоит в том, что *в рамках современной герменевтической философии происходит онтологизация коммуникативного измерения*. Языку и коммуникации приписывается статус трансцендентальных условий, т.е. необходимых условий познания. При этом трансцендентальный статус приписывается прагматическому измерению, т.е. языку в его реальном коммуникативном употреблении. В разных проектах коммуникативной философии артикулируются разные аспекты языкового измерения. Так, в философской герменевтике выявляется мирообразующая функция языка; мир предстаёт в своей языковой оформленности. В формальной прагматике артикулируется социальная функция языка; коммуникация предстаёт как то, что порождает социальную материю и обеспечивает координацию действий всех участников одного жизненного мира. В трансцендентальной прагматике артикулируется гносеологический аспект языка и коммуникации; языку приписывается трансцендентальный статус в кантовском смысле, т.е. он выступает необходимым условием познания и тем условием, которое обеспечивает получение общезначимого знания.

Язык оказывается трансцендентальным условием возможности получения общезначимого знания. В са-

мой коммуникации обнаруживаются структуры, которые генерируют intersубъективную значимость знания. В формальной прагматике выявляется, что коммуникации имманентно присущи притязания, которые обеспечивают рациональные основания консенсуса. В трансцендентальной прагматике вводится понятие «трансцендентальная языковая игра». Таким образом, можно утверждать, что в рамках «коммуникативного поворота» происходит переориентация трансцендентального измерения. В качестве инстанций, обеспечивающих общезначимость познания, выступают язык и коммуникация.

Проиллюстрируем данное положение, обратившись вновь к философской герменевтике Х.-Г. Гадамера, трансцендентальной прагматике К.-О. Апеля и формальной прагматике Ю. Хабермаса.

С точки зрения философской герменевтики, язык является онтологической величиной. Гадамер выявил радикальную историчность и языковое оформление всего человеческого мышления о мире. Любой опыт имеет языковой характер, и эта «языковость» принципиально неснимаема. Более того, она является необходимым условием нашего опыта мира. Языковой характер носит вся совокупность наших взаимоотношений с действительностью. Опыт науки, философии, искусства – всё это охвачено языковым горизонтом. Именно в языке выражает себя мир. Языковой опыт мира «абсолютен». Языковая предоформленность мира предшествует всему, что мы познаём и воспринимаем в качестве сущего. То, что является предметом познания и высказывания, всегда уже окружено мировым горизонтом языка. По мысли Гадамера, «в языковом оформлении человеческого мира происходит не измерение или учёт наличествующего, но обретает голос само сущее в том виде, в каком оно в качестве сущего и значимого являет себя человеку» [4. С. 527].

Следуя традиции философии языка, идущей от В. фон Гумбольдта, Гадамер рассматривает язык как особенное мировидение, как целостную картину мира. Он выступает против редукции языка к функции обозначения и передачи информации. Язык – это единство способа выражения и содержания этого выражения. «Если всякий язык есть мировидение, – пишет Гадамер, – то он обязан этим не тому, что он являет собой определённый тип языка (в каком качестве его рассматривает учёный-лингвист), но по тому что говорится или соответственно пере – даётся на этом языке» [4. С. 510]. Так же как и для Гумбольдта, язык для Гадамера не есть совокупность грамматических структур и правил, сущность языка выражается в языковой деятельности, в речи. Такое понимание фиксирует момент взаимосвязи между коммуникацией и языком. Язык есть «живая речь», т.е. коммуникация, а «живая речь» всегда окружена языковым горизонтом.

По Гадамеру, «язык обретает своё подлинное бытие лишь в разговоре, то есть при осуществлении *взаимопонимания*» [4. С. 515]. Это не нужно понимать в том смысле, что взаимопонимание является «целью» языка. Оно не является результатом целенаправленного поступка, подобно созданию знаков или символов. Взаимопонимание не нуждается в определенных приёмах и средствах для своего достижения. По мысли Гадамера,

это «жизненный процесс», в котором выражается «сама жизнь человеческого сообщества». «Все формы человеческого сообщества суть формы сообщества языкового, больше того: они образуют язык. Ведь язык в существе своём есть язык разговора. Лишь благодаря процессу взаимопонимания он становится действительностью. Поэтому он не является простым средством для достижения взаимопонимания» [4. С. 516].

Язык не является лишь средством для выражения наблюдаемых явлений, «но на языке основано и в нём выражается то, что для человека есть *мир*» [4. С. 512]. Язык выступает необходимым условием нашего мира. Гадамер поясняет свою точку зрения следующим образом: «Для человека мир есть “тут” в качестве мира» [Там же]. Это означает, что мир всегда предан человеку. Ни одно другое живое существо, не обладает подобным «тут – бытием» мира. Это «тут – бытие» мира есть бытие языковое. Язык, по Гадамеру, имеет самостоятельное бытие по отношению к индивиду, и благодаря языку впервые конституируется то, что называется миром. Гадамер фиксирует интересную взаимозависимость, существующую между языком и миром. Бытие мира есть бытие языковое. Но и язык, со своей стороны, не обладает самостоятельным бытием по отношению к тому миру, который получает благодаря языку своё выражение. «Не только мир является миром лишь постольку, поскольку он получает языковое выражение, – но подлинное бытие языка в том только и состоит, что в нём выражается мир... искомая человечность языка означает вместе с тем исконно языковой характер человеческого бытия – в – мире» [4. С. 513].

Человек обладает миром, он имеет к нему определённое отношение. Возможность такого отношения требует определённой свободы от этого мира, «свободы от того, что встречается нам в мире, которая позволяла бы нам ставить это встречающееся перед собою таким, каково оно есть» [4. С. 512]. Эта возможность ставить перед собой сущее «таким, каково оно есть» и означает обладание миром и языком. Гадамер противопоставляет своё понятие мира понятию окружающего мира, которым, по мысли философа, обладают все живые существа. В отличие от всего остального живого, только человек имеет «мир», только он обладает специфическим отношением к действительности. Это отношение характеризуется свободой от окружающего мира. Эта свобода включает в себя языковое строение мира. Одно связано с другим. «Противостоять натиску встречающихся в мире вещей, возвыситься над ними – значит иметь язык и иметь мир» [4. С. 514]. Человек как бы «возвышается к миру». Он не покидает окружающий его мир, но становится по отношению к нему в другую позицию, обретает дистанцию по отношению к миру; осуществление этого отношения всегда является языковым. Эта свобода, по мысли Гадамера, обеспечивается вариативностью человеческого языка. Вариативность фиксируется не только в существовании множества различных языков, но и в том, что сам язык предлагает нам различные возможности для высказывания одного и того же положения дел. Именно благодаря этой вариативности перед человеком встаёт «мир», совокупность вещей и обстоятельств. Специфика связи между миром и языком определяет и такую его

характеристику, как фактичность. Язык выражает определённые «дела и обстоятельства». Выражение определённого положения дел предполагает, по мысли Гадамера, признание существования инобытия, т.е. бытия независимого от человека. На этом признании и базируется дистанция между говорящим и делом, благодаря которой «нечто» может отделиться от всего остального как специфическое положение дел и стать содержанием высказывания, понятного также и другим людям. Сущностными характеристиками языка являются его вариативность и фактичность.

Таким образом, в философской герменевтике Гадамера язык оказывается трансцендентальной величиной, если понимать под трансцендентальным то, что выступает в качестве необходимого условия возможности нашего опыта сущего. Однако в качестве трансцендентальной величины язык не является чем-то внешним по отношению к истории, он включен в историю и повседневность. Язык фактичен по своей сущности. Философская герменевтика выявляет универсальность языкового измерения. Язык оказывается универсальной средой, в которой выражается взаимопринадлежность «Я» и «мира». Методологическое значение философской герменевтики состоит в том, что она выявляет сущностную обусловленность любого знания той языковой картиной мира, в которую оно включено. Образование научных понятий не начинается с чистого листа, оно изначально фундировано повседневным языком.

Так же как и философская герменевтика, трансцендентальная прагматика, во-первых, рассматривает язык в тесной взаимосвязи с коммуникацией (эти понятия образуют некоторое единство, выражая разные аспекты целого), во-вторых, придерживается положения об опосредованности мышления языком, т.е. постулируется принципиальная коммуникативная природа разума, в-третьих, придерживается представления о том, что любой язык предполагает «живую» (коммуникативную) общность. Однако, в отличие от Гадамера, понимающего свою герменевтику как «онтологический поворот на путеводной нити языка», Апелю формулирует идею трансцендентальной прагматики в контексте трансформации теории познания.

Язык предстаёт как трансцендентальная величина в кантовском смысле, т.е. как условие возможности и объективной значимости понятийного мышления, предметного познания и осмысленного действия. Не условия субъективной очевидности познания, а условия его интерсубъективной значимости становятся для Апеля главной темой «семиотически трансформированной трансцендентальной философии». По Апелю, для конституирования факта познания необходимо, чтобы «очевидность моего созерцания была связана с “языковой игрой” посредством прагматически-семантических правил, т.е. в смысле позднего Витгенштейна возвышалась до “парадигмы” языковой игры» [6. С. 195]. Только при этом условии субъективная очевидность, доступная лишь индивидуальному сознанию, может быть преобразована в интерсубъективную априорную значимость высказываний и может иметь статус «априори обязательного познания».

В философии позднего Витгенштейна понятие «языковая игра» является центральным. Именно «языковая игра» выступает основанием значимости наших поступ-

ков, интерпретаций мира и языкового употребления. Все они встроены в «языковую игру» как «компоненты *социальной жизненной формы*». Согласно Витгенштейну получается, что не существует ни объективной, ни субъективной гарантии смысла знаков и даже значимости правил языкового употребления. «Языковая игра» в качестве горизонта всевозможных критериев смысла и значимости обладает трансцендентальным достоинством. Существует множество «языковых игр», которые имеют между собой лишь «семейные сходства», и коммуникация между ними невозможна. Главная заслуга Витгенштейна, по мысли Апеля, состоит в радикальном проведении в жизнь «принципа конвенционализма». Суть этого принципа в том, что «не онтосемантическая система идеального языка (в которой “определённость смысла” предложений установлена априори, через “логическое пространство” отображения возможных положений дел) “задним числом” вводится в употребление людьми, а *употребление* знаков людьми выносит решение о смысле этих знаков» [6. С. 218]. Источником значения знаков не являются, таким образом, ни внеположенные нашему миру идеи, ни психологические отпечатки вещей, но значение знаковых выражений определяется способом их употребления, значение знаков закрепляется в конвенциях. Радикализм Витгенштейна, по мнению Апеля, состоит в следующем тезисе: «Не только *значение* знаков становится зависимым от *правил* их применения, но и *смысл правил* применения как будто бы в каждый момент зависит от *конвенций* и их применения» [Там же].

Апель заимствует понятие языковой игры у Витгенштейна и трансформирует его определённым образом: множество конкретных языковых игр, о которых идёт речь у Витгенштейна, он рассматривает в качестве проявления единой универсальной трансцендентальной языковой игры. По его мнению, среди множества «языковых игр» существует одна, которая является условием всех «данных» языковых игр. Эта трансцендентальная языковая игра содержит правила, которые не могут устанавливаться с помощью «конвенций», а сами делают возможными эти «конвенции». Она является условием, которое делает возможным идентификацию некоторого предмета в качестве «языковой игры», и выступает условием, делающим возможным взаимопонимание между представителями разных «языковых игр». Апель аргументирует это положение следующим образом: «Если (как то действительно виделось Витгенштейну) беспредельно многие, разнообразные языковые игры или жизненные формы, будучи “данными” (изначальными) фактами, одновременно должны представлять собой предельные квазитрансцендентальные горизонты правил понимания смысла, то непонятно, как они сами смогли быть данными, как языковые игры, а это значит – идентифицированы в качестве чего-то. Если речь идёт о данных языковых играх как о квазитрансцендентальных фактах (в духе релятивизма языковой игры), то из их числа исключается по крайней мере *одна* языковая игра, которая предполагается трансцендентальной. С другой же стороны, *различные* языковые игры не только могут быть “данными” в качестве *наблюдаемых* феноменов для трансцендентальной языковой игры философии, но и, более того, эта последняя языковая игра должна быть принципиально способной к понимающему участию во всех “данных” языко-

вых играх» [4. С. 228]. Эта игра образует «трансцендентальное единство различных горизонтов правил», это единство не может быть данным, но именно благодаря ему устанавливается коммуникативная взаимосвязь между различными конкретными языковыми играми.

Хабермас один из тех, кто способствовал утверждению понятий современной герменевтики в социальных науках. Так же как Гадамер и Апель, он в рамках своего проекта универсальной прагматики отказывается от модели чистого сознания в пользу представления о языке и коммуникации как фундаменте познавательной деятельности. Центральным элементом теории Хабермаса является понятие коммуникативного действия, которое определяется им как «языковая ситуация, в которой говорящий, находясь в коммуникации *со* слушателем, говорит *о* чём-то и выражает то, что *он сам об этом* думает» [7. С. 39]. Коммуникативное действие связано с особым модусом употребления языка.

В рамках своей концепции универсальной прагматики Хабермас различает два модуса языкового употребления: коммуникативный и когнитивный (некоммуникативный). Когнитивный модус связан с выражением некоторого положения вещей, которое имеет место в мире. Коммуникативный модус связан с сообщением одного субъекта другому чего-либо, так что последний понимает то, что ему сообщается. По мнению Хабермаса, только второй модус внутренне связан с условиями коммуникации. Когда мы говорим о некотором положении дел, наблюдаемом нами в мире, мы не участвуем с необходимостью в коммуникации, мы не совершаем некий речевой акт. Коммуникативное действие реализуется тогда, когда мы нацелены на понимание сообщаемого нам языкового выражения. Дело в том, что понимание некоторого языкового выражения подразумевает более сложную систему предпосылок, нежели простая фиксация факта в предложении. Некоммуникативное употребление языка имплицитно только одно фундаментальное отношение – отношение между предложением и тем предметом в мире, о котором данное предложение сообщает. В рамках же коммуникативного употребления подразумевается три фундаментальных отношения: во-первых, отношение между предложением и субъективным миром говорящего (так как сообщение выражает намерения говорящего), во-вторых, между предложением и объективным миром (так как сообщение говорит о чём-то в мире), в-третьих, между предложением и социальным миром (так как сообщение устанавливает отношение между говорящим и слушателем). Когнитивный модус языкового употребления реализуется прежде всего в объективирующей установке естественнонаучного познания, направленного на наблюдение и описание событий, происходящих в природе. Коммуникативный модус находит своё воплощение в перформативной установке социального познания, направленного на понимание объективированных значений. Его конечной целью является достижение коммуникативного взаимопонимания, в результате которого участники коммуникации должны прийти к согласию относительно некоторого положения дел, имеющего место в мире.

Адаптация герменевтического измерения к социальному познанию ведёт к ряду методологических за-

трудностей. Во-первых, занимая перформативную установку, интерпретатор покидает привилегированную позицию нейтрального наблюдателя и становится равноправным участником коммуникации. Во-вторых, перед интерпретаторами встаёт всё тот же вопрос о контекстуальной зависимости своей интерпретации. Эти трудности также ставят под вопрос универсалистские притязания «наук об обществе».

Хабермас решает эти трудности введением концепта *коммуникативная рациональность*. С его точки зрения, речи внутренне присущи универсальные стандарты рациональности, которые предполагаются каждым участником коммуникативного процесса. Рациональность коммуникации связана с теми притязаниями, которые имплицитно в рамках коммуникативного модуса языкового употребления, а именно притязания на пропозициональную истинность, субъективную искренность и нормативную правильность. Выражение имеет притязание на истинность, так как оно отображает нечто в объективной реальности, оно притязает на то, чтобы быть правдивым, так как оно выражает намерения говорящего, и оно притязает на то, чтобы быть правильным, так как оно соотносится с «общественно признанными ожиданиями». Эти притязания являются необходимыми условиями рациональной коммуникации. Они могут подвергаться критике или быть полностью обоснованными, приниматься или отвергаться слушателем. В любом случае они с необходимостью предполагаются каждым участником осмысленной коммуникации. Действие структур коммуникативной рациональности не ограничивается только локальными контекстами, но обеспечивает выход за пределы той языковой ситуации, в которой реализуется коммуникативное действие. Таким образом, введением концепта «коммуникативная рациональность» Хабермас снимает вопрос о том, как возможны универсалистские притязания «наук о духе» и представления о контекстуальной обусловленности познавательной деятельности. В рамках его теории универсальной прагматики структуры повседневной коммуникации становятся фундаментом социальных наук.

Значение современной герменевтики для методологии социального познания состоит в том, что *она позволяет выйти за пределы традиционных концептуальных рамок в осмыслении природы социального познания и представить социальное познание как вид социальной практики, связанный с трансляцией и рационализацией смыслов, которые составляют суть социальной материи*.

В методологии социального познания распространено представление о том, что специфика «наук об обществе» заключается в том, что субъект в этих науках не занимает внешнюю по отношению к объекту своего исследования позицию, но изначально включён в структуру своего объекта. Сами исследователи являются частью исследуемого ими объекта. Данная особенность и порождает проблему получения объективного знания в социальных науках. Реализация общего требования позитивизма, согласно которому исследователь общества, если он хочет получить максимально объективное (а значит научное) знание, должен мысленно противопоставить себя объекту своего исследования и занять позицию внешнего беспристрастного наблюдателя, вызывает затруднения.

В попытках решения данной проблемы в философии социальных наук, как известно, сложились две позиции. Сторонники так называемого сциентистского объективизма, а это прежде всего представители неопозитивизма и критического рационализма, заявляли о необходимости сохранения в сфере «наук об обществе» строгого отделения субъекта от объекта познания. С их точки зрения, только данная стратегия позволит реализовать возможность применения тех критериев научности, которые сложились в естествознании, в социальных науках. Сторонники другой позиции, прежде всего представители традиционной герменевтики, напротив, исходили из того, что для реализации «научности» социальным ученым необходимо актуализировать и изучить внутреннюю связь между субъектом и объектом социального познания. Игнорирование этой связи, на их взгляд, уводит в сторону от «научности» и приводит к субъективизму. Представители данной стратегии считали, что применение естественнонаучных критериев объективности к социальным наукам не отвечает природе последних.

Несмотря на очевидное различие, между сторонниками этих позиций обнаруживается и неявное сходство. Внутренняя взаимосвязь субъекта и объекта социального познания не является для сторонников обеих позиций непреодолимым препятствием при получении объективного знания в сфере «наук об обществе». Они полагают, что с помощью определённых методологических процедур (наблюдение и описание в неопозитивизме, эмпатия и понимание в традиционной герменевтике) мы можем преодолеть влияние локальных социокультурных контекстов на мышление социального учёного.

Современная герменевтическая философия открывает перспективу, благодаря которой происходит выход за традиционные концептуальные рамки в осмысление вопроса специфики социального познания. Она помещает социальные явления в иной концептуальный каркас, который позволяет исследовать специфику связи субъекта и объекта социальных наук. Социальные явления не являются внешними по отношению к сознанию социального исследователя. Традиционно специфику социального познания видели в том, что субъект данного типа познания включен в объект. Идея медиальности преодолевает саму диспозицию «внешнее – внутреннее». Преодолевается сама проблема соотношения субъекта и объекта социального познания.

Социальное познание вырастает из мира повседневных практик. Оно является способом артикуляции социального измерения. Знание не является репрезентацией, т.е. отображением внешней реальности в сознании индивида, но оно является артикуляцией тех смыслов и значимостей, с которыми индивид сталкивается на уровне повседневности, т.е. социальное знание является продолжением повседневного опыта. Деятельность социального учёного является не просто одним из видов отношения к социальной действительности, но необходимым элементом самой динамики социальной материи. Данная модель позволяет представить социальное познание как вид социальной практики, которая связана с аппликацией и трансформацией системы смысловых значимостей, которые составляют ткань социальной материи. Данный тезис значим и для моральной теории. Современная герменевтика позволяет взглянуть на этиче-

скую теорию как на вид социальной деятельности, суть которой в разработке и развитии норм морали.

При герменевтической тематизации субъекта социального познания выявляется, что в данном типе познания невозможно избежать ценностной нейтральности. Требование свободы от оценок, провозглашенное в рамках позитивистской теории науки, неприменимо к «наукам об обществе». Общественные науки имеют дело с человеческими отношениями и поступками, но

дело в том, что мы не могли бы даже идентифицировать «нечто» как поступок, не понимая и не соотносясь с предполагаемыми целями и мотивами данного поступка. Таким образом, социальное познание вырастает из реальной социальной практики. На результаты социальных наук оказывает влияние культурно-социальный контекст, с которым сущностно связан социальный ученый, а также язык, который используется при описании социальной реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Habermas J. *Nachmetaphysisches Denken*. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1988. 286 s.
2. Фурс В.Н. *Контуры современной критической теории*. Мн. : ЕГУ, 2002. 164 с.
3. Леденёва А. Тенденции изменения концепции социальных наук // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. С. 4–15.
4. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
5. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М. : Искусство, 1991. 368 с.
6. Апель К.-О. Трансформация философии. М. : Логос, 2001. 344 с.
7. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. : Наука, 2006. 380 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 25 декабря 2013 г.

HEURISTIC CAPABILITIES OF MODERN HERMENEUTICS IN JUSTIFYING SOCIAL COGNITION AND MORAL THEORY

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 76-83 DOI: 10.17223/15617793/381/12

Gaponov Aleksandr S., Tarabanov Nikolai A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gaponov@sibmail.com; nikotar@fsf.tsu.ru

Keywords: social cognition; tradition; language, communication; philosophical hermeneutics; formal pragmatics; transcendental pragmatics; X-G. Gadamer; Habermas; K.-O. Apel.

This article deals with the question of what opportunities the modern hermeneutical philosophy gives for theming the nature of social cognition. The article deals with the question of what comes in place of the "model subject" of the Cartesian type in modern philosophy, moreover, the question of how to solve the problem of the conditions of social cognition. It is revealed that modern hermeneutical philosophy allows going beyond the traditional conceptual framework in understanding the nature of social cognition and refer to it as a form of social practice that is associated with the translation and rationalization of meanings that constitute the essence of social matter. Within contemporary hermeneutic philosophy there is a transition from the "model of the subject" of the Cartesian type to the "medial model" of the subject. In modern communicative philosophy "subjectivity" and "consciousness" are not primary, subjectivity is de-transcendentalized. It is no longer interpreted as a necessary condition of being and knowing. Thinking is essentially connected with the social and cultural context it occurs in. In epistemological terms, this means that any theoretical activity is always marked by the situation in which it is performed. De-transcendentalization of subjectivity is accompanied by ontologization of the temporal dimension and the world of everyday practices. Different subjectless instances (tradition, life world, communicative community) come instead of the transcendental *cogito*. They form the medial dimension of our theoretical and practical experience. The specificity of these instances is that they, on the one hand, found our cognitive activity and shape our consciousness, but, on the other hand, they are also subject to change in the process of our historical practice. Language and communication are given the status of transcendental conditions, conditions necessary for cognition. This transcendental status has a pragmatic dimension, the language in its real communicative use. Language is the transcendental condition of the possibility of obtaining universally valid knowledge. Communication reveals structures that generate intersubjective significance of knowledge. Formal pragmatics shows that communication inherits claims that provide the rational basis of consensus. Transcendental pragmatics introduces the concept of "transcendental language game". Thus, it can be argued that the "communicative turn" shifts the transcendental dimension. The instance providing universal validity of knowledge is language and communication. Significance of contemporary hermeneutics for methodology of social cognition is that it allows going beyond the traditional conceptual framework in understanding the nature of social cognition and presenting social cognition as a form of social practice that is associated with the translation and rationalization of meanings that constitute the essence of social matter.

REFERENCES

1. Habermas J. *Nachmetaphysisches Denken*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1988. 286 p.
2. Furs V.N. *Kontury sovremennoy kriticheskoy teorii* [The contours of the contemporary critical theory]. Minsk, EGU Publ., 2002. 164 p.
3. Ledeneva A. *Tendentsii izmeneniya kontseptsii sotsial'nykh nauk* [Trends in the concept of Social Sciences]. In: *Sovremennaya sotsial'naya teoriya: Burd'e, Giddens, Khabermas* [Contemporary social theory: Bourdieu, Giddens, Habermas]. Novosibirsk, Novosibirsk University Publ., 1995, pp. 4-15.
4. Gadamer H.-G. *Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik*. Tübingen, 1960. (Russ. ed.: Gadamer H.-G. *Istina i metod: Osnovy filosofskoy germeneytiki*. Moscow, Progress Publ., 1988. 704 p.)
5. Gadamer H.-G. *The Relevance of the Beautiful*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. (Russ. ed.: Gadamer H.-G. *Aktual'nost' prekrasnogo*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1991. 368 p.)
6. Apel K.-O. *Transformation der Philosophie*. In 2 vols. Frankfurt, Suhrkamp, 1973. (Russ. ed.: Apel' K.-O. *Transformatsiya filosofii*. Moscow, Logos Publ., 2001. 344 p.)
7. Habermas J. *Moralbewußtsein und kommunikatives Handeln*. Frankfurt am Main, 1983. (Russ.ed.: Khabermas Yu. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006. 380 p.)

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЯЗЫКА МУЗЫКИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Музыка исследуется как язык, который передает специфическую информацию и имеет собственный синтаксис и семантику, отличные от синтаксиса и семантики других языковых систем. Рассматриваются основные определения языкового знака с точки зрения семиотики. Проводится сравнительный анализ ключевых особенностей семантики естественного языка, математики и музыки на основе теории смысла Г. Фреге, выявляются сходства и различия. По итогам анализа делаются выводы о специфике музыкального языка по отношению к другим знаковым системам.

Ключевые слова: знак; референт; абстракция; смыслообразование; структура.

Многие проблемы в философском исследовании языка музыки остаются не до конца решенными и вызывают огромное количество споров. Особенно это касается вопроса о процессах смыслообразования в музыке и определения знака музыкального языка. Целью данной статьи является исследование особенностей музыкальной семантики на основе ее сравнения с математической системой знаков и их соотношения со знаками естественного языка.

Для того чтобы дать определение языковому знаку, обратимся к семиотической концепции и попробуем применить ее к музыкальному языку. На основе работ Соссюра [1], Барта [2] и Пирса [3] можно сделать следующие выводы. Знак – это нечто, замещающее другой предмет по какому-либо признаку в актах коммуникации, выражения и познания. Знак является единством означающего и означаемого, которые находятся в произвольном отношении, но их использование ограничивается правилами, принятыми в социуме, использующем данную языковую систему. Знак претендует на устойчивость и универсальность. Кроме внутреннего процесса единения означающего с означаемым, знак вступает в отношения с другими знаками, выбирается из их множества и включается в структуру, заданную определенными правилами. Также знак имеет прямое свое значение или денотацию, т.е. конкретное указание на референт, а также может иметь сопутствующее косвенное значение – коннотацию. Например, денотатом слова «автомобиль» будет являться механическое средство передвижения, а его коннотатом будет респектабельность, мобильность и т.д.

Если применить данную модель языкового знака к музыкальному языку, возникают следующие трудности. Во-первых, едва ли возможно определить в музыке какую-то устойчивую смыслообразующую единицу, поскольку язык музыки имеет континуальную природу. Во-вторых, даже если условно принять за единицу, например, мелодию, то становится невозможным обнаружение означаемого – референта – во внешнем мире. Таким образом, с точки зрения семиотической концепции отсутствие референта становится отсутствием смысла в музыкальных высказываниях.

Однако музыка все же передает определенного рода информацию, воспринимается, интерпретируется, поэтому нельзя сказать, что музыкальный язык не имеет смысла. Можно предположить, что музыка обладает большей степенью абстракции, чем естественный язык, этим объясняется невозможность обнаружения референта во внешнем мире. Но насколько язык музыки

абстрактен и каким образом все-таки в нем происходит смыслообразование? Для ответа на эти вопросы мы обратились к анализу самой абстрактной знаковой системы – языка математики – и попробовали сравнить его с музыкальным языком. В этом исследовании мы опирались на семиотическую концепцию знака, а также на теорию смысла Г. Фреге, поскольку он вводит в свою систему понятие смысла, который не принадлежит ни понятийной сфере, ни сфере вещей и предметных значений.

Математика стоит особняком среди остальных естественных наук. Можно выделить специфические черты языка математики по сравнению с языком естественным и языком прочих наук об окружающем мире. Прежде всего, основным отличием математики от других способов отображения реальности является сложность определения онтологического статуса математических объектов. Проще говоря, нельзя с достоверностью утверждать, что математические объекты вообще существуют в реальности, а также что математика обязательно имеет корреляты в объективном мире и основана на эмпирических данных. Способ математического исследования, математического вычисления и эксперимента в этом плане сильно отличается от естественнонаучного тем, что имеет чисто интеллигибельный характер. В основном результаты математических исследований, выводы и вычисления не могут быть проверены на практике, поскольку в математике используется максимально абстрактный понятийный аппарат и операции проводятся только с идеальными моделями реальных объектов. Основным предикатом математического объекта будет являться количественная характеристика, но этот предикат не может быть отнесен непосредственно к предметам, которые пересчитываются. Можно сказать, что математика, отвлекаясь от сути самих объектов, реконструирует исключительно отношения между ними, внутрискруктурные взаимодействия. Таким образом, математика есть оперирование чистыми структурами, поскольку сами вещи для нее не важны, а во внимание берется только их способность вступать в отношения друг с другом, взаимодействие в рамках заданной системы. Причем эта система не обязательно должна относиться только к реальному материальному миру, законы математических отношений могут действовать и для исключительно интеллигибельных объектов, виртуальных миров и пр. Предметом исследования математики является исключительно сама структура избранной системы взаимоотношений каких бы то ни было

объектов, поэтому ее язык можно считать универсальным для всех видов исследования.

Г. Фреге предположил, что помимо основного значения или денотата, конкретного референта должен присутствовать смысл имени – сигнификат. Под значением понимается отождествление языковой единицы с конкретным предметом, а под смыслом – некоторое информационное содержание, т.е. денотат – это то, о чем говорится, а смысл – то, что говорится о денотате. Все они вместе – знак, его денотат и смысл – обязательно должны быть взаимосвязаны. Таким образом, в теории Фреге к единству обозначающего и обозначаемого в знаке добавляется еще и третий компонент – смысл знака, который не принадлежит ни понятийной сфере, ни сфере вещей и предметных значений. Но может быть, что знак будет иметь смысл, но не будет иметь денотата, например, всякого рода вымышленные и чисто интеллигибельные понятия, которых не существует в реальном мире. К ним вполне можно отнести и все математические знаки, поскольку, как мы уже заметили, они являются не отображениями реальных вещей, а только абстракциями этих вещей. Из идеи Фреге о разделении смысла и значения мы выяснили, что математические знаки, в отличие от обычных, не имеют денотата, т.е. референта в объективном мире вещей, но они все равно имеют смысл – определенное положение в структуре знаков. Математика как формальная система имеет алфавит в виде набора символов, исходные сочетания этих символов (аксиомы) и правила сочетания аксиом посредством вывода из них новых формул или теорем. А ввиду своей семантической «пустоты» она представляет собой чистые структурные или синтаксические отношения. Под математические символы можно подставить вообще любой референт в зависимости от выбранной предметной области, но результат вычислений все равно будет верен, если формула изначально построена верно, т.е. удовлетворяет всем структурным правилам вывода. Поэтому можно говорить о максимальной произвольности и абстрактности математического знака по сравнению с другими языковыми знаками. Однако нужно сделать акцент на том, что у Фреге денотат – это все-таки объективно существующий конкретный референт, а не наше о нем представление, поскольку последнее «слишком пропитано субъективными моментами восприятия предмета» [4. С. 25] и может значительно исказить или вообще менять смыслы. Таким образом, происходит некоторое удвоение семантического треугольника при подстановке вместо денотата нашего представления о нем. Если мы говорим о представлении, а не о конкретном референте, то обязательно следует уточнять, какой конкретно персоне принадлежит это представление и к какому историческому периоду относится.

Итак, мы видим, что общим для музыкального и математического языков является отсутствие объективно-

го референта во внешнем мире. Но в остальном эти языки сильно отличаются. Музыка как некоторое организованное соотношение звуков вполне может являться предметной областью математики, следовательно, степень абстрактности в математическом языке гораздо выше. Математика описывает чистые отношения вещей, музыка же в свою очередь вообще не имеет описательной функции, исключительно выразительную. Но можно ли тогда, по аналогии с математикой, назвать музыкальные символы семантически пустыми и зависящими целиком и полностью от внутренних структурных отношений? Да, значение структуры в музыкальной знаковой системе очень велико, звуки не мыслятся без соотношения друг с другом, отдельные и разрозненные они не будут являться музыкой, поскольку музыка есть именно особым образом организованный звук. Если брать за минимальную единицу музыкальной языковой системы нотные знаки, то они вполне имеют конкретный вещный денотат – звук определенного регистра. Но, конечно же, звук на письме все равно обязательно будет иметь системные характеристики: длительность звучания, высоту и т.д. То есть музыкальный звук никогда не дан сам по себе, а только в отношении к другим звукам структуры.

Если же брать за смысловую единицу мелодию, то можно провести аналогию между эмоциональным состоянием субъекта как восприятием некоторой вещи или явления и представлением о вещи у Фреге. Получается, что если взять мелодию в качестве семантической единицы или знака, то она не будет иметь денотата, поскольку философ не допускает представление на его роль. Либо представление можно условно считать денотатом, но при условии постоянного уточнения личности автора, его окружения и эпохи. Мы можем утверждать, что процесс означивания в музыке происходит несколько иным путем, нежели в естественном языке или математике. В естественном языке знак указывает на свой референт в процессе сообщения, означаемое находится, так сказать, вне означающего. В математике референта не существует вообще, под знак можно подставить любой внешний объект. В музыке же эмоциональное состояние, вследствие единства формы и содержания, выражается непосредственно в акте говорения или исполнения. Сама структура соотношения звуков уже служит воплощением музыкальной мысли, содержанием которой будет некоторая совокупность испытываемых субъектом эмоций. Получается, что во внешнем мире музыка не имеет референта, так же как и математика, но, в отличие от последней, она имеет некоторое расплывчатое и неопределенное подобие этого референта внутри самого субъекта в виде чувственного наполнения. Музыка совершенно не обязательно быть «о чем-то», потому что она сама уже является воплощением этого «чего-то», а точнее – восприятия субъективным сознанием внешнего мира, его объектов и явлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 693 с.
2. Барт Р. Избранные работы: семиотика, поэтика / пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
3. Пирс Ч. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000. 411 с.
4. Фреге Г. Логика и логическая семантика: сб. тр. М.: Аспект-Пресс, 2002. 511 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 12 февраля 2014 г.

THE SEMANTIC ASPECT OF THE LANGUAGE OF MUSIC: A COMPARATIVE STUDY

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 84-86 DOI: 10.17223/15617793/381/13

Silinskaya Anna S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Gella5@yandex.ru

Keywords: sign; referent; abstraction; constitution of sense; structure.

The purpose of this article is a study of the features of the music semantics on the basis of its comparison with the mathematical system of signs and their correlations with the peculiarities of the natural language semantics. The problems in the article are as following: – to give the main definition of the sign from the standpoint of semiotics, using this definition to compare it with the music sign, and to reveal the specific differences between music semantics and the natural language semantics; – to consider the features of the mathematical sign system in relation to the natural language; – to state the main theses of G. Frege's theory of sense and, basing on them, to compare the semantics of the natural language, mathematics and music; – to reveal the specifics of music semantics on the basis of the analysis. In semiotics, the sign is a unity of the signifier and the signified that are in derivative relation, but their use is limited by the rules of the society using the language system. The sign claims to be stable and universal. Also the sign has its direct meaning (denotation), that is, concrete indication of the referent, and can have an accompanying indirect meaning (connotation). It is impossible to define a constant sense-making unit in music, consequently, it is impossible to find a definite referent in the external world. Thereby, the absence of the referent becomes the absence of the semantic content in musical utterances. To find this content Frege's theory is used, since Frege introduces the notion of sense that belongs neither to the notional sphere nor to the sphere of things and subject meanings. Mathematics does not have a definite referent in the external world either, since it is distracted from things themselves and operates the pure structures of relations. In this sense music is similar to mathematics, but, unlike the latter, has a much smaller level of abstraction. According to Frege, musical signs have sense, but it is the sense that will place them in the system, since they have no definite referent. A subjective idea, in the philosopher's opinion, cannot be the referent. Consequently, emotional perception expressed in music can be interpreted as the sense of the utterance conditionally only. Music does not speak "about something", it is a realization of "something", a pure act of speaking.

REFERENCES

1. Saussure F. *Trudy po yazykoznaniyu* [Proceedings in linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1977. 693 p.
2. Barthes R. *Izbrannye raboty: semiotika, poetika* [Selected Works: semiotics, poetics]. Moscow, Progress Publ., 1989. 616 p.
3. Peirce Ch. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected philosophical works]. Moscow, Logos Publ., 2000. 411 p.
4. Frege G. *Logika i logicheskaya semantika. Sbornik trudov* [Logic and logical semantics. Collection of works]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2002. 511 p.

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ УРОВНЕЙ ВОСПРИЯТИЯ РЕАЛЬНОСТИ

Взаимодействие информационных уровней восприятия может оказывать влияние на эффективность решения многих практических вопросов. С целью выяснения специфики этого влияния решены следующие задачи: 1) в соответствии со способностью информационных каналов восприятия формировать разные по интенсивности отклики сознания построена их иерархия: вкус, тактильное осязание, обоняние, слух, зрение, живой язык, язык графики, язык чисел, язык понятий и язык распределенных слов (зрение и живой язык – пограничные каналы, соединяющие сенсорное восприятие с семиотическим); 2) выявлено, что взаимодействие уровней иерархии может сопровождаться усиливающим и помехообразующим эффектами, а также сопутствующими им явлениями. Усиливающий эффект возникает в результате взаимодополнения уровней и сопровождается совершенствованием профессиональных навыков, возникновением избыточного навыка и нарушением адекватности оценки процессов или явлений. Помехообразующий эффект формируется на фоне конкуренции уровней и сопровождается выпадением из анализа и практики «затемненных» характеристик объекта рассмотрения и деформацией характеристик личности; 3) показано противоречивое влияние данных явлений на эффективность решения некоторых задач в сфере экономики, политики и пр.

Ключевые слова: восприятие; отклик сознания; органы чувств; знаковые системы; эффективность управления.

Дадим пояснение основных понятий данной статьи. Восприятие представляет собой «процесс целостного отражения предметов или предметных ситуаций, возникающий при непосредственном воздействии физических раздражителей на рецепторные зоны органов чувств» [1]. В зависимости от способа контакта с реальностью восприятие может быть прямым и опосредованным. Прямое, или сенсорное, восприятие реализуется в условиях непосредственного воздействия объектов и явлений окружающего мира на сенсоры основных органов чувств (зрение, слух, вкус, обоняние, тактильное осязание). Опосредованное, или семиотическое, восприятие является подобием прямого, но в нем роль непосредственного раздражителя играют не произвольные объекты окружающей действительности, а материальные носители языка, т.е. фактически разнообразные знаковые системы, которые эти предметы и явления обозначают. Иными словами, в опосредованном восприятии активную роль играют органы чувств и сознание другого человека, находящегося как рядом, так и удаленно – в другой точке пространства или времени. Отметим, что, помимо опосредованной функции, семиотическое восприятие отличается меньшим количеством участвующих в коммуникации сенсоров; здесь их только три: зрение, слух, а иногда, при нарушении или отсутствии функции зрения, тактильное осязание (шрифт Брайля). Информационный уровень восприятия представляет собой отдельно взятый информационный канал – сенсор (орган чувств) или тип знаковой системы, который занимает определенное место в иерархии информационных уровней восприятия вследствие его индивидуальной способности соответствовать условиям ранжирующего критерия.

Проблема восприятия «является одной из важнейших в исследовании человека. Она изучается главным образом философией и психологией» [2. С. 14]. Методологическую основу данной статьи составила эпистемологическая традиция, в рамках которой наиболее ценными оказались работы в области философии и психологии восприятия [3–6], а также семиотики [7, 8]. Отметим при этом, что, несмотря на подробную разработанность многих теоретических вопросов, публикаций прикладной направленности недостаточно, а выбранная авторами

тема практических аспектов взаимодействия информационных уровней восприятия реальности до сих пор не привлекала к себе большого внимания исследователей. Помимо малоизученности, ее актуальность обуславливают острота проблемной ситуации и нынешний курс гуманитарных наук на опережающую разработку ресурсосберегающих концепций.

Взаимодействие информационных уровней восприятия может оказывать влияние на эффективность решения многих практических задач, в том числе в области политики, экономики и др., что позволяет признать его проблемой, следствием которой является проблемная ситуация, состоящая из эпизодов деятельности людей, которые могут протекать как с оптимальными, так и с неоправданными затратами. В этой связи цель данной статьи – выявление и анализ возникающих под влиянием проблемы практических эффектов и сопутствующих им явлений.

Главными информационными каналами сенсорного и семиотического видов восприятий являются вкус, тактильное осязание, обоняние, слух, зрение, живой язык, язык графики, язык чисел, язык понятий и язык распределенных слов, где зрение и живой язык выступают в роли пограничных каналов, соединяющих сенсорное восприятие с семиотическим. По существу, данная последовательность представляет собой иерархию уровней восприятия, которая сложилась в результате ранжирования каналов в соответствии с их индивидуальной когнитивно-резонансной способностью, т.е. со способностью информационных каналов формировать разные по интенсивности отклики сознания. Как можно заметить, вкус занимает здесь наиболее, а язык распределенных слов – наименее высокий уровень, что, в свою очередь, указывает на то, что вкус является наиболее, а язык распределенных слов – наименее мощным когнитивно-резонансным каналом. Промежуточные уровни занимают оставшиеся каналы, которые последовательно, от уровня к уровню, теряют степень соответствия условиям критерия. Нельзя не отметить, что с указанной способностью канала в прямой зависимости находятся сила его эмоционального воздействия, уровень детализации и эффективность введения информации в долговременную память; в обратной –

объем передаваемой информации, степень задействования в ходе одномоментной коммуникации воображения и ресурсов долговременной памяти.

Полагаем, что анализ характеристик каналов, помогающих им удерживать соответствующие места в иерархии, лучше начать с нижнего уровня, так как в этом случае из-за частого совмещения характеристик нижних и верхних уровней искомая пирамидальная расстановка будет выглядеть очевиднее.

Язык распределенных слов представляет собой символическую систему, которая существует вне связи с обозначаемыми предметами. По всей видимости, возникновению и особенно увеличению количества этих слов способствовали, в первую очередь, усложнение и специализация человеческой деятельности. Указанные тенденции привели к современному положению вещей, при котором большинство людей, достаточно хорошо разбираясь в своей, зачастую узкой профессиональной области, всю остальную, выходящую за ее рамки реальность представляют себе весьма туманно, как раз на уровне распределенных слов, которые на них не оказывают никакого влияния, если спонтанно действуют на сознание. Люди игнорируют распределенные слова потому, что не могут декодировать знаковый код в соответствующий ему образ, так как последний просто отсутствует в памяти.

Так как распределенные слова ассоциируются со словами-симулякрами по условиям возникновения и свойству обособленности от референтов, необходимо отметить их принципиальное отличие. По своей сущности «симулякр всегда есть несоответствие, искажение, затемнение истинности» [10. С. 105], действие которого основано на силе авторитета источника информации и технике тотального информационного окружения, в то время как распределенные слова, напротив, действуют спонтанно и несут в себе точные характеристики всех известных науке объектов реальности, но теряют их на уровне восприятия конкретного индивида. Известно, что симулякры часто превращаются в инструмент конструирования выгодного влиятельным политическим и экономическим группам знакового подобия реальности, в котором «...не существует жесткой связи между словами языка и предметной действительностью, выступающей референтом по отношению к слову. Связь между словом (означающим) и объектом (означаемым) является произвольной» [Там же. С. 62]. Целенаправленно внедряемые в массовое сознание пропагандой или рекламой симулякры оказывают влияние на поведение людей, степень которого зависит от типа общества.

Язык понятий состоит из слов. Слово – это «основная структурно-семантическая единица языка, служащая для именования предметов и их свойств, явлений, отношений действительности, обладающая совокупностью семантических, фонетических и грамматических признаков, специфичных для каждого языка» [11]. Слова кодируют образы: печатное слово чаще всего делает это в форме последовательности литерных (кириллических или латинских) знаков, звучащее – в виде графика акустических колебаний. По сравнению с распределенным словом, слово лучше соответствует указанному критерию в первую очередь благодаря спо-

собности сознания перекодировать знаки в соответствующие им образы, при условии, конечно, если таковые имеются в памяти и ассоциированы с кодом (последнее уточнение, по-видимому, излишне, так как понятие слова само по себе подразумевает такую возможность). Широко используемые как в обыденной жизни, так и в науке слова сообщают более или менее собирательные образы объектов, кроме того, они способны переносить новые смыслы, поэтому так велика их роль в познании. Вместе с тем слова не способны выразить точные величины объектов описания, поэтому выводы, сделанные только «на словах», нельзя назвать доказанными, а объекты рассмотрения – до конца изученными. Прежде всего доказательства опираются на язык чисел, который поэтому занимает следующий уровень иерархии.

Язык чисел – это язык математики, науки, основными чертами которой являются «во-первых, ее отвлеченность, во-вторых, точность или, лучше сказать, логическая строгость и как бы непреложность ее выводов и, наконец, чрезвычайная широта ее применений» [12. С. 5]. Язык чисел удерживает свое место вследствие потенциально большей его точности, доказательности, и в зависимости от разделов этого языка – вследствие меньшей или большей степени его сложности и понятности.

На практике язык чисел часто завершает познавательный цикл, в котором вначале обнаруживается и словом выражается некоторое новое свойство материи или способ решения технической задачи, а уже затем совершается их расчет (хотя бывает и обратное, когда расчет позволяет найти новое явление или свойство материи). В этих случаях язык чисел конкретизирует словесный язык, будучи тесно с ним связанным. Более того, не будет большим преувеличением сказать, что в прикладных областях язык чисел вообще не работает в отрыве от языка слов, так как описывает не сами объекты и даже не их свойства как таковые, а точно измеренные и зарегистрированные количественные характеристики этих свойств, что позволяет говорить не столько о языке чисел, сколько о языке «чисел и слов». В то же время в фундаментальных разделах познания обнаруживается увеличение удельного веса языка чисел по отношению к языку слов, так как здесь «абстрактные модели теоретической математики являются моделями “абстрактных” качеств вообще, а не конкретного качества определенной реальности» [13. С. 155]. Нельзя не отметить также, что если в прикладных задачах язык чисел может достигать предельной простоты и понятности, то в фундаментальных, напротив, – предельной сложности и малопонятности. И эти качества – экстремальная простота и понятность прикладных разделов языка чисел – придают ему большую ясность и очевидность, а крайняя сложность и соответственно малопонятность фундаментальных возводит над ним ореол недоступности. То и другое укрепляет его позиции в иерархии.

Одновременно следует заметить, что описательная точность языка чисел не всегда является идеальной, так как зависит от характеристик условий и инструментов измерения величин объекта описания. Иными словами, численные методы могут быть эффективны лишь в тех

случаях, когда об изучаемом объекте может быть собрана исчерпывающая информация, учтены и измерены до мельчайших деталей все действующие факторы. Но если это условие не выполняется и где-то остаются непредвиденные характеристики, то расчет становится неточным. Например, математик может верно определить точку падения баллистического тела, если ему известны величины всех главных условий его движения. Но неожиданное изменение, например, скорости бокового ветра приведет к неверному результату. Очевидно, что чем чаще в исследуемом объекте происходят спонтанные изменения, тем ниже точность расчета и соответственно меньше оснований считать численные методы надежным исследовательским инструментом. Вероятно, именно по этой причине в естествознании еще со времен А. Эйнштейна, доказавшего, что «законы математики, имеющие какое-либо отношение к реальному миру, ненадежны; а надежные математические законы не имеют отношения к реальному миру» [14], не утихает спор о границах эффективного применения численных методов.

Язык графики включает в себя зафиксированное на техническом носителе движущееся или статическое изображение; к нему относятся рисунки, фотографии, кино, виртуальная реальность. В отличие от языка слов и языка чисел, которые являются знаковыми кодами, язык графики несет образную информацию, что выделяет его из семиотического контекста. Другим дифференцирующим фактором является то, что образная информация лежит в основе понятийного и математического языков. Так как последняя не требует операции перекодирования, ее восприятие облегчено, а качественные образы вообще не отличаются от реальных объектов, что сближает графический язык с живым зрением. Например, пилоты военных и гражданских самолетов, которые поддерживают летный навык при помощи современных компьютерных симуляторов, нередко не видят разницы между реальной и виртуальной «картинками». Отметим, что в данном случае графический язык не распространяется на понятия и числа, но вместе с языком чисел, понятий и распрямленных слов образует символическую подсистему, которая фиксируется на неживом материальном носителе информации, который может фиксировать акторов коммуникации в разных точках пространства и времени.

Живой язык – это язык, материальным носителем которого выступает живой человек. Как и основным органам чувств, живому языку часто свойственна одномоментность, так как большая его часть не оставляет на техническом носителе информации никаких следов. Последнее несправедливо лишь для его профессиональных областей, которые формируют всю палитру знаковых систем и их контент. Ведущее место в иерархии живой язык удерживает потому, что, помимо звучащего слова, языка эмоций, тела и жестов, может использовать весь арсенал вышеперечисленных уровней, которые и в подсистеме живого языка оставляют за собой отмеченную выше иерархическую расстановку. Ведущая в семиотической системе резонансная способность живого языка может обнаружить себя на примере публичной лекции, в которой ее автор использует иллюстрации, статистические данные и пр. Такое

мероприятие способно одномоментно привлечь значительно большее внимание аудитории, чем статья на ту же тему в научном журнале.

Органы чувств могут дифференцироваться как по среднему радиусу действия, так и по свойствам передаваемой информации. Отметим, что первая характеристика часто зависит от конкретного случая, поэтому составляющие сенсорного восприятия могут иногда меняться местами; вторая – более объективная, определяемая морфофизиологией органа чувств.

Зрение передает сведения об объекте, его форме, динамике и цвете, «именно зрение помогает идентифицировать объект» [15. С. 169], ведь в его основе – наглядная образность, помогающая людям «воспринимать окружающий мир в виде упорядоченных целостных конфигураций, а не отдельных фрагментов» [16. С. 25]. Кроме того, зрение тесно связано с восприятием печатного языка чисел (цифр) и слов. Скорее всего, именно эти качества зрительного восприятия способствовали его актуализации в философии, которая в то же время отмечала некоторую его «поверхностность» [17]. Последнее, по-видимому, было обусловлено наибольшим в сенсорной системе средним радиусом действия зрения, что превращало его в наиболее автономный, а следовательно, в одноаспектный орган чувств.

Слух открывает человеку характеристики динамики поверхностей и сред; в неподвижной реальности слух бесполезен. Так как обычно средний радиус слуха меньше аналогичного показателя для зрения, его следует отнести к совмещенному сенсору – если человек слышит объект или явление, то, скорее всего, он его и видит. Очевидно, что в этом случае информация об объекте становится более разносторонней и детализованной по сравнению с той, которая была бы получена только с помощью зрения. Как и зрение, слух активно участвует в процессах семиотического восприятия как инструмент восприятия звучащих слов. Отметим также, что в иерархии слух и зрение в некоторых случаях могут меняться местами.

Обоняние дает человеку представление о содержащихся в предметах летучих химических соединениях и их характеристиках. В отличие от зрения и слуха, обоняние сигнализирует о возможном вторжении внешних факторов в биохимические процессы организма, что превращает его в ключевой элемент системы выживания человека. Кроме того, так как обычно обоняние «короче» слуха и зрения, то из-за совмещения с ними его уровень в иерархии выше.

Тактильное осязание открывает человеку характеристики поверхности, прежде всего ее температуру, твердость, массу и рельеф. Тактильное осязание может быть внешним и внутренним, что придает ему способность сообщать характеристики как относительно удаленных, так и внутренних объектов (например внутренних органов). Как и обоняние, оно сообщает о возможном вмешательстве факторов внешней среды в биохимические процессы, а из-за еще меньшего среднего радиуса действия осязание становится еще более совмещенным сенсором, которое практически никогда не работает в отрыве от зрения, слуха и обоняния. Отметим, что при отсутствии функции зрения тактильное осязание замещает последнее в процессах восприятия печатных текстов.

И, наконец, вкус дает информацию о химическом составе предмета, его температуре, твердости, форме, а также сообщает о наиболее тесной связи предмета (источника информации) с биохимическими процессами. Расположение рецепторов вкуса в ротовой полости указывает на то, что «включаются» они обычно последними: прежде чем попробовать предмет на вкус, человек обязательно его рассмотрит, послушает, ощутит его запах и прикоснется к нему. Так как в этом случае вся сенсорная система начинает работать на минимальной дистанции, можно говорить о том, что о находящемся в ротовой полости предмете человек, как правило, имеет наиболее разностороннюю и детализованную сенсорную информацию.

Целостное восприятие объектов реальности обеспечивается сложным взаимодействием указанных уровней, в котором наиболее практически значимыми становятся связанные между собой ситуации взаимодействия и конкуренции уровней.

Взаимодополнение уровней восприятия, возникающее обычно при передаче ими схожих характеристик объекта изучения, вызывает усиливающий эффект. Суть его заключается в том, что характеристики объекта, переданные менее высоким уровнем иерархии, приобретают более конкретные очертания, если вдобавок передаются еще и более высоким уровнем. Усиливающий эффект может сопровождаться: 1) совершенствованием профессиональных навыков; 2) возникновением избыточного навыка или умения, 3) нарушением адекватности оценки процессов или явлений. Отметим, что последние два явления в определенной степени являются продолжением или следствием первого.

Примерами совершенствования профессиональных навыков являются следующие ситуации. Человек, который ранее никогда не управлял автомобилем, после непродолжительного объяснения «на словах» предназначения основных систем и механизмов управления автомобилем способен сесть за руль и начать движение. Но станет квалифицированным водителем он только после довольно длительной практики управления транспортным средством, т.е. при помощи «сенсорного» контакта (тактильный, зрительный, слуховой контакт с автомобилем), который познакомит его со всеми нюансами динамики автомобиля. В высшем образовании, особенно техническом и естественнонаучном, текстовые и лекционные материалы всегда дополняются лабораторными и практическими занятиями, без которых невозможно глубокое освоение предмета [18].

Явление избыточного навыка возникает, как правило, на фоне опережающего роста умений и навыков по сравнению с увеличением сложности решаемых задач. Будучи довольно распространенным, это явление обладает стрессогенным эффектом, который может «сняться» при помощи сложной иррациональной задачи. Последнее часто практикуют пользователи компьютерных игр. Возникает следующая ситуация: человек пытается выиграть у компьютера, постоянно совершенствуя свое мастерство, но однажды выиграв, он затем начинает терять интерес к игре, который при постоянном выигрывании исчезает полностью, вытесняясь при этом нарастающим чувством неприязни к игре. Причина тому – избыточный игровой навык. Для вос-

становления заинтересованного отношения к процессу пользователь переходит на новый, более высокий уровень, создавая и решая тем самым вышеуказанную задачу, которая является таковой потому, что требует от человека искусственного увеличения объема усилий для достижения желаемого результата – выигрыша. Вместе с тем она же одновременно является и рациональной задачей, так как в результате ее решения геймер избавляется от негативных эмоций. Интересно, что чем-то похожее явление встречается и в животном мире. Например, городские голуби могут совершать рискованные маневры (взлетают прямо из-под колес подъезжающего автомобиля, на высокой скорости задевают крыльями идущих людей, иногда даже врезаются в них и пр.). Виновником этих опасных для птицы и человека ситуаций выступает избыточный полетный навык, который отягощает эмоциональную жизнь взрослой, опытной, налетавшей многие тысячи километров птицы, а точное маневрирование «догружает» его и снимает стресс, хотя порой делает это ценой здоровья человека или жизни птицы.

Если допустить, что данное явление вызывает к жизни универсальные реакции, то его силовое поле может распространяться и на топ-менеджеров государственной власти или крупнейших корпораций. В данном случае условием возникновения избыточного навыка может стать, например, слишком благоприятная экономическая конъюнктура, снижающая нагрузку на управленческий уровень. В этой связи иррациональным решением проблемы может стать искусственно созданный экономический кризис, преодоление которого как раз и «догрузит» неиспользуемую часть профессионализма топ-менеджмента. Быть может, потому экономическая наука до сих пор не смогла разработать бескризисную модель экономического роста, что топ-менеджменту глобальной экономики периодически повторяющиеся кризисы нужны для «снятия» последствий избыточных компетенций. Между тем указанную проблему можно решать и рациональным путем. Например, высокооплачиваемый специалист-практик, который никогда прежде не работал со студентами, может провести одну благотворительную встречу с ними, т.е. совершенно бесплатно потратить время и усилия на то, чтобы поделиться своими знаниями. Но при этом нельзя забывать, что возможна только одна такая встреча; вторая должна быть оплачена, ведь она уже не снимет избыточного навыка, потому что его больше нет. Понятно, что данный сценарий предполагает своевременное выявление избыточных компетенций.

Нарушение адекватности оценки процессов или явлений можно наблюдать на примерах девальвации профессиональной самооценки и гипероценки уровня риска.

Девальвация профессиональной самооценки развивается на фоне глубокого понимания профессионалом того или иного процесса или явления, которое сложилось у него в результате одновременно сенсорного и семиотического контактов с ним. Конкретным ее проявлением может быть иллюзия простоты эффективного контроля над сложным процессом, которая способна приводить к непоправимым ошибкам. Например, пилот авиалайнера Airbus A310 авиакомпании «Российские авиалинии», летевший в 1994 г. по маршруту Москва –

Гонконг, передал штурвал самолета своему сыну-подростку. В результате катастрофы погибли 75 человек. Главной ее причиной «была недопустимая ситуация, при которой командир воздушного судна посадил за штурвал авиалайнера своего пятнадцатилетнего сына» [19]. Как оказалось, командир авиалайнера, летчик-профессионал, налетавший тысячи часов, посчитал, что поскольку управление самолетом не представляет для него никакой сложности, то с этой задачей может успешно справиться и неподготовленный человек, если ему в двух-трех словах объяснить назначение основных «органов» управления самолетом. Надо сказать, что случаи предоставления профессионалами прав на управление сложными процессами дилетантам встречаются довольно часто. Удивительно, как легко и сами дилетанты рискуют, берутся за незнакомую работу, не осознавая возможных последствий.

Гипероценка уровня риска может возникнуть, например, на фоне серьезного авиапроисшествия. Очевидно, что оценка уровня риска авиапутешествий будет выше у тех людей, которые пережили авиапроисшествие на борту лайнера, в то время как у людей, только прочитавших о нем в газете, оценка этого уровня будет ниже. Завышенная или неадекватная оценка уровня риска авиапутешествий является таковой потому, что среднестатистическая вероятность пережить еще одно происшествие гораздо ниже, чем кажется. Если рассматривать это явление через призму конкуренции, а не взаимодополнения уровней, то речь пойдет о помехообразующем эффекте сенсорного восприятия по отношению к семиотическому. Таким образом, усиливающий эффект проявляет себя как с положительной, так и с отрицательной стороны.

При передаче чаще всего несхожих характеристик объекта изучения под влиянием конкуренции уровней возникает помехообразующий эффект, смысл которого состоит в том, что характеристики объекта рассмотрения, которые были переданы более высоким уровнем иерархии, привлекают к себе большее внимание по сравнению с теми, которые были переданы менее высоким уровнем. Иными словами, вышестоящий уровень иерархии выступает здесь в роли подавляющей помехи по отношению к нижестоящему. При этом может происходить: 1) выпадение из анализа и практики «затемненных» характеристик объекта рассмотрения; 2) деформация характеристик личности. Отметим, что помехообразующий эффект, проявляющий себя обычно с негативной стороны, нагляднее усиливающего раскрывает практические свойства иерархии.

Иллюстрацией первого явления могут быть те затруднения, которые возникают при реализации современных программ по борьбе с курением. Недавнее исследование, проведенное в Великобритании учеными университета Стерлинга, показало, что устрашающие изображения на пачках сигарет пораженных раком легких курильщика, призванные отбить тягу к курению у детей и подростков, практически не оказывают на них влияния [20]. Виной тому – помехообразующий эффект внутреннего осязания по отношению к языку графики и слов. Проще говоря, молодой человек, находящийся в состоянии хорошего самочувствия, становится в отношении своего здоровья убежденным оптимистом, пола-

гая, что не может заболеть просто потому, что в своей жизни никогда ничем серьезным не болел. Ирония судьбы состоит в том, что грозная графическая или текстовая информация оказывается действенной только вкупе с серьезным болезненным ощущением. Поэтому зачастую только потеря, например, одного из парных органов (почки или глаза) может заставить человека внимательно относиться к состоянию другого, вызывая при этом чувство сожаления об упущенном времени и игнорировании предупреждений врачей.

Другим примером помехообразующего эффекта являются судьбы людей, которые выросли в благополучных семьях, в которых в годы их детства и юности образ человеческих отношений как таковых складывался на фоне «сенсорного» контакта с родителями, близкими родственниками; он прочно закрепился в памяти, приобрел инерционность, а потом автоматически экстраполировался на весь социальный мир. Став взрослыми, такие люди из-за излишней доверчивости обычно чаще других становятся жертвами преступников. Ведь сформированный сенсорным восприятием положительный образ человеческих отношений не был, да и не мог быть автоматически уравновешен менее убедительным семиотическим восприятием, хотя оно и присутствовало в жизни этих людей в форме доступных им статей, телепередач о маньяках, мошенниках, которые, однако, не оказали на них должного влияния.

Наиболее деструктивным образом помехообразующий эффект проявил себя в сфере государственного управления, в частности военно-политического планирования некоторых конфликтов времен холодной войны (войн США во Вьетнаме и СССР в Афганистане и пр.). Проблема состояла в том, что военные потенциалы конфликтующих сторон представляли собой сложные многокомпонентные структуры, одна часть которых могла быть формализована, т.е. представлена в численной форме, а другая – в словесной. Первая отражала техническую составляющую, вторая – гуманитарную. На основании строгого математического анализа ни Вьетнам, ни Афганистан не могли противостоять соответственно США и СССР, и исход конфликта не мог вызывать больших сомнений. Но с учетом культурных и психологических особенностей народов этих стран, в частности высокой толерантности к насилию, способности терпеть страдания военного времени и пр., соотношение сил выравнивалось и исход войны становился неочевидным. Бедой американских и советских стратегов стало то, что они испытали на себе силу помехообразующего эффекта языка чисел по отношению к языку слов, который помешал им должным образом оценить ту компоненту военного потенциала, которая скрывалась не за числами, а за словами. То есть абсолютизация численных методов помогла выявить верную картину технической стороны вопроса, но помешала получить правильное представление об общем соотношении сил воюющих сторон. Принимая во внимание высказывание немецкого военного теоретика XIX в. Клаузевица о том, что «умственная деятельность на войне покидает область строгого знания – логики и математики – и превращается в искусство в более широком смысле этого слова, то есть в умение интуитивно выбрать из бесчисленного множества

предметов и обстоятельств важнейшие и решающие» [21], приходится констатировать, что эти повторяющиеся и в XXI в. ошибки приобретают образ какой-то странной и трудноустраимой закономерности.

Наиболее наглядно помехообразующий эффект обнаруживает себя в явлении деформации личности, которое можно наблюдать на примере врачей-психиатров, имевших продолжительный стаж работы с психически больными. При прямом и длительном общении с ними врачи часто сами становятся чем-то похожими на своих подопечных, периодические вызывая к жизни трагикомические кинообразы чеховского доктора Рагина. Повод для постановки вопроса о том, является их состояние заболеванием или нет, дают, в первую очередь, результаты длительного прямого контакта изначально психически здоровых людей с несоциальной средой, которые, как правило, ведут к тяжелым патологическим

расстройствам. Речь идет о людях-маугли, которые, проведя годы детства и юности среди волков или медведей, не могут интегрироваться в человеческое общество, если физически попадают в него обратно. Так как все попытки их «перепрограммирования» не приводят к желаемому результату, судьба людей-маугли незавидна. Следует отметить, что помехообразующий эффект проявляет себя с отрицательной стороны не всегда. Например, при передаче полезной информации верхними уровнями иерархии, а вредной – нижними может происходить вытеснение последней.

Таким образом, взаимодействие информационных уровней восприятия оказывает влияние на эффективность решения многих практических вопросов, в том числе относящихся к экономике, политике и пр. Игнорирование особенностей этого взаимодействия может приводить к серьезным ошибкам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Самуиц Т.В. Восприятие // Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. Минск : Изд-во В.М. Скакун, 1998. 896 с. URL: <http://www.philosophi-terms.ru> (дата обращения: 24.11.2013).
2. Гричин С.В. Авторизация восприятия в научном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 351. С. 14–18.
3. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб. : Ювента ; Наука, 1999. 605 с.
4. Шиффман Х.Р. Ощущение и восприятие. 5-е изд. СПб. : Питер, 2003. 928 с.
5. Барабаничиков В.А. Психология восприятия: Организация и развитие перцептивного процесса. М. : Когито-Центр, 2006. 241 с.
6. Барабаничиков В.А. Динамика зрительного восприятия. М. : Наука, 1990. 240 с.
7. Чертов Л.Ф. Знаковость. Опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи. СПб. : СПбГУ, 1993. 388 с.
8. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М. : Новое литературное обозрение, 2002. 581 с.
9. Губанов О.А. Художественный символ и симулякр: эстетическое противостояние // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 3. С. 103–107.
10. Петров Ю.В. Семиотический ренессанс и его истоки в современной философии постмодернизма // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 327. С. 62–68.
11. Гак В.Г. Слово // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М. : Советская энциклопедия, 1990. 286 с. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/464c.html> (дата обращения: 10.01.2014).
12. Александров А.Д. Математика, ее содержание, методы и значение. М. : Изд-во АН СССР, 1956. Т. I. 397 с.
13. Охлопков Н.М. Математическая модель – ядро современной философии математики // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2010. № 2. С. 155–160.
14. Душенко К.В. Большая книга афоризмов. 5-е изд., испр. М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. 1056 с. URL: http://yanko.lib.ru/books/lit/dushenko-aphorizm.htm#_Toc44520394 (дата обращения: 19.11.2013).
15. Ивашкевич И.Н. К вопросу о когнитивной природе восприятия и его отражении в семантике слова // ЗПУ. 2012. № 1. С. 165–171.
16. Порозова Д.Ю. Гештальт как основа визуального восприятия // Человек в мире культуры. 2012. № 3. С. 23–27.
17. Аванесов С.С. Оптические коннотации в ранней философской онтологии // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 373. С. 56–59.
18. Лойко О.Т. Столкновение ценностей в современном мировом образовательном пространстве: тенденции и решения // Философия образования. 2012. № 5. С. 62–69.
19. Авиакатастрофа А310 под Междуреченском 23 марта 1994 года. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 24.11.2013).
20. Юных курильщики не пугают предупреждающие изображения на пачках. URL: <http://medportal.ru/mednovosti/news/2013/09/06/094useless/> (дата обращения: 24.11.2013).
21. Клаузевиц К. О Войне. М. : Эксмо ; Мидгард, 2007. 864 с. URL: http://royallib.ru/read/klauzevits_karl/o_voyne.html#2803404 (дата обращения: 10.01.2014).

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 31 января 2014 г.

PRACTICAL ASPECTS OF INTERACTION OF REALITY PERCEPTION INFORMATION LEVELS

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 87-93 DOI: 10.17223/15617793/381/14

Khmylev Vladimir L., Kondrasyuk Valentina A. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vlh@tpu.ru; astarta_boss@mail.ru

Keywords: perception; response of consciousness; senses; semiotic system; management efficiency.

Interaction of information levels of perception can influence the effectiveness of solving many practical problems, including politics, economy, medicine, etc. Therefore, this is a problem, or the problem situation, which includes episodes of human activity occurring with both optimal and unjustified costs. The purpose of this article is the identification and analysis of the practical effects and associated phenomena which arise from the problem. To achieve this, in accordance with the individual capacity of information channels to produce consciousness responses of different intensity their hierarchy was built: taste, touch, smell, hearing, sight, natural human language, graphic language, the language of numbers, the language of concepts and the language of empty words (sight and natural human language are border channels connecting the semiotic and sensory types of perception). The interaction between the levels of the hierarchy may initiate the increasing and interference effects as well as their attendant phenomena. The increasing effect is accompanied by improvement of professional skills, emergence of excess skill, mistaken assessment of the process. The phenomenon of improving professional skills detects itself in examples of people who manage complex processes because of the semiotic and sensory contact with the

object of perception. In these cases, sensory perception enhances the effects of the semiotic one. The phenomenon of excess skills arises with the faster growth of professional skills in comparison with the increasing complexity of tasks. Being closely associated with the improvement of skills, this phenomenon may cover both humans and animals. Excess skill often becomes a source of negative stress, which can be eliminated by irrational complex tasks, which imply getting the desired result at highest, not smallest, costs. Associated with the two phenomena mistaken assessment of the process covers a wide range of professionals who do not perceive their tasks as complex ones and invite untrained people to solve them, thus provoking by adverse situations. The interference effect arises from the competition between the levels. It removes the "unclear" features of objects from the analysis and lowers the intellectual characteristics of the person. In the first case, the person may underestimate the factors or phenomena s/he deals with by the lower levels of the hierarchy (language of empty words) unfairly focusing their attention on the events perceived by the upper levels. Errors caused by this phenomenon can be quite substantial and manifest in both economy and politics. Reduction of the intellectual characteristics of the person occurs because of the prolonged interference effect and can be observed on the example of psychiatrists who have worked with the mentally ill for decades and acquired similar features.

REFERENCES

1. Samushchik T.V. *Vospriyatie* [Perception]. In: *Noveyshiyy filosofskiy slovar'* [The Newest Philosophical Dictionary]. Minsk, Izd. V.M. Skakun Publ., 1998. 896 p. Available at: <http://www.philosophi-terms.ru>. (accessed 24.11.2013)
2. Grichin S.V. Perceptual authorization in scientific discourse. *Vestn. Tom. gos. un-ta – Tomsk State University Journal*, 2011, no. 351, pp. 14-18. (In Russian)
3. Merleau-Ponty M. *Phénoménologie de la perception*. Paris, Gallimard, 1945. 560 p. (Russ. ed.: Merlo-Ponti M. *Fenomenologiya vospriyatiya*. St. Petersburg, "Yuventa" "Nauka" Publ., 1999. 605 p.)
4. Schiffman H.R. *Sensation and Perception: An Integrated Approach*. New York, John Wiley & Sons, 1990. 550 p. (Russ. ed.: Shiffman H.R. *Oshchushchenie i vospriyatie*. St. Petersburg, Piter Publ., 2003. 928 p.)
5. Barabanshchikov V.A. *Psikhologiya vospriyatiya: Organizatsiya i razvitie pertseptivnogo protsessa* [Psychology of perception: Organization and development of the perceptual process]. Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2006. 241 p.
6. Barabanshchikov V.A. *Dinamika zritel'nogo vospriyatiya* [Dynamics of visual perception]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 240 p.
7. Chertov L.F. *Znakovost'*. *Opyt teoreticheskogo sinteza idey o znakovom sposobe informatsionnoy svyazi* [Significance. Experience of theoretical synthesis of ideas about the sign way of data communication]. St. Petersburg, SPBGU Publ., 1993. 388 p.
8. Kreydlin G.E. *Neverbal'naya semiotika: Yazyk tela i estestvennyy yazyk* [Nonverbal semiotics: Body language and natural language]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2002. 581 p.
9. Gubanov O.A. Artistic symbol and simulacrum: aesthetic and semiotic aspects. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie – Terra Humana*, 2012, no. 3, pp. 103-107. (In Russian)
10. Petrov Yu.V. Semiotic Renaissance and its sources in modern philosophy of postmodernism. *Vestn. Tom. gos. un-ta – Tomsk State University Journal*, 2009, no. 327, pp. 62-68.
11. Gak V.G. *Slovo* [Word]. In: Yartseva V.N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. Moscow, "Sovetskaya entsiklopediya" Publ., 1990. 286 p. Available at: <http://tapemark.narod.ru/les/464c.html>. (accessed 10.01.2014)
12. Aleksandrov A.D. *Matematika, ee sodержanie, metody i znachenie* [Mathematics, its content, methods and role]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1956. Vol. 1, 397 p.
13. Okhlopkov N.M. A mathematical model – the core of modern philosophy of Mathematics. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova*, 2010, no. 2, pp. 155-160. (In Russian)
14. Dushenko K.V. *Bol'shaya kniga aforizmov* [A big book of aphorisms]. Moscow, Izd-vo EKSMO-Press Publ., 2001. 1056 p. Available at: http://yanko.lib.ru/books/lit/dushenko-aphorizm.htm#_Toc44520394. (accessed 19.11.2013)
15. Ivashkevich I.N. On the cognitive nature of perception and its reflection in the semantics of a word. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*, 2012, no. 1, pp. 165-171. (In Russian)
16. Porozova D.Yu. Gestalt as the basis of visual perception. *Chelovek v mire kul'tury – Human in the World of Culture*, 2012, no. 3, pp. 23-27. (In Russian)
17. Avanesov S.S. Optical connotations in the early philosophical ontology. *Vestn. Tom. gos. un-ta – Tomsk State University Journal*, 2013, no. 373, pp. 56-59. (In Russian)
18. Loyko O.T. The value clash in the global educational environment: trends and solutions. *Filosofiya obrazovaniya – Philosophy of Education*, 2012, no. 5, pp. 62-69. (In Russian)
19. *Aviakatastrofa A310 pod Mezhdurechenskom 23 marta 1994 goda* [A310 plane crash near Mezhdurechensk on March 23, 1994]. Available at: <http://ru.wikipedia.org>. (accessed 24.11.2013)
20. *Yunikh kuril'shchikov ne pugayut preduprezhdayushchie izobrazheniya na pachkakh* [Young smokers are not afraid of the warnings on packs]. Available at: <http://medportal.ru/mednovosti/news/2013/09/06/094useless/>. (accessed 24.11.2013)
21. Klauzevits K. *O Voynе* [On the war]. Moscow, Eksmo Publ., Midgard Publ., 2007. 864 p. Available at: http://royallib.ru/read/klauzevits_karl/o_voynе.html#2803404. (accessed 10.01.2014)

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 004.357::008

И.Г. Елинер

СОВРЕМЕННАЯ МУЛЬТИМЕДИЙНАЯ СИСТЕМА И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ОПТИМИЗАЦИИ

Мультимедийная система рассматривается как сложная, открытая и гибкая система, которая может быть оптимизирована за счет гармонизации и гуманизации дизайнерских образов на основе выделения общечеловеческих ценностей. Предлагается основанный на базовых критериях алгоритм оценки дизайнерских образов, проецируемых на экран, который поможет выявить положительные характеристики мультимедийной системы и сгладить или устранить присущие ей недостатки.

Ключевые слова: мультимедийная система; общество; культура; искусство; дизайн.

Совокупность мультимедийных систем – это одна из наиболее крупных информационных сред, в которых находится современный человек, особенно в настоящее время, в связи с глобальностью сети Интернет и мобильными связями, соединяющими любые точки в пространстве культуры. Мультимедийные средства и технологии вследствие своих уникальных качеств и свойств сыграли важнейшую роль в демократизации культуры. Сформировалась глобальная медиасреда. Современное постиндустриальное информационное общество в своих коммуникативных связях характеризуется поиском разных форм взаимодействия. К мультимедийным формам можно отнести различные форумы, конференции, блоги, совместные игры (on-line) и «жизнь» в виртуальных мирах (Second Life и др.), социальные сети (Facebook и др.) и другие взаимодействия в глобальной сети Интернет. Все они позволяют одновременно реализовать множество разных потребностей – общения, развлечения, обучения, потребления товаров и т.д. Это становится возможным благодаря специфическим свойствам мультимедийной системы, имеющей средства для быстрого и широкого распространения самой разнообразной информации, а также для установления диалога, вовлечения в дискуссию широкого круга людей, что достигается за счет такого свойства, как интерактивность. Однако эти же технологии позволяют манипулировать общественным мнением и настроениями посредством направленной информационной атаки, организуемой заинтересованными в этом различными социальными группами или отдельными личностями.

С появлением каждого нового уровня коммуникационной культуры – словесного, книжного, мультимедийного – дискуссии по поводу их организационной структуры, функций и содержания все более углубляются. В научной литературе все более остро ставятся вопросы о необходимости управления развитием СМИ и мультимедийных средств со стороны государства. Дискуссии на эту тему разгораются с новой силой и в эпоху постмодерна, при этом все больше подчеркивается роль мультимедийности в общем процессе глобализации и ее влияние на связанные с ней другие системы. Специфика современного мультимедийного феномена, отражающая типические черты большинства мультимедийных систем, состоит в том, что мультимедийная система подчеркивает разницу в мироощущении, миропонимании и мировоззрении людей, которая и без того велика, и тем самым еще более разобщает

людей по самым разным признакам – расе, полу, социальному положению, уровню культуры. Современные средства массовой информации повсеместно эксплуатируют эту разницу, культивируют ее в жестких условиях конкуренции рынка, чем еще более расслаивают и так расслоенное на социальные группы, сословия, культурные, имущественные и другие слои общество. Именно на пересечении этих плоскостей, отражающем всю специфику современного мира и состояния современных обществ, и формируются мультимедийные системы, которые, с одной стороны, отражают реальность общественно-экономических условий в обществе и мире, а с другой стороны, не имея системообразующих стержней и направляющего вектора развития, не имеют и достаточно выраженных тенденций к столь необходимому совершенствованию. Кроме того, современные мультимедийные технологии все более уводят сознание потребителей мультимедийной продукции в виртуальную реальность, где человек начинает существовать, действовать фактически вне реальности. В этом виртуальном мире появляются электронные двойники, аватары, которыми управляет человек. Это вызывает опасения уже потому, что человеку вообще свойственно дополнять реальность воображением, действовать не только в сфере необходимости, но и в сфере тех желаемых обстоятельств, куда он себя помещает, выдвигая свои необоснованные или вполне обоснованные требования, которые он по каким-то обстоятельствам не может реализовать. Если нахождение в виртуальной реальности помогает экономить время, облегчить процесс обучения, покупки того или иного товара, то это не сказывается негативно на психике человека. Если же виртуальная реальность начинает заменять человеку реальный мир, реальное общение, человек становится зависим от виртуальной среды, и это пагубно сказывается на его психоэмоциональном состоянии, мешает его социализации в реальном мире.

Современные коммуникативные связи в системах искусства, культуры и общества, национальной и этнической культуры разных обществ с разными общественными системами все больше способствуют обострению противоречий между ними, даже несмотря на то, что технические возможности мультимедийной системы в области организации диалога существенно возрастают. Конкуренция в обществе и между обществами растет. Информационные войны – это не новый вид войн, но в информационную эпоху информацион-

ная война займет ведущее место в определении коммуникативных отношений внутри общества и между разными обществами с разными культурами. При этом мультимедийные средства и технологии станут теми видами оружия, которыми будет овладевать все большее количество специалистов: будущие политики, экономисты, идеологи, психологи, военные. К сожалению, в настоящее время в развитии большинства стран доминирует преимущественно один из системообразующих факторов, а именно научно-технические достижения, которые в современном мире сложных открытых и гибких систем, как малых (семья, коллектив), так и больших (общество) и глобальных (человечество, природа, мир в целом), приобретают все большее влияние. Так, по мнению Т. Адорно и М. Хоркхаймера [1], начиная с XX в. происходит процесс индустриализации культуры, «поставлен на конвейер» процесс создания самых различных произведений культуры и искусства, сам метод их производства подчиняется законам монополии, что ведет к их обезличиванию, потере образности, индивидуальности, т.е. к ликвидации самого произведения. Принцип создания современного художественного произведения меняется, на первый план выходит использование техники, изощренных технических приемов, которое подменяет смысл. Ярким примером этого процесса может служить современный кинематограф, в особенности голливудские блокбастеры, где виртуозность спецэффектов маскирует отсутствие сюжета, сценария, режиссуры и смысла. Как совершенно верно отмечает Е. Бобринская, «современное искусство, несмотря на свою виртуальность, мифологичность и культ фэнтези, как правило, закрывает для человека внутреннее пространство воображения и оставляет ему только материально-достоверное, физиологическое или внедряет в него машинно-виртуальное, делокализованное, лишённое онтологии» [2].

Развитие мультимедийных средств и технологий в течение XX в. в развитых странах позволило занять лидирующее положение аудио-визуализированной информации, которая передается главным образом по телевизионным и компьютерным каналам. И если ранее классические виды искусства воспитывали вкус за счет гармонии образов, то сегодня создание образов поставлено на конвейерное производство мультимедийных систем. При этом стоит отметить тот факт, что одной из важнейших особенностей образа является не критичность его восприятия. Так, С.М. Эйзенштейн писал: «Не мы подчиняемся каким-то “имманентным законам” абсолютных “знаний” и соотношений цветов и звуков и абсолютных соответствий между ними и определенными эмоциями, но это означает, что мы сами предписываем цветам и звукам служить тем назначениям и эмоциям, которым мы находим нужным» [3. С. 517]. Возможность передавать образы, систему образов опосредованно, через визуальный ряд, музыкальный ряд, цвет, характер движения, анимации, комбинируя различные композиционные закономерности (различные виды ритма, контраста, нюанса, симметрии, асимметрии и т.д.), дает возможность творческой личности создавать эффект «добавленного содержания». Это происходит в первую очередь за счет яркости и эмоциональной насыщенности, а также симбиоза зву-

кового и визуального ряда, что позволяет передать опосредованно аромат через звук, вкус через цвет, тактильные ощущения через симбиоз фактуры, текстуры, цвета и т.д. При этом образ, вызывая эмоциональный отклик, прямо воздействует на психику человека, вследствие чего моделирует программирует его поведение.

Современные технологии виртуальной реальности позволяют создавать образы, конгруэнтные самой реальности, что зачастую ведет к ее подмене и позволяет авторам – проектировщикам этих образов – управлять мнением, действиями, манерой поведения пользователей и зрителей. Ж. Бодрийяр, характеризуя этот феномен, писал, что «именно разительное сходство с реальностью, обусловленное процессом технологического воспроизведения, делает образ наиболее безнравственным» [4. С. 56]. При этом максимальная реалистичность достигается не просто за счет визуального сходства с реальным миром, а за счет возможности взаимодействовать в этом пространстве, интерактивно управлять этой виртуальной средой. Сегодня сами средства и технологии хорошо изучены, стадия чрезмерного восхищения их возможностями позади. Возникает вопрос, как и за счет чего можно сменить вектор их развития с потребительского, развлекательного на направленный в сторону культуры и образования. Именно разработка новых методов и способов создания истинных произведений мультимедийной культуры является одной из важнейших задач, стоящих перед современными творческими людьми, работающими в этой и смежных отраслях, поскольку важнейшим в направленности мультимедийной системы является открытие новых социокультурных ниш.

По мнению Н. Кирилловой, благодаря мультимедийной среде сегодня образуется новый тип мышления, в котором «органично соединение логического и образного, интеграция понятийного и наглядного, формирование интеллектуальной образности и чувственного моделирования» [5. С. 30]. На наш взгляд, это слишком оптимистичное описание нового типа мышления. Такие характеристики возможны только в том случае, если само внутреннее содержание мультимедийных продуктов будет гармоничным по функциям, структуре и содержанию. К сожалению, до достижения такой гармонии в мультимедийной среде еще очень далеко. Но тем не менее сегодня меняется социально-культурная ситуация в мире, образуется глобальная медиасреда. Экранные искусства сыграли очень важную роль в демократизации культуры, а также привели к появлению новых видов искусств, родились новые знаковые системы.

Стремление творческих людей к свободе, к самовыражению постоянно подталкивает их к освоению современных инструментов, технологий, к созданию и покорению неизведанных пространств [6]. Истинному художнику всегда свойственно стремление к новому, ему не хватает холста, движения, динамики, его не устраивает отсутствие, ограничение объема, пространства, ему хочется большего погружения, активного вовлечения зрителя в свое произведение искусства. Художники всегда искали новые способы самовыражения, технологические и «промышленные» эксперименты художников XX в. есть лишь продолжение беско-

нечного поиска и освоения нового. Современные художники, как и все их предшественники, пытаются понять окружающую действительность, выразить ее суть за счет эмоциональных образов и ищут для этого наиболее подходящие средства и технологии [7]. Именно технологии очень часто являются толчком для создания новых способов самовыражения, при этом существующая тенденция к технологизации искусства оценивается исследователями по-разному. Вовлеченность в эту новую виртуальную среду, в «киберпространство» огромного количества людей, глубина их погружения, взаимодействия, а также тенденция к конкуренции виртуального пространства с реальным делают эти вопросы чрезвычайно актуальными и требующими скорейшего разрешения.

«Медийное искусство» обладает иными принципами создания и восприятия, требует от художника новых знаний и подходов к созданию произведения [8]. Необходимы как креативные идеи, так и знание программных технических средств, умение работать со временем и пространством, комбинировать визуальный и аудиоряд, режиссировать как само произведение искусства, так и способ его восприятия, принципы интерактивного взаимодействия, предполагать и задумывать самые различные сценарии его восприятия. Именно коммуникативная функция в данном виде искусства играет важнейшую роль. Характерно, что автор произведения не пытается авторитарно навязать собственное мнение, он лишь с помощью созданных им образов общается со зрителем, вовлекает его в творческую дискуссию. Именно изменения в процессе восприятия произведения искусства заставляют ученых, писателей, художников и многих других специалистов пересматривать свои методы исследования, а также форму и содержание самих результатов творчества. Им приходится отказываться от прежней линейной модели, поскольку сегодня традиционное деление участников процесса коммуникации на автора (отправителя информации) и читателя, зрителя (получателя информации) во многом потеряло смысл. Ведь сегодня автор, создавая композицию своего произведения, «предполагает не только интерпретацию реципиентом художественного образа, но и активное взаимодействие с художественным объектом в диалоговом режиме» [9. С. 12]. Человек из читателя, зрителя превращается в пользователя, который по желанию, в зависимости от целей и задач составляет свою последовательность, темп, ритм, способ восприятия информации благодаря интерактивному взаимодействию, оперирует письменной и устной речью, музыкой, картами, чертежами, таблицами, схемами, фотографиями, анимацией, видеоизображением. С одной стороны, это положительный факт, поскольку развивает у пользователя творческое мышление. С другой стороны, возникает ряд проблем. Пользователь, выступая в качестве соавтора, самостоятельно выбирая принцип, скорость, этапность восприятия информации, но при этом не имея специальной подготовки, может прийти к искажению, разрушению идеи или образа, которые пытался донести автор. Тем не менее у автора есть возможность избежать этих негативных последствий за счет продуманности, режиссуры пользовательских сценариев.

Одной из проблем современной мультимедийной системы является то, что судьбой произведений искусства в современной мультимедийной культуре занимаются уже не авторы, а продюсеры, менеджеры. Часто главным мерилом ценности произведения искусства для руководителей, менеджеров от мультимедийного «искусства» являются деньги, затраченные на картину, и денежная прибыль, которую она приносит. Читатель, зритель, пользователь, слушатель становятся, по мнению Ж. Деррида, добычей [10], как, впрочем, и сам автор и исполнитель в руках менеджеров от искусства. В современных условиях уровень и качество информации, состояние мультимедийной системы, ее содержание определяются в основном тем уровнем развития массовой культуры, который позволяет получать прибыль от потребления массового мультимедийного продукта.

К сожалению, индустриальная эпоха поставила на конвейер изделия не только материальной культуры, но и духовной, в том числе и за счет мультимедийной системы. Развитие техники, автоматизация производства, конвейерный способ производства товаров от стула до блочных домов стал сам формировать сознание человека, заменяя естественное природное понятие о красоте и гармонии искусственным, навязанным, стандартным [11]. Произошла стандартизация взгляда на красоту, естественность и разнообразие природных форм постепенно вытеснялись растрепанным представлением о красоте как стандарте. В данном контексте можно говорить о том, что для каждой творческой личности чрезвычайно важно использовать в творчестве свои конкретные приемы, методы, способы, ставить свои особые знаковые, узловые акценты, которыми он пользуется, чтобы сделать окружающую среду разнообразной, а не унылой и узнаваемой, не стандартной, не шаблонной. Ведь, как совершенно верно отмечает Б. Брейтвейт, «усредняя содержание, вы усредняете слушателя» [12. С. 160], зрителя, потребителя. Многие современные ученые связывают процесс глобализации СМИ с утратой культурного своеобразия и подменой его форматами и жанрами, которые являются универсальными. Предметный мир тиражированного товара начал угрожающе отдалять человека от природы. Таким образом, создается порочный круг: тиражирование, усиленная эксплуатация уже популярного продукта, которая заставляет снова и снова воспроизводить уже заезженные образы. Такое состояние мультимедийной системы, ее основных системообразующих факторов – структуры, функций и содержания – является продуктом непродуманной политики власти и менеджеров от культуры, определяющих коммуникативные системные связи между системами искусства, культуры, внутри общества и между обществами. Техника стала выступать по отношению к человеку как все более враждебная сила [13].

Все это в свою очередь привело к агрессивности информации постиндустриального общества с его навязчивой рекламой разнообразных товаров. Кроме того, навязывание СМИ информации о рекомендуемых стандартах, жизненных приоритетах, по мнению Станислава Лема, приводит к тому, что цели, к которым сегодня стремится большая часть человечества, носят

характер потребительского гедонизма, а ведь это не может способствовать гармонизации общества. Производство такого шаблонного мультимедийного продукта не имеет никакого отношения к искусству, культуре, ибо в искусстве и культуре на первом месте всегда содержание, образность, смысл произведения, а не прибыль. В.В. Бычков вообще категорически утверждает, что современного искусства как культурной формы уже не существует [14]. К. Ясперс в своем капитальном труде «Смысл и назначение истории» [15] совершенно верно замечает, что в настоящее время даже большая часть людей творческого склада идет на поводу низкого уровня культуры. С этими резкими суждениями можно согласиться лишь частично, поскольку истинные произведения искусства встречаются и в мультимедийной культуре. Однако если судить об общей направленности развития мультимедийной системы, то следует согласиться с вышеприведенным мнением.

В современном обществе существует еще одна очень серьезная проблема. Это сам процесс восприятия мультимедийных произведений. Современный зритель, пользователь, как правило, не подготовлен к восприятию и анализу получаемой информации, а также не умеет отсеивать ненужную информацию [16]. Отсутствие навыка разностороннего критического мышления, в особенности у молодежи, приводит к тому, что информация, передаваемая через мультимедийные каналы, воспринимается зрителем как объективная, точно отражающая реальность. При этом сам человек, не обладающий критическим мышлением, зачастую не осознает происходящей подмены. Особенно это характерно для телезрителей, которые воспринимают информацию пассивно и зачастую слепо доверяют воспринимаемым образам. А ведь, как точно отмечает И. Беляев, «...„спектаклями“ занимается все телевидение, вплоть до передач о погоде. Но беда, когда человек или даже целый народ принимает иллюзию за реальность. Это всегда грозит историческими катаклизмами» [17. С. 169].

Сегодня возникает парадоксальная ситуация. Практически все люди живут и общаются в глобальной медиасреде, их окружают самые различные медиаобразы, взаимодействуя с ними, люди используют медиа-, визуальный язык, которому их никто не обучал [18]. Но ведь медийный, визуальный язык имеет свои особенности, закономерности, он многомерен, оперирует как визуальным и звуковым рядом, так и пространством и временем, а за счет их комбинации создается уникальный виртуальный мир со своими законами восприятия. Именно эти факторы диктуют необходимость формирования у зрителя, пользователя многоаспектного, многоуровневого, многоаспектного критического мышления. Обучать такому мышлению надо с детства в рамках школьной программы медиаобразования, в которой важнейшую роль должны играть творческие люди. Ведь одна из главных задач режиссера-постановщика, медиадизайнера, создателя мультимедийного произведения – не просто произвести на зрителя, пользователя впечатление, поразить его неким видео-, аудиорядом, а породить в нем процесс мышления, анализа происходящего.

Сегодня необходимо выработать четкую систему оценки мультимедийных продуктов духовной культу-

ры, поскольку без этого невозможно понять ни феномен мультимедийной культуры, ни специфику и типические черты систем, взаимодействующих с мультимедийной системой, тем более невозможно наметить пути их оптимизации и совершенствования, ибо в отношении к творчеству и искусству наиболее ярко проявляются противоречия и парадоксы времени и организации информационных систем.

При этом принципиальное значение для нахождения путей оптимизации мультимедийных продуктов имеет определение критериев их оценки, а через них – и определение качества мультимедийной системы в целом. Без четкой системы критериев оценки невозможна работа ни над теоретическими, ни над практическими разработками в любой отрасли. Мультимедийные произведения, будь то web-сайт, мультимедийная локальная презентация, анимационный ролик или телевизионная программа, имеют как свои специфические критерии оценки, так и общие, характерные для всей мультимедийной сферы в целом. **К общим критериям оценки можно отнести следующие.**

– **Содержание**, важнейшими параметрами качества которого являются: актуальность темы; новизна, оригинальность, уникальность транслируемой информации; периодическое обновление, добавление информации (в первую очередь для интерактивных мультимедийных продуктов, web-сайтов); четкая ориентация на целевую аудиторию, а также направленность на гуманитарные задачи и цели.

– **Структура и навигация**, оптимальность которых зависит от следующих факторов: продуманность различных пользовательских сценариев (в первую очередь для интерактивных мультимедийных продуктов, web-сайтов, локальных мультимедийных презентаций); учет особенностей восприятия целевой аудитории, их опыта, возраста, пола, антропометрических параметров; продуманность названий разделов и их расположения (для web-сайтов, локальных мультимедийных презентаций); удобство размещения материала и его просмотра, позволяющего пользователю эффективно работать с информацией, а также успешно решать стоящие перед ним задачи.

– **Сценарий**, качество которого напрямую влияет на восприятие всего произведения и для которого важны следующие факторы: цельность сюжетной линии; взаимопроникновение с темой мультимедийного произведения, этапность развития сюжета (завязка, кульминация, развязка); оригинальность драматургии.

– **Мультимедийный язык общения**, который необходимо найти в процессе общения с пользователем, зрителем. Для гармоничного применения необходимо учитывать и использовать следующие его особенности: совмещение вербального и визуального ряда (а в недалеком будущем – и обоняния, и тактильных ощущений); гибкость, трансформируемость (возможность наглядно, доходчиво рассказать о любой проблеме самой разнообразной целевой аудитории); наглядность и образность и, в связи с этим, уровень критического, аналитического восприятия информации, воздействие напрямую на подсознание пользователя, зрителя.

– **Интерфейс** – разработка принципов взаимодействия с пользователем, легкость и понятность при вза-

имодействии с информацией – также является важнейшим фактором, ведь востребованность функции, а вместе с ней и содержания обратно пропорциональна количеству усилий, которые пользователю необходимо затратить для ее освоения, получения. Разработка человеко-машинного взаимодействия является одним из важнейших направлений в современной мультимедийной сфере. Важно, чтобы этой проблемой занимались не только технологи, программисты, но и множество других специалистов, прекрасно разбирающихся как в физиологии, так и в психологии человека.

– **Функциональность**, которая оценивается по следующим критериям: наличие функциональных возможностей и их соответствие целям и задачам пользователя, зрителя; возможность проекта оперативно, надежно выполнять эти функции; уместность использования различных передовых технологий, делающих медиапродукт актуальным, современным, интересным для своей целевой аудитории.

– **Визуализация**, форма продукта – это первое, с чем сталкивается пользователь, от чего во многом будет зависеть его первое впечатление, а возможно, и ощущение от всего проекта. В связи с этим важны следующие параметры: единство визуального образа и содержания; легкость узнаваемости, считываемости, распознаваемости образа пользователем; единство стилистики всего проекта; гармония художественных приемов (цветового, шрифтового, пластического, динамического решения); правильное комбинирование различных блоков информации (текста, графических изображений, видео, анимационных роликов и т.д.).

– **Звуковое сопровождение**, гармония звука, визуального ряда и содержания является неотъемлемой частью любого мультимедийного проекта. Именно поэтому к звуковому сопровождению применимы во многом те же требования, что и к визуальной составляющей, а именно: передача и подчеркивание образа проекта; создание эмоционального подтекста произведения; распределение акцентов, подчеркивание главного, нивелирование второстепенного. Важнейшей составляющей также является речь, голосовое сопровождение мультимедийного произведения, которое во многом определяет смысловую насыщенность мультимедийного проекта.

– **Интерактивность** – одна из основных особенностей и преимуществ мультимедийного продукта. Интерактивность позволяет пользователю взаимодействовать с информацией: выбирать последовательность, способ подачи, темп, уровень сложности, длительность и т.д. Пользователь, зритель имеет возможность так же, как и творческая личность – режиссер, управлять потоком информации, за счет чего возникает наиболее мощное психологическое и эмоциональное воздействие. С этим связан ряд требований к интерактивному взаимодействию, его характеру и принципам: соответствие его теме, целевой аудитории; продуманность, взвешенность интерактивного вмешательства пользователя в ткань мультимедийного произведения, дабы не разрушить цельность восприятия.

– **Эргономичность**, обозначающаяся в мультимедийной среде термином «юзабилити», отвечающая за удобство использования, восприятия, взаимодействия с

информационным культурным пространством. Эргономичности можно добиться лишь в случае соблюдения следующих условий: учет психологии, физиологии пользователя, знание и использование особенностей визуального восприятия информации, выработка единых принципов в формировании пользовательского интерфейса, разработка человеко-машинного взаимодействия, а главное – разработка единого языка общения с пользователем.

– **Общее впечатление** – это нечто большее, чем просто сумма всех перечисленных выше факторов. Общее впечатление складывается как из гармоничного сочетания содержания, сценария, структуры и навигации, мультимедийного языка общения, интерфейса, функциональности, визуального и звукового ряда, интерактивности, так и от той совокупности ощущений, которые возникают у потребителя после завершения работы с проектом.

Ясные, понятные критерии оценки мультимедийных проектов необходимы как для теоретических и практических разработок в этой области, так и для образовательного процесса, поскольку благодаря им возникает возможность объективизировать различия между оптимальным и неоптимальным проектом. Такая оценка должна иметь системный, целостный характер и быть наиболее объективной за счет выделения конкретных системообразующих факторов, позволяющих человеку, обучающемуся медиадизайну, найти конкретные пути оптимизации проекта. Не стоит также забывать о том, что значимость различных критериев может меняться как в зависимости от области применения (телевидение, Интернет), так и в зависимости от тематической направленности мультимедийного произведения (образовательная, познавательная, справочная, социальная, развлекательная функция). В зависимости от направленности, от выполняемых функций будут возникать свои специфические требования к структуре, навигации, визуальному и вербальному ряду, функциональности, интерактивности и т.д. Требования к поисковым системам Google, Яндекс значительно отличаются от требований к виртуальному представительству Эрмитажа или Русского музея. Так, для первых в области визуального представления важна строгость и ясность модульной сетки, простота и при этом гибкость поисковых запросов, множественность различных по содержанию ссылок и гиперссылок, тогда как для музейного представительства на первый план выходят яркость и запоминаемость образа, насыщенность визуального ряда, большой объем графических, фото- и видеоматериалов, разнообразие возможностей просмотра коллекции музея (галерея, слайд-шоу, виртуальная экскурсия). Поэтому и подход к их оценке, значимость различных критериев будут разными. Но при этом вне зависимости от направленности и технологий, используемых при проектировании и трансляции мультимедийного произведения, все эти критерии будут оказывать значительное влияние на процесс восприятия пользователя, на его впечатление, глубину погружения. Игнорирование и недооценка какого-либо из этих системообразующих критериев приведут к разрушению цельного восприятия, к созданию неоптимального мультимедийного произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М. ; СПб. : Медиум ; Ювента, 1997. 312 с.
2. Бобринская Е. Сомнительная сущность искусства // Художественный журнал. 2004. № 54. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/54/somnitelnaya> (дата обращения: 26.04.2010).
3. Эйзенштейн С.М. Избранные произведения : в 6 т. М. : Искусство, 1964. Т. 2. 567 с.
4. Бодрийяр Ж. Злой демон образов // Искусство кино. 1992. № 10. С. 61–72.
5. Кириллова Н.Б. Глобальная медиасреда и парадоксы экранной культуры // Экранная культура в современном медиапространстве. Москва ; Екатеринбург : Уральск. рабочий, 2006. 288 с.
6. Мещанинов А.А. Дизайн. Точка над й: теоретическое обсуждение природы дизайна в общедоступном изложении. СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2008. 217 с.
7. Муратов С.А. Телевизионное общение в кадре и за кадром. М. : Аспект-Пресс, 2005. 206 с.
8. Considine D.M., Haley G.E. Visual Messages. Englewood, Colorado : Teachers Ideas Press, 1999. 371 p.
9. Дворко Н.И. Режиссура мультимедиа (Генезис, специфика, эстетические принципы) : дис. ... д-ра искусствоведения. СПб., 2004. 334 с.
10. Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля = *Speech and phenomena and other essays on Husserl's theory of signs*. СПб. : Алетейя, 1999. 208 с.
11. Абрамян Е.А. Долго ли осталось нам жить? Судьба цивилизации. М. : Терика, 2006. 536 с.
12. Media: введение = *The Media: an introduction* : учеб. / под ред. А. Бриггза, П. Кобли ; пер. с англ. Ю.В. Никуличева. 2-е изд. М. : Юнити, 2005. 550 с.
13. Graber D.A. Mass Media and American Politics. Washington, D.C. : CQ Press, 2002. 441 p.
14. Бычков В.В. Эстетика. М. : Гардарики, 2002. 556 с.
15. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М. : Политиздат, 1991. 527 с.
16. Ляшенко Т.В. Мультимедийные технологии в библиотечном образовании. СПб. : РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. 304 с.
17. Беляев И. Спектакль документов: откровения телевидения. М. : Гелеос, 2005. 343 с.
18. Bagdikian B.H. The Media Monopoly. 6th Beacon pbk. ed. Boston, Mass. : Beacon Press, 2000. 288 p.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 12 ноября 2013 г.

CONTEMPORARY MULTIMEDIA SYSTEM AND PROBLEMS OF ITS OPTIMIZATION

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 94–100 DOI: 10.17223/15617793/381/15

Eliner Ilya G. Saint-Petersburg State University of Culture and Arts (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: ila111design@yandex.ru

Keywords: multimedia system; society; culture; art; design.

Today it is necessary to develop clear criteria for the assessment of multimedia products of spiritual culture, because without them it is impossible to understand either the phenomenon of the multimedia culture, or the specifics and the typical features of systems that interact with the multimedia system. It is even more impossible to identify ways of their optimization and improvement, since creativity and art highlight the contradictions and paradoxes of time and organization of information systems. The principal importance for finding ways of optimization of multimedia products is the definition of assessment criteria, and through them, the determination of the quality of the multimedia system in general. Without clear assessment criteria neither theoretical nor practical development in any industry is possible. Multimedia works, whether it is a web-site, a local multimedia presentation, a movie or a television program, have their own specific assessment criteria and general assessment criteria relevant for the whole multimedia sphere. The general assessment criteria are: content, structure and navigation, script, multimedia language of communication, interface, functionality, visualization, sound, interactivity, ergonomics and overall impression. Clear, understandable criteria for assessment of multimedia projects are needed both in theoretical and practical developments in this area and for the educational process, because there is a possibility to objectify the difference between the optimal and suboptimal project. Such an assessment should be systematic, holistic and most objective by highlighting specific systemic factors to enable a person studying media design to find concrete ways to optimize the project. One should not also forget that the importance of the various criteria can change depending on the application (television, Internet), and depending on the thematic focus of media works (educational, cognitive, reference, social, recreational functions). Depending on the orientation and functions they have their own specific requirements to the structure, navigation, visual and verbal sequences, functionality, interactivity, etc.

REFERENCES

1. Horkheimer M., Adorno T. *Dialektik der Aufklärung. Philosophische Fragmente*. Amsterdam, 1947. (Russ. ed.: Khorkkhaiymer M., Adorno T.V. *Diialektika prosveshcheniya: filosofskiye fragmenty*. Moscow, St. Petersburg, Medium Publ., Yuventa Publ., 1997. 312 p.
2. Bobrinskaya E. Somnitel'naya sushchnost' iskusstva [Questionable essence of art]. *Khudozhestvennyy zhurnal – Moscow Art Magazine*, 2004, no. 54. Available at: <http://xz.gif.ru/numbers/54/somnitelnaya>. (accessed 26.04.2010)
3. Eisenstein S.M. *Izbrannyye proizvedeniya: v 6 t.* [Selected works: in 6 vols]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1964. Vol. 2, 567 p.
4. Baudrillard J. Zloy demon obrazov [The evil demon of images]. *Iskusstvo kino*, 1992, no. 10, pp. 61-72.
5. Kirillova N.B. *Ekrannaya kul'tura v sovremennom mediaprostranstve* [Screen culture in the modern media]. Moscow, Ekaterinburg, Ural. Rabochiy Publ., 2006. 288 p.
6. Meshchaninov A.A. *Dizayn. Tochka nad y : teoret. obsuzhdenie prirody dizayna v obshchedostup. izlozhenii* [Design. Dotting all the "i"s: theoretical discussion of the nature of design in a publicly available presentation]. St. Petersburg, Polytechnic University Publ., 2008. 217 p.
7. Muratov S.A. *Televizionnoye obshchenie v kadre i za kadrom* [Television communication in picture and behind the scene]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2005. 206 p.
8. Considine D.M. Haley G.E. *Visual Messages*. Englewood, Colorado, Teachers Ideas Press, 1999. 371 p.
9. Dvorko N.I. *Rezhissura multimedia (Genезis, spetsifika, esteticheskie printsipy): dis. d-ra iskusstvovedeniya* [Directing multimedia (genesis, specificity, aesthetic principles). Art Criticism Doct. Diss.]. St. Petersburg, 2004. 334 p.

10. Derrida J. *Speech and Phenomena and Other Essays on Husserl's Theory of Signs*. Northwestern University Press, 1973. 166 p. (Russ. ed.: Derrida Zh. *Golos i fenomen i drugie raboty po teorii znaka Gusserlya*. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 1999. 208 p.)
11. Abramyan E.A. *Dolgo li ostalos' nam zhit'? Sud'ba tsivilizatsii* [How long do we have to live? The fate of civilization]. Moscow, Terika Publ., 2006. 536 p.
12. Briggs A., Cobley P. (eds.) *The Media: an introduction*. Longman, 1998. 449 p. (Russ. ed.: *Media: vvedenie*. Tr. by Yu.V. Nikulichev. Moscow, Yuniti Publ., 2005. 550 p.)
13. Graber D.A. *Mass Media and American Politics*. Washington, D.C., CQ Press, 2002. 441 p.
14. Bychkov V.V. *Estetika* [Aesthetics]. Moscow, Gardarika Publ., 2002. 556 p.
15. Jaspers K. *Vom Ursprung und Ziel der Geschichte*. München & Zürich, 1949. (Russ. ed.: Yaspers, K. *Smysl i naznachenie istorii*. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 527 p.)
16. Lyashenko T.V. *Mul'timediynye tekhnologii v bibliotechnom obrazovanii* [Multimedia technology in library education]. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University Publ., 2010. 304 p.
17. Belyaev I. *Spektakl' dokumentov : otkroveniye televideniya* [Performance of documents: revelations of TV]. Moscow, Geleos Publ., 2005. 343 p.
18. Bagdikian B.H. *The Media Monopoly*. Boston, Mass., Beacon Press, 2000. 288 p.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ РЕЧЕВОГО ИСКУССТВА РИТОРИЧЕСКОГО ТИПА

Аргументирована культурно-историческая обусловленность речевого искусства театра. Объектом размышлений избраны образцы речевого искусства театра, относимые к системе стандартов «Парадигма красноречия». В качестве предмета размышлений предпочтение отдано эстетическим и идеологическим критериям оценки указанных образцов речевого искусства театра. Автором сформулированы дифференцированные критерии, предназначенные для выявления принадлежности образцов речевого искусства к системе стандартов «Парадигма красноречия» (риторическому типу).

Ключевые слова: речевое искусство театра; система стандартов «Парадигма красноречия»; риторический тип; критерии оценки.

В настоящее время для искусства в целом не характерно эстетическое и идеологическое единство. Нетрудно заметить отсутствие указанной целостности и в российском театральном искусстве рубежа XX–XXI столетий. Идеологическая и эстетическая разобщенность наблюдается также в публичной речевой культуре. Аргументация этого факта подробно изложена в монографии «Парадигмы сценической речевой культуры XX столетия», опубликованной автором данной статьи [1]. Проведенное исследование позволяет утверждать, что в целом типологию публичной речевой культуры представляют две системы стандартов (парадигма красноречия и парадигма драматизма) и пять типов (или концептуальных моделей): три основных и два модифицированных. К основным типам относятся: риторический, психолого-реалистический, условно-театральный. К модифицированным типам – два варианта контаминации психолого-реалистического и условно-театрального типов: 1) модификация с особым вниманием к раскрытию и воплощению сенситивных ценностей; 2) модификация с особым вниманием к раскрытию и воплощению идеациональных ценностей. В соответствии с этим и речевое искусство российского театра (как частное проявление публичной речевой культуры и театрального искусства) живет и развивается одновременно в нескольких ценностных ориентирах. Эти обстоятельства препятствуют использованию единых мерок в оценке речевого искусства и актуализируют разработку дифференцированных критериев. Речь идет о критериях оценки образцов речевого искусства, объединенных едиными эстетическими и идеологическими скрепами.

Абсолютное решение такой задачи в рамках одной статьи невозможно, однако определение дифференцированных критериев оценки для какой-то одной части речевого искусства, объединенной одними эстетическими и идеологическими скрепами, вполне реально. Опираясь на разработанную нами типологию публичной речевой культуры, концепцию действия двух систем стандартов, а также таблицу признаков звучания образцов речевого искусства, свойственных разным парадигмам и типам речевого искусства, сосредоточимся на аргументации эстетических и идеологических критериев оценки образцов речевого искусства риторического типа.

Такой выбор продиктован ранним формированием и устойчивостью речевого искусства риторического типа.

Названный тип оформился в античности, наибольшего расцвета достиг в период французского классицизма, в настоящее время продолжает оставаться частью речевого искусства. В типологии публичной речевой культуры риторический тип является концептуальной моделью системы стандартов «Парадигма красноречия». Здесь нужно отметить, что особенность парадигмы красноречия состоит в ее целостности и опоре лишь на одну концептуальную модель – риторический тип. Поэтому в дальнейших своих рассуждениях мы будем использовать термин «риторический тип» для уточнения более общего понятия «парадигма красноречия».

В России образцы речевого искусства, соответствующие риторическому типу, занимали крепкие позиции благодаря классической эстетике, выполнявшей функции его мировоззренческой основы. Наряду с классической эстетикой прочные позиции риторического типа обеспечивались идеологией государственного устройства Советской России. И классическая эстетика, и советская идеология обусловили близость художественной культуры советского периода к галантно-этикетной эпохе классицизма. Нормативность, опора на канон (особенно характерная для французского рационального метода) оказались созвучными и всей художественной культуре советского периода в целом, и речевому искусству в частности. Риторический тип постепенно уступил свое первенство лишь в связи с развитием категорий неклассики и разрушением советской идеологии.

На рубеже XX–XXI столетий образцы, соответствующие риторическому типу, занимают в общей диаграмме речевого искусства сектор, который можно обозначить как консервативное направление. Поэтому дифференцированные критерии оценки речевого искусства риторического типа выступают в качестве инструментария, позволяющего выявлять и аргументировать консервативные тенденции в речевом искусстве.

Итак, цель статьи – аргументация культурно-исторической обусловленности эстетических и идеологических критериев оценки речевого искусства театра, принадлежащего системе стандартов «Парадигма красноречия» (риторическому типу). Объект размышлений – образцы речевого искусства театра, относимые к системе стандартов «Парадигма красноречия» (риторическому типу). Предмет размышлений – эстетические и идеологические критерии оценки указанных образцов речевого искусства театра.

Как уже было отмечено выше, современное речевое искусство развивается одновременно в нескольких ценностных ориентирах. Поэтому всякий образец речевого искусства имеет свою философскую, эстетическую, технологическую платформу, соотносится с определенной шкалой оценки и, следовательно, может быть идентифицирован при помощи установленного набора эстетических и идеологических критериев. Для аргументации дифференцированных критериев воспользуемся ранее опубликованной таблицей признаков звучания образцов речевого искусства [1]. В соответствии с указанной таблицей к признакам звучания образцов речевого искусства системы стандартов «Парадигма красноречия» (риторического типа) относятся: внешнее изящество, эмоционально-чувственная дистанция от идей и фактов транслируемого текста, однозначность смысла, установка на монолог, пафосная воодушевленность. Названные признаки вполне корреспондируются с эстетическими и идеологическими критериями оценки образцов речевого искусства парадигмы красноречия (риторического типа). Мировоззренческую основу критериев оценки, как и самих образцов речевого искусства парадигмы красноречия (риторического типа), обуславливают, прежде всего, идеи, составившие классическое понимание научной рациональности и классической эстетики.

Распространение этих идей первоначально происходило благодаря античной культуре, впоследствии этому содействовал классицизм. Философия классицизма основывалась на принципах рационализма, на представлениях о разумной закономерности мира, на выражении идей большого общественного содержания, возвышенных героических и нравственных идеалах. Не случайно Ю.Б. Боров называет философским основанием театрального классицизма учение основоположника философской мысли Нового времени Рене Декарта с его принципом членить целостности [2. С. 197]. Идеи Рене Декарта, идеи классической рациональности посредством художественной культуры в целом и театрального классицизма в частности проросли в методологии речевого искусства и нашли выражение в декламационном стиле. Конечно, на рубеже XX–XXI столетий декламационный стиль утратил свою прежнюю актуальность, но приближенные к нему образцы речевого искусства не сошли на нет, они встречаются в настоящее время в речевом искусстве актера и речевом искусстве чтеца. Звучание этих образцов отличает рациональный характер.

Здесь необходимо подчеркнуть, что наше указание на рациональный характер речи не исключает в ней присутствия эмоционального напряжения. Акцентируя внимание на рациональном характере речевого искусства, мы имеем в виду не отсутствие эмоций, а особенности их природы, которую отличает жесткая регламентация, преобладание интеллектуального усилия над чувственным напряжением. Рациональное по своей природе речевое искусство в настоящее время называют риторическим. На рубеже XX–XXI столетий самым ярким примером речевого искусства риторического типа декламационного стиля (имеющим своих поклонников в современной театральной культуре) является речевое искусство «Комеди Франсез». Для подтверждения приведем пример из реальной практики современного театрально-

го искусства – спектакль по одноименной пьесе Бомарше «Женитьба Фигаро» (режиссер Кристоф Рок) театра «Комеди Франсез»¹. Обращение к вышеназванному спектаклю (поставленному в русле традиций классицистского театра) продиктовано его принадлежностью риторическому типу речевого искусства.

Анализ прессы о гастролях прославленного театра «Комеди Франсез» в рамках Года Франции в России позволяет очень явно ощутить позитивные стороны риторического типа. Авторы практически всех статей, посвященных вышеназванному спектаклю, указывают на три факта. Первый: сосредоточенность на сохранении традиций. Второй – внимательное отношение к тексту пьесы. Третий – хорошее качество сценической речи. В одной из публикаций читаем: «На спектакле “Комеди Франсез” понимаешь, что такое на самом деле профессионализм. Лакмусовая бумажка в данном случае – сценическая речь. В наших театрах бывает, что зрители кричат актерам: “Громче!” Здесь же сочно и ярко звучит каждое слово» [3]. Остановившись на факте «хорошее качество сценической речи», отметим условия трансляции слова в указанном спектакле. Во-первых, актеры «Комеди Франсез» говорят (действительно, как это принято в традициях классицистского театра) только на авансцене, только развернутыми в фас к зрителям (т.е. отсутствует четвертая стена, осуществляется прямое общение со зрительным залом). Во-вторых, речи актеров ничего не мешает: ни сценография (она вполне проста: сцена не загромождена большим количеством поглощающих звук предметов), ни пластика тела. Пластика тела не выступает препятствием к звучанию и речеобразованию, потому что она минимальна. К пластической партитуре относятся лишь жесты, немногочисленные и несложные. Например, такие как протянутая вперед рука или протянутые вперед обе руки. Как отметила искусствовед Н. Таршиш², жесты старинной литографии. То есть пластика вполне статична. Она не затрудняет процесс звукообразования. В-третьих, режиссер изначально выбирает своим приоритетом слово. К тому же высокая оценка речевого мастерства в данном случае очень относительна. Речевое мастерство актеров «Комедии франсез» достойно всяких похвал в контексте системы стандартов «Парадигма красноречия». Высказанную мысль косвенно подтверждает один из самых авторитетных специалистов в области речевой подготовки актеров, заведующий кафедрой сценической речи Санкт-Петербургской академии театрального искусства В.Н. Галендеев: «Есть две функции речи в театре. Одна функция – чисто эстетическая, декоративная, и с этой точки зрения более всего важны красота тембра, полнотонность, безукоризненная слышимость, фонетическая полнота. Долгое время все были убеждены, что “декоративность” и есть важнейшая функция сценической речи. О второй функции до Станиславского никто специально не задумывался. Я имею в виду сценическую речь как проводник непосредственного психологического импульса, речь, отражающую внутреннее содержание момента. На практике актеры, конечно, так или иначе передавали эту жизнь образа в своей речи, но это происходило почти неосознанно. Традиционная декламация, идущая от французов, от “Комедии франсез”, от

консервативной парижской школы, обеспечивала благозвучие и не вникала в эту проблематику. Станиславский – первый человек, который задумался о том, как сохранить красоту и звучность сценической речи, но при этом добиться, чтобы это было не в ущерб передаче живого психологического импульса» [4. С. 346–347]. Здесь мы можем сделать один из важных выводов: риторический тип речевого искусства – это модель, в которой главной ценностью изначально является текст. Даже не слово, а озвученный актером текст. Речь актеров театра «Комеди Франсез» в спектаклях классицистской драматургии в XXI столетии по-прежнему риторична. Она содержит все признаки, по которым идентифицируется речевое искусство риторического типа, принадлежащее системе стандартов «Парадигма красноречия». Идеологическая основа речевого искусства «Комеди Франсез», безусловно, уходит своими корнями в рациональный способ познания. Выразительность речевого искусства актеров «Комеди Франсез» опирается на логический тип мышления. Частными законами выразительности речевого мастерства актеров «Комеди Франсез» управляют принципы рациональности, нормативности, иллюстративности, самодостаточности. Речевое искусство актеров «Комеди Франсез» в спектаклях классицистской драматургии (как и в период расцвета французской декламационной культуры) служит ярким примером соответствия идеям классической рациональности и классической эстетики.

Существование идей классической рациональности и классической эстетики органично. Дополняя друг друга, они определяют идеологические и эстетические критерии речевого искусства. Если идеи классической рациональности послужили оформлению критериев, выявляющих характер речевого искусства (рациональность, нормативность, иллюстративность, самодостаточность), то идеи классической эстетики – оформлению критериев звучания (акустических параметров). По сути дела, категории классической эстетики определили признаки звучания образцов речевого искусства риторического типа, а также эстетические критерии их идентификации.

Пожалуй, самым характерным, показательным критерием при идентификации речевого искусства риторического типа следует считать внешнее изящество (или благозвучие). Этот признак требует соблюдения конкретного свода правил логики, орфоэпии и орфофонии. При этом способы обеспечения благозвучия на протяжении многих культурно-исторических периодов (и античности, и классицизма, и периода XXI столетия) в главных своих приемах сохранились без изменений. Под благозвучием всегда понимали комфортное для слуха. Во времена античности наиболее рельефным выражением благозвучия считали певческую, распевную и речитативную формы голосоведения (особенно свойственные декламационному стилю древнегреческого театра). В речевом искусстве указанного периода сценические голосо-речевые мелодии слагались на основе грамматических ударений, имеющих стабильную, общеизвестную тонировку, которая усваивалась в процессе обучения чтению. Кроме того, большие размеры театра, а также расположенная под открытым небом сцена требовали увеличенной силы и полетности звука.

Именно эти качества выгодно отличали вокальную речь от ее разговорного аналога. Правда, на более поздних этапах развития, например в римском театре, актеры уже не пели, а говорили. Произошло снижение актуальности мелодики и укрепление значимости ритма, что объяснялось его более мощными суггестивными возможностями. Причина смены вокализированного звучания речевым аналогом состоит в упрочении позиций риторической ориентации речевой культуры. Что в свою очередь обусловлено развитием государственности и укреплением идеологической функции искусства. Предпочтительным акустическим свойством, а значит, и эстетическим критерием его оценки становилось благозвучие, опиравшееся уже не столько на мелодику, сколько на ритм. В голосо-речевом звучании, рационально организованном в соответствии с определенными ритмическими и тоническими закономерностями, виделась возможность воздействия на зрителя. Так, критерий «внешнее изящество (или благозвучие)», претерпев изменения уже в период античности, тем не менее сохранил свои позиции в качестве характерного признака речевого искусства и был органично воспринят речевым искусством французского классицизма и впоследствии длительное время ревностно охранялся традиционным европейским театром.

Критерий «внешнее изящество (или благозвучие)» тесно связан с признаком «эмоционально-чувственная дистанция от идей и фактов транслируемого текста». Это объясняется определяющим влиянием на образцы речевого искусства риторического типа классической эстетики, а точнее – влиянием категории прекрасного. Вербальное проявление далеко не всех эмоций характеризует внешнее изящество и благозвучие. Подчас вербальный аналог мыслей и чувств вовсе не отвечает требованиям категории прекрасного, не соответствует законам красоты. Как известно, многие эмоции способны блокировать приятное для слуха звучание голоса и речи. В целях сохранения благозвучия в отдельных случаях необходимо держать эмоции под контролем, а значит, сохранять эмоционально-чувственную дистанцию от идей и фактов транслируемого текста, иными словами – рационально управлять своим голосо-речевым аппаратом. Поэтому критерии «внешнее изящество (или благозвучие)» и «эмоционально-чувственная дистанция от идей и фактов транслируемого текста» зависимы друг от друга.

Однако для идентификации образцов речевого искусства парадигмы красноречия (риторического типа) двух указанных критериев явно недостаточно. Желая установить связь между названной категорией классической эстетики и другими критериями оценки речевого искусства, воспользуемся размышлениями В.В. Быčkova. Исследователь суммирует взгляды мыслителей и художников разных эпох на законы красоты и отмечает: «Уже с античности мыслители и художники пытались вычленишь и как-то описать, дефинировать “законы” и “правила” красоты, среди которых чаще всего фигурировали такие характеристики, как *гармония, совершенство, мера, соразмерность, порядок, симметрия, пропорция, число, ритм, равенство, доброцветность, “золотое деление”, конкретные пропорции, типы линий (S-образная линия, например), блеск, сияние, свет, цветовые отношения, музыкаль-*

ные созвучия, определенные соотношения частей и целого и т.д. и т.п.» (курсив авт. – Н.П.) [5. С. 143]. Как видим, В.В. Бычков не стремится к жесткому определению законов и правил красоты, но останавливается на характеристиках, выступающих в качестве ориентиров. Многие из приведенных здесь характеристик по своей семантической природе являются близкими, дополняющими друг друга, поэтому не будем искать для каждой из них аналог критерия оценки речевого искусства. Выявим соответствия между вышеприведенными характеристиками и критериями оценки речевого искусства парадигмы красноречия (риторического типа). Заметим, что некоторые из характеристик, указанных В.В. Бычковым, корреспондируются не с одним, но одновременно с несколькими критериями оценки. Например, характеристике законов и правил красоты «гармония» (проявляющейся через соразмерность, ритм, музыкальные созвучия) наиболее точно отвечают два названных выше критерия оценки: «внешнее изящество (или благозвучие)» и «эмоционально-чувственная дистанция от идей и фактов транслируемого текста».

Характеристикой «порядок» (обнаруживающей себя через симметрию и пропорции) обусловлен критерий оценки «однозначность смысла» (или ясность мысли). Прежде всего, подчеркнем, что указанный критерий оценки речевого искусства риторического типа достаточно устойчив. Он оформился в период античности и продолжает сохранять свои позиции вплоть до настоящего времени. Однозначность смысла (или ясность мысли) предполагает предельную логическую упорядоченность в процессе речевого акта, поэтому указанный признак также соотносится с требованием категории прекрасного и служит идентификации образов речевого искусства риторического типа. В этих образцах реализуемая посредством слова мысль обязана удовлетворять требованиям предельной понятности, однозначности вкладываемого смысла. Абсолютная ясность мысли возможна лишь вне сомнений, связанных с метаниями между противоположными позициями. Отсутствие метаний оборачивается, как правило, эмоционально-чувственной инертностью, пассивностью индивидуально-личностного процесса мышления и определяет неглубокое, поверхностное отношение актера к произносимому тексту. В то время как деятельный процесс мышления всегда сопряжен с отсутствием однозначности понимания того или иного события, муками поиска истины. Результатом такого принципа мышления в условиях публичности становится многозначность возникающих в речи смыслов. Тогда как ход размышлений в опоре на общепринятое мнение обеспечивает однозначность транслируемого смысла, предельную понятность и абсолютную ясность мысли. Опора на общеизвестное и общепринятое эффективнее всего способствует установлению для каждого элемента (вещи, явления, тезиса) совершенно конкретного места (отношения), обеспечивает однозначность транслируемого смысла, абсолютной ясности мысли. Подтверждение находим у О. Шпенглера. Сравнивая античную и западную трагедию (драмы Шекспира и Софокла), известный философ О. Шпенглер отмечал: «Попробуем развернуть экспозицию “Гамлета” или “Лира” и срав-

нить с экспозицией драм Софокла. Она сплошь психологична, а не только сумма внешних дат. О том, что мы теперь называем психологом, что для нас почти равнозначуще с понятием поэта, греки не имели никакого представления. Анализ им был также мало доступен в математике, как и в душевной сфере, да оно и не могло быть иначе по отношению к античной душе. “Психология” – это настоящее слово для обозначения западного способа создавать человеческие образы. <...> Никакая другая культура не знает ничего подобного. Это – именно то, что было строжайше исключено из группы античных искусств» [6. С. 414]. В речевом искусстве психологизм наиболее полно смог выразиться только в контексте художественной культуры XX столетия. Проявлению тенденций психологизма в отдельных образцах речевого искусства, безусловно, способствовали идеи романтизма и реализма. Однако до XX столетия технология совершенствования речевой культуры не имела разработанного и проверенного практикой способа анализа художественного текста, опирающегося на осмысление душевной сферы персонажа. Отсутствие такого анализа препятствовало преодолению эмоционально-чувственной инертности, пассивности глубинного, индивидуально-личностного процесса мышления в речевом искусстве.

Тезис обусловленности признака «однозначность смысла» (или ясность мысли) опорой на общеизвестные, общепринятые, установившиеся в обществе взгляды подтверждает немецкая исследовательница Р. Мерманн на материале французского классицизма. Рассматривая искусство актеров в контексте различных современных дискурсов, она отмечает, что в период французского классицизма театр был учрежден как идеальное средство информации для наглядного проявления и упрочения власти. Р. Мерманн отмечает: «В этой представительской системе актеры действовали для демонстрации эмоций, но условленных эмоций, точно установленных чувств. Не индивидуальные подлинные чувства подлежали демонстрации, а те, которые считались уместными в определенной эмоциональной ситуации в согласии с господствовавшими правилами *vraisemblance* (правдоподобие) и *bon gout* (тонкий вкус): сочувствие, например, отделенное от конкретного случая, от непредсказуемости естественного ощущения, как сделанное выражение неких условных чувств, которые ведут свой род от античности и которые воскресила культура Ренессанса» (курсив авт. – Н.П.) [7. С. 286]. Приоритет чувства, уместного в определенной ситуации, тесно связан с установкой на абсолютную ясность мысли и свидетельствует о рациональном характере речевой культуры.

Рациональность, нормативность, сосредоточенность на общепризнанном (подчас на «буквальном») смысле поддерживались и системой суфлерства, решавшей проблему присвоения авторского текста. Благодаря суфлеру актер имел возможность знать авторский текст лишь приблизительно. В определенном смысле система суфлерства служила препятствием для глубокого погружения актера в суть мыслей и чувств автора художественного текста. Это было возможно потому, что выявление довербальных основ авторского текста во все не считалось нормативом речевого искусства

вплоть до XX столетия (вплоть до оформления новой системы стандартов – парадигмы драматизма). Нормативы парадигмы красноречия ограничивались иллюстрацией сюжета – т.е. передачей неглубокого, поверхностного слоя авторского текста. Правда, особое внимание уделялось качеству самой иллюстрации.

Здесь хотелось бы уточнить, что под иллюстративностью речевого искусства мы понимаем повествовательность, сосредоточенность на сюжете как на основном объекте внимания при сценической трансляции авторского текста. Именно сюжет воспринимается в первую очередь и поэтому выступает как наиболее легко «считываемый» смысл, а значит как поверхностный слой текста. Сосредоточенность на сюжете отчасти обуславливал литературоцентризм, он обеспечивал самооценку авторского слова. Иллюстративность звучащего слова в системе координат парадигмы красноречия выступала в качестве нормы. Как уже было отмечено, в речевом искусстве эта установка подверглась мощной ревизии лишь в XX столетии, при оформлении новой системы стандартов – парадигмы драматизма. Однако в речевом искусстве любого культурно-исторического периода всегда находятся образцы, в которых главной ценностью является иллюстрация сюжета, а значит трансляция легко «считываемого» смысла, поверхностного слоя текста. В настоящее время встречаются примеры речевого искусства, в которых мастерство проявляется в иллюстрации сюжета, в иллюстрации авторского текста. Современные педагоги сценической речи для обозначения указанной тенденции нередко используют термин «рисует текст». На рубеже XX–XXI столетий иллюстрирование текста расценивается не только как проявление консерватизма, как антипод действия. Однако еще раз подчеркнем, действенность – это признак речевого искусства совершенно иной системы стандартов – парадигмы драматизма. Поэтому негативная оценка образцов речевого искусства, в которых главным является мастерство иллюстрации, объективна лишь в системе координат парадигмы драматизма. В то время как из шкалы ценностей парадигмы красноречия речевое искусство, иллюстрирующее сюжет, не выбивается.

Но обеспечению признака «однозначность смысла» служила не только опора на общепринятое мнение, использовался также и ритм (как уже было отмечено выше). Он помогал структурировать авторский текст, делить его композиционно, а также последовательно разворачивать, обобщать мысль, выделять главное и второстепенное в сценическом речевом высказывании. Ритм являлся лекалом построения фразы, композиции текста, определял пропорциональность и симметричность речи. Ритмическое членение текста, симметричное построение фразы с одинаковыми окончаниями ввел оратор Горгий. В свою очередь другой оратор, Исократ, развивая принципы, выдвинутые Горгием, выработал основные принципы композиции ораторского произведения. Цицерон был убежден в том, что на ритм следует опираться и в процессе исполнения речей: «...от природы нашему сознанию ничто так не сродно, как ритмы и звуки голоса, которые нас и возбуждают, и воспаляют, и успокаивают, и расслабляют, и часто вызывают в нас и радость и печаль» [8.

С. 245]. Таким образом, в целях достижения абсолютной ясности мысли ритм использовался, с одной стороны, в процессе обработки текстологической основы публичной речи (ораторов и актеров), а с другой – в процессе исполнения.

Характеристика «порядок» обуславливает не только критерий «однозначность смысла» (или ясность мысли), но предопределяет особенности процесса высказывания и выбор предпочтительной для образцов речевого искусства риторического типа монологической формы речи. Исходя из того, что порядок – это отсутствие дисгармонии, борьбы противоположностей, а значит – конфликта, вполне закономерно рассматривать монолог как форму речевого высказывания, более всего соответствующую гармоничному мироощущению в условиях публичности (в отличие от диалога и полилога). Поэтому критерий «установка на монолог» вполне корреспондируется с характеристикой «порядок». Но не только характеристикой «порядок» обусловлен критерий «установка на монолог».

Нужно сказать, что в риторическом типе речевой культуры монологичная форма речи (пусть не во всех видах речевой культуры в равной мере) занимала крепкие позиции. Сразу уточним, что речь идет о монологе не столько как о внешней форме речи, сколько как о психологической особенности процесса высказывания. Под критерием «установка на монолог» мы имеем в виду внутренние мотивации вербального акта, где важна лишь передача объема информации, а не вступление в процесс взаимодействия, где присутствует категоричная трансляция убеждений с задачей подавления иных позиций. Установка на монолог проявляется в нацеленности говорящего на собственный вербальный акт, при котором от слушателей не требуется ответной реакции и вступления в диалог. Установка на монолог – это процесс высказывания без учета голосо-речевых реакций на внешние и внутренние события и поступки партнеров по сцене. Таким образом, под критерием «установка на монолог» понимается признак самодостаточности вербального акта без учета ответной речевой реакции реального или потенциального партнера.

Наряду с указанными критериями, характеризующими речевое искусство риторического типа, следует назвать и признак «пафосная воодушевленность». Соотнесем этот критерий с идеями классической эстетики. Полагаем, он более всего корреспондируется с такими характеристиками законов красоты, как блеск и сияние, и такой категорией классической эстетики, как категория возвышенного. Впервые термин «пафос» (как риторическая категория) был полно разработан Аристотелем. В трактовке Аристотеля пафос представлял собой прием, при котором эстетика повествования передается через трагедию героя. В речевом искусстве категория возвышенного проявлялась наиболее рельефно в жанре театральной трагедии (как античной, так и классицистской). Позднее, в работах Гегеля, понятие пафоса расширилось. Оно вмещало в себя не только трагическую, но и торжественную эстетику. В качестве критерия оценки образцов речевого искусства мы понимаем под пафосом в нем же проявление страстного воодушевления. Особенность пафосного звучания состоит в том, что говорящий провоцирует

зрителя на эмоции, но сам при этом не открывает до конца своих собственных чувств. Р. Мерманн, анализируя высказывание Гете о необходимости стремления актера в своей игре к высокому и духовному, делает вывод: «Вот, оказывается, что самое главное: театр должен распространять высокое и духовное, и в повседневном постоянно должно просвечивать возвышенное, во всяком случае, в трагедии. Комедию можно показывать более реалистично. Здесь более естественно можно использовать жестикуляцию и голос. Такое строгое разграничение жанров также восходит к традиции античности... <...> Актер должен овладеть всеми этими приемами, чтобы не погрешить против современной ему эстетики классицизма. Как и поэту, скульптору или живописцу, ему следует не слепо подражать природе, не демонстрировать ее в грубой, непредсказуемой прямоте, а постоянно идеализировать и соединять истинное с прекрасным. Искусство не должно иллюстрировать жизнь, оно должно возвышать ее. Этого должен достигать в своей игре и артист театра» [7. С. 287]. Указанная общая эстетическая установка обусловлена категорией возвышенного, которая рассматривается как конкретная общепринятая интеллектуальная доминанта мышления. Она свойственна образцам речевого искусства парадигмы красноречия (риторического типа).

Заметим по ходу, что в противоположность сказанному в контексте категорий неклассики сосредоточение искусства на идеальных формах проявления жизни

будет определяться как пафосное и не соответствующее истине (ложное). В какой-то мере регулирование речевого искусства категорией возвышенного дает основание рассуждать о внимании не только к изяществу внешней формы звучащего слова, но и к его содержательной основе. Однако в полной мере содержательность не исчерпывается категорией возвышенного. Причиной является непокрываемость этой категорией полного объема сущностной интеллектуально-чувственной природы человека. Это обуславливает во многом декоративную (а значит – внешнюю) выразительность образцов речевого искусства, мировоззренческой основой которых выступает категория возвышенного.

Аргументированные в данной статье дифференцированные критерии предназначены для выявления принадлежности образцов речевого искусства, соответствующих системе стандартов «Парадигма красноречия» (риторическому типу). К указанным критериям относятся «внешнее изящество (или благозвучие)», «эмоционально-чувственная дистанция от идей и фактов транслируемого текста», «однозначность смысла», «установка на монолог», «пафосная воодушевленность». Идеология и эстетика в критериях оценки речевого искусства связаны. Каждый критерий одновременно является и выражением идей научной рациональности, и выражением классической эстетики. Дифференцированные критерии служат идентификации и объективной оценке образцов речевого искусства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Спектакль по одноименной пьесе Бомарше «Женитьба Фигаро» (режиссер Кристоф Рок) театра «Комеди Франсез» был показан в разных российских городах в рамках Года «Франция – Россия. 2010».

² Автор данной статьи знакома с Надеждой Таршиш и беседа состоялась после показа спектакля «Женитьба Фигаро» в Александринском театре в Санкт-Петербурге в 2010 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прокопова Н.Л. Парадигмы сценической речевой культуры XX столетия. Кемерово ; Москва : Российские университеты: Кузбассвуиздат – АСТШ, 2008.
2. Боров Ю.Б. Эстетика : в 2 т. 5-е изд., доп. Смоленск : Русич, 1997. Т. 2.
3. Копылова В. Москву обуяла «Комеди Франсез». URL: <http://www.mk.ru/culture/article/2010/10/14/536796-moskvu-obuyala-komedi-fransez.html> (дата обращения: 22.07.2013).
4. Галендеев В.Н. Не только о сценической речи. СПб. : СПГАТИ, 2006.
5. Бычков В.В. Эстетика: краткий курс. М. : Проект, 2003.
6. Шпенглер О. Закат Европы. Образ и действительность. Новосибирск : Наука, 1993. Т. 1.
7. Мерманн Р. И превозносят их, и ругают. Актеры в зеркале театральной науки (1990) / пер. И.Г. Беляевой // Театроведение Германии: система координат / сост.: Э. Фишер-Лихте, А. Чепуров. СПб., 2004. С. 282–300.
8. Цицерон М.Т. Об ораторе // Три трактата об ораторском искусстве. М. : Наука, 1972.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 20 января 2014 г.

CULTURAL-HISTORICAL CONDITIONALITY OF ASSESSMENT CRITERIA FOR SPEECH ARTS OF THE RHETORICAL TYPE

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 101-107 DOI: 10.17223/15617793/381/16

Prokopova Natalia L. Kemerovo University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: n-prokopova@kemnet.ru

Keywords: theatre speech arts; standards system "Paradigm of oratory"; rhetorical type; assessment criterion.

Cultural-historical conditionality of aesthetic and ideological assessment criteria for theater speech arts in the is argued in this article. The problems of the ideological and aesthetic distancing of the public speech culture and of the simultaneous development of Russian theatre speech arts in several axiological aspects are considered here. The author of the article bases on the previously published works, in which the typology of public speech culture is developed, the concept of two systems of standards is demonstrated, sound signs of speech arts patterns of different paradigms and types of speech arts are identified. The object of the reflection of this article is the theater speech patterns considered as a system of standards named the Paradigm of Oratory. Its peculiarity consists in integrity and reliance on a single conceptual model – a rhetorical type. Attention has been focused on the rhetorical type examples in the proposed materials. The author motivates her choice by the early formation of the speech arts of the rhetorical type. According to the author, the rhetorical type

formed in Antiquity, flourished during the period of French classicism, and now it continues to be a part of speech arts. The rhetorical type patterns represent the conservative direction in common speech. Aesthetic and ideological assessment criteria for the explained theatre speech patterns are the subject of the article. The author points out the interconnection between the ideological and aesthetic dominants in forming the assessment criteria for speech arts. There are differentiated criteria for identifying speech patterns as complying with the Paradigm of Oratory standards in the article. External grace (euphony), the emotional-sensual range of ideas and facts of the translated text, simple meaning, the aim at the monologue, pathetic inspiration are parts of the Paradigm of Oratory. Each criterion simultaneously expresses the ideas of scientific rationality and classical aesthetics. The differentiated assessment criteria of the speech arts of the rhetorical type are considered as the tools to identify and articulate the conservative trends in speech arts. Differentiated criteria serve to identify the speech arts patterns and their objective assessment.

REFERENCES

1. Prokopova N.L. *Paradigmy stsenicheskoy rechevoy kul'tury XX stoletiya* [Paradigms of the scenic speech culture of the 20th century]. Kemerovo, Moscow, Izdatel'skoe ob"edinenie "Rossiyskie universitety" Publ., Kuzbassvuzizdat-ASTSh Publ., 2008.
2. Borev Yu.B. *Estetika* [Aesthetics]. In 2 vols. Smolensk, Rusich Publ., 1997. Vol. 2.
3. Kopylova V. *Moskvu obuyala "Komedi Fransez"* [Moscow is obsessed with La Comedie Francaise]. Available at: <http://www.mk.ru/culture/article/2010/10/14/536796-moskvu-obuyala-komedi-fransez.html>. (accessed 22.07.2013)
4. Galendeev V.N. *Ne tol'ko o stsenicheskoy rechi* [Not only on the scenic speech]. St. Petersburg, SPGATI Publ., 2006.
5. Bychkov V. V. *Estetika: kratkiy kurs* [Aesthetics: a short course]. Moscow, Proekt Publ., 2003.
6. Spengler O. *Der Untergang des Abendlandes. Gestalt und Wirklichkeit*. Wien, Leipzig, Braumuller, 1918. Vol. 1. (Russ. ed.: Shpengler O. *Zakat Evropy. Obraz i deystvitel'nost'*. Novosibirsk, VO "Nauka" Publ., 1993. Vol.1.)
7. Mermann R. *I prevoznoyayt ikh, i rugayut. Aktery v zerkale teatral'noy nauki* [They praise them and abuse them. Actors in the mirror of the theatrical science]. In: *Teatrovedenie Germanii: sistema koordinat* [Theatre Studies of Germany: coordinate system]. St. Petersburg, 2004, pp. 282- 300.
8. Tsitseron M. T. *Ob oratore* [Cicero M.T. On the orator]. In: *Tri traktata ob oratorskom iskusstve* [Three treatises on the oratory]. Moscow, Nauka Publ., 1972.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННО-АССОЦИАТИВНОГО КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ ЕГО МУЗЫКАЛЬНО-ЗВУКОВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК)

Представлена модель художественно-ассоциативного культурного ландшафта города на основе трех основных компонентов: архитектуры, скульптуры и живописи. Обладая универсальностью, данная модель может использоваться как структурная решетка для исследования графики, декоративно-прикладного искусства, искусства дизайна или садово-паркового искусства и т.д., она функционирует как код, как интерпретационная решетка, порождающая различные новые сообщения. Новое содержание культурного ландшафта порождает новые перспективы его практического и теоретического применения как благодатной воспитательной и просветительской среды.

Ключевые слова: культурный ландшафт; ассоциации; архитектура; скульптура; живопись; модель.

Культурный ландшафт, учитывая множество различных классификаций, имеет несколько наиболее общих составляющих: природный, рукотворный и ассоциативный. Если первые две составляющие представлены в литературе достаточно хорошо, то ассоциативный ландшафт – категория самая расплывчатая, сложно определяемая и классифицируемая, но и самая сложная и привлекательная для представителя гуманитарных наук. Учитывая тот факт, что любая культура имеет собственные, уникальные пространственные измерения, получается, что эти измерения выражаются не только в конкретных географических условиях, в которых развивается культура, но и в определенных образах пространства (географических образах), порождаемых изучаемой культурой [1]. Поэтому в ассоциативном (образном) культурном ландшафте мы выделили сферу, связанную с ассоциациями, формируемыми художественным образом, так или иначе отражающими или выражающими специфику территории, с целью привести эту сферу к какой-либо универсальности и константе. Из всех видов искусств наибольшей универсальностью обладает музыка, так как эйдосы музыки содержат не «чувства», а «интуитивно данную и явленную смысловую сущность вещей», «смысловое изваяние предмета», «мысленную картину живой связи вещей» [2. С. 429]. Подобное накопление в музыке определяющих признаков архитектуры, скульптуры и живописи позволяет нам признать музыкальное искусство и музыкально-звуковые характеристики наиболее емкими, общими, первичными характеристиками любого художественного образа. Кроме этого, в отличие от материальности архитектуры, скульптуры, живописного цвета, который тоже есть модус материи, музыкальные тоны у человека и животных есть модус общества. Например, так называемое «пение» птиц граничит с языком, так как служит для выражения и коммуникации. Музыкальные звуки, таким образом, остаются единственными проявлениями культуры. Это своего рода линия демаркации между природой и культурой [3. С. 26–27], что дает возможность выйти за узкие рамки искусства и получить гораздо более широкие границы для обобщений – границы культуры. Поэтому именно музыкально-звуковые характеристики художественного образа стали критерием для построения одной из возможных версий модели художественно-ассоциативного ландшафта культуры [4].

Высказывая сходную мысль, Е.В. Синцов считает, что как бы ни были разнообразны конкретные материальные формы, в которых реализуется художественное мышление, сохраняется его главная особенность – игра чистыми формами, предстающая в реконструировании и деконструировании пространства-времени [5. С. 33–34]. Это особый «чистый смысл», выражающий сам процесс рождения смысла как пластифицирующего усилия вопрошания. Вопрошание, в свою очередь, обращено не столько вовне, к миру вещей и предметов, сколько к самой мысли. Такая форма существования смысла в музыке приводит к тому, что он никогда не оформляется окончательно, но всегда становится, а музыка призвана зафиксировать и суггестировать эту вечно возобновляющуюся стихию смыслового порождения [5. С. 127]. Использование музыкально-звукового подхода в процессе построения модели художественно-ассоциативного культурного ландшафта города превращает его в обобщенную и подвижную генерирующую чистые формы модель (палимпсест моделей), что представляется чрезвычайно привлекательным в условиях современности. Реальное городское пространство становится «скорлупой», в которую могут вмещаться иные более мелкие и более емкие пространства, существующие по своему, только ему присущему времени. Пространственный и временной ритм города становится по-разному уплотненным, что может стать основой для создания виртуальной орнаментальной решетки(ок) – как крупной, так и мельчайшей [Там же].

Наиболее очевидным элементом ландшафта города является его архитектура. Почти всякий архитектурный комплекс представляет собой весьма сложный набор пространственных систем: одни из них имеют подчиненный характер, другие скоординированы с третьими, четвертые граничат с ними, а пятые пересекают, накладываются или окружают остальные. На максимально укрупненном уровне такой комплекс может принимать облик целого города, состоящего из распознаваемых отдельных районов, в свою очередь разнимающихся на части, обособленно подразделяющиеся на отдельные улицы, площади и здания. Всякое здание образует отдельную систему пространственных конструкций, и последовательное расчленение продолжается вплоть до обстановки комнаты, где мебель формирует свою специфическую пространственную оправу. Классическое

описание строения города, осуществленное К. Линчем [6], содержит утверждение, что подобные пространственные системы могут быть как высоко упорядоченными, так и совершенно хаотическими. Чем более упорядоченный характер приобретает объективно пространственная система, тем более совпадают образные представления людей об их окружении. Сложность пространства, формируемого архитектурой, является развивающейся системой [7. С. 11–12]. Кроме этого, в действительности данная развивающаяся система может быть скрыта от внимания еще и посторонними «шумами» [7. С. 13]. Учитывая все это, любой город фактически представляет собой необъятное поле для различных исследований, в котором множество его трактовок могут уживаться вполне успешно.

В нашем исследовании архитектуры города выделяется три основных компонента, каждый из которых можно представить как сложную развивающуюся систему – это площадь (упорядоченная система), сама композиционно формирующая музыкально-звуковое центрированное пространство; архитектурный декор зданий (хаотическая система), являющийся частью, дополнением уже существующего пространства; архитектурные циклы (хаотическая система) – музыкально-звуковые общности, покрывающие, объединяющие и выделяющие целые районы в застройке города. Об окончательной упорядоченности этих систем говорить преждевременно, так как подобная классификация проводится впервые и образные музыкально-звуковые представления людей об их окружении еще не сформированы. Тем не менее нами найдена некая структура, которая, на наш взгляд, способна привести представление о художественно-ассоциативном ландшафте города, а в перспективе и обо всем ассоциативном культурном ландшафте, к относительной целостности и стабильности.

Всякий город – это структура, а так как семиология не предполагает последних значений, во всяком культурном, а также психологическом феномене мы имеем дело с бесконечной цепью метафор, означаемое которых все время расщепляется или само становится означаемым. Разумеется, в случае города мы сталкиваемся с подвижкой и пополнением значений, но семантика города постигается не тем, кто смотрит на него как на порождающую означаемые структуру, но тем, кто в нем живет, участвуя в конкретных процессах означивания (мнение Р. Барта и Ж. Лакана) [8]. Поэтому в подобном музыкально-звуковом моделировании чрезвычайно важной становится позиция реципиента, стремящегося найти универсальные (в нашем случае музыкальные) формулы, которые заставляют его находиться в процессе постоянной рефлексии и раскодирования кодов, формируемых собственным музыкально-художественным мышлением, которым он должен обладать по определению. Такая позиция реципиента довольно сложна и редко встречается в силу доминирующего массового, потребительского сознания в силу утраты ценности гуманитарного образования, падения уровня полноты, емкости проникновения в проблему мироустройства и места человека в Мире и т.д., что одновременно делает исследование актуальным и значимым в воспитательном и просветительском ракурсах.

«Если налицо некая новая городская макроструктура, не укладывающаяся в рамки привычных представлений о городе, и ее надлежит освоить и приспособить к жизни, неизбежно встают два вопроса: это вопрос о том, как перестроить собственные базовые коды, чтобы сообразить, что делать, и вопрос о собственных идеологических возможностях, о способности вести себя принципиально по-иному. В одном случае восстанавливаются бывшие в употреблении формы, в другом – появляются новые значения формам, рожденным для преобразования, но могущим преобразиться только при том условии, что будет принято решение и избрано направление преобразования» [8. С. 144–145]. То есть помимо выработки новой идеологии (что само по себе предполагает огромную работу сознания) необходимо восстанавливать старые формы (традиции) и вырабатывать новые модели общения с ними. На наш взгляд, это созидательное отношение к окружающему само напоминает творческий процесс создания художественного произведения, игру с реальностью, что свойственно современной культуре и искусству. В самых глубинных слоях бессознательного возникает потенциальная личность, способная не только держать вещный мир в горизонтах своих антропоморфных ожиданий, но и «само-пробуждаться». Это личность, изначально способная к «воспроизводству» собственной мыслительной и смыслопорождающей энергии [5. С. 155]. Поэтому подобное моделирование приобретает аксиологическую значимость, выходя далеко за рамки просто креативной игры с реальностью.

У. Эко задается вопросом: «При исследовании коммуникативных моделей не обойтись без использования структурных решеток, если воспринимать структуру – как некое целое, в котором его части взаимосвязаны между собой?» [8. С. 164]. В связи с этим он рассматривает ряд высказываний, связанных общими установками и взаимным влиянием друг на друга, из которых следует, что структура – это модель, представляющая собой систему различий; свойством этой модели является возможность ее приложения к разным явлениям и совокупностям явлений; «структурная» методология имеет смысл только в том случае, если принимаются оба вышеупомянутых положения, только при этом условии она может осуществлять междисциплинарный анализ, открывая дорогу унификации знания и способствуя развитию отношений между различными науками [8. С. 165].

В нашем случае структура построения архитектурного художественно-ассоциативного ландшафта (центрообразующий элемент, дополнительный элемент и покрывающий элемент) применима не только к архитектуре, но и к другим областям сферы художественного (скульптуре и живописи). Исследование художественно-ассоциативного ландшафта, формируемого скульптурой [9], привело нас к выводу, что круглая городская скульптура становится центром уплотнения музыкально-звукового пространства города, рельефы дополняют, обогащают уже организованный ландшафт, а колокольный рельеф становится покрывающим элементом, формирующим новые музыкально-звуковые территории. В живописи центрообразующим элементом культурного ландшафта становится городской пей-

жаж, специфически отражающий музыкально-звуковые «находки» городской архитектуры и скульптуры, музыкально-звуковыми нюансами культурный ландшафт региона обогащают натюрморт и, отчасти, сюжетно-тематическая картина, а покрывающим элементом, охватывающим новые территории, становится портрет. Необходимо учитывать тот факт, что на законных основаниях о структуре можно вести речь только тогда, когда какие-то феномены подводятся под константную модель [8. С. 167]. В нашем случае получается, что присутствует и структура (структурная решетка), и константная модель, и структурная методология. Сведение структуры к схеме или модели, представляющей собой исключительно отношения различения, свидетельствует о ее оперативном характере в том смысле, что она может быть применена в качестве дискриптивной и интерпретационной решетки к самым различным феноменам. Структура имеет значение, если она функционирует как код, способный порождать различные сообщения... (по К. Леви-Строссу). Структурированным может считаться только расположение, отвечающее двум условиям: оно должно быть системой, наделенной внутренней связью, и эта связность, незаметная при наблюдении одной-единственной системы, обнаруживается при ее трансформации, благодаря которой в несхожих с виду системах выявляются общие черты [8. С. 167]. В нашей модели все элементы связаны между собой, общие способы связи повторяются в трех несхожих с виду системах (архитектура, скульптура, живопись). Модель может использоваться как структурная решетка, например, для исследования графики, декоративно-прикладного искусства, искусства дизайна или садово-паркового искусства и т.д., она функционирует как код, как интерпретационная решетка (в архитектуре, скульптуре и живописи), порождающая различные новые сообщения.

Итак, построенная таким образом модель художественно-ассоциативного ландшафта города позволяет:

1) противостоять «смерти» ландшафтного символа, которой предшествует предварительное его обесценивание, реализующееся посредством превращения символа в знак. Символ как бы теряет присущую ему смысловую и эмоциональную нагрузку; одновременно с этим носители культуры – субъекты восприятия – утрачивают способность пользоваться ландшафтным кодом. В наше время функцию омертвления ландшафтных образов «с успехом» выполняют массовая культура и телереклама [10];

2) способствовать укреплению идеи гармонизации сосуществования человека с окружающей средой. Для реализации этой идеи культура вырабатывает традиции, в том числе традиции жизни в ландшафте, содержащие три аспекта: смысловой – ибо являются отражением обобщенных взглядов на мир; духовный – так как несут в себе нравственно-этическую концепцию, поведенческий – ибо формируют этическую парадигму. Этим трем аспектам соответствуют три функции ландшафтных символов – мировоззренческая, коммуникативная, регулятивная. При переходе общества из одного состояния в другое включается особый «механизм» передачи культурных традиций и осуществляется как бы наполнение символов новым содержанием – в про-

тивном случае происходит утрата норм жизни в ландшафте, что и произошло в советской культуре середины XX столетия [10];

3) уточнить некоторые аспекты проблем теории культуры и искусства, философии культуры и искусства, а также способствовать обогащению понятийного аппарата культурологии, философии и искусствознания;

4) развить концепцию «звучащей вселенной», сформулированную философами-романтиками и символистами, выявить причины частичного возвращения культуры современности к концептам прошлого и расширить эвристический потенциал социогуманитарного знания, формировать новое представление о процессах модернизации в культуре России рубежной эпохи;

5) активизировать научные исследования процессов универсализации, активно происходящих в эпоху глобализации;

6) использовать ее для дальнейшего теоретического моделирования культурного ландшафта (другого города, края, региона, страны и т.д.), моделирование может быть продолжено на основе произведений других видов искусства: графики, ювелирного искусства, костюма, садового дизайна и т.д.;

7) использовать ее в качестве методологического инструментария профессионалу-практику – скульптору, архитектору, живописцу – при практическом проектировании архитектурных сооружений, скульптурных памятников, создании живописных произведений и т.д.;

8) стать отправными пунктами для курсового и дипломного проектирования для многих художественных специальностей, а также для профессиональных и самодельных творческих экспериментов и конкурсов;

9) расширить фактологический фонд истории города, региональной культуры, истории искусства и культуры, использовать их при создании отдельных залов музея города и краеведческого музея, составляющих специфику подобных организаций, либо стать предметом для создания уникального специфического музея;

10) стать базой для создания уникальных туристических маршрутов и экскурсий (в том числе виртуальных), популяризирующих городское пространство любого города;

11) использовать ее как основу для создания бренда города;

12) использовать ее при решении вопросов о постановке памятников градостроительства, архитектуры и скульптуры на государственную охрану, для искусствоведческого, культурологического анализа исторической среды при подготовке проектов регенерации, научно-обоснованных предложений в отношении архитектурных и скульптурных сооружений при их реставрации;

13) положить ее в основу обобщающих научных трудов, монографий, учебных пособий, учебных курсов и программ, курсов повышения квалификации работников культуры и искусства, электронных путеводителей, информационных сайтов, экспозиций, рекламной продукции.

Данные положения устанавливают теоретическую и практическую значимость музыкально-звукового моделирования художественно-ассоциативных ландшафтов, что, в свою очередь, определяет актуальность подобных исследований. Сегодня, когда неотъемлемой частью мно-

гих видов практической деятельности становится конструирование новых реальностей, создание ярких и понятных образов территорий, представители многих научных направлений часто оказываются в этом деле на вторых ролях. Это связано с тем, что в прикладные науки не вписались пока полезные разработки гуманитарных наук, связанные с интерпретацией пространственных представлений. Внедрение доминантного подхода позволит, не разрушая традиционных полей исследований, органично вписать их в общую парадигму развития гуманитарных

наук и обратиться к практике [11]. Настоящее исследование лежит в рамках данной тенденции развития научного знания, хотя и связано с рядом объективно существующих трудностей, среди которых основной является недооцененная роль музыки в процессе формирования личности человека и общества. Популяризация музыкально-звукового подхода к пониманию Мира в конечном счете актуализирует процессы возрождения и воспитания его духовности как аутентичной необходимости для культуры современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Замятин Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М. : Знак, 2006.
2. Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики // Форма. Стиль. Выражение. М. : Мысль, 1995. С. 405–603.
3. Леви-Строс К. Мифологии : в 4 т. Том 1: Сырое и приготовленное. М. ; СПб., 1999.
4. Дивакова Н.А. Музыкально-звуковой образ культуры Алтая (на примере живописи). Барнаул : АЗБУКА, 2011. 114 с.
5. Синцов Е.В. Природа невыразимого в искусстве и культуре: к проблеме жестопластических оснований художественного мышления в визуальной орнаментике и музыке. Казань : Фэн, 2003. 304 с.
6. Lynch K. The image of the city. Cambridge, Mass, 1960.
7. Архейм Р. Динамика архитектурных форм / пер. с англ. В.Л. Глазычев. М. : Стройиздат, 1984. 192 с.
8. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб. : Петрополис, 1998. 432 с.
9. Прядуха Н.А. Музыкально-звуковая модель культурного ландшафта города (на примере скульптуры г. Барнаула). Барнаул : ИП Колмагоров И.А., 2013. 142 с.
10. Колбовский Е.Ю. Ландшафт в зеркале культурологии. URL: <http://kultland2003.narod.ru/3-5.html>
11. Митин И.И. Создание комплексных географических характеристик и внедрение доминантного мышления. URL: <http://kultland2003.narod.ru/3-5.html>

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 27 января 2014 г.

MODELING OF THE ARTISTIC ASSOCIATIVE CULTURAL LANDSCAPE OF THE CITY (BY EXAMPLE OF ITS MUSIC AND SOUND PERFORMANCE)

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 108-112 DOI: 10.17223/15617793/381/17

Pryadukha Natalia A. Scientific and Production Association "Screen" (Barnaul, Russian Federation). E-mail: natasha72_72@mail.ru

Keywords: cultural landscape; association; architecture; sculpture; painting; model.

The associative cultural landscape has an area connected with associations formed in an artistic way, somehow reflecting or expressing the specifics of the territory. Since the universal characteristics of any artistic image are its music and sound characteristics, they became the criterion for the construction of one of the possible versions of the model of the artistic associative cultural landscape as a whole, and on the basis of architecture, sculpture and painting in particular. The spatial and temporal rhythm of the city is packed in different ways, which can create a virtual ornamental grille(s), both large and small. In our study, the city's architecture has three main components, each of which can be represented as a complex, evolving system: the square that composes the music and sound centered space; the architectural decoration of buildings which is the supplement of the existing space; the architectural cycles that are the music and sound forms covering, uniting and highlighting entire neighborhoods in the city. In the music-sound modeling the position of the recipient is becoming extremely important. Recipients seek to find universal formulas being in the constant process of reflection and decoding codes produced by the music and artistic thinking that is inherent to them. In this study the structure of the building of the architectural artistic associative landscape is applicable not only to the architecture, but also to other areas of the sphere of art (sculpture and painting). The study of the artistic associative landscape formed by sculpture has led us to the conclusion that the round sculpture becomes the center of the city's music and sound space concentration; the reliefs complement, enrich the already organized landscape; and the bells become the element forming the new music and sound territory. In painting the center-forming element of the cultural landscape is an urban landscape which specifically reflects the music and sound "finds" of the city's architecture and sculpture; a still life and, partly, a narrative enrich the region's cultural landscape with music and sound nuances; a portrait covers new territories. In our model, all the elements are interrelated. There are common types of connection in the three seemingly disparate systems. The model can be used as a structural grid, for example, to study graphic arts and crafts, art, design or landscape architecture, and so on. It functions as a code, as an interpretive grid (in architecture, sculpture and painting) that generates various new messages. The new content of the cultural landscape creates new prospects for its practical and theoretical application, being a fertile educational and enlightening environment.

REFERENCES

1. Zamyatin D.N. *Kul'tura i prostranstvo. Modelirovanie geograficheskikh obrazov* [Culture and space. Modeling geographic images]. Moscow, Znak Publ., 2006.
2. Losev A.F. *Muzyka kak predmet logiki* [Music as a subject of logic]. In: *Forma. Stil'. Vyraschenie* [Form. Style. Expression]. Moscow, Mysl' Publ., 1995, pp. 405-603.
3. Levi-Strauss C. *Le Cru et le cuit*. Paris, Plon, 1964. 402 pp. (Russ. ed.: Levi-Stros K. *Syroe i prigotovlennoe*. Moscow, St. Petersburg, 1999. 406 p.
4. Divakova N.A. *Muzykal'no-zvukovoy obraz kul'tury Altaya (na primere zhivopisi)* [Musical-sound image of the Altai culture (by example of painting)]. Barnaul, AZBUKA Publ., 2011. 114 p.

5. Sintsov E.V. *Priroda nevyrazimogo v iskusstve i kul'ture: k probleme zhesto-plasticheskikh osnovaniy khudozhestvennogo myshleniya v vizual'noy ornamentike i muzyke* [The nature of the ineffable in art and culture: the problem of gesture-plastic bases of creative thinking in music and visual ornamentation]. Kazan', Fen Publ., 2003. 304 p.
6. Lynch K. *The image of the city*. Cambridge, Mass, 1960.
7. Arnheim R. *The Dynamics of Architectural Form*. University of California Press, 1977. 289 p. (Russ. ed.: Arnkheym, R. *Dinamika arkhitekturnykh form*. Moscow, Stroyizdat Publ., 1984. 192 p.)
8. Eco U. *La Struttura Assente. Introduzione alla ricerca semiologica*. Milano, Bompani, 1968. 358 p. (Russ. ed.: Eko U. *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu*. TOO TK "Petropolis" Publ., 1998. 432 p.)
9. Pryadukha N.A. *Muzykal'no-zvukovaya model' kul'turnogo landshafta goroda (na primere skul'ptury g. Barnaula)* [Musical-sound model of the cultural landscape of the city (by example of Barnaul sculptures)]. Barnaul, IP Kolmagorov I.A.Publ., 2013. 142 p.
10. Kolbovskiy E.Yu. *Landshaft v zerkale kul'turologii* [Landscape in the mirror of Cultural Studies]. Available at: <http://kultland2003.narod.ru/3-5.html>.
11. Mitin I.I. *Sozdanie kompleksnykh geograficheskikh kharakteristik i vnedrenie dominantnogo myshleniya* [Creating integrated geographical characteristics and implementation of the dominant thinking]. Available at: <http://kultland2003.narod.ru/3-5.html>.

РЕКА В КУЛЬТУРЕ ХАНТОВ ТРОМ-АГАНА И МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ

*Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 14-01-00263
«Этническая и книжная традиции в культурном наследии Западной Сибири».*

Излагаются основы научной концепции, разработанной для новой постоянной экспозиции в Русскинском Музее природы и человека имени А.П. Ядрошникова, находящемся в Сургутском районе. Центральной идеей экспозиции стало выражение многозначности символа реки в традиционной культуре хантов. По материалам о хантах р. Тром-Аган реконструируется полисемантический образ реки через выявление её мировоззренческих функций. Раскрывается его прочтение музейными средствами.

Ключевые слова: этническая культура; мировоззрение; музейная экспозиция.

Одна из фундаментальных проблем, решаемых сегодня музейным сообществом, заключается в расхождении между социальным предназначением музея как просветительского центра, способствующего пополнению знаний и расширению представлений о мире, и современным гедонистическим подходом к нему как к месту «цивилизации», досуга, генерирующему новые впечатления [1. С. 8–13]. Представляется, что перед указанной дилеммой оказывается разработчик каждой выставки и особенно стационарной экспозиции. С одной стороны, через образность вещи он должен пробудить чувства у посетителя, искушённого современными средствами массовых развлечений, с другой – заставить его взглянуть на мир несколько иначе, с учётом иных смыслов, ценностей, трактовок. Следует помнить о том, что российским музеям изначально, начиная с Кунсткамеры, была присуща научная систематика как основа каркаса музейной экспозиции [2. С. 62].

Синтез зрелищности, информативности и научности музейной выставки и экспозиции закладывается на стадии её проектирования, что придаёт последней особое значение. Разработка проекта как «виртуального воплощения идеи через драматургию вещей, образов и текстов» включает в себя три главных элемента: основополагающую идею как виртуальный замысел, научную концепцию и дизайн-проект [3. С. 190]. При этом необходимо исходить, во-первых, из учёта информативного потенциала музейных коллекций, во-вторых, из знания историко-культурного контекста бытования музейных предметов и из умения его реконструировать, в-третьих, из способности образно выразить через ключевую идею множество культурных тем, в-четвёртых, из владения современными технологиями экспозиционной презентации.

При создании проекта новой постоянной экспозиции Музея природы и человека в дер. Русскинская Сургутского района в связи с переездом в новое, специально выстроенное для него здание разработчики исходили из следующих обстоятельств. Уникальность коллекционным собраниям музея придаёт таксидермическая коллекция его основателя А.П. Ядрошникова, которая стоит по принципу сюжетного отображения окружающего животного мира. Своеобразием отличается и этнографическая коллекция по традиционной культуре локальной группы хантов, проживающих в данной местности, на р. Тром-Аган. Для этнической культуры хантов характерна ярко выраженная локаль-

ная вариативность, так что традиции групп, проживающих на разных реках, оказываются зачастую во многом несхожими. Каждой этнотерриториальной группе присущи определённая специфика, неповторимость, выраженные и в названии реки (ёхан, ёган – по-хантыйски). Тром-Аган носит имядемиурга и верховного божества всех хантов – Тору́ма – и, следовательно, являет собой сакральный центр, наиболее священное место для всех групп. Данная культурная реальность определила сквозную идею всей экспозиции – идею священной реки.

С ней хорошо согласовалась презентация таксидермической коллекции, поскольку традиционная культура гармонично вписана в окружающую среду, составляет с ней единое целое. Образ реки позволял систематизировать этнографический материал по структурным блокам, тождественным по содержанию различным сферам традиционной культуры этноса, и одновременно раскрыть тему культуры в круговоротах реки времени. Последняя включает в себя процесс трансформации традиционной культуры хантов под воздействием этнического окружения, прежде всего русских, и процессов модернизации, выразившихся в приобщении хантов к общечеловеческой культуре и благам цивилизации через функционирование Красного чума и в превращении их в урбанизированный этнос вследствие освоения нефтяных богатств края. Важной новационной чертой в условиях модернизации, меняющей традиционную культуру, является исчезновение этнической специфики из сферы повседневности: из быта уходят традиционные вещи, а вместе с ними и символы культуры народа, через которые она транслируется и приобщает к себе подрастающие поколения. В этих условиях важнейшим институтом сохранения, возрождения и трансляции этнических традиций и культуры становятся музеи, которые хранят предметный фонд культуры, раскрывающий её материальную и духовную составляющие.

Традиционную культуру хантов следовало воссоздавать в экспозиции на основе тром-аганских материалов и отразить в ней локальную специфику традиций, присущих данной этнотерриториальной группе и, прежде всего, касающихся реки. В научной концепции предстояло разложить идею священной реки на сюжетные единицы, чтобы соединённые в экспозиции, они создали многоцветное мозаичное полотно, цельное и полисюжетное одновременно. Для этого потребова-

лось на основе известного и вновь собранного этнографического материала выявить полисемантичность образа реки в традиционной культуре хантов, и прежде всего тром-аганских. Подобная исследовательская задача решалась впервые. Так ключевая идея экспозиции стимулировала научный поиск в новом направлении. Выделенные в ходе проведенного исследования мировоззренческие функции реки в культуре тром-аганских хантов можно свести к пяти.

1. Река как структура мироздания. Для хантов характерны вертикальная и горизонтальная структуры. Первая задаёт трёхуровневую упорядоченность: верхний / небесный мир, населённый высшими духами-богами – создателями мира, жизни и хранителями порядка; средний / земной, где обитают духи более низкого ранга и люди, и нижний / подземный, куда уходят души умерших, ведомые духами смерти и болезней. Вторая структура – гидрологическая, она соотносима с главной рекой Обью [4. С. 15–16]. Верхний мир ассоциируется в ней с истоком реки и тёплым югом, а ниж-

ний – с устьем и холодным севером. Река как пространственный архетип явственно проступает в сновидениях хантов, причём обычно она маркирует направление север – юг, но иногда и запад – восток [5. С. 95]. Таким образом, горизонтальная модель пространственной ориентации хантов четырёхчастна, и, возможно, на пересечении координат мыслится средний мир, воплощением которого служит приречная территория обитания народа или его локальной группы. Мировую реку исследователи считают более древней пространственной моделью, сформировавшейся у автохтонного сибирского населения, а вертикальную – привнесённой центрально-азиатской традицией [6. С. 171; 7. С. 204].

В музейной экспозиции идея мировой реки воплощена структурно: виртуальная река в виде переливающегося светового потока, бегущего по полу, соединяет своим движением отдельные тематические блоки в единую панорамную экспозицию. Так мировая река преобразуется в экспозиционную, сохраняя свою композиционную функцию (рис. 1).



Рис. 1. Гидрологическая структура музейной экспозиции (дизайн ООО «Орландо», г. Санкт-Петербург)

2. В традиционном мировоззрении тром-аганских хантов река мыслится начальным актом творения мира. У хантов существует много версий возникновения существа, в них присутствуют общие элементы, но при этом на каждой реке бытует и свой оригинальный вариант. Тром-аганский отдаёт предпочтение реке как истоку мироздания. Согласно тром-аганской версии, запечатлённой в мифологии, в качестве первостихии мыслится вода, а вмешательство бога-демиурга Торума приводит к возникновению рек. Река в традиционном мировоззрении тром-аганских хантов предстаёт результатом самого первого акта божественного созидания, и в этом выражается её определяющая роль в мироздании и системе ценностей народа.

Решил бог создать «ишшечных» (т.е. сотворённых из шишек. – О.Р.) людей. Смотрит... – кругом море, как же они будут охотиться, рыбу ловить, оленей пасти. Положил тогда бог ладонь свою и разделил мо-

ре на пять рек: Аган, Лямин, Тром-Аган, Пим, Вах. Между реками образовалась земля. Обрадовался тогда бог. Реку Тром-Аган он назвал своим именем как самую полноводную и богатую. На устье её холм – Торем кот мех (Божьего дома земля). Заповедал бог людям собираться на этом холме для жертвоприношений, а сына своего Сорни-кон-ики назначил смотрящим за всем материальным миром.

С тех пор реку Тром-Аган именуют священной [8].

В приведённом мифологическом сюжете, потрясающем своей архаикой и содержательностью, важен каждый нюанс. Интересен сам акт творения: Торум проецирует себя, своё анатомическое строение на творимый мир, буквально создавая его по своему подобию (наложение руки на водную первостихию определяет возникновение пяти первых рек). Среди них и Тром-Аган – самая полноводная и богатая. Принцип гомоморфизма, т.е. уподобления строения человека и кос-

моса, принадлежит к одному из ведущих в мифологическом сознании и в приведённом отрывке подчёркивает архаичность фабулы.

Примат реки в мировоззрении тром-аганских хантов высвечивает и акт творения земли, точнее его производность. Согласно общему обско-угорскому варианту землю со дна мирового океана, самостоятельно или по воле Торума, достаёт птичка. У тром-аганских хантов также зафиксирован подобный вариант, а в роли помощницы демиурга выступает маленькая птичка лули. В приведённой выше версии земля появляется между реками, т.е. она – это суще-

ствующее между реками, это промежуточное положение, состояние, сущность. Земля вторична по отношению к реке и подчинена ей.

Идея реки как начального акта творения воплощается в музейной экспозиции с помощью медийной карты пяти первых рек, расположенной в начале движения по экспозиционному маршруту, в начале виртуальной реки – светового потока. Реки, графически напоминающие кисть руки, оформляются с помощью цвета и световых потоков. При этом акцентируется роль Тром-Агана. Основной световой луч впадает в главную реку медийной карты, выделяя и подчёркивая её (рис. 2).



Рис. 2. Река – исток мироздания (дизайн ООО «Орландо», г. Санкт-Петербург)

3. Составляя в хозяйственном контексте основу жизни народа, в мировоззренческом река символизирует саму жизнь. И эта символика прочно кодируется на подсознательном уровне, проступая во сне. Почти в каждом третьем из зафиксированных сновидений хантов присутствует образ воды, и чаще всего это речная вода. Река, как и дорога, ассоциируется с жизнью, и каково состояние реки, такова будет и жизнь. Полноводная и спокойная река во сне сулит благополучную жизнь, а заторы, пересыхание, заболачивание предвещают заболевания и даже смерть, речные перекаты предупреждают о грозящей опасности. Символично в сновидениях и поведение человека по отношению к реке: тонуть – значит заболеть, выбраться из воды – выздороветь [5. С. 105, 250, 287].

Первоочередная демонстрация в музейной экспозиции занятий, связанных с рекой, призвана подчеркнуть её жизненно важное значение в культуре тром-аганских хантов и объяснить символизм архетипов, проявляющихся в приметах, фольклоре, сновидениях. Рыболовство как основное занятие коренного населения Тром-Агана в музее будет представлено заборным способом, самым распространённым у хантов, практиковавших его на небольших притоках и озёрах. Последний вариант получит визуальное воплощение в разделе «Озеро» с помощью демонстрации деревянного запора с мордой – ловушкой для рыбы. В экспози-

ции найдут отражение и другие способы рыболовного промысла, а также изготовление основного водного транспорта коренного населения – обласа, т.е. лодки-долбенки. На выгородках витрины в открытом доступе разместятся рыболовные снасти, крючки, поплавки; на нижнем уровне будут представлены обласы, весла, приспособления для ловли рыбы заборным способом.

4. Река традиционным сознанием хантов трактуется как вектор времени-бытия. При этом подразумевается, прежде всего, индивидуальное человеческое бытие, поскольку жизнь коллектива, т.е. культура и общество, мыслилась незыблемой, а упорядочивающие её правила были определены при творения сущего и постоянно поддерживались через систему ритуалов. Жизнь человека как динамичное начало, пребывавшее в круговороте бытия – инобытия, ассоциировалась с течением реки. Человек, согласно гидрологической модели, приходит в этот мир из верховьев мировой реки и уходит в её низовья. Отголоски данного мировоззренческого сюжета сохранились у тром-аганских хантов в виде запрета спать головой по течению реки – можно не проснуться, т.е. умереть, попасть в нижний мир, а также в ориентации головы усопшего в погребении по течению реки [9. С. 22].

В экспозиции время-бытие, задаваемое рекой, приобретает социокультурное измерение и предстаёт в виде смены веков, намечающих трансформацию хантыйской традиционной культуры на протяжении последнего сто-

летия. Сюжетные повороты реки следующие: традиционная культура тром-аганских хантов, гармонично вписанная в природный ландшафт, – взаимодействие с русской культурой – Красный чум как начало приобщения народа к образованию, просвещению, здравоохранению – нефтяное освоение края, превратившее хантов из речного в городской народ – музей как современная форма сохранения и трансляции хантыйской культуры.

5. Река в мировоззрении и культовой практике тром-аганских хантов выступает в роли сакрального центра. Один из актов творения в вышеприведённом мифологическом тексте заключается в определении богами правил поведения по отношению к ним людей. Во-первых, указывается главное место в пространстве, в котором будет происходить общение бога и людей. И этим пространством определяется устье реки Тром-Аган, точнее холм в устье – Торем кот мех.

Во-вторых, посредником между верховным богом-творцом Торумом и людьми назначается его сын. Имена сына существенно разнятся у разных групп хантов и манси, но неизменной остаётся его посредническая функция. Сын должен наблюдать за людьми и всем сотворенным отцом миром и следить за соблюдением в нём порядка. Наибольшую популярность в обско-угорской среде получил мансийский вариант бога-сына – Мир-сусне-хум. Главное его святилище находилось в Белогорье (Троице), расположенном на Оби, в устье Иртыша. Мир-сусне-хум представляется всадником, объезжающим землю на белом коне, и в Белогорье хранилось его антропоморфное изображение из дерева, рядом с которым стояла фигура гуся, сделанная из железа, – орнитоморфная ипостась божества. Божественный всадник считался настолько священным, что в месте его ожидаемого прибытия на землю клали четыре металлических тарелки, в том числе серебряные, чтобы не осквернить копыта коня [4. С. 18–19; 10. С. 144]. Среди серебряных блюд встречались изделия из сасанидского Ирана и средневековых мастеров Волго-Камья [11. С. 121; 12. С. 46–48].

О троицком идоле знали сургутские ханты, к которым причисляют и тром-аганских, но называли его Кон-ики (господин-старик) [10. С. 142–143]. На Тром-Агане сын Торума носит имя Сорни / Нум-кон-ики (Золотой / Верхний господин-старик), и его мифологический образ предстаёт в следующем виде.

Небесный отец Торум сказал своему младшему сыну: «Вот тебе конь и стрелы, когда будешь своих “ишечных” людей проверять, всю землю должен будешь облететь на этом коне, беленьком, маленьком, размером с зайца. Зажжёшь берестинку, и пока она горит, облетишь землю, помогая во всём людям». Сын задумался: «Смогу ли я это сделать?» Сел для пробы на коня, встряхнул его, а конь человеческим голосом говорит: «Ты в таком виде на меня не садись, ты сначала в левое ухо зайди – помойся, а затем в правое ухо зайди – хорошо покушай, а потом уж садись на меня». Так он и сделал. После всего сел на коня, зажёг берестинку, кинул в костёр и облетел землю, а когда вернулся, берестинка уже догорала.

Ханты реки Тром-Аган почитают Сорни-кон-ики как главного бога. Когда собираются для жертвоприношений, шьют для него белый халат, с левой стороны которого три полочки, а с правой – четыре, шапку бо-

гатырскую островерхую. Затем обращаются к нему со словами: «Облетая землю, реши наши проблемы так же быстро, как ты летаешь на своём коне». Сиштый халат увозят на священное место и вешают на берёзу, поскольку это дерево является священным [8].

Третье правило общения богов / духов и человека определяло статус места общения. Согласно ему богам-духам всеобщего и местного (родового) уровня поклонялись на особых территориях, в священных местах. Земля здесь считалась настолько сакральной, что ступать по ней можно было либо сняв обувь, либо привязав к ней берестяную подошву, очистившись водой или снегом и повернувшись три раза по солнцу.

Кроме того, существовало множество других правил, регулирующих поведение человека в повседневности. Нарушение хотя бы одного из них вызывало возмущение и гнев духов, и следовала неотвратимая кара, соизмеримая с нарушением. Табуирование поведения распространялось и на духов, и на всех созданных в ходе неоднократных попыток людей.

Родился божий человек без пупка (т.е. не рождённый женщиной, а сотворённый. – О.Р.), жил он рядом с озером Нумто и Ими-лор. Тянуло его всегда на небо, не хотел жить на земле. И сказал он тогда жене: «Собирайся, мы поедem вверх, на небо. Только не бери с собой женские принадлежности, они тебе там не понадобятся». Жена подумала: «Муж всё равно не видит, положу я их тайком на нарты». И вот стали они подниматься вверх, а олени нарты вытащить не могут. В чем дело? Но муж всё понял, вытащил нож, обрубил упряжь и сказал жене: «Почему ты меня не послушала? Говорил ведь тебе не брать худых вещей, всю дорогу испортила». Покатилась нарта с обрезанной упряжью вниз, воткнулась в землю и долго-долго так стояла.

Сказал божий человек людям (т.е. рождённым женщиной. – О.Р.): «Будем мы ехать семь дней, вы нас будете видеть, а на седьмой скроемся в небе, а вы поставьте жертвоприношение, я через семь лет спущусь». Прошло семь лет, люди на Тром-Агане собрались для жертвоприношения и увидели божьего человека, он спустился к ним и сказал: «Я уже старый стал, больше не появлюсь, и вы подняться не сможете, дорога вверх закрыта».

Так, в результате того, что попытались перенести материальное из земной сферы в небесную, Бог закрыл дорогу на небо [8].

Мораль мифологического сюжета очевидна: обретение дороги к вечному, священному возможно лишь при возвращении к заповедям предков, их нравственным устоям и ценностям.

Музейным прочтением образа священной реки Тром-Аган стала кульминация экспозиции, её завершающий аккорд – мировая река-дорога из стекла, образующая верхнюю площадку осмотра (рис. 3). Священная река-дорога возвращает народ к духовным традициям, святыням, почитаемым предками, заповедям духов / богов. Посетителей знакомят с этими заповедями, подводя к лестнице, ведущей на верхний ярус из стекла. Перед лестницей на возвышении устанавливаются чучело гуся – символ Сорни / Нум-кон-ики, а также берёза с вывешанным на ней халатом божества. Здесь посетители крепят поверх

обуви пластины из бересты и символически совершают обряд очищения водой, проходя сквозь завесу тумана через который проглядывает изображение серебряного блюда. Поднимаясь по винтовой лестнице, они поворачиваются по солнцу. Во время путешествия по мировой реке, ведомые Сорни / Нум-кон-ики, гости музея имеют

возможность еще раз, но несколько иначе, с нового ракурса, практически «с высоты птичьего полёта», осмотреть экспозицию музея – землю, созданную Торумом, и почувствовать себя её частичкой. Наверху, в глубине музейного свода, высвечивается безликий образ – экспозиционный символ Торума.



Рис. 3. Музеологическое прочтение идеи мировой реки (дизайн ООО «Орландо», г. Санкт-Петербург)

Итак, образ реки в традиционном мировоззрении хантов, особенно тром-аганских, раскрывает самые сущностные черты в картине мира, он многозначен, следовательно экспозиция, претендующая на раскрытие культурного и природного окружения через ментальность народа, тоже должна быть многозначной и строиться на основе ключевого символа. Река Торума в

экспозиционной интерпретации сохраняет свои основные мировоззренческие функции, но трактуются они музейными средствами, структурируя форму и содержание всей экспозиции, и тем самым уже сама экспозиция, наполненная и пронизанная спецификой мифологического мышления, превращается в символ этнической культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скрипкина Л.И. Актуальные проблемы музейного дела России на современном этапе // Новации в музейном мире России в первое десятилетие XXI века. Новосибирск, 2011. С. 8–16.
2. Сотникова С.И. Музеология. М. : Дрофа, 2010. 190 с.
3. Соснина О.А. Идея – концепция – экспозиция: междисциплинарные выставочные проекты в музейном пространстве // Новации в музейном мире России в первое десятилетие XXI века. Новосибирск, 2011. С. 188–207.
4. Мифы, предания, сказки хантов и манси / сост., предисл. и прим. Н.В. Лукиной. М. : Наука, 1990. 508 с.
5. Молданова Т. Архетипы в мире сновидений хантов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 354 с.
6. Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. 192 с.
7. Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. М., 1998. 236 с.
8. Записано от Покачевой Н.И., р. Тром-Аган, 2013 г., консультант – Песикова А.С. // Архив Русского Музея природы и человека им. А.П. Ядровникова. Б/н.
9. Материалы по хантам р. Тром-Аган. Записи В.М. Кулемзина, октябрь 1975 г. Тетрадь № 2 // Архив Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского ТГУ. № 1238-6.
10. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов / пер. с нем. Н.В. Лукиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. Т. 2. 284 с.
11. Чернецов В.Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // Труды Института этнографии. Нов. серия. 1947. Т. 1. С. 113–134.
12. Бауло А.В. Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 160 с.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 22 января 2014 г.

THE RIVER IN THE CULTURE OF THE TROM-AGAN KHANTY AND IN THE MUSEUM EXHIBITION DISPLAY

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 113–118 DOI: 10.17223/15617793/381/18

Ryndina Olga M. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rynom_97@mail.tomsknet.ru

Keywords: ethnic culture; outlook; museum exhibition.

In the article the essentials of the scientific concept are stated which was worked out for a new permanent exhibition of the Museum of Man and Nature named after A.P. Yadroshnikov in Russkinskaya Village of Surgut Region. The central idea of the exhibition display is the expression of polysemy of the symbol of the river in the traditional Khanty culture. The polysemantic image of the river is reconstructed through its outlook functions by the data collected on the Trom-Agan Khanty and shown to the viewer by means of the museum. The first function is determined by the river as a hydrological structure of the universe correlated with the Ob River. The upper world is associated with the source of the river and the warm south, and the lower world - with the mouth and the cold north. In the exhibition the idea of the world river is expressed in the form of a shimmering light flow linking separate thematic units into a single panoramic exposure. Secondly, the river is conceived as the initial act of world creation. Water is the first element and interference of the god-demiurge Torum results in the creation of rivers. The museum interpretation of the mythologem is a media map of the first five rivers located at the beginning of the exposition route. Thirdly, the river symbolizes life itself constituting the basis of the traditional economy of the people – fishing. The primary demonstration of the traditional occupations associated with the river emphasizes its importance in the culture of the Trom-Agan Khanty. Fourthly, the river is treated as a vector of human time and being: people come into this world from the headwaters of the river and depart in its lower reaches. Time and being acquire a sociocultural dimension in the exposition and appear as a change of eras outlining the transformation of the Khanty's culture: traditional culture – interaction with the Russian culture – the Red chum as the beginning of familiarizing people with public education, health care – oil exploration of the region which transformed the Khanty from the river people to town dwellers – the museum as a modern form of preservation and translation of the Khanty culture. Fifth, the river is a sacred center, the main place of communication with the supreme god through his son, mediator Sorni / Num-kon-iki. The climax of the exhibition is the world river – a path made from glass, forming the upper platform of the tour. It returns people to the spiritual roots of culture, their shrines, commandments of spirits and gods.

REFERENCES

1. Skripkina L.I. *Aktual'nye problemy muzeynogo dela Rossii na sovremennom etape* [Topical problems of Russian museology today]. In: *Novatsii v muzeynom mire Rossii v pervoe desyatiletie XXI veka* [Innovations in Russian museums in the first decade of the 21st century]. Novosibirsk, 2011, pp. 8-16.
2. Sotnikova S.I. *Muzeologiya* [Museology]. Moscow, Drofa Publ., 2010. 190 p.
3. Sosnina O.A. *Ideya – kontseptsiya – ekspozitsiya: mezhdistsiplinarnye vystavochnye proekty v muzeynom prostranstve* [Idea – concept – exposition: interdisciplinary exhibition projects in the museum space]. In: *Novatsii v muzeynom mire Rossii v pervoe desyatiletie XXI veka* [Innovations in Russian museums in the first decade of the 21st century]. Novosibirsk, 2011, pp. 188-207.
4. *Mify, predaniya, skazki khantov i mansi* [Myths, legends, tales of the Khanty and the Mansi]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 508 p.
5. Moldanova T.A. *Arkhetipy v mire snovideniy khantov* [Archetypes in the world of dreams of the Khanty]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2001. 354 p.
6. Kulemzin V.M. *Chelovek i priroda v verovaniyakh khantov* [Man and Nature in Khanty beliefs]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1984. 192 p.
7. Martynova E.P. *Ocherki istorii i kul'tury khantov* [Essays on the history and culture of the Khanty]. Moscow, 1998. 236 p.
8. The Archive of the Museum of Man and Nature named after A.P. Yadroshnikov in Russkinskaya Village. 2013.
9. The Archive of the Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia of V.M. Florinsky in TSU. No. 1238-6. October 1975. Notebook no. 2.
10. Karjalainen, K. *Die Religion der Jugra-Völker*. Helsinki-Porvoo, Suomalainen, 1927. Vol 2, 391 p. (Russ. ed.: Kar'yalaynen K.F. *Religiya yugorskikh narodov*. Tomsk, Tomsk University Publ., 1995. Vol. 2, 284 p.)
11. Chernetsov V.N. [On the penetration of the eastern silver in the Ob area]. *Trudy instituta etnografii. Novaya seriya* [Proc. Of the Institute of Ethnography. A new series], vol. 1, 1947, pp. 113-134. (In Russian)
12. Baulo A.V. *Atributika i mif: metall v obryadakh obskikh ugrov* [Paraphernalia and myth: metal in the rites of the Ob-Ugric peoples]. Novosibirsk, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS Publ., 2004. 160 p.

ИСТОРИЯ

УДК 069.01(571.1)''1911/1920''

Н.М. Дмитриенко, С.Е. Григорьева

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ СИБИРСКОГО ОБЛАСТНОГО НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ В ТОМСКЕ (1911–1920 гг.)

Освещается история первого в Сибири музея регионального значения, организованного в Томске в 1911 г. в дни празднования 50-летия отмены крепостного права в России. Показана роль органов городского самоуправления, представителей томской общественности, исследователей и коллекционеров в материально-финансовом обеспечении музея, в формировании музейного собрания. Кратко охарактеризована работа по сбору, учету, хранению музейных фондов, выявлены возможности экспозиционного показа музейных коллекций. Прослежен процесс передачи коллекций Сибирского областного музея в Институт исследования Сибири в 1919 г., а после его закрытия – в Музей археологии Томского университета и в Новониколаевск (Новосибирск).

Ключевые слова: история музейного дела; музейное строительство; региональный музей.

В современной музееведческой литературе все явственнее ощущается интерес к изучению сибирских музеев на первом этапе их создания и деятельности в XIX – начале XX в. [1. С. 3–40; 2. С. 49–97; 3. С. 132–133]. Думаем, что требуется продолжение начатого, в частности – освещение истории создания и деятельности первого в Сибири музея регионального значения.

Замысел устроить в Томске Сибирский областной музей был приурочен к празднованию 50-летия отмены крепостного права в России в 1911 г. Авторы музейного проекта – видные исследователи Сибири Г.Н. Потанин, А.В. Адрианов, директор Томского технологического института профессор Е.Л. Зубашев, предприниматель, организатор и руководитель многих культурно-просветительных обществ П.И. Макушин, начальник Томского округа путей сообщения Б.А. Аминов и др. – обозначили будущий музей как областной, имея в виду обширнейшую область Сибири. А при выборе места расположения областного музея руководствовались тем, что Томск, будучи признанным центром интеллектуальной жизни Сибири, в то же время был лишен «необходимейшего образовательного учреждения», каковым признавался музей. Задумывая создать музей в Томске, инициаторы полагали, что он «увеличит значение города Томска как научного центра Сибири и будет иметь для широких масс огромное образовательно-воспитательное значение не только для нашего города, но и для целого края и совместно с другими просветительными учреждениями поведет из тьмы невежества поколение за поколением в то царство мысли, где, по выражению поэта, сияет вековечный день...» [4. Л. 11].

Проект Сибирского областного научно-художественного музея имени императора Александра II, как известно, был принят Томской городской думой, которая запланировала бюджетные расходы в сумме 50 тыс. руб., на устройство музея и безвозмездное отведение участка городской земли. Весной 1911 г. решением городской думы был сформирован Комитет для выработки плана здания областного Сибирского научно-художественного музея, собирания и хранения предметов для него. Первоначально в состав Комитета вошли 9 человек: Г.Н. Потанин, Б.А. Аминов, Ф.Я. Несмелов, А.В. Адрианов, Т.Л. Фишель, В.Ф. Оржешко, П.И. Макушин,

К.Р. Эман, Е.Л. Зубашев. Председателем был избран управляющий акцизными сборами Томской губернии, действительный член Петербургского археологического института Ф.Я. Несмелов, секретарем – А.В. Адрианов.

Однако в 1914 г. вопрос о составе Комитета для выработки плана музея рассматривался на заседании общего присутствия Томского губернского управления, осуществлявшего надзор над деятельностью городского самоуправления. Музейный комитет был приравнен к исполнительным комиссиям думы и, опираясь на Городовое положение 1892 г., губернские власти потребовали вывести из его состава тех, кто не обладал избирательными правами. Так, из музейного Комитета были исключены крупнейший сибирский исследователь Г.Н. Потанин и архитектор П.Ф. Федоровский. Кроме того, из Комитета вышли Б.А. Аминов, Ф.Я. Несмелов, Т.Л. Фишель и Е.Л. Зубашев, уехавшие в европейскую часть страны, а также А.В. Адрианов, отправленный в ссылку в Восточную Сибирь. В новый состав Комитета вошли К.Р. Эман, П.И. Макушин, С.М. Богашев, В.Ф. Оржешко, А.М. Крылов, профессора П.А. Прокошев и М.Г. Курлов, архитектор А.Д. Крячков [4. Л. 84, 105, 108, 121, 123, 125; 5; 6. С. 48]. Перед музейным Комитетом стояли две главные задачи: организовать проектирование и строительство здания музея и, разработав проект, осуществить сбор, хранение и показ музейных коллекций.

Выполняя первую задачу, члены Комитета осмотрели участок земли на Соляной площади, предназначенный Томской городской управой под строительство музея, и нашли его вполне достаточным по площади и удобно расположенным между Домом науки имени Макушина и Коммерческим училищем. А затем направились к мысу Воскресенской горы, на котором находилось здание полицейского участка (современный Музей истории г. Томска). По свидетельству участников осмотра, «красота этого места, чудный, открывающийся на город вид, господствующее положение этой точки, видной из разных частей города», а также и то, что мыс – это место основания Томска, определили единогласное решение Комитета. В заседании 5 мая 1911 г. члены Комитета приняли постановление просить городскую думу отвести под музей участок земли на Воскресенской горе [4. Л. 52–

53]. Это предложение заметно удорожало проект, поэтому городской голова И.М. Некрасов высказался против него и настаивал на том, чтобы подыскать другое «более подходящее место для постройки музея» [Там же. Л. 55]. Процедура выбора места и обсуждение этого вопроса в городской думе затянулись почти на год. В конце концов разработчикам музея пришлось согласиться с тем, чтобы музей строился на Соляной площади [7. 15 нояб.].

По предложению Комитета по устройству музея были разработаны условия конкурса на составление плана здания для Сибирского областного музея [4. Л. 59; 8. С. 198]. При обсуждении этих условий выяснилось, что для строительства здания музея требовалось не менее 150 тыс. руб., тогда как дума ассигновала только 50 тыс. руб. [9. 16 июля]. Разработка проекта приостановилась, а после отъезда из Томска архитекторов Л.С. Князева и Т.Л. Фишеля и вовсе прекратилась [7].

Тем не менее прорабатывалась вторая задача, связанная, говоря современным языком, с фондовым обеспечением будущего музея. Согласно проекту, разработанному в 1911 г., Сибирский областной музей включал два отдела: отдел естественной истории в составе подразделов минералогии, геологии и палеонтологии, ботаники и зоологии, и отдел живой и мертвой старины (так в те времена обозначали культурное наследие) с подразделениями антропологии, этнографии и археологии. Позже, в июле 1915 г., был учрежден еще один отдел, посвященный событиям войны с Германией [4. Л. 118-д].

Перечень предметов, которые требовались для здания музея, был приурочен к его структуре. В брошюре, изданной Комитетом в 1911 г., можно увидеть достаточно подробный список по каждому отделу и подразделу проектируемого музея. В него вошли многочисленные памятники природного и культурного наследия. При этом в подразделе археологии, наряду с археологическими материалами, планировалось представить церковные древности, древние рукописи и документы, старинные монеты и медали, а также произведения изобразительного искусства [10. С. 10–13].

К работам по комплектованию музея, по замыслу организаторов, привлекались «все любящие свою страну и желающие помочь ее просвещению», как это было сформулировано в названии брошюры 1911 г. В брошюре давались и краткие рекомендации по сбору нужных музею материалов. Допускались случайные находки, но все же планировались целенаправленные сборы. Предлагалось обязательно записывать и сообщать в музей сведения о месте, времени и обстоятельствах того, как был найден тот или иной предмет. При этом особо подчеркивалось, что не нужно «раскапывать древние могилы неумелыми руками», чтобы случайно не уничтожить «единственный памятник со всем, что в нем содержится», а предоставить такие раскопки «знающим людям», способным «сберечь остатки древнего жителя и показать... его обстановку и обычаи». Организаторы музея излагали в рекомендациях свое понимание сущности и значения музейной работы, когда писали, что все древние предметы «надо непременно сохранить, потому что на всех их лежит печать творческой работы старого человека, печать его понимания

вещей в то время, которое стало для нас мало понятным» [10. С. 5].

Летом 1912 г. председатель Комитета Ф.Я. Несмелов через газету «Сибирская жизнь» обратился к томским студентам с призывом собирать по Сибири материалы для будущего музея [9. 17 июня]. В 1915 г. гласный Томской городской думы, служащий 4-го сибирского Томского передового врачебно-питательного отряда Всероссийского городского союза Сибирского общества помощи раненым А.А. Евсеев обратился в Комитет с предложением организовать собирательскую работу на фронте, чтобы представить в музей свидетельства войны – трофеи, образцы вооружения и др. [4. Л. 114].

Появились первые поступления. В 1911 г. коллекционер П.А. Шастовский подарил музею свое собрание сибирских птиц и млекопитающих. Вслед за ним в первые годы создания музея собраниями и подарками поделились еще 15 человек. Таким образом, на музейное хранение поступил 351 предмет, из них 155 предметов относились к зоологии, 5 – к ботанике, 74 – к геологии, 94 – к этнографии, 23 – к археологии, 2 – к антропологии [7. 15 нояб.]. (Позже, находясь в минусинской ссылке, А.В. Адрианов продолжал пополнять музей. Он приобрел два музыкальных инструмента сойотов и в апреле 1915 г. прислал их в Томск на имя городского головы П.Ф. Ломовицкого [4. Л. 113; 8. С. 218].)

При первых поступлениях был организован учет музейных предметов, заведена инвентарная книга. Записи, по свидетельству А.В. Адрианова, велись «по современной системе регистрации». Коллекции придавался единый общий номер, а составные части коллекции нумеровались двойным номером: к номеру коллекции прибавлялся порядковый номер каждого отдельного предмета. К предметам обязательно прикреплялись этикетки, на которых были написаны название музея, номер коллекции и конкретного предмета, что обеспечивало возможность отыскать нужный экспонат среди других. Кроме того, каждое поступление подробно описывалось в регистрационном листе, в котором также проставлялся номер предмета из инвентарной книги [4. Л. 113].

Нужно отметить, что все поступающие в Сибирский областной музей коллекции и отдельные предметы размещались в Музее прикладных знаний, занимавшем достаточно обширное помещение в пристройке к Бесплатной библиотеке. Сразу после регистрации они выставлялись на обозрение публики.

В 1919 г., по сведениям М.Б. Шатилова и современных исследователей музейного дела Томска, фонды Музея прикладных знаний и Сибирского областного музея были переданы в Институт исследования Сибири [11. С. 3; 12. С. 22]. На базе двух музеев велась подготовка к открытию в горном корпусе Томского технологического института собственного музея Института исследования Сибири. Однако чрезвычайные обстоятельства Гражданской войны не позволили осуществить задуманное.

Весной 1920 г. музейные коллекции, а среди них, вполне вероятно, и те, какие были собраны и зарегистрированы в инвентарных книгах Сибирского областного музея, стали упаковываться и подготавливаться к перевозке в Новониколаевск (Новосибирск). Этим зани-

мался уполномоченный Новониколаевским отделом народного образования И.И. Смирнов [13. С. 126]. При этом вопрос о переброске музейных коллекций в Новониколаевск решился не сразу, в Институте исследования Сибири обсуждалась возможность временного хранения музейных собраний в помещении Археологического музея университета [Там же. С. 147]. Но М.Б. Шатилов, будучи очевидцем событий, уверенно заявлял, что музей Института исследования Сибири (в значит, и коллекции Сибирского областного музея) был вывезен в Новониколаевск [11. С. 2]. И все же отдельные предметы Сибир-

ского областного научно-художественного музея остались в университетском хранилище. Согласно устному свидетельству заведующего Музеем археологии и этнографии Сибири Ю.И. Ожередова, в фондах сохранилось несколько предметов с этикетками Сибирского областного музея. Итак, музей, который задумали и начали создавать томские сибиреведы, не дождался официального открытия, хотя и пополнил фонды некоторых музейных хранилищ. И все же опыт создания общественного музея не был напрасным, он важен и для истории музейного дела, и для прикладного музееведения в наши дни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Черняк Э.И. и др. Начало формирования музейных и ботанических коллекций первого в Азиатской России Сибирского (Томского) университета (конец 1870-х – 1888 г.) // Томские музеи : сб. документов и ст. / ред. С.Ф. Фоминых, Э.И. Черняк. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. С. 3–40.
2. Шелегина О.Н. Музеи Сибири: очерки создания, развития, адаптации / отв. ред. В.А. Ламин, Н.М. Щербин. Новосибирск, 2010. 244 с.
3. Родионова Т.В. Участие Г.Н. Потанина в деятельности Музея прикладных знаний // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 4 (16). С. 132–133.
4. ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 3367.
5. Сибирская жизнь. Томск, 1911. 20 апреля.
6. О выборе членов особого Комитета для выработки плана здания областного Сибирского научно-художественного музея, собрания и хранения предметов для него на 4-летие с 1914 по 1919 год // Известия Томского городского общественного управления. Томск, 1914. № 9–10. С. 48–49.
7. Сибирская жизнь. Томск, 1913.
8. Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...»: письма Г.Н. Потанину / сост. Н.В. Васенькин. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 288 с.
9. Сибирская жизнь. Томск, 1912. 15 ноября.
10. Сибирский областной музей в г. Томске: обращение Комитета музея ко всем любящим свою страну и желающим помочь ее просвещению. Томск : Тип. Дома трудолюбия, 1911. 14 с.
11. Шатилов М.Б. Исторический очерк и обзор Томского краевого музея // Труды Томского краевого музея / под ред. М.А. Слободского, М.Б. Шатилова. Томск, 1927. Т. 1. С. 1–37.
12. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Маркевич Н.Г., Меркулов С.А. Из истории Института исследования Сибири // Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.) / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. С. 5–43.
13. Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.) / сост. С.А. Некрылов, Н.Г. Маркевич, С.А. Меркулов ; отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 264 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 февраля 2014 г.

ON THE HISTORY OF FOUNDATION OF THE SIBERIAN SCIENTIFIC AND ART MUSEUM IN TOMSK (1911–1920)

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 119–122 DOI: 10.17223/15617793/381/19

Dmitrienko Nadezhda M., Grigorieva Svetlana Ye. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vassa.mv@mail.ru; svetikiss07@mail.ru

Keywords: history of museum science; museum building; regional museum.

Tomsk City Council (Gorodskaya Duma) decided to mark the 50th anniversary of the abolition of serfdom in Russia by foundation of the Siberian Scientific and Art Museum. In order to realize the decision a Museum Committee was specially organized in Tomsk in 1911. The members of the Museum Committee were officials B.A. Aminov and F.Ya. Nesmelov, Professor Ye.L. Zubashev, Director of Tomsk Technological Institute, businessman P.I. Makushin, A.V. Adrianov, a researcher of Siberia, architects T.L. Fischel and V.F. Orzheszko. The members of the Museum Committee found a place for the museum at Solyanaya Square, worked out terms for architectural projects tender. Architects T.L. Fischel and L.S. Knyazev were going to make the museum project. But for the lack of funds architectural works were stopped. Nevertheless the Museum Committee prepared the project of the Siberian Scientific and Art Museum. The Museum structure was developed; it consisted of the departments of natural history and public history ("live and dead days of the old"). Later, in 1915, the third department of the Civil War was set up. The project contained a detailed list of items for the Museum to collect, identify and present the Museum objects, specimens and collections. The first museum objects and collections were registered in 1911. Collector P.A. Shastovsky gave his collection of Siberian birds and mammals. But for him there were other 15 benefactors. The Museum collected more than 350 items in zoology, botany, geology, ethnography and archeology. In 1915 A.V. Adrianov sent two Soyot musical instruments to the Museum. Shortly after the first receipts registration of museum objects was organized. Every collection and individual items which came to the museum were fixed in the inventory book and then placed in Tomsk Museum of Applied Knowledge. So museum visitors could see all collections and individual items. In 1919 the funds of the Museum of Applied Knowledge and the Siberian Scientific and Art Museum were moved to the Institute of Siberian Studies. The heads of the Institute planned to form a new museum using the funds of Tomsk museums. However, the extraordinary circumstances of the Civil War did not allow implementing the plan. It is known that some of the items of the Siberian Scientific and Art Museum had been transported to Novonikolayevsk (Novosibirsk); the others were preserved in the Museum of Archeology and Ethnography of Tomsk State University.

REFERENCES

1. Nekrylov S.A., Fominykh S.F., Chernyak E.I., et al. *Nachalo formirovaniya muzeynykh i botanicheskikh kollektsiy pervogo v Aziatskoy Rossii Sibirskogo (Tomskogo) universiteta (konets 1870-kh – 1888 g.)* [The beginning of the museum and botanical collec-

- tion of the Siberian (Tomsk) University, the first in Asian Russia (the late 1870s - 1888)]. In: Fominykh S.F., Chernyak E.I. (eds.) *Tomskie muzei: sb. dokumentov i statey* [Tomsk museums: collected documents and essays]. Tomsk, Tomsk Univeristy Publ., 2010, pp. 3–40.
2. Shelegina O.N. *Muzei Sibiri: ocherki sozdaniya, razvitiya, adaptatsii* [Siberian museums: essays on foundation, development, and adaptation]. Novosibirsk, The Institute of History SB RAS Publ., 2010. 244 p.
 3. Rodionova T.V. Uchastie G.N. Potanina v deyatelnosti Muzeya prikladnykh znaniy [G.N. Potanin's contribution to the development of Tomsk museum of applied knowledge]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*, 2011, no. 4(16), pp. 132–133.
 4. The State Archive of Tomsk Region (GATO). F. 233. List 2. File 3367.
 5. *Sibirskaya zhizn'*, 1911.
 6. O vybore chlenov osobogo Komiteta dlya vyrabotki plana zdaniya oblastnogo Sibirskogo nauchno-khudozhestvennogo muzeya, sobiraniya i khraneniya predmetov dlya nego na 4-letie s 1914 po 1919 god [On the election of the members of the special Committee responsible for designing the building plan of the Regional Siberian Scientific-Art museum as well as collecting and storing exhibits for it for 4 years from 1914 to 1919]. *Izvestiya Tomskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*, 1914, no. 9–10, pp. 48–49.
 7. *Sibirskaya zhizn'*, 1913.
 8. Adrianov A.V. "Dorogoy Grigoriy Nikolaevich": pis'ma G.N. Potaninu ["Dear Grigory Nikolaevich: letters to G.N. Potanin]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2007. 288 p.
 9. *Sibirskaya zhizn'*, 1912.
 10. *Sibirskiy oblastnoy muzey v g. Tomske: obrashchenie Komiteta muzeya ko vsem lyubyashchim svoyu stranu i zhelayushchim pomoch' ee prosveshcheniyu* [Siberian Regional Museum in Tomsk: an address of the Museum Board to all those who love their country and want to help education]. Tomsk, Dom trudolyubiya Publ., 1911. 14 p.
 11. Shatilov M.B. [The historical sketch and review of the Tomsk Regional Museum]. *Trudy Tomskogo kraevogo muzeya* [Proc. Of Tomsk Regional Museum]. Tomsk, 1927, Issue 1, pp. 1–37.
 12. Nekrylov S.A., Fominykh S.F., Markevich N.G., Merkulov S.A. *Iz istorii Instituta issledovaniya Sibiri* [Glimpses of History of the Institute for the Study of Siberia]. In: *Zhurnaly zasedaniy soveta Instituta issledovaniya Sibiri (13 noyabrya 1919 g. – 16 sentyabrya 1920 g.)* [The minutes of the Board of the Research Institute of Siberia (November 13, 1919–September 16, 1920)]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2008, pp. 5–43.
 13. Fominykh S.F. (ed.) *Zhurnaly zasedaniy soveta Instituta issledovaniya Sibiri (13 noyabrya 1919 g. – 16 sentyabrya 1920 g.)* [The minutes of the Board of the Research Institute of Siberia (November 13, 1919 – September 16, 1920)]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2008. 264 p.

ПРОБЛЕМА КРЕСТЬЯНСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Рассматривается проблема собственности на землю в дискуссиях российских мыслителей второй половины XIX в. как комплексное понятие, характеризующееся набором правомочий по владению, пользованию и распоряжению земельным наделом. Выделены две точки зрения – западников и славянофилов. Существо расхождений западников и славянофилов было в понимании роли государства в России. Для западников государственная собственность – это принадлежность земли институту, стоящему над народом. Славянофилы толковали государственную собственность как всенародную, а государственное право – как народное право на землю.

Ключевые слова: крестьяне; земельная собственность; западники; славянофилы; крестьянская реформа 1861 г.

Тема собственности стала ключевой в общественных дискуссиях в середине XIX в., что было связано с подготовкой и проведением крестьянской реформы 1861 г. Данная проблема нашла свое отражение в работах Ю.Ф. и Д.Ф. Самариных, К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина, В.О. Ключевского, С.М. Соловьева, П.Н. Миллюкова, А.С. Хомякова, которых отечественная историография разделяет на два течения: западников и славянофилов.

В ходе дискуссий было определено несколько базисных установок, которые применялись в отношении проблемы собственности: во-первых, крестьянское понимание собственности основывалось на трудовом принципе; во-вторых, крестьяне не были вовлечены в систему государственного гражданского права. Принцип частной собственности на землю «входил в сознание русского крестьянина вначале как покушение со стороны помещика на его древнейшее право, проистекавшее из связи земледельца с обрабатываемой землей» [1. С. 66–67]. Своеобразие земельных отношений в России заключалось в том, что вместе с крестьянским владением развивалось крестьянское понятие о земельной собственности, земельном праве. Понятия крестьян просты: взгляд крестьянина на землю вытекает из его взгляда на труд как на единственный, всегда признаваемый и справедливый источник собственности, поэтому крестьяне тяготели к так называемому черному переделу – внеправовому перераспределению земли. «Захватный» принцип сформировал четко выраженную позицию притязания на право «первенства» в ходе оформления права собственности [2. С. 107]. При решении спорных вопросов труд рассматривался как основной источник права на землю. Право появлялось, если в землю вложен труд, и исчезало, если прекращалось использование земли. Срок допустимого разрыва между использованием земли и потерей прав на нее менялся в зависимости от конкретных условий [3. С. 115]. В крестьянской психологии в России во все времена идея принадлежности земли Богу, а стало быть, обществу в целом была ведущей, основной.

Дворяне, несмотря на свою осведомленность и вовлеченность в отношения собственности, были не столько собственниками, сколько «правительственными агентами», получившими частную собственность на имущество в ее истинном понимании только после 1861 г. [4. С. 13]. Само понятие «собственность» применительно к земле в официальных документах в середине

XIX в. почти не встречается, как и не встречаются его синонимы. Специалист по сельскому хозяйству и земельным отношениям, крупный чиновник империи князь Б.А. Васильчиков писал: «Нигде понятие поземельной собственности не было так смутно и шатко, как у нас, не только в сознании народа, но и у правительства. В России с древних времён очень твёрдо было понимание владения в смысле держания, занятия, пользования землёй, но выражение “собственность” едва ли существовало. В летописях и грамотах, как и в современном языке крестьянства, не встречается выражения соответствующего этому слову» [5. С. 31].

Землевладение в России было условным, так как ограничивалось обществом и регулировалось преимущественно обычным правом. Славянофилы считали, что после отмены крепостного права следовало дать крестьянам *право собственности на землю*. Кроме того, по их мнению, труд многих поколений крестьян, вложенный в землю, позволяет говорить о праве пользования и владения землей, которое хотя и не было юридически закреплено за крестьянами, всё же имело место [6. С. 31]. Кому же принадлежит право собственности на землю – дворянам или крестьянам? По данному вопросу Ю.В. Самарин исходил из того, что если признавать право собственности за дворянами, то землю в собственность крестьяне получить не должны. Совершенно противоположный взгляд на данную проблему высказал А.С. Хомяков, полагая, что право собственности на землю должно принадлежать государству. Помещики и крестьяне – только пользователи государственной земли. По мысли А.С. Хомякова, нет оснований считать помещиков полными и единоличными собственниками земли, это же право есть и у крестьян. Земельный вопрос, по его мнению, будет решен тогда, когда помещики и крестьяне станут равноправными, но не в юридическом смысле, а в духовном. При этом он выступал в своих суждениях за крестьянскую собственность, считая это правом историческим, справедливым по отношению к ним. А.С. Хомяков подчеркивал, что собственность на землю в конечном счете заключена в «великой общине», т.е. в том же государстве [6. С. 33]. Дело в том, что славянофилы отождествляли принадлежность земли народу с принадлежностью государству. Этот же взгляд разделяет и К.С. Аксаков, отмечая, что помещик не был собственником земли. Земля принадлежит русскому народу, а через него – государству как внешнему его представи-

телю. Как собственность всего русского народа она должна находиться в его пользовании, не переходя в частную собственность [7. С. 485–486].

Западники, признавая существование крестьянской собственности на землю в России, стремились приблизить Россию к Западу, но в дальнейших своих суждениях приходили к выводу, что ни личности, ни государственного права, ни частного права, тождественных европейским, в России не было. В своих суждениях они шли не как славянофилы – от идеи «всемирной собственности», а от западнической идеи частной собственности и от исторических свидетельств собственности в России. Однако со временем концепция западников претерпевает значительные изменения. Они приходят к убеждению, что историческое прошлое России значительно отличается от судьбы европейских государств.

Эта тема нашла свое отражение в «Очерках по истории русской культуры» П.Н. Милюкова. Тема «Россия и Запад» стала стержнем его исторической концепции, отражая определённый уровень её становления на современном историку этапе развития научной мысли [8. С. 142]. П.Н. Милюков ещё в своей магистерской диссертации отстаивал тезис, что европеизация России не есть продукт заимствования, а неизбежный результат внутренней эволюции, одинаковой у России с Европой, но лишь задержанной условиями среды [9. С. 31]. По его мнению, экономическое развитие России было весьма запоздалым по сравнению с Западной Европой. Исходный тезис его рассуждений: переход от натурального хозяйства к меновому в странах Западной Европы завершился значительно раньше, чем в России. Натуральное хозяйство России Милюков считал «в высшей степени экстенсивным», основанным на потреблении продуктов природы. С истощением зоологических богатств он связывал и оседлость земледельческого населения. Экстенсивность земледельческой культуры П.Н. Милюков усматривал и в соотношении переложной, подсечной систем и трёхполья, считая преобладающей в России до XVIII в. переложную систему [8. С. 143]. По свойству климата русское земледелие поставлено в менее благоприятные условия, чем западное. Чем дальше к востоку, тем лето позднее начинается и раньше заканчивается. В короткий промежуток времени приходилось затрачивать гораздо больше рабочей силы: за 4 месяца нужно было сделать те же земледельческие работы, которые на западе выполнялись за 7, зато остальные 8 месяцев можно было заниматься земледелием и рабочий труд может быть употреблен на другое дело [10. С. 94]. Историческая жизнь России, по П.Н. Милюкову, развивалась своим ходом, «более медленным, но непрерывным, и, следовательно, пережила известные моменты развития – пережитые и Европой – по-своему» [Там же. С. 235].

Что касается проблемы собственности на землю, то здесь П.Н. Милюков отмечал, что вся система аграрной политики покоилась на одной основной идее, что земля в России принадлежит не крестьянам, а государству, или помещику. Переход в 1860-х гг. к выкупу крестьянских наделов должен был поколебать основания этой системы. Деятели крестьянского освобождения поддерживались мысли о благодетельности индивиду-

альной собственности для экономического развития России. П.Н. Милюков отмечает, что все члены редакционных комиссий, кроме Ю. Самарина, были уверены в разрушении общины в скором будущем [11. С. 210]. Историк отмечает, что переделы земли выходили из употребления, наделные участки превращались в наследственные. Осознание того, что *каждый хозяин выкупает своими деньгами свою будущую собственность*, не могло не вызвать всех этих явлений. К этому же приводил и дозволенный ст. 165 Положения досрочный выкуп наделов отдельными хозяевами. Этот выкуп возрастал в геометрической прогрессии, по мере того как приближался срок его окончания, и, следовательно, на земле все меньше и меньше оставалось выкупного долга. В результате в деревню проникали посторонние элементы, а значительная часть крестьян (в Московской губернии до 20%) превратилась в безземельных. По мнению П.Н. Милюкова, правительство предприняло охранные меры с целью *приостановить* мобилизацию крестьянской собственности [11. С. 211]. Таким образом, в деревне складывались существенные предпосылки к переходу земли в частную собственность крестьян, но они были сведены на нет правительством.

П.Н. Милюков был учеником В.О. Ключевского. Однако взгляды историков на частную собственность крестьян на землю были диаметрально противоположными. В.О. Ключевский отрицал частное право собственности за помещиками в силу существования обязанностей помещиков перед государством, породившим дворянское землевладение. Историк полагал, что после отмены личной зависимости следовало вернуться к разделению помещичьей земли на барскую и крестьянскую. Первая получила бы статус полной собственности на гражданском праве, а вторая стала бы пользованием крестьян и неполной собственностью помещика. Затем предполагался выкуп. Согласно В.О. Ключевскому, право крестьян на землю не было следствием фактического и бесспорного владения землей, а последовательно вытекало из поземельного прикрепления. Следовательно, никакого самостоятельного «исторического права» крестьян на землю не существует. Право на землю сосредоточено в *государстве* [12. С. 57–58].

Другие представители западников, прежде признавая существование крестьянской собственности, позже отказались от этого мнения. Так, К.Д. Кавелин сначала признавал идею крестьянской собственности на землю, так как крестьяне-общинники вполне свободны распоряжаться своими землями, что подтверждается актовыми источниками. Однако после посещения Европы его взгляды претерпевают значительные изменения и он приходит к выводу о том, что *ни личности, ни собственности, ни государственного права, ни частного права в России нет* [6. С. 57].

Многие западники связывали становление частной собственности с появлением княжеской власти на Руси. Так, С.М. Соловьев связывал появление частной собственности с деятельностью верховной власти. Он полагал, что в вопросе о происхождении собственности много решает колонизация – «отличительная черта нашей древней истории». Этот процесс, по мнению

историка, не был стихийным расселением народа, а происходил «под покровительством князей». «Эта колонизация, – писал С.М. Соловьев, – происходила тогда, когда Северо-Восточная Русь составляла уже княжество, где владела известная княжеская линия. Колонизация не могла происходить без ведома и влияния правительства». Именно с этим «влиянием» и «покровительством» историк связывает становление собственности на Руси: «Прежде всего, князья могли распоряжаться землею, принадлежащую их волости, отдавая ее в полное владение членам своей дружины» [13. С. 537–538].

Существо расхождений западников и славянофилов шло в понимании роли государства в России. Славянофилы полагали, что государство в России не есть чуждая народу сила и что объяснение русской истории должно следовать «снизу», лишь тогда можно будет разобраться в истории Российского государства. Западники же по-европейски смотрели на историю «сверху». Они принимали любой аргумент, подтверждающий принадлежность России к европейскому миру. Западники не находили частной крестьянской собственности подчас именно потому, что желали ее существования в России. Для западников государственная собственность – это принадлежность земли институту, стоящему над народом. Славянофилы толковали государственную собственность как всенародную, а государственное право – как народное право на землю. Земля принадлежит в конечном счете как собственности «общине-государству» [6. С. 83, 108]. А.С. Хомяков выступал против «переходного состояния» крестьян, предшествовавшего выкупу земли. Он стремился к оформлению общинной собственности, согласно которой крестьяне становились бы собственниками земли по государственному акту, а не по соглашению с помещиком. Поэтому выкуп земли как продолжающаяся финансовая операция теряет свой первоначальный смысл, ибо выкуп отвечает своему названию лишь тогда, когда субъект приобретает право на вещь по окончанию полной выплаты суммы выкупа. При обязательном же выкупе крестьяне-общинники становятся собственниками сразу и выплаты идут государству, не изменяя земельный статус крестьян. С точки зрения крестьянского сознания, обязательный выкуп – это все равно что без выкупа, даром. Ведь помещику платить не надо, а государству какую-то подать надо платить всегда. Для крестьян обязательный выкуп есть не что иное, как подтверждение государством принадлежности земли крестьянам. Здесь создается не новое крестьянское право, а подтверждается прежнее [6. С. 110–111]. Вот за этот момент крестьянского сознания и ухватилась часть славянофилов. Кто верил в преимущественное право крестьян на часть земли, понимали необходимость финансового удовлетворения помещиков, но не от крестьян, а от государства. Значение проекта об обязательном выкупе именно в этом. Противоречие разрешалось тем, что крестьяне признаются собственниками части земли, а помещики получают «выкуп» от государства.

После отмены крепостного права в 1861 г. земля была дана в распоряжение не отдельным крестьянам, а сельским *общинам*. Общинное владение не являлось

частной собственностью. Вся наделная земля была как бы неким фондом, который должен был служить материальной основой для решения государственной задачи, т.е. для обеспечения существования крестьянства. Если вымирала семья, т.е. двор, то все хозяйство и земля отходили обратно к сельской общине. До тех пор пока семья существовала, члены ее совместно обрабатывали данную всему двору сообща в пользование землю. Некому было завещать, некому было и наследовать: ведь домохозяин не был хозяином двора и его имущества.

Осознавая необходимость введения частной собственности на землю под влиянием общественных дискуссий, правительство издает указ от 24 ноября 1866 г. Коренною особенностью этого указа было то, что государственным крестьянам были предоставлены во владение как *крестьянам-собственникам*, все состоявшиеся в их пользовании земли, кроме лесов, из платежа установленной оброчной подати [14. С. 184]. По 36 губерниям, на которые распространялся указ 24 ноября 1866 г. (за исключением западных, прибалтийских, сибирских, кавказских и Бессарабской областей), государственные крестьяне должны были получить на владение землями своего надела особый по каждому сельскому обществу акт, названный «владельною записью». В запись были включены земли крестьянского надела, по определению границ и его пространства, а также размера причитавшейся с каждого селения оброчной подати [Там же. С. 185]. Государственным крестьянам предоставлялось право пользоваться и распоряжаться по своему усмотрению данными им во владение землями. В течение трех лет со времени получения владенных записей общества они не могли отделять свои земли лицам, не принадлежащим к ним [15. С. 281].

Сенат в решениях первого, второго и кассационного отделов за № 29 от 3 ноября 1897 г. указывал, что сельская община и крестьянский двор признаются юридическими лицами в качестве собственников надела, заключая из этого, что раз наделные земли находятся во владении юридических лиц, то уже земли не могут подлежать завещанию [16. С. 171]. Правительство смотрело на крестьян как на сословие, нуждающееся в опеке и покровительстве. Надел, предоставленный крестьянину, не мог стать его *собственностью*. Он не мог свободно им распоряжаться, так как это делали члены других сословий со своей собственностью. А.И. Герцен писал: «Право каждого на пожизненное право обладания землей до того вросло в понятие русского, что переживая личную свободу крестьянина, закабаленного в крепость оно выразилось по-видимому в поговорке: мы господские, а земля наша» [17. С. 505].

Таким образом, рассмотрев проблему крестьянской собственности в российской исторической мысли во второй половине XIX в. и выяснив отношение крестьян к земле, можно прийти к выводу о том, что и те и другие склонялись к мнению, что собственность на землю сосредоточена в руках государства. При этом правительство не стремилось к активизации процесса перехода земли в частную собственность крестьян. Однако у крестьян не отсутствовало понимание собственности,

как ошибочно отмечают многие исследователи, а было сегодняшний день является дискуссионной и не получило должного освящения в трудах исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордон А.В. Хозяйствование на земле – основа крестьянского мировосприятия // Менталитет и аграрное развитие России. М., 1996.
2. Андюсов Б.Е. Традиционное сознание крестьян-старожилов Приенисейского края 60-х гг. XVIII – 90-х гг. XIX в.: Опыт реконструкции. Красноярск, 2004.
3. Громыко М.М. Труд в представлениях сибирских крестьян XVIII – первой половины XIX в. // Крестьянство Сибири XVIII – начала XX в. Классовая борьба, общественное сознание и культура. Новосибирск, 1975.
4. Федорова Н.А. К постановке проблемы собственности накануне и в ходе реформ 1861 г. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2009. № 3 (11).
5. Васильчиков А.В. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. СПб., 1883. Т. 1.
6. Селиверстов С.В. Проблема крестьянской собственности в русской исторической мысли. Караганда, 1995.
7. Аксаков К.С. Об основных началах Русской истории // Полное собрание сочинений. М., 1889. Т. 1.
8. Вандаковская М.Г. Милоков, Кизеветтер: история и политика. М., 1992.
9. Пономарёва Л.В. Вокруг евразийства: споры в русской эмиграции // Евразийская идея и современность. М., 2002.
10. Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры : в 3 т. СПб., 1900. Т. 1.
11. Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1: Население, экономический, государственный и сословный строй. СПб., 1896.
12. Ключевский В.О. Курс русской истории // Сочинения : в 9 т. М., 1987. Т. 8.
13. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1988. Кн. 2.
14. Высочайший указ 24 ноября 1866 г. о поземельном устройстве // Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности министерства государственных имуществ 1837–1887. Ч. 2 : Попечительство. Поземельное устройство. СПб., 1888.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. СПб., 1868. Т. 41.
16. Леонтович В.В. Крестьянское право после 1861 г. Вопросы с землей крестьян // История либерализма в России (1762–1914). М., 1995.
17. Герцен А.И. Русские немцы и немецкие русские // О социализме. Избранное. М., 1974.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 февраля 2014 г.

THE PROBLEM OF PEASANT LAND OWNERSHIP IN THE RUSSIAN HISTORICAL THOUGHT IN THE SECOND HALF OF THE NINETEENTH CENTURY

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 123–127 DOI: 10.17223/15617793/381/20

Dorofeev Mikhail V., Semikolenov Maksim V. Kuzbass State Pedagogical Academy (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: natdor13@mail.ru; SEMIKOLENOV.MAX.RU2010@yandex.ru

Keywords: farmers; land ownership; Westerners; Slavophiles; peasant reform of 1861.

The problem of peasant land ownership in the Russian historical thought in the second half of the 19th century became the key topic of public debate in connection with preparation and holding of the peasant reform of 1861. National historiography determined that the peasant understanding of property was based on the labor principle and, most importantly, peasants were not involved in the system of the state civil law. The originality of land relations in Russia was that together with peasant ownership there developed a kind of a peasant concept of land ownership and of the land law. The peasant psychology in Russia has always been ruled by the idea of land belonging to God and, therefore, the society in general. The notion "property" as well as its synonyms almost never occur in relation to land in official documents in the middle of the 19th century. The Slavophiles identified land belonging to people with its belonging to the state. Land belongs to the Russian people thus to the state as its external representative. Being the property of the entire Russian people it must be used without privatizing. The Westerners recognizing the existence of peasant land ownership in Russia tried to bring Russia closer to the West. In their further judgments they come to a conclusion that Russia has no individuals, public or private law identical to the European. The discrepancies between the Westerners and the Slavophiles were in different understanding of the role of the state in Russia. For Westerners the state property is the belonging of land to the institution above the people. The Slavophiles interpreted the state property as national, and the state law – as people's right to land. After the abolition of serfdom in 1861, land was given not to individual farmers but rural communities. Community ownership was not private ownership. All allotted land was like a fund which was to serve as the material basis to solve the state tasks, i.e. to provide for the living of the peasantry. If a family (household) died out the whole farm and the land went back to the rural community. While the family existed its members jointly used the land they were given. There was no one to bequeath and inherit: in fact the householder was not the owner of the farm and the property. The Senate's decisions of November 3, 1897 pointed out that rural communities and peasant households are recognized as legal entities being owners of strips of land. The conclusion from this was that as legal entities own land strips they cannot be subject to the will. A land strip given to a peasant could not become his property. Thus, both the Slavophiles and the Westerners shared an opinion that land ownership was concentrated in the hands of the state. Moreover, the government did not seek to enhance the transition of land to the private property of peasants. The problem today is controversial and has not been given due attention in the works of researchers.

REFERENCES

1. Gordon A.V. *Khozyaystvovanie na zemle – osnova krest'yanskogo mirovospriyatiya* [Land management as the basis of the peasant world view]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1996. 440 p.
2. Andryusev B.Ye. *Traditsionnoe soznanie krest'yan-starozhilov Prieniseyskogo kraia 60-kh gg. XVIII – 90-kh gg. XIX vv. Opyt rekonstruktsii* [Traditional consciousness of peasants, old-inhabitants of Near-Yenisei in the 60s of the 18th – 90s of the 19th centuries. Reconstruction experience]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Pedagogical University Publ., 2004. 261 p.
3. Gromyko M.M. *Trud v predstavleniyakh sibirskikh krest'yan XVIII – pervoy poloviny XIX v.* [Labour as represented by Siberian peasants in the 18th – first half of the 19th century]. In: *Krest'yanstvo Sibiri XVIII – nachala XX v. Klassovaya bor'ba, obshchestvennoe soznanie i kul'tura* [Peasantry of Siberia in the 18th – early 20th century. Class struggle, social conscience and culture]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1975. 216 p.

4. Fyodorova N.A. K postanovke problemy sobstvennosti nakanune i v khode reform 1861 g. [On the problem of property before and during the reforms of 1861]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki – University proceedings. Volga region. Humanities*, 2009, no. 3 (11).
5. Vasilchikov A.V. *Zemlevladienie i zemledelie v Rossii i drugikh evropeyskikh gosudarstvakh* [Land tenure and agriculture in Russia and other European countries]. Saint-Petersburg, 1883, vol. 1.
6. Seliverstov S.V. *Problema krest'yanskoy sobstvennosti v russkoy istoricheskoy mysli* [The problem of peasant ownership in Russian historical thought]. Karaganda, Karaganda State University Publ., 1995. 313 p.
7. Aksakov K.S. *Ob osnovnykh nachalakh Russkoy istorii* [On the basics of Russian history]. In: Complete Works, vol. 1. Moscow, 1889, pp. 11–24.
8. Vandalkovskaya M.G. *Milyukov, Kizevetter: istoriya i politika* [Miliukoff, Kiesewetter: history and politics]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 288 p.
9. Ponomaryeva L.V. *Vokrug evraziystva: spory v russkoy emigratsii* [Around Eurasianism: disputes in the Russian emigration]. In: *Evrasiyskaya ideya i sovremennost'* [Eurasian idea and modernity]. Moscow, Russ. Int. Friendship. Univ. Press, 2002.
10. Milyukov P.N. *Ocherki po istorii russkoy kul'tury. V 3 T.* [Essays on the History of Russian Culture. In 3 vols.]. Saint-Petersburg, 1900, vol. 1.
11. Milyukov P.N. *Naselenie, ekonomicheskiy, gosudarstvennyy i soslovnyy stroy* [Population, economic, public and class system]. In: *Ocherki po istorii russkoy kul'tury* [Essays on the History of Russian Culture]. Saint-Petersburg, 1896, vol. 1.
12. Klyuchevsky V.O. *Kurs russkoy istorii. In 9 vols.* [The Course of Russian History. In 9 vols.]. Moscow, 1987, vol. 8.
13. Solvyev S.M. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [History of Russia since ancient times]. Moscow, Mysl' Publ., 1988, book 2.
14. *Vysochayshiy ukaz 24 noyabrya 1866 g. o pozemel'nom ustroystve* [Highest Decree of November 24, 1866 on land units]. In: *Istoricheskoe obozrenie pyatidesyatiletney deyatel'nosti ministerstva gosudarstvennykh imushchestv 1837-1887. Ch. 2. Popechitel'stvo. Pozemel'noe ustroystvo* [Historical review of fifty-year-work of the Ministry of State Property, 1837-1887. Part 2. Guardianship. Land units]. Saint-Petersburg, 1888.
15. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie 2* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2]. Saint-Petersburg, 1868, vol. XLI.
16. Leontovich V.V. *Krest'yanskoe pravo posle 1861 g. Voprosy s zemley krest'yan* [Peasant right after 1861. Problems with peasant land]. In: *Istoriya liberalizma v Rossii (1762-1914)* [History of Liberalism in Russia (1762-1914)]. Moscow, Russkiy put' Publ., 1995. 444 p.
17. Herzen A.I. *Russkie nemtsy i nemetskie russkie* [Russian Germans and German Russians]. In: *O sotsializme. Izbrannoe* [On socialism. Selected works]. Moscow, 1974.

ПОДГОТОВКА США К «РАУНДУ КЕННЕДИ» В ГАТТ

Администрации Дж. Кеннеди и Л. Джонсона рассматривали «раунд Кеннеди» в ГАТТ как важный шаг на пути расширения американского экспорта и укрепления отношений США со странами Общего рынка. Анализируется комплекс мероприятий по подготовке США к переговорам в ГАТТ. Уделяется внимание торговым противоречиям между США и ЕЭС накануне и в ходе подготовительного этапа «раунда Кеннеди»: разнице уровней тарифного обложения, нетарифным ограничениям импорта, субсидированию сельскохозяйственного экспорта странами ЕЭС.

Ключевые слова: ГАТТ; ЕЭС; торговая политика США; «раунд Кеннеди».

В начале 1960-х гг. по своей экономической мощи, позициям в международной торговле, совокупной ёмкости внутренних рынков стран – участниц Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) приблизилось к США, а по некоторым показателям и обогнало их. Создание таможенного союза, окруженного высоким внешним таможенным барьером, вело к увеличению взаимной торговли стран – участниц ЕЭС и вытеснению иностранных товаров с европейских рынков. Соперничество между США и ЕЭС проявлялось как на европейских рынках промышленных и сельскохозяйственных товаров, так и в борьбе за рынки развивающихся стран. Ассоциация ряда развивающихся государств Африки с Общим рынком осложняла положение США в торговле с данными странами. Она также наносила ощутимый удар по торговле стран Латинской Америки – наиболее важной для США группы развивающихся стран – в виде вытеснения основных статей экспорта латиноамериканских государств на рынках ЕЭС африканскими странами.

Правительство Дж. Кеннеди придавало большое значение расширению американского экспорта, доходы от которого могли покрыть расходы на оказание военной и финансовой помощи американским союзникам и сократить дефицит платежного баланса. В то время как в начале 1960-х гг. доходы от экспорта в Италии составляли около 12% ВВП, в ФРГ – около 15%, в Великобритании – около 16%, в Соединенных Штатах они не превышали 4% [1. С. 548]. Предложенная администрацией Дж. Кеннеди программа экспортной экспансии включала такие меры, как выделение правительственных субсидий экспортным отраслям, учреждение американских торговых представительств за рубежом, изучение иностранных рынков с участием торговых ассоциаций и промышленных групп. Компаниям, ориентированным на экспорт, рекомендовалось открывать за границей американские торговые центры и ярмарки, приглашать потенциальных покупателей в США для знакомства с американской продукцией [Там же. С. 543]. Однако основные надежды правительства Дж. Кеннеди на расширение сбыта американских товаров за границей были связаны с очередным раундом переговоров о сокращении тарифов в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), получившим название «раунда Кеннеди» (1964–1967 гг.).

В порядке подготовки к предстоящим торговым переговорам с ЕЭС в ГАТТ администрация Дж. Кеннеди разработала и провела в 1962 г. через конгресс новый торговый закон. Закон о расширении торговли предо-

ставлял президенту широкие полномочия для ведения многосторонних и двусторонних переговоров. Согласно закону президент получил право снижать пошлины до 50% от уровня пошлины на 1 июля 1962 г. Он мог снизить или отменить пошлину на любой товар, если эта пошлина составляла 5% или менее стоимости товара. Специальные полномочия были предусмотрены в отношении Общего рынка. К ним относилось право брать обязательства о полной отмене пошлин на товары, стоимость экспорта которых из США и стран Общего рынка в другие капиталистические страны превышала 80% стоимости капиталистического экспорта. Полномочия вести торговые переговоры были предоставлены президенту сроком на пять лет, т.е. до 30 июня 1967 г. Закон о расширении торговли предусматривал, с одной стороны, либерализацию американского импорта и расширение на этой основе внешней экспансии США, а с другой – возможность использования новых форм повышения конкурентоспособности американского производства на внутреннем и внешних рынках. Он устанавливал, что в случае, если какая-либо отрасль промышленности будет нести серьезный ущерб или находиться под угрозой возникновения такого ущерба в результате возросшего импорта, правительство может вновь повысить пошлины, ввести импортные ограничения (квоты) или использовать то и другое одновременно. Законом предусматривалась возможность оказания финансовой и иной помощи отдельным фирмам и группам рабочих, пострадавшим в результате снижения пошлин, на приспособление к новым условиям торговли [2].

Для того чтобы обеспечить прохождение Закона о расширении торговли через конгресс, администрация Дж. Кеннеди пошла на ряд уступок, которые включали введение новой должности специального представителя президента по торговым переговорам, а также обещание добиваться от Общего рынка сокращения тарифов не только на промышленные, но и на сельскохозяйственные товары. В ходе слушаний в закон была внесена поправка, «предписывавшая президенту воздерживаться от ведения переговоров по сокращению тарифов с целью отмены любых неправомерных ограничений, подрывающих значение тарифных обязательств, и наделявшая его правом принимать дискриминационные меры в отношении тех стран, которые поддерживают такие ограничения, препятствующие американскому сельскохозяйственному экспорту» [3. С. 157]. Вскоре после принятия Закона о расширении торговли Правительство США выступило инициатором

проведения одних из наиболее масштабных в истории ГАТТ переговоров. В ходе «раунда Кеннеди» большую роль должны были играть переговоры между США и Общим рынком о снижении тарифов во взаимной торговле. В основу переговоров, как и прежде, были положены принципы эквивалентности и взаимности предоставляемых уступок, но отличие от предыдущей практики заключалось в большем масштабе предложений снижения американских пошлин и отсутствии прямой увязки этого снижения с последствиями для американской промышленности.

Переговоры могли вестись по традиционному принципу обсуждения «товар за товаром» или путем одновременного рассмотрения товарных групп с применением метода «линейного» снижения пошлин по всей группе. Последний метод широко практиковался в рамках ЕЭС и Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ). К началу «раунда Кеннеди» большинство стран – членов ГАТТ полагали, что использовавшийся на предыдущих раундах ГАТТ традиционный принцип обсуждения «товар за товаром» не способствовал существенной либерализации мировой торговли. Он ограничивал охват и глубину снижения тарифов, так как давление со стороны местных производителей приводило к тому, что делегации исключали многие товары из переговоров. Это порождало ответные действия со стороны других участников не только в качестве возмездной меры, но с целью зарезервировать часть товаров в интересах сохранения своих переговорных возможностей. В итоге снижение пошлин, как правило, распространялось на такие виды товаров, по которым не было серьезной конкуренции на импортных рынках. Применение метода «линейного» снижения пошлин гарантировало снижение пошлин на все товары определенной группы, а заложенная в данном методе процедура приблизительно одинакового снижения пошлин всеми участниками обеспечивала соблюдение принципа взаимности предоставляемых уступок [4. С. 21–22].

Кроме изменения торгового законодательства США правительство Дж. Кеннеди и пришедшее ему на смену правительство Л. Джонсона провели широкий круг организационных мероприятий по подготовке к «раунду Кеннеди», включая такие меры, как:

- создание специального правительственного органа для подготовки и ведения переговоров;
- пересмотр и упрощение таможенной классификации товаров в целях ее приближения к классификации стран ЕЭС и облегчения сопоставления отдельных товарных групп;
- составление и обсуждение списка товаров, по которым США могли предоставить тарифные уступки на взаимной основе;
- предварительные консультации и двусторонние неофициальные переговоры с отдельными странами-участниками Общего рынка.

Закон о расширении торговли 1962 г. ввел новые организационные формы подготовки и ведения торговых переговоров. Ранее во главе американской делегации, состоящей из представителей разных министерств, формально находился министр иностранных дел. По новому закону для ведения переговоров был

назначен специальный представитель президента по торговым переговорам. Он утверждался сенатом и имел ранг чрезвычайного и полномочного посла (ст. 241). Специальный представитель напрямую подчинялся президенту, но также нес ответственность перед конгрессом. Закон 1962 г. также установил, что два члена палаты представителей и два сенатора будут членами каждой делегации, ведущей торговые переговоры (ст. 243) [5. С. 124–125].

Инициатива учреждения должности специального представителя по торговым переговорам принадлежала конгрессу и представляла собой уступку президента конгрессу за расширение его переговорных возможностей. Делегируя часть своих полномочий в проведении торговой политики США исполнительной власти, конгрессмены хотели быть уверенными в том, что на предстоящих переговорах в ГАТТ американские торговые интересы будут защищены должным образом. Официально учреждение новой должности объяснялось необходимостью координации работы различных подразделений правительства; на деле главный мотив, которым руководствовались конгрессмены, заключался в стремлении ограничить влияние госдепартамента США на разработку и осуществление американской внешнеэкономической политики [6]. Специальный представитель по торговым переговорам, таким образом, заменил госдепартамент в качестве главного американского представителя на переговорах в ГАТТ.

Президент Дж. Кеннеди попросил порекомендовать на эту должность достаточно консервативного политика, чтобы успокоить конгресс и деловое сообщество США, но в то же время убежденного сторонника принципа либерализации торговли [7]. В итоге специальным представителем президента по торговым переговорам был назначен бывший госсекретарь К. Гертер, сыгравший большую роль в разработке и принятии плана Маршалла и хорошо известный своими связями в Западной Европе. В соответствии с законом 1962 г. Дж. Кеннеди распоряжением от 15 января 1963 г. учредил при Правительстве США аппарат специального представителя по торговым переговорам и консультативный комитет по торговле, членами которого являлись министры иностранных дел, финансов, обороны, внутренних дел, сельского хозяйства, торговли и труда. Задача комитета по торговле заключалась в обеспечении своевременной подготовки и эффективного проведения переговоров с Общим рынком. Аппарат специального представителя по торговым переговорам был укомплектован специалистами по внешней торговле, в основном из представителей частных торговых и промышленных фирм. При нем было учреждено три комитета: исполнительный комитет по торговле, комитет торговых экспертов и комитет торговой информации.

31 января 1963 г. К. Гертер представил в Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) основные положения, которые администрация США предлагала положить в основу будущих переговоров в ГАТТ:

- применение метода «линейного» сокращения тарифов сразу по всей группе вместо обсуждения «товар за товаром»;
- устранение квот и других нетарифных ограничений;

– включение в повестку дня вопросов сельского хозяйства;

– ведение переговоров с учетом интересов развивающихся стран в расширении их экспорта в промышленные страны [8].

Соединенные Штаты стремились начать переговоры в ГАТТ как можно раньше – не позднее весны 1964 г. [1. С. 594]. Правительство Дж. Кеннеди рассчитывало максимально использовать положение Закона 1962 г. о праве снижения пошлин до 50%, для чего сократить до минимума список возможных исключений. Успех торговых переговоров имел большое значение для реализации внешнеполитической программы администрации Дж. Кеннеди. После «вето» Ш. де Голля на вступление Великобритании в ЕЭС переговоры в ГАТТ являлись единственным средством преодоления экономического раскола Западной Европы [Там же. С. 572]. «Раунд Кеннеди» рассматривался администрацией США как американский ответ динамично развивавшемуся Общему рынку, как тест построения открытого атлантического партнерства, основанного на неделимости безопасности западных стран и взаимозависимости их экономического процветания, а также как демонстрация готовности более богатых государств открыть свои рынки для товаров из развивающихся стран [9].

В отличие от США страны Общего рынка, особенно Франция, относились к предстоящим переговорам настороженно и считали, что сообщество не готово к новым шагам по либерализации торговли [10]. Страны ЕЭС еще не завершили процесс создания таможенного союза и едва приступили к разработке единой сельскохозяйственной политики. На заседании 1–2 апреля 1963 г. Совет министров ЕЭС поддержал предложение о проведении нового раунда переговоров в ГАТТ, но министры выступили против снижения тарифов на сельскохозяйственные товары по тем же правилам, что и на промышленные товары. Страны Общего рынка опасались притока дешевых американских товаров в Европу. Соппротивление европейцев американской торговой программе также было вызвано замедлением в 1962 г. темпов экономического роста в странах ЕЭС и образовавшимся торговым дефицитом в 1,9 млрд долларов. Большая часть дефицита торгового баланса приходилась на торговлю с Соединенными Штатами. В целях преодоления торгового дефицита «шестерка» стала резервировать большую часть рынка ЕЭС для местных производителей [11. С. 164–166].

В преддверии «раунда Кеннеди» европейцы находились в лучших переговорных условиях. Страны ЕЭС направляли в США только 8% своего экспорта, в то время как США экспортировали в страны Общего рынка более 30%. Удельный вес продовольственных товаров в общем американском экспорте достигал 17–20%, при этом значительная часть продовольствия направлялась в страны ЕЭС [5. С. 11]. В 1961 г. Соединенные Штаты поставляли в страны «шестерки» 42% всей вывозимой на экспорт птицы, 37% фуражного зерна, 30% масличного сырья и растительного масла и 23% табака [12. С. 173]. В силу дефицита платежного баланса Соединенные Штаты были больше заинтересованы в расширении своих экспортных возможностей, чем страны Общего рынка, поэтому, по мнению европейцев, долж-

ны были пойти на значительные уступки. В то же время страны – участницы ЕЭС не были едины относительно торговой политики сообщества по отношению к США. Франция выступала главным инициатором и защитником жесткого курса Общего рынка, так как рынок стран ЕЭС имел первостепенное значение для сбыта французской экспортной продукции. Прямо противоположными являлись интересы ФРГ. Поскольку более 65% экспорта республики направлялось в третьи страны, правительство ФРГ было заинтересовано в преодолении торговых барьеров, стоящих на пути экспорта ее товаров в США и другие государства [5. С. 140].

Основные противоречия между США и ЕЭС были вызваны сельскохозяйственной политикой сообщества. В начале 1960-х гг. страны Общего рынка вплотную приступили к формированию Общей сельскохозяйственной политики (ОСП). Главные цели ОСП состояли в том, чтобы достичь полной самообеспеченности стран «шестерки» продовольствием, гарантировать фермерам стабильный доход и защитить местных производителей от конкуренции извне. Общая сельскохозяйственная политика ЕЭС предполагала постепенное создание единого сельскохозяйственного рынка со свободным перемещением сельскохозяйственных товаров между странами-членами на основе единых цен, а также унифицированных санитарных, ветеринарных и других правил, установление приоритета продукции, произведенной в ЕЭС, над продукцией внешнеторговых поставщиков и финансирование подавляющей части расходов на ОСП из бюджета ЕЭС. С этой целью в 1962 г. был учрежден Европейский фонд ориентации и гарантий сельского хозяйства (ФЕОГА). Накопления фонда должны были использоваться для финансирования закупки у фермеров продукции по гарантированным ценам, хранения продовольственных запасов, субсидирования экспорта и осуществления структурных улучшений сельского хозяйства [12. С. 129–131].

С 1962 г. начала формироваться система рыночно-ценовых инструментов ОСП. Введение целевых цен (целевая цена – единая в рамках ЕЭС желательная цена конкретного сельскохозяйственного продукта, как правило, превышавшая мировую) обеспечивало фермерам стабильный и достаточно высокий доход. Система вмешательства через установление более низких цен, по которым специальные агентства в странах ЕЭС закупали невостребованную рынком продукцию, гарантировала продажу большинства продукции фермеров независимо от реального рыночного спроса. Пороговая цена (минимальная цена импорта продукции в ЕЭС из третьих стран) и импортный сбор, повышавший цену импортных товаров до уровня пороговой цены, защищали рынок ЕЭС от дешевого импорта извне. Поскольку большая часть компенсационных сборов с сельскохозяйственного импорта должна была поступать в общий бюджет ЕЭС, получалось, что ОСП косвенно финансировалась за счет импортеров продовольствия из третьих стран. Экспортная субсидия, которая компенсировала экспортеру из ЕЭС разницу между высокой внутренней и низкой мировой ценами, обеспечивала конкурентоспособность продукции сообщества на мировом рынке. Эти инструменты легли в основу общей организации рынков важнейших сельскохозяйственных

товаров: молока, мяса, сахара, пшеницы. При этом внутри ЕЭС существовали достаточно серьезные противоречия между странами – экспортерами сельскохозяйственных товаров (Франция, Голландия, Италия) и их импортерами (ФРГ, Бельгия).

Аграрная политика Общего рынка, рассчитанная на стимулирование производства в странах ЕЭС ряда важных сельскохозяйственных продуктов, влекла за собой сокращение соответствующего импорта извне. Дискриминационное действие аграрного протекционизма Общего рынка главным образом было направлено против стран, экспортирующих сельскохозяйственные продукты умеренной зоны (США, страны ЕАСТ, Новая Зеландия, Австралия) и неассоциированных развивающихся стран. С 1 августа 1962 г. на часть американского сельскохозяйственного экспорта в страны ЕЭС вместо постоянных таможенных пошлин были установлены подвижные импортные сборы, повышавшие цену товара до уровня цен Общего рынка. Госдепартамент США оценивал формирование Общей сельскохозяйственной политики ЕЭС как важную составную часть развития сообщества, без которой невозможно было построение экономического союза стран «шестерки».

Как отмечалось в годовом отчете госдепартамента за 1962 г., посвященного вопросам европейской интеграции, существовала опасность реализации ОСП на протекционистской основе, в результате чего мог пострадать экспорт американской сельскохозяйственной продукции в Европу. Степень ущерба зависела от того, на каком уровне будут установлены внутренние цены на сельскохозяйственную продукцию в ЕЭС [13]. К этому времени в США скопилась большая масса избыточной сельскохозяйственной продукции. Попытки сокращения посевных площадей не давали ожидаемого результата, так как уровень производительности в сельском хозяйстве рос быстрее, чем темпы сокращения посевных площадей. Усилия перевести часть сельскохозяйственной продукции на зарубежные рынки наталкивались на демпинговую политику со стороны торговых партнеров.

Администрация США надеялась на то, что проблемы американского сельскохозяйственного экспорта в страны Западной Европы удастся решить в ходе предстоящих переговоров в ГАТТ, во время которых США рассчитывали:

- получить от ЕЭС гарантии свободного доступа на европейские рынки товаров, попадающих под действие подвижных импортных сборов, в виде установления умеренных цен, отмены квот и других протекционистских мер;
- добиться сокращения пошлин на сельскохозяйственную продукцию в виде «линейного» сокращения тарифов и устранения нетарифных экспортных ограничений;
- ввести запрет на отвод предоставленных тарифных уступок [14].

Включение вопросов сельского хозяйства в повестку дня переговоров в ГАТТ являлось новым шагом, так как до этого времени тарифные правила и нормы ГАТТ не распространялись на торговлю сельскохозяйственными товарами. Действующие в рамках или при под-

держке ГАТТ международные товарные соглашения по сельскохозяйственным продуктам (пшеница, кофе) не предусматривали никакого таможенного регулирования в торговле этими товарами. В специальном докладе для президента, посвященном проблемам торговли сельскохозяйственной продукцией со странами ЕЭС, министр сельского хозяйства О. Фримэн отмечал необходимость увязки вопросов сокращения тарифов на промышленные товары и продукты сельского хозяйства в ходе «раунда Кеннеди». Он подчеркивал, что, так как США экспортируют в ЕЭС в четыре раза больше продуктов сельского хозяйства, чем импортируют, Соединенные Штаты должны предоставить странам Общего рынка тарифные уступки на промышленные товары только в обмен на тарифные уступки на сельскохозяйственную продукцию [15].

15 мая 1963 г. в Женеве открылась первая встреча министров в рамках ГАТТ, которая должна была выработать общие правила ведения будущих переговоров. Американскую делегацию возглавлял специальный представитель президента по торговым переговорам К. Гертер. Общий рынок представлял комиссионер по вопросам внешних отношений Ж. Рей, в состав делегации ЕЭС входили министр финансов Франции Ж. д'Эстен и министр экономики ФРГ Л. Эрхард. Подготовительный этап «раунда Кеннеди» (май 1963 г. – май 1964 г.) занял гораздо большее время, чем подготовка к предыдущим раундам переговоров в ГАТТ, на которых предварительные дискуссии носили процедурный характер. Теперь же сторонам впервые следовало согласовать правила автоматического сокращения тарифов и конечные уступки до начала основных переговоров. В связи с медленным прогрессом на предварительной стадии «раунда Кеннеди» некоторые американские политики-демократы предлагали назвать его «раундом Гертера» в честь специального представителя по торговым переговорам республиканца К. Гертера. Лично президент Дж. Кеннеди был сконфужен, что пресса называла предстоящие переговоры его именем. Некоторые американские чиновники колко шутили, что охотно называли бы переговоры «раундом де Голля», если бы это привело к большему сотрудничеству Франции [16. С. 139].

Первая же фаза подготовки к переговорам в рамках «раунда Кеннеди» продемонстрировала твердую решимость западноевропейских стран добиваться от США более серьезных принципиальных уступок, чем это было предусмотрено законом 1962 г. По инициативе Франции в повестку дня были включены некоторые вопросы, которые не входили в изначальные планы США. Еще в апреле 1963 г. на заседании рабочей группы ГАТТ по сокращению тарифов страны Общего рынка выразили несогласие с предложенным США принципом «линейного» и эквивалентного снижения тарифов и поставили вопрос о значительных расхождениях в уровнях таможенной защиты США и ЕЭС. Если в странах Общего рынка в результате введения единого внешнего тарифа внешние пошлины колебались от 15 до 25%, то в США их разрыв варьировался от 0 до 80%. Страны Общего рынка опасались, что сокращение тарифов на 50% оставит ЕЭС полностью незащищенным, так как около 90% товаров будут облагаться пошлиной

менее 10%. В результате этого экспорт товаров из США в ЕЭС вырастет больше, чем экспорт товаров из ЕЭС в США. Импорт в ЕЭС из третьих стран вырастет больше, чем импорт в США. Переговорные возможности ЕЭС резко сократятся, что не оставит сообществу шансов добиться снижения высоких американских тарифов на следующих торговых переговорах [17]. Страны Общего рынка настаивали, что целью переговоров в ГАТТ должна стать гармонизация таможенных систем индустриально развитых стран. Для этого следовало сократить высокие таможенные пошлины в большей степени, чем низкие. Вместо сокращения тарифов на 50% представители ЕЭС предлагали сократить на 50% разницу между существующими и минимальными импортными пошлинами (минимальными пошлинами считались 0% – на сырье, 5% – на полуфабрикаты и 10% – на готовые изделия), а также исключить из переговоров те товары, которые облагались пошлиной в 10% и менее.

По инициативе Общего рынка на обсуждение были также поставлены вопросы сокращения нетарифных барьеров, к которым относились количественные ограничения импорта (в том числе в соответствии с законом «покупай американское» 1933 г.), оценка стоимости импортного товара, государственное субсидирование экспорта, санитарные правила и правила безопасности. Включение вопроса о нетарифных барьерах в повестку дня «раунда Кеннеди» было вызвано опасениями, что всеобщее сокращение тарифов приведет к увеличению роли нетарифных форм ограничения импорта. Нетарифные ограничения импорта рассматривались правительством США в качестве элемента внутренней экономической политики и, следовательно, не подлежащих обсуждению другими странами. Американские эксперты к тому же опасались, что Франция может заблокировать любое решение в данной сфере [1. С. 607]. Это было связано с тем, что ст. 111 договора, учреждающего ЕЭС, наделяла Комиссию полномочиями вести переговоры только по вопросам тарифов [18. С. 171]. Таким образом вопрос о нетарифных барьерах не входил в единую торговую политику Общего рынка и все решения в данной области должны были приниматься на основе единогласия стран – членов ЕЭС. Соединенные Штаты, однако, были вынуждены уступить давлению стран Общего рынка. В итоге нетарифным барьером было отведено одно из важных мест в ходе переговоров.

Поскольку ФРГ и министр экономики Л. Эрхард были заинтересованы в дальнейшей либерализации торговли, Западная Германия поставила условием выполнения французских требований о развитии Общей сельскохозяйственной политики ЕЭС и заключении соглашений об ассоциации с африканскими странами конструктивное участие ЕЭС в «раунде Кеннеди» [3. С. 191]. 21 мая 1963 г. стороны договорились о начале нового раунда переговоров в ГАТТ с участием как можно большего числа стран. Они должны были начаться в мае 1964 г. в Женеве и включать обсуждение вопроса о снижении тарифов как на промышленные, так и сельскохозяйственные товары. Соединенные Штаты стремились использовать ситуацию, пока Общая сельскохозяйственная политика ЕЭС находилась в стадии формирования, чтобы в рамках многосторонних торговых переговоров повлиять на ценовую политику Общего рынка. США и ЕЭС пришли к компромиссному решению о том, что в основу переговоров будет положен предложенный Соединенными Штатами принцип равного «линейного» сокращения тарифов, но в случаях большого расхождения тарифного обложения будут применяться специальные правила. Специальному комитету было поручено разработать эти специальные правила [19].

Предварительные списки товаров, на основании которых американская делегация должна была вести переговоры в ГАТТ, президент объявил в октябре 1963 г. одновременно с официальным извещением о предстоящих переговорах. Подготовку списков провел аппарат К. Гертера. Они включали 6 000 наименований, что составляло около 87% импорта в США. Данный список был самым большим за всю историю торговых переговоров. Во время предыдущего «краунда Диллона» только 25% импорта подлежало снижению пошлин. В целях продвижения свободной торговли администрация Дж. Кеннеди старалась минимизировать число отступ-

лений из списка за исключением случаев, попадающих под действие «избавительной оговорки» и положения о защите национальной безопасности (нефть, текстиль и др.). К ноябрю 1963 г. стороны составили общий прогноз, что в среднем тарифы на промышленные товары не будут сокращены больше, чем на 30%, что все же было бы неплохим результатом по сравнению с итогами «раунда Диллона», который привел к сокращению тарифов в среднем на 10% [11. С. 175].

Расхождения между США и ЕЭС рассматривались специально созданным Комитетом разработки плана переговоров и наблюдения за их проведением. Комитету было поручено согласовать следующие вопросы:

1. Объем тарифных сокращений и правила об исключениях.

2. Критерии по определению значительных несоответствий в уровнях тарифов и специальные правила для сокращения тарифов в этих случаях.

3. Проблему стран с очень низким уровнем тарифа или с особой структурой торговли (экспортеры продовольствия и сырья), для которых равное «линейное» сокращение тарифов могло не дать достаточных преимуществ.

4. Правила и методы, которые должны применяться для расширения международной торговли сельскохозяйственными товарами.

5. Правила и методы для нетарифных барьеров [20].

Противоречия между странами – участниками Общего рынка по ряду основных вопросов взаимоотношений с Соединенными Штатами осложнили выработку единой линии ЕЭС для переговоров в рамках «раунда Кеннеди». Если ФРГ и поддерживавшие её в большинстве случаев Бельгия и Голландия стремились ускорить переговоры и прийти к соглашению с США, то Франция придерживалась иного подхода. Франция выступала за достаточно скромные результаты переговоров в ГАТТ, чтобы защитить институты ЕЭС, приспособить их к внутренней конкуренции в сообществе, предотвратить поток американских товаров в Европу и обеспечить доминирование французских фермеров на европейском продовольственном рынке. В качестве обязательного и предварительного условия участия в переговорах она потребовала решения ряда внутренних проблем Общего рынка и, прежде всего, единой сельскохозяйственной политики.

В это время внутри ЕЭС решался вопрос об установлении единых цен на зерно, который вылился в конфликт между Францией и ФРГ. На совещании Совета министров ЕЭС, состоявшемся в ноябре – декабре 1963 г. в Брюсселе, вице-председатель Комиссии ЕЭС С. Мансхолт выдвинул план установления единой цены на зерновые не поэтапно к 1970 г., а «одним ударом» к июлю 1964 г. Франция, имевшая самые низкие закупочные цены на основные сельскохозяйственные продукты, добивалась сближения цен внутри ЕЭС на низком уровне, что позволило бы ей значительно расширить экспорт пшеницы внутри Общего рынка. Принятие французского предложения означало бы для ФРГ необходимость согласиться на разорение фермеров. Правительство ФРГ выдвинуло встречное предложение о сближении цен на высоком уровне. Для Франции же повышение цен до уровня западногерманского означа-

ло расширение сельскохозяйственного производства и связанный с этим рост излишков, нуждавшихся в размещении. Функции посредника взял на себя министр экономики ФРГ Л. Эрхард, который специально для этого вылетел в Женеву. Он связал уступки Франции в вопросе о ценах на пшеницу с ее позицией по вопросам сокращения тарифов в рамках торговых переговоров в ГАТТ [21].

В США считали, что переговоры по сельскому хозяйству не должны быть оторваны от переговоров по промышленности. Принятие решений о сокращении тарифов на те сельскохозяйственные товары, которые были включены в Общую сельскохозяйственную политику ЕЭС, следовало отложить вплоть до согласования норм ОСП. Однако к остальным товарам (овощи, фрукты) должно применяться правило «линейного» сокращения тарифов на 50%. Общий рынок должен дать гарантии, что результатом введения ОСП не станет сокращение сообществом сельскохозяйственного импорта. В свою очередь Комиссия ЕЭС вместо сокращения тарифов предложила договориться о допустимых пределах защиты, которые являлись разницей между международной справочной ценой и ценой на внутреннем рынке. В случае падения импортных цен ниже справочной цены каждое государство могло использовать различные способы защиты и поддержки фермеров по своему усмотрению. По мнению Комиссии, такой подход позволял наряду с тарифами и подвижными сборами ЕЭС обсудить меры поддержки сельского хозяйства, применяемые другими странами, особенно американские экспортные субсидии и импортные квоты. Страны-экспортеры сельскохозяйственных товаров не могли согласиться с предложением Общего рынка, результатом которого стало бы не уменьшение аграрного протекционизма, а легализация системы подвижных импортных сборов ЕЭС [3. С. 204, 209–211]. Американская делегация не исключала для себя возможности жесткого торга по вопросу сельскохозяйственных уступок взамен на уступки по промышленным товарам [22. С. 616, 618–619].

После смерти Дж. Кеннеди президент Л. Джонсон продолжил подготовку к переговорам в ГАТТ. В целях выявления мнений заинтересованных американских фирм и организаций в декабре 1963 г. началось обсуждение списков в Тарифной комиссии и в комитете торговой информации. К 21 апрелю 1964 г. Тарифная комиссия должна была представить заключение об экономическом влиянии сокращения тарифов на американскую промышленность, а комитет – оценить внешнеторговые ограничения, уменьшение которых могло быть особенно выгодным для американских экспортных отраслей [23]. Во время публичных слушаний в Тарифной комиссии (21 декабря 1963 г. – 27 марта 1964 г.) производители оказывали давление, чтобы убрать часть наименований из списка товаров, на которые распространялось сокращение тарифов. В ходе согласования правил ведения переговоров помимо позитивных списков решено было составить минимальные списки исключений, точное число исключений оговорено не было. В офисе К. Гертера считали, что Соединенные Штаты как лидер либерализации торговли и главный инициатор «раунда

Кеннеди» должны составить как можно меньший список. С этой целью каждое министерство должно было представить свои предложения с убедительным обоснованием каждого случая. Работу по составлению списков исключений планировалось начать в апреле 1964 г. [22. С. 631].

С января 1962 г. по май 1964 г. администрация США проделала масштабную работу по подготовке к «раунду Кеннеди» в ГАТТ от изменения американского торгового законодательства до предварительных

консультаций со своими торговыми партнерами. В то же время противоречия между США и ЕЭС, проявившиеся в ходе подготовительного этапа «раунда Кеннеди», показали, что предстоящие дебаты по вопросу о сокращении тарифов будут иметь сложный и продолжительный характер. Они также вызвали сомнение в возможности достижения всех целей, поставленных перед американской делегацией на переговорах в ГАТТ, особенно связанных с сокращением тарифов на продукцию сельского хозяйства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Foreign Relations of the United States (FRUS)*. 1961–1963. Vol. 9: Foreign Economic Policy. Wash., 1995.
2. *Official Summary of the Trade Expansion Act (Public Law 87–794, approved October 11, 1962)* // Documents on American Foreign Relations. 1962 / ed. by R.P. Stebbins, E.P. Adam. N. Y., 1963. P. 496–508.
3. *Evans J.W. The Kennedy Round in the American Trade Policy. The Twilight of the GATT?* Cambridge (Mass.), 1971.
4. *Economic Relations after the Kennedy Round* / ed. by Frans A.M. Alting von Geusar. Leyden, 1969.
5. *Шеринев Е.С. «Раунд Кеннеди»: расчеты США и действительность*. М., 1968.
6. *Diebold W., Jr. A Watershed with Some Dry Sides: The Trade Expansion Act of 1962* // John F. Kennedy and Europe / ed. by D. Brinkley, R.T. Griffiths. Baton Rouge, 1999. P. 248.
7. *Ball G.W. The Past has Another Pattern: Memoirs*. N.Y. ; L., 1982. P. 198.
8. *Statement by Christian A. Herter, Special Representative for Trade Negotiations, to Heads of Delegations of the Organization for Economic Cooperation and Development, Paris, January 31, 1963* // Documents on American Foreign Relations. 1963 / ed. by R.P. Stebbins, E.P. Adam. N. Y., 1964. P. 193–195.
9. «Kennedy Round» Strategy Paper, December 6, 1963. National Archive (NA), RG 59, Box 12, Folder L5b.
10. *European Reactions to US Trade Expansion Act*. December 12, 1963. NA, RG 59, Box 12, Folder L5b.
11. *Zeiler T.W. American Trade and Power in the 1960s*. N. Y., 1992.
12. *Европейская аграрная интеграция*. М., 1967.
13. *Year-End Review «European Integration Affairs»*, December 6, 1962. NA, RG 59, Records Relating to UK Negotiations for Membership in the EEC, 1961–1962, Box 4, Folder L5.
14. *Visit of Chancellor Erhard of Germany, December 28–29, 1963. Supplementary Talking Points on Trade Negotiations, December 26, 1963*. NA, RG 59, Box 12, Folder L5b.
15. *Report to the President on Agricultural Trade Problems with the EEC*, the Secretary of Agriculture Orville L. Freeman, February 4, 1963. John Fitzgerald Kennedy Library (JFKL), POF, Box 69, Folder «Agriculture – EEC Trade Problems, 2/9/63».
16. *Taber G.M. John F. Kennedy and a Uniting Europe*. Bruges, 1969.
17. *Alkema Y. European-American Trade Policies, 1961–1963* // John F. Kennedy and Europe. P. 230.
18. *Договор об учреждении Европейского экономического сообщества* // Европейский союз: Прошлое, настоящее, будущее. Т. 1: Документы Европейского союза. М., 1994.
19. *Resolution of the Ministerial Meeting of the Contracting Parties to the General Agreement on Tariffs and Trade, Geneva, Adopted May 21, 1963* // Documents on American Foreign Relations. 1963. P. 197.
20. *Шеринев Е.С. США: таможенный протекционизм*. М., 1970. С. 313–314.
21. *The Trade Negotiations: the Tactical Situation*, December 10, 1963. NA, RG 59, Box 12, Folder L5b.
22. *FRUS*. 1964–1968. Vol. 8: International Monetary and Trade Policy. Wash., 1998.
23. *Office of the Special Representative for Trade Negotiations. Memorandum «The Trade Negotiations»*, December 10, 1963. NA, RG 59, Box 16, Folder L5b (2).

Статья представлена научной редакцией «История» 27 декабря 2013 г.

PREPARATION OF THE USA FOR THE KENNEDY ROUND IN GATT

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 128–135 DOI: 10.17223/15617793/381/21

Lekarenko Oksana G. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olekarenko@gmail.com

Keywords: GATT; EEC; US trade policy; Kennedy Round.

Kennedy's Administration considers trade negotiations in the framework of the General Agreement on Tariffs and Trade (GATT) as an important measure of promotion American trade expansion and strengthening the cohesion of the West through minimizing the economic tensions between the USA and the European Economic Community (EEC). In preparation for the forthcoming negotiations in 1962 the Trade Expansion Act (TEA) was adopted. It authorized the President to conclude commercial agreement with foreign countries for a period of 5 years and to reduce by 50% the customs duties in force on 17 July 1962. The TEA also allowed the American executive to negotiate the complete abolition of the US duties on all industrial products in which American trade with Western Europe represented more than 80% of the total world trade in the goods. The Trade Expansion Act made it possible for the first time to affect equal linear reductions in the tariffs, which represented a radical innovation in relation to the traditional practices of product by product negotiation. The TEA produced a solid base for Americans in trade negotiations in GATT, which began in 1964 and was named the Kennedy Round. The USA's principal objective in the Kennedy Round was to secure a substantial reduction in the EEC Common External Tariff and to persuade the EEC to give a more liberal character to the agricultural policy of the Community. Other measures of preparation for the Kennedy Round included the appointment of Herter the Special Representative for Trade Negotiations; revision of the US customs classification in order to approximate it to the customs classification of the EEC and simplify the process of comparison of separate commodity groups; making and discussing the list of products which were subject to reciprocal tariff reduction; preliminary consultations and bilateral informal talks with different countries-members of the Common Market. After the death of President Kennedy the Johnson's Administration continued the preparation for the Kennedy Round. However, the preliminary stage of the trade negotiations which lasted a year and half revealed many disagreements between the United States and the Common Market countries, the most important of

which were the question of tariff disparities, non-tariff barriers of import and agricultural export subsidies. It predicted protracted and complicated negotiations during the Kennedy Round. There was no prospect that the USA would be able to achieve all its aims in the negotiations, especially those concerning the reduction of tariffs on agricultural products.

REFERENCES

1. *Foreign Economic Policy*. Foreign Relations of the United States (FRUS). 1961-1963. Vol. 9. Washington, GPO, 1995.
2. Official Summary of the Trade Expansion Act (Public Law 87-794, approved October 11, 1962). In: Stebbins R.P., Adam E.P. (eds.) *Documents on American Foreign Relations*. 1962. New York, 1963, pp. 496–508.
3. Evans J.W. The Kennedy Round in the American Trade Policy. *The Twilight of the GATT? Cambridge (Mass.)*, 1971.
4. Alting von Geusar F.A.M. (ed.) *Economic Relations after the Kennedy Round*. Leyden, 1969.
5. Shershnev E.S. "Raund Kennedi": rascheti SSHA i deystvitel'nost' [The Kennedy Round: the U.S. calculations and reality]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1968. 200 p.
6. Diebold W., Jr. *A Watershed with Some Dry Sides: The Trade Expansion Act of 1962*. In: Brinkley D., Griffiths R.T. (eds.) *John F. Kennedy and Europe*. Baton Rouge, Louisiana State University Press, 1999, p. 248.
7. Ball G. W. *The Past has Another Pattern: Memoirs*. New York, London, W. W. Norton & Company, 1982, p. 198.
8. Statement by Christian A. Herter, Special Representative for Trade Negotiations, to Heads of Delegations of the Organization for Economic Cooperation and Development, Paris, January 31, 1963. In: Stebbins R.P., Adam E.P. (eds.) *Documents on American Foreign Relations*. 1963. New York, 1964, pp. 193–195.
9. "Kennedy Round" Strategy Paper, December 6, 1963. National Archive (NA), RG 59, Box 12, Folder L5b.
10. *European Reactions to US Trade Expansion Act*. December 12, 1963. National Archive (NA), RG 59, Box 12, Folder L5b.
11. Zeiler T.W. *American Trade and Power in the 1960s*. New York, Columbia University Press, 1992. 371 p.
12. Martynov V.A., Lisovsky Yu.P. (eds.) *Evropeyskaya agrarnaya integratsiya* [European agricultural integration]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 233 p.
13. Year-End Review "European Integration Affairs", December 6, 1962. National Archive (NA), RG 59, Records Relating to UK Negotiations for Membership in the EEC, 1961–1962, box 4, folder L5.
14. Visit of Chancellor Erhard of Germany, December 28–29, 1963. Supplementary Talking Points on Trade Negotiations, December 26, 1963. National Archive (NA), RG 59, box 12, folder L5b.
15. Report to the President on Agricultural Trade Problems with the EEC, the Secretary of Agriculture Orville L. Freeman, February 4, 1963. John Fitzgerald Kennedy Library (JFKL), POF, box 69, folder "Agriculture – EEC Trade Problems, 2/9/63".
16. Taber G. M. *John F. Kennedy and a Uniting Europe*. Bruges, College of Europe, 1969.
17. Alkema Y. *European-American Trade Policies, 1961-1963*. In: Brinkley D., Griffiths R.T. (eds.) *John F. Kennedy and Europe*. Baton Rouge, Louisiana State University Press, 1999, p. 230.
18. Dogovor ob uchrezhdenii Evropeyskogo ekonomicheskogo soobshchestva [The Treaty establishing the European Economic Community]. In: *Evropeyskiy soyuz: Proshloe, nastoyashchee, budushchee. T. 1. Dokumenty Evropeyskogo soyuza* [The European Union; past, present and future. Vol. 1. Documents of the European Union]. Moscow, Pravo Publ., 1994.
19. Resolution of the Ministerial Meeting of the Contracting Parties to the General Agreement on Tariffs and Trade, Geneva, Adopted May 21, 1963. In: *Documents on American Foreign Relations*. 1963, p. 197.
20. Shershnev E.S. SSHA: tamozhenny proteksionizm [U.S. Customs protectionism]. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 313–314.
21. *The Trade Negotiations: the Tactical Situation, December 10, 1963*. National Archive (NA), RG 59, box 12, folder L5b.
22. International Monetary and Trade Policy. *Foreign Relations of the United States (FRUS)*. 1964–1968. Washington, GPO, 1998, vol. 8.
23. Office of the Special Representative for Trade Negotiations. Memorandum "The Trade Negotiations", December 10, 1963. National Archive (NA), RG 59, box 16, folder L5b (2).

РАННЯЯ ИСТОРИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН, КИЕВСКОЙ РУСИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ П.Н. САВИЦКОГО

Впервые на основе редких и малодоступных источников производится реконструкция исторических взглядов евразийца П.Н. Савицкого по вопросам ранней истории восточных славян и периода Киевской Руси. Дается характеристика основных методов и принципов, которыми руководствовался ученый при изучении этих вопросов. Раскрываются основные линии, специфические моменты древнерусской истории, привлечение внимания исследователя. Показано значение этого периода для концепции П.Н. Савицкого: истории России – Евразии.

Ключевые слова: историческая наука российской эмиграции; евразийство; П.Н. Савицкий; восточные славяне; Киевская Русь.

В изучении исторической науки русского пореволюционного зарубежья достигнуты за последние десятилетия немалые успехи. Регулярно появляются диссертации, выходят монографии, статьи. Однако многие её страницы остаются малоизученными. Связано это с тем, что весомое наследие историков, мыслителей русского зарубежья до сих пор не переиздано и доступно в архивах, редких библиотеках. Научное творчество П.Н. Савицкого (1895–1968) яркое тому подтверждение.

Для лидера евразийцев тема истории восточных славян, Киевской Руси не была центральной. Она проигрывала теме монгольского периода русской истории, истории России XX в., различным его исследованиям по географическим, экономическим, социальным, культурологическим аспектам истории нашего Отечества. В целом П.Н. Савицкий создавал модели исторического процесса, изучал особенности исторического своеобразия России. Но было бы ошибкой утверждать, что тема нашей ранней истории его совсем не интересовала. К этим проблемам он обращался на протяжении всего своего научного творчества. Он вырос в древнем Чернигове, где его окружала старина (в 1907 г. город как раз отметил своё 1000-летие). Именно там он опубликовал несколько работ, в том числе очерк по истории, культуре, архитектуре родного края. К теме древнерусской культуры, литературы, архитектуры, её сохранности он впоследствии обращался не раз в различных публикациях, рецензиях. Вот как П.Н. Савицкий, например, характеризовал особенности древнерусской архитектуры: она имела «центростремительную» тенденцию в области оформления масс и плана древнерусских храмов, что служило её отличительной чертой, другая её основная черта – «всефасадность», что есть равномерность в обработке фасадов зданий. «В отличие от византийского круга культуры (не говоря уже о Западе), – подчеркивал ученый, – русское строительство вовсе не знало или почти не знало “базилик”, т.е. зданий значительно вытянутых с запада на восток» [1. Л. 2].

Однако древнерусская история нужна была лидеру евразийцев и для обоснования своих глобальных концепций исторического пути нашей страны. Значение места восточных славян, Киевской Руси в историческом процессе Отечества оформилось у ученого к середине 20-х гг. XX в., когда у него окончательно сложилось целостное учение о России – Евразии как особом историко-географическом мире (внутренние холодные

и равнинные территории Евразийского материка, отличающиеся от его приморских окраин, что есть Европа и Азия), целостном месторазвитии [2–4]. П.Н. Савицкий вместе с другими евразийцами (в первую очередь с лингвистом князем Н.С. Трубецким) были прямыми зачинателями европейского структурализма, который стал господствовать в науке на Западе после Второй мировой войны [5]. С позиций структурно-функционального анализа и стала определяться наша древнерусская история. Теперь «для каждого явления, – констатировал свою мысль П.Н. Савицкий, – относящегося к истории России, может быть найдено место в общем целом истории Евразии» [6. С. 54]. Необходимо, по убеждению П.Н. Савицкого, создавать общеевразийскую историю, где нашлось бы место народам евразийских оазисов, степей, тундры и жителям дославянской лесной зоны. Стройность и целостность этой истории представлена объединительными тенденциями, носителями которых были сначала степняки, а затем русский народ. Нечто подобное, указывал П.Н. Савицкий, пытаются создавать в рамках «истории народов СССР», но попытки эти в Советском Союзе малоудачны из-за своей противоречивости. Проблема в том, что скифы, хазары, половцы, народы, чью историю важно знать, не значатся народами СССР. Это порождается отсутствием объединительного научного принципа, необходимого для понимания исторического процесса России. Таким принципом для евразийской истории Савицкий считал месторазвитие, которое есть «единое лоно, в котором живут и движутся эти народы, от которого они получают импульсы и на которое воздействуют, с которым сливаются в особое историческое и естественно-историческое целое» [Там же]. Концепция месторазвития, созданная П.Н. Савицким, углубленная трудами Г.В. Вернадского, П.Н. Милюкова и других авторов, стала крупнейшим достоянием исторической мысли России.

Структурализм П.Н. Савицкого сочетался с междисциплинарным (интернаучным, по его терминологии [7. С. 202]) подходом, изучением процессов телеологии в истории. Поэтому в его исторических обобщениях можно увидеть срез из разных научных областей. Например, его интересовала лесостепная зона. Она была становым хребтом евразийской истории, там сосредотачивались центры евразийской цивилизации. Вокруг этой оси вращалась история русского мира. Здесь, отмечал ученый, находится не только самое большое

природное разнообразие, но и самое большое разнообразие человеческих обществ. К югу (пустыня) и к северу (тайга и тундра) природный и человеческий фон резко скудеет [8. С. 300; 9. С. 406–407]. На границе леса и степи были расположены две важнейшие столицы Доуральской России: Киев и Великие Болгары. Там же располагаются Казань, Чернигов, Рязань, Нижний Новгород [2. С. 33, 36–38, 175; 4. С. 288; 9. С. 407–408; 10. С. 5].

Месторасположению Киева Савицкий уделял много внимания. «Нельзя ярче выразить “стык” леса и степи в окрестностях Киева, чем это делает почвенная карта» [9. С. 409]. Поэтому с юго-запада от Киева были построены оборонительные укрепления, стоящие на весьма удобных для кочевников степных путях, пролегающих на север вдоль языков лесостепных почв [9. С. 409–410; 11. Л. 1]. Для Киева также огромное значение имело скрещивание в месте его расположения водных путей, что отражалось на зоогеографической стороне. Это привлекало пернатых во время их сезонных миграций. Изобилие пернатой дичи получило отражение в древнерусских былинах «киевского цикла»: пиры киевского князя просто ломились от таких яств [9. С. 410–411].

Савицкий, сопоставляя данные разных времен и эпох в рамках своего геoarхеологического и геоэкономического рассмотрения, говорил об особом подольско-киевско-полтавском ядре западно-лесостепного месторазвития «от эпохи каменного века до наших дней» [11. Л. 8]. Здесь, особенно в излучинах Днепра, располагался центр древнейшего в Доуралье земледелия, существовавшего с каменного века. Трипольская культура, земледелие в скифскую эпоху, когда к северу и югу оно в этих районах отсутствовало, богатые образцы материальной культуры, по данным археологии, современная демографическая перенаселенность и высокая урожайность этих мест (наибольшая в России), большое поголовье скота... – всё свидетельствует об индивидуальном характере подольско-киевско-полтавского месторазвития. Ибо люди всегда инстинктивно тянулись к районам оптимального и наилучшего проживания, коим и является в Доуралье подольско-киевско-полтавское месторазвитие, где высокие температуры весной и летом, мягкая зима, достаточная влажность и зона черноземов – создавали весьма комфортные условия для хозяйственной деятельности. Этот индивидуальный характер данного месторазвития не «затушевывался» из-за различных военных разорений [11. Л. 1–12].

Отметим значение фактора развития производительных сил для ранней истории у П.Н. Савицкого. В историческом плане, обобщал он, естественно-промышленная обездоленность Центральной России сказывалась в каменном веке, так как наличие небольшого количества выходов горных пород не формировало почву для «индустрии» каменного века. Когда человечество стало использовать цветные металлы (медь, серебро, бронзу), обездоленность повлияла ещё сильнее. Это привело к тому, что каменный век на простотранстве от Киева до озера Ильмень продолжался до начала нашей эры. В эпоху железа всё изменилось. Благодаря болотному железу и обилию древесного топлива произошел хозяйственный подъем этих областей [12. С. 414; 13. С. 7, 11, 14–17, 69, 91–95, 102, 104; 14. С. 138–139; 15. Л. 1; 16. Л. 28; 17. Л. 1].

На этом фоне и проходила ранняя история русского племени. Миграция славян со своей родины на восток и северо-восток, как это понималось П.Н. Савицким, привела их в евразийское месторазвитие, которое отличалось от месторазвития южных и западных славян, что имело большое значение для судеб восточных славян. Здесь славяне вступили во взаимодействие с местными народами: финно-угорского, турецкого, монгольского, маньчжурского и палеоазиатского происхождения. Эти контакты изменили общекультурный облик восточных славян, их язык, этнографию и антропологию. П.Н. Савицкий призывал изучать эти различия в облике каждой народности у восточных славян (авторство Савицкого установлено по содержанию текста) [18. С. 4–5; 19. С. 403]. Поэтому, по мнению П.Н. Савицкого, большое значение в науке должно получить рассмотрение дославянского наследия, которое повлияло на славян [Там же. С. 403–404].

Восточные славяне, отмечал ученый, долго стояли в стороне от основного русла евразийской истории, хотя они и имели связь с евразийским миром. Рождение Киевской Руси связано с ослаблением объединительных тенденций в Евразии. Носителями этих тенденций в тот период на просторах Евразии были кочевые народы. Район западной Евразии, где появилось древнерусское государство, является территорией развития (почвой) скифских и гуннских держав, что ещё до евразийцев подметил русский историк Античности и археолог М.И. Ростовцев [20. С. 124–125].

Территория Киевской Руси неплохо охарактеризована, по мнению П.Н. Савицкого, в «Слове о полку Игореве». Этот памятник древнерусской литературы содержит много географических, исторических и бытовых сведений. Автор знаком с кочевым бытом, слышит скрип половецких телег. «Вся земля половецкая и вся земля русская на всем протяжении “Слова” – остаются в поле зрения певца» [21. Л. 1–2]. Местодействие (термин П.Н. Савицкого) данного произведения раскинулось широкой полосой от Карпат до Волги, с юго-востока до северо-запада. Это полоса первоначального месторазвития русской истории, в которой относительно мягкая зима. Северо-восточная граница этого мира – январская изотерма -12°C , идущая от Онежского озера до нижнего Яика [Там же]. «Во времена “Слова” полосу эту составляли единоборствующие и в то же время сопряженные Половецкая и Русская земли» [21. Л. 2]. Формула такого сопряжения виделась Савицкому в брачных связях русских и половцев, чему свидетельствовали сведения из «Слова» [Там же. Л. 2–3]. В «Слове о полку Игореве» Савицкий находил предсказание, что половецкие земли в будущем станут русскими [Там же. Л. 3]. Многие образные мотивы, например испытание шеломами Дона, свидетельствуют, что «“Слову” присуща незаурядная географическая и геополитическая динамика: воля к преодолению пространства и чувство такого преодоления» [Там же]. Этот размах и пафос сравнимы с энергией поздних русских землепроходцев, осваивавших суровые земли [Там же].

П.Н. Савицкий выделял для X–XIII вв. господствующее влияние Юга, преимущественно в лице византийской культуры. Последняя несла черты евразийской

культуры и много что позаимствовала у кочевников в нравах и моде [22. С. 2; 23. С. 82, 97; 24. С. 366–367]. Одна из существенных основ русской самобытности, по П.Н. Савицкому, – это православие, утвердившееся во времена Киевской Руси. С самого начала проникновения христианства на Русь в V–VI вв. выявилось большое «избирательное сродство» между русским народным духом и православием, что сохраняется и до сей поры. Православная церковь, считал ученый, подготовила русский народ для совершения подвига. Даже в период раздробленности Руси, когда различные части русского племени вынуждены были жить обособленно, православная вера сохраняла единство народа [25. С. 10; 26. С. 534; 27. Л. 75]. Особенность православия как раз и заключалась в том, что оно несло с собой дух евразийской византийской культуры [23. С. 83, 96; 28. Л. 3–4; 29. С. 381; 30. С. 194]. В духовно-культурной области России византийское наследие вполне обоснованно [29. С. 381; 30. С. 194]. Древняя культура, которая обитала в «Асии» (Малой Азии) во времена христианских апостолов и в последующие века, культура эллинистическая и византийская, есть для евразийцев прообраз нынешнего духовного и культурного развития [23. С. 96; 28. Л. 3–4].

Весьма интересовал ученого политический и социально-экономический срез древнерусского общества. Для Киевской Руси политическая стабильность сильно влияла на успехи экономического развития страны, но политическая сфера, как и экономика, находилась в подчиненном положении к организационным усилиям [31. С. 80]. В эпоху Владимира Святого древнерусская действительность в сфере организации «правлящего отбора» достигает наибольшего развития. Осуществляется «ставка на сильных», происходит превращение свободных племенных союзов в зависимых от князя крестьян – смердов. Несмотря на дальнейший некоторый откат, «положение “смерда” становится устойчивой категорией русского социального строя» [31. С. 73]. Последующее развитие Киевской Руси шло по нисходящей [31. С. 79, 83–84]. Динамике развития древнерусского общества П.Н. Савицкий посвятил своё фундаментальное историческое исследование «“Подъем” и “депрессия” в древнерусской истории», имевшее продолжение в ряде других его работ (эта тема нуждается в отдельном рассмотрении). Эти исследования не были отвергнуты современниками и были высоко оценены Г.В. Вернадским, включившим материалы этих исследований в свой знаменитый пятитомник по истории России [32. С. 218–219; 33. С. 142–143, 397; 34. С. 129; 35. С. 255–262, 377–378].

П.Н. Савицкий в своих историографических исследованиях выступал против «научно-бесплодного упрощенчества» в работах советских авторов, применявших к русской и монгольской истории европейское понятие «феодализм». В числе прочего он отмечал, что развитое феодальное право не знает «свободно» расторгаемых отношений. Так, на Руси, служба «вольного слуги» никак не была связана с владением вотчиной: после «отъезда» вотчину у него не забирали [36. Л. 8, 11].

Особое внимание ученого привлекал итог развития древнерусского общества и государства. Киевская Русь уже до татарского нашествия политически и культурно измельчала и утратила былые достижения (процесс этот начался с первой половины XI в.), поэтому превозносить

её достоинства, уничтоженные монголами, неправильно и шаблонно. Измельчание, подчеркивал ученый, проявилось в политической раздробленности. Русская земля даже при Ярославе Мудром на фоне других стран не была великой державой и значительно отставала от них. В XII и в начале XIII в. в сфере государственного устройства наблюдался некий провинциализм. Измельчало и политическое сознание, о чем свидетельствует отказ князей помогать друг другу во время монгольского нашествия. Другой важный момент, по П.Н. Савицкому, – упадок в экономической сфере. Уменьшились материальные возможности, например, в сфере художественной, в области архитектуры (все поздние постройки беднее и бледнее более ранних) [37. С. 333]. Если раньше древнерусская архитектура, с горечью подчеркивал он, могла быть сопоставима с современными ей образцами архитектуры Запада, то теперь наметилось «стократное» отставание [Там же. С. 332–333; 38. С. 6–7; 39. С. 534–535].

Поэтому, делая свой обобщающий вывод П.Н. Савицкий, судьба Руси могла иметь два исхода – либо иноземное завоевание, либо продолжение раздробленности наподобие Германии после Тридцатилетней войны, при отсутствии центра, подобного Вене [Там же. С. 535]. Особенно это становится ясно на фоне развития других славянских народов. Русь и другие отдельные славянские государства в Средневековье и Новейшее время имели историю, которая развивалась «как по одному шаблону: некоторый начальный расцвет, а затем, вместо укрепления расцвета, – разложение, упадок, “иги”...» [37. С. 333]. Это судьба болгар, сербов, поляков. «Беспомощность» и «неустойчивость» русской земли не были «роковой случайностью», но результатом общей закономерности развития славянских народов. Поэтому монгольское иго – это наказание Божие Руси – являлось неизбежным, как и для других славянских народов [37. С. 333–334; 40. С. 540].

Таким образом, П.Н. Савицкий подводил линию древнерусской истории к её логическому печальному финалу. Лишь пройдя через «монгольскую школу», эта линия приведет к созданию Великой России. Кратко свою схему ученый сформулировал так: «Процесс русской истории может быть определен как процесс создания России – Евразии как целостного месторазвития. Объединительным узлом в этом процессе сделалась та историческая среда, где налегали друг на друга и соприкасались друг с другом слои духовно-культурного византийского и государственно-военного монгольского влияния» [4. С. 292].

Очевидно, что структурно-функциональный и междисциплинарный подходы позволяли П.Н. Савицкому делать акцент на ключевых тенденциях отечественной истории, рассматривать их в соотношении с крупными историко-географическими образованиями (месторазвитиями), не упускать из виду региональную специфику. Отсюда его приниженные, без ложного патриотизма истории восточных славян, Киевской Руси. Лишь монгольское иго, его влияние позволили восточным славянам впоследствии занять доминирующее положение во всей Евразии. Изучение ритмических закономерностей, вопросов социально-экономического характера позволяло ученому даже в рамках структурно-

функционального анализа видеть различные аспекты причинно-следственной связи в рамках конкретной эпохи, улавливать уникальное и неповторимое, отме-

чать значение роли личности в истории. Многие обобщения, наработки ученого обладают значительным эвристическим потенциалом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Проблемы истории древнерусского зодчества* (рецензия П.Н. Савицкого на книгу Г. Вайдгааза, опубликованная в «Славише Рундшау». 1936) // ГАРФ. Ф. Р-5783. Оп. I. Д. 107. 6 л.
2. *Савицкий П.Н.* Географические особенности России. Ч. I : Растительность и почвы. Прага : Евразийское книгоиздательство, 1927. 180 с.
3. *Савицкий П.Н.* Россия – особый географический мир. Прага : Евразийское книгоиздательство, 1927. 68 с.
4. *Савицкий П.Н.* Геополитические заметки по русской истории П.Н. Савицкого // Вернадский Г.В. Начертания русской истории. СПб., 2000. С. 285–310.
5. *Серио П.* Структура и целостность: Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920–30-е гг. М. : Языки славянской культуры, 2001. 354 с.
6. *Логовиков П.В.* [псевд. П.Н. Савицкого] Научные задачи евразийства // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Париж, 1931. Кн. 7. С. 53–63.
7. *Савицкий П.Н.* О евразийской литературе // Славянская книга. Прага, 1926. Май–июнь. С. 202–206.
8. *Савицкий П.Н.* Географические и геополитические основы евразийства // Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 295–303.
9. *Савицкий П.Н.* Основы геополитики России // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли: Сб. трудов евразийцев. М., 1997. С. 406–411.
10. *Савицкий П.Н.* За творческое понимание природы русского мира. Прага, 1938–1939. 27 с.
11. *Экономика и археология* (статья П.Н. Савицкого. б/д) // ГАРФ. Ф. Р-5783. Оп. I. Д. 185. 12 л.
12. *Савицкий П.Н.* Континент-океан (Россия и мировой рынок) // Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 398–419.
13. *Савицкий П.Н.* Месторазвитие русской промышленности. Вып. 1: Вопросы индустриализации. Берлин, 1932. 163 с.
14. *Савицкий П.Н.* Россия-Евразия как многозначное целое // Савицкий П.Н. Месторазвитие русской промышленности. Вып. 1: Вопросы индустриализации. Берлин, 1932. С. 122–152.
15. *Альпинизм в России (и СССР)* (статья П.Н. Савицкого для журнала «Монд Слав». XII–1937) // ГАРФ. Ф. Р-5783. Оп. I. Д. 2. 58 л.
16. *Евразийство как научный замысел* (статья П.Н. Савицкого, опубликованная в сборнике «Балтикославики». 1933) // ГАРФ. Ф. Р-5783. Оп. I. Д. 34. 30 л.
17. *Русские промышленные циклы. Их ритм и географическая динамика* (статья неизвестного автора конца 1930-х гг.) // ГАРФ. Ф. Р-5783. Оп. I. Д. 292. 3 л.
18. *Савицкий П.Н.* Оповещение об открытии (Евразия в лингвистических признаках) // Евразия в свете языкознания. Прага, 1931. С. 1–7.
19. *Савицкий П.Н.* Русские среди народов Евразии (методологическое введение в проблему) // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли : сб. трудов евразийцев. М., 1997. С. 403–405.
20. *Савицкий П.Н.* Евразийская концепция русской истории // Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 123–126.
21. «Литература факта» в «Слове о полку Игореве» (статья П.Н. Савицкого, написанная для «Всеславянского сборника». 1930) // ГАРФ. Ф. Р-5783. Оп. I. Д. 67. 37 л.
22. *Савицкий П.Н.* К обоснованию евразийства // Руль. 1922. № 350. 11 января. С. 2–3.
23. *Савицкий П.Н.* Евразийство // Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 81–98.
24. *Савицкий П.Н.* О задачах кочевниковедения (Почему скифы и гунны должны быть интересны для русского?) // Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 342–370.
25. *Савицкий П.Н.* Великороссия и Украина в русской культуре // Родное слово. Варшава, 1926. № 8. С. 10–14.
26. *Письмо П.Н. Савицкого Л. Н. Гумилеву, 29 января 1958 г.* // Гумилев Л.Н. Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи. М. : Экопрос, 1994. С. 534.
27. *Историко-географические заметки по поводу новой литературы* (неопубликованная статья П.Н. Савицкого. Ноябрь 1925 – март 1926) // ГАРФ. Ф. Р-5783. Оп. I. Д. 52. 75 л.
28. *Движущие силы русской истории* (статья П.Н. Савицкого. б/д) // ГАРФ. Ф. Р-5783. Оп. I. Д. 22. 27 л.
29. *Савицкий П.Н.* Миграция культуры // Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 371–382.
30. *Савицкий П.Н.* В борьбе за евразийство. Полемика вокруг евразийства в 1920-х годах // Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 161–216.
31. *Савицкий П.Н.* «Подъем» и «депрессия» в древнерусской истории // Евразийская хроника. Берлин, 1935. Вып. 11. С. 65–100.
32. *Письмо П.Н. Савицкого Л.Н. Гумилеву, 9 мая 1957 г.* // Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М. : Экопрос, 1993. С. 218–219.
33. *Вернадский Г.В.* Киевская Русь. Тверь ; Москва, 1996. 448 с.
34. *Вернадский Г.В.* Московское царство. Тверь ; Москва, 1997. Ч. 1. 512 с.
35. *Вернадский Г.В.* Московское царство. Тверь ; Москва, 1997. Ч. 2. 416 с.
36. *Советская историография евразийских народов. Часть I* (статья П.Н. Савицкого, опубликованная в журнале «Монд Слав». VIII–1937) // ГАРФ. Ф. Р-5783. Оп. I. Д. 150. 55 л.
37. *Савицкий П.Н.* Степь и оседлость // Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 332–341.
38. *Савицкий П.Н.* Гибель и воссоздание неоценимых сокровищ (разрушение русского зодческого наследия и необходимость его восстановления). Прага, 1937. С. 40 с.
39. *Письмо П.Н. Савицкого Л.Н. Гумилеву, 13 февраля 1963 г.* // Гумилев Л.Н. Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи. М. : Экопрос, 1994. С. 534–535.
40. *Письмо П.Н. Савицкого Л.Н. Гумилеву, 29 ноября 1965 г.* // Гумилев Л.Н. Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи. М. : Экопрос, 1994. С. 540.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 февраля 2014 г.

THE EARLY HISTORY OF THE EAST SLAVS AND KIEVAN RUS' IN P.N. SAVITSKY'S HISTORICAL CONCEPT

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 136–141 DOI: 10.17223/15617793/381/22

Polukhin Andrey N. Kuzbass State Pedagogical Academy (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: poluhin76@mail.ru

Keywords: historical study of Russian Emigration; Eurasianism; P.N. Savitsky; East Slavs; Kievan Rus.

The article is the first to reconstruct the historical views of Eurasianist P.N. Savitsky (1895–1968) on the early history of the East Slavs and the period of the Kievan Rus' from the sources that are rare and hard to access. The author describes the basic methods and princi-

ples of the scholar: the structural-functional analysis, the interdisciplinary approach, the teleological view. He also outlines the fields of P.N. Savitsky's criticism in the Soviet historiography of the 1920-1930s: the protest against oversimplification in the historical science, the criticism of applying the concept of feudalism to the history of Rus'/Russia, the drawbacks of M.N. Pokrovsky's concept of the history of peoples of the USSR. The article shows the specific areas which interested P.N. Savitsky in the history of the Old Russian society. It includes Savitsky's study of architecture, literary masterpieces and general problems of culture. A special part in his works is the study of the social and economic cycles of the Old Russian history with their ups and downs. The latter was the scholar's innovation recognized in science. The paper explains the basic lines, specific instants of the Old Russian history which drew attention of the researcher. It shows the importance of this period of history for P.N. Savitsky's concept of the history of Russia-Eurasia which he understood as a special historical-geographical world, special developmental place separated both from Europe and Asia. The East Slavs originally occupied only a small part of the Western Eurasia. The centers of their civilization concentrated in the area of the forest-steppe – the most favorable place for people's settlement in Russia-Eurasia. Shortage of the natural stone, lack of metalliferous deposits hampered the historical development. The history of the East Slavs and their states reminded the history of the neighboring Slavs: rapid growth, a short-term Golden Age and a decline which led to a foreign rule. Russia's being under the Tatar Yoke was naturally determined and resulted in Russia's transformation to Great Russia. The latter covered the special historical-geographical world of Russia-Eurasia. For P.N. Savitsky the early history of the East Slavs, the Kievan Rus' was a preparation for further formation of the basic historical process: the Russian tribe expansion over the enormous Eurasian spaces. Taking Eastern Orthodoxy and acquiring the Eurasian culture code of the Eastern Mediterranean together with the Byzantine Civilization during this preparatory period strengthened the Eurasian cultural tendencies of the East Slavs and laid their spiritual bases. Subsequently all this was enriched by the Mongolian statehood that resulted in the formation of the Russian Eurasian Empire. The author of the article notes that P.N. Savitsky's philosophy allowed him to stress the key tendencies of the domestic Russian history, to consider them together with large historical-geographical formations (developmental places), not to overlook the specific regional characteristics. That is why dropping false patriotism he gives belittled characteristics of the East Slavs and the Kievan Rus' history.

REFERENCES

1. Savitsky P.N. Problemy istorii drevnerusskogo zодchestva [Problems of the history of Old Rus architecture]. The State Archive of the Russian Federation (GARF). F. P-5783. List I. File. 107.
2. Savitsky P.N. *Geograficheskie osobennosti Rossii. Ch. I. Rastitel'nost' i pochvy* [Geographical features of Russia. Part I. Vegetation and soil]. Prague, Evraziyskoe knigoizdatel'stvo Publ., 1927. 180 p.
3. Savitsky P.N. *Rossiya – osobyy geograficheskiy mir* [Russia as a special geographical world]. Prague, Evraziyskoe knigoizdatel'stvo Publ., 1927. 68 p.
4. Savitsky P.N. *Geopoliticheskie zametki po russkoy istorii P.N. Savitskogo* [Geopolitical notes on Russian history by P.N. Savitsky]. In: Vernadsky G.B. *Nachertanie russkoy istorii* [The outline of Russian history]. Saint-Petersburg, Lan' Publ., 2000, pp. 285-310.
5. Seriot P. *Structure Et Totalité: Les Origines Intellectuelles Du Structuralisme En Europe Centrale Et Orientale*. Paris, Presses universitaires de France, 1999. 353 p. (Russ. ed.: Seriot P. *Struktura i tselostnost': Ob intellektual'nykh istokakh strukturalizma v Tsentral'noy i Vostochnoy Evrope. 1920–30-e gg.*). Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2001. 354 p.
6. Logovikov P.V. [Savitsky P.N.] *Nauchnye zadachi evraziystva* [The scientific objectives of Eurasianism]. In: *Tridtsatye gody. Utverzhdenie evraziytsev* [The thirties. The establishment of Eurasianists]. Paris, 1931, book 7, pp. 53-63.
7. Savitsky P.N. O evraziyskoy literature [On Eurasian literature]. *Slavyanskaya kniga*, 1926, May – June, pp. 202-206.
8. Savitsky P.N. *Kontinent Evraziya* [The Eurasian continent]. Moscow, Agraph Publ., 1997, pp. 295-303.
9. Savitsky P.N. *Osnovy geopolitiki Rossii* [The fundamentals of Russian geopolitics]. In: *Russkiy uzel evraziystva. Vostok v russkoy mysli* [The Russian node of Eurasianism. The East in Russian thought]. Moscow, Belovod'e Publ., 1997, pp. 406-411.
10. Savitsky P.N. *Za tvorcheskoe ponimanie prirody russkogo mira* [For creative understanding of the nature of the Russian world]. Prague, 1938–1939. 27 p.
11. Savitsky P.N. *Ekonomika i arkhologiya* [Economy and archeology]. The State Archive of the Russian Federation (GARF). F. P-5783. List I. File 185.
12. Savitsky P.N. *Kontinent Evraziya* [The Eurasian continent]. Moscow, Agraph Publ., 1997, pp. 398–419.
13. Savitsky P.N. *Mestorazvitie russkoy promyshlennosti* [The developmental site of Russian industry]. Berlin, Izdatel'stvo evraziytsev Publ., 1932. 163 p.
14. Savitsky P.N. *Mestorazvitie russkoy promyshlennosti* [The developmental site of Russian industry]. Berlin, Izdatel'stvo evraziytsev Publ., 1932, pp. 122-152.
15. Savitsky P.N. Mountaineering in Russia (and the USSR). The State Archive of the Russian Federation (GARF). F. P-5783. List I. File 2. (In Russian, unpublished).
16. Savitsky P.N. *Evrasiystvo kak nauchnyy zamysel* [Eurasianism as a scientific idea]. The State Archive of the Russian Federation (GARF). F. P-5783. List I. File 34.
17. *Russkie promyshlennyye tsikly. Ikh ritm i geograficheskaya dinamika* [Russian industrial cycles. Their rhythm and geographical dynamics]. The State Archive of the Russian Federation (GARF). F. P-5783. List I. File 292.
18. Savitsky P.N. *Opoveshchenie ob otkrytii (Evraziya v lingvisticheskikh priznakakh)* [Announcement on the opening (Eurasia in linguistic features)]. In: *Evraziya v svete yazykoznaniya* [Eurasia in the light of linguistics]. Prague, Izdatel'stvo evraziytsev Publ., 1931, pp. 1–7.
19. Savitsky P.N. *Russkie sredi narodov Evrazii (metodologicheskoe vvedenie v problemu)* [The Russians among peoples of Eurasia (methodological introduction to the problem)]. In: *Russkiy uzel evraziystva. Vostok v russkoy mysli* [The Russian node of Eurasianism. The East in Russian thought]. Moscow, Belovod'e Publ., 1997, pp. 403-405.
20. Savitsky P.N. *Kontinent Evraziya* [The Eurasian continent]. Moscow, Agraph Publ., 1997, pp. 123-126.
21. Savitsky P.N. *"Literatura fakta" v "Slove o polku Igoreve"* [Literature of fact in *The Tale of Igor's Campaign*]. The State Archive of the Russian Federation (GARF). F. P-5783. List I. File 67.
22. Savitsky P.N. K obosnovaniyu evraziystva [Justification of Eurasianism]. *Rul'*, 1922, no. 350 (11th January), pp. 2-3.
23. Savitsky P.N. *Kontinent Evraziya* [The Eurasian continent]. Moscow, Agraph Publ., 1997, pp. 81-98.

24. Savitsky P.N. *Kontinent Evraziya* [The Eurasian continent]. Moscow, Agraph Publ., 1997, pp. 342-370.
25. Savitsky P.N. Velikorossiya i Ukraina v russkoy kul'ture [Velikorossiya and Ukraine in the Russian culture]. *Rodnoe slovo* (published in Warsaw), 1926, no. 8, pp. 10-14.
26. Pis'mo P.N. Savitskogo L. N. Gumilevu, 29 yanvarya 1958 g. [Letter from P.N. Savitsky to L.N. Gumilev, January 29, 1958]. In: Gumilev L.N. *Chernaya legenda: Druz'ya i nedrugi Velikoy stepi* [The Black legend: Friends and Foes of the Great Steppe]. Moscow, Ekopros Publ., 1994, p. 534.
27. Savitsky P.N. *Historical and geographical notes on the new literature*. The State Archive of the Russian Federation (GARF). F. P-5783, List I, File 52. (In Russian, unpublished).
28. Savitsky P.N. *Dvizhushchie sily russkoy istorii* [The driving forces of Russian history]. The State Archive of the Russian Federation (GARF). F. P-5783. List I. File 22.
29. Savitsky P.N. *Kontinent Evraziya* [The Eurasian continent]. Moscow, Agraph Publ., 1997, pp. 371-382.
30. Savitsky P.N. *Kontinent Evraziya* [The Eurasian continent]. Moscow, Agraph Publ., 1997, pp. 161-216.
31. Savitsky P.N. "Pod'em" i "depressiya" v drevnerusskoy istorii [The "rise" and "depression" in the Old Rus history]. *Evraziyskaya khronika*, 1935, no. 11, pp. 65-100.
32. Pis'mo P.N. Savitskogo L.N. Gumilevu, 9 maya 1957 g. [Letter from P.N. Savitsky to L.N. Gumilev, May 9, 1957]. In: Gumilev L.N. *Ritmy Evrazii: Epokhi i tsivilizatsii* [The rhythms of Eurasia: epochs and civilizations]. Moscow, Ekopros, 1993, pp. 218-219.
33. Vernadsky G.V. *Kievskaya Rus'* [Kievan Rus]. Tver, Lean Publ., Moscow, Agraph Publ., 1996. 448 p.
34. Vernadsky G.V. *Moskovskoe tsarstvo* [Muscovy]. Tver, Lean Publ., Moscow, Agraph Publ., 1997, part I. 512 p.
35. Vernadsky G.V. *Moskovskoe tsarstvo* [Muscovy]. Tver, Lean Publ., Moscow, Agraph Publ., 1997, part II. 416 p.
36. Savitsky P.N. *Sovetskaya istoriografiya evraziyskikh narodov*. Chast' I [The Soviet historiography of Eurasian peoples. Part I]. The State Archive of the Russian Federation (GARF). F. P-5783. List I. File 150.
37. Savitsky P.N. *Kontinent Evraziya* [The Eurasian continent]. Moscow, Agraph Publ., 1997, pp. 332-341.
38. Savitsky P.N. Gibel' i vossozdanie neotsenimyykh sokrovishch (razrushenie russkogo zodcheskogo naslediya i neobkhodimost' ego vosstanovleniya) [The ruin and reconstruction of invaluable treasures (destruction of Russian church architecture heritage and why it is necessary to restore it)]. Prague, Izdanie evraziytsev Publ., 1937. 40 p.
39. Pis'mo P.N. Savitskogo L.N. Gumilevu, 13 fevralya 1963 g. [Letter from P.N. Savitsky to L.N. Gumilev, February 13, 1963]. In: Gumilev L.N. *Chernaya legenda: Druz'ya i nedrugi Velikoy stepi* [The Black legend: Friends and Foes of the Great Steppe]. Moscow, Ekopros Publ., 1994, pp. 534-535.
40. Pis'mo P.N. Savitskogo L.N. Gumilevu, 29 noyabrya 1965 g. [Letter from P.N. Savitsky to L.N. Gumilev, November 29, 1965]. In: Gumilev L.N. *Chernaya legenda: Druz'ya i nedrugi Velikoy stepi* [The Black legend: Friends and Foes of the Great Steppe]. Moscow, Ekopros Publ., 1994, p. 540.

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОТНИКОВ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ СЛУЖЕБНОГО ПЕРСОНАЛА КРУПНЫХ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННЫХ КОМПАНИЙ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Работа выполнена в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

Рассматривается вопрос о пенсионном обеспечении и развитии пенсионного законодательства для служебного персонала промышленных предприятий дореволюционной России на примере служащих золотопромышленных организаций Восточной Сибири. Золотопромышленность являлась доминирующей отраслью в экономике всего сибирского края, в которой была задействована большая часть рабочих и служебных кадров. Со второй половины XIX в. центром золотодобычи в Российской империи становится район Восточной Сибири, где были расположены самые крупные золотопромышленные компании (прежде всего «Ленское золотопромышленное товарищество» и «Компания промышленности в разных местах Восточной Сибири»), на долю которых приходилась большая часть добываемого золота в России. Имея многочисленный штат работников, эти компании первыми в золотопромышленном мире приступили к разработке проекта пенсионного обеспечения своего персонала.

Ключевые слова: золотопромышленность; XIX – начало XX в.; Восточная Сибирь; служебный персонал; пенсионное законодательство; пенсионные кассы.

Социальная защита как рабочего, так и служебного персонала, занятого в промышленной сфере в дореволюционной России, находилась на крайне низком уровне. Рабочее законодательство, регламентирующее социальное и правовое положение промышленных работников, начало оформляться в последней четверти XIX в. В Российской империи также долгое время отсутствовали организации взаимопомощи, страховые и пенсионные учреждения для различных категорий наемных работников в промышленной и торговой среде, наличие которых способствовало бы улучшению социального положения работников. Появление подобных организаций в России наблюдалось только в середине XIX в., в то время как в Европе их существование насчитывало не одно столетие.

Первой пенсионной организацией в частном промышленном секторе можно считать возникшее в 1859 г. в среде торговых приказчиков Риги общество взаимовыручки. В горной промышленности, одной из главных отраслей дореволюционной отечественной экономики, аналогичные организации стали создаваться в то же время [1. С. 34–38]. По указу 1861 г. на каждом крупном промышленном предприятии Урала следовало создать горнозаводские товарищества, выполняющие роль взаимовыручки и взаимопомощи [2. С. 441–442]. Однако в других горных областях, в том числе и в Сибири, такого рода кассы были большой редкостью, а на частных золотопромышленных предприятиях, составлявших основу местной экономики, они отсутствовали вплоть до конца XIX в. Вопрос о степени социальной защищенности служебного персонала промышленных предприятий в дореволюционной России практически не рассматривался в отечественной историографии. Автор уже затрагивал данную проблематику, рассматривая в целом состояние социальной защиты служебного персонала золотопромышленных предприятий в Сибири в дореволюционное время [3]. В статье предпринята попытка исследования вопроса пенсионного обеспечения служащих крупных золотопромышленных компаний Восточной Сибири, основного района золотодобычи, на рубеже XIX–XX вв.

Необходимо отметить, что фактически с момента возникновения золотодобычи за Уралом вопрос о необходимости социального страхования работников золотопромышленной сферы всегда имел особую актуальность, при том что инициатива создания страховых и пенсионных касс исходила из среды самих работников золотодобывающей сферы. Особую актуальность вопрос о страховании приисковых служащих получил на страницах периодической печати Сибири. Предлагались различные варианты создания пенсионных касс и касс взаимовыручки для служащих на золотых промыслах. Выдвигались идеи создания общества взаимопомощи, схожего по структуре с обществом приказчиков в Иркутске, или простого общества на артельных началах с небольшим на первое время капиталом и круговой порукой между участниками объединения [4. С. 4]. К концу XIX в. с возникновением крупных золотопромышленных компаний с большим штатом служащих (прежде всего, в Восточной Сибири) вопрос о социальном страховании этой категории приисковых тружеников сдвинулся с мертвой точки.

Одной из первых золотопромышленных компаний Восточной Сибири, которая стала разрабатывать вопрос о создании пенсионной кассы своего служебного персонала, была «Компания промышленности», образованная в 1865 г. и являвшаяся одной из самых успешных организаций по добыче золота в Российской империи во второй половине XIX в. В 1885 г. «Компания промышленности» приобрела паи другой крупной золотопромышленной фирмы региона – «Прибрежно-Витимской компании». С этого времени новое название объединенных компаний стало звучать как «Компания промышленности в разных местах Восточной Сибири» (далее «Компания промышленности...»), а вместе с тем новая компания к концу XIX в. вышла в лидеры по добыче золота в Восточной Сибири: в 1880–1888 гг. на ее предприятиях было добыто 2 954 пуд., или 48,38 т, золота, т.е. в среднем 328,2 пуд., или 5,3 т, золота за год, а с 1889 по 1898 г. было извлечено 2 815 пуд., или 46,1 т, золота, в то время как среднегодовая добыча «Ленского золотопромышленного това-

рищества», основного конкурента «Компании промышленности...», в 90-е гг. XIX в. не превышала 150 пуд., или 2,4 т золота [5. Т. 2. С. 96–104, 122–130].

Исходя из приведенных объемов добычи золота, можно сделать вывод о большом количестве рабочей команды на предприятиях «Компании промышленности...». Так, в 1893 г. на приисках фирмы находилось 2 958 рабочих и 216 служащих, в 1895 г. число служащих выросло до 292, а в 1898 г. – до 318 человек [5. Т. 1. С. 89; 6. С. 286; 7. С. 423]. Тем самым, имея большой штат служебного персонала, вопрос о его социальной защищенности, в том числе создание пенсионной кассы, приобретал особую актуальность.

История создания кассы взаимопомощи служебного персонала «Компании промышленности...» начинается с 1880 г., когда инициативу её создания, исходившую из среды приисковых служащих, поддержал главноуправляющий всех промыслов Н.Н. Стрижев. В 1880 г. владельцы «Компании промышленности...» создали специальный фонд, формировавшийся из ежегодных отчислений от жалования самих служащих, взносов владельцев компании и дивидендов от размещения различных ценных бумаг. Однако начавшиеся вскоре разногласия среди владельцев предприятия поставили под сомнение создание в ближайшем будущем пенсионной кассы для своего служебного персонала. Так, Н.А. Сиверс, главный распорядитель всех дел компании в 80-е гг. XIX в., не только не поддержал перед властью имущими ходатайство о создании пенсионной кассы, но и перестал вносить от себя ежегодные платежи в размере 13 тыс. руб. в созданный фонд, посчитав, что он уже достаточно поучаствовал в создании «первоначального капитала» будущей пенсионной кассы служебного персонала. Только после его смерти новое руководство компании возобновило ходатайства о создании пенсионной кассы [8. С. 265].

В итоге, 11 мая 1896 г. устав пенсионной кассы служащих «Компании промышленности...» утвердил министр Земледелия и Государственных Имуществ [9. С. 146–150]. Положение пенсионной кассы заслуживало того, чтобы на нее обратили соответствующее внимание, так как больше подобных организаций в золотопромышленном мире Сибири в дореволюционное время так и не будет создано.

В уставе пенсионной кассы указывалось четыре источника формирования оборотного капитала: непосредственно сам капитал, образованный из взносов владельцев предприятий и взносов из других источников; проценты с указанного капитала; ежегодные вычеты из жалования служебного персонала компаний в размере 2% и из наград в размере 5%; ежегодный взнос двух компаний в размере не менее 10 тыс. руб. Для увеличения средств уставного капитала свободные наличные суммы кассы разрешалось потратить на государственные ценные бумаги или облигации, а также размещать в казенные кредитные учреждения.

Все пенсии имели пожизненный характер и делились по размеру жалования служащих на три разряда: первый – до 900 руб. годового жалования служащих; второй – до 600 руб. и третий составлял 300 руб. На получение первого разряда могли претендовать следующие категории служебного персонала золотопро-

мышленных предприятий: главноуправляющий всеми приисками, его помощники, механик и приисковый врач. Ко второму разряду относились: управляющие отдельными приисками, конторщик главной приисковой конторы и старший чертежник. И, наконец, третий разряд включал в себя многочисленных представителей приискового служебного персонала среднего и низшего звена – станowych смотрителей, кассиров, материальных, конторщиков, а также учителей и священников.

Для получения полного содержания пенсии необходимо было прослужить в компании не менее 20 лет, для получения 75%-го оклада – 15 лет, отслуживший на золотых промыслах компании 10 лет получал половину размера пенсии. Выслуга пенсии отсчитывалась с 25 июля 1880 г., со дня постановления владельцами двух компаний об образовании фонда для вспомоществования служебному персоналу этих компаний.

При этом служебный персонал, прекративший работу в компании до утверждения устава, имел право претендовать на получение пенсии, если не получал какой-либо другой пенсии. Пенсии выдавались служебному персоналу пожизненно при условии достижения указанного рабочего стажа на предприятиях компании и обязательном уходе со службы. Служащие, выслужившие необходимое количество лет, но рассчитанные за какие-либо злоупотребления, не имели право получать пенсию. Правление позаботилось и об увечных: получившему увечье и неспособному более к труду служащему 7 лет стажа в компании засчитывались за 10 лет, 10 – за 15 и 15 – за 20 лет. В случае смерти пенсионера его вдова имела право на получение пенсии в размере от 2/3 от пенсии покойного, а если пенсионер помогал своим родителям, то они после его смерти получали 1/3 от его пенсии.

Пенсии могли быть лишены представители служебного персонала, уволенные со службы названных компаний за различного рода злоупотребления и растраты.

Сама касса располагалась в Иркутске, где каждый месяц производилась выдача пенсий, а для управления делами кассы создавался комитет, который подчинялся главной промысловой конторе двух компаний. В состав комитета входили 14 человек (все – представители служебного персонала), 7 из которых назначались владельцами компаний, а оставшиеся выбирались из среды приисковых служащих. При этом никто из выбранных в состав комитета был не вправе отказаться от исполнения обязанностей члена комитета. Председателем комитета автоматически становился главноуправляющий всеми промыслами с правом решающего голоса при равенстве голосов при решении любого вопроса [9. С. 147].

Не позднее 1 декабря каждого года комитет обязывался на рассмотрение промыслового управления подавать отчет о финансовом состоянии пенсионной кассы и общем ведении дел за отчетный период. Функции ближайшего надзора и право ревизии лежали на начальнике Иркутского горного управления, в чью юрисдикцию входили местности, на которых велась добыча золота компаниями, а право высшего надзора сохранялось за министром Земледелия и Государственных Имуществ, кому также компания обязывалась отправлять ежегодный отчет о финансовом балан-

се кассы, числе пенсионеров и количестве служебного персонала на предприятиях указанных компаний.

К 11 мая 1897 г. в кассе находилось 166 886,23 руб. К 10 сентября 1898 г. на счета кассы поступило 17 872,9 руб., в том числе 3 521,45 руб. составили взносы с жалования служащих. За указанный промежуток времени было израсходовано на пенсии 12 000 и 2 100 руб. выдано в качестве единовременных пособий. К 10 сентября 1899 г. в кассе находилось уже 224 229,81 руб. С этого времени и по 10 сентября 1900 г. было выдано пенсий 55 лицам на общую сумму 12 961,48 руб. (в среднем 235 руб. на человека), а пособий – 1 100 руб. 5 лицам (в среднем – 220 руб. на человека) [10. С. 571; 11. С. 294]. Как видно из приведенных сумм, пенсионеры получали незначительные по размеру пенсии.

Создание этой кассы вспомоществования представлялось несомненным прогрессивным шагом в области социальной защиты служащих на сибирских золото-промышленных предприятиях, который стимулировал разработку проектов пенсионных касс для своих сотрудников в других золотопромышленных фирмах. В «Ленском золотопромышленном товариществе» («Лензото»), другой крупной золотопромышленной организации Восточной Сибири, которая по штату работников и объему добычи золота конкурировала с «Компанией промышленности...», также актуальным был вопрос о создании кассы вспомоществования. С 1 ноября 1893 г. в «Лензото» начала действовать подходная касса, куда принимались вклады как рабочих, так и служащих от 25 руб. по 6% годовых. На сентябрь 1895 г. среди вкладчиков кассы было 27 служащих (7,5% от общего числа служебного персонала компании) с общим капиталом сбережений в 22 118,66 руб. [12. С. 206]. Однако созданная касса еще не являлась пенсионной, что видно из ее названия.

Созданию касс страхования и взаимопомощи в крупных золотопромышленных предприятиях Восточной Сибири способствовал закон от 13 июня 1897 г. о разрешении формирования пенсионных касс служащих и рабочих в частных заведениях. По этому закону уставы страховых обществ для указанных работников утверждались либо министром финансов, либо министром внутренних дел исходя из выполнения двух главных условий: владельцы предприятия берут на себя всю полноту гарантии состоятельности будущих касс, а также неременном финансовом благополучии предприятия. В управлении делами кассы должны были принимать участие представители администрации предприятия, рабочие и служащие в количестве, пропорциональном суммам их взносов в капитал кассы [13. С. 409–410]. Тем самым указанный законопроект давал зеленый цвет всем сибирским приискателям в деле создания страховых и пенсионных касс.

В начале XX в. с распространением монополизации «Лензото» золотодобычи в Ленском золотоносном районе резко увеличивается штат работников компании, в том числе и служебного персонала, а также активизируется процесс разработки устава пенсионной кассы для них. В 1909 г. была закончена работа над проектом устава, который был создан силами самих служащих компании. Если сравнивать его с уставом пенсионной

кассы «Компании промышленности...», то можно найти немало схожих моментов, которые возможно отнести к прямым заимствованиям. Так, в уставах обеих компаний были те же источники формирования капитала кассы, выслуга лет также привязывалась к стажу работы в компании, всеми делами пенсионной кассы заведовал специально созданный комитет, члены которого избирались из числа служащих, а во главе стоял главноуправляющий всеми промыслами. Отличия состояли в следующем. В проекте «Лензото» выслуга лет засчитывалась с момента первого взноса в кассу. В случае смерти пенсионера его вдова, если у нее на руках были дети, имела право на получение 3/4 от получаемой ее супругом пенсии, в случае бездетности она могла рассчитывать только на половину размера от пенсии покойного мужа, служащие, относящиеся к третьему разряду, должны были получать не 300 руб., как в «Компании промышленности...», а 480 [14. С. 377–380].

Однако предложенный проект пенсионной кассы для служебного персонала в «Лензото» так и не был воплощен в жизнь, скорее всего, из-за произошедших вскоре событий, известных под названием «Ленский расстрел» (1912 г.), и последовавших за ними разбирательств. Тем не менее пенсионная касса все-таки появилась в названной компании. После приобретения «Лензото» всех предприятий «Компании промышленности...» (1911 г.) в распоряжении первой оказалась и пенсионная касса последней (в уставе пенсионной кассы «Компании промышленности...» было указано, что в случае продажи промыслов другой организации касса по-прежнему продолжает действовать, при том что на новых владельцев ложится обязанность ежегодного внесения в кассу 10 тыс. руб.) [9. С. 146]. В 1913 г. управление делами кассы приняло решение передать руководство над всеми делами кассы в ведение «Лензото» и образовать единую пенсионную кассу служащих на приисках. Председателем комитета по управлению новой кассы избрали И.М. Гавриловича, одного из самых высокопоставленных служащих в администрации «Лензото» [15. С. 2].

Окончательное юридическое оформление касс взаимопомощи на частных предприятиях произошло с принятием «Временных правил о создании обществ и союзов» от 4 марта 1906 г. Согласно этому законопроекту во всех частных промышленных заведениях разрешалось создание профессиональных обществ, ставивших перед собой различные цели, в том числе направленные на вспомоществование своим членам: выдача пособий нуждающимся членам общества, устройство касс взаимопомощи, оказание помощи в поисках работы уволенным с предприятия, оказание различной юридической помощи. Для открытия профессионального общества необходимо было обратиться с письменным заявлением к окружному горному инженеру или фабричному инспектору округа, а также заверить у нотариуса два экземпляра устава общества [16. С. 204–205].

На I Всероссийском съезде золото- и платинопромышленников, проходившем в 1907 г. в Санкт-Петербурге, поднимался вопрос о необходимости создания и распространения ссудосберегательных касс для служебного персонала золотопромышленных предприя-

тий. Л.Ф. Грауман, занимавший в конце XIX в. должность главного управляющего «Ленского золотопромышленного товарищества» и с именем которого во многом связаны успехи компании в добыче золота, в своем докладе предложил пенсионные или вспомогательные кассы приисковых служащих организовать при съездах золотопромышленников горных округов, которые бы объединялись в одно центральное учреждение. Другой выступающий, И.Н. Белозеров, в то время главноуправляющий всех золотопромышленных предприятий «Лензото», настаивал на одобренном правительством создании кассы, общей для какого-нибудь золотопромышленного района, с обязательным участием как владельцев золотых промыслов, так и самих служащих [17. С. 4–5]. Однако все предложения так и остались на бумаге – в дальнейшем больше не будет создано пенсионных касс в золотопромышленных компаниях Восточной Сибири, что во многом связано с прежним нежеланием владельцев предприятий заниматься вопросом пенсионного обеспечения своих работников, с известным Ленским расстрелом 1912 г. и последовавшим расследованием случившегося, а также начавшейся вскоре Первой мировой войной, в условиях которой властям было не до дальнейшего развития пенсионного законодательства работников промышленности.

Резюмируя вышесказанное, можно прийти к следующим выводам. Пенсионных касс в крупных золото-

промышленных компаниях Восточной Сибири – центре золотодобычи в дореволюционной России – было немного. Основными причинами этого явления можно считать неразвитость пенсионного законодательства в рассматриваемое время и отсутствие у владельцев промышленных предприятий желания создавать пенсионные и другие кассы вспомоществования. Определенную роль здесь сыграла и отдаленность Сибирского региона от европейской части Российской империи. Из этого можно предположить, что у политической и экономической элиты страны сформировалось мнение о ненужности улучшения социально-правового положения работников сибирской промышленности в связи с отдаленностью и в целом неразвитостью Азиатской России (именно так с 1898 г. официально стали называть территории за Уралом) по сравнению с центральными и западными промышленными районами Российской империи. Инициатива формирования и развития пенсионных и страховых касс исходила исключительно из среды промышленного служебного персонала, которому приходилось настойчиво добиваться от властей разрешения на открытие касс, разрабатывать проекты устава касс, на что уходило немало времени и сил. В целом можно прийти к заключению, что социальная защищенность служебного персонала на золотопромышленных предприятиях в Сибири находилась на довольно низком уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Святловский В.В. Из истории касс взаимопомощи рабочих // Архив истории труда в России. Пг., 1922. Кн. 4.
2. Высочайше утвержденное Положение о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства Финансов (8 марта 1861 г.) [№ 36719] // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2-е. СПб., 1863. Т. 36. Отд. 1.
3. Румянцев П.П. К вопросу о социальной защищенности технического персонала промышленных предприятий в конце XIX – начале XX в. (на примере служащих сибирских золотых промыслов в Сибири) // Четвертые университетские социально-гуманитарные чтения 2010 года : в 3 т. Иркутск, 2010. Т. 2.
4. Восточное обозрение. 1897. № 13.
5. Горбачев М.Ф. Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Ленского горного округа. СПб., 1905.
6. Вестник золотопромышленности. 1894. № 15.
7. Вестник золотопромышленности. 1905. № 15.
8. Горные и золотопромышленные известия. 1905. № 17.
9. Утвержденный 11 мая 1896 г. Министром Земледелия и Государственных Имуществ Устав пенсионной кассы служащих по управлению золотыми приисками Прибрежно-Витимской компании и Компании промышленности в различных местах Восточной Сибири (11 мая 1896 г.) [№ 12834] // ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1899. Т. 16. Отд. 2-е.
10. Вестник золотопромышленности. 1899. № 24.
11. Вестник золотопромышленности. 1902. № 1.
12. Вестник золотопромышленности. 1896. № 10.
13. Высочайше утвержденное положение о пенсионных кассах служащих и рабочих в частных кредитных учреждениях, торгово-промышленных предприятиях и страховых обществах (13 июня 1897 г.) [№ 14306] // ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1900. Т. 17.
14. Проект пенсионной кассы служащих Ленского золотопромышленного товарищества // Золото и платина. 1909. № 16.
15. Сибирь. 1913. № 121.
16. Именной Высочайший указ, данный Сенату «Об временных Обществах и Союзах» (4 марта 1906 г.) [№ 27479] // ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1909. Т. 26. Отд. 1.
17. Первый Всероссийский съезд золото- и платинопромышленников. СПб., 1908. Т. 1. С. 4–5.

Статья представлена научной редакцией «История» 31 января 2014 г.

FORMATION OF INDUSTRIAL WORKERS PENSION IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA BY EXAMPLE OF EMPLOYEES OF LARGE GOLD MINING COMPANIES IN EASTERN SIBERIA

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 142-146 DOI: 10.17223/15617793/381/23

Rumyantsev Pyotr P. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: petroom@mail.ru

Keywords: gold mining; 19th – early 20th centuries; Eastern Siberia; employees; pension legislation; pension banks.

The question of provision of pensions and development of the pension legislation for the employees of the industrial enterprises of pre-revolutionary Russia on the example of workers of Eastern Siberia gold-mining organizations is considered. Gold mining was the dominant sector in the economy of the Siberian region which involved most of the workers and employees. From the second half of the 19th century the region of Eastern Siberia becomes the gold mining center of the Russian Empire. The largest gold-mining companies (first of all "Lena Goldfields" and "The Industry Company in Different Places of Eastern Siberia") that extracted most of the gold in Russia

were situated there. Having many workers these companies were the first in the gold-mining world to start developing the provision of pensions for the personnel. The main conclusions the author of the article makes in the research are the following. In the Russian Empire the pension legislation for workers in the industrial sphere including gold mining was not actually developed. Because of the continuous growth of industrial enterprise workers' actions the central and local executive authorities paid attention to the social legal status of industrial workers only at the end of the 19th century. There appeared first laws regulating the working conditions and the social legal status of workers. The adoption of these laws which were the first concessions by the power to the worker and the employee dragged on for many years compelling industrial enterprise workers to act as initiators of the change of the social legal status by, for instance, developing projects of pension and insurance banks at the enterprise. At the specified gold-mining enterprises of Eastern Siberia employees also tried to control the development of pension banks for company employees. The lack of certain skills in law and unwillingness of company owners to create similar banks slowed their opening. Before the Revolution of 1917 there were only a few of them. The main conclusion of the author's research is that social security of employees at Siberian gold-mining enterprises was at quite a low level.

REFERENCES

1. Svyatlovsky V.V. Iz istorii kass vzaimopomoshchi rabochikh [From the history of the workers' mutual aid funds]. *Arkiv istorii truda v Rossii*, 1922, Book 4.
2. *Vysochayshe utverzhdennoe Polozhenie o gornozavodskom naselenii kazennykh gornykh zavodov vedomstva Ministerstva Finansov* (8 marta 1861 g.) [№ 36719] [Highest Approved Regulation on mining population of public mining plants of the Department of the Ministry of Finance (March 8, 1861) [№ 36719]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Saint-Petersburg, 1863, vol. 36, sec. 1.
3. Rumyantsev P.P. [On social security of the technical staff of industrial enterprises in the late 19th – early 20th centuries (Evidence from employees of Siberian gold mining in Siberia)]. *Chetvertye universitetskie sotsial'no-gumanitarnye chteniya* [The Fourth university socio-humanitarian readings]. Irkutsk, 2010, vol. 2.
4. *Vostochnoe obozrenie*, 1897, no. 13.
5. Gorbachev M.F. *Otchet po statistiko-ekonomicheskomu i tekhnicheskomu issledovaniyu zolotopromyshlennosti Lenskogo gornogo okruga* [Report on statistical, economic and technical study of the gold mining in Lensky district]. Saint-Petersburg, 1905, vol. 2.
6. *Vestnik zolotopromyshlennosti*, 1894, no. 15.
7. *Vestnik zolotopromyshlennosti*, 1905, no. 15.
8. *Gornye i zolotopromyshlennyye izvestiya*, 1905, no. 17.
9. *Utverzhdenyy 11 maya 1896 g. Ministrom Zemledeliya i Gosudarstvennykh Imushchestv Ustav pensionnoy kassy sluzhashchikh po upravleniyu zolotymi priiskami Pribrezhno-Vitimskoy kompanii i Kompanii promyshlennosti v razlichnykh mestakh Vostochnoy Sibiri* (11 maya 1896 g.) [№ 12834] [The Charter of the pension fund of the employees managing the gold mines of Pribrezhno-Vitimskaya company and the Industrial company in various locations in Eastern Siberia approved May 11, 1896 by the Minister of Agriculture and State Properties (May 11, 1896) [№ 12834]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Saint-Petersburg, 1899, vol. 16, sec. 2.
10. *Vestnik zolotopromyshlennosti*, 1899, no. 24.
11. *Vestnik zolotopromyshlennosti*, 1902, no. 1.
12. *Vestnik zolotopromyshlennosti*, 1896, no. 10.
13. *Vysochayshe utverzhdennoe polozhenie o pensionnykh kassakh sluzhashchikh i rabochikh v chastnykh kreditnykh uchrezhdeniyakh, torгово-promyshlennykh predpriyatiyakh i strakhovykh Obshchestvakh* (13 iyunya 1897 g.) [№ 14306] [Highest Approved Regulation on pension funds of employees and workers of in private credit institutions, commercial and industrial enterprises and insurance companies (June 13, 1897) [№ 14306]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Saint-Petersburg, 1900, vol. 17.
14. *Proekt pensionnoy kassy sluzhashchikh Lenskogo zolotopromyshlennogo tovarishchestva* [The project of a pension fund of employees in Lensky gold-mining partnership]. *Zoloto i platina*, 1909, no. 16.
15. *Siberia*, 1913, no. 121.
16. *Imennoy Vysochayshiy ukaz, dannyy Senatu "Ob vremennykh Obshchestvakh i Soyuzakh"* (4 marta 1906 g.) [№ 27479] [His Imperial Majesty's Edict issued to the Senate *On temporary Societies and Unions* (March 4, 1906) [№ 27479]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Saint-Petersburg, 1909, vol. 26, sec. 1.
17. *Pervyy Vserossiyskiy s"ezd zoloto- i platinopromyshlennikov* [First All-Russian Congress of gold and platina industry entrepreneurs]. Saint-Petersburg, 1908, vol. 1, pp. 4–5.

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1920-х гг.

Представлена информация о физической подготовке детей, проводимой аппаратом Всевобуча (всеобщее военное обучение) Сибири. Рассматривается процесс становления пионерских организаций и влияние Революционного коммунистического союза молодежи (РКСМ) на деятельность юных пионеров. Приводятся сведения о частичном изменении и расширении форм физического и политического воспитания, месте физической культуры в жизнедеятельности пионеров и детей школьного возраста. Характеризуется деятельность В.С. Пируского по организации физического воспитания детей, подготовке кадрового состава и программного обеспечения сферы физической культуры.

Ключевые слова: физическая культура; физическое воспитание; РКСМ; юные пионеры; детское движение; В.С. Пируский.

Первой структурой, осуществившей массовое привлечение граждан России к физической культуре, стала в 1918 г. организация Всевобуч (имела два основных направления деятельности: военная и физическая подготовка). Каждый гражданин страны в возрасте от 18 до 40 лет должен был пройти курс военного обучения, куда была включена и физическая подготовка. С возрастной категорией от 8 до 18 лет осуществлялась допризывная подготовка, в программу которой входили: игры, различные спортивные дисциплины, начальные сведения по военному искусству [1. С. 23, 24].

Аппарат Всевобуча в Сибири был создан с установлением советской власти в январе 1920 г. Структурным подразделением Всевобуча, занимавшимся физическим воспитанием граждан, было отделение допризывной подготовки и спорта при территориальных полковых округах (терполокругах). Его деятельность была многогранной и охватывала различные возрастные категории, однако в данном исследовании мы делаем акцент на работе Всевобуча с детской аудиторией. В целях методически правильного и рационального построения процесса физического воспитания детей школьного возраста уже в 1920 г. при терполокругах сибирских регионов были созданы специальные межведомственные комиссии, впоследствии реорганизованные в советы физической культуры (приказ по Западно-Сибирскому военному округу за № 1373 от 13 окт. 1920 г.). Они состояли из представителей Всевобуча, Наробраза, Здравоохранения, Парткома, Трудсобеа и осуществляли физическое воспитание школьников в терполокругах до создания Совета ФК [1. Л. 26]. Для организации стабильной работы с детьми предполагалось открыть в каждом сибирском городе и крупном фабричном пункте катки, лыжные станции, ледяные горы и т.д. Помощь Всевобучу в этой работе должны были оказывать различные структуры и организации, заинтересованные в физическом развитии детей. Так, в г. Томске совместными усилиями аппаратов Всевобуча, Наробраза и Здраводела были созданы и начали функционировать детские площадки. Дети проходили курс физического развития под руководством инструкторов Всевобуча и наблюдением врачей. Уже на этом организационном этапе была осуществлена попытка введения методики проведения занятий на основе указаний, инструкций и программ в соответствии с распоряжениями Наркомпроса и Наркомздрава [1. Л. 24; 2]. Таким образом, на этапе становления Советского госу-

дарства функции организатора физического воспитания детей взяла на себя военная, по сути, организация Всевобуч. Это была общероссийская тенденция, и регионы Сибири не стали исключением. Именно военное ведомство в тот период было призвано блюсти интересы государства, что позволило сконцентрировать в его руках материальную базу и инструкторский состав и осуществить массовую военно-физическую подготовку граждан различных возрастных категорий. Активное взаимодействие с организацией Всевобуч по распространению физического воспитания в стране проводил РКСМ.

На III съезде комсомола физическое воспитание было признано важной составной частью коммунистического воспитания, что побудило РКСМ усилить свое политическое влияние в этой области, а вскоре – взять под контроль сферу физической культуры. В этот период были определены общественно-политический характер физической культуры и спорта и ее идейная направленность, поставлены задачи по всестороннему физическому воспитанию и подготовке граждан к трудовой деятельности и защите Родины. Реализацию воспитательной концепции необходимо было начинать с детского возраста, поэтому комсомолу было необходимо создать собственную коммунистическую организацию для работы с детьми.

В 1922 г. на смену скаутингу (английская система военно-физического и трудового воспитания детей, существовавшая в России до 1922 г.) пришло детское пионерское движение, возглавил которое ЦК РКСМ. Циркулярное письмо о формировании пионерской организации в Западной Сибири поступило в регион в конце 1922 г. [3. Л. 60]. В сферу интересов пионерской организации вошло осуществление разностороннего воспитания детей, в том числе и физического. Ответственной за детское движение в Сибири структурой было ДетбюроСиббюро ЦК РКСМ. Руководство пионерскими организациями на местах принадлежало комитетам РКСМ, при которых создавались бюро из практических работников нового скаутинга и комсомольцев [4. Л. 1250; 5. Л. 17–19]. Организации юных пионеров (ЮП) в Западной Сибири появились в первой половине 1923 г.: в Боготоле – с 10.07.1923 г., в Болотном, Тайге, Яшкино – с 15.07.1923 г., в г. Ленино – с 17.06.1923 г., в г. Томске – с середины июня 1923 г. и т.д. [6. Л. 12–13 об.].

ДетбюроСиббюро ЦК РКСМ признавало необходимость организации физкультурных занятий с пионера-

ми, которые уже в 1923 – начале 1924 г. были включены в планы работы отряда сибирских пионеров (проведение гимнастики, игр, футбола, экскурсий пеших и лыжных и т.д.) [4. Л. 1250, 1276, 1297, 1300, 1302; 5. Л. 17–19]. Однако представители РКСМ, которые должны были встать во главе детского движения, в большинстве своем имели весьма смутное представление о вверенном им участке работы. Особенно это касалось физического воспитания, так как специалистов в этой области было крайне мало не только в Сибири, но и в стране. Система физического воспитания детей на государственном уровне в России на тот момент отсутствовала, поэтому было принято решение реорганизовать систему скаутинга применительно к воспитанию детей в пролетарском духе. В этой связи в Западной Сибири, как и по всей стране, к работе в этом направлении были привлечены «старые» скаут-мастера и их помощники, у которых начался «идейный перелом в пользу союза». Московские скаут-мастера выступили с открытой декларацией, где резко критиковали «старый буржуазный спорт». Изменения должны были коснуться идеологической направленности скаутизма, которая адаптировалась применительно к воспитательным задачам, решаемым в Советском государстве, а содержательная сторона подлежала сохранению. Скаут-мастера призывали всех практиков в этой области объединиться вокруг РКСМ и начать работу по распространению детского движения. В губерниях предполагалось привлечение скаут-мастеров после ознакомления с декларацией москвичей и под постоянным контролем комсомола [3. Л. 60–62]. Пришедшая на смену скаутингу пионерская организация очень многое взяла из его системы в организационном и методическом отношении: структуру организации, форму, некоторые из законов, правил и обычаев, призыв «Будь готов!» и т.д. Главным различием скаутской системы и пионерского движения в то время была идеологическая основа деятельности.

Распространение пионерского движения в Сибири, как и во всей стране, шло быстрыми темпами. Уже к сентябрю 1923 г. количество пионеров существенно увеличилось: в Кемерово – с 13 пионеров в августе до 200 к сентябрю, в Анжерском районе – с 250 до 400, в Томске их стало 315, в Тайге – 154, в Ленино – 152, в Мариинске с Боготолом – 212, в Кузнецке – 50, в Прокопьевске – 30 и т.д. [6. Л. 29 об.]. Пионерская организация в очень короткие сроки перестала быть ограниченным по численности движением, каким был скаутизм. Но количественный рост пионерского движения не сопровождался ни соответствующим материальным, ни кадровым обеспечением. Профессионально подготовленных руководителей – скаут-мастеров, перешедших на работу в пионерскую организацию, было очень мало, что исключало возможность стабильной и качественной воспитательно-образовательной работы с детьми в массовом порядке. Взавшие контроль над сферой комсомольцы имели, в большинстве своем, очень низкий не только профессиональный, но и общеобразовательный уровень. Несмотря на имевшиеся недостатки, политика государства была направлена на дальнейшее увеличение численности пионерской организации, через которую осуществлялось идеологическое воздействие на подрастающее поколение, и работа в этом направлении продолжилась.

Расширению рядов пионеров способствовали, в числе других, различные физкультурно-спортивные мероприятия, которые в этот период начали активно культивироваться в детской среде. Это было наиболее простым, эффективным и малозатратным способом привлечения детей в организацию ЮП, так как детская аудитория участвовала в них с большим удовольствием и интересом. В Сибири уже в 1923 г. был организован ряд мероприятий с включением физкультурных номеров. Так, в Мариинске в августе 1923 г. была проведена «неделя пионеров», где наиболее интересной частью праздника стали физкультурные выступления: гимнастика, пирамиды, переноска тяжестей, эстафетный бег и показательные игры. Представителями РКСМ в Томске были устроены отрядные праздники пионеров, которые заключались в проведении гимнастики, игр, футбольного состязания и вечеров. Целью организации подобных акций, помимо расширения рядов пионеров и распространения на них комсомольского влияния, являлись демонстрация положительных сторон деятельности пионерской организации для местного населения и формирование у детей навыков социально-адекватного проведения досуга. Родители, осознав, что работа с детьми носит созидательный характер, проходит в организованных рамках, способствует формированию жизненно важных навыков и производит оздоровительный эффект, сами приводили детей записываться в отряды ЮП. Аналогичная ситуация была и в других сибирских городах: Кузнецке, Кемерово, Прокопьевске и т.д. [6. Л. 12 об. – 13 об., 17]. Пионерское движение в тот период быстро завоевало популярность и пользовалось всенародным признанием, в том числе благодаря физкультурной составляющей в его работе.

С лета 1923 г. большой интерес к организации ЮП Сибири проявили дети 6–10 лет. В некоторых отрядах детей младшего школьного возраста принимали и выделяли в отдельные младшие звенья, но содержание и методы работы в них были те же, что и у пионеров. Многие дети, не попавшие по возрастному цензу в отряды ЮП, объединялись по собственной инициативе в отдельные группы и называли себя юными пионерами [7].

В 1924 г. VI Всероссийский съезд РЛКСМ в связи с расширением возрастного состава пионерской организации до 16 лет и повышением пионерской активности, признал необходимым организовать детей 8–11 лет в отдельные группы октябрят при отрядах ЮП. Осенью 1924 г. организация групп младшего возраста в Сибири получила массовый характер, но рост их шел в основном за счет городских детей при наиболее крупных и сильных отрядах ЮП. Организовать работу в группах октябрят было сложно, так как группы были разновозрастными и количественный состав детей в них варьировался от 10 до 60, но примеров распада групп не было [7].

Количество октябрятских групп в Сибири возрастало довольно быстрыми темпами: в марте 1925 г. насчитывалось 284 группы – 8 506 октябрят, в июле 1925 г. – 336 групп – 10 033. Средний возраст октябрят был 8–9 лет, но были дети и 6–7 лет. Призванное руководить детским движением Детбюро фактически передало организацию работы с октябрятами инструкторам, непосредственно работающим с группами и самостоя-

тельно определявшим формы и методы работы. Уровень компетентности работников детдвижения был крайне низким, о чем мы будем говорить далее, поэтому данный факт свидетельствует о невысоком качестве работы с детьми [7].

ЦК РКСМ в декабре 1925 г. направил в Сибирь положение об октябрятах (дети 7–10 лет), где говорилось, что основными элементами содержания работы с октябрятами являются: общественно-политическое, физическое, трудовое и культурно-образовательное воспитание. В физическом воспитании данной возрастной категории акцент ставился на личной гигиене и укреплении здоровья. Физкультурные мероприятия у октябрят должны были заключаться, главным образом, в проведении массовых игр, отвечающих по своему содержанию общественно-политической жизни или жизни группы, отряда; прогулках, занятиях на свежем воздухе (при условии наличия у октябрят нужной одежды). Таким образом, с 1920-х гг. дети уже с младшего школьного возраста включались в общественно-политическую жизнь страны и воспитывались как послушные «винтики» для «государственной машины». Данная воспитательная концепция вполне соответствовала политической линии руководства коммунистической партии большевиков и реализовывалась комсомольскими организациями [7. Л. 665, 665 об.; 8. Л. 244].

В этот же период рамки пионерского движения в Сибири начали расширяться за пределы города, и пионерские отряды стали оформляться в деревнях. Так, в Томском уезде в селе Монастырском в первых числах июня 1923 г. был организован отряд пионеров из «чисто крестьянских» детей (40 чел.), руководителем которых являлся секретарь райкома. Основным доступным видом работы с детьми в деревне были спортивные-физкультурные мероприятия, проведенные уже летом 1923 г.: публичные спортивные выступления среди крестьян, экскурсии, гимнастика, походы в лес с ночевками, устройство шалашей, оказание первой помощи. Безусловно, взятая пионерской организацией у скаутов система воспитания была привлекательна для детей, которые с удовольствием участвовали в подобных мероприятиях. Отношение крестьян к этой системе было также позитивным, так как дети приобретали жизненно важные навыки [6. Л. 13]. Распространение пионерской организации в сельской местности было затруднено из-за острой нехватки инструкторов и соответствующей литературы. Однако физкультурно-спортивные мероприятия и праздники организовывались в деревнях даже тех районов, где отсутствовали деревенские отряды пионеров. Например, летом 1924 г., по свидетельству отчета Мариинского Укома РЛКСМ, «спорт в деревне начинает прививаться, ребята строят спортгородки, приобретают кое-где футболы, привлекают красноармейцев» [9. Л. 7 об., 17, 17 об.]. Физкультурные мероприятия для детей стали частью различных праздников, проводимых в стране [10].

Городские ячейки РЛКСМ организовали шефскую работу в помощь деревне. В основе применяемой ими программы, разработанной для комсомольской организации на лето 1925 г., лежало письмо ЦК РЛКСМ (от 24.04. 1925 г. № 273) «Об очередных задачах по физической культуре», в котором ЦК разъяснил значение

физической культуры как части коммунистического воспитания. Помимо этого, в мае 1925 г. была издана брошюра «Физическая культура в деревне летом», рекомендованная Сибсоветом ФК, Сибкрайкомом РЛКСМ и Методическим бюро Сибнаробаза, которая также должна была помочь в организации физкультурной работы в деревне. Раздел физкультурной работы городских ячеек РЛКСМ предусматривал: проведение экскурсии в деревню в один из праздничных дней, ознакомление с летней политпросветработой избы-читальни, прочтение небольшого доклада и организацию игры совместно с деревенской молодежью, приурочив ее к празднику молодежи в деревне [11. Л. 342]. Как мы видим, физкультурная работа сочеталась с общественно-политической, что имело большое значение для распространения идеологического влияния комсомола на жителей деревень. Для расширения связей городского комсомола с деревней использовали лагеря отдыха и оздоровления пионеров (1925 г.). Идея создания лагерей была взята пионерской организацией из бойскаутской системы. Между тем уже с начала столетия в Сибири существовали летние колонии, являвшиеся прообразом пионерских лагерей, организатором которых в начале столетия стал В.С. Пируцкий. Новаторские идеи Пируцкого об оздоровлении детей в летний период не были антагонистичны воспитательной концепции новой политической власти, однако в них были внесены соответствующие времени идеологические коррективы. Задачи улучшения физических кондиций юного поколения органично совмещались с общественно-практической работой пионеров города среди жителей деревень. Занятия ЮП преимущественно проводились в форме игр, прогулок и с помощью всех доступных видов упражнений. Проблемы отсутствия кадров и материального обеспечения в деревне в большинстве случаев решали шефы из города [12].

Постоянные работники нового детского движения отсутствовали, но в некоторых городах (Томск, Мариинск) имелись платные работники (в основном бывшие скауты). Шефскую помощь юным пионерам оказывали некоторые организации: профсоюзы, РКП(б), исполкомы, райотделения Губсоюза и т.д. [6. Л. 12–13 об.]. В ряде населенных пунктов Сибири были организованы соответствующие Советы, куда входили представители горисполкома, культотдела месткома, женотдела, ГСПС, ОНО, комитетов РКП, РКСМ. Помимо этого, практически повсеместно из работников детдвижения (в составе которого были бывшие скауты, комсомольцы) создавались так называемые «штабквартиры» – управленческие структуры, именуемые в духе того времени. Существовавший при вступлении в ряды пионеров ценз предопределил социальный состав организации, куда вошли в основном дети рабочих, занятых непосредственно производством, а также дети из детских домов (в Тайге существовал 1 отряд детдомовцев, в Мариинске – 2, в Томске – 4 и т.д.). Таким образом, пионерами могли стать только дети из пролетарских слоев населения [6. Л. 12, 12 об.].

Определенную помощь пионерским организациям в развитии физического воспитания среди детей оказали уездные советы физической культуры. Работа по ведомствам и организациям многих населенных пунктов

осуществлялась и до появления советов, однако она проводилась стихийно: планы, программы, инвентарь и материальная база отсутствовали. С появлением советов уже летом 1924 г. физкультурная работа приняла организованный характер и проводилась на сооруженных площадках. Например, в г. Боготол летом 1924 г. функционировало три детских площадки, а в Мариинске на пяти детских площадках занималось до 900 человек. Занятия физкультурой в пионерских отрядах проводились воспитателями (в основном без специальной подготовки) ежедневно по 1 часу в виде игр и вольных упражнений. Щегловский уездный совет ФК пригласил двух инструкторов и организовал кружки на химзаводе, Кемеровском руднике и в Щегловске, где было три детских группы (190 чел.). Однако повсеместно данную работу не удалось организовать из-за отсутствия средств, инструктажа и соответствующей литературы [13].

Анализ архивных источников показал, что фактически работу с сибирскими детьми осуществляли воспитатели без специальной подготовки, между тем в разработке рабочих программ по физическому воспитанию принимали участие компетентные специалисты, которые уже в начале 1920-х гг. активно проводили научно-исследовательские изыскания в данном направлении.

Здесь необходимо отметить, что определенные научно-методические разработки в области физического воспитания детей в стране проводились еще на рубеже XIX–XX вв., что послужило базой для дальнейших исследований в 1920-х гг. До революции разработкой теории физического образования детей в России занимался П.Ф. Лесгафт, проделавший огромную работу в данном направлении. В Сибири новатором в этой области был В.С. Пируцкий, создавший в Томске в 1895 г. «Общество содействия физическому развитию» [14]. Это было первое за Уралом общество, осуществлявшее в том числе физическое воспитание детей. За время работы общества В.С. Пируцкий накопил и обобщил богатый педагогический опыт в организации физического воспитания детей. В 1920-х гг. Пируцкий продолжил теоретические и практические изыскания в этой области. В январе 1922 г. Владислав Станиславович принял заведование подотделом охраны детства при Томском Губздраве, который являлся единственным в Сибири по своей организационной работе и своему масштабу. При непосредственном участии Пируцкого был организован школьно-санитарный отдел при Томском губисполкоме, открыт первый сибирский пионерский лагерь на курорте «Шира» и т.д. Благодаря его деятельности в Томске был создан первый за Уралом институт физической культуры (ТИФК, 1920–1923 гг.), проводивший активную научно-методическую и практическую работу, в том числе и с детьми. Уже в январе 1922 г. при ТИФК начала функционировать детская площадка. Летом 1923 г. совместными усилиями института, Губоно и подотдела охраны здоровья детей Губздрава в г. Томске были открыты районные детские площадки вместимостью 600–700 человек. Руководство занятиями на площадках взял на себя Томский институт физической культуры. Под присмотром инструкторов с детьми проводились подвижные игры, физические упражнения, экскурсии, о чем свидетельствовала местная газета «Красное знамя»

(1922. 25 янв.; 1923. 17 июнь; 8 июль; 1961. 15 февр.). Необходимо отметить, что В.С. Пируцкий в начале 1920-х гг. принимал самое активное участие в составлении практически всех программ по физическому воспитанию для различных слоев населения, используя свои дореволюционные наработки [15]. Таким образом, Томск стал региональным центром, где сконцентрировалась практическая и научно-методическая деятельность в области физического воспитания детей. Данное обстоятельство позволило, несмотря на отдаленность сибирских территорий, мобилировать многие вопросы физического воспитания в научно-методическом аспекте на местном уровне. В конце 1923 г. Сиббюро ЦК РКСМ поручило Томскому Губкому Губбюродетгрупп разработать программу занятий физической культурой с пионерами в зимний и летний периоды [4. Л. 1302; 5]. В ней был учтен богатый практический опыт Общества содействия физическому развитию, созданного Пируским.

Программа по физическому развитию пионеров была составлена в марте 1924 г., основными средствами физического воспитания были различные физические упражнения, подвижные и гимнастические игры и виды спорта (лыжное дело, плавание, велосипед, коньки). Приводился не только комплекс упражнений, но и характеризовались их психофизиологическое действие и прикладное значение. Представленная программа имела целью совершенствование пионерской молодежи от 12 до 18 лет. Принимались во внимание возрастные особенности организма детей [16]. На основании программы в 1924 г. был составлен план работы по физкультуре в отрядах ЮП. Основными целями и задачами физкультуры ЮП были оздоровление, закалка и укрепление растущего организма как необходимые условия подготовки к трудовой жизни. Занятия должны были носить характер массовых гимнастических упражнений и игр [4; 5; 18. Л. 69].

Деятельность по обеспечению пионерского движения кадрами началась в Сибири с 1923 г. Для обучения специалистов работе с детьми были созданы школы инструкторов детского движения при губкомах и укомх РКСМ. Мобильная работа в данном направлении стала возможной в связи с наличием в г. Томске института физической культуры, имевшего к тому времени соответствующие теоретические наработки и определенный практический опыт работы с детьми. При наборе курсантов предпочтение отдавалось представителям комсомола. План программы этих школ предусматривал прохождение теоретических и практических дисциплин. В конце занятий производилось испытание по основным отделам программы, в том числе по играм и физвоспитанию пионеров [18. Л. 73, 77]. Однако данная работа не пользовалась особой популярностью, и существенно расширившемуся пионерскому движению в начале 1924 г. явно не хватало соответствующих работников. К тому же работа с детьми на тот момент сосредоточилась в руках профсоюзов, а не РКСМ, что не давало возможности политического влияния [19. Л. 44 об., 117, 118].

Для упорядочения работы с детьми при Губкомах РКСМ были созданы методические коллегии ЮП. Наряду с другими вопросами центральное место зани-

мало утверждение планов массовых выступлений и физкультуры для пионеров (в основе – скаутская система). Разработка планов была поручена на первом заседании Методической коллегии Ю.П. при Томском Губкоме РКСМ (29.04.1924 г.) доктору Пирусскому [20. Л. 264].

Работники детского движения получали в большинстве своем курсовую подготовку. Программа губернских курсов подготовки инструкторов детдвижения при Губкомах РКСМ Сибири была создана Центральным бюро РКСМ [4. Л. 1237, 1239]. На ее основании уже в июне 1923 г. были проведены двухнедельные курсы. Например, в Томской губернии будущие инструкторы изучали скаутскую систему: установку палаток, разведение костров, очагов, устройство шалашей, проведение игр и т.д. С курсантами было проведено 27 игр: на развитие памяти, слуха, наблюдательности, ловкости и т.п. [6. Л. 16, 17]. По окончании курсов к работе с детьми было допущено 30 человек. Однако двухнедельный срок не позволял детально изучить программу и провести практические занятия [5. Л. 17]. Подготовленные кадры имели весьма низкую квалификацию, к тому же их было катастрофически мало для обширных сибирских территорий. Кроме того, во всех организациях ЮП чувствовался острый недостаток в руководящем материале и литературе [6. Л. 13 об.].

В 1925 г. была составлена программа окружных курсов по подготовке вожатых деревенских отрядов. Программа была рассчитана на 1 месяц (182 ч) и включала 5 циклов: общественно-политический; общеобразовательный, пионерский, педагогический, практические занятия (включали физкультуру, игры, песни, экскурсии). Вопросы физкультуры и игры освещались в зависимости от сезона (если курсы в конце лета – зимний спорт, гимнастика в помещении, комнатные игры, если курсы в конце зимы – содержание применительно к летним условиям) [7. Л. 708; 12. Л. 16]. Подготовка вожатых деревенских отрядов ЮП началась в Томском округе уже в 1925 г. Однако ни количественный, ни качественный состав инструкторов деревни не позволил провести работу в должном объеме [7. Л. 708, 713 об.]. К подготовке инструкторского состава были привлечены и сами пионеры. В первом квартале 1925 г. райбюро ЮП Анжеро-Судженска для подготовки пио-

нер-инструкторов по спорту создало две пионерские группы по 60 человек. Эти дети оставались после спортивных уроков и занимались в своих отрядах под наблюдением вожатых [21. С. 79].

Таким образом, массовое распространение физического воспитания среди детей Западной Сибири в начале 1920-х гг. было связано с появлением пионерских организаций, в основе работы которых лежала обновленная скаутская система. Распространение физического воспитания в детской среде посредством пионерской организации было общегосударственной тенденцией, нашедшей отражение и в Сибири. В регионе научно-методической разработкой проблем физического воспитания детей занимались профильные организации, большую роль в работе которых сыграл выдающийся деятель, врач и педагог В.С. Пирусский. Его труды были признаны советской властью, и в 1924–1925 гг., по приглашению Н.К. Крупской, Пирусский читал лекции по физическому и трудовому воспитанию учителям при Опытной станции Наркомпроса (предшественнице Академии педагогических наук) [22. С. 4]. Подготовка кадрового состава детского движения началась фактически с момента его организации, и физическому воспитанию также было уделено определенное внимание. Архивные источники свидетельствуют, что на этапе формирования пионерского движения в стране именно введение элементов физического воспитания и организация физкультурных мероприятий способствовали расширению рядов пионеров. Однако уже с середины 1920-х гг. скаутское содержание постепенно исчезает из пионерского движения, в котором очень четко начинает проявляться идеологическая составляющая. Физкультурные кружки и организации стали прекрасным плацдармом для массового вовлечения граждан, начиная с детского возраста, в общественно-политическую жизнь страны. Пионерские организации Сибири столкнулись с проблемами, характерными для всех регионов страны: быстро развивающемуся детскому движению явно не хватало средств, квалифицированных кадров, руководящих материалов. Но это были общегосударственные проблемы, решить которые на тот момент ни в регионе, ни в стране не было возможности. В начале 1920-х гг. проводилась определенная работа по физическому воспитанию детей и в системе Народного образования Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сарычева Т.В. История становления и развития физической культуры в Томской губернии (области) в первой половине XX века. Томск : Изд-во ТПУ, 2013. 132 с.
2. Знамя революции. 1921. 10 июнь.
3. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 10.
4. ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 32.
5. ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 37.
6. ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 241.
7. ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 79. Т. 3.
8. ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 336.
9. ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 188.
10. ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 80.
11. ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 87.
12. ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 69.
13. ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1364.
14. Мурфи Т. Спорт в Томске // Знамя революции. 1920. 13 июнь.
15. Лобанов В.В. Историко-педагогический анализ новаторских оздоровительно-воспитательных практик В.С. Пирусского в Томской губернии конца XIX – начала XX в. // Вестн. ТГПУ. 2013. Вып. 4 (132).
16. ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 196.
17. ЦДНИ ТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1.

18. ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 33.
19. ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 15.
20. ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 35.
21. ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 218.
22. *Кашин В.* Педагог, ученый, общественник. Памяти основоположника физического воспитания и лечебной физической культуры в Сибири // Красное знамя. 1981. 24 июнь.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 января 2014 г.

THE HISTORY OF FORMATION AND POPULARIZATION OF PHYSICAL EDUCATION AMONG CHILDREN IN WESTERN SIBERIA IN THE 1920S

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 147–152 DOI: 10.17223/15617793/381/24

Sarycheva Tatiana V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sarycheva_tv_1@mail.ru

Keywords: physical training; physical education; RCYU; young pioneers; children movement; V.S. Pirusskiy.

In the period of formation of the Soviet State, the responsibility for the process of children's physical education was taken by Vseobuch organization. It was founded in January 1920. Within the activity of this organization, the children's physical training was conducted by special interdepartmental commissions functioning within the territorial regimental districts. From 1922 the children's pioneer movement started to spread around the country. It was governed by the Central Committee of the Russian Communist Youth Union. (CCRCYU). The organization of young pioneers (YP) in Western Siberia appeared in the first half of 1923. Detburo Sibburo CCRCYU (The Child Bureau of the Siberian Bureau of CCRCYU) was responsible for the children's movement in the region. Under the guidance of Detburo in 1923 – beginning of 1924 there were developed plans of activities of Siberian pioneer units. Physical training was included in these plans (gymnastics, games, football, walking and ski excursions, etc.). Physical culture and sports activities and feasts in Western Siberia were organized practically everywhere, which contributed to the popularity of pioneer movement. The physical training of Siberian children was conducted by people without any special education. Meanwhile the physical training programs were written by competent specialists carrying out research work in this sphere in the 1920s. In the region the scientific and methodological research work on children's physical education problems was conducted by profile organizations (the Institute of Physical Culture in Tomsk and health authorities). An outstanding innovator in the sphere of physical education V.S. Pirusskiy played a great part in their work. The program on physical development of Siberian pioneers was written in March 1924, where the main means of physical education were: various exercises, active kinds of sports and gymnastic games. The process of providing specialists for the pioneer movement in the region started in 1923. There were founded schools of instructors of children's movement under province committees of RCYU control to prepare specialists in work with children. Also there were organized methodological boards of YP. In 1925 a program was written of district courses on village pioneer unit leaders training which included physical training. Thus, the mass spreading of physical education among children in Western Siberia like in the whole country was connected with the activities of the pioneer organization. The study showed that specialists' training and program creating was done on the local level and was supported by the work of Doctor Pirusskiy and Tomsk Institute of Physical Culture. But the fast growth of children's organization evidently lacked funds, qualified specialists and guiding materials. It was a national problem and to solve it was not possible at that period.

REFERENCES

1. Sarycheva T.V. *Istoriya stanovleniya i razvitiya fizicheskoy kul'tury v Tomskoy gubernii (oblasti) v pervoy polovine XX veka* [History of formation and development of physical culture in Tomsk guberniya (region) in the first half of the 20th century]. Tomsk, Tomsk Polytechnic University Publ., 2013. 132 p.
2. *Znamya revolyutsii*, 1921, 10th June.
3. The Documentation Center of the Recent History of Tomsk Region (TSDNI TO). F.3. List 1. File 10.
4. The Documentation Center of the Recent History of Tomsk Region (TSDNI TO). F.3. List 1. File 32.
5. The Documentation Center of the Recent History of Tomsk Region (TSDNI TO). F.3. List 1. File 37.
6. The Documentation Center of the Recent History of Tomsk Region (TSDNI TO). F.3. List 1. File 241.
7. The Documentation Center of the Recent History of Tomsk Region (TSDNI TO). F.3. List 1. File 79. vol. 3.
8. The Documentation Center of the Recent History of Tomsk Region (TSDNI TO). F.3. List 1. File 79. vol. 3.
9. The Documentation Center of the Recent History of Tomsk Region (TSDNI TO). F.3. List 1. File 336.
10. The Documentation Center of the Recent History of Tomsk Region (TSDNI TO). F.3. List 1. File 188.
11. The Documentation Center of the Recent History of Tomsk Region (TSDNI TO). F.3. List 1. File 80.
12. The Documentation Center of the Recent History of Tomsk Region (TSDNI TO). F.3. List 1. File 87.
13. The Documentation Center of the Recent History of Tomsk Region (TSDNI TO). F.3. List 1. File 69.
14. The Documentation Center of the Recent History of Tomsk Region (TSDNI TO). F.1. List 1. File 1364.
15. Murfy T. Sport v Tomske [Sport in Tomsk]. *Znamya revolyutsii*, 1920, 13th June.
16. Lobanov V.V. *Istoriko-pedagogicheskiy analiz novatorskikh ozdorovitel'no-vospitatel'nykh praktik V.S. Pirusskogo v Tomskoy gubernii kontsa XIX – nachala XX v.* [The historical and pedagogical analysis of the innovative practices for recreation and upbringing by V.S. Pirussky in Tomsk Province in the late 19th – early 20th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2013, no. 4 (132), pp. 60–65.
17. The Documentation Center of the Recent History of Tomsk Region (TSDNI TO). F.3. List 1. File 196.
18. The Documentation Center of the Recent History of Tomsk Region (TSDNI TO). F.5. List 1. File 1.
19. The Documentation Center of the Recent History of Tomsk Region (TSDNI TO). F.3. List 1. File 33.
20. The Documentation Center of the Recent History of Tomsk Region (TSDNI TO). F.3. List 1. File 15.
21. The Documentation Center of the Recent History of Tomsk Region (TSDNI TO). F.3. List 1. File 35.
22. The Documentation Center of the Recent History of Tomsk Region (TSDNI TO). F.3. List 1. File 218.
23. V. Kashin. *Pedagog, uchenyy, obshchestvennik. Pamyati osnovopolozhnika fizicheskogo vospitaniya i lechnoy fizicheskoy kul'tury v Sibiri* [V. Kashin. Educator, scholar, social activist. In memory of the founder of physical education and therapeutic physical culture in Siberia]. *Krasnoye Znamya*, 1981, 24th June.

АВСТРАЛИЙСКИЙ СОЮЗ И ФЕДЕРАТИВНАЯ РЕСПУБЛИКА ГЕРМАНИЯ В РЕЖИМЕ ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ В 1991–2011 гг.

Автор рассматривает роль Австралийского Союза и Федеративной Республики Германия в глобальном режиме ядерного нераспространения в 1991–2011 гг. Оба государства являются лидерами в своих регионах как с точки зрения международного авторитета, так и в плане экономического развития. Этот факт даёт возможность детально рассмотреть их инициативы в области ядерного нераспространения сквозь призму компаративного анализа. Наконец, выделяются общие и особенные черты, характерные для участия Австралии и Германии в поддержании режима нераспространения ядерного оружия в указанный исторический промежуток.

Ключевые слова: Австралия; Австралийский Союз; Германия; Федеративная Республика Германия; режим ядерного нераспространения.

Настоящая работа посвящена сравнительному анализу особенностей участия двух государств (Австралийского Союза и Федеративной Республики Германия) в глобальном режиме нераспространения ядерного оружия в период с 1991 по 2011 г.

В первую очередь необходимо отметить чрезвычайно высокую релевантность данной проблематики для поддержания глобальной стабильности в постбиполярном мире. Это утверждение подкрепляется высказываниями как авторитетных специалистов в сфере международной безопасности, так и практикующих политических и общественных деятелей.

Так, Генеральный секретарь Организации Объединённых Наций Пан Ги Мун в своём обращении от 24 октября 2008 г. назвал возможное достижение мира, свободного от ядерного оружия, «глобальным общественным благом высшего порядка» [1], что свидетельствует об особой степени актуальности изучаемой темы.

По мнению Н.В. Галкина, старшего сотрудника по политическим вопросам в аппарате Совета Безопасности ООН, ядерный вопрос по-прежнему достаточно остро стоит на повестке дня мирового сообщества, что связано в том числе и с ядерными программами ряда стран (таких как Исламская Республика Иран и Корейская Народно-Демократическая Республика) [2].

С точки зрения известного эксперта по вопросам контроля над вооружениями, ведущего научного сотрудника Института США и Канады РАН В.И. Есина, особое значение в настоящее время приобретает проблема распространения ядерного оружия, тем более с учётом опасности попадания соответствующих вооружений и технологий в руки представителей международного терроризма [3. С. 3]. Помимо этого, Российская Федерация как одна из пяти официальных ядерных держав весьма активно участвует в процессе поддержания ядерного разоружения и нераспространения [4]. Вследствие этого проблемы ядерного нераспространения и мирного атома оказываются во многом приоритетными и для внешней политики России.

Таким образом, важность исследуемой тематики в контексте мировой и национальной безопасности неоспорима как с академической, так и с политической точек зрения, что обуславливает необходимость подробно остановиться на рассмотрении роли Австралии и Федеративной Республики Германия в ядерном нераспространении в последние два десятилетия.

Что касается фокусирования внимания именно на Австралийском Союзе и Федеративной Республике Германия в качестве объектов научного изыскания, то целый ряд факторов обусловил выбор ядерной политики именно этих государств для проведения анализа. На некоторых из них следует остановиться более подробно. В первую очередь, это возможность выделить обе страны в качестве региональных лидеров, что оказывается достаточно важным в свете тенденции к общей регионализации мира. Это подтверждается как особой ролью Германии в Европейском Союзе и других европейских организациях, так и активностью Австралии в форуме Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества: в обоих случаях страны выступили в качестве инициаторов и моторов региональной интеграции. Оба государства обладают мощными экономиками, входя в десятку наиболее развитых стран мира по различным классификациям (в частности, по индексу развития человеческого потенциала [5], а также по остальным интегральным показателям). К числу иных факторов, предопределивших выбор Австралии и Германии, относятся международный авторитет государств, стабильно лидирующие позиции и активность обеих стран на мировой арене в рамках Организации Объединённых Наций и других межправительственных организаций.

В отечественной научной литературе ядерная проблематика разрабатывалась и продолжает разрабатываться в работах целого ряда выдающихся исследователей: действительный член РАН А.Г. Арбатов, генерал-майор, д-р техн. наук В.З. Дворкин, директор Центра энергетики и безопасности А.В. Хлопков, эксперт в области международных отношений и контроля над вооружениями, канд. ист. наук А.В. Фененко. Проблема нераспространения ядерного оружия деятельно исследуется в рамках мировой и российской науки, в частности в таких институтах и организациях, как Центр исследований в области нераспространения им. Джеймса Мартина при Монтерейском институте (Калифорния, США), Фонд Карнеги за международный мир (и его Московский Центр в том числе), Центр политических исследований России, Сибирский межуниверситетский центр изучения проблем безопасности и нераспространения, Сообщество исследователей нераспространения Урала и Сибири. Зарубежная литература по ядерной тематике отличается высокой степенью вовлечённости экспертов, которые принимали

участие в формировании внешнеполитических линий и позиций своих стран по вопросам нераспространения и разоружения: так, в американских журналах большой вес имеют публикации бывшего сенатора США Сэма Нанна, бывших государственных секретарей США Генри Киссинджера и Джорджа Шульца, бывшего американского министра обороны Уильяма Перри. Участие таких деятелей в экспертизе по актуальным вопросам ядерного нераспространения позволяет другим исследователям проводить анализ интересующих их проблем более профессионально, на основе фактов и мнений, приводимых столь крупными специалистами.

Наконец, необходимо вкратце рассмотреть и вопрос о методах исследования, которые применяются в настоящей статье. Наличие двух стран – объектов исследования – позволяет использовать компаративный анализ в качестве основного метода. В зарубежной науке весьма распространена методология «case studies», т.е. исследования определённых практических ситуаций (в данном случае поведения отдельных стран в режиме нераспространения ядерного оружия). В этом отношении можно выделить работу австралийского профессора Марии Рост Рабли «Нормы нераспространения: почему государства ограничивают себя в приобретении ядерного оружия» [6], в которой подвергаются разбору ядерные программы Германии, а также Ливии, Швеции, Египта и Японии. Что касается исследований, посвящённых Австралии и Германии, то стоит отметить необходимость систематизации имеющейся научной информации по теме, обобщения уже накопленного опыта. Кроме «case studies», автор использовал и метод устной истории («oral history»), что выразилось в применении материалов интервью с отечественными и зарубежными специалистами в сфере ядерного нераспространения и атомной энергетики, имеющими опыт теоретических разработок и непосредственного практического участия в процессе, представляющем интерес для исследователя, а также с российскими и иностранными политическими деятелями и общественными активистами. Безусловно, в работе присутствуют и элементы других подходов и методов (таких, как системный). Однако же, как видно из самой формулировки проблемы, доминирующим в методологии данного исследования является прежде всего сравнительный анализ.

Прежде чем приступить к самому анализу, необходимо коснуться вопроса о хронологических рамках исследования. Что касается нижней границы, то выбор был остановлен на 1991 г. Это год после объединения Германии, который в Австралии был отмечен приходом нового лейбористского правительства Пола Китинга. Помимо этого, есть и более глобальное обоснование: в 1991 г. прекратил своё существование Советский Союз, что позволило специалистам говорить о размывании устоявшейся структуры Ялтинско-Потсдамской биполярной системы международных отношений. Верхней границей был назначен 2011 г., – год аварии на японской АЭС «Фукусима-1». Именно в этом году, как будет показано ниже, наметились существенные перемены в ядерной политике обеих стран, что было предопределено как объективными, так и субъективными факторами.

Глобальный режим ядерного нераспространения, являющийся в современности одним из конституирующих компонентов международной безопасности, включает в себя различные аспекты. Согласно наиболее часто встречающейся трактовке Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г., системообразующего в этом отношении международно-правового документа, выделяют три важнейших элемента, составляющих фундаментальное содержание данного режима. К ним относятся нераспространение ядерного оружия, разоружение, а также право использования атомной энергии в мирных целях [7]. Проведение настоящего исследования предполагает разностороннее изучение взаимовлияния и взаимопроникновения трёх составляющих режима нераспространения во внутренней и внешней политике государств. Однако в этом контексте следует сделать существенную, на наш взгляд, оговорку: ни одна из изучаемых стран не может напрямую участвовать в процессе разоружения, так как ни Австралийский Союз, ни Федеративная Республика Германия не обладают ядерными вооружениями (ситуация с наличием тактического ядерного оружия на территории ФРГ рассматривается ниже).

Таким образом, две основные составляющие ядерного фактора в политике Австралии и Германии сводятся к участию в режиме ядерного нераспространения и мирному использованию атомной энергии (под последним имеется в виду функционирование исследовательских реакторов на территории обеих стран, работа АЭС в Германии, разработки в области ядерной медицины, научно-исследовательская деятельность в ядерной сфере). В данной статье основное внимание уделяется прежде всего исследованию роли, которую играли и продолжают играть Австралия и ФРГ в глобальном режиме нераспространения ядерного оружия и технологий, участию этих стран в международных договорах и организациях, различных инициативах в этом отношении, предпринятых государствами в последнее десятилетие XX в. и в первое десятилетие XXI в.

Исторической основой рассматриваемых процессов является факт участия обоих государств в ДНЯО, Договоре о нераспространении ядерного оружия 1968 г., который и по сей день образует правовую основу режима ядерного нераспространения. Сближает рассматриваемые государства и их статус как неядерных согласно ДНЯО (это значит, что Австралия и Германия не провели испытаний ядерного оружия до 1 января 1967 г.). Федеративная Республика Германия подписала Договор 28 ноября 1969 г., ратифицировав его 2 мая 1975 г. Интересно отметить, что Германская Демократическая Республика, воссоединившаяся с ФРГ в 1990 г., подписала ДНЯО сразу в день его заключения, т.е. 1 июля 1968 г., а ратифицировала 31 октября 1969 г. Австралийский Союз подписал Договор 27 октября 1970 г., ратификация же была произведена 23 января 1973 г. [8]. При этом наличие временного промежутка между подписанием и ратификацией Договора о нераспространении ядерного оружия объясняется не только особенностями политических систем двух стран. К примеру, на процесс включения обеих Германий в создаваемый режим нераспространения ядерных вооружений серьёзно повлияли геополитиче-

ские амбиции СССР и Соединённых Штатов Америки [9]. В случае с Австралией большое значение возымела смена внутривнутриполитической ситуации: один из главных ядерных лоббистов, премьер-министр от Либеральной партии Австралии Джон Гортон, подписавший, но не ратифицировавший ДНЯО, был вынужден уступить свой пост лейбористу Гофу Уитлэму, при котором и состоялась процедура ратификации [10. С. 169].

Стоит особо подчеркнуть активное участие обоих государств в работе обзорных конференций участников ДНЯО, которые проводятся каждые пять лет. Этот факт во многом определяет степень важности участия этих стран в международном режиме ядерного нераспространения. Такие регулярные международные встречи представляют собой важный инструмент постоянного улучшения мер безопасности, составляющих содержание режима нераспространения, и благодаря анализу повесток дня каждой из конференций, состоявшихся в данный период, можно проследить наиболее актуальные вопросы режима нераспространения, характерные для того или иного этапа. На рассматриваемый отрезок времени приходится Обзорная конференция 1995 г., которая была ознаменована продлением срока действия Договора на бессрочный период. Также на этой конференции представители Германии и Австралии (и ряд других членов Комитета Цангера, или Комитета ядерных экспортёров) выступили соавторами рабочего документа под названием «Многосторонние принципы ядерных поставок» [11]. Эта же тема достаточно бурно обсуждалась и на следующих конференциях (в 2000, 2005 и 2010 гг.), но каждый раз дело дальше принятия рабочего проекта резолюции, отражающего реалии текущего момента не шло.

В частности, по свидетельству ведущего российско-го специалиста по проблемам экспортного контроля М.П. Беляевой, на конференции 2000 г. принятие такого документа было практически согласовано, во многом благодаря усилиям доктора Фрица Шмидта, однако в последний момент сорвалось [12]. В 2005 г. ФРГ при обсуждении вопроса об обладании немалым количеством высокообогащённого урана начала настаивать на своём праве использовать его в гражданских целях [13]. При этом германская делегация подчёркивала необходимость обеспечения далеко идущих мер в сфере ядерного разоружения, которые, в первую очередь, должны исходить от государств ядерного клуба. Экспортный контроль является чрезвычайно актуальной проблемой и для Австралии: в конце 2000-х гг. в стране развернулась дискуссия о правомерности торговли ядерным сырьём с Республикой Индия, которая так и не подписала ДНЯО. Австралия как один из крупнейших в мире экспортёров урана оказывается в ситуации выбора между нормами международного права и экономическими выгодами (в конце 2011 г. лейбористское правительство Джули Гиллард высказало намерение решить вопрос в пользу снятия многолетнего запрета, однако вопрос до конца пока не решён).

Сложно переоценить вклад обеих стран в работу международных организаций и форумов, к задачам которых относится обеспечение действия гарантий нераспространения ядерного оружия. Речь идёт как об официальных организациях, так и о неформальных

площадках. Из межправительственных организаций это прежде всего МАГАТЭ, Международное агентство по атомной энергии. И Австралия, и Германия являются членами этого агентства с момента его основания в 1957 г. Можно отметить неукоснительное следование Уставу МАГАТЭ со стороны обеих стран на всём протяжении указанного периода. Что касается соблюдения мер транспарентности и кооперации в рамках МАГАТЭ, в Австралийском Союзе за это ответственность возложена на Австралийское правительственное агентство по гарантиям и нераспространению (Australian Safeguards and Non-Proliferation Office). Германия, в свою очередь, также регулярно отчитывается перед МАГАТЭ на ежегодных конференциях, входя в тройку стран-лидеров по размеру взносов в эту организацию [14].

Австралия и Германия интенсивно сотрудничают друг с другом и с другими государствами-членами в рамках Организации по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, или ДВЗЯИ, который был открыт для подписания в 1996 г. Обе страны подписали ДВЗЯИ уже 24 сентября 1996 г., в день открытия договора для подписания. Австралия ратифицировала договор 9 июля 1998 г., в Федеративной Республике Германия процедура ратификации была завершена 20 августа 1998 г. [15]. При этом оба государства находятся в числе 44 стран, ратификация договора которыми является необходимым условием для вступления его в силу. Станции слежения Организации ДВЗЯИ, позволяющие осуществлять мониторинг обстановки, связанной с радиационными авариями или ядерными взрывами, находятся на территории Австралии и Германии в том числе. В дискуссиях о содержании будущего Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов (ДЗПРМ) определённую положительную роль сыграло участие немецких экспертов. Однако, согласно суждениям известного российского дипломата и специалиста в области нераспространения Р.М. Тимербаева, особый интерес представляют предложения Австралии о разработке вторичных соглашений, которые дополняли бы базовый документ [16. С. 30].

Из неформальных групп следует выделить два объединения: упомянутый выше Комитет Цангера и Группу ядерных поставщиков, ГЯП. В Комитет Цангера, основной задачей которого является определение списка наименований, к которым подлежит применение процедур экспортного контроля, входят и Австралия, и Германия. Что до работы Группы ядерных поставщиков, организованной несколько позже Комитета Цангера, в середине 1970-х гг., к её функциям относится установление контроля над экспортом ключевых материалов, оборудования и технологий (обе страны также являются членами данной организации).

Рассматривая режим нераспространения ядерного оружия в контексте с запрещением других видов оружия массового уничтожения (химического и биологического), стоит сказать об усилиях Австралийской группы, созданной в 1984 г. По сути, это неформальное объединение стран, которые за счёт мер экспортного контроля стараются минимизировать возможности разработки и распространения биологического и химического оружия. Площадкой для обсуждения актуальных вопросов ядерного нераспространения и разоружения

стала Канберрская комиссия 1996 г. По свидетельству академика В.Н. Михайлова, эта организация сыграла свою роль в пропагандировании идеи безъядерного мира [17]. С 2002 г. Германия входит в Глобальное Партнерство «Группы восьми» против распространения оружия и материалов массового уничтожения, Австралия делает взносы в эту организацию с 2004 г. [18].

В то же время Австралия (наряду с Японией) явилась соучредителем Международной комиссии по ядерному нераспространению и разоружению в 2008 г. [19. С. 1]. По инициативе премьеров Австралии и Японии, Кевина Радда и Ясуо Фукуды, в середине 2008 г. было объявлено о создании этой международной организации, основными целями которой являются поддержание международной стабильности и безопасности, а также способствование развитию мер, укрепляющих режим нераспространения и стимулирующих разоружение. Германия также входит в число участников этой инициативы (так, среди комиссаров есть и генерал Клаус Науманн, зарекомендовавший себя по работе в НАТО и других международных организациях). Данный орган имеет другое название – Комиссия Эванса – Кавагучи, по именам его председателей (бывших глав австралийского и японского внешнеполитических ведомств).

Немаловажную роль играет и внутреннее законодательство, также влияющее на участие стран в нераспространении. В Германии на начальном этапе существования государства после слияния ФРГ и ГДР положение было затруднено общеполитической ситуацией, связанной с объединением. В частности, это касалось законодательства в ядерной области (на деле законодательство ФРГ в ядерной сфере стало обязательным и для восточных земель). Следует учитывать, что благодаря федеративному устройству обоих государств земли ФРГ и штаты Австралии могут принимать свои законы, касающиеся, к примеру, вопросов добычи уранового сырья.

Во внешнеполитическом плане и с точки зрения национальной безопасности Австралийский Союз всегда полагался на американский «ядерный зонтик» в рамках концепции «расширенного сдерживания» (что отражено даже в программе австралийской партии «зелёных»). Однако уже в 1990-е и 2000-е гг. с ослаблением связей внутри АНЗЮС (военно-политического союза с США и Новой Зеландией), такая риторика стала встречаться всё реже. Германия, наряду с четырьмя другими европейскими государствами, включена в «политику совместного использования ядерного оружия» в соответствии с принципами НАТО. Это означает размещение тактического ядерного оружия на территории ФРГ: около 20 американских бомб B61 находятся на аэродроме Бюхель [20. С. 243]. При этом ещё в 2005 г. американские боеголовки были вывезены с базы «Рамштайн», штаб-квартиры американских ВВС в Европе. В качестве носителей боезарядов выступают истребители-бомбардировщики типа «Торнадо», однако в начале 2010-х гг. велись разговоры об использовании для этих целей истребителей-бомбардировщиков «Еврофайтер». Поскольку такая ситуация является довольно чувствительной с точки зрения нераспространения, некоторые политики в ФРГ (например, главы МИД Франк-Вальтер Штайнмайер и Гидо Вестервелле)

неоднократно заявляли о необходимости вывода американского оружия с территории Германии.

Австралия и Германия рассматривают ядерное нераспространение как неотъемлемую часть системы региональной безопасности в АТР и Европе соответственно. Австралийское правительство традиционно уделяет внимание особой международной ответственности страны за поддержание стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (включая и Юго-Восточную Азию). Австралия была одним из инициаторов подписания договора Раротонга в 1985 г., согласно которому устанавливалась безъядерная зона в южной части Тихого океана. Активность австралийского истеблишмента, согласно мнению некоторых исследователей, облегчила и принятие Бангкокского договора 1995 г., определившего Юго-Восточную Азию как зону, свободную от ядерного оружия [21]. Роль Германии в этом отношении сводится к организации взаимодействия и диалога между научным сообществом и политическими силами на международном уровне, в том числе и дискуссий о будущем режима ядерного нераспространения. Во многом это происходит благодаря многочисленным мероприятиям, которые устраиваются различными немецкими фондами и неправительственными организациями, в числе которых Фонд Генриха Бёлля и Hessische Stiftung Friedens- und Konfliktforschung.

В общую канву вписывается отношение обеих стран и к наиболее острым проблемам ядерного нераспространения в глобальном масштабе. В частности, под этим подразумеваются ядерные программы Исламской Республики Иран и КНДР. Так, Австралийский Союз в своё время настаивал на введении определённых ограничений для стран, не являющихся членами ДНЯО (Индия, Пакистан, КНДР и Израиль). И Австралия, и Германия (как член Евросоюза) участвуют в санкциях против Северной Кореи и Ирана, наложенных соответствующими резолюциями Совета Безопасности ООН в ответ на ядерные программы этих стран. При этом Австралия наложила и так называемые автономные, односторонние, санкции в отношении Исламской Республики Иран [22] в октябре 2008 г. Что касается Германии, то она принимала активное участие в переговорах по иранской ядерной проблеме в составе «европейской тройки» (наряду с Великобританией и Францией).

Активное участие ФРГ и Австралии в обеспечении успешного функционирования режима ядерного нераспространения также может быть объяснено достаточно серьёзным влиянием общественного мнения на процесс принятия политических решений в обеих странах, что иллюстрирует высокий уровень интереса населения к различным граням ядерной проблематики. В целом нельзя не отметить высокий уровень вовлечённости германских и австралийских специалистов по проблемам ядерного нераспространения в мировое экспертное сообщество. Граждане Австралии и ФРГ входят в персонал международных организаций в ядерной сфере, при этом особенно ценится качество их профессиональной подготовки [23].

Таким образом, на основании проведённого анализа участия двух стран в глобальном режиме ядерного нераспространения в 1991–2011 гг. можно выявить ряд

общих черт, характерных для политики Австралии и ФРГ в ядерной сфере. В первую очередь, это деятельное участие в глобальном и региональных режимах нераспространения ядерного оружия и соответствующих технологий, в работе международных организаций и разработке международного законодательства в ядерной сфере, полноценная вовлечённость в мультилатеральные договорённости. Отмечается тесная взаимосвязь австралийских и германских инициатив в сфере нераспространения ядерного оружия с внутренне- и внешнеполитической конъюнктурой.

В качестве подтверждения этого тезиса можно привести активность обеих стран в указанном направлении после событий 11 сентября 2011 г. Среди сходств можно отметить большую роль антиядерного движения, деятельность общественных организаций, высокую популярность партий «зелёных» в этих государствах. Нельзя обойти вниманием высокую степень интегрированности профессионалов, исследующих технические и политические аспекты ядерного нераспространения, в мировое экспертное сообщество. В какой-то мере к сходствам можно отнести ориентацию обеих стран на США в плане обеспечения ядерной безопасности. В обоих случаях оформление таких отношений состоялось ещё в эпоху холодной войны, однако уже в 1990-е гг. наметилось стремление Австралии и Германии их трансформировать. Для Германии это подтверждается высказываниями министров иностранных дел Штайнмайера и Вестервелле, в случае с Австралией это видно на примере внешнеполитического курса лейбористских правительств, которые находятся у власти с 2007 г.

В то же время Австралийскому Союзу и Федеративной Республике Германия присущи и отдельные особенности, позволяющие говорить о некоторых различиях в их роли в международном режиме ядерного нераспространения. Так, если Австралии вполне присущи односторонние инициативы в сфере нераспространения, то ФРГ скорее придерживается участия в многосторонних объединениях, что в том числе в такой наднациональной структуре, как Евросоюз. Помимо этого, можно найти различия в условиях, на которых США предоставляет двум странам свой «ядерный зонтик». Германия является непосредственной участницей

альянса НАТО, и в ФРГ находится ТЯО США (в рамках политики «совместного управления ядерным оружием» внутри организации). Следовательно, для Германии становится актуальной и такая составляющая режима ядерного нераспространения, как разоружение. Австралия пользуется американскими гарантиями благодаря участию в блоке АНЗЮС, *de jure* не распущенном и поныне (тем не менее об успешности его функционирования говорить сложно, учитывая тот факт, что Новая Зеландия на деле ещё в 1980-х гг. прекратила сотрудничество с США в рамках АНЗЮС). Также к числу отличий относится разная степень влияния процессов региональной интеграции на законодательство в этой области. Здесь имеется в виду принцип приоритета права ЕС над национальным, в том числе в области нераспространения, что характерно для Германии. Участие Австралийского Союза в работе форума АТЭС, как и других региональных объединений, не предполагает каких-либо жёстких юридических обязательств в ядерной сфере.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы. Анализ эмпирического материала позволил выделить сходства и различия в отношении участия Австралии и Германии в глобальном режиме ядерного нераспространения в последние два десятилетия, причём и общие, и особенные черты предопределены воздействием как объективных, так и субъективных факторов. Австралийский Союз и Федеративная Республика Германия были полностью охвачены всеми составляющими международного режима ядерного нераспространения в период с 1991 по 2011 г., активно участвуя в деятельности соответствующих организаций (формальных и неформальных) и в выполнении своих обязательств по международно-правовым договорёностям. Оба государства играли значительную роль в поддержании и сохранении стабильности как в глобальном масштабе, так и на уровне своих регионов. Наконец, важно отметить и тот факт, что нераспространение ядерного оружия и технологий двойного назначения, разоружение, а также мирное использование ядерной энергии достаточно сильно взаимосвязаны, что может быть подтверждено примером вовлечённости Австралии и Германии в ядерную сферу в 1990-е и 2000-е гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Secretary-General Ban Ki-moon. Address to the East-West Institute: "The United Nations and Security in a Nuclear-Weapon-Free world"* / United Nations News Centre. URL: http://www.un.org/apps/news/infocus/sgspeeches/search_full.asp?statID=351 (дата обращения: 31.08.2013).
2. *Интервью с Н.В. Галкиным, старшим сотрудником по политическим вопросам в Департаменте политических вопросов Секретариата Совета Безопасности ООН, в рамках V студенческой сессии Тюменской международной модели ООН, 22 марта 2013 г.*
3. *Есин В.И. Проблема распространения ядерного оружия в Европе в начале XXI века (аналитический доклад).* М. : Институт США и Канады, 2003. 97 с.
4. *Ильин А.В., Торопчин Г.В. Ядерное нераспространение – надежда человечества на выживание* // Информационно-аналитическое агентство «SKY24». URL: <http://www.sky24.ru/interview/yadernoe-nerasprostranenie-nadezhda-chelovechestva-na-vyzhivanie> (дата обращения: 31.08.2013).
5. *HDI 2010 Index* // Human Development Reports (HDR) – United Nations Development Programme (UNDP). URL: http://www.hdr.undp.org/en/media/Lets-Talk-HD-HDI_2010.pdf (дата обращения: 31.08.2013).
6. *Rublee M.R. Nonproliferation Norms: Why States Choose Nuclear Restraint.* Athens, Georgia : The University of Georgia Press, 2009. 297 с.
7. *Vertrag über die Nichtverbreitung von Kernwaffen (NVV)* // Auswärtiges Amt. URL: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Friedenspolitik/Abruestung/Nukleares/NVV_node.html (дата обращения: 31.08.2013).
8. *Signatories and Parties to the Treaty on the Nonproliferation of Nuclear Weapons* / Federation of American Scientists. URL: <http://www.fas.org/nuke/control/npt/text/npt3.htm> (дата обращения: 31.08.2013).
9. *Слипенко В.С. Договор о нераспространении ядерного оружия* / The Center for Arms Control, Energy and Environmental Studies. URL: <http://www.armscontrol.ru/course/lectures04b/vss040923.htm> (дата обращения: 31.08.2013).
10. *An IISS Strategic Dossier. Preventing Nuclear Dangers in Southeast Asia and Australasia* / ed. by J. Chipman et al. L. : International Institute for Strategic Studies, 2009. 208 с.

11. 1995 Review and Extension Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Multilateral Nuclear Supply Principles / Federation of American Scientists. URL: <http://www.fas.org/nuke/control/npt/docs/21ca.htm> (дата обращения: 31.08.2013).
12. *Интервью* с М.П. Беляевой, советником Департамента международного сотрудничества государственной корпорации «Росатом», в рамках II Международной школы-семинара НИЯУ МИФИ «Ядерная энергетика и нераспространение: ответ на вызовы современности», 31 января 2013 г.
13. Du Preez J. The 2005 NPT Review Conference: Can It Meet the Nuclear Challenge? / Arms Control Association. URL: http://www.armscontrol.org/act/2005_04/duPreez (дата обращения: 31.08.2013).
14. Internationale Atomenergie Organisation (IAEO) / Auswärtiges Amt. URL: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Friedenspolitik/Abruestung/Nukleares/IAEO_node.html (дата обращения: 31.08.2013).
15. Status of Signature and Ratification / CTBTO Preparatory Commission. URL: <http://www.ctbto.org/the-treaty/status-of-signature-and-ratification/> (дата обращения: 31.08.2013).
16. Тимербаев Р.М. О запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия // Индекс безопасности. 2009. № 3–4. С. 90–91.
17. Михайлов В.Н. Ядерное оружие России XXI века / Институт стратегической стабильности «Росатома». URL: <http://www.iss-atom.ru/70/art-071.htm> (дата обращения: 31.08.2013).
18. Global Partnership Against the Spread of Weapons and Materials of Mass Destruction ("10 Plus 10 Over 10 Program") / Nuclear Threat Initiative. URL: <http://www.nti.org/treaties-and-regimes/global-partnership-against-spread-weapons-and-materials-mass-destruction-10-plus-10-over-10-program> (дата обращения: 31.08.2013).
19. Speech by Prime Minister Rudd: "Building on ASEAN's Success – Towards an Asia Pacific Century". Singapore, 12 August 2008 // Nuclear Futures? The 2010 NPT Review Conference and Australia's Nuclear Policy Options. URL: http://www.aiia.asn.au/wa-papers/doc_download/295-policy-commentary-nuclear-futures-the-2010-npt-review-conference-and-australias-nuclear-policy-op (дата обращения: 31.08.2013).
20. Торопчин Г.В. Проблема размещения тактического ядерного оружия на территории ФРГ // Вопросы истории, международных отношений и документоведения : сб. материалов Всерос. молодёжн. науч. конф. (17–19 апреля 2013 г.). Томск : Томский государственный университет, 2013. Вып. 9.
21. Hamel-Greene M. Australia and regional denuclearization treaties / Nautilus Institute for Security and Sustainability. URL: <http://www.nautilus.org/apsnet/australia-and-regional-denuclearization-treaties> (дата обращения: 31.08.2013).
22. Australia's autonomous sanctions: Iran / Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. URL: http://www.dfat.gov.au/un/unsanctions/iran_autonomous_sanctions.html (дата обращения: 31.08.2013).
23. *Интервью* с Т. Рауфом, руководителем Global Nuclear Solutions, Inc. и членом Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, в рамках семинара «Международная система гарантий МАГАТЭ», 20 апреля 2013 г.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 января 2014 г.

THE COMMONWEALTH OF AUSTRALIA AND THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY IN THE NUCLEAR NON-PROLIFERATION REGIME IN 1991–2011

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 153–159 DOI: 10.17223/15617793/381/25

Toropchin Gleb V. Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: glebtoropchin@mail.ru

Keywords: Australia; Commonwealth of Australia; Germany; Federal Republic of Germany; nuclear non-proliferation regime.

The given scientific article deals with the analysis of the role of the Commonwealth of Australia and the Federal Republic of Germany in the global nuclear non-proliferation regime in 1991–2011. Both states can be regarded as leaders in the corresponding regions, both from the point of view of the international standing and in terms of their economic development. This fact gives the opportunity to explore their initiatives in the field of nuclear non-proliferation in detail, through the prism of comparative analysis. Urgency of the problem cannot be underestimated, as it is truly vital for sustaining international security and global stability according to the prominent experts and politicians. First, as for the historical retrospective of the issue, both the FRG and Australia have signed and ratified the NPT, Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Australia and Germany are involved in various international agencies and organizations in the nuclear sphere to the full extent. These are both intergovernmental (International Atomic Energy Agency, Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty Organization and other bodies) and informal (such as Zangger Committee or Nuclear Suppliers Group) organizations. These states are parties to different international agreements that form the legal basis of the contemporary nuclear non-proliferation regime regionally and globally. Thus, it was a rather important direction of Australian and German foreign policies in the 1990s and 2000s. Talking about the security component, it is necessary to mention that both Australia and Germany rely on American guarantees in terms of defence. As such, the U.S. is ready to provide the so-called "nuclear umbrella" for Australia under the ANZUS treaty. At the same time, Germany has American tactical nuclear weapons on its territory within NATO's nuclear sharing policy. Otherwise, nuclear activities in both countries are related to the peaceful use of atomic energy, research and development, nuclear medicine, scientific and technological work. Australia and Germany play a significant part in the multilateral discussions on the most pressing problems connected with non-proliferation of nuclear weapons. The role of the civil society and non-governmental organizations in these countries is also to be taken into consideration. Finally, one can define similarities and differences characteristic to the participation of Australia and Germany in the nuclear non-proliferation regime within the specified period of history.

REFERENCES

1. Secretary-General Ban Ki-moon. Address to the East-West Institute, "The United Nations and Security in a Nuclear-Weapon-Free world. Available at: http://www.un.org/apps/news/infocus/speeches/search_full.asp?statID=351 (accessed 31.08.2013)
2. Galkin N.V. *Interview with N.V. Galkin, Senior Political Affairs Officer in the Department of Political Affairs of the UN Security Council, in the framework of the V Student Session of Tyumen International Model of the UNO.* 22 March 2013.
3. Esin V.I. *Problema rasprostraneniya yadernogo oruzhiya v Evrope v nachale XXI veka* (analiticheskiy doklad) [The problem of nuclear weapon proliferation in Europe in the early 21st century (analytical report)]. Moscow, Institute for US and Canadian Studies Publ., 2003. 97 p.
4. Ilyin A.V., Toropchin G.V. *Yadernoe nerasprostranenie – nadezhda chelovechestva na vyzhivanie* [Nuclear non-proliferation as humanity's hope for survival]. Available at: <http://sky24.ru/interview/yadernoe-nerasprostranenie-nadezhda-chelovechestva-na-vyzhivanie>. (accessed 31.08.2013)

5. *HDI 2010 Index / Human Development Reports (HDR) – United Nations Development Programme (UNDP)*. Available at: http://hdr.undp.org/en/media/Lets-Talk-HD-HDI_2010.pdf. (accessed 31.08.2013)
6. Rublee M.R. *Nonproliferation Norms: Why States Choose Nuclear Restraint*. Athens, Georgia, The University of Georgia Press, 2009. 297 p.
7. Vertrag über die Nichtverbreitung von Kernwaffen (NVV) / Auswärtiges Amt. Available at: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Friedenspolitik/Abruestung/Nukleares/NVV_node.html. (accessed 31.08.2013)
8. Signatories and Parties to the Treaty on the Nonproliferation of Nuclear Weapons. Available at: <http://www.fas.org/nuke/control/npt/text/npt3.htm>. (accessed 31.08.2013)
9. Slipchenko V.S. *Dogovor o nerasprostraneni yadernogo oruzhiya* [Nuclear nonproliferation treaty]. Available at: <http://www.armscontrol.ru/course/lectures04b/vss040923.htm>. (accessed 31.08.2013)
10. Chipman J. et al. (eds.) *An IISS Strategic Dossier. Preventing Nuclear Dangers in Southeast Asia and Australasia*. London, International Institute for Strategic Studies, 2009. 208 p.
11. *1995 Review and Extension Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Multilateral Nuclear Supply Principles*. Available at: <http://www.fas.org/nuke/control/npt/docs/21ca.htm> (accessed 31.08.2013).
12. Belyaeva M.P. *Interview with M.P. Belyaeva, Adviser of the Department of International Cooperation of the Rosatom State Corporation, at the II International Workshop MEPhI "Nuclear Energy and Nonproliferation: meeting the challenges of our time", January 31, 2013*.
13. Du Preez, J. *The 2005 NPT Review Conference: Can It Meet the Nuclear Challenge?* Available at: http://www.armscontrol.org/act/2005_04/duPreez. (accessed 31.08.2013)
14. *Internationale Atomenergie Organisation (IAEO)*. Available at: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Friedenspolitik/Abruestung/Nukleares/IAEO_node.html. (accessed 31.08.2013)
15. Status of Signature and Ratification. CTBTO Preparatory Commission. Available at: <http://www.ctbto.org/the-treaty/status-of-signature-and-ratification>. (accessed 31.08.2013)
16. Timerbayev R.M. O zapreshchenii proizvodstva rasshcheplyayushchikhsya materialov dlya yadernogo oruzhiya [On banning the production of fissile materials for nuclear weapon]. *Indeks Bezopasnosti – Security Index Journal*, 2009, no. 3–4 (90 – 91).
17. Mikhailov V.N. *Yadernoe oruzhie Rossii XXI-ogo veka* [Nuclear weapon in Russia of the 21st century]. Available at: <http://www.iss-atom.ru/70/art-071.htm>. (accessed 31.08.2013)
18. *Global Partnership Against the Spread of Weapons and Materials of Mass Destruction ("10 Plus 10 Over 10 Program"). Nuclear Threat Initiative*. Available at: <http://www.nti.org/treaties-and-regimes/global-partnership-against-spread-weapons-and-materials-mass-destruction-10-plus-10-over-10-program>. (accessed 31.08.2013)
19. *Speech by Prime Minister Rudd: "Building on ASEAN's Success – Towards an Asia Pacific Century". Singapore, 12 August 2008. Nuclear Futures? The 2010 NPT Review Conference and Australia's Nuclear Policy Options*. Available at: http://www.aiia.asn.au/wa-papers/doc_download/295-policy-commentary-nuclear-futures-the-2010-npt-review-conference-and-australias-nuclear-policy-op. (accessed 31.08.2013)
20. Toropchin G.V. [The problem of tactical nuclear weapon deployment on the territory of the FRG]. *Voprosy istorii, mezhdunarodnykh otnosheniy i dokumentovedeniya. Sbornik materialov Vserossiyskoy molodezhnoy nauchnoy konferentsii (17-19 aprelya 2013 g.)* [Issues of history, international relations and documentation. Collected materials of the All-Russian Youth Scientific Conference (17–19 April 2013)]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2013, Issue 9.
21. Hamel-Greene M. *Australia and regional denuclearization treaties*. Available at: <http://nautilus.org/apsnet/australia-and-regional-denuclearization-treaties>. (accessed 31.08.2013)
22. *Australia's autonomous sanctions: Iran*. Available at: http://www.dfat.gov.au/un/unsanctions/iran_autonomous_sanctions.html. (accessed 31.08.2013)
23. Rauf T. *Interview with T. Rauf, Head of Global Nuclear Solutions, Inc. and a member of the Advisory Board of the PIR Center, in the seminar "International IAEA safeguards system". April 20, 2013*.

АБЕРРАЦИИ СОВЕСТИ В РЕВОЛЮЦИОННОМ НАРОДНИЧЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ЭСЕРОВСКОГО ТЕРРОРИЗМА)

Исследуется проблема аберрации совести как источника радикальной идеологии и политического терроризма революционно-народничества XIX – начала XX в. Рассматриваются социокультурные условия формирования аберрационной совести в контексте проблемы леворадикальной интеллигенции в дореволюционной России как носителя нигилистического мировоззрения. Духовно-метафизические истоки аберрации совести рассматриваются в связи с феноменом аберрации религиозности в христианской культуре Нового времени. В свете базовой гипотезы получает новую интерпретацию альтруистический этос террористического подполья народников. Личностно-нравственные аспекты мотивации левого терроризма иллюстрируются на примере наиболее ярких персоналий партии социалистов-революционеров.

Ключевые слова: терроризм; аберрации совести; революционное народничество; аберрации религиозности; леворадикальная интеллигенция; нигилизм; эсеровский терроризм.

Принято считать, что насилие всегда связано с откровенными проявлениями аморализма и глубокой нравственной порочности, т.е. с утратой совести. Криминальное насилие, как правило, соответствует этому утверждению, поскольку связано с корыстными мотивами и эгоизмом, готовым преследовать собственные интересы вплоть до причинения прямого вреда благосостоянию, здоровью и жизни других людей. Что касается насилия с целями политическими, преступления идейного, коим являются различные виды экстремизма и терроризма, ситуация становится более запутанной. История российского и европейского терроризма XIX – начала XX в. показывает, что активисты террористических группировок часто представляют собой молодых радикалов, наделенных нравственной восприимчивостью к страданиям других и обостренным чувством социальной справедливости.

Народники, «идущие в террор», в большинстве своем были чистейшими идеалистами, проникнутыми духом революционного самопожертвования и крайнего альтруизма. Бессмысленно и слишком шаблонно обвинять их в безнравственных намерениях в смысле узкого эгоистического прагматизма или же в психологическом самоудовлетворении замаскированного идеологической оболочкой эго. Так, обвинять лидеров Народной воли в личных или корыстных мотивах их политической деятельности можно лишь только по незнанию их личностей или сознательному искажению фактов. Н.А. Троицкий, крупнейший специалист по истории политических процессов в России, подчеркивает *совершенное личное бескорыстие* лидеров народолюбцев (таких как А.И. Желябов, С.Л. Перовская, Н.А. Морозов, В.Н. Фигнер) и считает полностью необоснованными обвинения в том, что они «рвались к власти» или стремились к славе [1].

Факты также свидетельствуют о том, что многие известные террористы из рядов народолюбцев, а позже социалистов-революционеров, легко пропагандируя убийство за революционную идею на словах, не имели органической склонности к кровавым преступлениям. Террористическая деятельность была сопряжена для них с мучительными вопросами нравственного оправдания терроризма в начале и сознанием неискупленного греха в конце. Вряд ли можно подобрать более точные слова в отношении первого состава Боевой органи-

зации эсеров под началом Е. Азефа, чем сказанные А. Камю: «Эта сплоченная горстка людей, затерявшихся среди русской толпы, избрала себе ремесло палачей, к которому их ничто не предрасполагало» [2. С. 248].

Нравственные чувства вины, ответственности за зло, угрозы совести занимали важное место в душевной жизни революционных народников, но переживались и осмыслились в особых формах, сосуществуя с идейной фанатичностью и одержимостью мстостью «деспотической» власти за народные страдания. Все это указывает на важность изучения духовных истоков леворадикального движения в царской России как одного из ярких исторических примеров политического экстремизма, выросшего из феномена аберрационной совести.

Происхождение народнического терроризма связано с особым социальным слоем дореволюционного российского общества с весьма неоднозначной и драматичной судьбой – интеллигенцией, обремененной своим рождением царю-западнику Петру I. В XVIII в. интенсивный процесс секуляризации культуры породил социокультурный раскол в русском обществе. Господствующий класс в большинстве своем обратился к светскому быту и европейскому стилю жизни. Однако большая часть общества, состоявшая из податных сословий, сохранила культурную консервативность и образ жизни, тесно связанный с церковно-православными традициями. С течением времени «светская публика» и народ все меньше и меньше понимали друг друга. Клином между ними встал особый социальный слой, не принадлежащий целиком ни высшим классам, ни народным массам, – русская интеллигенция.

На всех этапах своего существования интеллигенция обладала сознанием своей особой миссии и объективно представляла собой уникальную социально-духовную общность с единой социальной психологией, исторической судьбой и общими духовными интенциями. Обращаясь к характеристике феномена русской интеллигенции, сложно пройти мимо известной формулы Г.П. Федотова – «идейность задач и беспочвенность идей» [3. Т. 1]. Не будем вдаваться в полемику относительно того, насколько эти черты были характерны для всей интеллигентской общественности. Мы удовлетворимся тем безусловным фактом, что идейность и беспочвенность, безусловно, были неотъемлемы для ее леворадикального лагеря, который и станет предметом нашего пристального внимания.

Рождение леворадикального лагеря в среде интеллигенции следует отнести ко второму этапу ее исторического существования. Со времен Петра I до восстания декабристов (1825 г.) русская интеллигенция «шла с царем против народа», после чего обратилась «против царя и народа», встав на путь болезненного поиска собственной миссии в рамках проектов радикального переустройства общественного порядка [3. Т. 1. С. 81]. Очевидно, что изменения интеллигентского самосознания зависели от серьезных перемен в ее отношениях с властью. Чувствуя свою экзистенциальную оторванность от общенациональной жизни (вследствие западного воспитания), нравственно чуткий к тяготам простого народа интеллигент превращался в «кающегося дворянина», одновременно все более проникаясь западными либеральными ценностями, которые подрывали устои монархической власти. Положение усугубил выход на историческую сцену разночинской интеллигенции (с середины XIX в.), отличавшейся еще большим вольнодумством и стремлением к радикализму. Самодержавное государство со свойственной ему склонностью к дисциплинарным мерам пресечения свободомыслия не стремилось к диалогу с молодым поколением. Для простого народа, в подавляющем большинстве своем живущего в лоне церковно-православной культуры, беспочвенный и духовно неукорененный в собственной национальной традиции интеллигент-атеист оставался тем более непонятен и чужд.

Первые четко фиксируемые террористические идеи в царской России появились в 1860-е гг. в среде нигилистической интеллигенции. Само понятие «нигилизм» было введено И.С. Тургеневым, обозначившим этим словом особое идейное умонстроение и общественное движение в среде русской интеллигенции 1860-х гг., совершившее радикальную переоценку всех традиционных духовно-нравственных устоев русского общества. Нигилизм, будучи еще пассивной формой протеста молодого поколения радикалов против старых порядков, стал необходимым переходным этапом к революционному народничеству, породившему длительную традицию терроризма (от выстрела Д. Каракозова до терроризма эсеров). В философии Ф. Ницше понятие «нигилизм» получило второе рождение, приобретя более широкое и глубокое значение [4]. Именно Ницше первым заговорил о «нигилизме» как драматическом социокультурном процессе в недрах европейской цивилизации, несущем в себе отход культуры от своего собственного духовного фундамента. Для Ницше нигилизм – это драматический процесс, переживаемый западно-христианской культурой со времен Возрождения, сутью которого является переоценка традиционных ценностей. Это процесс обесценивания высших ценностей, переворот в мировоззрении, когда устоявшаяся метафизика терпит крах.

В этом процессе Ницше выделял три формы, или стадии, нигилизма, последовательно сменяющие друг друга. На первой стадии человек теряет прежнюю веру в смысл или цель всего совершающегося, бытия в целом, вследствие чего его жизнь обесмысливается, так как объективно ничему не служит. Вторая стадия нигилизма наступает тогда, когда человек теряет чувство космической гармонии, универсум в его сознании рас-

падает из объективной целостности в хаос разрозненных частей, из-за чего человек теряет свое место и свою значимость в мире. На последней ступени нигилизма человек полностью отказывается от прежней метафизической картины мира, расцененной теперь как иллюзорная и созданная им же самим из собственных психологических потребностей. Человек перестает верить в объективный смысл (цель) и целостность бытия. Жизнь начинает представляться как борьба единичных волей, измышляющих свои субъективные представления о мире исходя из интересов личной «воли к власти». Однако эта последняя форма нигилизма, которую Ницше называет «*полным нигилизмом*», может быть заменена попыткой сохранения прежнего метафизического восприятия реальности в виде специфической формы нигилизма, в том или ином варианте «*неполного нигилизма*». Будучи психологически не готов к отказу от общего объективного смысла и целостности бытия, субъект в своем сознании, на месте сверженных с пьедестала абсолютных ценностей, может воздвигнуть новых «кумиров», требующих столь же рьяного почитания и дающих «объективный» смысл индивидуальной жизни. Так, западноевропейский социализм Ницше расценивал как неполную форму европейского нигилизма, восстанавливающего в искаженных формах христианскую метафизику.

Нововременная европейская история полна вариантов неполного нигилизма в виде различных идеологических и общественных движений, объединенных единым основанием: четко выраженной тенденцией к *переносу духовных стремлений* человека, обращенных к абсолютному идеалу, в *социально-политическую плоскость*. Духовность человека, потерявшая связь с Богом, по меткому выражению Л.А. Тихомирова, повсеместно трансформировалась в «*социальную религиозность*» [5], ставшую двигателем перманентных социальных революций. Наиболее ярким примером этого служит история Великой французской революции, вспыхнувшей во имя абстрактных ценностей «суверенитета народа» и «прав человека», но сопровождающейся чудовищными нарушениями прав целых масс конкретных людей.

На русской культурной почве в условиях кризиса национальной духовной традиции (православия) формой проявления неполного нигилизма стало народничество, явившееся знаменем леворадикальной интеллигенции 1870-х гг. В общественной деятельности народников можно обнаружить духовно-религиозное измерение. Стремление к жизни вечной, бессмертному идеалу правды, заполнению душевной пустоты абсолютными ценностями в сознании нигилистической интеллигенции приобрели суррогатные формы в виде веры в социальный прогресс как объективный и неизменный закон истории, возможность будущего материалистического рая – совершенно справедливого общественного устройства, способного удовлетворить все материальные потребности человека и даровать ему подлинную свободу [5. С. 75]. Социалистические идеи, родившиеся в ходе разложения христианской культуры Европы, нашли подходящую и восприимчивую среду в лице русской интеллигентской общественности, превратившись в материалистическую сотериологию и эсхатологию народничества.

С возникновением народничества в душе интеллигенции сложился особый тип бессознательной религиозности – вера в народ как высшую ценность, служение которой становилось смыслом всей жизни. Эта особая характеристика веры, или «народопоклонство» (Н.А. Бердяев), создала из идеализированного русского народа идола, земного бога. Переосмысленные в социалистическом духе христианские заповеди жертвенности и любви к ближнему превратились в абсолютные нравственные императивы крайнего альтруизма и самоотречения во имя социального прогресса и блага общественного. Таким образом, бессознательные духовные устремления беспочвенной интеллигенции к вечным началам жизни вследствие нигилистического состояния разума вылились в аберрационную форму неосознанной религиозности, противоречиво сочетавшей в себе как языческие, так и христианские элементы.

Духовные истоки народничества нельзя свести к одному искажению чувства веры, утратившего трансцендентальную направленность. Народничество можно оценивать как проявление обостренной социальной совести русской нигилистической интеллигенции, утратившей национальные культурные традиции и живую связь с собственным народом. Однако прежде чем приступить к открытию данной темы, стоит задаться вопросом о том, а что же такое совесть?

Совесть – важнейший духовный орган человека, интуитивно указывающий нравственные ориентиры и помогающий совершать выбор в сложных, порой антиномичных для разума нравственных ситуациях. Это неотъемлемое качество человека, одно из немногих, составляющих саму природу человечности. Совесть имманентна человеческой сущности. Она не имеет ничего общего с внешним принуждением, это внутренняя способность к различению добра и зла, правды и лжи, истины и заблуждения. Более того, ее действие – одно из наиболее явных проявлений свободы воли, другого важнейшего духовного достояния человека. Совесть не предписывает, но лишь указывает на возможность реализации истинного смысла, ценности. Даже в периоды острого пробуждения чувства совести в нашем сознании, когда ее голос весьма настойчив в призыве к чему-либо или, скорее, в предостережении от ошибки, последнее слово остается за нашим сознательным выбором. В такие периоды мы в полной мере способны осознать присущую нам свободу воли вместе с личной ответственностью, которая в подобные минуты может стать тяжелым бременем.

Совесть не только имманентна, она также трансцендентна. Это важное открытие современной философской мысли по праву принадлежит знаменитому основателю логотерапии В. Франклу. Оно означает, что совесть, помимо того что она является неотъемлемым свойством человека, не рационализируема, не разложима методами аналитического мышления до конечного остатка на прозрачные интеллектуальные компоненты или характеристики. Она не может быть рационалистически исследована в своей предельной глубине.

Описывая структуру человеческой психики, В. Франкл ввел понятие духовного бессознательного – той глубинной духовной основы человека, которая не поддается никакому логическому анализу или описа-

нию в категориях абстрактно-понятийного мышления. Это сфера принципиально нерелефлексированного сознанием человека. Человек способен размышлять о себе самом, рефлексировать над собственной душевно-духовной жизнью. Все это – проявления активности самого духа в человеке, его самопознание. Рефлексия над самим самопознанием, т.е. самопознание в квадрате – невозможно. Любая рефлексия, пытающаяся схватить дух в его изначальном источнике, его ослепляет [6. С. 100]. Эту особенность бытия духа можно объяснить на одном из излюбленных образных примеров Франкла. Человеческий глаз устроен так, что, отражая мир вокруг нас, не способен взглянуть на свое собственное основание: у самого основания сетчатки, в месте входа в глазное яблоко зрительного нерва, находится «слепое пятно», которое не может отражать самое себя [Там же].

В глубинах духовного бессознательного коренятся все подлинные качества личности, такие как любовь, эстетическое чувство и, наконец, совесть. Следуя этической теории В. Франкла, совесть можно описать несколькими фундаментальными качествами. Во-первых, она интуитивна в той же степени, что и любовь и творческие способности человека. Если любовь интуитивно предвосхищает ценность любимого человека, созерцает еще не раскрывшиеся в общении личностные качества как пока не реализованную возможность, точно такой же характер имеет действие совести. Совесть предшествует рациональному суждению и моральной оценке, она иррациональна, дологична и доморальна [6. С. 96]. Во-вторых, совесть всегда связана с индивидуально-личностным бытием. Потенции совести раскрываются в полной мере лишь в человеке с высоким уровнем личностного самосознания, ощущающем личную свободу и умеющем сознательно принимать на себя ответственность. Индивид, поглощенный социальными конвенциями, в меньшей степени подвержен побуждениям чувства совести, он ориентируется господствующими в его среде социальными и моральными нормами, выступающими преимущественно в качестве механизма внешнего принуждения. Истинные проявления совести всегда связаны с индивидуальным и личностно окрашенным выбором. Ее задача определить «то, что должно» в конкретной жизненной ситуации, выбрать единственный наиболее верный вариант ее разрешения. В-третьих, совесть креативна. Предназначение совести заключается в обнаружении смыслов во вполне конкретной и индивидуальной ситуации, согласовании всеобщего морального закона с конкретной жизненной ситуацией индивидуальной личности. Франкл определяет совесть как «интуитивную возможность человека находить смысл ситуации» [7. С. 269]. Последний всегда уникален, поскольку индивидуальные жизненные ситуации невозможно целиком подвести под всеобщее и неизменное правило. Сделанный индивидуальный личностный выбор, в свою очередь, способен созидать новые ценности, в будущем становящиеся достоянием общества.

Трансцендентный характер совести означает не только то, что она до конца не рационализируема. Она не рационализируема именно потому, что ее источник восходит к скрытым онтологическим глубинам бытия, миру трансцендентному. Совесть основывается на от-

ветственности, первичном и не выводимом из каких-либо иных качеств чувстве человека. Ответственность в конечном счете всегда означает ответственность перед кем-то. Если этим кем-то считать другого человека или же совокупность окружающих нас людей, общество, феномен совести превращается в чисто социологический. Будь оно так, в нем не оставалось бы тайны, так поражающей нас. Его онтологическое основание оставалось бы целиком имманентным. С другой стороны, ценности, находимые совестью в сердце и переданные разуму человека, имели бы своим источником выработанные историей конвенциональные нормы. В таком случае нельзя не признать их неизбежно релятивный характер. Но что-то в глубине нас протестует против такого решения проблемы источника совести, ведь совесть так часто обнажает настоящие, подлинные смыслы, обличая ложь социальных стереотипов и самообман ослепленной страстями души. К тому же можно привести исторические примеры, по всей вероятности, из любой эпохи, иллюстрирующие независимость личной совести человека от общественного влияния. В обществах и социальных группах, буквально насквозь пронизанных порочными привычками, всегда находились праведники, ведомые интуитивным призывом к правде и справедливости.

Поэтому мы можем заключить: в своем пределе совесть означает ответственность не перед человеком (хоть даже и коллективным в виде социальной группы или человечества), а перед Сверхличностью, незримо оценивающей все поступки человека. Иными словами, в совести происходит интимный диалог между человеком и Богом [6. С. 126–128]. Это итоговое суждение о совести, к которому подводит нас В. Франкл, в точности повторяет мысль, прекрасно выраженную ранее в русской религиозной философии о. С. Булгаковым: «В совести своей, необманной и неллицеприятной, столь загадочно свободной от естественного человеческого себялюбия, человек ощущает, что Некто *со-весть*, соведает вместе с ним его дела, творит суд свой, *всегда его видит*» [8. С. 45].

Это приводит нас к выводу, что совесть хоть и принадлежит нам как неотъемлемое и изначальное внутреннее качество, корни ее трансцендентны и несводимы к влиянию общественной среды или биологическим факторам (например, к естественному внутривидовому альтруизму). Итак, совесть дается человеку свыше. Но функционирует она, подвергаясь воздействию множества социальных и культурных условий, которые могут оказывать порой весьма значительное влияние на духовную жизнь человека.

Культурный нигилизм пореформенного периода привел не только к искажению духовной жизни «прогрессивной» интеллигентской общественности в области бессознательного религиозного чувства, но и аберрационным трансформациям совести.

Совесть в нормальном состоянии создает правильную координацию между жизнью человека и высшей божественной волей, самосознанием человека и судом высшей трансцендентной инстанции над ним. Социальные и культурные факторы могут способствовать деформации чувства совести, его неправильному функционированию или же частичной или полной «по-

ломке». Альтруистический этос, выросший из нигилистического переосмысления христианских ценностей и ресентиментных переживаний в отношении институтов государственной власти, накладывал цензуру на некоторые проявления душевной жизни. Он предписывал сочувствие к страданиям простого народа и ненависть к его классовым врагам. Именно «народ» в народническом сознании стал не только объектом квазирелигиозного культа, но также заместил собой Бога в качестве высшей инстанции, перед которой человек несет ответственность. Другой важнейшей инстанцией, заставляющей давать нравственный отчет, стала партия, выступающая посредником между народом и рядовым борцом за народное благо. Все это внесло ряд важных корректив в понимание радикальной интеллигенцией жизни «по совести».

Для постижения сложной диалектики душевной жизни революционного народника, пришедшего к террористической идее, обратимся к одному весьма показательному примеру – личности Егора Сазонова, классического эсеровского террориста, ответственного за убийство министра внутренних дел К.В. Плеве в 1904 г. Судьба и эволюция политических взглядов этого мученика эсеров может послужить прекрасной иллюстрацией общей внутренней логики эволюции народничества.

Будучи студентом Московского университета, Сазонов не был революционером и поначалу даже стоял в стороне от студенческих протестов. Но в ходе усиления протестов, вызванных применением «временных высочайше утвержденных правил 29 июля 1899 г.», согласно которым студентов, участвующих в массовых беспорядках, стали отдавать в солдаты, Сазонов открыто вступил в ряды бунтарей. В то время он еще был далек от террористических взглядов. Любопытна его душевная реакция на самостоятельный выстрел П. Карповича в министра просвещения Н.П. Боголепова, который предварил начало эсеровского терроризма, перенявшего эстафету революционного террора «Народной воли». Лидер партии социалистов-революционеров В.М. Чернов так описывает эту реакцию:

«Когда прозвучал выстрел Карповича, Сазонов с ужасом отшатнулся. На него напало мучительное раздумье. Впоследствии он писал: “*Меня страшила мысль, что, может быть, в смерти Боголепова нравственно повинен и я*”... В этих словах сквозит все та же черта – повышенная чуткость строгой, неумолимой совести...» [9. С. 186–187]. Позднее исключенный из университета Сазонов отправился на Урал и окупился в стихию революционной пропаганды среди горнозаводских рабочих. Вскоре он был арестован и сослан в Восточную Сибирь. Негодуя против разгона рабочей демонстрации в Вильне и жестокого подавления стачки златоустовских рабочих, но не в силах что-либо изменить, Сазонов стал превращаться в идейного террориста, желая мести «палачам».

Вступив в террористическое подразделение партии эсеров и готовя покушение на Плеве, Сазонов не сомневался, что после удачного террористического акта будет ощущать лишь «гордость и радость». Сознательно подавленное чувство подлинной совести все же никуда не пропало в чуткой душе Сазонова, несмотря на твердую веру в необходимость и нравственную оправ-

данность революционного террора. Впоследствии оказалось, что после покушения его будут посещать совершенно иные чувства – тягчайшего греха и неизгладимой вины. В одном письме с сибирской каторги своему товарищу по Боевой организации Б.В. Савинкову он признался: «Сознание греха никогда не покидало меня» [10. С. 67]. В.М. Чернов, характеризуя облик личности Сазонова, утверждает, что в сознании его «право на кровь» даже «зверя в человеческом облике» не легко вмещалось, «а когда вмещилось, то вместились, как обязанность насилия над самим собой, преодоления – ради высшего принципа – того естественного, могучего чувства, которое не позволяет человеку поднимать руку на человека; как *тяжелая моральная жертва...*» [9. С. 184].

Моральной жертвой, и даже чем-то большим, был терроризм для многих других народников и террористов-эсеров. В высшей степени это самосознание народнического терроризма было выражено в террористах «религиозно-жертвенного типа», как называет их М. Могильнер [11. С. 109]. Террористы такого типа нашли широкое отражение в художественной литературе, их биографии стали материалом для создания художественно-мифологического образа идеального революционера. М. Могильнер причисляет к данному типу революционера Е. Сазонова, считая все же наиболее ярким его воплощением личность Ивана Каляева, ответственного за второй громкий террористический акт Боевой организации эсеров под руководством Е. Азефа (убийство московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича в 1905 г.).

В личности Каляева присутствовала эксплицитная религиозность, редкая для революционеров, исповедовавших, как правило, воинствующий атеизм. Однако религия Каляева была особой верой. Он веровал во Христа вне церкви. Во всем его поведении столь отчетливо звучали бунтарские антиклерикальные нотки, что его сложно назвать христианином в традиционном смысле слова. По всей видимости, церковь он понимал как социальный институт, интегрированный в порочную эксплуататорскую социальную систему. В официальном заявлении во время суда он заметил, что является верующим, но обрядов не признает. В тюремной камере он отослал посетившего его батюшку, отказавшись от покаяния, а перед казнью отказался целовать крест со словами: «Я уже сказал вам, что я совершенно покончил с жизнью и приготовился к смерти» [10. С. 135].

Каляев обладал тонкой поэтической натурой, болезненно отзывающейся на чужие страдания. Среди партийных товарищей его называли Поэтом. С первых моментов своего пребывания в эсеровской Боевой организации Каляев жил чувством мести, соединенным со страстным желанием мученичества во имя революции: «В своих глубочайших переживаниях он давно обрек себя на жертвенную гибель и больше думал о том, как он умрет, чем о том, как он убьет» [9. С. 189].

Еще более оригинальный пример аберрационной веры и совести в среде эсеровских террористов представляет личность Марии Беневской. Беневская не бросала бомб в высокопоставленных особ, как Сазонов и Каляев. Ее роль в подготовке террористических покушений была гораздо скромней и сводилась к работе

техника, изготавливавшего динамит. После неудачной попытки покушения на московского генерал-губернатора Ф.В. Дубасова Беневской пришлось разряжать бомбу, что закончилось несчастным случаем: взрыв детонатора оторвал ей кисть одной руки и оставил три пальца на другой. Спонтанный взрыв бомбы повлек за собой арест, суд и приговор, обрекший революционерку на 16 лет каторги. Удивительно, что другие узники Мальцевской женской каторжной тюрьмы долго не замечали инвалидности «Маруси»: она сохранила высокую работоспособность, самостоятельность и, что самое поразительное, жизнерадостность. Более того, она бескорыстно стремилась к помощи другим. По просьбам безграмотных уголовных преступников, несмотря на свою увечность, она аккуратным почерком составляла различные прошения на имя тюремного начальства [12. С. 520, 527].

Одну из ярких и достаточно подробных характеристик личности Беневской, демонстрирующей уже знакомое нам сложное сочетание специфической религиозности, совестливости и идейной убежденности в необходимости революционного насилия, оставил в своих воспоминаниях руководитель эсеровских террористов Б.В. Савинков: «Мария Беневская, знакомая мне еще с детства, происходила из дворянской военной семьи. Румяная, высокая, со светлыми волосами и смеющимися голубыми глазами, она поражала своей жизнерадостностью и весельем. Но за эту беззаботную внешностью скрывалась сосредоточенная и глубоко совестливая натура. Именно ее, более чем кого-либо из нас, тревожил вопрос о моральном оправдании террора. Верующая христианка, не расстававшаяся с Евангелием, она каким-то неведомым и сложным путем пришла к утверждению насилия и к необходимости личного участия в терроре. Ее взгляды были ярко окрашены ее религиозным сознанием, и ее личная жизнь, отношение к товарищам по организации носили тот же характер христианской незлобивости и деятельной любви. В узком смысле террористической практики она сделала очень мало, но в нашу жизнь она внесла струю светлой радости, а для немногих – и мучительных моральных запросов» [10. С. 215].

В одной из бесед на излюбленный вопрос Савинкова о том, почему она «идет в террор», Беневская дала такой ответ: «Почему я иду в террор? Вам неясно? “Иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю, а иже погубит душу свою мене ради, сей спасет ю”. Она помолчала еще: – Вы понимаете, не жизнь погубит, а душу... [10. С. 215]. Что означало для Беневской «отдать душу» нам объясняют свидетельства ее соратницы по каторжной тюрьме А. Биценко. Внутреннюю логику этико-религиозного обоснования насилия верующей террористки она объясняет от первого лица: «...надо отдавать самое дорогое за други своя – душу свою. Я и отдала самое дорогое: фактом убийства человека поступаю своим нравственным чувством» [13. С. 196].

У Е. Сазонова, И. Каляева, М. Беневской и других эсеровских террористов религиозно-жертвенного типа совесть, даже в случае эксплицитной религиозности квазихристианского характера, получила преимущественно имманентную направленность, стала совестью социальной. Высшим судом над жизнью революционера

террориста становилась народная общественность, которая должна была оценить по заслугам их личную жертву – если не сейчас, так в будущем. В этом заключается одна сторона мотивации народнического терроризма. Однако была и другая сторона. Этический кодекс партии задавал норму жизни, накладывал обязательства революционного альтруизма, подавляя при этом проявления голоса подлинной совести. Но все же противоречивость нравственного сознания эсеровских террористов показывает, что призывы истинной совести как ответственно-сти перед трансцендентным началом пробивались в со-

знание революционных нигилистов, не способных отрицать безусловную ценность человеческой жизни. Идеологически обоснованная необходимость террористического насилия, к которому их привела логика «религии абсолютного осуществления народного счастья» [14. С. 179], наталкивалась на остро чувствуемое ощущение порочности любого убийства. Того требовал голос, пусть искаженно функционирующей, но все же совести. Возможно, поэтому столь часто для народнических террористов второго поколения, эсеров, убить и умереть означало одно и то же.

ЛИТЕРАТУРА

1. Троицкий Н.А. За что я люблю народовольцев? // Рабочий класс. № 46. Декабрь 2007. URL: <http://rk.org.ua/rk/389/9.html>
2. Камю А. Бунтующий человек. М., 1990.
3. Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Судьба и грехи России : в 2 т. СПб., 1991. Т. 1. С. 66–101.
4. Ницше Ф. Воля к власти. Москва ; Харьков, 2003.
5. Тихомиров Л.А. Начала и концы. Либералы и террористы // Критика демократии. М., 1997. С. 68–112.
6. Франкл В. Духовность, свобода и ответственность // Человек в поисках смысла. М., 1990.
7. Франкл В. Воля к смыслу. М., 2000.
8. Булгаков С.Н. Свет Невечерний. М., 1994.
9. Чернов В.М. Перед бурей. Нью-Йорк, 1953.
10. Савинков Б.В. Воспоминания. М., 1990.
11. Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М., 1999.
12. Радзидовская Ф., Орестова Л. Мальцевская женская каторга 1907–1911 гг. // Женщины-террористки в России / сост. О.В. Будницкий. Ростов н/Д, 1996. С. 500–542.
13. Биценко А. В Мальцевской женской каторжной тюрьме 1907–1910 гг. (К характеристике настроений) // Каторга и ссылка. 1923. № 7. С. 192–208.
14. Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 167–199.

Статья представлена научной редакцией «История» 21 октября 2013 г.

ABERRATED CONSCIENCE IN THE REVOLUTIONARY NARODNIK MOVEMENT (BY EXAMPLE OF TERRORISM OF THE SOCIALIST REVOLUTIONARY PARTY)

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 160–166 DOI: 10.17223/15617793/381/26

Chudinov Sergey I. Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: personally@ngs.ru

Keywords: terrorism; aberrated conscience; revolutionary Narodnik Movement; aberrated religiosity; left radical intelligentsia; nihilism; Socialist Revolutionary Party terrorism.

The subject of this article is the problem of aberrated conscience as a source of radical ideology and political terrorism by example of the revolutionary Narodnik Movement of late 19th – early 20th centuries. The aberrated conscience phenomenon makes it possible to distinguish between criminal violence and political terrorism in the anthropological and motivational spheres. Terrorism as an ideological crime often has no links with amorality or loss of conscience in the generally accepted sense. For example, the Narodniks who were engaged in terror in the Tzarist Russia combined ideological fanaticism (and *idée fixe* to revenge the autocratic power) with personal unselfishness and a sharp sense of moral responsibility. This contradiction may be resolved by means of the aberrated conscience hypothesis. The origin of the Narodnik Movement terrorism is associated with a particular social stratum of the pre-revolutionary Russian society – intelligentsia which appeared during the reign of Tzar Peter I. The sociocultural position of intelligentsia was marginal. Feeling existential alienation from the national life (which was a result of western education) people from intelligentsia compassionate to populace hardships turned to be "penitent noblemen". At the same time they became more and more estranged from the authorities because of their propensity to "progressive" western political values. The spiritual and metaphysical source of aberrated conscience can be revealed in connection with the aberrated religiosity phenomenon in the Christian culture of the Early Modern Period (17th – early 20th centuries). First registered terrorism ideas in Tzarist Russia appeared in the 1860s in the nihilistic intelligentsia environment. Nihilism as a total revaluation of values (as F. Nietzsche understood it) defined the era of the Early Modern Period en masse. The tendency of transferring human spiritual intentions appealed to the absolute ideal into the socio-political sphere is the phenomenon of "incomplete" or unfinished nihilism (F. Nietzsche). On the Russian cultural ground the Narodnik Movement was the manifestation of incomplete nihilism in the national spiritual tradition crisis (the Orthodoxy). "Populace" in the Narodniks' point of view became not only the object of a quasi-religious cult but also replaced God as a higher instance demanding human responsibility. Conscience in the left radical's views acquired a mainly immanent orientation instead of the transcendental one. The altruistic ethos of the revolutionary Narodnik Movement was a product of the nihilistic reconsideration of Christian values and ressentiment also presenting the cultural expression of conscience transformations. It prescribed sympathy for populace sufferings and hatred to its class enemies. The characteristics of the ethical motivation and refraction of aberrated forms of conscience in the Narodnik terrorist's mind are illustrated by several examples of socialist revolutionary terrorism movement personalities (E. Sazonov, I. Kalyaev, M. Benevskaya).

REFERENCES

1. Troitsky N.A. [Why I love *Narodnaya Volya* (The People's Will)]. *Rabochiy klass*, 2007, no. 46. Available at: <http://rk.org.ua/rk/389/9.html>.
2. Camus A. *L'Homme révolté*. Paris, Les Éditions Gallimard, 1951. 382 p. (Russ. ed.: Camus A. *Buntuyushchiy chelovek*. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 416 p.).
3. Fedotov G.P. Sud'ba i grekhi Rossii: V 2 t. [The fate and sins of Russia. In 2 vols.]. Saint-Petersburg, Sofiya Publ., 1991, vol. 1, pp. 66-101.
4. Nietzsche F. *Der Wille zur Macht*. Leipzig, C.G. Nauman, 1901. 541 p. (Russ. ed.: Nietzsche F. *Volya k vlasti*. Moscow, Eksmo Publ., Kharkov, Folio Publ., 2003).
5. Tikhomirov L.A. *Kritika demokratii* [Criticism of democracy]. Moscow, Moskva Publ., 1997, pp. 68-112.
6. Frankl V. ...trotzdem Ja zum Leben sagen: Ein Psychologe erlebt das Konzentrationslager. Vienna, Verlag von Jugend und Volk, 1949. (Russ. ed.: Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla*. Moscow, Progress Publ., 1990. 366 p.).
7. Frankl V. *Der Wille zum Sinn. Ausgewählte Vorträge über Logotherapie*. Bern, Hans Huber Verlag, 1972. 294 p. (Russ. ed.: Frankl V. *Volya k smyslu*. Moscow, Aprel-ghtss, EKSMO-Press Publ., 2000. 368 p.).
8. Bulgakov S.N. *Svet Nevecherniy* [The Unfading Light]. Moscow, Respublika Publ., 1994.
9. Chernov V.M. *Pered burey* [Before the Storm]. New York, Izd-vo imeni Chekhova Publ., 1953. 412 p.
10. Savinkov B.V. *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1990. 446 p.
11. Mogilner M. *Mifologiya "podpol'nogo cheloveka": radikal'nyy mikrokosm v Rossii nachala XX veka kak predmet semioticheskogo analiza* [Mythology of the "Underground Man:" Russian radical microcosm in the early 20th century as an object of semiotic analysis]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 208 p.
12. Radzilovskaya F., Orestova L. *Mal'tsevskaya zhenskaya katorga 1907–1911 gg.* [Maltsev female servitude 1907 – 1911]. In: Budnitsky O.V. (ed.) *Zhenshchiny-terroristki v Rossii* [Female terrorists in Russia]. Rostov-on-Don, 1996, pp. 500-542.
13. Bitsenko A. *V Mal'tsevskey zhenskoy katorzhnoy tyur'me 1907–1910 gg. (K kharakteristike nastroyeniy)* [In Maltsev female servitude 1907–1910 (On the morale)]. *Katorga i ssylka*, 1923, no. 7, pp. 192–208.
14. Frank S.L. *Etika nigilizma* [Ethics of nihilism]. In: *Vekhi. Iz glubiny* [Milestones. From the depths]. Moscow, 1991, pp. 167-199.

ПРАВО

УДК 343.98

Т.А. Алексеева

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА УСТНОЙ РЕЧИ

Рассматриваются структура устной речи и ее криминалистическое значение. Выделены элементы устной речи: вокальность, тональность и содержательность. Дана характеристика каждого элемента устной речи и их составляющих. Обозначена зависимость вокальных, тональных и содержательных характеристик речи от принадлежности человека к определенному психологическому типу. Представлена общая характеристика элементов устной речи рассматриваемых психологических типов. Выдвинуто предположение о характерных частях речи, наиболее часто употребляемых представителями указанных психологических типов.

Ключевые слова: устная речь; вокальность; тональность; содержательность; психологический тип.

В процессе расследования преступления перед следователем стоит множество задач, в том числе получение сведений о личности как преступника, так и свидетеля. Более полная и достоверная информация позволяет следователю эффективно спланировать проведение следственных действий, найти индивидуальный подход к каждому лицу. В число способов получения такой информации входят устные показания и, соответственно, особенности устной речи человека. Допрос в этом смысле выступает наиболее оптимальным следственным действием, позволяющим достаточно продолжительное время наблюдать за особенностями устной речи допрашиваемого как в относительно спокойном состоянии (анкетная стадия допроса), так и в стрессовом (стадия свободного рассказа, дополнительных и уточняющих вопросов).

Кроме того, наблюдение за изменениями речи допрашиваемого лица на протяжении допроса позволит следователю сделать вывод о правдивости или ложности его показаний.

Устная речь представляет собой сложную систему, познать которую возможно путем выделения отдельных элементов. Криминалистическая структура устной речи состоит из трех элементов, каждый из которых включает в себя определенные составляющие:

- вокальность (громкость, темп, стабильность);
- тональность (интонация, речевые паузы, диапазон);
- содержательность (отражение индивидуальных символов в речи, личностно значимая информация).

Вокальные характеристики индивидуальны для каждого человека, что обусловлено характерной формой и размерами ротовой и носовой полости, горла, органов дыхания. Вокальные характеристики голоса относительно устойчивы во времени и остаются индивидуальными даже при морфологических и патологических изменениях органов речи.

Громкость – это субъективная мера ощущения, связанная с воздействием на органы слуха звуковых колебаний и зависящая от амплитуды и частоты этих колебаний. Громкость голоса определяется по шкале «громко – средняя громкость – тихо».

Темп речи – скорость изменения тех или иных отрезков речи во времени. Темп может быть определен по шкале «быстрый – средний – медленный».

Под стабильностью мы понимаем способность сохранять громкость и темп речи на одном уровне про-

должительное время. Стабильность оценивается по шкале «стабильный – нестабильный».

В ситуации допроса вокальность свидетельствует о комфортном или некомфортном состоянии допрашиваемого лица. В зависимости от психологического типа (которые будут рассмотрены ниже) можно определить типовые характеристики громкости, темпа и стабильности, отклонение от которых и будет свидетельствовать о положительном или отрицательном отношении допрашиваемого, в том числе и к самому следователю.

Тональность речи связана с особенностями личности (в том числе с типом высшей нервной деятельности), психологическим состоянием в момент речи. Тональность связана с эмоциональной насыщенностью речи.

Интонацию мы определяем как частотные изменения голоса (повышение и понижение тона голоса), выделяя преимущественно равномерную интонацию у интровертов и неравномерную у экстравертов. Равномерная интонация предполагает незначительные плавные изменения громкости голоса в течение устного повествования, в данном случае во время допроса. Неравномерная интонация определяется значительными частыми изменениями громкости голоса, что обычно создает впечатление эмоционального речевого поведения допрашиваемого.

Речевые паузы – это остановки голоса, разделяющие речевой поток на логические или эмоционально-смысловые части. Можно выделить короткие, средние и длинные речевые паузы. Паузы значительно влияют на темп речи: быстрый темп характеризуется короткими паузами, медленный темп – долгими паузами.

Диапазон – это интервал между доступным человеку самым низким и самым высоким голосом. Широкий диапазон голоса (высокие и низкие тона) свидетельствует о многотональности и эмоциональности речи, в то время как узкий диапазон (одна тональность: высокая или низкая) – о монотональности и малой эмоциональности речи. Диапазон оценивается по шкале «широкий – средний – узкий».

Изменения тональности во время производства допроса свидетельствуют о том, что допрашиваемый тщательно продумывает свои показания, старается контролировать свои эмоции, что непосредственно выражается в изменении темпа речи (чаще всего замедлении) и интонации. Это может быть свидетельством

того, что допрашиваемый боится оговориться или что он лжет.

Содержательность рассматривается с точки зрения личностного смысла и символов, которые отображаются в речи допрашиваемого. В данном случае нас интересуют символы, выраженные в устной форме непосредственно во время проведения допроса. Символы в речи не столько обозначают предмет (несут информационную функцию), сколько имеют символическое, абстрактное значение, выполняют функцию художественного определения или сравнения. Для удобства определения символов в устной речи выделим среди них две группы: символы-образы и символы-идеи. Символы-образы представляют собой отдельные слова, имеющие не понятийное значение, а образное. Символы-идеи имеют абстрактное значение и выражаются в предложениях, устных текстах в целом, включая в себя символы-образы.

Определение символического значения речи поможет следовательно через употребление значимых для допрашиваемого слов-символов расположить его к себе, произвести правомерное воздействие, определить дальнейшую тактику при производстве допроса и других следственных действий.

Возникает вопрос, как определить каждый из элементов устной речи в показаниях допрашиваемого? Решить эту проблему возможно при помощи типологического подхода, основанного на выделении акцентированных типов личности. Согласно этому подходу выделяют десять психологических типов: эпилептоид, истероид, гипертим, циклоид, застревающий, параноид, сензитив, конформный, шизоид и гипотим [1. С. 73–75].

Рассмотрим характеристику элементов устной речи каждого из рассматриваемых психологических типов. Отметим, что нами выдвинуто предположение о том, что для каждого психологического типа характерно употребление определенных частей речи во время дачи устных показаний.

Для эпилептоида характерен громкий голос и быстрый темп, при этом они не отличаются стабильностью в силу импульсивности личности этого психологического типа. Интонация неравномерная, чаще носит восходящий характер, т.е. каждое предложение заканчивается на интонационном подъеме, что создает ощущение некоторого давления на собеседника. Для речи эпилептоида характерна агрессивность, которую нельзя путать с эмоциональностью, так как крик и агрессия являются свидетельством состояния гнева в конкретной ситуации. В силу быстрого темпа речь эпилептоида характеризуется короткими паузами, диапазон голоса – узкий. Наши исследования показали, что для эпилептоида характерны символы-идеи: доминирование, контроль, действие, императив, подчинение; символы-образы: большой – маленький, борьба, месть, статус, обида. Наиболее характерная часть речи – глагол в повелительной форме.

Самым громким голосом и быстрым темпом обладает такой психологический тип, как гипертим, сохраняя при этом стабильность вокальных характеристик. Гипертима отличает быстрый темп речи и, соответственно, короткие паузы. Интонация, как у наиболее яркого представителя экстравертного типа, неравно-

мерная, паузы часто не соответствуют синтаксическим, что создает ощущение некоторой сумбурности: не понятно, где закончилось предложение и началось новое. Несмотря на речевую активность и словоохотливость указанного психологического типа, диапазон его голоса узкий, монотональный. Символы-идеи, присущие гипертиму, – активность, авантюризм, оптимизм, движение; символы-образы – толпа, шутка, приключение, смех, друзья, веселье, развлечение, алкоголь. Часто употребляемая часть речи – наречие.

Истероид характеризуется громким голосом, быстрым темпом и нестабильностью указанных вокальных характеристик. Нестабильность проявляется в выделении голосом отдельных слов, на которых истероид заостряет свое внимание, возвращаясь после этого в исходный стиль повествования. Паузы средние, так как нужно выдерживать время для преподнесения очередной мысли слушателям. Особенностью устной речи истероидов является то, что речевые паузы выполняют не столько синтаксическую, сколько смысловую функцию, варьируясь в зависимости от ситуации, от той роли, которую выбрал для себя указанный психологический тип. Интонация неравномерная, причем указанный психологический тип наиболее удачно из всех владеет интонационными переходами, изменяя их в зависимости от ситуации. Диапазон голоса средний.

Содержательность речи истероида характеризуется символами-идеями: избранность, исключительность, популярность, превосходство, необоснованные претензии, и символами-образами: «я», игра, сцена, маска, театр, мода, независимость. Рассматриваемый психологический тип характеризует активное употребление таких местоимений, как «я», «мой», «мне».

Особенностью циклоида является сочетание характеристик гипертимного и гипотимного психологических типов, поэтому вокальные характеристики циклоида хотя и отличаются высокими показателями: громкий голос и быстрый темп, могут часто изменяться на средние показатели за время произнесения устного сообщения, что является показателем нестабильности. Интонация речи циклоидов неравномерная, преимущественно восходящая, может несколько предложений говорить на восходящей интонации и только в конце смыслового отрывка интонация пойдет вниз (или интонация идет вверх и вниз в каждом предложении). Интонационные изменения также являются отличительным признаком речи циклоидов. Создается ощущение, что они говорят на вдохе. Несмотря на интонационные скачки, речь циклоидов характеризуется узким диапазоном, а следовательно, отсутствием многотональности голоса. Речевые паузы короткие или средние, в зависимости от того, в какой стадии находится указанный психологический тип: гипертимной или гипотимной.

Содержательная сторона, характерная для устной речи циклоида, сводится к таким символам-идеям, как: противоречие, противоположность, глобальность, вселенность, космичность, безграничность, абстрагирование, неоднозначность, и символам-образам: жизнь и смерть, свобода, инь / янь, мечта (процесс) / реальность, быт / волшебство, небо / земля, эмоциональная отстраненность. Для рассматриваемого психологического типа свойственно употребление следующих сою-

зов: разделительные (или, либо, то ... то, то ли ... то ли), противительные (а, но, зато, однако, все же), условия (если, если... то).

Вокальные особенности застревающего психологического типа – громкий голос и средний темп, при этом сохраняется стабильность указанных составляющих. Застревающему свойственно четкое произношение слов, у него очень хорошая артикуляция, темп средний с четким соблюдением интонационных пауз (средних по длине). В речи присутствует четкость, правильность, синтаксические паузы соблюдаются очень хорошо. Этот психологический тип является некоторым исключением из всех, так как он может быть как экстравертом, так и интровертом. В зависимости от этого будут отличаться интонационные особенности речи: интровертный застревающий характеризуется ровной интонацией, а экстравертный – неравномерной. Однако и в том и в другом случае наблюдается эмоциональная холодность, узкий диапазон, отсутствие многотональности речи. Еще одной особенностью указанной акцентуации является интонационная завершенность каждого предложения, т.е. вначале интонация идет вверх, а к концу фразы – вниз, подчеркивая окончание повествования. Разница в силе интонационных скачков будет зависеть от интровертности или экстравертности психологического типа. Символы-идеи, присущие застревающему – это дисциплина, конкретность, порядок, правила, надежность, основа, описание события, действия. Символы-образы – это долг, обязательства, честь, преданность, ответственность, факт. Наиболее часто употребляемая часть речи – глагол, кроме того, характерно использование в речи таких слов, как «во-первых», «во-вторых».

Параноид характеризуется громким голосом, средним темпом и стабильностью речи. Интонация равномерная, что является следствием интровертности данного психологического типа, однако на отдельных словах, имеющие значимость для параноида, делается интонационный акцент, при этом диапазон голоса – узкий, отсутствует многотональность, что говорит о малой эмоциональности и сдержанности речи указанного психологического типа. Содержательный элемент речи параноида включает в себя символы-идеи: единство, самопожертвование, самоограничение, противостояние, предательство, целенаправленная борьба, связь с родителями, свои / чужие, идейность, и символы-образы: щит, меч, стая, дело, путь, воля, соратники, судьба – предназначение, поиск себя. Указанный психологический тип часто употребляет союзы условия «потому что», «так как», деепричастие, причастие и местоимения «мы», «нас».

Средняя громкость голоса и средний темп характерны для конформного психологического типа, однако они характеризуются нестабильностью. Конформный характеризуется некоторой неуверенностью и зависимостью от мнения окружающих, поэтому темп его речи и количество пауз во многом будут зависеть от человека, с которым он ведет беседу. В ситуации допроса со следователем, который не смог расположить к себе представителя указанного психологического типа, речь конформного будет характеризоваться средним темпом с долгими паузами. В ситуации же установления психологиче-

ского контакта речевые паузы будут средними и выполнять только синтаксическую функцию. Интонация голоса ровная, без резких интонационных скачков. Конформные также отличаются широким диапазоном голоса, многотональностью и эмоциональностью речи.

Символы-идеи в речи конформного: зависимость, нерешительность, отстраненность от жизни; символы-образы: судьба как символ безысходности, отсутствия права выбора, мечта (что-то конкретное, но недостижимое, несбыточное), образ «наблюдателя со стороны». Для конформного характерно употребление таких глаголов, как «помните», «знаете», «понимаете», которые произносятся в вопросительной форме, а также наречий «возможно», «наверное».

Сензитив отличается средним по громкости голосом, быстрым темпом и нестабильностью вокальных характеристик. Сензитив является самым эмоциональным из психологических типов, что находит непосредственное отражение в его речи в виде многотональности голоса и широкого диапазона. Сензитивы обладают ровной интонацией с плавными переходами вверх и вниз, при этом легко варьируют тон своего голоса с высокого на низкий, с громкого на тихий, в частности переходя на шепот. По темпу речь указанного психологического типа средняя. Наиболее подходящее определение голосу указанного психологического типа – мягкость и некоторая восторженность. Содержательная сторона речи сензитива характеризуется такими символами-идеями, как: гармония (гармоничность), поливариантность, единение, любовь к ближнему, связь с семьей; символами-образами: чувства, цвета, дорога (символ соединения чего-то, кого-то), ветер (движение, свежий ветер), природа. Рассматриваемый психологический тип отличается употреблением в речи большого количества прилагательных, кроме того, особенностью сензитивов является использование междометий.

Самый тихий и медленный голос свойствен шизоидному психологическому типу, при этом речь характеризуется стабильностью. Так как устная речь шизоида отличается медлительностью, для него характерны долгие речевые паузы. Интонация отличается предельной равномерностью, шизоиды обладают самым узким диапазоном голоса, это самый малоэмоциональный психологический тип. Шизоиду свойственны такие символы-идеи, как: отсутствие границ, странность, противопоставление себя и окружающего мира, обособленность; символы-образы: глубина, ширина, омут, бесконечность, одиночество, знак, символ. Устная речь шизоида сопровождается такими указательными местоимениями, как «тот», «этот», «где-то», и неопределенными местоимениями «некий», «кое-кто».

Гипотим характеризуется тихим голосом, темп речи, как правило, средний, ближе к медленному. Громкость и темп речи сохраняются стабильными. Речь отличается долгими паузами, которые могут не совпадать с синтаксическими и создают ощущение передышки, в том числе за счет некоторой усталости в голосе гипотима. Интонация у данного психологического типа ровная, нисходящая; если и наблюдается подъем интонации, то он незначительный и кратковременный, за которым непременно следует спад. Это один из самых малоэмоциональных типов с преобладанием моното-

нальности речевых характеристик и узким диапазоном голоса. Символы-идеи в речи гипотима: пессимизм, безысходность, отрицание, бессмысленность; символы-образы: падение, усталость, грусть, трудности, беда, дно, недостатки. Гипотиму свойственно употребление в речи местоимений «никто», «ничто», а также частицы «не».

Предлагаемая криминалистическая структура устной речи позволит систематизировать элементы устной

речи, получить «речевой портрет», типовую модель особенностей устной речи каждого из рассматриваемых психологических типов. Основываясь на указанной типовой модели, следователь сможет индивидуализировать тактические приемы при производстве следственных действий, что обеспечит более эффективное проведение процесса расследования преступления в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмедшин Р.Л. Юридическая психология : курс лекций. Томск : Эль Контент, 2011. 226 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 15 февраля 2014 г.

THE CRIMINALISTIC STRUCTURE OF ORAL SPEECH

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 167-170 DOI: 10.17223/15617793/381/27

Alekseeva Tatiana A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tanyaalek@yandex.ru

Keywords: speech; vocalic; tonality; richness of content; psychological type.

The article discusses the features of the interrogated person's voice, speech value in establishing psychological contact during interrogation, the description of the criminalistic structure of speech. Speech has long been interesting for researchers in the fields of such sciences as linguistics and psychology, it is the object of study of criminalistic science, too. Recorded speech becomes a carrier of forensically relevant information needed to identify and solve crimes. Speech carries signs and individual characteristics of the person. Speech is the most common source of information, both in everyday life and in the work of the investigator. The interest in the criminalistic study of speech is not surprising, since the investigator has traditionally received most information about the crime during communicative investigation. Currently, studies of speech are important when choosing interrogation tactics, assessing the validity of the words of the person giving testimony. Oral speech is a text made of sounds having a sound expression and fixed by hearing. The structure of oral speech can be distinguished by its division into three elements: vocalicity, tonality and richness of content. Vocalicity is an individual measure of speech due to the structure of the oral and nasal cavity. Tonality is determined by the psychological characteristics of the interrogated person. The psychological state of the person expressed in the tonal characteristics of voice reveals in situations of greatest tension (for instance, interrogation) and can be used to objectively assess and control the emotional state of the interrogated. Traditionally richness of content is defined as the amount of thoughts, feelings and aspirations the speech expresses, their significance and truthfulness. In the article richness speech is considered from the point of view of personal meaning and symbols that appear in the speech of the interrogated person. Features of the structural elements of speech are defined by features of the psychological type of the interrogated person belongs. The article describes the vocalicity, tonality and content of oral speech of the psychological types any interrogated person can be referred to. Furthermore, specific examples of the symbols in the speech characteristic of each of the addressed personality types are given. The analysis of the features of oral speech during communicative investigation will help establish psychological contact with the interrogated person and subsequently identify false information.

REFERENCES

1. Akhmedshin R.L. *Yuridicheskaya psikhologiya* [Legal psychology]. Tomsk, El Kontent Publ., 2011. 226 p.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ УЧЕТУ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Анализируются закрепления в отечественном уголовном законодательстве дореволюционного и советского периодов положений об обстоятельствах, подлежащих учету при назначении уголовного наказания несовершеннолетним. Также анализируется процесс развития указанных положений начиная с абстрактных формулировок об установлении судом при назначении уголовного наказания несовершеннолетним «разумения», содержащихся в дореволюционном уголовном законе до закрепления в уголовном законодательстве предписаний о необходимости учета личности несовершеннолетних, совершивших преступления, условий их жизни и воспитания. Данные положения имели место как в дореволюционном отечественном законодательстве, так и в законодательстве советского периода.

Ключевые слова: «разумение»; личность; формальный учет; обстоятельства; несовершеннолетний.

Согласно ст. 89 УК РФ при назначении наказания несовершеннолетнему, кроме обстоятельств, предусмотренных ст. 60 настоящего Кодекса, учитываются условия его жизни и воспитания, уровень психического развития, иные особенности личности, а также влияние старших по возрасту лиц. Однако положения об учете указанных обстоятельств возникли в отечественном законодательстве гораздо раньше.

Анализ источников отечественного уголовного права позволяет сделать вывод, что положения об обстоятельствах, подлежащих учету при назначении уголовного наказания несовершеннолетним, содержались в отечественном дореволюционном законодательстве, а также нормативных актах советского периода.

В уголовном законодательстве до 1832 г. отсутствовали положения, которые обязывали бы суд учитывать при назначении уголовного наказания несовершеннолетним обстоятельства, характеризующие условия жизни и воспитания, а также личность лица, совершившего преступление. Положения, регламентирующие уголовную ответственность несовершеннолетних, лишь сужали перечень применяемых к ним наказаний по сравнению с «взрослыми» лицами, совершившими преступления.

В Своде законов 1832 г. закреплялось требование о необходимости установления «разумения» судом при назначении уголовного наказания лицам от 10 до 17 лет. Понятие «разумение» в период действия Свода законов 1832 г. означало способность несовершеннолетнего к осознанию (пониманию, постижению) сущности (смысла) совершаемого правонарушения. Фактически для определения наличия или отсутствия указанной способности несовершеннолетнего суду необходимо было изучить обстоятельства, характеризующие его личность. Однако в законе отсутствовали положения об обязательном учете при назначении уголовного наказания несовершеннолетним конкретных обстоятельств, которые позволяют изучить личность несовершеннолетнего.

Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее Уложение) был повышен предел возраста привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних до 21 года. Также было закреплено разделение подростков на три категории: детство – до 10 лет, малолетие – от 10 до 14 лет и несовершеннолетие – от 14 до 21 года. Дети до 10 лет в качестве

наказания должны были передаваться родителям для строгого присмотра, исправления и наставления (ст. 143 Уложения) [1. С. 201–202].

К малолетним, впервые совершившим преступления, если было установлено, что они действовали «без разумения», применялись меры, как для лиц до 10 лет, в случае, если «с разумением» – наказания заменялись более мягкими (ст. 144 Уложения). Данное положение позволяет проследить следующую логику законодателя: выявление особенностей личности несовершеннолетнего преступника, позволяющих говорить о несоответствии уровня развития личности той возрастной категории, к которой он относится, обуславливало назначение несовершеннолетнему видов наказаний, применяемых к младшей возрастной категории. При этом суд должен был в каждом конкретном случае определять наличие или отсутствие подобных личностных особенностей.

Кроме того, в текст Уложения была включена норма, закреплявшая следующие правила: «когда несовершеннолетний вовлечен в преступление взрослым, наказание может, по усмотрению суда, быть уменьшено...» (ст. 147 Уложения) [1. С. 203]. Представляется, что данная норма являлась прообразом положений ст. 89 УК РФ об учете при назначении наказания влияния на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц. Однако в законе не содержалось критериев, которые были положены в основу судебного усмотрения при применении ст. 147 Уложения.

В ст. 12 Устава «О наказаниях, налагаемых мировыми судьями» был определен общий порядок назначения видов наказания, предусмотренных п. 2–4 ст. 1 Устава. Обязывая мировых судей учитывать при назначении конкретной меры наказания, предусмотренные ст. 13 и 14 обстоятельства смягчающие или отягчающие вину, ст. 12 устанавливает пределы волеизъявления судей, особенно при назначении тюремного заключения и ареста. По мнению некоторых ученых, например О.И. Чистякова [2. С. 427–428], предоставление судье возможности самому устанавливать конкретную меру наказания в определенных пределах должно было стимулировать более глубокое изучение им обстоятельств дела и личности правонарушителя.

Анализ изложенных изменений в законодательстве об уголовной ответственности несовершеннолетних

позволяет предположить, что все более широкое распространение в уголовном законодательстве того времени положений об изучении и учете обстоятельств, смягчающих и отягчающих вину, особенностей личности преступника было обусловлено назревшей в тот момент необходимостью дополнения действовавших нормативно-правовых актов нормами об особенностях назначения наказания несовершеннолетним, регламентирующих учет условий жизни и воспитания, личности несовершеннолетних, совершивших преступления, для которых характерны иной уровень развития личности, чем у взрослых преступников, а также другая мотивационная сфера.

Шагом на пути к решению данной проблемы стало принятие 2 июня 1897 г. Закона «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений о их наказуемости». В ст. 365 закона указывалось, что «в случае, если Судебный Следователь признает необходимым привлечь в качестве обвиняемого несовершеннолетнего от 10 до 17 лет, то он производит расследование о всех обстоятельствах, могущих служить основанием для суждения, действовал ли обвиняемый во время совершения преступного деяния с разумением, причем обращает особое внимание на степень его умственного и нравственного развития и сознания преступности учиненного им деяния, а также на причины, приведшие его к совершению преступления» [3. С. 361].

Поскольку в законодательстве того времени понятие «разумение» отождествлялось с вменяемостью (характеризующейся только интеллектуальным элементом), в вышеуказанном законе закреплялись предписания обязательного учета при определении вменяемости подростка особенностей личности, определяющих уровень психического развития несовершеннолетнего: «степень его умственного и нравственного развития».

В указанном нормативно-правовом акте также указывалось, что «расследованию должны были подлежать и причины, приведшие подростка к совершению преступления» [3. С. 361]. Представляется, что в качестве таких обстоятельств могли выступать любые условия, способствующие формированию преступного поведения, в том числе условия жизни и воспитания подростка, влияние на него старших по возрасту лиц.

В нем был сформирован механизм реализации норм об исследовании и учете причин, сподвигнувших несовершеннолетних к совершению преступления, степени умственного и нравственного развития и иных особенностей личности несовершеннолетних. Данным законом вносились изменения в основные законодательные акты того времени, регулирующие уголовные правоотношения: Уложение «О наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г., Устав уголовного судопроизводства 1864 г., Устав «О наказаниях, налагаемых мировыми судьями» 1864 г. Указанные изменения касались порядка определения вида и размера наказания несовершеннолетним лицам, совершившим преступления.

В Уголовном Уложении 1903 г. (ст. 40, 41) были расширены пределы судейского усмотрения в определении способности несовершеннолетнего «осознавать

свойство и значение совершаемого деяния и руководить своими поступками», а также «наличию либо отсутствию привычки к преступной деятельности». Расширение пределов судейского усмотрения способствовало расширению возможностей для реализации норм об учете личности несовершеннолетнего при назначении вида и размера уголовного наказания. Судья в каждом конкретном случае на основании собственного убеждения определял «способность несовершеннолетнего к осознанию свойства и значения совершаемого им преступного деяния и способность к руководству своими поступками», т.е. наличие или отсутствие вменяемости несовершеннолетнего подростка. В этом выражался предоставляемый Уложением простор судейского усмотрения при назначении наказания несовершеннолетним.

В статье 55 Уголовного Уложения 1903 г. указывалось, что «несовершеннолетние от 10 до 17 лет, коим учиненное ими преступное деяние вменено в вину, подлежат: несовершеннолетний от 10 до 17 лет вместо ареста или денежной пени – внушению от суда; если же суд найдет, что проступки обращены несовершеннолетним в промысел или свидетельствуют о привычке к преступной деятельности, – помещению в воспитательно-исправительное заведение» [4. С. 288–289]. В данном случае нормы предусматривали при назначении вида наказания выявление и учет судом таких особенностей личности подростка, как наличие стойких асоциальных установок, склонность к отклоняющемуся (преступному) поведению и т.п.

Необходимость изучения личности, условий жизни и воспитания несовершеннолетних, совершивших преступления, нашла отражение и в нормативно-правовых актах советского периода. Декретом Совнаркома от 14 января 1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних» было закреплено, что «дела о несовершеннолетних обоего пола до 17 лет, замеченных в деяниях общественно опасных, подлежат ведению комиссии о несовершеннолетних. По рассмотрении дела о несовершеннолетних комиссия либо их освобождает, либо направляет в одно из убежищ Народного Комиссариата общественного призрения, соответственно характера деяния» [5]. Таким образом, исключалась уголовная ответственность несовершеннолетних, не достигших возраста 17 лет.

Они переходили в ведение комиссий о несовершеннолетних, подчинявшихся наркомату общественного призрения. В рамках работы по расследованию и рассмотрению дел о правонарушениях несовершеннолетних комиссиями должны были собираться сведения об их личности, условиях жизни и воспитания. Данный нормативный акт действовал до 25 января 1928 г.

В УК РСФСР 1926 г. [6] отсутствовали положения о необходимости учета обстоятельств, характеризующих личность несовершеннолетних, совершивших преступления, при назначении наказания. Однако впервые была выделена специальная статья, посвященная ответственности несовершеннолетних, в которой устанавливался порог уголовной ответственности в 14 лет. С 14 до 16 лет несовершеннолетний мог быть привлечен к уголовной ответственности, если комиссия по делам о несовершеннолетних признавала невозможным

ограничиться мерами медико-педагогического воздействия. Предусматривалось обязательное смягчение наказания несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет.

Вместе с тем 7 апреля 1935 г. было принято Постановление ВЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних», в котором закреплялось следующее положение: «Несовершеннолетних, начиная с 12-летнего возраста, уличенных в совершении краж, в причинении насилия, телесных повреждений, увечий, в убийстве или попытках к убийству, привлекать к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания» [7. С. 79]. Данное постановление действовало до 1959 г.

Уголовно-правовая и процессуальная реформы 1950–1960-х гг. были направлены на гуманизацию законодательства и правоприменительной практики. В их рамках были приняты Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. [8], которые установили единый возраст уголовной ответственности с 16 лет, а за совершение наиболее тяжких преступлений, опасность которых доступна пониманию несовершеннолетнего (убийство, разбой, грабеж, кража и т.п.), – с 14 лет.

Развитие гуманистических начал в законодательстве, регламентирующем уголовную ответственность несовершеннолетних, привело к изданию Указа Президиума Верховного Совета СССР от 15.02.1977 г. [9], которым был введен в действие институт отсрочки исполнения приговора, по своей сути, являвшийся разновидностью условного осуждения для несовершеннолетних. При назначении наказания несовершеннолетнему, впервые осужденному к лишению свободы на срок до трех лет, суд, исходя из характера и степени общественной опасности деяния и личности, иных обстоятельств дела, а также существующих возможностей исправления и перевоспитания без изоляции от общества, мог отсрочить исполнение приговора к лишению свободы.

УК РСФСР 1960 г. имел достаточно большое количество норм об особенностях наказания несовершеннолетних. Вместе с тем положения данного нормативно-правового акта об особенностях назначения наказания несовершеннолетним не регламентировали учет личности, условий жизни и воспитания несовершеннолетних, совершивших преступления. Это способствовало сохранению широких рамок судебного усмотрения по делам о преступлениях несовершеннолетних. Судам давались рекомендации о необходимости учета данных обстоятельств при назначении уголовного наказания несовершеннолетним в постановлениях пленумов Верховного суда СССР (1963, 1966 гг.) и Верховного суда РСФСР (1970, 1974, 1976, 1987 гг.).

Иными словами, в советском законодательстве периода 1970–1980-х гг. отсутствовали положения об особенностях назначения наказания несовершеннолетним, регламентирующих учет условий жизни и воспитания, а также личности несовершеннолетних, совершивших преступления. Вместе с тем на необходимость учета указанных обстоятельств Пленум Верховного суда СССР (РСФСР) периодически обращал внимание судов.

В уголовно-правовой науке дореволюционного периода было проведено разграничение понятий «вменя-

емость» и «разумение». Исследователями было признано, что вменяемость подростка может быть определена только на основании глубокого анализа уровня развития личности, т.е. сформировалась позиция о необходимости закрепления в законодательстве некоторых индивидуальных особенностей личности, определяющих степень ее развития.

С принятием Закона от 2 июня 1897 г. «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений о их наказуемости» в законодательстве появился механизм реализации норм об исследовании и учете причин, способствующих совершению преступлений несовершеннолетними, степени умственного и нравственного развития и иных особенностей личности несовершеннолетних. Этим законом вносились изменения в основные законодательные акты того времени, регулирующие уголовные правоотношения: Уложение «О наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г., Устав уголовного судопроизводства 1864 г., Устав «О наказаниях, налагаемых мировыми судьями» 1864 г. Данные изменения касались порядка определения вида и размера наказания несовершеннолетним преступникам.

Советский период развития отечественного уголовного законодательства о назначении наказания несовершеннолетним характеризуется крайней противоречивостью, которая выражалась, во-первых, в том, что содержащиеся в декретах, постановлениях ВЦИК и СНК положения об уголовной ответственности несовершеннолетних не соответствовали действовавшим уголовным кодексам РСФСР; во-вторых, законодатель придерживался крайних подходов: от полного отказа в применении к несовершеннолетним наказания, замены его воспитательными мерами до применения по отношению к ним всех видов уголовного наказания, предусмотренных в законе.

Положения об учете при назначении уголовного наказания несовершеннолетним обстоятельств, характеризующих личность, условия жизни и воспитания лиц, совершивших преступления, существовавшие в отечественном уголовном законодательстве дореволюционного периода, нашли отражение в нормативных актах советского периода в первые годы существования Советского Союза. Однако впоследствии, в процессе дальнейшего формирования уголовного закона, данные положения были забыты. С начала 1970-х гг. на данную проблему стало обращать внимание Верховного суда СССР (РСФСР). Рекомендации о необходимости учета данных обстоятельств при назначении уголовного наказания несовершеннолетним содержались в постановлениях пленумов Верховного суда СССР (1963, 1966 гг.) и Верховного суда РСФСР (1970, 1974, 1976, 1987 гг.), однако законодательного закрепления обстоятельства, характеризующие личность, условия жизни и воспитания несовершеннолетних, подлежащие учету при назначении уголовного наказания, не получили.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что закрепление в УК РФ положений об обязательном учете при назначении наказания несовершеннолетним обстоятельств, характеризующих личность несовершеннолетних, совершивших преступления, условий их жизни

и воспитания, не является новшеством для отечественного уголовного законодательства. Соответствующие

нормы имелись в дореволюционном уголовном законе, а также в первые годы советской власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Российское законодательство X–XX веков. Законодательство первой половины XIX века.* М., 1988. Т. 5. 432 с.
2. *Российское законодательство X–XX веков. Судебная реформа.* М., 1991. Т. 8. 495 с.
3. *Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Том 17.* СПб. : Государственная типография, 1900. 1571 с.
4. *Российское законодательство. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций.* М., 1994. Т. 9. 352 с.
5. *Декрет от 14 января 1918 года «О комиссиях для несовершеннолетних»* // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. URL: <http://www.consultant.ru>
6. *Уголовный кодекс РСФСР 1926 года* // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. URL: <http://www.consultant.ru>
7. *Систематизированный текст общесоюзных уголовных законов и уголовных кодексов союзных республик.* М. : Юрид. изд-во Минюста СССР, 1948. 542 с.
8. *Закон СССР от 25.12.1958 г. «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик* // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. URL: <http://www.consultant.ru>
9. *Указ президиума ВС СССР от 15.02.1977 г. «Об основных обязанностях и правах инспекций по делам несовершеннолетних...»* // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. URL: <http://www.consultant.ru>

Статья представлена научной редакцией «Право» 18 декабря 2013 г.

CIRCUMSTANCES TO BE CONSIDERED WHEN SENTENCING JUVENILE OFFENDERS IN THE HISTORY OF DOMESTIC CRIMINAL LAW

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 171–174 DOI: 10.17223/15617793/381/28

Dolmatov Aleksandr O. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dolmatovoa@ngs.ru

Keywords: intelligence; personality; formal consideration; circumstances; juvenile offender.

Nowadays, juvenile delinquency is a significant problem for the government and the society. Although some statistics shows a certain reduction of juvenile delinquency, the share of serious violent crimes as well as drug-related crimes in the total number of juvenile delinquency cases is growing. The number of crimes committed by juvenile offenders who have already been subject to criminal proceedings remains persistently high. The purpose of this paper is to identify the legal provisions aimed at taking into consideration the personality of juvenile offenders, their living and educational conditions for sentencing in the Russian criminal law of the pre-revolutionary and Soviet period as well as to analyze the evolution of such provisions. The study is based on the dialectical method of cognition. The content of the legal provisions was studied on the basis of the formal logical methods. The historical method was used for studying the historical development of the laws concerning the circumstances to be taken into consideration for sentencing juvenile offenders. As shown in the paper, the criminal legal science of the pre-revolutionary period differentiated the concepts "responsibility" and "intelligence". With the adoption of the Law dated June 02, 1897 "On the Changes in Forms and Rules of Legal Proceedings for Criminal Acts of Minors and Juveniles, as well as Legal Provisions Regarding their Punishability" a special legal mechanism was introduced into the law and practice for investigating and taking into account circumstances that encourage juvenile delinquency, level of mental and moral development, and other personal qualities of juvenile offenders. The legal provisions of the Russian pre-revolutionary criminal law concerning the personality, living and educational conditions of juvenile offenders to be taken into consideration for sentencing are found to be reflected in the Soviet regulations in the first years of the Soviet Union. However, in the course of the further development of the criminal legislation, these provisions were neglected. Since the early 1970s, the Supreme Court of the USSR / RSFSR began to pay attention to this problem. Nevertheless, the legal provisions concerning the personality, living and educational conditions of juvenile offenders to be taken into consideration for sentencing have not been adopted.

REFERENCES

1. Chistyakov O.I. (ed.) *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov. Zakonodatel'stvo pervoy poloviny XIX veka* [Russian legislation in the 10th – 20th centuries. Legislation of the first half of the 19th century]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1988, vol. 5. 432 p.
2. Chistyakov O.I. (ed.) *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov. Sudebnaya reforma* [Russian legislation in the 10th – 20th centuries. Judicial Reform]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1991, vol. 8. 495 p.
3. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Col. 2. Vol. 17. Saint-Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya Publ., 1990. 1571 p. (In Russian)
4. Chistyakov O.I. (ed.) *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov. Zakonodatel'stvo epokhi burzhuazno-demokraticeskikh revolyutsiy* [Russian legislation in the 10th – 20th centuries. Legislation of the epoch of bourgeois-democratic revolutions]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1994, vol. 9. 352 p.
5. Decree of 14 January 1918 "On Commissions for Minors". Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=3803>. (In Russian)
6. The Criminal Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic of 1926. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/901757374>. (In Russian)
7. The systematic text of All-Union criminal law and criminal codes of the Soviet republics. Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo Minyusta SSSR Publ., 1948. 542 p.
8. The USSR Law of December 25, 1958 "On approval of the Principles of Criminal Legislation of the USSR and the Union Republics". Available at: <http://bestpravo.ru/sssr/gn-normy/j3n.htm>. (In Russian)
9. Decree of the Presidium of the USSR Supreme Council of February 15, 1977, "On the main duties and rights of inspection juvenile". Available at: <http://www.bestpravo.ru/sssr/gn-normy/k4o.htm>. (In Russian)

ВЛИЯНИЕ ПРЕДМЕТА ХИЩЕНИЯ НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ МОМЕНТА ОКОНЧАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Рассматриваются вопросы определения момента окончания хищения, предметом которого являются различные виды имущества. Анализируется момент окончания хищения безналичных денег, ценных бумаг, недвижимого имущества. Обобщены и проанализированы мнения ученых по избранной тематике, выработаны предложения по определению момента окончания хищения. Изложенные положения имеют как научную, так и практическую значимость.

Ключевые слова: предмет хищения; имущество; момент окончания хищения.

Согласно примечанию 1 к ст. 158 УК РФ предметом хищения является чужое имущество.

Н.А. Лопашенко указывает, что «имущество в хищении понимается уже, чем в гражданском законодательстве, и уже, чем в других посягательствах на собственность. Оно включает в себя только одну разновидность в гражданско-правовом смысле – движимое и недвижимое имущество, или вещи» [1. С. 44].

Однако не все авторы согласны с подобным утверждением. В частности, в комментариях к УК РФ подчеркивается, что «предмет мошенничества имеет специфику в сравнении с другими формами хищения; им может быть не только чужое имущество, но и право на него» [2. С. 101].

Не имея цели разработать понятие имущества применительно к хищениям, позволим себе констатировать, что отдельные формы хищения характеризуются разнообразными видами имущества. Так, предметом кражи выступает движимое имущество, наличные и безналичные денежные средства, отдельные разновидности ценных бумаг (например, ценные бумаги на предъявителя), а при совершении мошенничества это могут быть и права на имущество, недвижимость и т.д.

Разнообразие видов имущества, выступающего предметом хищения, приводит к особенностям изъятия имущества, его обращения в пользу виновного, а соответственно, и отличиям в определении момента окончания преступления. Раскроем данные особенности применительно к каждой разновидности предмета хищения.

Чаще всего предметом хищения является движимое имущество (вещи), которое может быть перемещено в пространстве. Изъятие такого имущества характеризуется их физическим выведением из обладания собственника или иного владельца. Каких-либо особых условий для обращения данного имущества не существует, т.е. виновный может без каких-либо препятствий его продать, передать третьим лицам, потребить иным образом. Соответственно, момент окончания подобных преступлений определяется моментом, когда имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению (например, обратить похищенное имущество в свою пользу или в пользу других лиц, распорядиться им с корыстной целью иным образом) [3. С. 3].

По нашему мнению, для решения вопроса о наличии реальной возможности пользоваться или распоряжаться похищенным имуществом необходимо руководствоваться совокупностью признаков:

1) место обнаружения предмета преступления. Так, Н.А. Лопашенко указывает, что «если предмет обнару-

жен на охраняемой или закрытой для виновного территории (например, территории завода, склада, иного предприятия, территории жилища и т.п.), не вынесен за ее пределы, как правило, считается, что хищение не окончено» [1. С. 77];

2) цели, которые преследует виновный в отношении изъятых имущества; свойства похищенного имущества (например, если похищается потребляемое имущество, то чаще всего судебная практика идет по пути признания такого хищения оконченным, поскольку виновный имел возможность его потребить);

3) личность расхитителя (его способности распорядиться имуществом). Например, Н. осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 158 УК РФ за то, что попытался похитить телевизор из квартиры П., но не смог его поднять. Не имея возможности, в силу своих качеств, пользоваться похищенным имуществом, с места совершения преступления скрылся [4];

4) конкретные условия, при которых совершается преступление, т.е. время суток, погодные условия, наличие в непосредственной близости объектов, затрудняющих наблюдение (зданий, строений, транспорта, коммуникаций и т.п.);

5) намерения лица о порядке использования имущества, а в ряде случаев субъективная оценка ситуации самим преступником.

Однако даже этот перечень признать исчерпывающим нельзя, поскольку можно выделить и другие факторы, например особенности территории, с которой похищается имущество, наличие посторонних лиц, которые могут этому помешать, и т.д.

Таким образом, реальная возможность означает, что для пользования или распоряжения имуществом каких-либо существенных препятствий не было. Не имеет при этом значения, претворена ли указанная возможность в действительность; самое главное, чтобы она была.

В судебной практике часто предметом хищения (например, мошенничества) выступают безналичные деньги. При этом определение момента окончания такого хищения в настоящее время приобретает особую актуальность в связи с распространением телефонного мошенничества, а также с использованием сети Интернет.

Если предметом выступают безналичные деньги (находящиеся на расчетном счете, на который по поддельным платежным поручениям перечислялись чужие денежные средства), то момент окончания мошенничества определяется моментом зачисления денег на банковский счет виновного (или иной счет, который он может контролировать), поскольку именно с этого мо-

мента виновный получает реальную возможность распоряжаться поступившими денежными средствами по своему усмотрению (например, осуществлять расчеты от своего имени или от имени третьих лиц, не снимая денежных средств со счета, на который они были перечислены в результате мошенничества).

Анализ судебной практики показывает, что поступление денежных средств на банковский счет виновного всегда расценивается как оконченное преступление; если же они по не зависящим от виновного обстоятельствам не зачислены на его счет, действия виновного, направленные на завладение этими деньгами, квалифицируются как покушение на соответствующее преступление. Так, Кежемским районным судом Красноярского края за оконченное мошенничество обоснованно осужден М., который состоял на учете в районном центре занятости населения как безработный, но, устроившись на работу, с учета не снялся и продолжал отмечаться в качестве безработного с целью незаконного получения пособия по безработице. Денежные средства перечислялись ему на счет в отделении банка. В приговоре указано, что на счет виновного поступило пособие за три месяца, фактически им получены деньги лишь за один месяц, но остальную сумму он имеет реальную возможность снять. Поэтому М. вменяется хищение всей поступившей на его счет суммы [5]. Иначе оценены судом действия П., которая представила в региональный филиал ОАО «Российский Сельскохозяйственный банк» заведомо подложные документы для получения субсидии на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитному договору. Сотрудником банка подложность документов была выявлена, вследствие чего преступный умысел П. оказался до конца не реализован, денежные суммы в виде субсидии на ее счет не поступили по не зависящим от нее обстоятельствам. Суд правильно квалифицировал содеянное по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 159 УК РФ [6].

В связи с тем, что предметом мошенничества могут выступать ценные бумаги и недвижимое имущество, рассмотрим особенности момента окончания при таком предмете хищения.

Согласно ст. 142 ГК ценной бумагой является документ, удостоверяющий с соблюдением установленной формы и обязательных реквизитов имущественные права, осуществление и передача которых возможны только при его предъявлении. К ценным бумагам относятся: государственная облигация, облигация, вексель, чек, депозитный и сберегательный сертификаты, банковская сберегательная книжка на предъявителя, коносамент, акция, приватизационные ценные бумаги и другие документы, которые законами о ценных бумагах или в установленном ими порядке отнесены к числу ценных бумаг.

Первая разновидность ценных бумаг, а именно ценные бумаги на предъявителя, которые фактически заменяют деньги и представляют самостоятельную имущественную ценность (векселя, облигации и т.д.), безоговорочно могут быть предметом оконченного хищения. Их изъятие сразу же влечет причинение имущественного ущерба их собственнику или законному владельцу, поскольку в любой момент данные бумаги беспрепятственно могут быть предъявлены к оплате, проданы и т.п.

Применительно к такому предмету, как документарные ценные бумаги на предъявителя, момент окончания преступления в постановлении обоснованно связывается не с моментом получения имущества с использованием данных бумаг, а с моментом завладения самими бумагами. «Последующая реализация прав, удостоверенных тайно похищенными ценными бумагами на предъявителя (то есть получение денежных средств или иного имущества), – говорится в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 51 от 27 декабря 2007 г. “О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате”, – представляет собой распоряжение похищенным имуществом и не требует дополнительной квалификации как кража или мошенничество» [7].

Завладение именными ценными бумагами (например, сберегательные книжки, чеки и т.д.), по которым получить деньги или имущество может только определенное лицо, не образует оконченного хищения, так как имущественный ущерб собственнику пока еще не причинен. Содеянное влечет уголовную ответственность за приготовление к хищению, где ценные бумаги выступают средством совершения преступления, а наличные или безналичные чужие деньги – предметом хищения. Для извлечения виновным имущественной выгоды от таких ценных бумаг недостаточно предъявить их в банковское или иное учреждение и невозможно продать, поскольку для реализации прав, которые кроются за этой ценной бумагой, необходимо предпринять дополнительные усилия. Преступники, как правило, прибегают к таким действиям, как подделка ценных бумаг или документов, удостоверяющих личность, которая названа в бумаге.

Право на именную бездокументарную ценную бумагу переходит к приобретателю согласно ч. 2 ст. 29 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» в случае учета прав на ценные бумаги у лица, осуществляющего депозитарную деятельность, – с момента внесения приходной записи по счету депо приобретателя; в случае учета прав на ценные бумаги в системе ведения реестра – с момента внесения приходной записи по лицевому счету приобретателя. С этими же моментами связывается и момент окончания мошенничества, предметом которого выступают бездокументарные ценные бумаги [8. С. 276]. В уголовно-правовой литературе обоснованно утверждается, что осуществления прав, закрепленных такими бумагами, для признания хищения оконченным не требуется [Там же. С. 277].

Согласно ст. 146 ГК РФ, ордерные ценные бумаги могут быть трех основных видов, в зависимости от содержания передаточной надписи: бланковый индоссамент (без указания лица, которому должно быть произведено исполнение); ордерный индоссамент (с указанием лица, которому или приказу которого должно быть произведено исполнение); препоручительный индоссамент (поручение осуществлять права, удостоверенные ценной бумагой, без передачи этих прав индоссанту).

Ордерные ценные бумаги первого вида (бланковый индоссамент) выступают предметом хищений без каких-либо ограничений. Препоручительный индоссамент не может выступать предметом хищения. Ордер-

ный индоссамент не может выступать предметом кражи, насильственного грабежа, присвоения и растраты, но вполне может быть предметом мошенничества, насильственного грабежа, разбоя (и вымогательства, которое не является хищением) [9. С. 12].

Н.А. Лопашенко указывает [10], что если владелец ордерной ценной бумаги, поименованный в ней, под влиянием обмана или злоупотребления доверием или под воздействием физического или психического насилия сделает передаточную надпись (отдаст приказ или распоряжение) на бумаге на применившего к нему такие методы воздействия или на любое лицо, указанное им, завладение такой ордерной бумагой будет окончательным хищением.

Особо следует прокомментировать момент окончания мошенничества, предметом которого выступают права на чужое имущество. Данное преступление окончено согласно п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 51 от 27 декабря 2007 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» с момента возникновения у виновного юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным [7]. Уточняя это положение, Верховный Суд РФ указывает, что этим моментом может быть момент регистрации права собственности на недвижимость или иных прав на имущество, подлежащих такой регистрации в соответствии с законом; время заключения договора; момент совершения передаточной надписи (индоссамента) на векселе; день вступления в силу судебного решения, которым за лицом признается право на имущество, или день принятия иного правоустанавливающего решения уполномоченными органами власти или лицом, введенными в заблуждение относительно наличия у виновного или иных лиц законных оснований для владения, пользования или распоряжения имуществом.

Отождествление момента окончания мошенничества в форме приобретения права на чужое имущество с моментом возникновения у виновного юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным не вызывает возражений. Объясняется это

тем, что при приобретении права на чужое имущество в силу особенностей юридической процедуры перехода такого права причинение собственнику или иному владельцу имущественного ущерба всегда совпадает с моментом возникновения у виновного указанной выше возможности – на основании определенных правовых актов вступить во владение имуществом или распорядиться им по своему усмотрению.

Особое внимание необходимо уделить моменту окончания мошенничества, предметом которого выступает недвижимое имущество. Этот вопрос стал особенно актуальным в связи с введением в ч. 4 ст. 159 УК РФ нового квалифицированного признака мошенничества, повлекшего лишение права гражданина на жилое помещение.

Вопрос о моменте окончания преступления в том случае, когда лицо юридически завладевает недвижимым имуществом, в настоящее время разрешен в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 51 от 27 декабря 2007 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Из пункта 4 постановления следует, что завладение недвижимым имуществом путем обмана или злоупотребления доверием должно расцениваться как вторая форма мошенничества – приобретение права на имущество, причем моментом окончания преступления выступает момент регистрации права собственности на недвижимость, поскольку именно с этого момента у виновного появляется юридически закрепленная возможность вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным [7]. Следовательно, действия виновного, непосредственно направленные на то, чтобы зарегистрировать право собственности на тот или иной объект (например, представление заведомо ложных документов в орган, осуществляющий регистрацию), но не приведшие к такой регистрации, должны считаться лишь покушением на преступление. Такой подход возражений не вызывает, поскольку при регистрации права собственности на виновного действительный собственник лишается как минимум права распоряжения имуществом, хотя фактически он может продолжать владеть и пользоваться этим имуществом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственности. М. : Норма; Инфра-М, 2012.
2. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. А.И. Чучаева. М. : КОНТРАКТ, 2013.
3. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.
4. Уголовное дело № 1-279. Архив Ленинского районного суда г. Барнаула.
5. Архив Кежемского районного суда Красноярского края. Приговор от 28 января 2002 г.
6. Архив судебного участка № 1 Шипуновского района Алтайского края. 2008. Дело № 1-5.
7. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2.
8. Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002.
9. Карпова Н.А. Хищение чужого имущества: вопросы квалификации и проблемы дифференциации уголовной ответственности / под ред. Н.Г. Кадникова. М. : Юриспруденция, 2011.
10. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ) (постатейный). М. : Волтерс Клувер, 2006. С. 28–35.

Статья представлена научной редакцией «Право» 29 января 2014 г.

INFLUENCE OF THE OBJECT OF THEFT ON THE DEFINITION OF THE MOMENT OF CRIME TERMINATION

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 175-178 DOI: 10.17223/15617793/381/29

Ermakova Olga V. Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul, Russian Federation). E-mail: ermakova_alt@mail.ru

Keywords: object of theft; property; moment of crime termination.

This article deals with the issues of the definition of the moment of theft termination the object of which is various types of property. Variety of property types that are the object of theft leads to peculiarities of property seizure, its treatment in favor of the perpetrator and therefore to the differences in the definition of the moment of theft termination. Most often the object of theft is personal estate (things) that can be moved in space. Seizure of such property is characterized by its physical withdrawal from the possession of the owner or another holder. Any special conditions for the treatment of this property do not exist, i.e. the offender can sell, transfer it without any difficulties to the third party or consume otherwise. So, the moment of this crime termination is the moment when the property is seized and the offender has a real opportunity to use or dispose it at his/her own discretion. If the object is non-cash money on the current account that other people transferred with forged payment orders, the final point of fraud is determined by the moment of money transfer to the bank account of the perpetrator (or another account the perpetrator can control), because from this moment the offender gets a real opportunity to dispose the received funds at his/her own discretion. Bearer securities which actually replace the money and represent independent property (bills, bonds, etc.) can unconditionally be the object of finished theft. Their seizure causes property damage of the owner or the lawful holder because at any moment these securities can be freely presented for payment or sold, etc. As for documentary bearer securities the moment of crime termination is reasonably associated not with the moment of acquisition of property with use of these papers, but with the moment of taking possession of the papers themselves. Acquisition of real property by fraud or abuse of trust is considered ended at the time of registration of the property ownership because at that point the perpetrator has a legal opportunity to take possession or dispose another's property as his/her own. Consequently, the actions of the guilty directly aimed to register ownership of a particular object but not leading to such a registration should only be considered as an attempted crime.

REFERENCES

1. Lopashenko N.A. *Posyagatel'stva na sobstvennosti* [Encroachment on property]. Moscow, Norma, Infra-M Publ., 2012.
2. Chuchayev A.I. (ed.) *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu RF* [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow, KONTRAKT Publ., 2013.
3. Bulletin of the Supreme Court, 2003, no. 2. (In Russian)
4. Criminal case № 1-279. The Archive of Leninsky District Court, Barnaul. (In Russian)
5. The Archive of Kezhemsky District Court of Krasnoyarsk Territory. Judgment of 28 January 2002. (In Russian)
6. The Archive of Judicial district 1 of Shipunovsky District, the Altai Territory, 2008. Case № 1 – 5. (In Russian)
7. Bulletin of the Supreme Court, 2008, no. 2. (In Russian)
8. Boitsov A.I. *Prestupleniya protiv sobstvennosti* [Crimes against property]. Saint-Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2002.
9. Karpova N.A. *Khishchenie chuzhogo imushchestva: voprosy kvalifikatsii i problemy differentsiatsii ugovnoy otvetstvennosti* [Theft of another's property: qualification issues and problems of differentiation of criminal responsibility]. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2011.
10. Lopashenko N.A. *Prestupleniya v sfere ekonomiki: Avtorskiy kommentariy k ugolovnomu zakonu (razdel VIII UK RF) (postateynnyy)* [Economic crimes: Author's comments on the criminal law (Section VIII of the Criminal Code of the Russian Federation (a)) (article-for-article)]. Moscow, Walters Clover Publ., 2006.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ ПОДХОДОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ХИЩЕНИЙ ТОВАРНО-МАТЕРИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Рассматриваются особенности в подходах деятельности полиции Российской Федерации по предупреждению хищений товарно-материальных ценностей в настоящее время. На основе анализа нормативных актов законодательных органов власти Российской Федерации, программных документов учреждений исполнительной власти федерального и регионального уровня, судебных решений, мнений опрошенных граждан, а также с учетом зарубежного опыта полиции автором делается попытка дать понятие товарно-материальной ценности и определить юридическую силу замечания сотрудника полиции, адресованного собственнику или законному владельцу имущества по устранению причин и условий хищения товарно-материальных запасов.

Ключевые слова: предупреждение; хищение; полиция.

В Российской Федерации на долю хищений чужого имущества, совершенных путем кражи, с проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище, приходится до 13% от всех выявленных преступных деяний. На протяжении последних пяти лет их регистрируется около трехсот тысяч [1]. Товарно-материальные ценности в числе последних представлены в незначительном количестве и составляют около 12%. Однако, по наблюдениям некоторых исследователей, в отдельных отраслях хозяйственной деятельности, связанных с сырьевыми ресурсами, доля рассматриваемых хищений может достигать и до 70% [2. С. 26].

Материальные ресурсы – это важнейшая составная часть национального богатства страны, а в комплексе мер по созданию единой системы сохранности товарно-материальных ценностей организация деятельности полиции имеет ключевое значение. Но изменение социальных, экономических отношений не может не отражаться на деятельности подразделений и служб, обязанных регулировать данные правоотношения. Это не могло пройти незамеченным и для деятельности полиции по профилактике хищений товарно-материальных ценностей. За последнее десятилетие нормативно-правовые подходы к такой деятельности поменялись кардинальным образом: от принудительного воздействия на лиц, ответственных за хранение материальных ценностей, до диспозитивного характера взаимоотношений между правоохранительными органами и владельцами имущества. Но чтобы предметно вести речь об изменениях в рассматриваемом аспекте, следует указать основные признаки имущества, которое необходимо относить к товарно-материальным ценностям.

Проблема определения рассматриваемого понятия связана с отсутствием нормативно-правового закрепления широко используемого в судебной практике термина «товарно-материальная ценность». Некоторые международные акты приводят только примерный перечень физических предметов, которые, согласно обычаям делового оборота, следует включать в исследуемое понятие. Так, например, в соответствии с Международными стандартами бухгалтерского учета (IAS) [3], товарно-материальными ценностями считаются активы (от лат. *actīvus* – действенный) – совокупность имущества и денежных средств, принадлежащих предприятию. В широком смысле слова – любые ценности, обладающие денежной стоимостью, которые либо хра-

нятся для перепродажи, либо находятся в процессе производства для дальнейшей реализации.

Российская система бухгалтерского учета в целом придерживается вышеприведенного перечня, но детализирует понятие товарно-материальных ценностей через семь ее категорий, отражаемых в балансе организации. К их числу следует относить: сырье и его компоненты; животные на выращивании и откорме; малоценные и быстроизнашивающиеся предметы с учетом накопленного износа; незавершенное производство; готовая продукция и товары для перепродажи [4. С. 4]. В соответствии с п. 199 Приказа Минфина РФ от 28.12.2001 № 119-н «Об утверждении Методических указаний по бухгалтерскому учету материально-производственных запасов» (в ред. от 24.12.2010) готовая продукция является частью материально-производственных запасов, предназначенных для продажи. Другими словами, одним из вариантов товарно-материальной ценности выступает готовая продукция как конечный результат производственного цикла.

Таким образом, российский перечень имущества, отражаемый в системе бухгалтерского учета, может быть также применен к понятию «товарно-материальная ценность» как предмету хищения с одним лишь исключением из вышеприведенного списка в виде малоценных и быстроизнашивающихся предметов, которые согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ в силу малозначительности не обладают должной степенью общественной опасности.

Опрос граждан Российской Федерации показал, что большинство россиян (36,7%; всего опрошено 300 человек) к товарно-материальным ценностям относят сырье для переработки, менее одной пятой от числа респондентов (18,3%) – оргтехнику и незначительная часть респондентов (13,3%) – полуфабрикаты готовых изделий.

Если обратиться к судебной практике, то большинство судебных решений, вынесенных по факту хищения исследуемых ценностей, связывает с ними имущество кафе, магазинов, ресторанов, предназначенное для реализации потребителям. При составлении приговоров по хищениям к товарно-материальным справедливо относят спиртосодержащую и табачную продукцию, текстильные изделия, продукты питания и денежные средства [5–7].

Однако в практике встречаются случаи формального отнесения единичных экземпляров готовой продукции к товарно-материальным ценностям как предмету преступления. Так, не совсем обоснованно одним из

судов Алтайского края отнесено к исследуемым ценностям незначительное количество продуктов питания и предметов первой необходимости, похищенных у одного из предпринимателей. Согласно приговору 6 февраля 2007 г. гражданин З. 1980 г. р. на вокзале г. Новоалтайска Алтайского края познакомился с ранее не известным ему лицом и предложил ему принять участие в краже. Приехав в раб. пос. Тальменка Алтайского края в феврале 2007 г., проходя по ул. Кирова, они увидели торговый павильон, в котором отсутствовала сигнализация. В связи с этим ими решено было совершить кражу именно из этого павильона. В ночь с 11.02.07 на 12.02.07 они взломали металлическую решетку окна путем отгиба металлического прута. Неустановленное лицо проникло в магазин, а З. остался на улице, для того чтобы наблюдать за появлением посторонних лиц и принимать из магазина похищенный товар: сок, кофе, колбасу, порошок, сигареты. Всего было похищено товара на сумму 8 948 руб. [8].

В данном случае, как и в других ему подобных, надо, на наш взгляд, учитывать объемы и виды материальных ценностей, находящихся в хранилищах таких предприятий. В силу незначительных объемов оборота готовой продукции на предприятиях мелкорозничной торговой сети не следует такие изделия относить к товарно-материальным ценностям в том виде, в котором они традиционно рассматриваются в качестве предмета хищения в судебной практике (когда речь идет о значительных объемах ценностей при приемке, отгрузке, хранении и реализации товаров, как правило, двух и более видов) [9]. Подобное умозаключение вытекает из того, что оборот товаров в незначительных размерах в предпринимательской деятельности не является определяющим. В силу этого, по нашему мнению, в анализируемом примере факт хищения нескольких продуктов питания и предметов бытового назначения следует относить не к товарно-материальным ценностям, а к предмету обычного хищения в том его виде, к которому относит его судебная практика, например при квалификации квартирных краж или краж из помещений, принадлежащих физическим лицам. Под товарно-материальными ценностями, на наш взгляд, следует понимать такие предметы производственной деятельности, наличие или отсутствие которых по количеству и качественному ассортименту может влиять на хозяйственную деятельность предприятия.

Однако вышеприведенное суждение – это наше субъективное теоретическое заключение, выведенное посредством логико-юридического толкования понятия «товарно-материальная ценность», приводимого в судебных решениях по конкретным делам, связанным с хищениями из помещений (хранилищ). На практике, в силу отсутствия нормативного закрепления, данное понятие рассматривается как собирательный, комплексный термин, устанавливаемый исходя из обычаев делового оборота независимо от вида, объема и количества похищенных товаров.

Если проанализировать судебную практику в делах последних сорока лет, можно прийти к выводу, что в содержательном плане понятие «товарно-материальная ценность» претерпело изменения – от готовой продукции в подавляющем большинстве случаев для

уголовных дел советского периода [10. С. 4; 11. С. 2] до сырьевых запасов, составляющих содержание большинства уголовных дел по хищениям в современной России [12. С. 2, 11; 13. С. 7, 11]. Уголовно-правовым подтверждением данного факта является введение в декабре 2006 г. отдельного квалифицирующего признака кражи, совершенной из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода (п. 6 ч. 3 ст. 158 УК РФ) [14].

Наследием советской эпохи правоотношений также была и высокая юридическая сила замечания, сделанного сотрудником милиции (полиции) лицу, ответственному за хранение товарно-материальных ценностей при нарушении правил сохранности, включая административную ответственность за неисполнение последнего. Так, на федеральном уровне существовало положение, согласно которому сотрудник правоохранительных органов мог выносить официальные предостережения руководителям, должностным лицам, другим работникам предприятий, учреждений, организаций, а также лицам, занятым индивидуальной и иной трудовой деятельностью и другими видами предпринимательства, о недопустимости нарушения законодательства в области сохранности материальных ценностей (п. 19 ст. 12 Закона СССР «О советской милиции» 1991 г.) [15]. На региональном уровне разрабатывались предложения по усилению административной ответственности должностных лиц за невыполнение предписаний органов внутренних дел по техническому укреплению объектов хранения материальных ценностей и денежных средств, а также уклонение от их паспортизации [16].

Такая позиция наблюдалась вплоть до 2012 г., когда техническая и охранная укрепленность касс регламентировалась Письмом Банка России от 04.10.1993 № 18 «Об утверждении “Порядка ведения кассовых операций в Российской Федерации”». Данный документ достаточно подробно предписывал необходимую толщину кассовых стен, перекрытий и перегородок, прочность окон и дверей (включая дверные петли); порядок блокировки металлическими решетками вентиляционных шахт, коробов и дымоходов; надежность запирающих устройств; структуру комплекса охранной сигнализации и т.д. Замечание сотрудника милиции (полиции) о несоответствии этим параметрам имело обязательную силу, а факт устранения указанных в предписании недостатков являлся необходимым условием для продолжения хозяйственной деятельности владельца имущества. Однако с 1 января 2012 г. указанное письмо утратило юридическую силу в связи с изданием Указания Банка России от 13.12.2011 № 2750-У и введением в действие «Положения о порядке ведения кассовых операций с банкнотами и монетой Банка России на территории Российской Федерации», которое установило, что «мероприятия по обеспечению сохранности наличных денег при ведении кассовых операций, хранении, транспортировке, порядок и сроки проведения проверок фактического наличия наличных денег определяются юридическим лицом, индивидуальным предпринимателем» (п. 1.11 «Положения о порядке ведения кассовых операций с банкнотами и монетой Банка России на территории Российской Федерации» [17]). Данное указание стало своеобразной вехой, которая на юридическом уровне символизировала переход к са-

мостоятельному регулированию сохранности имущества самими владельцами денежных средств и других товарно-материальных ценностей. Диспозитивность в данном вопросе закрепил Федеральный закон от 06.12.2011 (ред. от 28.12.2013) № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете», который установил, что экономический субъект обязан сам организовать и осуществлять внутренний контроль совершаемых фактов хозяйственной жизни (ч. 1 ст. 19) [18]. В настоящее время в соответствии с данными нормативными положениями полицейский может лишь рекомендовать собственникам усилить сохранность денежных средств, не говоря уже о порядке хранения других товарно-материальных ценностей. А организация или индивидуальный предприниматель сами решают, как именно оборудовать помещение либо хранилище, предназначенное для размещения любых видов имущества, и в какой степени реагировать на поступившее от полицейского предложение о принятии дополнительных мер по сохранности имущества. Единственный случай, предусматривающий обязательный учет предложений полиции при осуществлении охраны, наблюдался при установлении договорных отношений между субъектом предпринимательской деятельности и правоохранительными органами, когда имущество контролировалось с помощью технических средств охраны [19].

В большинстве случаев на уровне субъектов Российской Федерации задача предупреждения хищений товарно-материальных ценностей не просматривается [20, 21]. Однако она до сих пор наблюдается при планировании мероприятий муниципального масштаба [22, 23]. На первое место в настоящее время выходят духовные ценности, а не материальные блага граждан (здоровье, безопасность, нравственность).

Опыт наших зарубежных коллег свидетельствует о том, что положительных результатов в предупрежде-

нии хищений товарно-материальных ценностей можно добиться через взаимовыгодное сотрудничество между правоохранительными органами и субъектами предпринимательской деятельности. Так, в США разработана совместная программа, участниками которой являются Федеральное бюро расследований (FBI), Национальная федерация розничной торговли (National Retail Federation) и Ассоциация лидеров розничной торговли (Retail Industry Leaders Association). Данная программа направлена на предотвращение организованной преступности в торговой отрасли, в том числе создание единой базы данных «Law Enforcement Retail Partnership Network», позволяющей оперативно реализовывать меры по выявлению, предотвращению и защите от краж предприятий розничной торговли [24].

На основе вышеприведенного анализа можно сделать следующий вывод. Товарно-материальные ценности сейчас не занимают того базисного места, которое им отводилось в период социалистических правоотношений. В настоящее время в нормативных актах и программных документах учетно-планирующего характера наблюдается приоритет духовных и нравственных составляющих жизни человека. В правоприменительном аспекте более приоритетными являются отношения по обеспечению общественной безопасности, здоровья населения и общественной нравственности. Однако согласно опросу общественного мнения полиция и должна предотвращать хищения товарно-материальных ценностей. За это высказываются 78,7% респондентов. Но действующее законодательство никакими императивными полномочиями сотрудников полиции в рамках проверки сохранности товарно-материальных ценностей не наделяет. В связи с этим предложения полицейского в настоящее время могут носить лишь рекомендательный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Состояние преступности в России за 2009–2013 год // ГИАЦ МВД Российской Федерации. URL: <http://www.buimain>
2. Тямкин А.В., Кружилин В.С. Современное состояние деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел по борьбе с хищениями на металлургических предприятиях // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 3. С. 25–31.
3. Международные стандарты бухгалтерского учета // Режим доступа к данным: Консультационный и учебно-методический центр Аудиторской палаты России URL: <http://www.kumc.ru> (дата обращения: 12.12.2013).
4. Приказ Минфина РФ от 31.10.2000 № 94-н (в ред. от 08.11.2010) «Об утверждении Плана счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций и Инструкции по его применению» // Экономика и жизнь. 2000. № 46. С. 3–6.
5. Архив Индустриального районного суда г. Барнаула. Дело № 1-238/06.
6. Архив Заринского городского суда Алтайского края. Дело № 6-315/08.
7. Архив Приобского районного суда г. Бийска. Дело № 1-332/06.
8. Архив Тальменского районного суда Алтайского края. Дело № 1-123/2007.
9. Указания о порядке работы в системе Министерства торговли СССР по возмещению ущерба от хищений, растрат, недостач и потерь товарно-материальных ценностей, ответственности руководителей и должностных лиц предприятий и организаций государственной торговли за состояние этой работы и координацию ее с правоохранительными органами (утв. Приказом Минторга СССР от 28.06.1983 № 140) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.buimain>
10. Джакишев Е.Г. Расследование и предупреждение хищений шерсти и кожаного сырья в заготовительных организациях потребительской кооперации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1970. 19 с.
11. Кулбужев А.-Х.С. Научные основы методики расследования хищений на плодоовощных предприятиях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. 21 с.
12. Фомов С.В. Криминологическая характеристика и профилактика мошенничества в сфере оборота товарно-материальных ценностей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 22 с.
13. Ткач Ю.Б. Развитие института согласований в системе регулирования внешнеэкономических рисков (микроуровень) : автореф. дис. ... канд. эконом. наук. Иркутск, 2011. 23 с.
14. Федеральный закон от 30.12.2006 № 283-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ от 01.01.2007. № 1 (1 ч.). Ст. 46: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.buimain>
15. Закон СССР от 6 марта 1991 г. № 2001-1 «О советской милиции» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 12. Ст. 319: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.buimain>

16. *Постановление* Администрации Алтайского края от 17 апреля 1995 г. № 129 «О мерах по проведению паспортизации объектов хранения товарно-материальных ценностей и денежных средств государственного, муниципального и частного секторов экономики края» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.buimain>
17. *Положение* о порядке ведения кассовых операций с банкнотами и монетой Банка России на территории Российской Федерации // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.buimain>
18. *Федеральный закон* от 06.12.2011 № 402-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О бухгалтерском учете» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.buimain>
19. *Распоряжение* Правительства РФ от 06.03.2013 № 313-р «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности”» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 11. Ст. 1145 (п. 3.2): Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.buimain>
20. *Постановление* администрации Ростовской области от 30.09.2010 № 211 «Об утверждении областной долгосрочной целевой программы «профилактика правонарушений в Ростовской области на 2011–2013 годы» // Официальный портал Правительства Ростовской области. URL: <http://www.donland.ru> (дата обращения: 15.12.2013).
21. *Постановление* Правительства Челябинской области от 16 ноября 2011 г. № 405-П «Об областной целевой Программе профилактики преступлений и иных правонарушений в Челябинской области на 2012–2013 годы» // Справ.-правовая система «Гарант». URL: <http://www.buimain>
22. *Постановление* от 5 февраля 2013 г. № 20 «Об утверждении районной целевой программы “Профилактика преступлений и иных правонарушений в Быстроистокском районе на 2013–2016 годы”».
23. *Решение* районного Совета депутатов Табунского района Алтайского края от 28 октября 2008 г. № 52 «Об утверждении муниципальной целевой программы “Профилактика преступлений и иных правонарушений в Табунском районе на 2009–2012 годы”».
24. *Паниюкова В.В.* Проблема XXI века: потери от краж в торговле растут // Торговое право. 2012. № 2: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.buimain>

Статья представлена научной редакцией «Право» 29 января 2014 г.

CONCEPTUAL CHANGE OF THE APPROACHES IN THE POLICE ACTIVITY TO PREVENT INVENTORY THEFT

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 179-183 DOI: 10.17223/15617793/381/30

Titarenko Andrei P. Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul, Russian Federation). E-mail: tapavlovich@mail.ru

Keywords: prevention; theft; police.

The legacy of the Soviet era was a high legal force of the remarks made by a police officer to the person responsible for the storage of inventory in detecting property safety violations. In this case, even administrative responsibility for default provisions of the internal affairs officer could occur. Such a position of the legislative and executive authorities of the Russian Federation was observed until 2012 when the technical and security strengthening of banks was regulated by the Bank of Russia Letter from October 04, 1993 No. 18 "On approval of the *Order of cash transactions in the Russian Federation*". This document gave a detailed description of the necessary technical properties of space for storing property. The note of the police officer on violations of these properties was compulsory for taking it into consideration, and to eliminate these shortcomings in enforcing the repository was a prerequisite for continued economic activity of the property owner. But from January 1, 2012 the above letter has lost validity in connection with the publication of the Bank of Russia from December 13, 2011 No. 2750-Y, and the introduction of the "Regulations on the Procedure of Cash Transactions with Banknotes and Coins of the Bank of Russia on the Territory of the Russian Federation", which found that measures to ensure the safety of cash in cash transactions, their storage and transportation are defined by the legal entity, the individual entrepreneur. This designation was a milestone that on the legal level symbolized the transition to self-regulation of the property safety by the owners of money and other material assets. Optionality in the matter was consolidated by the Federal Law of December 06, 2011 (as amended on December 28, 2013) No. 402-FZ "On Accounting", which stated that the economic entity itself is obliged to organize and implement internal control of the facts of economic life (Part 1 of Art. 19). Currently, in accordance with the given regulations the police can only recommend the owners to enhance the safety of cash, not mention other inventory items. The company or the individual entrepreneur has to determine how to equip the room or storage area for any type of property and the extent to which they should respond to the police officer's recommendation to use additional measures for its security.

REFERENCES

1. Criminality in Russia in 2009 – 2013. The Main Information and Analysis Centre of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Available at: <http://buimain>.
2. Tyamkin A.V., Kruzhilin V.S. *Sovremennoe sostoyanie deyatel'nosti operativnykh podrazdeleniy organov vnutrennikh del po bor'be s khishcheniyami na metallurgicheskikh predpriyatiyakh* [Current activities of operational departments of the Interior to combat theft in metallurgical enterprises]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, 2010, no. 3, pp. 25-31.
3. International Accounting Standards. Available at: <http://www.kumc.ru> (accessed 12.12.2013). (In Russian)
4. Order no. 94-n of the Ministry of Finance of October 31, 2000 (amended November 8, 2010) "Concerning Approval of accounts for financial and economic activities of organizations and Instructions for its use". *Ekonomika i zhizn'*, 2000, no. 46, pp. 3-4. (In Russian)
5. The Archive of Industrialny District Court in Barnaul. Case № 1-238/06. (In Russian)
6. The Archive of Zarinsk City Court of the Altai Territory. Case № 6-315/08. (In Russian)
7. The Archive of Priobsky District Court, Biysk. Case № 1-332/06. (In Russian)
8. The Archive of Talmenskiy District Court of the Altai Territory. Case № 1-123/2007. (In Russian)
9. Instructions on work order in the system of the USSR Ministry of Trade to repair damages from theft, embezzlement, shortages and losses of inventory as well as liability of directors and officials of state trade enterprises and organizations for this work and its coordination with law enforcement agencies (approved by the Order no. 140 of the Ministry of Trade of the USSR of June 28, 1983). Available at: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_383/doc383a544x165.htm. (In Russian)

10. Dzhakishev Ye.G. *Rassledovanie i preduprezhdenie khishcheniy shersti i kozhevennogo syr'ya v zagotovitel'nykh organizatsiyakh potrebitel'skoy kooperatsii*. Diss. kand. yurid. nauk [Investigation and prevention of theft of wool and rawhide in procurement organizations of consumer cooperatives. Legal sc. cand. diss.]. Alma-Ata, 1970. 19 p.
11. Kulbuzhev A.-Kh.S. *Nauchnye osnovy metodiki rassledovaniya khishcheniy na plodoovoshchnykh predpriyatiyakh*. Diss. kand. yurid. nauk [The scientific bases of theft investigation on horticultural plants. Legal sc. cand. diss.]. Moscow, 1991. 21 p.
12. Fomov S.V. *Kriminologicheskaya kharakteristika i profilaktika moshennichestva v sfere oborota tovarno-material'nykh tsennostey*. Diss. kand. yurid. nauk [Criminological characteristics and prevention of fraud in the turnover of inventory. Legal sc. cand. diss.]. Moscow, 2000. 22 p.
13. Tkach Yu.B. *Razvitie instituta soglasovaniy v sisteme regulirovaniya vneshneekonomicheskikh riskov (mikrouroven')*. Diss. kand. econom. Nauk [Development of the institute of coordination in regulation of foreign risks (microlevel). Econom. cand. diss.]. Irkutsk, 2011. 23 p.
14. Federal Law no. 283-FZ of December 30, 2006 *On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation*. Available at: <http://base.garant.ru/12151315/>. (In Russian)
15. The USSR Law no. 2001-I of March 6, 1991 "On the Soviet militia". Available at: <http://base.garant.ru/6336530/>. (In Russian)
16. Decision no. 129 of the Altai Krai Administration of April 17, 1995 "On Measures for the certification of storage facilities of inventories and cash of the state, municipal and private sectors of the territory". Available at: http://altai.news-city.info/docs/sistemy/dok_oeyxqi.htm. (In Russian)
17. Regulation on the procedure of cash transactions with banknotes and coins of the Bank of Russia on the territory of the Russian Federation. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133181/. (In Russian)
18. Federal Law no. 402-FZ of 06.12.2011 (as amended on 28.12.2013) "On Accounting". Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156037/. (In Russian)
19. Decree no. 313-p of the Government of the Russian Federation of March 06, 2013 "On approval of the state program of the Russian Federation *Ensuring public order and combating crime*". Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_143162/?frame=6. (In Russian)
20. Decision no. 211 of September 30, 2010 of the Rostov region administration "On approval of regional long-term target program *Prevention of crime in Rostov region in 2011 – 2013*". Available at: <http://docs.cntd.ru/document/800001113>. (In Russian)
21. Decree no. 405-Π of November 16, 2011 of the Government of Chelyabinsk region "On the regional target program for the prevention of crimes and other offenses in Chelyabinsk region for 2012 – 2013". Available at: <http://pravmin74.ru/normativnye-pravovyye-akty/postanovleniya-pravitelstva/postanovlenie-pravitelstva-chelyabinskoi-o-527>. (In Russian)
22. Decision no. 20 of February 5, 2013 "On approval of the regional target program *Prevention of crimes and other offenses in Bystroistoksky district in 2013 – 2016*". (In Russian)
23. Decision no. 52 of October 28, 2008 of the District Council of Deputies of Tabunskiy district, Altai Region "On approval of the municipal target program *Prevention of crimes and other offenses in Tabunskiy area for 2009–2012*". (In Russian)
24. Panyukova V.V. Problema XXI veka: poteri ot krazh v trgovle rastut [Problem of the 21st century: losses from theft in trade grow]. *Torgovoe pravo*, 2012, no. 24, pp. 53-62.

ЭКОНОМИКА

УДК 316.334.2

Е.М. Дорожкин, Е.Ю. Щербина

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Раскрывается сущность понятия «человеческий капитал». Исследование процесса формирования человеческого капитала целесообразно на основе анализа современных производственных отношений и социальных институтов, возникающих как результат взаимодействия людей в процессе общественного производства. В основе такого анализа должен лежать социально-экономический подход. Его использование показано на примере анализа влияния социальных институтов и их взаимодействия на формирование и развитие человеческого капитала.

Ключевые слова: человеческий капитал; формирование человеческого капитала; социальный институт; семья; здоровье; культура; образование.

На современном этапе развития экономики основной акцент постепенно переносится с накопления воспроизведенных человеком материальных активов на формирование и развитие самого человеческого капитала. Исследование процесса формирования человеческого капитала целесообразно на основе анализа современных производственных отношений и социальных институтов, возникающих как результат взаимодействия людей в процессе общественного производства. Учитывая, что экономическая деятельность людей социально обусловлена, а для развития экономики необходимы, в первую очередь, здоровые, квалифицированные, желающие работать люди – в основе исследований процессов формирования человеческого капитала должен лежать социально-экономический подход.

Взаимодействие социальной и экономической сфер в изучаемых процессах обусловлено и исторически. Так, на формирование человеческого капитала населения в Российской Федерации существенное влияние оказали проблемы возникновения и становления рыночной экономики. Для переходной экономики России было характерно наложение друг на друга двух процессов: демонтаж старой административно-командной системы, с одной стороны, и формирование системы рыночных институтов и переход от индустриального к постиндустриальному обществу, а также глобализация экономики – с другой [1. С. 105]. Специфической особенностью развития России этого периода стал постепенный переход на рыночные основы воспроизводства человеческого капитала за счет перехода социальных институтов на иные (тоже рыночные) отношения. Происходило формирование рынков медицинских, образовательных, санаторно-оздоровительных и других услуг. Этот процесс сопровождался ростом зависимости уровня образования и состояния здоровья от материальной обеспеченности. Профессионально-квалификационная структура деформировалась и перестала соответствовать потребностям производства.

Качественное изменение роли человека в этот период обусловило возросший интерес экономистов к проблеме воспроизводства человеческого капитала. В настоящее время актуальна проблема улучшения качества человеческого капитала, что связано с необходимостью создания конкурентоспособной эффектив-

но функционирующей рыночной экономики. Рост требований к качеству человеческого капитала связан и с развитием и широким внедрением информационных технологий. Именно качественная составляющая этого вида капитала занимает лидирующее положение и становится важной на всех уровнях человеческого сообщества. Человеческий капитал превращается в фактор, определяющий успехи или неудачи в деятельности организаций, проявляя себя в качестве генератора научно-технической трансформации. Современный экономический рынок требует от человеческого капитала прироста новых знаний, умений и формирования профессиональных компетенций, их применения в производственной деятельности, развития креативных способностей работников [2. С. 70]. Обществу необходим не только знающий работник, но и профессионал, устойчивый к вызовам времени, умеющий работать в команде, успешно приспосабливающийся к экономическим, социальным, технологическим и организационным переменам.

Генезис научных идей и взглядов на человеческий капитал характеризуется разнообразием подходов. Единого определения понятия человеческого капитала не выработано до сих пор, равно как нет единства мнений по поводу его содержательного наполнения. На протяжении нескольких десятилетий ученые уделяли пристальное внимание роли человеческого капитала в обеспечении эффективного функционирования экономики. Исследования российских ученых С.А. Дятлова [3. С. 20], О.С. Кузьмина, С.Ю. Рощина [4. С. 3], Р.И. Капелюшниковой [5. С. 4] освещали вопросы функционирования и использования человеческого капитала. Анализ работ А.В. Корицкого [6. С. 54], И.В. Соболевой [7. С. 52] и других ученых по данной проблематике показывает, что сегодня существует проблема отсутствия единой, общепринятой классификации составляющих элементов человеческого капитала. Типологии, представленные в научных работах, зачастую достаточно трудно коррелируют между собой, в результате чего процесс исследования и анализа человеческого капитала значительно усложняется. Наиболее часто в него включают врожденные способности, здоровье, мотивы и интересы, творческий и культурный потенциал, накопленные и усовершенствованные зна-

ния и профессиональный опыт, которые необходимы для профессиональной деятельности, содействуют росту производительности и приносят доход организации [8. С. 34]. С этой точки зрения человеческий капитал рассматривается как запас знаний, умений, навыков и прочих качеств человека, которые могут быть продуктивно использованы для создания прибыли, составляющей доход как отдельных людей и организаций, так и общества в целом.

Разговор о человеческом капитале как статичной совокупности умений, навыков, мотиваций без постоянного динамического развития бесперспективен. Подвижность, изменчивость, динамика человеческого капитала подчеркиваются в его определении, поскольку оно включает в себя не только сформированный (раз и навсегда), но и постоянно развивающийся, пополняющийся в результате инвестиций запас здоровья, знаний, привычек, способностей, мотиваций. Совокупность перечисленных составляющих целенаправленно используется в той или иной сфере общественного производства, оказывает содействие росту продуктивности работы и благодаря этому влияет на рост доходов (зарботков) его владельца.

Качество человеческого капитала зависит от успешного взаимодействия социальных институтов. В частности, важным институтом, определяющим качество будущего человеческого капитала индивида, выступает **семья**.

Социологические науки признают уникальность семьи как системы передачи социальной информации, которой свойственны максимальная заинтересованность, полнота и высокая скорость освоения ребенком социальных норм. Здесь огромное значение имеет репродуктивный (родительский) труд. Существующие сегодня механизмы стимулирования процессов, протекающих в репродуктивной сфере, ограничены в силу того, что направлены на поощрение единственно количественного результата родительского труда – числа детей в семье, следовательно, такая цель, как получение высокоценного человеческого капитала, не преследуется [8. С. 10].

Отметим, что в связи с развитием информационного общества родители должны тратить больше времени, сил и средств на обеспечение роста качества интеллектуальной и физической подготовки подрастающего поколения, так как общественная потребность задает соответствующий стандарт содержания, воспитания, обучения детей, которого родителям приходится достигать.

Большая роль в формировании человеческого капитала традиционно отводится сфере **культуры**. Культура – это совокупность материальных и духовных ценностей, способов их создания, умение использовать их для прогресса человечества, передавать от поколения к поколению. Исключительная роль культуры в жизни человека и общества раскрывается во множестве функций, без которых невозможно само существование человека и общества. Главной из них является функция социализации, или формирования и воспитания человека, т.е. создание условий для формирования духовно-нравственных ценностей человека [9. С. 10].

При переходе к экономике знаний роль культуры приобретает некоторую специфику, что обусловлено следующими обстоятельствами: инновационный тип

развития экономики требует повышения профессиональных требований к кадрам, включая уровень интеллектуального и культурного развития, возможного только в культурной среде, позволяющей осознать цели и нравственные ориентиры развития общества.

Важной составляющей человеческого капитала является капитал **здоровья**. Уровень здоровья во многом зависит от качества услуг здравоохранения, которые сопровождают человека с самого рождения до его пенсионного возраста. Физическая сила, выносливость, работоспособность, иммунитет к болезням, увеличение периода активной трудовой деятельности необходимы каждому человеку в любой сфере профессиональной деятельности.

Здоровье населения – это комплексный социально-гигиенический и экономический показатель, который интегрирует биологические, демографические и социальные процессы, свойственные человеческому обществу, отражает уровень его экономического и культурного развития, состояние медицинской помощи, находясь в то же время под воздействием традиций, исторических, этнографических и природно-климатических условий общества. Можно сказать, что это интегральный показатель качества жизни в объективных ее проявлениях. Ответственность за формирование капитала здоровья несет не только сам человек, но и общество. Капитал здоровья является важным показателем, по которому можно судить о благосостоянии нации, эффективности ее экономики, достижениях в области науки и техники.

Главное значение в накоплении человеческого капитала имеет такой компонент, как **образование**. Качество образования становится наиболее принципиальным фактором, определяющим эффективность работника, уровень оплаты труда, т.е. качество его человеческого капитала. Результаты многих эмпирических исследований свидетельствуют о том, что образование является важной предпосылкой социальной активности. Система образования – это важнейший институт социализации молодого поколения, рост уровня образования влияет на степень вовлеченности граждан в политические процессы [10. С. 54]. Более того, поведение индивида зависит не только от уровня собственного образования, но и от уровня образования окружающих его людей, который влияет на принятие решения об участии в общественной и политической жизни.

Наиболее заметное ускорение влияния человека на общественно-экономическое развитие стало происходить благодаря повышению роли образовательной компоненты. Руководство страны заявило о происходящей в стране «образовательной революции», задача которой – кардинально изменить сам облик российского населения и российской экономики. «Среди наших граждан в возрасте 25–35 лет высшее образование имеют 57% – такой уровень, кроме России, отмечен всего в трех странах мира: в Японии, Южной Корее и Канаде. Взрывной рост образовательных потребностей продолжается: в следующем поколении (15–25 лет) в пору говорить о всеобщем высшем образовании – его получают или стремятся получить более 80% юношей и девушек», – отметил В.В. Путин [11].

В современных социально-экономических условиях значительно изменился принцип оценки «профпригодности» специалиста. Если раньше он оценивался по степени

квалификации, включающей в себя почти исключительно технологические знания и умения в рамках данной специальности, то теперь речь идет о компетенции как способности и умении решать все возникающие в процессе производства задачи, а не только сугубо технологические. Проблема управления качеством отечественного образования в России остается одной из ведущих для теоретиков и практиков системы образования различных уровней. В настоящее время высшее образование переходит к целеполаганию, задающемуся на языке компетенций. Формирование компетенций студента становится одной из основных задач любого вуза.

Компетентность специалиста – это проявленные им на практике стремление и готовность реализовывать свой потенциал для успешной продуктивной деятельности в профессиональной и социальной сфере при осознании социальной значимости и личной ответственности за результаты этой деятельности, что обеспечивается новой образовательной парадигмой высшей школы [12. С. 6].

Таким образом, интегративный социально-экономический подход к идентификации человеческого капитала позволяет определить его как *капитал особого рода, воплощаемый в личности своего носителя, являющийся совокупностью здоровья, знаний, умений, навыков и прочих качеств человека, который развивает свои профессиональные компетенции за счет непрерывного образования на протяжении всей жизни.*

Человек, будучи существом социальным, формирует свои производительные способности на основе прошлого опыта старших поколений и при непосредственном воздействии других людей. Поэтому человеческий капитал, с одной стороны, представляет собой результат взаимодействия людей, с другой – индивидуально-общественную ценность, выступая структурообразующим элементом новой экономики. Социально-экономический подход предполагает исследование взаимосвязи сфер формирования человеческого капитала и выделение особенностей их взаимного влияния (таблица).

Взаимное влияние социальных институтов на формирование человеческого капитала

Формирование Влияние	Семья	Образование	Здравоохранение	Культура	Профессиональная деятельность
Семья	–	Влияние уровня образования родителей; значение репродуктивного труда; выделение семейных инвестиций	Влияние наследственности; влияние семейных инвестиций	Формирование ценностных и нравственных ориентиров; значение репродуктивного труда	Влияние на принятие решения по выбору профессии; морально-психологическая обстановка как фактор развития мотивации профессионального саморазвития и карьерного роста
Образование	Определение выбора модели семьи; создание здоровой психологической атмосферы	–	Формирование более грамотного отношения к своему здоровью; предпочтение здорового образа жизни	Влияние на нравственно-культурный уровень	Влияние на профессиональное развитие; стимулирование инициативы и креативного отношения к работе
Здравоохранение	Создание положительной эмоциональной обстановки	Влияние на выбор профессионального образования (учет медицинских ограничений при выборе профессии)	–	Корреляция с возможностями для познания мира	Влияние состояния здоровья на профессиональное совершенствование и карьерный рост
Культура	Укрепление семьи через влияние культурного уровня на становление и укрепление семейных отношений; передача общественно значимых эталонов детям	Обеспечение соотношения культурного уровня с повышением образования	Влияние изменения уровня культуры на образ жизни и здоровье	–	Усиление связи нравственной позиции с вектором профессионального роста
Профессиональная деятельность	Влияние уровня профессионализма на благосостояние семьи	Профессиональное саморазвитие обуславливает воплощение концепции LL (Lifelong leaning)	Забота о соответствии на профессиональную пригодность; влияние профессионального развития на осознанный выбор здорового образа жизни	Влияние на формирование социально-адаптивных навыков	–

Качественное изменение роли человека в современном обществе обусловило возросший интерес экономистов к проблемам человека в сфере труда. Это проявляется не только в развитии теории человеческого капитала, но и в исследовании социальных институтов, интеллектуального капитала и корпоративной культуры. Все это неизбежно приведет к развитию экономиче-

ских теорий, исследующих человека. При этом очевидно, что процессы формирования человеческого капитала в современных условиях не должны происходить стихийно, ими необходимо управлять. Эффективным государственным инструментом такого управления может выступать совокупность взаимодействий социальных институтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Штразбург С.В. Институциональная среда формирования человеческого капитала // Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2009. Т. 12, № 2. С. 105–107.
2. Дорожкин Е.М., Щербина Е.Ю. Тенденции развития профессионального образования в условиях социально-экономических преобразований. // Образование и наука. 2013. № 6. С. 64–73.
3. Дятлов С.А. Основы теории человеческого капитала. СПб. : Изд-во СПбУЭФ, 1994. 142 с.
4. Кузьмич О.С., Рошин С.Ю. Влияние здоровья на заработную плату и занятость: эмпирические оценки отдачи от здоровья : препринт WP15/2007/02. М. : ГУВШЭ, 2007. 60 с.
5. Капелюшников Р.И. Сколько стоит человеческий капитал России? : препринт WP3/2012/06 / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012. 76 с.
6. Корицкий А.В. Человеческий капитал как фактор экономического роста регионов России / науч. ред. Т.В. Григорова ; Сибирский университет потребительской кооперации. Новосибирск, 2010. 368 с.
7. Соболева И.В. Парадоксы измерения человеческого капитала // Вопросы экономики. 2009. № 9. С. 51–70.
8. Багирова А.П., Шубат О.М., Пиеничникова М.М. Управленческие подходы к стимулированию родительского труда в малых городах Российской Федерации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 19 (160). С. 9–16.
9. Молчан Э.М., Камыш А.Н. Роль культуры в формировании духовно-нравственных ценностей человека // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». 2011. № 29. С. 9–14.
10. Маляян Ф.Н. Роль социального капитала в процессе формирования и реализации человеческого капитала // Вестник Томского государственного университета // Экономика. 2012. № 1. С. 51–62.
11. Путин В.В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить. URL: <http://www.izvestia.ru/news/511884>
12. Багирова А.П., Щербина Е.Ю. Влияние новой образовательной парадигмы на будущий человеческий капитал российского населения // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 32. С. 2–6.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 2 февраля 2014 г.

INTERACTION OF SOCIAL INSTITUTIONS IN THE PROCESS OF HUMAN CAPITAL FORMATION

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 184–188 DOI: 10.17223/15617793/381/31

Dorozhkin Evgeniy M., Shcherbina Elena Yu. Russian State Vocational Pedagogical University (Yekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: evgeniy.dorozhkin@rsvpu.ru

Keywords: human capital; human capital formation; social institution; family; health; culture; education.

Modern economic development supposes refocusing from stocking material resources to forming and developing human capital. Taking into the consideration the importance of qualified human resources for economic development, a socio-economic approach has to be the tool to study human capital formation. Now there is a vital problem of how to improve the quality of human capital. The qualitative change of the human role in the postindustrial society makes economists interested in human capital reproduction. Genesis of scientific ideas and views is characterized with the variety of approaches. There is still no definition of this notion. It is useless to talk about human capital as a combination of skills, abilities, motivations without dynamic development. This dynamics and change of human capital is emphasized in its definition, because it includes not only formed but also constantly developing store of health, knowledge, habits and skills as a result of investments. The socio-economic approach supposes studying the interaction of human capital formation areas and finding features of their inter-influence. The quality of human capital depends on a successful interaction of social institutions. In particular, important institutions responsible for the quality of human capital are family, culture, health and education. A special importance in storing human capital belongs to education. The quality of education is becoming a principal factor defining the effectiveness of a worker, payment level, i.e. the quality of his/her human capital. In modern times there has been a change in the quality evaluation of a specialist. In past they were evaluated according to their qualification including technological knowledge and skills within their profession, now it is about their competence and ability to solve all the issues while at work. The interrogational socio-economic approach to identification of human capital allows us to define it as the capital of a special kind embodied into the personality of its carrier and being a combination of health, skills, abilities and other qualities of a person who develops his/her professional competences due to constant lifelong education. In modern times human capital formation processes are supposed to be manageable. An effective state tool of this kind can be a combinational interaction of social institutions.

REFERENCES

1. Shtrazburg S.V. Institutsional'naya sreda formirovaniya chelovecheskogo kapitala [Institutional environment of human capital formation]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta – Vestnik of Kazan State Agrarian University*, 2009, vol. 12, no. 2, pp. 105–107.
2. Dorozhkin Ye.M., Shcherbina Y.Y. Tendentsii razvitiya professional'nogo obrazovaniya v usloviyakh sotsial'no-ekonomicheskikh preobrazovaniy [Development trends in vocational education in the context of socio-economic changes]. *Obrazovanie i nauka – The Education and Science Journal*, 2013, no. 6, pp. 64–73.
3. Dyatlov S.A. *Osnovy teorii chelovecheskogo kapitala* [Fundamentals of the human capital theory]. Saint-Petersburg, FINEC Publ., 1994. 142 p.
4. Kuzmich O.S., Roshchin S.Yu. *Vliyanie zdorov'ya na zarabotnuyu platu i zanyatost': empiricheskie otsenki otdachi ot zdorov'ya* [Impact of health on wages and employment. An empirical evaluation of the impact of health]. Moscow, State University-Higher School of Economics Publ., 2007. 60 p.
5. Kapelyushnikov R.I. *Skol'ko stoit chelovecheskiy kapital Rossii?* [How much does Russian human capital cost?]. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 2012. 76 p.
6. Koritsky A.V. *Chelovecheskiy kapital kak faktor ekonomicheskogo rosta regionov Rossii* [Human capital as a factor of economic growth in Russian regions]. Novosibirsk, Siberian University of Consumer Cooperative Publ., 2010. 368 p.

7. Soboleva I.V. Paradoksy izmereniya chelovecheskogo kapitala [Paradoxes of human capital measuring]. *Voprosy Ekonomiki*, 2009, no. 9, pp. 51-70.
8. Koritsky A.V. *Chelovecheskiy kapital kak faktor ekonomicheskogo rosta regionov Rossii* [Human capital as a factor of economic growth in Russian regions]. Novosibirsk, Siberian University of Consumer Cooperative Publ., 2010. 368 p.
9. Bagirov A.P., Shubat O.M., Pshenichnikova M.M. Upravlencheskie podhody k stimulirovaniyu roditel'skogo truda v mal'nykh gorodakh Rossijskoj federacii [Administrative approaches to stimulation of parental work in small cities of the Russian Federation]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' - National interests: priorities and security*, 2012, no. 19 (160), pp. 9-16.
10. Molchan E.M., Kamysh A.N. [The role of culture in shaping the human's spiritual and moral values]. *Traditsionnaya i sovremennaya kul'tura: istoriya, aktual'noe polozhenie, perspektivy. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Proc. of the international scientific-practical conference "Traditional and modern culture: history, current situation and prospects"]. Penza, Moscow, Minsk, NOTS Sotsiosfera Publ., 2011, no. 29, pp. 9-14.
11. Mailyan F.N. Rol' sotsial'nogo kapitala v protsesse formirovaniya i realizatsii chelovecheskogo kapitala [The role of social capital in the process of formation and realization of human capital]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*, 2012, no. 1, pp. 51-62.
12. Putin V.V. *Rossiya sosredotachivaetsya - vyzovy, na kotorye my dolzhny otvetit'* [Russia in focus – the challenges we must face]. Available at: <http://www.izvestia.ru/news/511884>.
13. Bagirova A.P., Shcherbina E.Y. Vliyaniye novoy obrazovatel'noy paradigmy na budushchiy chelovecheskiy kapital rossiyskogo naseleniya [Impact of a new educational paradigm in the future human capital of the Russian population]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' - National interests: priorities and security*, 2012, no. 32 (173), pp. 2-6.

КЛАСТЕРИЗАЦИЯ НА ФИНАНСОВЫХ РЫНКАХ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ

Рассматриваются вопросы создания новых интеграционных объединений финансово-кредитных учреждений. Обозначены особенности, специфические черты и принципы финансового кластера. Приведены теоретические, методологические и организационные основы формирования кластеров на финансовых рынках, а также способы объединения участников рынка финансовых услуг и преимущества от такого сотрудничества для каждого финансового учреждения. Предложена организационная модель финансового кластера.

Ключевые слова: финансовый кластер; мегакластер; банк; кластерный капитал; конкурентоспособность; финансовые учреждения.

Цель статьи – определение нового для нашей экономики понятия финансового кластера, а также выделение теоретических, методологических и организационных основ его формирования. В статье рассмотрены особенности организации финансовых кластеров.

Актуальность создания кластеров на финансовом рынке, обусловленная общими закономерностями развития экономики на современном этапе, заключается в развитии партнерства между самими финансовыми учреждениями, между государством и финансовыми учреждениями, между финансовыми учреждениями и субъектами бизнеса. На сегодняшний день поиск путей увеличения конкурентоспособности финансовых учреждений становится более актуальным. В условиях увеличения уровня концентрации капитала, требований к достаточности капитала, ликвидности и платежеспособности становится очевидным, что проблема развития рынка финансовых услуг не может быть решена путем ведения отдельными финансовыми учреждениями самостоятельной политики в данном направлении. Поэтому для получения ощутимого эффекта необходимым становится объединение участников рынка в финансовый кластер.

Прежде чем перейти к кластеризации на финансовых рынках, дадим общее определение понятию «кластер», раскроем его особенности и основные характеристики.

В процессе эволюции происходят постепенное развитие и совершенствование организационно-производственных структур, переход от простых формирований к более сложным. В последнее время в России осознается значимость кластерного подхода в решении задач развития экономики и в практическом внедрении институциональных структур, сетевых и кластерных образований. Данный интерес объясняется широкомасштабным положительным опытом кластеризации экономик многих развитых стран мира [1. С. 83].

Кластеризация позволяет повышать конкурентоспособность экономики, стимулируя рост за счет новых инвестиций, обновлений, инноваций и технологического прогресса. Формирование и развитие кластеров являются эффективным механизмом привлечения прямых иностранных инвестиций и активизации внешнеэкономической интеграции. Этому способствует необходимая концентрация капитала, кадров, соответствующих условий инфраструктуры и др. [2. С. 50].

Понятие «кластер» вошло в российскую экономику сравнительно недавно – 7–8 лет назад. Исследование

современных взглядов на кластеры как способы повышения конкурентоспособности экономики позволяет сделать вывод, что основоположником собственно кластерной теории в ее нынешнем понимании стал американский экономист Майкл Портер. Он первым наиболее законченно концептуализировал феномен кластера и определил его как «сконцентрированную по географическому признаку группу взаимосвязанных компаний, специализированных поставщиков, поставщиков услуг, фирм в соответствующих отраслях, а также связанных с их деятельностью организаций (например, университетов, агентств по стандартизации, а также торговых объединений) в определенных областях, конкурирующих, но вместе с тем ведущих совместную работу» [3. С. 140].

Природу кластера может раскрыть обращение к этимологии слова. Английское слово *cluster* – кисть, пучок, гроздь, куст – используется для обозначения какой-либо конфигурации (формы) элементов, связанных или расположенных близко вместе [1. С. 83].

Таким образом, для того чтобы быть кластером, группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций должна действовать в определенной сфере, характеризоваться общностью деятельности и взаимодополнять друг друга. В настоящее время применение кластерного подхода рассматривается в качестве одного из наиболее эффективных путей развития территорий.

Конкурентное пространство кластера декомпозируется на внутреннее и внешнее. Внутренняя конкуренция имеет место в пределах самого кластера между его участниками, выполняющими один вид деятельности, за потребителя. Конкуренция внутри кластера превращается в механизм активного распространения конкурентных преимуществ [4. С. 91]. Внешняя конкуренция представляет кластер в качестве единого образования с особой идентичностью, который вступает в соперничество с иными кластерами и крупными корпорациями на глобальном рынке. В данном контексте целостность кластера в мировом масштабе, в глобальной конкуренции за потребителя и ресурсы, создает основания для развития тесной кооперации внутри кластера и увеличения производительности всех его участников с целью повышения конкурентоспособности конечного продукта кластера на мировом рынке. В рамках кластера фирмы-участники могут оптимизировать свою деятельность и усиливать рыночные позиции как за счет конкуренции

(например, захват доли рынка конкурентов), так и посредством кооперации (достижение экономии на общих для всех игроков отрасли издержках) [5].

Особенность кластера состоит в том, что он открывает возможности для решения проблем местного значения, для реализации различных региональных проектов: диверсификации структуры экономики, увеличения занятости, роста уровня жизни населения и т.д. за счет возможности использовать продукт одной отрасли для нужд других, возникновения устойчивых связей между несколькими отраслями в одном регионе.

Основными характеристиками кластеров являются:

1) географическая концентрация (близко расположенные фирмы привлекает возможность экономить на быстром производственном взаимодействии, обмене социальным капиталом и процессах обучения);

2) специализация (кластеры концентрируются вокруг определенной сферы деятельности, к которой все участники или авторы имеют отношение);

3) множественность экономических агентов (деятельность кластеров охватывает не только фирмы, входящие в них, но и общественные организации, академии, финансовых посредников, институты, способствующие кооперации и т.д.);

4) конкуренция и сотрудничество (как основные виды взаимодействия между фирмами – членами кластера);

5) жизнеспособность кластеров (рассчитаны на долгосрочную перспективу);

6) вовлеченность в инновационный процесс (фирмы и предприятия, входящие в состав кластера, обычно включены в процессы технологических продуктовых, рыночных или организационных инноваций) [3. С. 141].

Также существует такое понятие, как «кластерный капитал». Он представляет собой объединенные экономические отношения хозяйствующих субъектов по поводу получения добавленной стоимости, взаимодействие которых обусловлено долговременным соединением промышленного, финансово-кредитного, человеческого, коммуникативного капиталов. Можно выделить 4 формы кластерного капитала:

1) структурный – это нефинансовые активы участников, сети;

2) когнитивный – общие ценности, коды, язык, взаимодействие;

3) взаимосвязывающий – финансовые активы, доверие, нормы, обязательства, идентификация и контроль;

4) инновационный – генерация результатов инновационного взаимодействия и развитие валового регионального продукта территории, где он создан [6. С. 27].

В кластере выделяют 4 группы участников: «ядро» кластера, дополняющие, обслуживающие и вспомогательные участники.

«Ядро» кластера составляют компании – производители основной продукции, вокруг которых центрируются остальные участники.

Дополняющие виды деятельности осуществляют компании, функционирование которых направлено на обеспечение деятельности основных производителей.

«Обслуживающие» компании предоставляют сервисное обслуживание основных фирм – производителей кластера: финансовые, маркетинговые, консультационные, ремонтные и прочие услуги.

Вспомогательные участники – компании, наличие которых желательно для обеспечения экономического успеха кластера, но не является обязательным. К данной группе могут быть отнесены организации по сотрудничеству, в некоторых случаях таковыми могут являться НИИ и образовательные учреждения.

Особую роль в кластере играет государство, представленное федеральными и региональными органами власти, которые формируют институционально-правовые условия для реализации кластерных инициатив, организуют площадку для диалога и согласования интересов участников, предоставляют финансовую поддержку отдельным кластерным инициативам [5].

Мировая практика свидетельствует, что в последние два десятилетия процесс формирования кластеров происходил довольно активно. Если в прошлом десятилетии большинство кластеров специализировалось на производстве потребительских товаров и создавалось с целью повышения конкурентоспособности отдельных регионов и территорий, то на рубеже XXI в. стали появляться промышленные кластеры нового поколения, занимающиеся информатикой, дизайном, экологией, логистикой и т.п. В целом, по оценке экспертов, к настоящему времени кластеризацией охвачено около 50% экономик ведущих стран мира. В США в рамках кластеров работает более половины предприятий. В ЕС насчитывается свыше 2 тыс. кластеров, в которых занято 38% его рабочей силы. Полностью охвачены кластеризацией датская, финская, норвежская и шведская промышленность. На промышленные кластеры Италии приходится 43% численности занятых в отрасли и более 30% объема национального экспорта [3. С. 141].

Примером сильных международных кластеров являются сети Лондона. Перечень их видов деятельности включает предоставление финансовых и деловых услуг, туризм, рекламу, фармацевтику, изготовление одежды и т.п. Наиболее мощный в Великобритании кластер построен на предоставлении финансовых услуг. Основой Лондонского финансового кластера являются фондовые биржи и внебиржевая торговля (ВТБ), развивается электронная торговля. Кластер включает все виды финансовой деятельности (посредничество, консалтинг, менеджмент и пр.). Кластер является одним из ведущих мировых страховых рынков, получая почти 10% премий общемирового уровня, также он имеет третий наибольший фондовый рынок [7. С. 102].

Таким образом, из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что в условиях глобализации мировой экономики и развития рынка финансовых услуг актуальность приобретает формирование качественно новых интеграционных объединений финансово-кредитных учреждений, осуществляемое на основе кластерного подхода.

Под финансовым кластером понимают объединение банковских и небанковских финансовых учреждений, которые составляют его основу и инфраструктуру, чья деятельность направлена на достижение положительного эффекта.

Так как создание и функционирование кластера предусматривает отношения сотрудничества и партнерства, для определения основных мотивов и особенностей формирования финансового кластера целесооб-

разно проанализировать преимущества от такого сотрудничества для каждого финансового учреждения.

Объединение банка со страховой компанией приводит к получению следующих преимуществ: увеличению каналов сбыта, расширению клиентурной базы, разработке и внедрению новых совместных финансовых продуктов.

Объединение банка с банком способствует: увеличению капитала, расширению клиентурной базы и территориальной деятельности. Итог совместной деятельности банка и факторинговой компании приведет к увеличению кредитного портфеля и клиентурной базы, расширению перечня услуг и увеличению их качества.

При объединении банка и лизинговой компании в финансовый кластер возможны такие преимущества: увеличение кредитного портфеля, расширение клиентурной базы, перечня и качества услуг [8].

Теоретическими основами формирования финансовых кластеров является сущность, виды и их роль на финансовых рынках.

На финансовых рынках банковские кластеры исполняют особую роль, а именно роль драйверов роста. Внутренняя конкурентоспособность кредитной организации в целом увеличивается, что обеспечивается сильными позициями отдельных кластеров.

Кластеры варьируются по своим размерам, широте охвата и уровню развития. Модель кластеризации позволяет изменять их границы с развитием и изменением условий осуществления банковского бизнеса. В состав кластера может входить от одного до нескольких десятков сервисных подразделений банков. Так, в банковской группе «Лайф» сформировано 7 кластеров, в которые входят от 10 до 50 подразделений. Кластеры обслуживают все 7 банков группы.

Кластеры имеют повышенный экономический и инновационный потенциал. Это, например, активное участие в проектах, направленных на создание единых процессов в банке. Благодаря кластеризации оптимизируются процессы обслуживания клиентов, вследствие чего операционные расходы на сопровождение процессов снижаются, а операционные доходы растут [9. С. 59].

В Нью-Йорке существует свой финансовый кластер – Уолл-стрит. Один из центральных районов города стал местом торговли ценными бумагами еще в конце XVIII в. В конце XIX – начале XX в., когда в нем началось активное строительство небоскребов, здесь обосновались многие крупные финансовые институты. Главной достопримечательностью Уолл-стрит является здание Нью-Йоркской фондовой биржи, а сама улица благодаря этому давно уже стала символом финансового могущества и огромных денег.

В современной России до сих пор не существовало примера банковского кластера. Годы советской власти не способствовали развитию этого бизнеса. Не сформировался пул банкиров по территориальному принципу и в последующие годы. Банки размещались довольно разрозненно, поскольку проекты качественных офисов были достаточно широко «разбросаны» по городу. Попыткой создать финансовый кластер можно назвать строительство московского делового центра «Москва-Сити». Но сегодня представители банковской отрасли все чаще концентрируются на площадках

крупных бизнес-центров. К примеру, на территории бизнес-парка Nagatino i-Land находятся офисы пяти кредитных организаций: Ландесбанка Баден-Вюртемберг (LBBW), Инвестторгбанка, ЮниКредит Банка, Райффайзенбанка и Альфа-Банка [10].

При определении методологических основ целесообразно выделить следующие принципы, присущие финансовому кластеру:

1. Отсутствие товарно-материальных потоков внутри кластера.

2. Основу и инфраструктуру финансового кластера составляют финансовые учреждения, входящие в его состав.

3. Наличие банка как обязательного члена финансового кластера и основы его ядра.

4. Наличие конкуренции внутри кластера при взаимодействии в его составе финансовых учреждений одного вида.

5. Основными мотивами объединения финансовых учреждений являются увеличение капитала, расширение клиентурной базы и направлений деятельности [11].

Также можно выделить два основных способа формирования объединений участников рынка финансовых услуг:

1) объединение исключительно финансовых учреждений;

2) объединение финансовых учреждений и субъектов хозяйствования различных отраслей экономики.

Второе направление объединения предусматривает образование производственных кластеров с участием финансовых учреждений. Банк в сотрудничестве с предпринимательским кластером находит постоянных клиентов и получает надежного партнера с большим финансовыми потоками. При осуществлении кредитования субъектов бизнеса, которые входят в предпринимательский кластер, банку легче оценивать деятельность этих заемщиков.

Относительно первого направления одними из основных участников стратегических альянсов в мире являются страховые компании, негосударственные пенсионные фонды и банки.

При формировании финансового кластера банкам и другим финансовым учреждениям выгодно сотрудничать с компаниями по управлению активами, что является важным условием успешной реализации кластерной модели.

На рис. 1 представлена организационная модель финансового кластера, отображающая движение финансовых потоков между субъектами кластера, чьи информационные потоки расширяются во всех направлениях. Определенные взаимоотношения формируются не только с ядром кластера, но и между отдельными его субъектами. В состав финансового кластера может входить как одно финансовое учреждение, так и несколько однотипных, что в полной мере отвечает сущности кластера. Ядром кластера могут выступать банк, объединение банка и страховой компании или же структуры, которая состоит из банка, страховой компании и компании по управлению активами [8].

Мегакластер – это совокупность кластеров (базовых и инфраструктурных), которые относятся к разным секторам экономики и используют общую инфраструктуру.

туру, научно-исследовательскую базу, систему взаимодействия с финансовыми институтами, согласованную и взаимовыгодную стратегию развития. Современные мегакластеры, в состав которых входят и финансовые,

постепенно превращаются в мощные информационно-аналитические и организационно-управленческие комплексы со значительным кредитным потенциалом [7. С. 107].

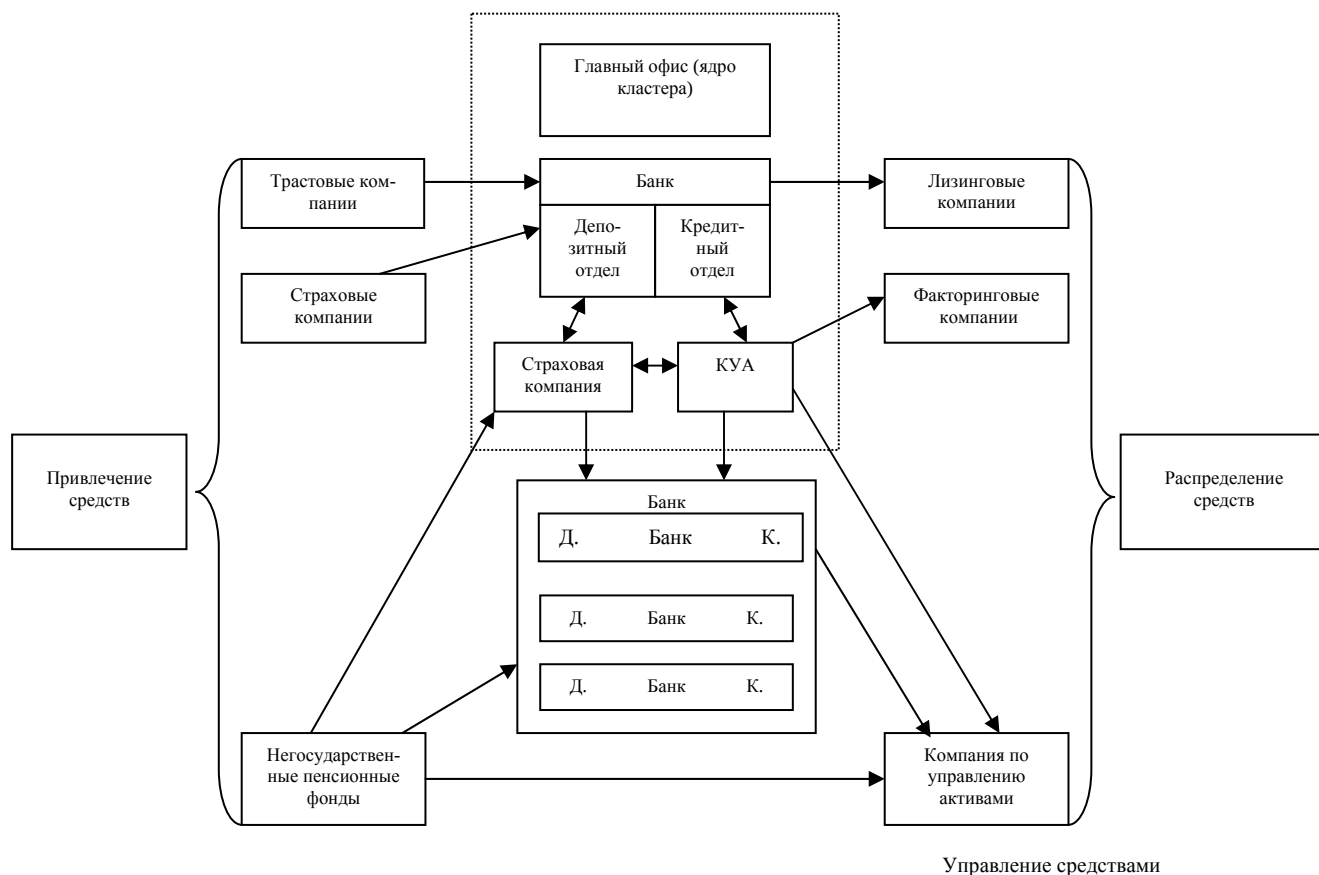


Рис. 1. Модель финансового кластера

Создание финансового мегакластера будет содействовать развитию отдельной территории и экономики государства. Однако процесс его формирования во многом зависит от экономического климата и государственной региональной политики.

Формирование современной финансовой системы, отвечающей международным стандартам и положительно влияющей на все сектора экономики, увеличит поступления в бюджет, улучшит бизнес-инфраструктуру, благополучие и условия проживания населения.

Изменчивость характера услуг и увеличение конкуренции на финансовых рынках способствуют постоянной работе над диверсификацией источников своих доходов, разработке новых, нетрадиционных систем обслуживания.

Поэтому, на наш взгляд, для достижения положительного эффекта целесообразным становится объединение участников рынка в финансовый кластер. Выгоды, присущи такому сотрудничеству, могут быть следующими:

- 1) создание совместного продукта с учетом всех потребностей клиента;
- 2) возможность позиционировать себя как универсального поставщика финансовых услуг;

3) получение синергетического эффекта от объединения, разработка эффективного комплекса маркетинга, рассчитанного на новый клиентурный сегмент.

Таким образом, исходя из того что финансовый кластер является объединением банковских и небанковских финансовых учреждений, деятельность которых направлена на достижение положительного эффекта, можно сделать вывод, что применение кластерного подхода на финансовых рынках является залогом развития высокоразвитой системы хозяйствования, а также закономерным этапом в развитии современной экономики. Создание кластеров может стать для банков одним из надежных средств сохранения собственных конкурентных преимуществ на рынке. Однако, как показывает действительность, существует ряд проблем, препятствующих созданию и развитию финансовой кластеризации, к числу которых можно отнести недоверие между потенциальными участниками кластера, недостаточную базу финансирования, отсутствие культуры информационной открытости и т.п. [12. С. 167]. Поэтому мы считаем, что государство должно активно способствовать развитию подобных объединений, так как решение этих проблем может вывести национальную экономику на новый уровень развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова Е.И. О сущности и видах кластеров в экономике // Организатор производства. 2012. № 3. С. 83–88.
2. Шубина Т.И. Кластеризация как форма привлечения инвестиций в региональную экономику // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 30. С. 48–52.
3. Кушбоков А.А. Кластерный подход к управлению экономикой // Проблемы современной науки. 2012. № 4. С. 140–145.
4. Царков А.Н., Умников В.Н., Заводчикова М.Г. Современная кластеризация как комплементарно развивающийся управляемый системно инновационный социально-экономический процесс // Известия Института инженерной физики. 2013. № 1 (27). С. 89–94. Доступ из науч. электрон. б-ки «eLIBRARY.RU».
5. Кластерный подход – основа повышения конкурентоспособности региональной экономики // Стратегия и Управление. М., 2013. URL: <http://www.strategplann.ru/stati-po-ekonomike/klasternyj-podhod-osnova-povysheniya-konkurentosposobnosti-regionalnoj-ekonomiki.html> (дата обращения: 15.10.2013).
6. Захматов В.Ю. Кластеризация как инновационная форма развития хозяйственных систем и фактор повышения конкурентоспособности экономики // Казанский экономический вестник. 2012. № 1. С. 25–30.
7. Внукова Н.Н. Концептуальные основы формирования трансграничных финансовых кластеров // Экономическое возрождение России. 2010. № 1(23). С. 100–107.
8. Кластер: понятие, сущность, виды, условия возникновения и функционирования // Энциклопедия знаний. М., 2013. URL: <http://www.pandia.ru/text/77/149/4469.php> (дата обращения: 04.10.2013).
9. Коняев А.А. Кластеризация сервисных подразделений как фактор повышения эффективности // Банковское дело. 2011. № 11. С. 58–60.
10. Банковский кластер // Банки.ру. М., 2013. URL: http://www.banki.ru/wikibank/bankovskiy_klaster (дата обращения: 20.10.2013).
11. Кластер в экономике // Деньги. Кредит. Банки. М., 2013. URL: [http://aaa-konsalting.ru/klofoe-daigxeoveo-gor/Кластер_\(экономика\)](http://aaa-konsalting.ru/klofoe-daigxeoveo-gor/Кластер_(экономика)) (дата обращения: 20.10.2013).
12. Карпенко К.В. Роль кластерных структур в социально-экономическом развитии экономики мезоуровня // Экономика развития и региона. 2011. № 12. С. 161–169.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 18 декабря 2014 г.

CLUSTERING IN FINANCIAL MARKETS: THEORETICAL, METHODOLOGICAL AND ORGANIZATIONAL FRAMEWORK

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 189-194 DOI: 10.17223/15617793/381/32

Ilyina Tatiana G., Golubenko Anastasia P. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ilinatg@mail.ru

Keywords: financial cluster; mega-cluster; bank; capital of cluster; competitiveness; financial institutions.

The purpose of this article is to define the concept of a financial cluster new to our economy and to allocate the theoretical, methodological and organizational bases of its formation. In the article features of financial cluster organization are considered. The relevance of creation of clusters in the financial market caused by the general regularities of the development of economy at the present stage consists in partnership development between financial institutions, between the state and financial institutions, between financial institutions and subjects of business. Today the search of ways to increase the competitiveness of financial institutions becomes more topical. In the conditions of the increased level of concentration of the capital, requirements to its sufficiency, liquidity and solvency it become obvious that the problem of the financial service market development cannot be solved by separate financial institutions' independent policies in this direction. Therefore for receiving a notable effect, participants of the market must form a financial cluster. A financial cluster is an association of bank and non-bank financial institutions which make its basis and infrastructure, whose activity is directed on a positive effect. In the financial markets bank clusters play a special role, namely that of drivers of growth. Internal competitiveness of a credit organization increases on the whole, which is partly provided for by strong positions of separate clusters. Clusters have an increased economic and innovative potential. This, for example, is active participation in the projects directed on creation of uniform processes in bank. Clustering helps optimize customer service processes thus reducing the operating costs and increasing the operating income. When defining the methodological bases it is expedient to allocate the following principles inherent to a financial cluster: 1) lack of commodity and material flows in a cluster; 2) the basis and infrastructure of a financial cluster are made by the financial institutions entering it; 3) bank as an obligatory member of a financial cluster and basis of its kernel; 4) competition in a cluster when similar financial institutions interact in it; 5) the main motives of financial institutions association is the increase of the capital, expansion of the client base and activities. Variability of the nature of services and increase of competition in the financial markets promote permanent diversification of sources of income, development of new, non-conventional systems of service. Thus, provided that a financial cluster is an association of bank and non-bank financial institutions whose activity is directed on achievement of a positive effect it is possible to draw a conclusion that the cluster approach in the financial markets is a prerequisite of development of an advanced system of managing as well as a natural stage in the development of modern economy. Today creation of clusters can become one of the well-tried remedies for banks in preservation of their own competitive advantages in the market.

REFERENCES

1. Ivanova E.I. O sushchnosti i vidakh klasterov v ekonomike [About the nature and types of clusters in economics]. *Organizator proizvodstva*, 2012, no. 3, pp. 83-88.
2. Shubina T.I. Klasterizatsiya kak forma privlecheniya investitsiy v regional'nyuyu ekonomiku [Clusterization as form of attracting investment into regional economics]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika – Regional economics: theory and practice*, 2012, no. 30, pp. 48-52.
3. Kushbokov A.A. Klasternyy podkhod k upravleniyu ekonomikoy [Cluster approach to economy management]. *Problemy sovremennoy nauki*, 2012, no. 4, pp. 140-45.
4. Tsarkov A.N., Umnikov V.N., Zavodchikova M.G. Sovremennaya klasterizatsiya kak komplementno razvivayushchiysya upravlyayemyy sistemno innovatsionnyy sotsial'no-ekonomicheskyy protsess [Modern clusterization as the complement system-managed developing innovative socio-economic process]. *Izvestiya Instituta Inzhenernoy Fiziki*, 2013, no. 2(28), pp. 89-94.

5. *Klasternyy podkhod — osnova povysheniya konkurentosposobnosti regional'noy ekonomiki* [Cluster approach as the basis of improving the competitiveness of the regional economy]. Available at: <http://www.strategplann.ru/stati-po-ekonomike/klasternyj-podhod-osnova-povysheniya-konkurentosposobnosti-regionalnoj-ekonomiki.html>. (accessed 15.10.2013)
6. Zakhmatov V.Yu. Klasterizatsiya kak innovatsionnaya forma razvitiya khozyaystvennykh sistem i faktor povysheniya konkurentosposobnosti ekonomiki [Clustering as an innovative form of the development of the economic system and as a factor raising the competitiveness of the economy]. *Kazanskiy ekonomicheskij vestnik*, 2012, no. 1, pp. 25-30.
7. Vnukova N.N. Kontseptual'nye osnovy formirovaniya transgranichnykh finansovykh klasterov [The concept of formation of transboundary financial clusters]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*, 2010, no. 1(23), pp. 100-107.
8. *Klaster: ponyatie, sushchnost', vidy, usloviya vozniknoveniya i funktsionirovaniya* [Cluster: the concept, nature, types, trigger and operation]. Available at: <http://www.pandia.ru/text/77/149/4469.php>. (accessed 04.10.2013)
9. Konyaev A.A. Klasterizatsiya servisnykh podrazdeleniy kak faktor povysheniya effektivnosti [Service unit clustering as a factor of increasing efficiency]. *Bankovskoe delo*, 2011, no. 11, pp. 58-60.
10. *Bankovskiy klaster* [Banking cluster]. Available at: http://www.banki.ru/wikibank/bankovskiy_klaster (accessed 20.10.2013).
11. *Klaster v ekonomike* [Cluster in the economy]. Available at: [http://aaa-konsalting.ru/klofoe-daigxeoveo-gor/Кластер_\(экономика\)](http://aaa-konsalting.ru/klofoe-daigxeoveo-gor/Кластер_(экономика)). (accessed 20.10.2013)
12. Karpenko K.V. Rol' klasternykh struktur v sotsial'no-ekonomicheskom razvitii ekonomiki mezourovnya [The role of cluster structures in the socio-economic development of the mesolevel economy]. *Ekonomika razvitiya i regiona*, 2011, no. 12, pp. 161-169.

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ: СИСТЕМНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Терминологический аппарат любой науки является ее фундаментом, позволяющим системно раскрывать ее предмет, применять специальные методы и анализировать многочисленные объекты. Не является исключением и инновационная наука, понятийный арсенал которой сегодня, по нашему мнению, противоречив и неточен. Речь, в первую очередь, идет о сущности и соотношении ее ключевых понятий: новшество, инновация, инновационный процесс, инновационная деятельность. Это, в свою очередь, требует более точного определения понятия «инновационный процесс» как такового. В статье предпринята попытка рассмотреть инновационный процесс с позиций системно-синергетического подхода.

Ключевые слова: инновационный процесс; социально-экономическая система; системно-синергетический подход.

Системный подход – направление методологии научного познания и социальной практики, в основе которого лежит рассмотрение объектов как систем. Данный подход используется в качестве инструментария и ориентирует исследование на раскрытие целостности объекта, на выявление разнообразных связей в нем и сведение их в единый комплекс. Системный подход к изучению общественно-природных явлений был обоснован как методологическое направление в начале XX в. А.А. Богдановым в трудах, посвященных созданию всеобщей организационной науки тектологии (1916–1928 гг.) [1]. Возможность применения системного подхода была исследована в работах Э.А. Алаева, М.К. Бандмана, Н.Н. Баранского, Дж. ван Гига, Дж. Касти, Н.Н. Колосовского, Л.И. Мухиной, Б.Б. Родомана, В.Н. Садовского, Ю.Г. Саушкина, М.И. Сетрова, В.Б. Сочавы, А.И. Умова, Г.Г. Шалминой, Ю.А. Шрейдера и А.А. Шарова и т.д.

Простейшее определение системы – совокупность элементов, составляющих некое более или менее ограниченное целостное единство. При этом существует предположение, что связи взаимодействия между элементами внутри системы сильнее, чем с внешними по отношению к системе, т.е. у системы имеются границы – морфологические или функциональные, не обнаруживаемые с первого взгляда. Обобщающее определение динамических разновидностей понятия системы дано Н.Ф. Реймерсом: «...саморазвивающаяся и саморегулирующаяся, определенным образом упорядоченная материально-энергетическая и / или информационная совокупность, существующая и управляемая как относительно единое целое за счет взаимодействия, распределения и перераспределения имеющихся, поступающих извне и продуцируемых этой совокупностью веществ, энергии, информации и обеспечивающая преобладание внутренних связей (в том числе перемещений вещества, энергии и передачи информации) над внешними» [2. С. 44].

По своей сути системный подход – это конкретизация принципов диалектического материализма, в рамках которого инновационный процесс можно рассматривать как серию операций (видов деятельности), осуществляемых над исходным материалом (вход процесса), увеличивающих его ценность и приводящих к определенному результату (выходу процесса). Исследование инновационного процесса с позиций системного подхода возможно, поскольку инновационный

процесс – экономическая система с входом, определяемым как комплексное состояние этой системы (инновационный климат), и выходом, определяемым как изменение притока инноваций в экономическую систему. Полученный на выходе результат инновационного процесса определяет развитие экономической системы, в которой протекает процесс, и приводит к изменению темпов экономического роста в ней. Для рассматриваемой проблемы особо значимо положение теории систем, согласно которому целостность выступает фундаментальным основанием устойчивости систем (сохранения их синергетических свойств и потенциалов при изменении внешних условий), результатом связанности элементов и баланса стохастического и детерминированного поведения каждого из них [3].

Анализ инновационных процессов с позиций системно-синергетического подхода представляет собой способ выявления взаимосвязи и взаимодействия подсистем рассматриваемой социально-экономической системы как открытой, сложной, самоорганизующейся и саморазвивающейся, что позволяет выявить степень наличия инновационной составляющей.

Инновационный процесс реализуется посредством управления, которое определяется как стратегия, обеспечивающая достижение максимального эффекта, ориентирующая все виды деятельности на достижение максимального роста экономической системы, и состоит из следующего цикла действий:

1) анализ текущего состояния инновационного процесса, включающий: анализ инновационной привлекательности, инновационной активности; анализ удовлетворения потребности экономической системы в инновациях;

2) определение необходимого объема инноваций и показателя инновационной привлекательности, которому соответствует этот объем;

3) разработка, выбор и реализация мероприятий, позволяющих получить необходимое состояние инновационной привлекательности системы;

4) изменение притока инноваций в экономическую систему, обусловленное изменением инновационной привлекательности;

5) изменение параметров экономической системы за счет внедрения инноваций, заключающееся в изменении темпов экономического роста [4].

Постоянная реализация этого цикла обуславливает постоянное усовершенствование системы управления

инновационным процессом и повышение эффективности функционирования экономической системы.

Реализация системного подхода заключается не только в исследовании инновационного процесса в горизонтальном разрезе (субъект управления – инновационная привлекательность – инноватор – инновационная активность – инновация – субъект управления), но и в вертикальном разрезе – мировое сообщество – страна – регион – муниципальное образование – отрасль – предприятие. Такое рассмотрение сокращает число повторяющихся мероприятий по управлению инновационным процессом и дает комплексную теоретическую картину инновационного процесса [5].

Для подготовки и реализации действенной инновационной политики необходимы четкое и однозначное определение критериев оценки инновационной ситуации в стране, отраслях экономики, регионах и муниципальных образованиях, разработка методического аппарата, адекватного экономическим реалиям, и его последовательное применение. Такой инструментарий,

применительно к муниципальным образованиям, может быть разработан на основе двух популярных в настоящее время концепций – сбалансированной системы показателей и процессно-ориентированного подхода [6].

Инновационный процесс (т.е. процесс создания, распространения и использования инноваций) обладает всеми признаками системы: в нем всегда присутствует субъект (инноватор), объект (инновация); связь между ними (инвестирование в инновационный проект с целью получения инновационного дохода) и среда, в которой они существуют (инновационная среда). Он характеризуется определенной структурой и позволяет точно его идентифицировать среди других экономических процессов, проявляет свои свойства в результате взаимодействия с иными системами, следует определенной концепции и отражает взгляды, цели и ценности субъектов инновационного процесса. Связь выступает системообразующим фактором, поскольку объединяет все остальные элементы в одно целое (рис. 1).

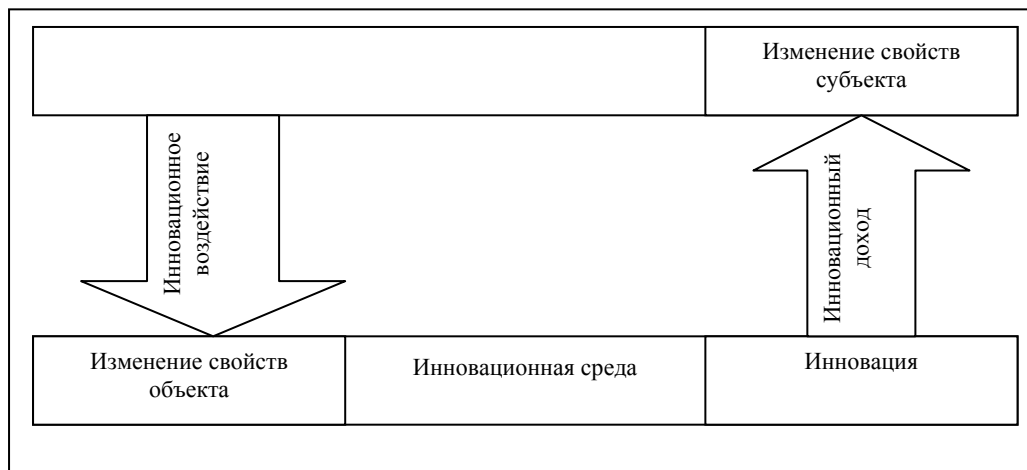


Рис. 1. Системный подход к инновационному процессу

Инновационный процесс определяется взаимосвязями между объектом инновационной деятельности, субъектом инновационной деятельности по поводу разработки и внедрения инноваций с целью получения дохода, инновационным воздействием на объект со стороны субъекта и органов управления, а также изменениями условий инновационной среды.

Рассматривая сущность категории «инновационный процесс» с точки зрения системы, обладающей внутренней структурой и находящейся в рыночной среде, некоторые авторы дают следующее определение: «Инновационный процесс – процесс изменений элементов системы, т.е. теми элементами и взаимосвязями между ними, которые способны адекватно реагировать на изменение внешних условий, в первую очередь, на изменение требований рынка» [7. С. 31].

Соглашаясь с этим определением, все же считаем, что инновационный процесс не существует сам по себе, а всегда включен в какое-то пространство следующего уровня, т.е. он должен быть рассмотрен в рамках целостного подхода – пространственного рассмотрения системы во взаимосвязи с другими системами. Это позволяет исчерпывающе описать место и роль инно-

вационного процесса как в отдельно взятой сфере деятельности, так и в системе общественных отношений. Любой субъект ориентирован на развитие, всегда требует восполнения каких-либо ресурсов и изменения определенных свойств. Ориентация на устранение этого дефицита собственными силами резко замедляет рост, поскольку требует от субъекта заниматься не свойственной ему деятельностью, отвлекая на это его основные ресурсы. В условиях специализации ограниченность собственных инноваций заставляет субъекта искать объект, свойства которого позволяют восполнить существующий дефицит при минимальных затратах. Необходимость в инвестициях в инновации возникает, когда потенциал найденного объекта не удовлетворяет нужным критериям и требует определенного внешнего участия для его развития. Возможность осуществления инвестиций в инновации возникает, когда субъект обладает ресурсами или свойствами, позволяющими оказать нужное воздействие на требуемые свойства объекта. В момент осуществления вложения инноватор устанавливает связь с конкретным объектом. В результате воздействия инноватора изменяются свойства объекта инновационной деятельности, а затем

измененные свойства в виде инновационного дохода воздействуют на инноватора, изменяя его свойства, в том числе восполняя существующий дефицит. По окончании инновационного процесса субъект и объект начинают существовать в новом качестве. Таким образом, инновационный процесс способствует диффузии свойств субъекта и объекта.

Любая сфера деятельности – это негомогенное образование; ее субъекты и объекты обладают разными наборами свойств, проявленных в различной степени. Происходящие в этой сфере множественные инновационные процессы стремятся к постепенному охвату всех субъектов и объектов и приводят как к уравниванию наборов их свойств, так и к выравниванию степени их проявления. Результатом выравнивания является не усреднение, а максимизация. Таким образом, инновационные процессы способствуют гомогенизации свойств соответствующей сферы деятельности, и гомогенизация в данном случае тождественна общему развитию этой сферы. Современный этап развития экономических систем характеризуется активизацией инновационных форм их развития, которые позволяют повышать эффективность реализации капитала, наращивать потенциалы реального и финансового секторов экономики, обеспечивать динамичность, гибкость и устойчивость деятельности хозяйствующих субъектов [8].

Динамика общественного развития определяется развитием отдельных сфер деятельности. Если в какой-то сфере деятельности происходит революционный прорыв, ведущий к ее бурному росту, это вызывает естественную цепную реакцию развития связанных с ней сфер. Если же происходит эволюционное развитие сфер деятельности, его динамика, как правило, определяется возможностями роста самой неразвитой из них. Когда инновации и инновационный доход имеют разное предметное наполнение, т.е. принадлежат к разным сферам деятельности, множественные инновационные процессы делают эти сферы взаимопроницаемыми друг в друга. В результате происходит локальное управляемое изменение динамики их развития. Это вызывает искусственную цепную реакцию развития связанных сфер. Таким образом, инновационные процессы позволяют создать и поддерживать искусственную цепную реакцию развития связанных сфер деятельности и являются фактором ускорения общественного развития.

Выявление взаимосвязи между основными категориями инновационного процесса позволяет установить зависимость количества инноваций от факторов и условий инновационной сферы, т.е. от инновационного климата.

Основные структурные элементы инновационного климата и взаимосвязи между ними, представленные в экономической литературе, можно обобщить в виде рис. 2 [3].

В этом случае инновационный климат – это совокупность объективных экономических, социальных, политических, правовых и иных условий, создающих (или не создающих) привлекательность данного предприятия к осуществлению инновационной деятельности. В категории «инновационный климат» объединяются понятия «инновационная привлекательность» и

«инновационная активность». Под инновационной активностью мы понимаем интенсивность инноваций, которая определяется как отношение текущего объема инноваций к предыдущему объему. Инновационная привлекательность экономической системы – это совокупность различных объективных признаков, свойств, средств, возможностей системы, обуславливающих потенциальный спрос на инновации. Таким образом, инновационная привлекательность включает в себя инновационный потенциал и инновационный риск и характеризуется взаимодействием этих категорий.

Такой подход отражает наиболее существенные стороны инновационного процесса, но не позволяет учесть влияние протекающих процессов на инновационный климат и, наоборот, инновационного климата на инновационный процесс. Поэтому предлагается иначе рассмотреть взаимосвязь составляющих инновационного процесса.

Инновационная привлекательность – позитивная по своему содержанию категория, а инновационные риски, участвующие в формировании этой привлекательности, – негативная. Поэтому при учете некоммерческих инновационных рисков как комплексного фактора инновационной привлекательности целесообразно преобразование числовых характеристик рисков в числовые характеристики понятия, противоположного по смыслу понятию «инновационные риски».

Такое понятие – антоним понятия инновационных рисков – следует назвать «социально-политическая и экологическая безопасность для инвесторов», или упрощенно – инновационная безопасность. Описанное преобразование позволяет избежать противонаправленного влияния двух комплексных факторов – инновационного потенциала и инновационных некоммерческих рисков на результирующую характеристику – инновационную привлекательность.

Точно таким же образом каждый частный фактор этих обобщающих понятий имеет одновременно как позитивное количественное выражение (через «позитивный» показатель – для определения сводного уровня отраслевой инновационной безопасности), так и негативное (через обратный по содержанию «негативный» показатель – для определения сводного уровня отраслевых инновационных некоммерческих рисков).

Инновационная привлекательность социально-экономической системы (далее – СЭС) определяется состоянием инновационного потенциала и уровнем инновационного риска. Инновационная активность – реальное развитие инновационной деятельности в СЭС характеризуется интенсивностью инноваций и, в свою очередь, определяется прошлой инновационной активностью, текущей и будущей. Прошлая инновационная активность характеризует интенсивность инноваций, вложенных в системы ранее, и позволяет определить ожидаемую доходность по ним, количество вероятных конкурентов и сферу, наиболее выгодную для вложения капитала. Текущая инновационная активность определяет уровень экономического развития системы и дает возможность спрогнозировать дополнительные объемы вложений, ожидаемую доходность инноваций и определить позиции инноватора на рынке в будущем. Будущая (ожидаемая) инновационная активность –

ориентир для планирования всего инновационного процесса: от определения будущих объемов инноваций до управления инновационным климатом СЭС с целью достижения желаемого уровня инновационной актив-

ности. Анализ всех трех составляющих инновационной активности дает инвестору информацию об уровне конкуренции на инновационном рынке СЭС, о тенденциях его развития и о мерах сокращения риска.

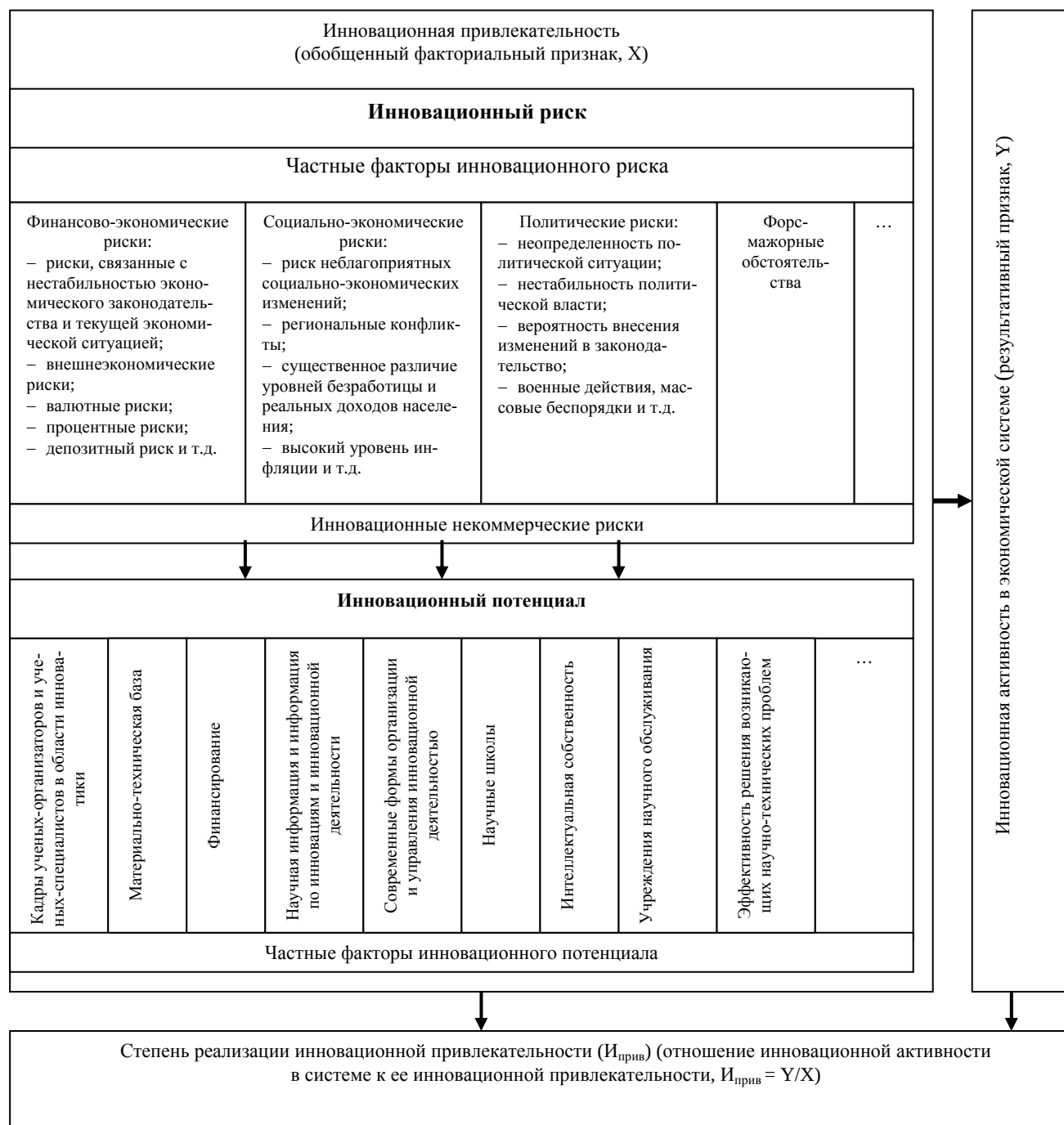


Рис. 2. Основные структурные элементы инновационного климата экономической системы и взаимосвязи между ними

Совокупность инновационной привлекательности и инновационной активности составляет инновационный климат. Однако необходимо отразить и обратную связь, т.е. влияние инновационного климата на инновационную активность. Так, текущее состояние инновационного климата определяет мнение инноватора и его деятельность по будущему осуществлению инноваций. Улучшение инновационного климата в текущем периоде стимулирует развитие конкуренции среди инноваторов за право участия, а также конкуренцию на рынке товаров и услуг,

что способствует снижению цен и повышению качества продукции. Одновременно с этим происходит приток инвестиционных ресурсов, что дает возможность органам управления перераспределить имеющиеся ресурсы между инновациями более рациональным и эффективным способом, чтобы сократить диспропорции в развитии, улучшить социальные условия жизни, способствовать развитию инфраструктуры и связи, изменять состояние инновационного климата в зависимости от потребностей развития экономики предприятия.

Взаимосвязь и соподчиненность категорий, участвующих в инновационном процессе, представлена в виде схемы на рис. 3.

Учитывая особенности инновационного процесса, управление им должно быть построено не только на использовании административно-регулирующих мер, но и опираясь на экономические модели, обосновывающие необходимость тех или иных мероприятий.

Традиционное управление долгое время в качестве объекта имело стабильный производственный процесс, стабильную производственно-техническую базу, устоявшуюся номенклатуру продукции с высокой степенью стандартизации. Инновационный процесс носил кратковременный локальный характер и реализовывался силами специалистов и руководителей с привлечением ресурсов и методов, сформированных для стабильных процессов.

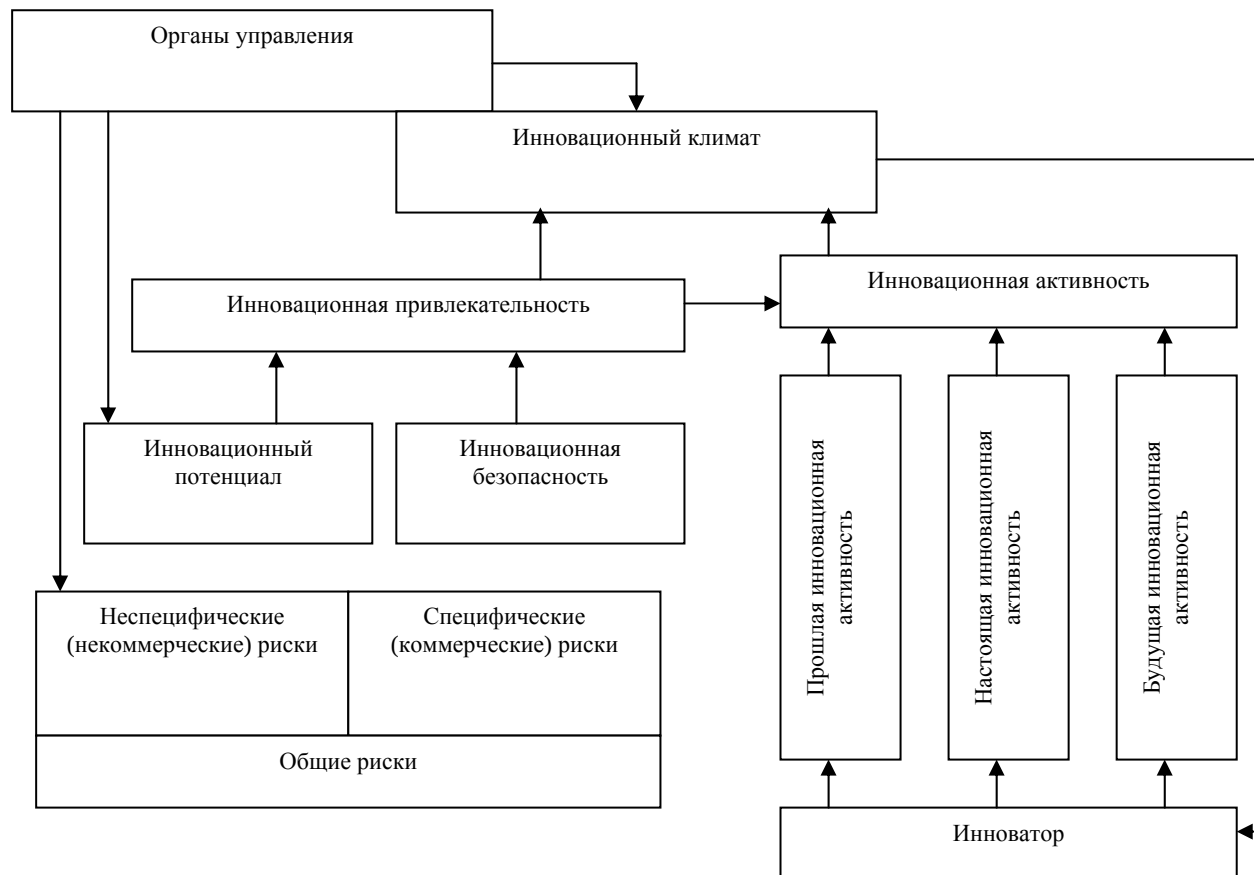


Рис. 3. Структурные элементы инновационного процесса и их взаимосвязь

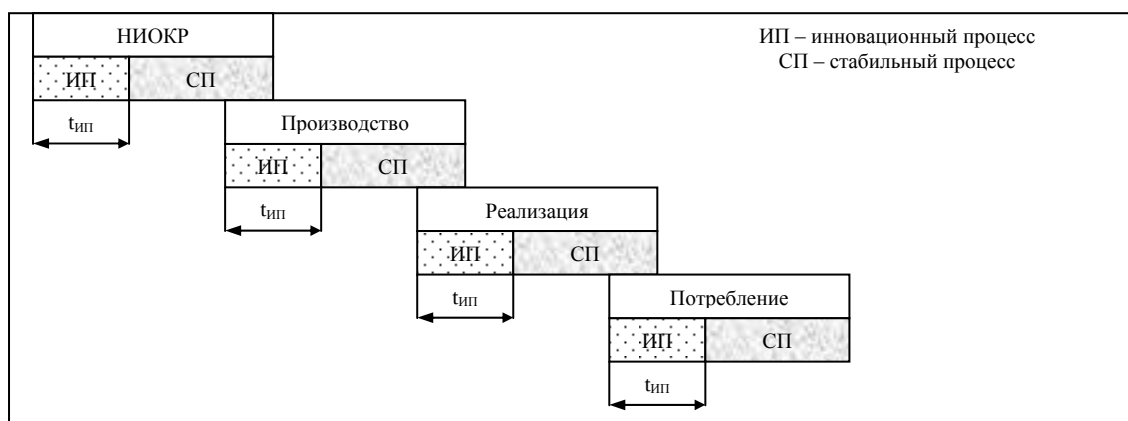


Рис. 4. Инновационный и стабильный процессы в жизненном цикле изделия

Новые экономические условия требуют интенсивной инновационной деятельности, повышения внимания к эффективности организации исследований и разработок, организации нововведений на всех стадиях жизненного цикла продукции, сокращения цикла, снижения инновационных рисков, стратегического управления.

В деятельности каждой организации на любой стадии жизненного цикла изделия сочетаются стабильный и инновационный процессы. Оба процесса взаимно дополняют друг друга: состояние стабильного процесса определяет инновационные задачи, а результаты инновационной деятельности реализуются в стабильном процессе (рис. 4) [9].

Различия инновационного и стабильного процессов [10]

Характеристика процесса	Инновационный процесс	Стабильный (сложившийся, устоявшийся) процесс
Конечная цель	Удовлетворение новой общественной потребности	Удовлетворение сложившейся общественной потребности
Пути достижения цели	Многочисленны и неопределенны. Требуется разработка стратегий	Немногочисленны и известен оптимальный путь
Риск при достижении цели	Высокий	Низкий
Тип процесса	Дискретный	Непрерывный
Управляемость как целым, возможности планирования	Низкие. Требуется стратегическое управление	Высокие
Планы	Долгосрочные, возможна их корректировка	Краткосрочные, в виде директивных производственных заданий
Развитие системы, в рамках которой осуществляется процесс	Переход на новый уровень развития. Требуется разработка проекта и программы реализации стратегических изменений	Сохранение данного уровня развития
Взаимодействие интересов участников финансового процесса	Вступает в противоречия	Основывается на них
Степень совпадения интересов участников процесса	Низкая	Высокая
Распределение сфер ответственности	Перераспределяет	Стабилизирует
Формы организации	Гибкие, со слабой структуризацией	Жесткие, основаны на нормах и регламентах

Между стабильным и инновационным процессами есть существенные различия и противоречия. Часть из них отражена в таблице. Глубина различий и возрастающие роль и масштабы инновационных процессов в

жизни каждого предприятия и всего общества делают необходимым решение теоретических и практических вопросов организации и управления инновационными процессами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. СПб., 1928. 270 с.
2. Реймерс Н.Ф. Надежды на выживание человечества: Концептуальная экология. М. : ИЦ «Россия молодая» – экология, 1992. 367 с.
3. Казаков В.В. Системный подход к исследованию инновационных процессов в региональных экономических системах // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 367. С. 111–116.
4. Никонова Я.И. Инновация как экономическая категория и основные понятия в инновационной сфере // Вестник ИНЖЭКОНа. Сер. Экономика. 2009. Т. 29, № 2. С. 9–18.
5. Казаков В.В. Системный подход к исследованию инновационных процессов в региональных экономических системах // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 367. С. 111–116.
6. Закиров И.Д., Тажитдинов И.А., Казаков В.В. Формирование стратегии развития и оценка эффективности деятельности муниципальных образований // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 323. С. 254–258.
7. Монастырский Е.А. Термины и определения в инновационной сфере // Инновации. 2008. № 2.
8. Никонова Я.И., Казаков В.В. Механизм финансового обеспечения инновационной деятельности экономических систем // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 364. С. 127–133.
9. Ивасенко А.Г., Никонова Я.И., Сизова А.О. Инновационный менеджмент : учеб. пособие. М. : КНОРУС, 2009. 416 с.
10. Управление организацией / под ред. А.Г. Поршнева, З.П. Румянцевой, Н.А. Саломатина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Инфра-М, 2000. 669 с.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 18 февраля 2014 г.

INNOVATIVE PROCESSES IN THE SOCIAL-ECONOMIC SYSTEMS: THE SYSTEM-SYNERGISTIC APPROACH

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 195–201 DOI: 10.17223/15617793/381/33

Kazakov Vladimir V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: prorektorsv@mail.ru

Keywords: the innovation process; the socio-economic system systemically-synergistic approach.

Terminology apparatus of any science is its foundation to systematically disclose its object, to use special methods and analyze multiple objects. The innovative science is no exception. Its conceptual arsenal today, in our view, is inconsistent and inaccurate. It, first of all, is the essence and the ratio of its key concepts: novelty, innovation, innovation process, innovation activity. This in turn requires a more precise definition of the concept of "innovation" as such. This article attempts to examine the innovation process from the perspective of the system-synergistic approach. The system approach is a direction of scientific knowledge and social practice methodology, the core of which is the consideration of objects as systems is used as a tool and leads the research to disclose the integrity of the object, to identify the various ties and integrate them into a single complex. At its core, the system approach is the specification of the principles of dialectical materialism, in which the innovation process can be viewed as a series of operations (activities) to be made on the source material (input of the process) increasing its value and leading to a particular result (output of the process). The study of the innovation process from the perspective of the system approach is possible as the process of innovation is an economic system with its input defined as the complex state of the system (innovative climate) and output defined as the change of the innovation flow in the economic system. The result of the innovation process determines the development of the economic system in which the process occurs and results in a change in the pace of the economic growth. The analysis of innovation processes from the perspective of the system-synergistic approach is a way to identify the relationship and interaction between the subsystems of the socio-economic system as an open, complex, self-organizing and self-developing, which allows identifying the availability of the innovative component. Implementation of the system approach is not only in the linear study of the innovation process (management subject – innovative attractiveness – innovator – innovative activity – innovation – management subject), but also in the vertical one (world community – country – region – municipality

– industry – enterprise). This reduces the number of repetitive activities in the management of the innovation process and gives its comprehensive theoretical overview.

REFERENCES

1. Bogdanov A.A. *Tektologiya. Vseobshchaya organizatsionnaya nauka* [Tektology. Universal organization science]. Saint-Petersburg, 1928. 270 p.
2. Reimers N.F. *Nadezhdy na vyzhivanie chelovechestva: Kontseptual'naya ekologiya* [Hopes for the survival of mankind: Conceptual ecology]. Moscow, Rossiya molodaya Publ., 1992. 367 p.
3. Kazakov V.V. Sistemnyy podkhod k issledovaniyu innovatsionnykh protsessov v regional'nykh ekonomicheskikh sistemakh [The system approach to study of innovation processes in regional economic systems]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2013, no. 367, pp. 111-116.
4. Nikonova Y.I. Innovatsiya kak ekonomicheskaya kategoriya i osnovnye ponyatiya v innovatsionnoy sfere [Innovation as an economic category and basic concepts in this field]. *Vestnik INZhEKONa. Seriya: Ekonomika*, 2009, vol. 29, no.2, pp. 9-18.
5. Kazakov V.V. Sistemnyy podkhod k issledovaniyu innovatsionnykh protsessov v regional'nykh ekonomicheskikh sistemakh [The system approach to study of innovation processes in regional economic systems]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2013, no. 367, pp. 111-116.
6. Zakirov I.D., Tazhitdinov I.A., Kazakov V.V. Formirovanie strategii razvitiya i otsenka effektivnosti deyatel'nosti munitsipal'nykh obrazovaniy [The development of strategy and the effectiveness estimation of activities of municipal institutions]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2009, no. 323, pp. 254-258.
7. Monastyryny Ye.A. Terminy i opredeleniya v innovatsionnoy sfere [Terms and definitions in innovation]. *Innovatsii*, 2008, no.2, p. 31.
8. Nikonova Y.I., Kazakov V.V. Mekhanizm finansovogo obespecheniya innovatsionnoy deyatel'nosti ekonomicheskikh sistem [Mechanism of financial security of innovative activity of economic systems]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2012, no. 364, pp. 127-133.
9. Ivashenko A.G., Nikonova Ya.I., Sizova A.O. *Innovatsionnyy menedzhment* [Innovation management]. Moscow, KNORUS Publ., 2009. 416 p.
10. Porshnev A.G., Rumyantseva Z.P., Salomatina N.A. (eds.) *Upravlenie organizatsiyey* [Organization management]. Moscow, Infra-M, 2000. 669 p.

ИНОСТРАННЫЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОМПАНИИ В ЭКОНОМИКЕ СТРАН БРИКС: ИННОВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 12-06-33026-мол_а_вед.

Рассматриваются деятельность иностранных транснациональных корпораций (ИТНК) в принимающих экономиках на примере БРИКС и ее влияние на инновационную активность национального бизнеса и страны в целом. На примере статистических данных по экспорту товаров и услуг, формированию добавленной стоимости по отраслям в странах БРИКС анализируются их положение в мировой экономике, динамика инновационного развития и вклад ИТНК в эти процессы. Отмечается, что ИТНК не могут быть сами по себе инструментом экономического и инновационного развития, если наряду с ними не создано других условий в принимающих странах.

Ключевые слова: инновационная активность; корпорации; страны БРИКС.

Страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) являются привлекательными экономиками для ИТНК в силу их роста. Данные тенденции связаны с усилением таких секторов экономики, как обрабатывающая промышленность и сфера услуг, активизацией вложений в научные исследования и разработки, эффективным использованием преимуществ глобализации (включение в международные цепочки создания ценности, формирование собственных глобальных цепочек ценностей на основе опыта зарубежных ТНК), ростом внутреннего спроса и доходов населения.

Внедрение ИТНК в экономики принимающих стран связано с разработкой корпоративных стратегий развития на новых рынках. Не является исключением и сфера инноваций. Анализ инновационной политики ИТНК можно проводить с позиций реализации интересов ИТНК и принимающих государств, ИТНК и национального бизнеса.

Действия ТНК по характеру и формам проявления в мировой политике и экономике во многом совпадают с деятельностью государств, что позволяет если не отождествлять их, то, по крайней мере, заявлять об идентичности поведения ТНК и государств. Отношения между ТНК и национальными хозяйствами были всегда достаточно сложными, что связано с различиями в их интересах. Последние возникают из-за различий в ответственности (обязательствах) ТНК и государств.

Обязанностью ТНК являются защита и повышение стоимости активов, находящихся под их контролем, и поддержка удовлетворительного дохода на вложения акционеров. Этим и обуславливаются стратегии ТНК (поиск рынков, ресурсов, активов, достижение эффективности). ТНК преследует свои корпоративные интересы, что выражается в максимизации корпоративной прибыли, но не благосостояния стран, где они присутствуют. Поддержание благосостояния на основе сбалансированного развития национальной экономики является обязанностью государства. Национальные интересы стран могут конфликтовать с интересами ИТНК. Первые ограничивают их. Хотя ИТНК не демонстрируют свои намерения препятствовать реализации национальной политики, однако они, вероятно, сделают это, если политика государства мешает им достичь собственных интересов.

Нельзя сказать, что отношения носят односторонний характер (только ТНК оказывают влияние), поскольку корпорации по своему потенциалу бывают намного

сильнее отдельно взятых государств, и поэтому они способны влиять на национальное хозяйство, что не всегда благоприятно сказывается на местной экономике. В то же самое время страны не стремились бы привлекать прямые иностранные инвестиции (ПИИ), если бы в их реализации были лишь отрицательные последствия. Отношение к ПИИ и осуществляющим их субъектам претерпело изменения. Интерпретация ПИИ как «угрозы национальному суверенитету» и «инструмента эксплуатации» повсеместно уступила место их рассмотрению в качестве одного из факторов стимулирования экономического роста, развития конкуренции и инновационной активности субъектов.

В сфере реализации интересов ТНК и принимающих стран сложилась двусторонняя конкуренция. С одной стороны, каждая страна участвует в конкурентной борьбе за ПИИ и приход ИТНК с другими государствами. С другой – ТНК конкурируют между собой за привлекательные страны, которые имеют емкие или быстрорастущие рынки, к которым относятся страны БРИКС. Поэтому проблема взаимоотношений иностранных ТНК и принимающих государств и согласования преследуемых ими интересов не является однозначной. Экономическая жизнь любого общества является сложной и противоречивой системой, где интересы функционирования одних субъектов не всегда совпадают с интересами других, поэтому всегда присутствует механизм минимизации рисков. То же самое присутствует во взаимоотношениях государства как субъекта принимающей национальной экономики и ИТНК. Если цели деятельности зарубежной компании попадают под направления социально-экономической политики государства, то интересы этих двух субъектов совпадают и в стране создаются благоприятные условия для деятельности ИТНК. На практике это случается редко, и, как правило, международные компании ненамеренно воздействуют на выгоды и затраты от проводимой социально-экономической политики, а также ее инструменты. Острее всего данная проблема проявляется в сфере инновационной деятельности, в частности, при передаче технологических инноваций, активнее всего защищаемых ТНК.

Анализ совокупности интересов, на наш взгляд, необходимо рассматривать с двух сторон: со стороны их взаимного сочетания, а также со стороны противоречивости и несоответствия. Конечно, такое рассмот-

рение относительно и его можно только определять в теоретическом анализе, на практике достаточно трудно четко выделить эти два аспекта.

Определенное сочетание интересов государства и ИТНК в инновационной сфере может проявляться, несомненно, при осуществлении следующих процессов:

- усилении роли страны как субъекта мирохозяйственных связей;
- трансграничном движении товаров, услуг и капиталов;
- реализации социально-экономической и промышленной (инновационной) политик национальным правительством;
- росте инновационного потенциала как страны в целом так и местных компаний и создании новых отраслей;
- расширении экспортных возможностей принимающей экономики;
- повышении образовательного уровня населения.

Сочетание указанных интересов обеспечивает поступательное развитие обоих субъектов мировой экономики.

В то же самое время «глобализация бизнеса способствует расхождению между корпоративными приоритетами и приоритетами правительства стран и их граждан» [1. С. 326]. Тесное взаимодействие ТНК с государством в мировой экономике диалектически неотделимо от глубоких противоречий между ними в этих областях.

Можно выделить следующие противоречия интересов между ТНК и странами размещения их структурных подразделений, которые являются общими для всей экономической деятельности, но затрагивают и инновационную сферу:

- развитие национальной экономики может сдерживаться реализацией корпоративных стратегий ИТНК;
- стремление государства к макроэкономическому равновесию сталкивается с деятельностью ИТНК, направленной на максимизацию прибыли;
- повышение национального технологического уровня наталкивается на монополию ИТНК на технологии;
- обеспечение безопасной экологической системы (связано с использованием экологических инноваций) нарушается созданием ИТНК «грязных» производств;
- успешное функционирование национальных рынков деформируется организацией ИТНК системы трансфертного ценообразования в целях минимизации издержек;
- рост эффективности национального хозяйства в целом и его субъектов в частности ограничивается процессом репатриации прибыли.

Экономический интерес направляет производство сообразно потребностям, подчиняя его их удовлетворению. Поэтому, преследуя свои интересы, ТНК переносят производства в другие страны, где сталкиваются с интересами национального бизнеса. В данном случае в силу схожего характера целей деятельности иностранных ТНК и национальных фирм возникает вопрос их взаимозависимости и взаимосвязи.

В данном случае для исследования особенностей переплетения интересов двух групп экономических субъектов представляется целесообразным разграничить ме-

сто национальных фирм по отношению к ИТНК. С этих позиций можно выделить следующие фирмы:

- конкурирующие с ИТНК;
 - непосредственно участвующие в воспроизводственном процессе ИТНК;
 - функционирующие в отраслях, не являющихся местом размещения ПИИ или смежных с ними.
- Национальная фирма может вступить в экономические отношения с иностранными ТНК, занимаясь хозяйственной деятельностью в следующих формах:
- производство товаров, конкурирующих с зарубежной продукцией;
 - производство сырья, материалов, комплектующих или услуг, необходимых в производственном процессе ТНК;
 - потребление сырья, материалов, комплектующих или услуг, произведенных ИТНК в собственном производственном процессе;
 - реализация продукции иностранной фирмы на своей территории.

Причем приход ИТНК на внутренний рынок принимающей страны ставит перед национальным бизнесом вопрос о выработке своей дальнейшей стратегии. В зависимости от степени развития отрасли, конкурентоспособности национального бизнеса, его инновационного потенциала, поддержки государства принимающей страны и задач зарубежных корпораций могут быть различные способы реализации экономических интересов иностранных ТНК и местных фирм (рис. 1).

Выход национального бизнеса с рынка – это всего лишь один из вариантов выбранной стратегии. Во всех остальных случаях (прямая конкуренция, сосредоточение на нишевых продуктах или на тех, где имеются конкурентные преимущества, превращение в структурное подразделение ИТНК) необходимо изменять свое поведение на рынке. И здесь никак не обойтись без инноваций. Причем в данном процессе активно участвуют все три субъекта. Правительства принимающих стран формируют институты, являющиеся факторами инновационного развития: конкуренцию и благоприятную предпринимательскую среду. Именно наличие конкуренции в отрасли, куда приходит ИТНК, дает возможность для внедрения и развития всех видов инноваций. Для национального бизнеса в этом случае самым простым способом, возможно, будет использование организационных, маркетинговых и доступных технологических инноваций, которые уже применяются в других странах, отраслях, компаниях. Только после этого он, скорее всего, начнет использовать принципиально новые решения, которые требуют для своей реализации больших вложений, временного периода. Здесь же возможно применение экологических инноваций, которые, на наш взгляд, активизируют в первую очередь государство, устанавливая жесткие экологические стандарты. Кроме того, в некоторых отраслях или странах именно государство является стимулом для развития инноваций, а не ужесточение конкуренции или приход ИТНК в качестве основополагающих факторов. Высказывается точка зрения, что «такая модель высокзатратна для государства, ограничена в отраслевом охвате и не способна создать в стране достаточное

количество малых и средних инновационных компаний с их предпринимательской инициативой, которые обеспечивают экономике устойчивый инновационный прогресс.

Однако если прибыль в этот момент проще заработать с помощью не инноваций, а административного ресурса, то компании скорее выберут именно этот вариант – путь наименьшего сопротивления [2. С. 9].

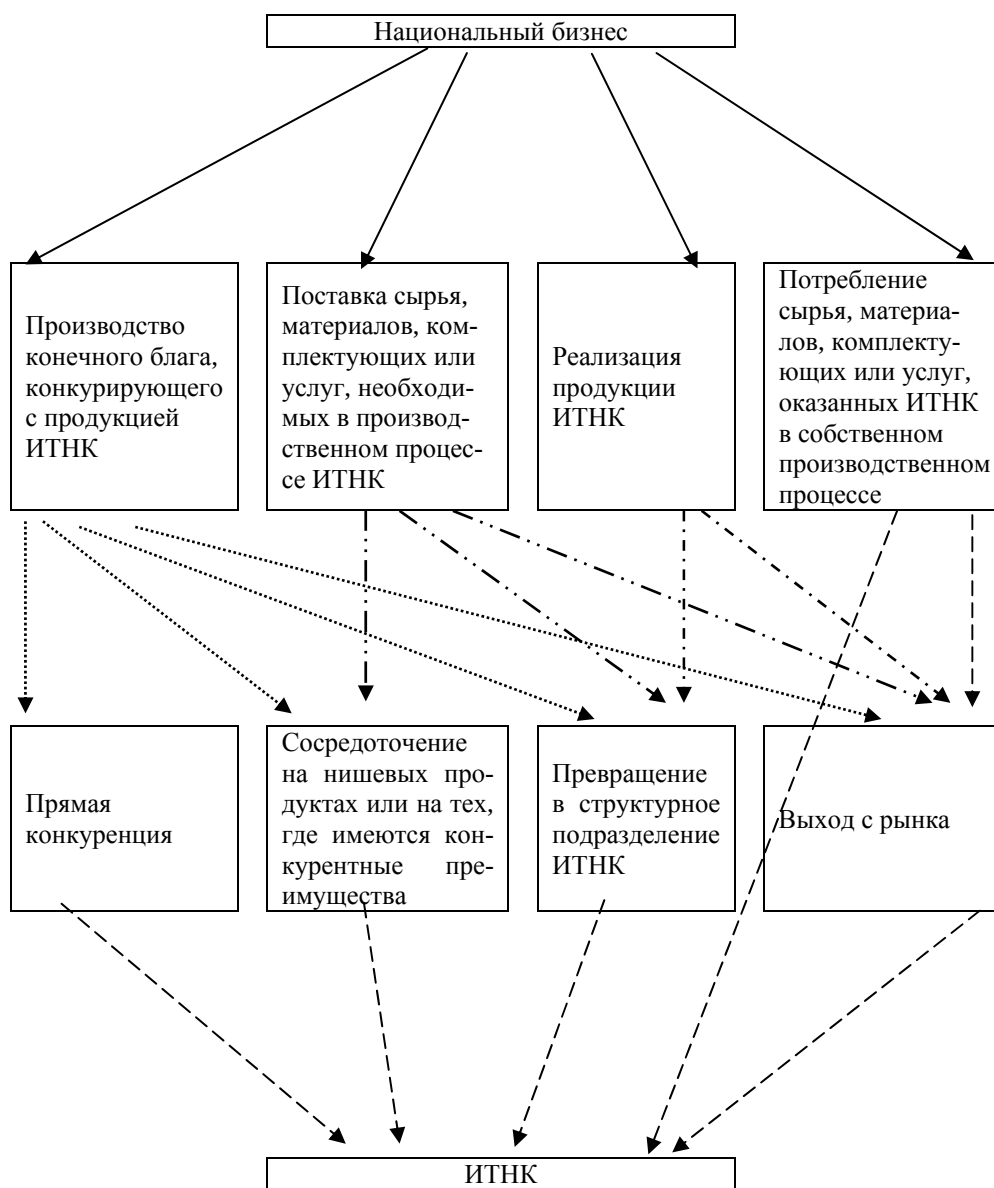


Рис. 1. Способы экономических взаимоотношений местной фирмы и ИТНК

В странах БРИКС роль государства в сфере инновационной деятельности не так однозначна. Например, большие расходы государства на исследования и разработки необходимы экономике, так как идут в те сферы, которые не интересны частным компаниям, экономически не выгодны, исследования носят фундаментальный и долгосрочный характер или направлены на реализацию общенациональных интересов [3. С. 41]. Также государственные расходы просто необходимы, когда идет спад частных инвестиций, особенно во время кризисов. Большая доля государственных расходов в валовых инновациях может свидетельствовать о том, что частные компании не заинтересованы заниматься исследованиями и разработками, они в лучшем случае будут копировать чужие новации. Поэтому государство

вынуждено выполнять функции частных организаций, чтобы обеспечивать инновационное развитие, что не всегда получается результативно. Это и происходит в Российской Федерации.

Китай последовательно стремится создать полноценную инновационную систему [4. С. 222–223]. При этом значительную роль играет государство как направляющая и регулирующая сила. Сегодня мало кто отрицает достижения китайской нации в производстве товаров и услуг. Но вызывает сомнения то, что и в дальнейшем высокая степень централизации управления инновациями позволит быстро развиваться. Исследователи предлагают развивать демократию западного образца. Но до настоящего времени практика реализации реформ показывает, что китайское государство

способно реагировать на вызовы, возникающие в мировой и национальной экономиках. Что будет дальше, трудно прогнозировать, так как мировая и национальная экономики развиваются нестабильно, непредсказуемо, быстро.

В то время как государство несет обязательства по формированию макроэкономической среды и эффективному управлению, на микроуровне трехсторонние партнерства между правительствами, гражданским обществом и бизнесом, включая ТНК, все более важны в создании институтов и, таким образом, условий, способствующих экономической активности. Например, ТНК совместно с местными представителями гражданского общества стимулируют национальный бизнес к расширению масштабов и объемов его операций, улучшению качества человеческих ресурсов, предоставляя связи с новыми контрагентами, возможности для получения образования, повышения квалификации. Однако это является не просто вопросом достижения минимального уровня технологических возможностей с целью участия в глобальных сетях поставок, но и социальным капиталом, который позволяет выполняться контрактам по более низким затратам. Учитывая распространенность контрактных отношений в цепочках создания ценности ТНК, эти транзакционные затраты могут оказать значительное влияние на экономическую активность и в конечном счете на развитие субъектов. Национальный бизнес в результате деятельности ИТНК получает и преднамеренную передачу технологий, и формирование институтов, а также любые другие возможные внешние эффекты. Последние, в первую очередь, связаны с преодолением трудностей, возникающих при расширении объемов экономической активности в странах, где социальная сплоченность является низкой, где уровень образования может быть недостаточным. Сюда как раз можно и отнести экономики БРИКС.

ТНК могут осуществлять «горизонтальные» инвестиции, направленные на воссоздание на зарубежных рынках деловых моделей, существующих в тех странах, где базируются данные компании, или «вертикальные» инвестиции, осуществляемые с целью создания отдельных компонентов производственной цепи, которые рассматриваются в качестве взаимосвязанных элементов в рамках интегрированной международной системы. На данный момент формируется тенденция к увеличению именно вертикальных инвестиций, и по мере изменения характера экономических стимулов ИТНК вынуждены изменять соответствующим образом свою деятельность на международных рынках, связанную с закупками, организацией работы, маркетингом и инновациями. Однако какими бы не были функции зарубежных филиалов (производство конечной продукции, полуфабрикатов, только продажи), их размещение, в конечном счете, связано с тем, чтобы они в наибольшей степени способствовали повышению эффективности работы ТНК в целом. И в этом случае национальный бизнес может быть реальным помощником для достижения поставленной цели.

ИТНК активно заключают контракты с подрядчиками на приобретение товаров, работ, услуг, не являющихся «основными» и предоставляемых национальным бизнесом, что делается, в том числе, и в странах

БРИКС. Причем параллельно с этим зарубежные филиалы осуществляют закупки за рубежом промежуточных ресурсов, имеющих большое значение для технологического процесса корпораций. И чем больше операции ТНК приобретают глобальный характер, тем сильнее они сосредоточивают усилия на развитии на месте собственными силами тех элементов международной цепочки создания ценности, которые имеют наибольшее влияние на повышение их конкурентоспособности, заключая контракты с подрядчиками на выполнение других операций и видов деятельности.

Для того чтобы филиалы ИТНК закрепились в экономике принимающих стран, они должны постепенно устанавливать связи с национальным бизнесом. Там, где такие связи устанавливаются, налаженный экспорт, скорее всего, не только будет более устойчивым и в целом выгодным для принимающих стран, но и будет обеспечивать более высокий уровень добавленной стоимости, создаваемой в принимающей экономике, а также способствовать повышению конкурентоспособности отечественного предпринимательского сектора. Примером может служить индустриализация Китая и Индия, которые сочетали усилия по привлечению ориентированных на экспорт операций ТНК с развитием внутреннего потенциала. Все указанное способствует инновационной активности национального бизнеса стран БРИКС. Подтверждением этого является анализ статистических данных по экспорту товаров и услуг, формированию добавленной стоимости по отраслям, положению в мировой экономике по указанным показателям и их «инновационности», а также формированию инновационной политики внутри страны.

В табл. 1 приведены 15 ведущих экономик (Топ-15) (по данным 2012 г.) и стран БРИКС в соответствии с их долями в мировом экспорте товарами и коммерческими услугами.

В 2012 г. 15 ведущих экономик сформировали 61,24% мирового экспорта товаров, уменьшив свою долю с начала века на 5%. В 2000 г. она составляла 66,73%, в 2010 – 62,24%. Лидером по экспорту товаров является Китай, формируя 11% мирового потока, опережая крупнейшую экономику мира США и снижая ее позиции, доля которой в 2000 г. составляла 12% против 8% в 2012 г., а Китай занимал лишь 7-е место с долей около 4%. Более наглядно развитие экспорта в БРИКС показано на рис. 2¹, где отдельно изображен экспорт товаров и экспорт коммерческих услуг (составлен на основе ВТО – совокупная торговля товарами и торговля коммерческими услугами). Кроме Китая, в Топ-15 ведущих мировых экспортеров товаров входит еще Российская Федерация, занимая в 2012 г. 8-е место и обеспечив относительный рост за последнее десятилетие, который переместил страну с 17-го места в 2000 г.

Другие экономики БРИКС по экспорту товаров в Топ-15 не входят. Индия хотя и увеличила значительно свою долю в мировом экспорте, в 2012 г. занимает 19-е место, поднявшись с 32-го в 2000 г. Бразилия идет следом на 22-м месте (28-е в 2000 г.). ЮАР же снизила свои показатели, заняв 44-ю позицию вместо 37-й и формируя менее половины процента мирового экспорта.

Таблица 1

Доли 15 ведущих экономик и стран БРИКС в мировом экспорте товарами и коммерческими услугами², %

Страна / Экономика	Рейтинг (2012 г.)	2000 г.	2010 г.	2012 г.	Страна / Экономика	Рейтинг (2012 г.)	2000	2010	2012
Товары					Коммерческие услуги				
Китай	1	3,86	10,32	11,13	США	1	18,94	14,13	14,28
США	2	12,11	8,37	8,40	Великобритания	2	7,94	6,91	6,44
Германия	3	8,54	8,24	7,65	Германия	3	5,34	6,26	5,91
Япония	4	7,42	5,04	4,34	Франция	4	5,37	5,00	4,84
Нидерланды	5	3,61	3,76	3,56	Китай	5	2,02	4,22	4,38
Франция	6	5,07	3,43	3,09	Япония	6	4,58	3,63	3,27
Республика Корея	7	2,67	3,05	2,98	Индия	7	1,08	3,23	3,23
Российская Федерация	8	1,63	2,62	2,88	Испания	8	3,50	3,23	3,12
Италия	9	3,72	2,93	2,72	Нидерланды	9	3,45	3,03	3,02
Гонконг, Китай	10	3,14	2,62	2,68	Гонконг, Китай	10	2,71	2,72	2,84
Великобритания	11	4,42	2,72	2,58	Ирландия	11	1,12	2,56	2,66
Канада	12	4,28	2,54	2,47	Сингапур	12	1,91	2,46	2,57
Бельгия	13	2,92	2,67	2,43	Республика Корея	13	2,06	2,26	2,52
Сингапур	14	2,13	2,30	2,22	Италия	14	3,75	2,53	2,37
Королевство Саудовская Аравия	15	1,20	1,64	2,11	Бельгия	15	0,00	2,35	2,18
Индия	19	0,66	1,48	1,60	Российская Федерация	22	0,64	1,17	1,34
Бразилия	22	0,85	1,32	1,32	Бразилия	29	0,60	0,79	0,88
ЮАР	44	0,46	0,53	0,47	ЮАР	44	0,33	0,36	0,34
Все страны		100,00	100,00	100,00	Все страны		100,00	100,00	100,00

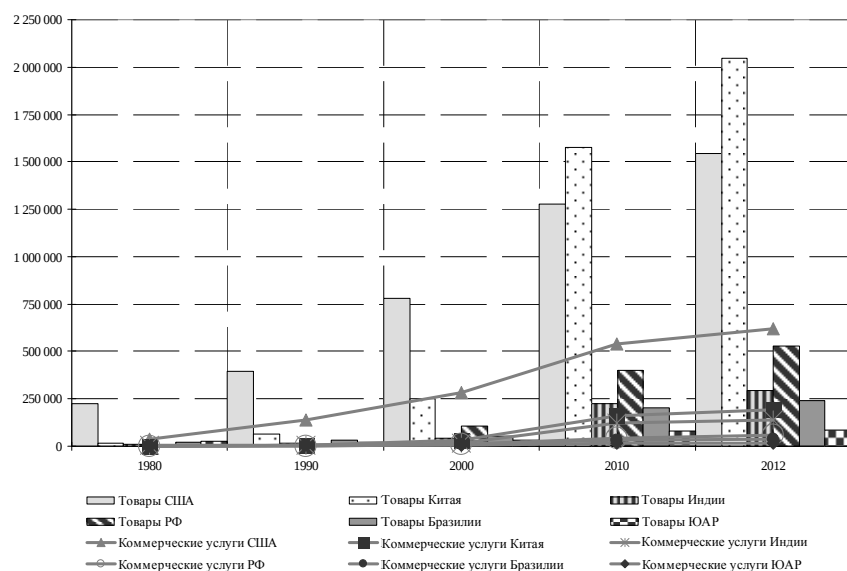


Рис. 2. Экспорт товаров и услуг в странах БРИКС и США с 1980 по 2012 г. [5]

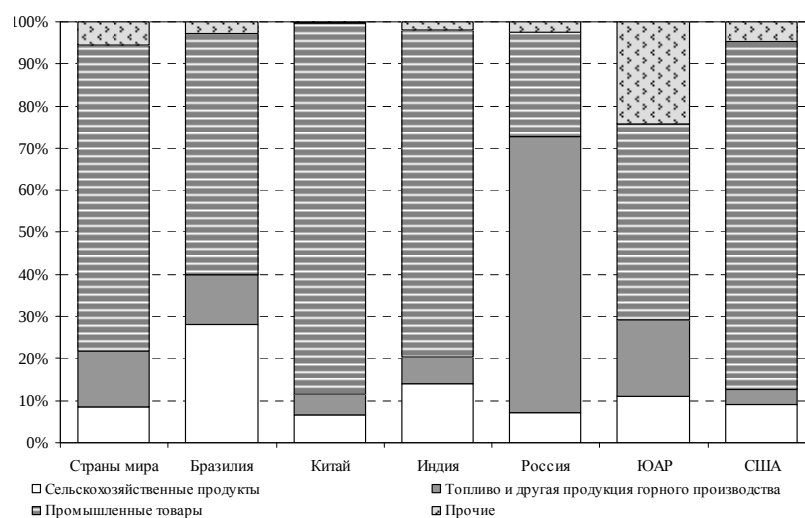


Рис. 3. Структура экспорта товаров в странах БРИКС и США в 2000 г. [5]

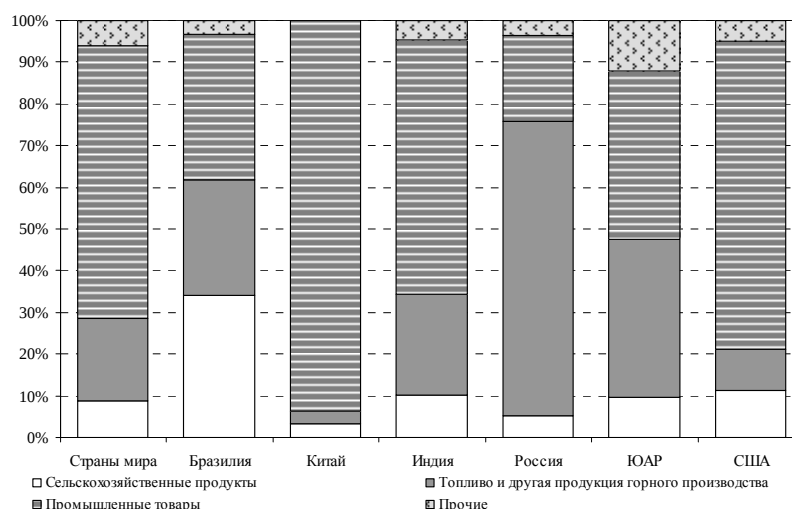


Рис. 4. Структура экспорта товаров в странах БРИКС и США в 2010 г. [5]

Если проанализировать качественный состав экспорта за десятилетний период (рис. 3, 4; табл. 2), который является одной из характеристик инновационной активности компаний в стране, то ситуация выглядит следующим образом (составлено на основе статистики ВТО – совокупная торговля товарами):

– в структуре экспорта Китая более 94% занимают товары обрабатывающих отраслей промышленности, причем за десятилетний период показатель изменился незначительно в сторону увеличения. Даже у США

этот показатель ниже (чуть выше 70%), как и в общем по мировой экономике (чуть выше 60%). 53% (в 2012 г.) и 56% (в 2010 г.) занимает продукция отраслей, большую часть которых можно отнести к высокотехнологичным³, что соответствует показателям США за этот же период и выше среднемировых на 10%. Китай является самой активной страной не только среди стран БРИКС, но и в мировом масштабе как по количественным показателям экспорта товаров, так и по качественным;

Таблица 2

Структура мирового экспорта товаров, стран БРИКС и США, %

Показатель	2000 г.							2010 г.							2012 г.						
	Страны мира	Бразилия	Китай	Индия	Россия	ЮАР	США	Страны мира	Бразилия	Китай	Индия	Россия	ЮАР	США	Страны мира	Бразилия	Китай	Индия	Россия	ЮАР	США
Сельскохозяйственные продукты	9	28	7	14	7	11	9	9	34	3	10	5	10	11	9	36	3	14	6	10	11
Топливо и другая продукция горного производства	13	12	5	6	65	18	4	20	28	3	24	70	38	10	23	27	3	22	71	39	12
Промышленные товары	73	57	88	78	25	47	83	65	35	94	61	21	41	74	62	34	94	61	20	40	71
Продукция химической отрасли	9	6	5	10	7	7	10	11	6	6	10	6	6	15	11	6	6	12	6	7	13
Машины и оборудование, транспортные средства	41	28	33	7	5	15	53	33	16	50	14	4	17	41	31	16	47	14	4	18	41
Прочие	5	3	0	2	3	24	4	6	3	0	5	4	11	5	6	3	0	3	3	11	6
Итого торговля	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

– второй страной БРИКС по объемам экспорта, следующей за Китаем, как уже упоминалось, идет Российская Федерация. Но тут ситуация по структуре совсем противоположная. Продукция добывающей отрасли (топливо и другая продукция горного производства) составляет 70% экспорта, причем также заметно незначительное увеличение указанной доли по сравнению с 2000 г. Такого превалирования сырьевых товаров в структуре экспорта нет ни у одной страны БРИКС. Даже у ЮАР удельные веса добывающей и обрабатывающей промышленности примерно одинаковые (в районе 40%). Соответственно и доля экспорта высокотехнологичной продукции в России – одна из самых низ-

ких (10%). То есть страна не только не улучшила свои показатели за рассматриваемый период, но, наоборот, ухудшила. Все это наблюдаем, во-первых, на фоне оставшегося потенциала к инновационному развитию после советской экономики, того преимущества, которого не было ни у одной из других стран БРИКС. Во-вторых, активной экспансии ИТНК в 90-е гг. XX в., наращивания строительства ими собственных производственных площадок после кризиса 1998 г. и начале 2000 г., что могло бы стать катализатором улучшения инновационной составляющей экспорта, но не стало;

– в Бразилии присутствуют свои особенности: значительный удельный вес в экспорте среди БРИКС сель-

скохозийственной продукции, который с начала 2000 г. увеличился с 28 до 36% и стал чуть больше величины промышленных товаров. Это и неудивительно при наличии сильного сельскохозяйственного сектора. Однако тенденция падения товаров с высокой добавленной стоимостью, которые создаются, прежде всего, в обрабатывающей промышленности, не может не настораживать. В то же время доля высокотехнологичных товаров составляет 22%, что сопоставимо с 26% в Индии и 25% в ЮАР. В Индии удельный вес всей промышленной продукции гораздо выше, чем в ЮАР и Бразилии, не говоря о России, и составляет 60%. Можно наблюдать существенное уменьшение промышленной продукции по сравнению с 2000 г. В результате к 2012 г. структура индийского товарного экспорта стала похожа на показатели всей мировой экономики, где с каждым годом все активнее перемещаются потоки товаров между странами.

Либерализация торговли способствует росту импорта в странах, где основную роль играют филиалы ИТНК, так как они при организации производства, следуя корпоративным интересам, заменяют национальных поставщиков, с которыми сотрудничали ранее местные фирмы, на иностранных. Также ИТНК продают иностранную продукцию (изготовленную этой же ТНК, но в другой стране) наряду с произведенной на внутреннем рынке. Например, на некоторых рынках стран БРИКС наблюдается асимметричная интеграция: филиалы ИТНК производят продукцию для внутреннего потребления, экспорт которой чрезвычайно низок. Только в некоторых отраслях осуществляется экспорт в другие страны. В свою очередь, филиалы ИТНК импортируют комплектующие и конечную продукцию на рынки БРИКС. Таким образом, даже если ТНК в принимающей стране усиливает деятельность своего филиала, частично ценой сокращения рыночных связей с другими аген-

тами национальной экономики, и получает выгоду от этого, то не всегда наблюдается значительный рост чистого экспорта из принимающей страны. Это мы видим на примере Российской Федерации, в которой ИТНК присутствуют в отраслях, не являющихся ключевыми в структуре товарного экспорта. В нефтегазовом секторе они почти не представлены.

Входящие ПИИ играют ключевую роль в стимулировании внедрения инноваций внутри страны, что увеличивает темпы развития производства. Внутренние прямые инвестиции также могут оказывать воздействие на это развитие через увеличение темпов инновационного развития, увеличение темпов движения стран к мировому уровню производительности и влияние на остальную часть экономики. Тут можно задать вопрос: кто больше влияет на инновационную деятельность принимающей страны: ИТНК, действующие исходя из собственных интересов, или национальный бизнес, тоже проводящий политику достижения собственных интересов? Ответить на этот вопрос достаточно проблематично. Сложность заключается в следующем. Во-первых, на практике иногда достаточно тяжело определить конечных собственников корпораций, их местоположение может быть в другой стране. Во-вторых, существует мало точных данных, которые бы помогли сравнить степень различий в действиях, имеющих отношение к торговле, движению факторов производства и ценам, ИТНК и местных фирм. Большая часть данной информации является конфиденциальной (реальными данными обладает небольшая группа людей – управляющие и собственники), и фирмы предпочитают ее не разглашать внешним пользователям. Отчеты ЮНКТАД лишь частично могут определить размер контролируемых ресурсов и эффект этого контроля на экономику принимающей страны.

Таблица 3

Структура мирового экспорта коммерческих услуг, стран БРИКС и США с 2000 по 2012 г., %

Вид услуг	2000 г.							2010 г.							2012 г.						
	Страны мира	Бразилия	Китай	Индия	Россия	ЮАР	США	Страны мира	Бразилия	Китай	Индия	Россия	ЮАР	США	Страны мира	Бразилия	Китай	Индия	Россия	ЮАР	США
Услуги связи	2	0	4	4	4	1	1	3	1	1	1	3	2	2	3	1	1	1	3	1	2
Услуги страхования	2	3	0	2	0	9	1	3	1	1	1	1	2	3	2	1	2	2	1	2	3
Финансовые услуги	7	4	0	2	1	0	8	7	7	1	5	2	6	13	7	7	1	4	2	6	12
Компьютерные и информационные услуги	3	0	1	25	1	0	2	6	1	6	33	3	2	3	6	2	8	34	4	2	0
Сборы за использование интеллектуальной собственности	6	1	0	1	1	1	18	7	1	1	0	1	0	20	7	1	1	0	1	0	20
Прочие деловые услуги	22	51	25	0	18	10	16	25	52	32	28	28	8	21	26	56	35	32	29	8	20
Научно-технические услуги, итого	42	61	32	33	25	21	48	50	64	41	68	38	20	61	50	68	47	73	39	19	57
Ненаучно-технические услуги, итого	58	39	68	67	75	79	52	50	36	59	32	62	80	39	50	32	53	27	61	81	43
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Примечание. Составлено на основе статистики ВТО (совокупная торговля коммерческими услугами) [5]. Расчет научно-технических отраслей произведен на основе подхода ОЭСР [7. С. 97].

Исследователи проблем группы стран МЕРКОСУР и ТНК, функционирующих в них (Д. Чуновский и А. Лопез), проанализировав объемы экспорта и импорта, пришли к выводам, что ТНК влияли на рост экспорта не в большой степени, чем национальные фирмы этого региона. В то же самое время иностранные корпорации имели большую склонность к импорту, чем местные предприятия [8. С. 650]. Бум ПИИ в МЕРКОСУР в 90-х гг. XX в. до сих пор не вызвал существенного изменения уровня конкурентоспособности этой группы стран и не улучшил структуры внешней торговли. Наоборот, филиалы ИТНК, по-видимому, устанавливают меньше связей с местными экономиками благодаря высокой склонности к импорту комплектующих, чем национальные фирмы. Иллюстрацией этого является наличие существенного дефицита торгового баланса в данных странах. Кроме того, существовавшее распределение ПИИ по секторам хозяйств и торговая модель ИТНК повлекли за собой структурные различия между странами МЕРКОСУР. Единственной страной, которая проявила себя как экономика, привлекающая больше ПИИ в высокотехнологичные и крупномасштабные сектора, стала Бразилия. Поэтому она является привлекательной для ТНК с точки зрения размещения стратегических активов. Это мы видим на примере исследуемых статистических данных, где доля экспорта высокотехнологичной продукции сопоставима с некоторыми другими странами БРИКС при намного меньшем удельном весе всех промышленных товаров.

Не просматривается и четкой позитивной зависимости между деятельностью ТНК и стимулированием конкуренции в развивающихся странах. Напротив, вторжение более сильных зарубежных конкурентов чаще всего ведет к монополизации ими рынков и производств за счет быстрой скупки местных потенциально соперничающих фирм. Эта тенденция подтверждается фактами деятельности ИТНК в странах БРИКС.

В то же время ТНК влияют на предоставление товаров и услуг в принимающих странах с точки зрения количества, стоимости, качества и ассортимента. В некоторых отраслях они могут существенно дополнять тот объем товаров и услуг, который имеется в принимающей стране. Например, в секторе услуг финансовая мощь ТНК, наряду с их способностью реализовывать комплексные системы и управлять ими, позволяет быстро расширять возможности по предоставлению комплексных капиталоемких услуг, таких как услуги в области телекоммуникаций и транспорта. В таких отраслях, как розничная торговля, присутствие ТНК приносит новые методы коммерческой деятельности, новые механизмы ценообразования, усовершенствованные процессы информационного управления и новые методы маркетинга и продаж [9]. Для устоявшего в конкуренции национального бизнеса усиливается позитивный эффект от присутствия ТНК, в особенности если они обладают способностями к модернизации и расширению управленческих навыков.

Что касается экспорта коммерческих услуг, то 15 ведущих промышленных экономик (см. табл. 1) в 2012 г. сформировали 63,63% мирового экспорта (чуть больше показателя по экспорту товаров). Их совокуп-

ная доля с 2000 г. почти не изменилась (в 2000 г. составляла 63,77%, в 2010 г. – 64,53%). Лидером среди БРИКС по-прежнему является Китай (см. табл. 1), однако в мировом масштабе он занимает только 5-е место с долей 4,38%, значительно уступая США, занимающим первую позицию. Не сильно отстает от Китая Индия, находящаяся на 7-м месте с 3,23% (в 2000 г. эти страны занимали 13-е и 25-е места соответственно). Другие страны БРИКС в Топ-15 ведущих экономик в 2012 г. по доле в мировом экспорте коммерческих услуг не вошли. Россия получила 22-е место с 1,34% (против 32-го в 2000 г.), Бразилия – 29-е с 0,88% (33-е), ЮАР – 44-е с 0,34% (39-е). Хотя почти все экономики БРИКС, кроме ЮАР, с 2000 г. увеличили свои доли в мировом экспорте коммерческих услуг, что не может не являться положительной тенденцией.

В странах БРИКС с позиций экспорта наукоемких коммерческих услуг (см. табл. 3), который можно назвать еще одним из показателей инновационной активности стран и их субъектов, а также деятельности иностранных ТНК и национальных корпораций в каждой стране, в 2012 г. проявляется следующая ситуация:

- в мировой экономике в целом к 2012 г. соотношение по экспорту наукоемких и ненаукоемких услуг одинаковое, по сравнению с 2000 г. удельный вес наукоемких услуг в совокупном экспорте увеличился с 42 до 50%;

- среди БРИКС к 2012 г. самый высокий удельный вес наукоемких услуг представлен в Индии и Бразилии (73 и 68% соответственно). Кроме того, Индия с 2000 г. значительно увеличила долю наукоемких услуг в экспорте как по сравнению с собственными показателями, так и среднемировыми;

- во всех странах, кроме Индии, в 2000 г., доминируют среди наукоемких услуг «прочие деловые услуги», куда в соответствии со статистикой ВТО [10] входят: связанные с торговлей услуги, операционный лизинг и различные деловые, профессиональные и технические услуги, такие как юридические, учет, управленческий консалтинг, связи с общественностью, реклама, исследования рынков и опросы общественного мнения, услуги в сфере исследований и разработок, архитектуры, инжиниринг и другие технические услуги, в сфере сельского хозяйства, добычи;

- Индия как лидер среди БРИКС по доле в экспорте наукоемких услуг, помимо прочих деловых услуг еще активно наращивает компьютерные и информационные услуги (34% в 2012 г. против 25% в 2000 г.), которые стали преобладать в структуре экспорта;

- ЮАР имеет самый маленький удельный вес наукоемких услуг в экспорте среди стран БРИКС, и проявляется тенденция к его сокращению (2000 г. – 21%, 2010 г. – 20%, 2012 г. – 19%). Помимо деловых услуг, в структуре экспорта значительный вес имеют финансовые услуги. Хотя в 2000 г. вместо них в данных ВТО указаны услуги страхования. Однако здесь, скорее всего, речь идет о неточности статистических данных по Южной Африке. Кроме того, все другие страны БРИКС в абсолютных показателях, а Бразилия и в относительных, имеют данные по финансовым услугам намного выше;

- Российская Федерация по доле наукоемких услуг в экспорте выше только ЮАР, остальные страны

БРИКС обогнали и по относительным, и по абсолютным числам, то же самое касается среднемировых значений. Хотя замечен значительный ее рост. Увеличение произошло с 25% в 2000 г. до 39% в 2012 г.;

– США, в отличие от БРИКС, хотя и имеют меньшую долю наукоемких услуг в своем экспорте по сравнению с Бразилией и Индией (57%), но выше среднемирового значения, активно получают доходы из-за рубежа от использования интеллектуальной собственности. В 2012 г. 20% экспорта услуг составляли указанные сборы, в 2000 г. – 18%. За прошедшее десятилетие ситуация не сильно изменилась. Ни одна страна БРИКС не имеет данный показатель более 1%.

ТНК, функционируя в принимающей экономике, кроме экспорта / импорта товаров и услуг, влияют на создание добавленной стоимости ее субъектами, что отражается на агрегированных показателях. В то же время ТНК не способствуют резкой структурной пере-

стройке местной экономики. В частности, приход ИТНК не стал фактором активного изменения и модернизации структуры промышленности многих стран БРИКС. Как правило, доля высокотехнологичных изделий в общем объеме создаваемой добавленной стоимости или не растет, или увеличивается не очень сильно. Производственные ПИИ аккумулируются в низкотехнологичном и среднетехнологичном секторах обрабатывающей промышленности. Филиалы ТНК в БРИКС в основном пользуются разработанными в рамках корпорации инновационными технологиями, в силу чего очень небольшие средства вкладывают в НИОКР непосредственно в этих странах. Хотя позитивное влияние результатов НИОКР проявляется в возможности их освоения в национальном хозяйстве, последующем создании в стране размещения ПИИ и тесном взаимодействии с местными фирмами, что улучшает национальную инновационную систему развивающихся стран.

Таблица 4

Доли 15 ведущих промышленных экономик в мировом показателе добавленной стоимости обрабатывающей промышленности, % [11]

Страна / Экономика	Рейтинг (2012 г.)	2000	2010	2012*
США	1	22,98	20,86	20,52
Китай	2	6,87	15,34	17,44
Япония	3	13,77	11,47	10,93
Германия	4	8,26	6,58	6,52
Республика Корея	5	2,34	3,31	3,4
Франция	6	3,66	2,89	2,72
Италия	7	4,7	3,08	2,66
Великобритания	8	4,21	2,92	2,63
Индия	9	1,32	2,16	2,31
Мексика	10	2,33	1,93	1,99
Бразилия	11	1,82	1,79	1,7
Российская Федерация	12	1,37	1,47	1,52
Канада	13	2,46	1,55	1,49
Испания	14	2,33	1,68	1,46
Турция	15	1,03	1,19	1,28

* Оценки ЮНИДО.

Как видно из табл. 4, Китай и Индия входят в Топ-10 ведущих промышленных экономик по доле в мировом показателе добавленной стоимости обрабатывающей промышленности. Причем у Китая, единственной из представленных экономик, произошел рост доли добавленной стоимости в мировом масштабе в 2,5 раза. Всего, по данным Организации Объединённых Наций по промышленному

развитию (ЮНИДО), 15 ведущих промышленных экономик в 2012 г. создали 78,57% мировой добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности, которая с 2000 г. почти не изменилась (в 2000 г. составляла 79,45%, в 2010 – 78,22%). Здесь представлены 4 экономики стран БРИКС. Наряду с Китаем и Индией попадают Бразилия и Российская Федерация (11-е и 12-е места соответственно).

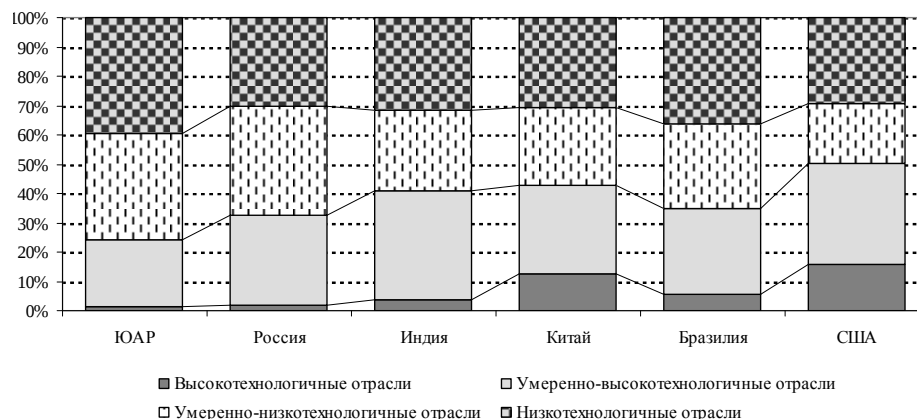


Рис. 5. Технологическая интенсивность промышленности стран БРИКС и США в 2000 г.

Составлено на основе данных по добавленной стоимости, созданной в отраслях промышленности (статистические данные ЮНИДО по добавленной стоимости и относительным показателям по странам) [12], разбивка по отраслям сформирована на основе Классификации отраслей промышленности по технологической интенсивности, предложенной ОЭСР [6]

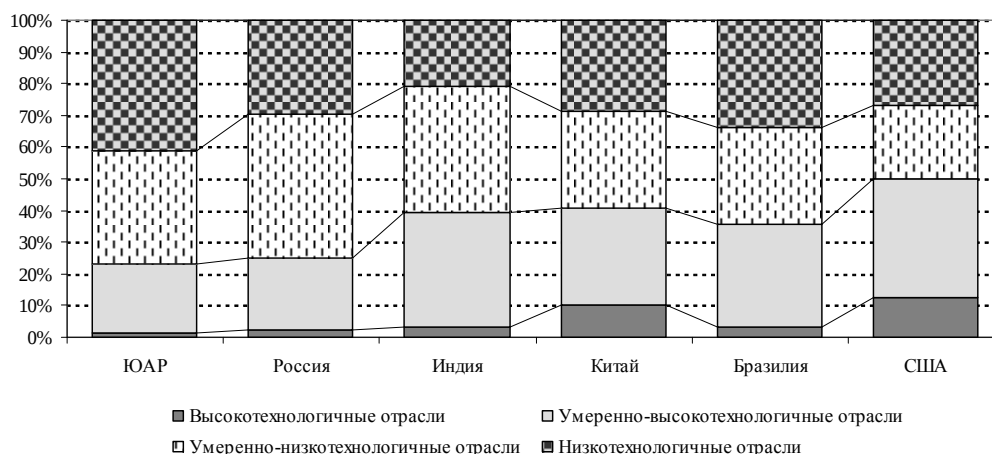


Рис. 6. Технологическая интенсивность промышленности стран БРИКС и США в 2010 г. Составлено на основе данных по добавленной стоимости, созданной в отраслях промышленности (статистические данные ЮНИДО по добавленной стоимости и относительным показателям по странам) [12], разбивка по отраслям сформирована на основе Классификации отраслей промышленности по технологической интенсивности, предложенной ОЭСР [6]

Если оценивать рассматриваемые экономики⁴ с позиций технологической емкости создаваемой стоимости (рис. 5, 6), то можно отметить, что в конце первого десятилетия XXI в. страны БРИКС и США по «инновационности» отраслей промышленности располагаются в той же последовательности, что и по доле добавленной стоимости в мировом показателе. Как видим, лидируют США, у которых созданная добавленная стоимость высокотехнологичных отраслей⁵ колеблется в пределах 50%. Потом идут Китай и Индия – 40%, Бразилия – в районе 35%, Российская Федерация – 24%, ЮАР – примерно 23%. Хуже всех дела обстоят в Российской Федерации, которая за 10 лет резко снизила свои позиции по удельному весу высокотехнологичных отраслей в добавленной стоимости промышленности по сравнению с другими рассматриваемыми странами, где колебания идут 1–2%.

В связи с этим хотелось бы отметить, что ПИИ (соответственно и ИТНК) не могут быть сами по себе инструментом экономического и инновационного развития, если наряду с ними не создано других условий в принимающих странах. Мы можем утверждать, что эффективность от привлечения ПИИ зависит от внутренней политики государств, направленной на создание первоклассных активов в принимающих странах. Это не только строительство заводов, но и создание инфраструктуры, формирование человеческого капитала, инновационное развитие и т.д. Только в этом случае потоки ПИИ смогут содействовать экономическому развитию стран, изменяя их экспортные возможности и усиливая взаимоотношения с принимающими экономиками. Другими словами, ПИИ не являются заменой отсутствующей продуманной и эффективной внутренней политики развития страны.

Проявление негативных эффектов в принимающих странах в значительной мере зависит от первоначальных условий, существующих в национальном хозяйстве, особенно от уровня развития экономики в целом и сферы промышленности и услуг, структуры рынка отраслей и имеющейся нормативно-правовой базы. Поэтому основная задача по нивелированию отрицательных последствий функционирования ТНК ложится на национальные правительства.

ЮНКТАД называет следующие факторы, необходимые для реализации в национальной экономике, чтобы привлечь ПИИ и, соответственно, ТНК с минимальными потерями в свою страну:

1. Необходимо поощрение инвестиций и деловой активности. Причем необходимо определить реальные потребности всех отраслей в инвестициях, чтобы они принесли ожидаемые выгоды и не было непродуманных инвестиций в неудачные комплексы. Тенденции к территориальной концентрации можно поощрять за счет создания ЗЭП, промышленных парков и других специализированных объектов, часто действующих в одной или нескольких отраслях.

2. Организация институционального строительства. Создание учреждений, обеспечивающих инфраструктуру современной промышленной деятельности. Преимущества от деятельности ТНК возникают на территориях, обеспеченных коммуникациями, созидательными возможностями.

3. Подготовка кадров и повышение квалификации трудовых ресурсов, что предусматривает создание специализированных центров подготовки, возможно, с участием иностранных филиалов. Здесь же возможно привлечение международной мобильной рабочей силы в дополнение к местным трудовым ресурсам. Чем выше наукоемкость производства, тем важнее для территориально-производственных комплексов привлекать квалифицированные кадры.

4. Развитие отечественного потенциала, так как это способствует не только привлечению высококачественных ПИИ, но и необходимо для содействия модернизации существующих видов деятельности.

Таким образом, отношения, которые складываются между ИТНК и национальным бизнесом не только в инновационной сфере, являются сложными и противоречивыми. С одной стороны, ИТНК могут включить их в свою систему производства, привнеся новые технологии, стандарты качества, опыт, ресурсы и т.д. С другой – приход ИТНК может означать для национальных производителей не только потерю рыночной доли или перемещение в нижний ценовой сегмент, но и уход с рынка. Поэтому необходимо

создание механизма согласования интересов этих субъектов при активном участии государства, которое будет учитывать национальные особенности принимающей страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ При расчетах в категории «Товары» учитывалась продукция обрабатывающей и горной (добывающей) промышленности, топливо и сельскохозяйственные товары; «Коммерческие услуги» – совокупные услуги за исключением услуг государственных органов.
- ² Для анализа были взяты экономики БРИКС, для сравнения – США как одна из крупнейших экономик мира. Составлено на основе статистики ВТО (совокупная торговля товарами и торговля коммерческими услугами) [5].
- ³ Под высокотехнологичными отраслями в данном случае понимаются высокотехнологичные и умеренно-высокотехнологичные, к которым были отнесены химическое производство, производство машин и оборудования, транспортных средств согласно классификации ОЭСР [6].
- ⁴ Для анализа были взяты экономики БРИКС, для сравнения – США как одна из крупнейших экономик мира по аналогии с экспортом товаров и услуг.
- ⁵ Под высокотехнологичными отраслями в данном случае понимаются высокотехнологичные и умеренно-высокотехнологичные, к которым были отнесены химическое производство, производство машин и оборудования, транспортных средств согласно классификации ОЭСР [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура* : пер. с англ. / Д. Хельд [и др.]. М. : Праксис, 2004. 576 с.
2. Клинцов В., Кузнецова Е., Чернявский В. Как России создать инновационную экономику // Вестник McKinsey. 2010. № 21. С. 6–19. URL: <http://vestnikmckinsey.ru/archive> (дата обращения: 25.11.2012).
3. Редчикова Н.А., Турлов А.В., Чернышов М.Ю. Инновационные системы стран БРИКС: взаимодействие государства и национальных компаний // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2013. № 1 (21). С. 30–46.
4. Петиненко И.А. Инновационное поведение корпораций стран БРИКС: необходимость и возможности формирования // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2012. № 4 (20). С. 217–226.
5. *Time Series on international trade* / WTO Statistics database. Databases, publications and tools. Statistics. Documents and resources // World Trade Organization: communication web portal. URL: <http://stat.wto.org/StatisticalProgram/WSDBViewData.aspx?Language=E> (date accessed: 10 Oct. 2013).
6. *ISIC Rev. 3 Technology Intensity Definition / Bilateral Trade in Goods by Industry and End-use Category*. Industry and globalisation. Directorate for Science, Technology and Industry // Organisation for Economic Co-operation and Development : communication web portal. URL: <http://www.oecd.org/sti/ind/48350231.pdf> (date accessed: 28 Aug. 2013).
7. *Perspectives on Global Development 2013. Industrial Policies in a Changing World* // Organisation for Economic Co-operation and Development: communication web portal. URL: <http://www.oecd.org/dev/pgd/COMPLETE-%20Pocket%20EditionPGD2013.pdf> (date accessed: 14 Sep. 2013).
8. Chunovsky D., Lopez A. Transnational corporations' strategies and foreign trade patterns in MERCOSUR countries in the 1990s / D. Chunovsky, A. Lopez // Cambridge Journal of Economics. 2004. September. Vol. 28, № 5. P. 635–652.
9. *Переориентация на сектор услуг: доклад ООН о мировых инвестициях, 2004. Основные обзоры ООН в экономической и социальной областях. Инвестиции* // Организация объединенных наций : официальный интернет-сайт ООН. [Б. м.], 2013. URL: <http://www.un.org/ru/development/surveys/docs/investments2004.pdf> (дата обращения: 21.10.2013).
10. *V. 4 Trade in commercial services / Technical notes (WTO Statistical data sets – Metadata)*. Time Series on international trade. WTO Statistics database. Databases, publications and tools. Statistics. Documents and resources // World Trade Organization : communication web portal. URL: http://stat.wto.org/StatisticalProgram/WSDBStatProgramTechNotes.aspx?Language=E#Def_Meth_Services (date accessed: 10 Oct. 2013).
11. *Leading manufacturing economies share in world MVA* Statistical Country Briefs / Statistics. Resources // United Nations Industrial Development Organization : communication web portal. URL: http://www.unido.org/Data1/IndStatBrief/World_Leading_MVA.cfm?print=no&type=W6&Country=&Group= (date accessed: 16 Oct. 2013).
12. *Value Added and related Indicators by Industry* / Statistics. Resources // United Nations Industrial Development Organization : communication web portal. URL: http://www.unido.org/Data1/IndStatBrief/D_MVA_per_Employee_and_Output_Share_per_Sector.cfm?print=no&type=D&Country=BRA&sortBy=&sortDir=&Group= (date accessed: 16 Oct. 2013).

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 1 февраля 2013 г.

FOREIGN TRANSNATIONAL CORPORATIONS IN BRICS ECONOMIES: THE INNOVATIVE ASPECT

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 202–213 DOI: 10.17223/15617793/381/34

Petinenko Irina A., Redchikova Natalia A., Soboleva Ekaterina N., Chikov Mikhail V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irina.petinenko@yandex.ru; natoko@yandex.ru; soboleva88@tpu.ru; chikov@sibmail.com

Keywords: innovative activity; corporations; BRICS countries.

The BRICS countries (Brazil, Russia, India, China and South Africa) are attractive economies for foreign multinational corporations (FMNC) because of their growth. The current trends are connected with manufactures and services strengthening, with R&D investments increasing, with effective use of benefits from globalization (integration in world global value chains, creating own global value chains based on the experience of foreign transnational corporations), with growth of the internal demand and household incomes. FMNC entry to the domestic market of the host country raises the question of developing its further strategy before the national business. There can be various ways of economic interests implementation between foreign transnational corporations and local firms. It depends on the extent of industry development, national business competitiveness and its innovative capacity, government support of the host country and aims of foreign corporations. The market exit of national business is only one of the chosen strategies. In all other cases (direct competition, focusing resources on niche brands or products with competitive advantages, joining FMNCs) it is necessary to change the market behavior. Here one cannot do without innovations. All three agents actively participate in this process. The governments of host countries create institutions that are factors of innovative development. They are competition and favorable business environment. Competition in the industry of FMNC interest makes it possible to implement and develop all types of innovation. Besides, the basic factor in development of innovations in some industries is governments, not greater competition or MNCs. Therefore, the government's role in innovations is estimated ambiguously in BRICS countries. For MNC branches to build their business in host countries they are to gradually establish links with local companies. With these links the well-run export, most likely, will be more sustainable and profitable for host countries. It will provide a higher level of the value added created in the host economy and greater competitiveness of

a domestic business. China's and India's industrial development that combined efforts to associate MNCs export-oriented transactions with the development of the internal capacity can be an example. The above ensures national business innovative activity of BRICS countries. The analysis of the statistics on commodity and services export, on creation of the value added by industries, on the position in the world economy by these indicators and innovation policy-making within the country confirms this. However, the same figures define and identify opposite trends when strengthened FMNC activities in the host country do not result in growing exports and its structure improvement. Thus, there is an obvious question of who has more impact on innovation of the host country: FMNCs operating in their own interests or national businesses pursuing their own interests. It is rather problematic to answer this question.

REFERENCES

1. Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. *Global Transformations. Politics, economics and culture*. Stanford, Stanford University Press, 1999. 540 p. (Russ. ed.: Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. *Global'nye transformatsii: Politika, ekonomika, kul'tura*. Moscow, Praksis Publ., 2004. 576 p.).
2. Klintsov V. [How to build an innovative economy in Russia]. *Vestnik McKinsey – McKinsey Quarterly*, 2010, no. 21, pp. 6–19. (In Russian). Available at: <http://vestnikmckinsey.ru/archive>. (accessed 25.11.2012).
3. Redchikova N.A., Turlov A.V., Chernyshev M.Yu. Innovatsionnye sistemy stran BRIKS: vzaimodeystvie gosudarstva i natsional'nykh kompaniy [BRICS countries innovation systems: the interaction of government and national corporations]. *Vestnik Tomskego gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomske State University Journal of Economics*, 2013, no. 1(21), pp. 30–46.
4. Petinenko I.A. Innovatsionnoe povedenie korporatsiy stran BRIKS: neobkhodimost' i vozmozhnosti formirovaniya [Innovative behaviour of corporations of the BRICS countries: the need and possibilities of formation]. *Vestnik Tomskego gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomske State University Journal of Economics*, 2012, no. 4(20), pp. 217–226.
5. *Time Series on international trade*. WTO Statistics database. Available at: <http://stat.wto.org/StatisticalProgram/WSDBViewData.aspx?Language=E>. (accessed 10.10.2013).
6. *ISIC Rev. 3 Technology Intensity Definition. Bilateral Trade in Goods by Industry and End-use Category*. Available at: <http://www.oecd.org/sti/ind/48350231.pdf>. (accessed 28.08.2013).
7. *Perspectives on Global Development 2013. Industrial Policies in a Changing World*. Available at: <http://www.oecd.org/dev/pgd/COMPLETE-%20Pocket%20EditionPGD2013.pdf>. (accessed 14.09.2013).
8. Chunovsky D., Lopez A. Transnational corporations' strategies and foreign trade patterns in MERCOSUR countries in the 1990s. *Cambridge Journal of Economics*, 2004, vol. 28, no. 5, pp. 635 – 652.
9. *The shift towards the service sector: the UN report of the World Investment, 2004*. Available at: <http://www.un.org/ru/development/surveys/docs/investments2004.pdf>. (accessed 21.10.2013) (In Russian)
10. *Trade in commercial services. Technical notes (WTO Statistical data sets – Metadata)*. Available at: http://stat.wto.org/StatisticalProgram/WSDBStatProgramTechNotes.aspx?Language=E#Def_Meth_Services. (accessed 10.10.2013)
11. *Leading manufacturing economies share in world MVA Statistical Country Briefs*. Available at: http://www.unido.org/Data1/IndStatBrief/World_Leading_MVA.cfm?print=no&ttype=W6&Country=&Group=. (accessed 16.10.2013).
12. *Value Added and related Indicators by Industry*. Available at: http://www.unido.org/Data1/IndStatBrief/D_MVA_per_Employee_and_Output_Share_per_Sector.cfm?print=no&ttype=D&Country=BRA&sortBy=&sortDir=&Group=. (accessed 16.10.2013).

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

УДК 77.03.37:159.93

Ф.А. Гужов, Ю.П. Бредихина, Л.В. Капилевич, А.А. Ильин, М.Б. Ложкина

ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТОЧНОСТИ УДАРОВ В СПОРТИВНОМ КАРАТЕ

Исследованы физиологические механизмы обеспечения точности выполнения удара цуки у спортсменов, занимающихся спортивным карате, на разных этапах спортивного совершенствования. Показано, что формирование мастерства в спортивном карате можно рассматривать как единую функциональную систему, определяющую роль в которой играют координационные способности и характер организации мышечного сокращения. Именно с согласования данных двух систем начинается формирование мастерства. Дальнейшее совершенствование сопровождается усилением их взаимодействия, основанным в том числе на оптимизации работы высших отделов нервной системы. Формирование вышеописанного двигательного стереотипа сопровождается развитием систем его вегето-сосудистого обеспечения. Однако на этапе спортивного совершенствования уровень напряжения вегетативной системы слабо коррелирует с двигательными нагрузками, что приводит к избыточному напряжению регуляторных механизмов и дисбалансу гемодинамических показателей. На этапе высшего спортивного мастерства окончательно формируются взаимосвязи двигательных и вегетативных механизмов.

Ключевые слова: электромиография; стабелография; кардиоинтервалография; адаптация; карате; равновесие; биомеханика.

Введение. Любые спортивные достижения требуют мобилизации физических, технических, психологических и функциональных возможностей спортсмена. При этом систематическая напряженная мышечная деятельность вызывает комплекс ответных реакций, дифференцированных преобразований с формированием функциональных и структурных изменений, обеспечивающих адаптацию к специфике нагрузок в том или ином виде спорта в зависимости от направленности физических нагрузок, спортивного стажа, состояния здоровья, возраста занимающихся и других факторов [1, 2]. Спортивная подготовка предполагает сбалансированность регулирующих систем, обеспечивающих гемодинамические, метаболические и энергетические реакции при мышечной деятельности, особенно в тех видах спорта, которые предполагают сложно-координационные движения и быструю реакцию на внешние факторы. К таким видам спорта относятся и единоборства, в том числе – спортивное карате [3].

Самыми распространенными приемами в спортивном карате являются удары, выполняемые руками либо ногами. Один из таких приемов – цуки – удар кулаком, нанесенный по мишени, находящейся перед спортсменом [2]. Для точного выполнения удара необходимо сочетание силы, скорости, равновесия и координации, а также адаптация спортсмена к физическим нагрузкам [4, 5].

Цель работы: исследовать физиологические механизмы обеспечения точности выполнения удара цуки у спортсменов, занимающихся спортивным карате, на разных этапах спортивного совершенствования.

Материалы и методы исследования. Было обследовано 48 спортсменов – мужчин в возрасте от 18 до 27 лет, специализирующихся в спортивном карате. Было выделено три группы: первая группа – 12 человек, занимающихся на этапе высшего спортивного мастерства и имеющих спортивную квалификацию «мастер спорта»; вторая группа – 15 человек, тренирующихся на этапе спортивного совершенствования (стаж тренировки 2–3 года, квалификация I–II разряд), третья группа – 21 человек, тренирующихся на этапе началь-

ной спортивной специализации (стаж тренировки 2–3 месяца, не имеющие спортивных разрядов).

Исследование биоэлектрической активности мышц верхних конечностей при выполнении удара кулаком – цуки, выполнялось на нейромиографе «Нейро-МВП-4» (НПО «Нейрософт», Россия). Электроды (диаметром 0,5 см с межэлектродным расстоянием 2 см) накладывались на проекции трехглавой мышцы плеча. Исследование зрительных вызванных потенциалов головного мозга (ЗВП) выполнялось на этом же приборе. Оценка координационных способностей и равновесия выполнялась на стабелографическом анализаторе «Стабилан-01-2» (НПО «Нейрософт», Россия) при выполнении удара цуки. Адаптационные возможности организма спортсменов оценивались с помощью прибора «ЭКГ-триггер-МКА-02» (НПП «Метекс», Россия). Оценка кровотока выполнялась с помощью реовазографии (РВГ) на реографе «Рео-Спектр» (НПО «Нейрософт», Россия).

Статистическая обработка полученных данных выполнялась методами вариационного и корреляционного анализа. Проверку на нормальность распределения проводили с использованием критерия Колмогорова–Смирнова. Для оценки достоверности различий между выборками использовался критерий Манна–Уитни. Взаимосвязь признаков оценивалась с помощью метода ранговой корреляции Спирмена.

Результаты исследований. При анализе статокинезиграмм, полученных при выполнении удара рукой, видно, что спортсмены высшей квалификации в подготовительной фазе удерживают общий центр тяжести (ОЦТ) в исходном положении, после чего ОЦТ перемещается вперед по траектории удара и возвращается назад (рис. 1). Спортсмены средней и низкой квалификации уже в подготовительной фазе для получения дополнительной устойчивости совершают перемещение ОЦТ назад. В момент выполнения удара траектория ОЦТ изогнута, что существенно снижает эффективность выполнения движения. В завершающей фазе для удержания равновесия спортсмен выполняет колебательные движения в обе стороны.

С ростом квалификации спортсменов происходит увеличение величин разброса по сагиттали и фронтالي,

а также скоростей перемещения ОЦТ ($p < 0,05$, табл. 1). При выполнении удара спортсмен для увеличения устойчивости старается увеличить площадь проекции траектории ОЦТ, поэтому с ростом квалификации происходит увеличение разброса в обеих плоскостях. Увеличение же скоростей перемещения ОЦТ у высококвалифицированных спортсменов говорит о своевременной компенсации возникающих отклонений тела, т.е. об оптимальной работе систем поддержания вертикальной позы.

Максимальная амплитуда электрической активности всех групп мышц, участвующих в выполнении удара рукой, у высококвалифицированных спортсменов была достоверно выше, чем у спортсменов средней и низкой квалификации, а частота осцилляций, напротив, в группе каратистов средней квалификации превышала показатели квалифицированных спортсменов ($p < 0,05$, табл. 1). Это свидетельствует о том, что у мастеров спорта наблюдается синхронизация работы двигательных единиц, одновременное их вовлечение в выполнение ударного движения.

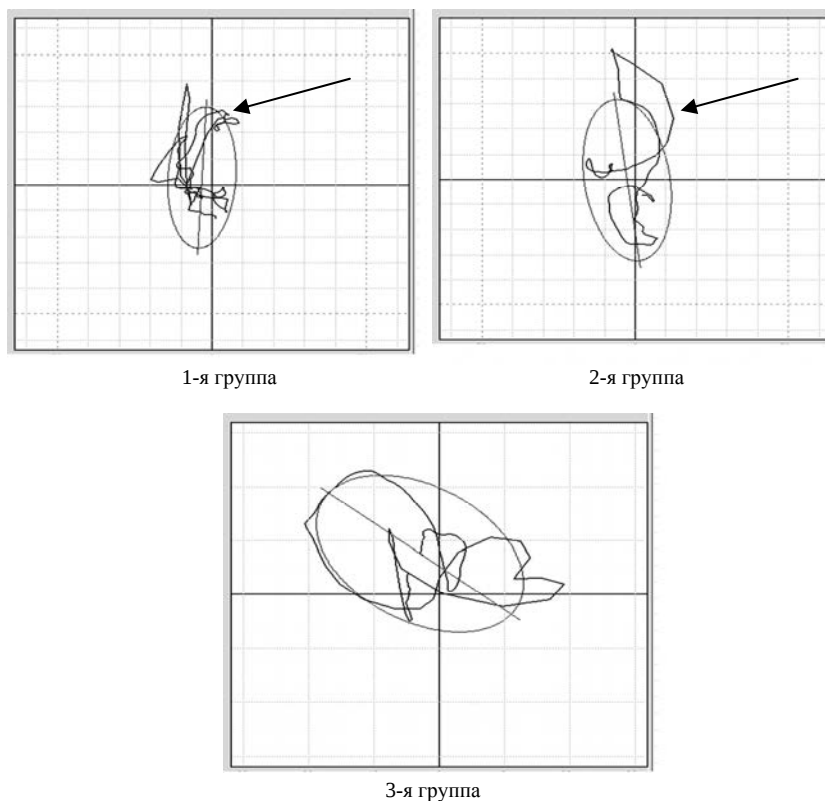


Рис. 1. Статокинезиграммы при выполнении удара рукой (цуки) спортсменами различной квалификации.
1-я группа – высшее спортивное мастерство; 2-я группа – спортивное совершенствование;
3-я группа – начальная спортивная специализация. Стрелкой обозначен момент выполнения удара

Таблица 1
Электромиографические, стабิโลграфические и адаптационные характеристики ударных движений в спортивном карате

Ударное движение	Показатели	X _{ср} ± m		
		1-я группа (высшее спортивное мастерство)	2-я группа (спортивное совершенствование)	3-я группа (начальная спортивная специализация)
Удар кулаком (цуки)	Разброс по фронтالي, мм	11,8±1,5*	9,6±0,8*	6,7±0,8
	Разброс по сагиттали, мм	12,5±1,4*	11,1±1,4*	7,7±0,7
	Средняя скорость перемещения ЦД, мм/с	103,1±12,1#	87,5±5,2*	72,6±7,2
	Средняя линейная скорость по фронтالي, мм/с	67,6±8,9#	45,3±1,8	40±5,5
	Средняя линейная скорость по сагиттали, мм/с	64,1±7,1	63,2±6,8*	53±4,8
	ЭМГ трехглавой мышцы плеча слева	Ампл., мкВ	631,7±52#	389,3±33,3*
		Частота, Гц	218,00±23#	302,8±41,3*
	ЭМГ трехглавой мышцы плеча справа	Ампл., мкВ	1188,25±81,9#	496,7±54,3*
		Частота, Гц	308,4±23,7#	425,4±49,8*
	Вариационный размах, dX	0,92±0,1*#	0,49±0,07	0,55±0,09
	Амплитуда моды, АМо	30,3±2,5*#	28,3±2,6*	20,8±1,6
	Индекс напряжения, ИН	47,25±4,1*#	91,9±6,1	85,4±10,3
	Частота сердечных сокращений, ЧСС	59,17±7,1*	71,2±7,3	81,35±8,4

* Достоверность различий с 3-й группой, $p < 0,05$. # Достоверность различий со 2-й группой, $p < 0,05$.

При исследовании вызванных потенциалов у спортсменов-каратистов было выявлено, что латентный период зрительных вызванных потенциалов (ЗВП) в группе высшего спортивного мастерства и группе

спортивного совершенствования достоверно ниже ($p < 0,05$) для негативных компонентов N1, N2, N3 в передневисочной, затылочной области по сравнению с группой начинающих спортсменов (табл. 2). Латентный период ЗВП для позитивных компонентов P1, P2, P3 в группе высококвалифицированных спортсменов достоверно ниже ($p < 0,05$) в передневисочной области по сравнению с группой начинающих спортсменов (табл. 2). Наиболее отчетливо разница прослеживается в

компонентах P2 и P3. Можно полагать, что компоненты ЗВП отражают анализ информации в подкорке, неосознанную переработку информации. Снижение латентного периода ЗВП свидетельствует об уменьшении числа синаптических контактов, что приводит к активации корковых процессов, а следовательно, к возникновению новых временных связей, более полному анализу и распознаванию раздражителя, увеличению скорости ответной реакции на поступающее раздражение [6].

Таблица 2

Показатели латентного периода (мс) ЗВП головного мозга у спортсменов различной квалификации, занимающихся спортивным карате

(X±m)							
Отведения	Группа	N1	N2	N3	P1	P2	P3
Передневисочные	3-я (начальная спортивная специализация)	119±6,7	212±8,4	329±12,3*	171±7,1	281±11,1	388±9,4
	2-я (спортивное совершенствование)	93,4±7,1*	199,7±8,1*	331,9±15,1	175,1±6,2	276,1±13	376,7±10,4*
	1-я (высшее спортивное мастерство)	82±6,5*	198±7,4*	321±17,3*	169±6,3	260±11,2*	371±11*
Затылочные	3-я (начальная спортивная специализация)	160±3,8	210±4,7	320±5,2	165±3,7	270±5,1	390±5,5
	2-я (спортивное совершенствование)	150,5±7,1*	199,1±5,7*	308,6±6,1*	166,9±6,9	274,1±8,3	391,8±8,7
	1-я (высшее спортивное мастерство)	147±6,5*	201±11*	291±10,9*	162±9,5	270±13,4	390±19,1

* Достоверность различий с 3-й группой, $p < 0,05$.

Сравнительный анализ основных параметров интенсивности кровотока левого и правого предплечья позволил установить, что уже у спортсменов 2-й группы имеет место увеличение реографического индекса и скорости кровотока. Рост этих показателей, характеризующих при-

ток крови, продолжается и на стадии высшего спортивного мастерства. В то же время ДИК и ДИА, характеризующие фазу кровотока, во 2-й группе не отличаются от значений в группе новичков, они увеличиваются только у спортсменов 1-й группы (табл. 3).

Таблица 3

Реографические показатели кровотока предплечья у спортсменов, занимающихся спортивным карате

Показатель	1-я группа (высшее спортивное мастерство)	2-я группа (спортивное совершенствование)	3-я группа (начальная спортивная специализация)
Реографические показатели кровообращения левого предплечья			
РИ	0,77±0,6* #	0,54±0,03*	0,27±0,019
V _{макс}	1,37±0,05* #	0,87±0,057*	0,53±0,04
V _{ср}	0,76±0,07* #	0,65±0,04*	0,35±0,03
ДИК	36±1,4* #	18±1,5	12±1,5
ДИА	33±2,1* #	16±1,5	16±2,7
Реографические показатели кровотока правого предплечья			
РИ	0,73±0,08* #	0,64±0,07*	0,36±0,05
V _{макс}	1,32±0,1* #	0,91±0,09*	0,72±0,08
V _{ср}	0,71±0,5* #	0,44±0,08	0,48±0,06
ДИК	43±3,4* #	33,5±3,6	21±2,8
ДИА	53,5±2,8* #	28±1,9	17,5±1,7

* Достоверность различий с 3-й группой, $p < 0,05$. # Достоверность различий со 2-й группой, $p < 0,05$.

Полученные данные позволяют констатировать, что у спортсменов, занимающихся спортивным карате, формирование механизмов гемодинамического обеспечения мышц верхних конечностей связано преимущественно со снижением тонуса артерий. Также имеет место явление «запаздывания» гемодинамических перестроек на этапе спортивного совершенствования, при этом кровеносная система еще не перестроилась и не обеспечивает гемодинамические запросы мышечного аппарата. В целом полученные результаты свидетельствуют об увеличении парасимпатического влияния на кровообращение у спортсменов с ростом их квалификации и, следовательно, о возрастании резервных возможностей при максимальных нагрузках.

Адаптационные возможности организма спортсменов оценивались методом кардиоинтервалографии. Показатели амплитуды моды (АМо) значимо отличались в 1-й и 2-й группах от группы начинающих и превышали ее на 30% ($p < 0,05$, табл. 1). Вариационный

размах (dX) увеличивался только в группе высшего спортивного мастерства ($p < 0,05$, табл. 1). Индекс напряжения (ИН) в группе начинающих был минимален, а с ростом спортивного мастерства сначала возрастал, а в 1-й группе, напротив, снижался почти вдвое ($p < 0,05$, табл. 1).

Таким образом, можно заключить, что у спортсменов на стадии высшего спортивного мастерства отмечается преобладание парасимпатического влияния вегетативной нервной системы, что отражает процесс адаптации к физическим нагрузкам. В то же время на стадии спортивного совершенствования отмечаются признаки вегетативной дисрегуляции и повышения тонуса симпатического отдела, что свидетельствует о напряжении адаптации. Видимо, на данном этапе подготовки цена адаптации слишком высока и вегетативное обеспечение не соответствует уровню тренировочных нагрузок.

Для исследования взаимосвязей между характеристиками физиологических систем, участвующих в ре-

гуляции и вегетативном обеспечении ударных действий у спортсменов-каратистов различного уровня мастерства, был проведен корреляционный анализ. При этом у начинающих спортсменов достоверные корреляционные связи между исследованными параметрами не обнаруживались ($p > 0,05$).

В группе спортсменов средней квалификации показатели разброса по сагиттали и показатели сокращения трехглавой мышцы плеча справа коррелируют с друг другом с коэффициентом $R = 0,64$. Также эти показатели коррелируют с показателями кардиоинтервалографии и ЗВП: показатель разброса по сагиттали ($R = -0,61$) и показатель сокращения трехглавой мышцы плеча справа ($R = -0,67$) с вариационным размахом и с показателем ЗВП, с N1 в передневисочной области ($R = -0,61$, $R = -0,59$ соответственно, рис. 2).

При анализе корреляционных связей полученных показателей в группе высшего спортивного мастерства было обнаружено, что такие показатели стабильности, как

разброс по сагиттали ($R = -0,7$ и $R = -0,72$), а также показатель частоты сокращения ЭМГ трехглавой мышцы плеча справа ($R = -0,69$ и $R = -0,67$), коррелируют с показателями кардиоинтервалографии: вариационным размахом и индексом напряжения, а также с показателями ЗВП: с N1 ($R = -0,7$ и $R = 0,76$ соответственно) в передневисочной области и с компонентом P2 также передневисочной области с коэффициентами $R = -0,72$ и $R = -0,73$ соответственно. Также эти показатели коррелируют друг с другом с коэффициентом $R = -0,8$ (рис. 3). Одновременно с этим показатель разброса по сагиттали коррелирует ($R = 0,79$) с показателем реографии – РИ правого предплечья, а показатель частоты сокращения ЭМГ трехглавой мышцы плеча справа одновременно и с РИ ($R = 0,82$) и с ДИК ($R = -0,78$) правого предплечья. В итоге в группе наиболее квалифицированных спортсменов была получена сильная и умеренная корреляция ($|R| > 0,75$), в группе спортивного совершенствования – умеренная ($0,25 < |R| > 0,75$).

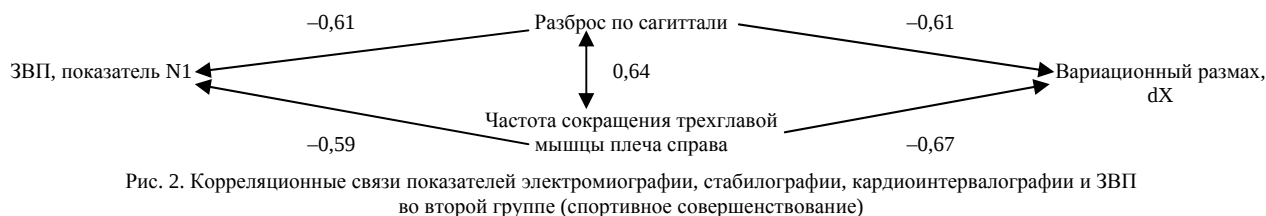


Рис. 2. Корреляционные связи показателей электромиографии, стабильности, кардиоинтервалографии и ЗВП во второй группе (спортивное совершенствование)

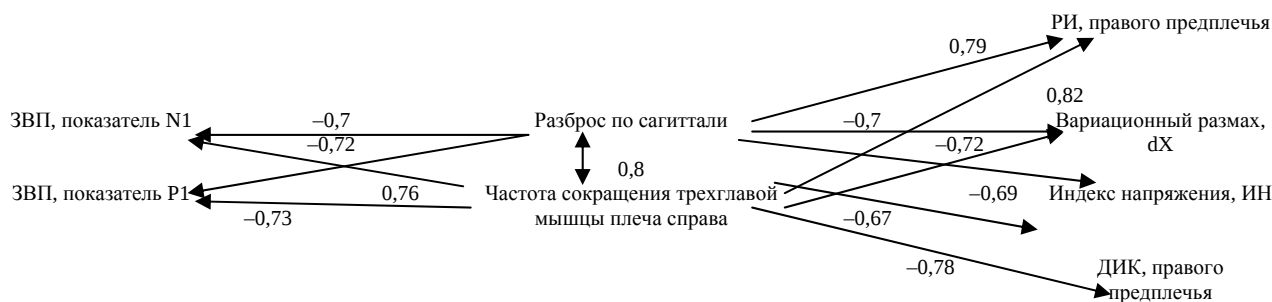


Рис. 3. Корреляционные связи показателей электромиографии, стабильности, кардиоинтервалографии и ЗВП в первой группе (высшее спортивное мастерство)

Таким образом, формирование спортивного мастерства у каратистов сопровождается увеличением числа корреляционных зависимостей между характеристиками регуляторных и вегетативных систем и ростом силы взаимосвязей.

Обсуждение результатов. Систематизация всех полученных результатов позволила представить схему физиологического обеспечения двигательных качеств у каратистов на разных этапах спортивного совершенствования (табл. 4).

Таблица 4

Физиологические механизмы на этапах спортивного совершенствования у каратистов

Показатель	3-я группа (начальная спортивная специализация)	2-я группа (спортивное совершенствование)	1-я группа (высшее спортивное мастерство)
Координация и равновесие	Слабая	Сформирована преимущественно в сагиттальной плоскости	Хорошая
Реакция ЦНС	Длинный латентный период ЗВП	Снижение латентного периода ранних негативных компонентов	Снижение латентного периода ранних негативных и поздних позитивных компонентов
Мышечное сокращение	Низкая активность. Отсутствие внутримышечной координации	Высокая активность. Отсутствие внутримышечной координации	Высокая активность. Внутримышечная координация
Регионарный кровоток	Средний уровень кровенаполнения. Средняя скорость кровотока	Высокий уровень кровенаполнения. Средняя скорость кровотока	Высокий уровень кровенаполнения. Высокая скорость кровотока
Вегетативный баланс	Низкий уровень напряжения. Избыточная реактивность. Низкий уровень утомления	Высокий уровень напряжения. Гиперреактивность. Высокий уровень утомления	Низкий уровень напряжения. Нормальная реактивность. Низкий уровень утомления

Формирование спортивного мастерства у каратистов проявляется прежде всего в совершенствовании координации движений и повышении эффективности мышечных сокращений. В первую очередь формируется координация движений в сагиттальной плоскости (она выражена уже во 2-й группе), формирование координации во фронтальной плоскости завершается на этапе высшего спортивного мастерства. Одновременно отмечается рост амплитуды биоэлектрической активности мышц плеча. В группе спортсменов высшей квалификации биоэлектрическая активность прямых мышц плеча организована синхронно, имеет более высокую амплитуду и частоту осцилляций при меньшей длительности периода активности.

Изменения со стороны реакции ЦНС проявляются в укорочении латентного периода ЗВП. На этапе спортивного совершенствования снижается длительность ЛП ранних негативных компонентов (потенциалов ближнего поля), а на этапе высшего спортивного мастерства укорачивается ЛП поздних позитивных компонентов, отражающих функциональное состояние стволовых структур и коры больших полушарий.

Все вышеописанные физиологические изменения в организме спортсменов сопровождаются перестройкой системы вегетативного обеспечения деятельности. Причем перестройка этой системы происходит не линейно, в нее на разных этапах тренировки вовлекаются различные механизмы. С ростом спортивного мастерства происходило сначала усиление степени кровенаполнения мышц (регистрировалось уже у спортсменов среднего уровня), а затем – ускорение кровотока (в группе мастеров).

У начинающих спортсменов мы отмечали низкий уровень напряжения адаптации, избыточную вегетативную реактивность и низкий уровень утомления. Такая картина, в общем-то, типична для здорового, но не тренированного человека. У каратистов среднего уровня развивается перенапряжение и гиперреактив-

ность вегетососудистой системы, для них характерны высокий уровень утомления и длительный период восстановления. Все это свидетельствует о том, что «цена адаптации» на данном этапе самая высокая и эти спортсмены находятся в группе риска. По-видимому, формирование двигательных навыков на данном этапе опережает развитие систем вегетативного обеспечения. Спортсмены среднего уровня требуют самого пристального внимания тренеров и спортивных врачей – нарушение режима тренировок и перегрузки легко могут привести к перенапряжению и срыву адаптации. Дальнейший рост спортивной квалификации сопровождается снижением уровня напряжения, формированием нормотонической реакции на нагрузку и сокращением восстановительного периода.

Заключение. Все вышеизложенное позволяет рассматривать формирование мастерства в спортивном карате как единую функциональную систему, определяющую роль в которой играют координационные способности и характер организации мышечного сокращения. Именно с согласования данных двух систем начинается формирование мастерства. Дальнейшее совершенствование сопровождается усилением их взаимодействия, основанным в том числе на оптимизации работы высших отделов нервной системы, что проявляется в укорочении латентного периода поздних позитивных компонентов ЗВП.

Формирование вышеописанного двигательного стереотипа сопровождается развитием систем его вегетососудистого обеспечения. Однако на этапе спортивного совершенствования уровень напряжения вегетативной системы слабо коррелирует с двигательными нагрузками, что приводит к избыточному напряжению регуляторных механизмов и дисбалансу гемодинамических показателей. На этапе высшего спортивного мастерства окончательно формируются взаимосвязи двигательных и вегетативных механизмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каплевич Л.В. Физиологический контроль технической подготовленности спортсменов // Теория и практика физической культуры. 2010. № 11. С. 12–15.
2. Каплевич Л.В., Бредихина Ю.П. Координация парных двигательных действий у спортсменов (на примере спортивных бальных танцев) // Бюллетень сибирской медицины. 2013. № 2. С. 204–210.
3. Накаяма М. Динамика карате. М. : Физкультура и спорт, 2003. 457 с.
4. Зинурова Н.Г., Денисов К.Г., Кузиков М.М. Показатели статокINETической устойчивости спортсменов при адаптации к сложнокоординационным нагрузкам // Вестник ЮУрГУ. Сер. Образование, здравоохранение, физическая культура. 2011. Вып. 28. № 26 (243). С. 127–130.
5. Лях В.И. Координационные способности: диагностика и развитие. М. : ТВТ Дивизион, 2006. 290 с.
6. Каплевич Л.В., Замулина Е.В. Взаимосвязь вызванных потенциалов головного мозга с уровнем специальной физической подготовленности футболистов // Бюллетень сибирской медицины. Томск. 2008. № 2. С. 112–114.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 17 февраля 2014 г.

PHYSIOLOGICAL MECHANISMS OF ENSURING THE ACCURACY OF STRIKES IN SPORTS KARATE

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 214–219 DOI: 10.17223/15617793/381/35

Guzhov Fyodor A. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: fedorguzhov@mail.ru

Bredikhina Yulia P. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: u2000@yandex.ru

Kapilevich Leonid V. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation), Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kapil@yandex.ru

Ilyin Aleksandr A. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sport@rk.tusur.ru

Lozhkina Maria B. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lozhkinamb@gmail.com

Keywords: electromyography; stabilography; cardiointervalography; adaptation; karate; balance; biomechanics.

The physiological mechanisms to ensure the accuracy of tsuki are studied in athletes involved in sports karate at different stages of sports perfection. 48 athletes, men aged 18 to 27, specializing in sport karate were examined. Formation of sportsmanship in karate manifests mainly in improving the coordination and efficiency of muscle contractions. Primarily coordinated movements in the sagittal plane is formed (it is already expressed in the average group). The formation of coordination in the frontal plane is complete at highest sportsmanship levels. Simultaneously there is a marked increase in the amplitude of the bioelectrical activity of the shoulder muscles. In the group of athletes of the highest qualification the bioelectrical activity of the rectus muscles of the shoulder is synchronous and has higher amplitude and frequency of oscillations with a shorter duration of activity. Changes in the CNS reactions are in the shortening of the latent period of the visual evoked potential. At the stage of sports improvement the latent period of early negative components (near-field potential) is shorter. With higher sportsmanship there is a shorter latent period of late positive components reflecting the functional state of the stem structures and the cerebral cortex. All of the above physiological changes in the body of athletes are accompanied with restructuring of the vegetative regulation of activities. Moreover, the restructuring of the system is not linear; at different stages of training it involves various mechanisms. With the growth of sportsmanship, first, there is an increase in the degree of muscle hyperemia (regular for average-level athletes), and then – blood delivery acceleration (in the high-level group). Beginners have a low level of adaptation strain, excessive vegetative reactivity and low fatigue. Such a pattern, in general, is typical for a healthy untrained person. Average-level karatekas develop stress and vascular system hyper-reactivity. They show high levels of fatigue and longer recovery period. All this indicates that the "adaptation price" at this stage is the highest, and these athletes are at risk. Apparently, the formation of motor skills at this stage is ahead of the development of the autonomic system support. Average athletes need urgent attention of coaches and sports doctors – violations of training and overload can easily result in over-stress and adaptation breakdown. Further improvement of sports qualification is associated with decreased stress, eutonic reaction to stress and reduced recovery period. All the above allows us to consider the formation of skill in sports karate as a single functional system with the decisive role belonging to coordination abilities and muscle contraction organization. It is the agreement of the two systems that starts skill formation. Further improvement is accompanied with their better cooperation, with optimization of the higher parts of the nervous system resulting in a shorter latent period of the late positive components of the visual evoked potential. Formation of this motor stereotype is connected with the development of its vegetative-vascular system support. However, during sports perfection the level of the autonomic system strain is weakly correlated with motor loads, which leads to excessive stress of regulatory mechanisms and hemodynamic imbalance. At the stage of high sportsmanship the relationship of motor and autonomic mechanisms is finally formed.

REFERENCES

1. Kapilevich, L.V. Fiziologicheskiy kontrol' tekhnicheskoy podgotovlennosti sportsmenov [Physiological control of the technical preparedness of athletes]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*, 2010, no. 11, pp. 12-15.
2. Kapilevich L.V., Bredikhina Yu.P. Pair motor coordination action in sportsmen (on the example of ballroom dancing). *Byulleten' sibirskoy meditsiny – Bulletin of Siberian Medicine*, 2013, vol. 12, no. 2, pp. 204-210. (In Russian)
3. Nakayama M. *Dynamic Karate*. Kodansha, 1987. 308 p. (Russ. ed.: Nakayama M. *Dinamika karate*. Moscow, Fizkul'tura i sport Publ., 2003. 457 p.)
4. Zinurova N.G., Denisov K.G., Kuzikov M.M. Pokazateli statokineticheskoy ustoychivosti sportsmenov pri adaptatsii k slozhno-koordinatsionnym nagruzkam [Athletes' statokinetic sustainability indicators in adapting to complex coordination loads]. *Vestnik YuUrGU. Seriya "Obrazovanie, zdravookhraneniye, fizicheskaya kul'tura"*, 2011, Issue 28, no. 26 (243), pp. 127-130.
5. Lyakh V.I. *Koordinatsionnye sposobnosti: diagnostika i razvitiye* [Coordination abilities: diagnosis and development]. Moscow, TVT Divizion Publ., 2006. 290 p.
6. Kapilevich L.V., Zamoulina Ye.V. Vzaimosvyaz' vyzvannykh potentsialov golovnogo mozga s urovnem spetsial'noy fizicheskoy podgotovlennosti futbolistov [The relationship of evoked potentials of the brain with special physical preparedness of players]. *Byulleten' sibirskoy meditsiny – Bulletin of Siberian Medicine*, 2008, no. 2, pp. 112-114.

МЕТОД КОМПЬЮТЕРНОЙ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ТЕХНИКИ СПОРТИВНЫХ УПРАЖНЕНИЙ

Рассматривается компьютерная технология создания зрительного представления о технике изучаемого спортивного упражнения. Раскрывается содержание разработанного программного обеспечения, реализующего метод компьютерной визуализации техники спортивных упражнений. Также рассматриваются возможные пути модификации программного обеспечения с целью выполнения сравнительного биомеханического анализа техники спортивных упражнений.

Ключевые слова: упражнение; техника; модель; компьютерная программа; визуализация движения.

Введение. Общепринято, что структура процесса обучения спортивным упражнениям основана на триаде ее этапов: формирование предварительного двигательного представления об изучаемом упражнении, углубленное разучивание упражнения на уровне умения его воспроизведения, совершенствование упражнения [1]. В этой связи считается, что эффективная методика обучения технике спортивных упражнений в качестве одной из составляющих, способной повысить скорость и уровень освоения двигательных действий, включает компонент наглядности, обусловленный широко известным в педагогике принципом наглядности. Традиционно в качестве средств, обеспечивающих реализацию принципа наглядности в учебно-тренировочном процессе спортсменов, применяется несколько известных инструментариев [1].

1. Показ в целом (выполнение) упражнения тренером или одним из спортсменов.

2. Зарисовки отдельных положений и поз тела спортсмена в изучаемом двигательном действии.

3. Демонстрация отдельных положений и поз тела спортсмена в изучаемом двигательном действии.

4. Кинограммы упражнения.

5. Кинокольцовки и видеоролики упражнения в исполнении спортсменов экстра-класса.

6. Макетирование движений.

С расширяющимся внедрением в учебно-тренировочный процесс спортсменов современных информационных технологий (видеотехника и компьютерные средства) появляется возможность реализации принципа наглядности в иных аспектах визуального представления занимающихся о технике спортивного упражнения [2, 3]. Однако практическая реализация метода наглядности на этапе первоначального освоения двигательного действия с использованием средств компьютерной техники сдерживается рядом причин, одна из которых заключается в отсутствии необходимого программного обеспечения для ЭВМ. В этой связи задача разработки компьютерной технологии визуализации двигательных действий спортсменов является в настоящее время актуальной и выносится на повестку дня в качестве одной из первоочередных, решение которой позволит существенно повысить эффективность обучения двигательным действиям.

Формулировка цели и задач работы. Фрагментарность сведений по разрабатываемой проблеме поставила перед исследованием *целевую установку* – реализовать на уровне практического использования в учебно-тренировочном процессе спортсменов метод компьютерной визуализации техники спортивных упражнений.

Поставленная цель достигалась последовательным решением *задач исследования*:

1. Выявить педагогические требования реализации компьютерного воспроизведения визуального образа двигательных действий спортсменов.

2. Разработать компьютерную программу обеспечения метода наглядности в учебно-тренировочном процессе формирования двигательного навыка.

3. Экспериментально проверить работоспособность программного обеспечения в учебно-тренировочном процессе гимнастов.

Для решения поставленных задач использовались следующие методы исследования:

1. Анкетирование и опрос.

2. Графические методы компьютерной реализации движений.

3. Тестирование программного обеспечения в условиях учебно-тренировочного процесса гимнастов.

Результаты исследования

Педагогические требования к технологии компьютерного воспроизведения двигательных действий спортсмена. Анкетирование и опрос ведущих тренеров Сибирского федерального округа по спортивной гимнастике на учебно-тренировочном сборе (44 респондента, октябрь 2013 г., г. Ленинск-Кузнецкий) выявил основные требования, предъявляемые к технологии компьютерного воспроизведения техники спортивных упражнений:

1. Возможность воспроизведения движения в статическом и динамическом режимах.

2. Демонстрация упражнения в целом или только некоторого его фрагмента (фаза, стадия или период упражнения) на экране компьютера.

3. Построение кинетограммы упражнения, моделирующей положение и позу спортсмена в соответствии с видеокадрами упражнения.

4. Возможность использования программы в условиях учебно-тренировочных занятий тренером, не обладающим специальными знаниями по информатике и компьютерным технологиям.

Третье требование к содержанию программного обеспечения для ЭВМ обуславливает необходимость выполнения промера упражнения (нанесение маркерных точек на опорно-двигательный аппарат тела спортсмена и считывание их координат в анализируемом упражнении). Выполнение этого условия позволит в дальнейшем получить и количественные значения биомеханических характеристик упражнения.

Определение возможности использования программы в условиях учебно-тренировочных занятий осу-

ществлялось на занятиях с юными гимнастами ДЮСШ № 3 по спортивной гимнастике г. Томска.

Компьютерная программа обеспечения метода наглядности в учебно-тренировочном процессе гимнастов разработана на базе алгоритмического языка объектно-ориентированного программирования Visual Basic 6.0 и названа нами «ПРОСМОТР». В соответствии с педагогическими требованиями к компьютерному воспроизведению движений, выявленными на основании результатов анкетирования 44 тренеров Сибирского федерального округа по спортивной гимнастике, в программе выделено два крупных блока функционирования:

1. Просмотр спортивного упражнения в режиме статического, кадрового воспроизведения объекта видеосъемки или в динамическом режиме анимации движения (ПРОСМОТР).

2. Промер упражнения – считывание координат маркерных точек опорно-двигательного аппарата тела спортсмена по видеоматериалам упражнения (ПРОМЕР).

При загрузке программы на экране компьютера появляется окно формы, на которой изображены элементы управления программой (рис. 1).

Для инициализации элементов управления необходимо навести стрелку мышки на соответствующий элемент управления и щелкнуть по этому элементу левой кнопкой мышки. Последовательность инициализации элементов управления имеет большое значение для реализации необходимого направления работы программы. Более того, в критических случаях невыдержанная последовательность инициализации элементов управления может привести к блокировке программы или к её невыполнению.

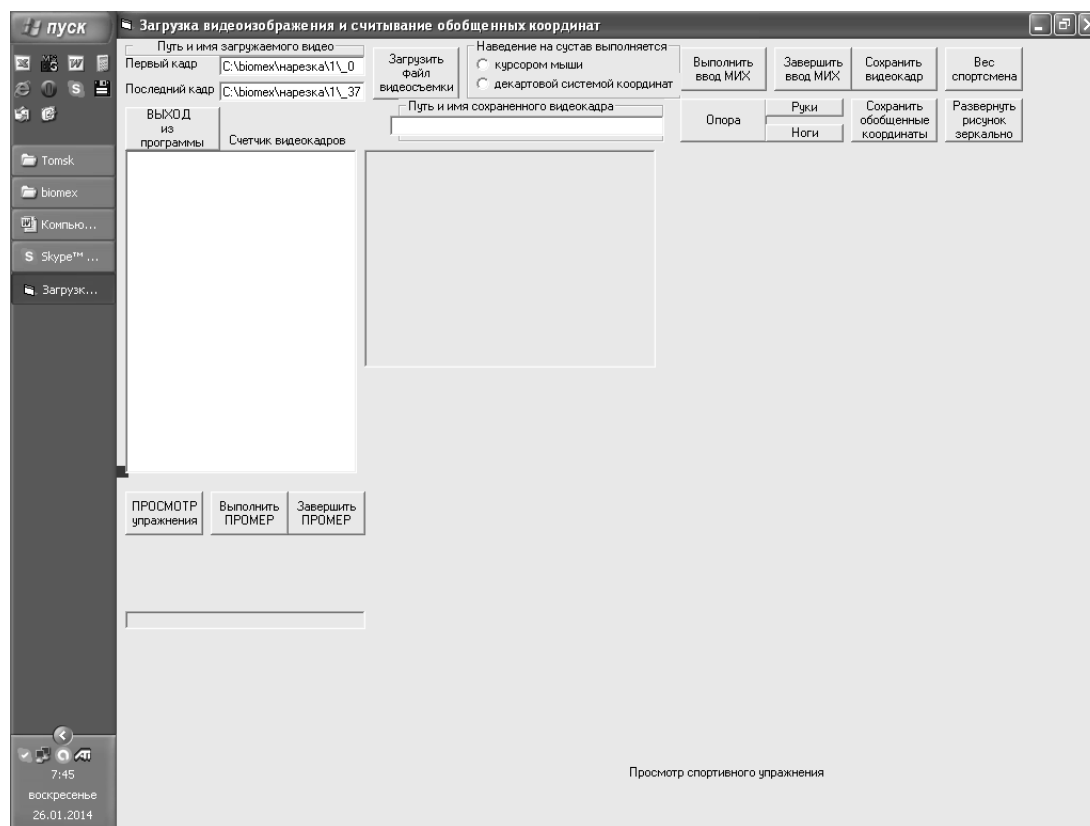
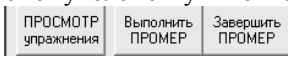
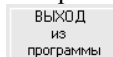


Рис. 1. Окно формы программы и элементы управления после загрузки программы

Для предотвращения ошибочной операции и указания на содержание следующей процедуры и последовательность ее реализации после каждого щелчка левой кнопкой мышки по управленческому элементу в окне, расположенном ниже кнопок , появляется окно подсказки, текст которого высвечивается синим цветом и в котором дается указание о том, что необходимо выполнить далее.

Для завершения работы программы в левом верхнем углу формы расположена командная кнопка , щелчком по которой работа программы завершается.

Функционирование программы осуществляется по следующим направлениям:

1. Просмотр видеофайла.
2. Промер упражнения.
3. Вычисление масс-инерционных характеристик (МИХ) исполнителя.
4. Запись результатов промера в текстовый файл и в графический видеофайл упражнения.
5. Зеркальный поворот видеокадра упражнения относительно вертикальной оси.

Процедура просмотра видеофайла отличается от промера упражнения своим содержанием, а следовательно, и последовательностью выполнения операций. Основное отличие заключается в относительно пассивном отношении к материалам видеосъемки при просмотре и их активном изменении при выполнении промера. Однако как при просмотре, так и при промере

необходимо загрузить в память компьютера исходный видеоролик, чтобы выполнять с ним определенные операции. Загрузка видеоролика и просмотр выполняются в несколько этапов:

1. Формирование пути и имени загружаемого видеофайла.
2. Загрузка видеофайла.
3. Просмотр загруженного видеофайла спортивного упражнения в режиме СТАТИКА.
4. Просмотр загруженного видеофайла спортивного упражнения в режиме АНИМАЦИЯ.

Процедуры 1–2 позволяют загрузить весь файл полностью или его фрагмент. Для этого необходимо указать номера первого и последнего кадров загружаемого

видеофайла или его фрагмента. При загрузке всего видеоролика целиком первому кадру загрузки будет соответствовать нулевой видеокادر видеоролика, а последнему кадру – последний видеокادر видеоролика. Диапазон загрузки фрагмента видеоролика задается в окнах ввода номеров первого и последнего кадров (рис. 1, левый верхний угол). Первому кадру загрузки будет соответствовать номер видеокadra, с которого начинается загружаемый фрагмент видеоролика, а последний кадр – номер видеокadra, ограничивающий фрагмент загружаемого видеоролика.

Непосредственно загрузка выполняется после инициализации командной кнопки <Загрузить файл видеосъемки> (рис. 2).



Рис. 2. Загрузка в окне <Счетчик видеокadров> имени видеокadров и рисунок в окне <Просмотр спортивного упражнения>

В окне <Счетчик видеокadров> высвечиваются путь и имя загруженных видеокadров файла видеоролика, а в окно <Просмотр спортивного упражнения> загружается заданный последний видеокادر фрагмента упражнения или всего упражнения в целом.

При инициализации кнопки  в правом верхнем углу формы появляются две кнопки: <СТАТИКА>, <АНИМАЦИЯ>. Инициализация любой из этих двух кнопок приведет к соответствующему режиму работы программы.

Для просмотра упражнения в режиме <СТАТИКА> необходимо в окне <Счетчик видеокadров> с помощью линейки прокрутки выбрать видеокادر просмотра и проинициализировать его, щелкнув левой кнопкой мышки по избранному видеокадру. Выбранный для просмотра видеокادر появится в окне <Просмотр спортивного упражнения>. Таким образом, в режиме про-

смотра <СТАТИКА> можно выбрать и просмотреть любой из видеокadров упражнения, дать качественную оценку техническим действиям спортсмена на кинематическом уровне, выявить двигательные ошибки и наметить пути для их исправления.

Функционирование программы в режиме <АНИМАЦИЯ> позволяет выполнить анимационный просмотр видеоролика упражнения. С помощью запрограммированного вариатора скорости движения можно выполнить просмотр упражнения или его фрагмента в режиме реальной скорости и с регулируемым замедлением скорости просмотра, что обеспечивает более качественный анализ технических действий спортсмена.

Второе направление функционирования программы «ПРОСМОТР» позволяет получить необходимый исходный материал для дальнейшего количественного биомеханического анализа техники упражнения на основе исходных данных промера упражнения. Для трех-

звенной модели опорно-двигательного аппарата тела человека, совершающей движение в одной плоскости в условиях опоры, компьютерная технология разработанного нами полуавтоматизированного способа выполнения промера упражнения заключается в следующем:

1. Нажатием на левую кнопку мышки по избранному видеокадру в окне <Счетчик видеокладов> последовательно инициируется вывод каждого видеокадра упражнения в окно <Счетчик видеокладов>. Избран-

ный для промера видеоклад после инициализации отмечается в окне <Счетчик видеокладов> синим цветом и выводится непосредственно в окно <Просмотр спортивного упражнения> (рис. 3).

2. Стрелка мышки подводится к месту контакта опоры и проксимального звена опорно-двигательного аппарата тела спортсмена. Рассматриваемая точка является неподвижной и принимается за внешнюю систему отсчета. Щелчком левой кнопки мышки выполняется маркировка этой точки: она помечается кружком красного цвета.

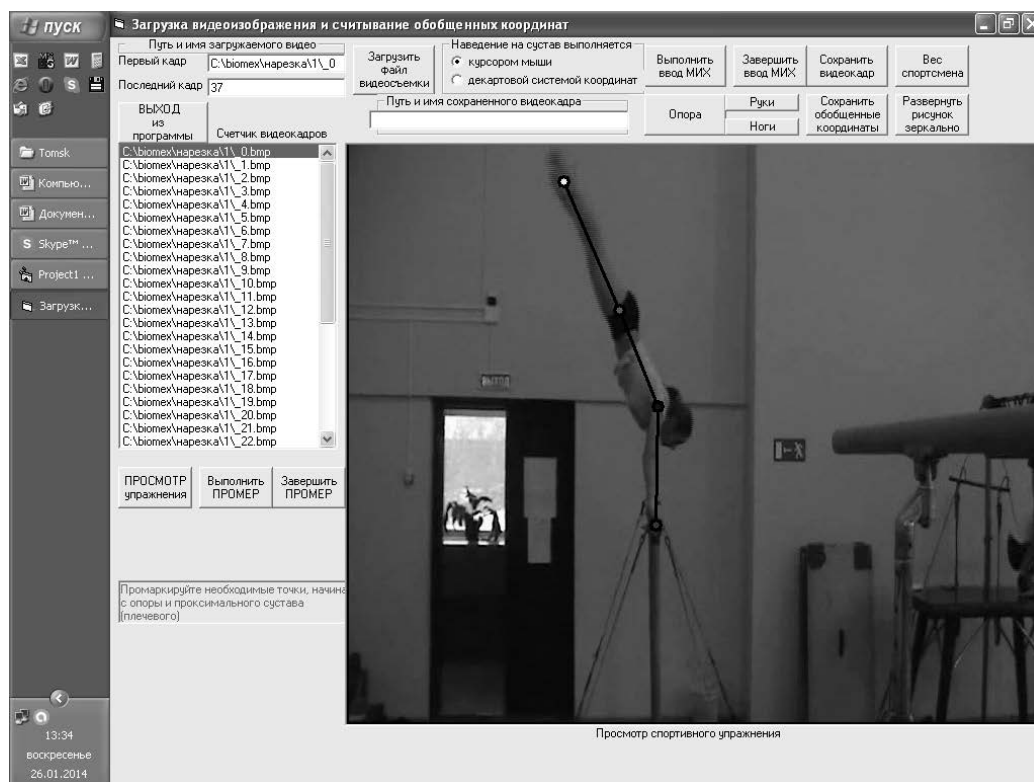


Рис. 3. Промер видеокладра упражнения

3. Последовательно маркируются кружками различного цвета все суставы спортсмена, отмечаемые компьютером на видеокладре (плечевые суставы отмечаются зеленым цветом, тазобедренные суставы – синим, голеностопные суставы – желтым).

4. Суставы спортсмена соединяются линиями черного цвета, моделирующими звенья тела спортсмена. Палочкообразная схема опорно-двигательного аппарата тела спортсмена на всей траектории движения является кинетограммой упражнения и позволяет получить данные о координатах суставов и углах наклона звеньев к оси Ox декартовой системы координат (обобщенные координаты) в отдельные моменты времени. Считывание координат маркеров и определение обобщенных координат выполняются компьютером в автоматизированном режиме вычислительных процедур.

Выполнение промера для отдельного видеокладра упражнения занимает время в пределах 20–30 с. Общее время выполнения промера зависит от количества видеокладров анализируемого упражнения. Видеоклад с нанесенными на нем маркерными точками опорно-двигательного аппарата тела гимнаста и точкой контакта

спортсмена с опорой можно сохранить с записью в новый видеоролик нажатием на кнопку <Сохранить видеоклад>. Указывать путь и имя сохраняемого видеокладра не надо, так как эти данные формируются автоматически на основании данных загруженного файла и высвечиваются в окошке <Путь и имя сохраняемого видеокладра>.

Цифровые данные результатов промера в виде обобщенных координат биомеханической системы и декартовых координат маркерных точек суставов и места контакта спортсмена с опорой записываются в текстовый файл, имя которого указывается пользователем.

Одним из основных компонентов функционирования программы является блок вычисления МИХ исполнителя. В качестве исходных данных в вычислительных алгоритмах МИХ программы используются сведения о весе, росте и длинах сегментов тела спортсмена (рис. 4, колонка 1 – длина), которые вводятся в память компьютера в виде табличных данных. Координата центра масс сегмента на его продольной оси относительно антропометрической точки, вес сегмента и центральный момент инерции сегмента вычисляются по уравнениям регрессии, методика использования которых изложена в работе [4].

	Длина (м)	Координата ЦМ сегмента (м)	Вес (кг)	Центральный момент инерции (кг·м ²)	
Кисть	0.17	.062747	.58944	.00014	
Предплечье	0.21	.089754	1.5504	.00058	
Плечо	0.28	.125944	2.59872	.0017	
Голова	0.26	.129948	3.3312	.0019	
Туловище	0.48	.2136	20.8593	.04	
Бедро	0.40	.18196	13.5984	.018	
Голень	0.38	.153862	4.1568	.0051	
Стопа	0.24	.10596	1.31616	.00064	
Звено 1	.66	.293940	4.73856	.017	Руки <кисть+предплечье+плечо>
Звено 2	.74	.166291	24.1905	.112573	Туловище <голова+туловище>
Звено 3	1.02	.311604	19.0713	.168619	Ноги <бедро+голень+стопа>

Рис. 4. Исходные данные длин сегментов спортсмена и сформированная после инициализации матрица МИХ

Элементы матрицы МИХ используются в дальнейшем для вычисления силовых, инерционных и энергетических характеристик упражнения.

В программе «ПРОСМОТР» предусмотрена возможность зеркального разворота рисунка относительно вертикальной оси (рис. 5, 6).



Рис. 5. Исходный видеокادر



Рис. 6. Зеркальный разворот исходного видеокадра

Необходимость зеркального разворота рисунка может возникнуть по причине того, что в биомеханике за положительное направление вращательного движения принимается вращение, выполняемое против хода часовой стрелки. В условиях, например, соревнований видеосъемка упражнений не всегда может происходить по необходимому сценарию, и движение спортсмена может осуществляться в направлении вращения часовой стрелки (отрицательное направление). Для создания положительного направления движения можно использовать методику зеркального поворота видеокадра: щелкнув по кнопке <Развернуть рисунок зеркально>, тогда видеокادر (рис. 5), расположенный в окне просмотра, развернется зеркально (рис. 6), и с ним уже можно выполнять операцию промера.

Экспериментальная проверка работоспособности программного обеспечения программы «ПРОСМОТР» проводилась в условиях учебно-тренировочных занятий юных гимнастов на базе ДЮСШ № 3 г. Томска. Практическая эксплуатация программы показала корректность и надежность функционирования как ее отдельных блоков, так и системы в целом. В то же время выявлена и потенциальная возможность дальнейшей модификации программы по следующим ее компонентам:

1. Просмотр на экране упражнения одновременно в исполнении двух гимнастов. Первый из них – спортсмен экстра-класса, второй – обучаемый. Цель – сравни-

тельный анализ эталонной техники упражнения в исполнении спортсмена экстра-класса и техники упражнения обучаемого гимнаста.

2. Компьютерное построение видеоряда упражнения и вывод его на принтер.

3. Педагогическое структурирование упражнения методом компьютерного определения фазового состава упражнения на основе выявления локальных экстремумов в управляющих действиях гимнаста на всей траектории движения (сгибательно-разгибательные движения гимнаста в суставах) и автоматизированное построение видеопрограммы фазового состава упражнения.

В дальнейшей научно-исследовательской работе планируется совершенствование программного обеспечения программы «ПРОСМОТР» с целью расширения ее функциональных возможностей в предметной деятельности биомеханических исследований и учебного процесса.

Основные выводы проведенного исследования:

1. Определены педагогические требования реализации компьютерного воспроизведения визуального образа двигательных действий спортсмена в соответствии с которыми разработана компьютерная программа обеспечения метода наглядности в учебно-тренировочном процессе гимнастов.

2. В условиях практического использования компьютерной программы в учебно-тренировочном процессе гимнастов выявлено, что разработанная компьютерная

программа является хорошим практическим инструментом реализации метода наглядности при обучении гимнастическим упражнениям.

3. Тестирование компьютерной программы «ПРОСМОТР» показало корректность её функционирования, программа может быть рекомендована к исполь-

зованию в УИРС, НИРС, НИР магистрантов, аспирантов и преподавателей на факультетах физического воспитания университетов и университетов физической культуры, областью научных интересов которых является биомеханика двигательных действий спортсменов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаввердовский Ю.К. Обучение спортивным упражнениям. Биомеханика. Методология. Дидактика. М. : Физкультура и спорт, 2007. 912 с.
2. Загrevский В.И., Загrevский В.О. Планирование траектории управляющих движений спортсмена в координатах внешнего пространства // Теория и практика физической культуры. 2010. № 10. С. 56–61.
3. Загrevский В.И., Загrevский О.И. Компьютерный синтез двигательных действий с управлением движением по кинематическому состоянию биомеханической системы // Теория и практика физической культуры. 2013. № 7. С. 10–15.
4. Зациорский В.М., Аруин А.С., Селуянов В.Н. Биомеханика двигательного аппарата человека. М. : ФиС, 1981. 143 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 17 февраля 2014 г.

COMPUTER VISUALIZATION OF SPORTS EXERCISE TECHNIQUE

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 220-225 DOI: 10.17223/15617793/381/36

Zagrevsky Valery I. Mogilev State A. Kuleshov University (Mogilev, Belarus). E-mail: zvi@tut.by

Zagrevsky Oleg I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: O.zagrevsky@yandex.ru

Keywords: exercise; technique; model; computer software; motion visualization.

This article discusses the logic of functioning and content of a biomechanical computer program VIEWING the authors developed. Basing on a survey of the leading trainers of the Siberian Federal District in artistic gymnastics (44 respondents, October 2013, Leninsk-Kuznetsky) the basic requirements for the computer program were defined: 1. The ability to play movements in static and dynamic modes. 2. Demonstration of complete exercises or parts of it (phase, period) on the computer screen. 3. Modelling of kinetograms of exercises that simulate the position and posture of athletes in accordance with the video picture of exercises. 4. Simplicity of running the program for trainers with no special skills in computer science and computer technologies to use it at trainings. In view of these requirements an original computer program was developed to employ the method of visualization in the training process of gymnasts. The program named "VIEWING" is designed basing on the language of object-oriented programming Visual Basic 6.0. In accordance with the pedagogical requirements to computer presentation of motions the program has two large functioning blocks: 1. Viewing sports exercises in the static, single-frame playback or in the dynamic mode of motion animation (VIEWING)). 2. Survey of exercises – reading coordinates of marker points of the musculoskeletal system of the athlete's body by exercise video materials (SURVEY). VIEWING allows visualizing the motion in the ANIMATION and STATIC modes. ANIMATION allows viewing animated sports exercise videos. With the programmed speed variator one can browse through the exercise or its fragment in the online mode or with controlled deceleration of the playback rate. The STATIC mode one can choose and watch any part of motion exercises, assess the athlete's technical action at the kinematic level, identify motor errors and identify ways to correct them. The second direction of the program allows receiving the necessary background material for further quantitative biomechanical analysis of the exercise technique based on the initial data of the exercise survey. Experimental verification of the capacity of the program VIEWING was conducted in the conditions of training sessions of young gymnasts of Children and Youth Sports School No. 3 in Tomsk. Practical operation of the program showed correctness and reliability of functioning of both its separate blocks and system on the whole.

REFERENCES

1. Gaverdovskiy Yu.K. *Obuchenie sportivnym uprazhneniyam. Biomekhanika. Metodologiya. Didaktika* [Training sports exercises. Biomechanics. Methodology. Didactics]. Moscow, Fizkul'tura i Sport Publ., 2007. 912 p.
2. Zagrevskiy V.I. *Planirovanie traektorii upravlyayushchikh dvizheniy sportsmena v koordinatakh vneshnego prostranstva* [Planning of the trajectory of athlete's motions in outer space coordinates]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*, 2010, no. 10, pp. 56-61.
3. Zagrevskiy V.I. *Komp'yuternyy sintez dvigatel'nykh deystviy s upravleniem dvizheniem po kinematcheskomu sostoyaniyu biomekhanicheskoy sistemy* [Computer synthesis of motor actions controlled by the kinematic state of the biomechanical system]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*, 2013, no. 7, pp. 10-15.
4. Zatsiorskiy V.M., Aruin A.S., Seluyanov V.N. *Biomekhanika dvigatel'nogo apparata cheloveka* [Biomechanics of the human musculoskeletal system]. Moscow, Fizkul'tura i Sport Publ., 1981. 143 p.

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

УДК 556.536

Д.А. Вершинин, В.А. Уйманова, С.А. Овсянников

СТОК ВЗВЕШЕННЫХ НАНОСОВ р. АКТРУ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО РЕЖИМА ЗА ПОСЛЕДНИЕ 50 ЛЕТ

Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 13-05-01086).

Рассматриваются результаты наблюдений за мутностью воды реки Актру (Алтай, Северо-Чуйский хребет), имеющей преимущественно ледниковое питание, в период летнего половодья 2012 г. Проведены анализ и сравнение с результатами наблюдений, выполненных в 1957, 1958, 1962 и 1974 гг. Выявлены причины прохождения исключительного паводка взвешенных наносов – смыв обломочного материала со склонов долины в виде селей и обвалов. Приведены результаты параллельных наблюдений за мутностью рек Малого и Большого Актру, а также гранулометрического состава взвешенных наносов в основном створе наблюдений.

Ключевые слова: горные реки; ледники; взвешенные наносы; мутность; гранулометрический анализ.

Горные реки с преимущественно ледниковым питанием несут в своих водах значительное количество взвешенных в воде частиц – наносов. Главным поставщиком обломочного материала являются ледники, которые в процессе своего движения истирают слагающие их ложе породы до самых мелких размеров – менее тысячных долей миллиметра. В то же время в составе взвешенных в воде горных рек наносов ввиду их значительной турбулентности в большом количестве присутствуют частицы и более крупных размеров – до крупного песка и мелкого гравия.

Несмотря на значительную мутность горных рек, не во всех регионах нашей страны и в ближнем зарубежье проводятся регулярные наблюдения за их мутностью. Так, например, на реках горного Алтая в России постоянные наблюдения за мутностью проводятся лишь на крупных реках (Катунь, Кокса). При этом створы наблюдений за мутностью расположены на значительном удалении от верховий рек, имеющих преимущественно ледниковое питание. На реках, берущих начало непосредственно с ледников, регулярные наблюдения не проводятся.

Эпизодические наблюдения за мутностью учеными ТГУ проводились на р. Актру. Впервые наблюдения за мутностью здесь проводились экспедицией ТГУ в 1957–1958 гг. по программе Международного геофизического года [1]. В 1962 г. наблюдения за мутностью продолжены в течение всего летне-осеннего периода (с июня по сентябрь) [2]. В 1974 г. проводились наблюдения за мутностью р. Актру также электрооптическим методом [3]. Последние наблюдения за мутностью р. Актру были произведены в 2011–2012 гг. Целью данного исследования является выявление закономерностей режима взвешенных наносов р. Актру во времени и определение источников поступления твердого материала в реку.

Горноледниковый бассейн Актру расположен в восточной части горного узла Биш-Иирду на северном склоне Северо-Чуйского хребта (рис. 1). Бассейн имеет древовидную форму и сужается вниз по течению. Река Актру берет начало при слиянии потоков, текущих с ледников Малого (Мал.) и Большого (Бол.) Актру [4].

Протяженность ее от истоков до выхода из гор в Курайскую межгорную котловину составляет около 15 км. В средней части долины река разбивается на множество рукавов и протоков, а сама галечниковая долина расширяется до 1 км.

Площадь бассейна р. Актру составляет 42,9 км² [4]; средняя высота его около 2 700 м; площадь оледенения за период с 1850 по 2008 г. сократилась с 18,1 до 14,9 км² [5]. Источники питания р. Актру – тающие снега и ледники, дожди играют незначительную роль в этом процессе. Небольшие дожди не только не увеличивают расход воды в реке, а даже наоборот снижают, так как в ненастье уменьшается таяние ледников. Однако дождевые паводки случаются после продолжительных ливней. На реке хорошо заметны изменения стока по времени суток. Но вместе с тем суточные максимумы и минимумы непостоянны. Минимум воды в реке наблюдается в 05:00–07:00, а максимальные расходы – в 15:00–20:00 [4].

В 2012 г. наблюдения за мутностью воды проводились в створе закрытой в настоящее время гидрометеостанции Актру (ГМС Актру) в течение 1 мес. стандартным прибором для отбора проб воды на мутность – батометром-бутылкой ГР-16М на штанге с моста в середине створа в точке 0,5 от глубины. Пробы отбирались ежедневно в следующие часы: 8:00, 12:00, 16:00, 20:00 и 00:00. Одновременно с отбором проб проводились измерения уровня воды по рейке. Кроме измерений уровня воды по рейке постоянно велась запись уровней воды самописцем «Валдай». С 14 по 23 июля 2012 г. ежедневно проводились измерения расходов воды вертушкой ИСП-1м при различных уровнях воды для построения кривой зависимости расходов воды от уровней. Также несколько раз параллельно с измерением расхода воды измерены расходы взвешенных наносов. Отобранные пробы фильтровались на месте и взвешивались на электронных аналитических весах в лаборатории. На рис. 2 приведен хронологический график изменений уровней воды и мутности за период наблюдений 2012 г.

По графику на рис. 2 видно, что величина мутности воды согласуется с высотой уровня воды как в течение

суток, так и при смене теплой и ясной погоды на дождливую и холодную. Суточный ход уровней воды зависит от высоты солнца – максимум наблюдается в 14:00–16:00, когда солнце проходит зенит и основная масса воды, поступившая от таяния ледников, достигает створа измерений. Минимум уровня воды, как правило, наступает около 08:00 – в ночное время таяние ледников снижается до минимума и вода постепенно

сходит из русловой и ледниковой ручейковой сети. Наблюдается различие градиента роста и падения уровней воды: от минимума до максимума уровней проходит около 6–8 ч, при этом близкие к максимальным уровни могут держаться до 4 ч (с 14:00 до 18:00), после чего наблюдается достаточно резкий спад до 22:00, а затем градиент падения уровня воды заметно снижается.

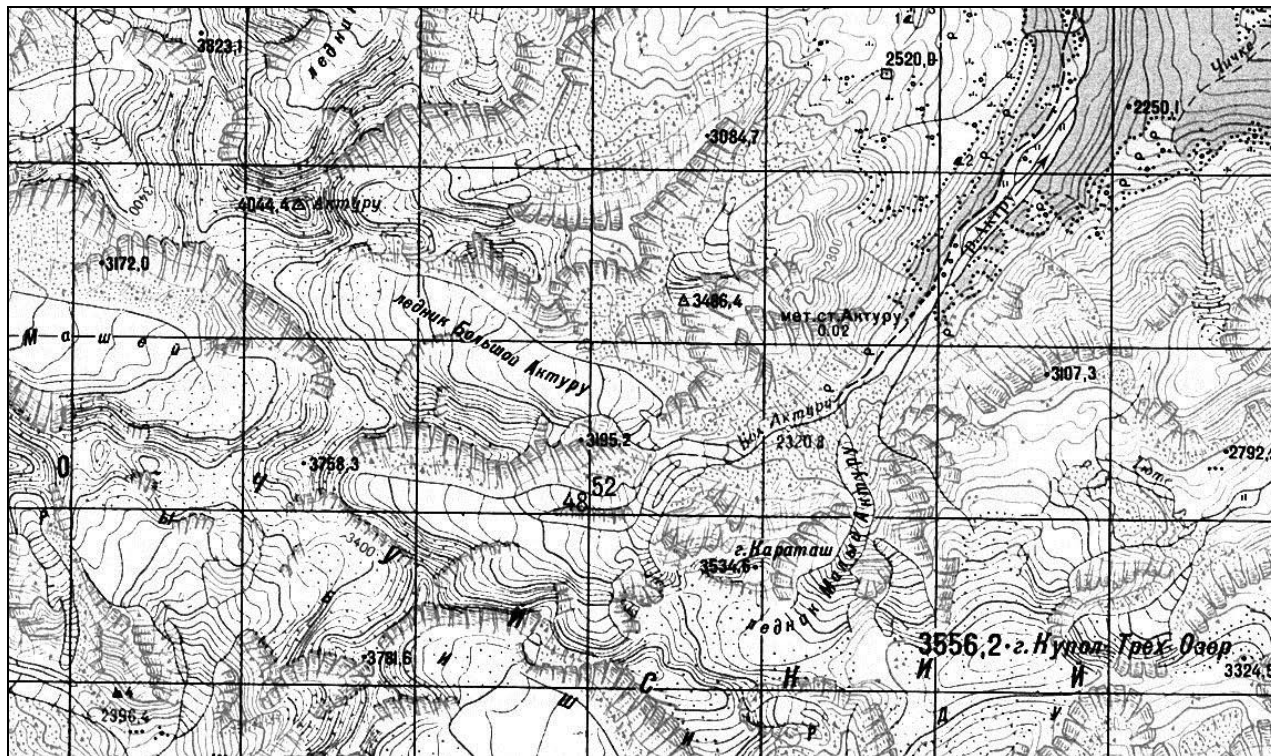


Рис. 1. Схема горной части бассейна р. Актуру

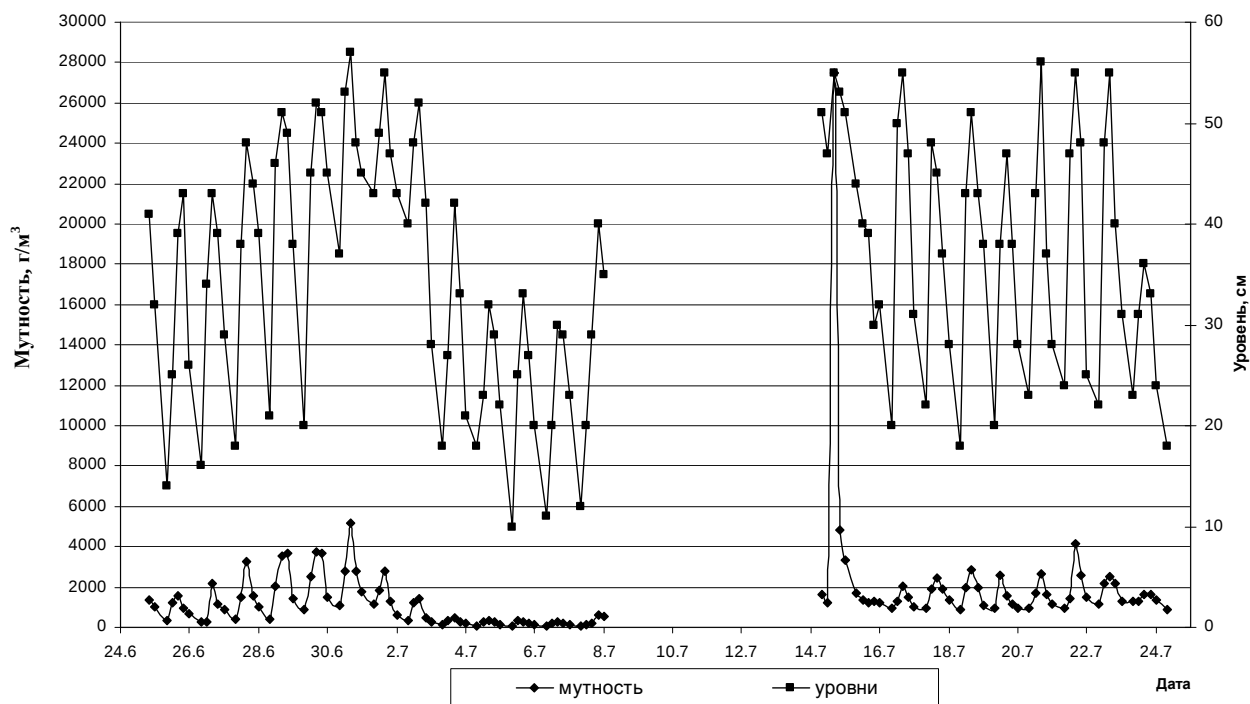


Рис. 2. График хода уровней воды и мутности р. Актуру, пост ГМС Актуру

Подобная асимметрия суточного хода наблюдается и для мутности воды как в солнечную, так и в пасмурную погоду. Также отмечается синхронность роста среднесуточных уровней воды и мутности во время их роста в солнечную погоду и падения при похолодании. Однако среднесуточная мутность воды в высокую водность на порядок выше, чем при низкой водности (2 000–2 500 г/м³ и 160–220 г/м³ соответственно).

Отдельно необходимо рассмотреть резкий скачок мутности 14 июля 2012 г. В этот день в 16:00 зафиксирована мутность 27 500 г/м³, превышающая максимальные измеренные в другие дни 2012 г. и предыдущие годы в 4–5 раз. Для сравнения: в 1962 г. максимальная измеренная мутность составила 6 820 г/м³, в 1958 г. – 1 560 г/м³, в 1957 г. – 1 490 г/м³. Следует отметить, что в 1957–1958 гг. отборы проб на мутность проводились только в утренние и вечерние сроки наблюдений, а в дневные часы, при прохождении пика расходов и мутности, пробы не отбирались и максимальные значения, вероятнее всего, занижены. И.М. Колюшкина [2], В.В. Васильев, И.К. Ковалёв [3] отмечают, что 1962 г. был аномальным в смысле высокой мутности. Объясняется резкий скачок мутности 14 июля 2012 г. продолжительными обложными дождями (иногда ливневого характера) 13 и 14 июля. В этот же день со склонов долины сошло несколько обвалов и се-

лей, в результате чего на дневной поверхности оказалось большое количество мелкообломочного материала, который со склоновым поверхностным стоком поступил в русловую сеть. Цвет воды при прохождении паводочной волны был темно-коричневым, тогда как обычный цвет воды р. Актру во время летного половодья светлосерый. Таким образом, большая часть взвешенных наносов 14 июля 2012 г. поступила в русло не в результате ледниковой деятельности и размыва потоком рыхлообломочного материала, а в результате смыва со склонов. Максимальная же мутность ледникового происхождения в 2012 г. составила 5 180 г/м³.

И.М. Колюшкиной [2] проведено сравнение срочных утренних и вечерних наблюдений за мутностью в 1957, 1958 и 1962 гг., осредненных за период с 14 по 29 июля. В таблице приведены эти данные, а также добавлены осредненные значения утренних и вечерних наблюдений за период с 15 по 23 июля 2012 г..

На основании данных, приведенных в таблице, можно утверждать, что мутность воды во время срочных утренних и вечерних наблюдений в 2012 г. превышает мутность в эти же сроки в 1957–1958 гг., но значительно ниже, чем в 1962 г.

Подобный вывод о превышении мутности в целом за 1962 г. над мутностью 2012 г. можно сделать, построив кривую связи мутности и расходов воды (рис. 3).

Сопоставление значений мутности воды р. Актру ГМС Актру в утренние и вечерние сроки наблюдений

Срок наблюдений	1957 г.	1958 г.	1962 г.	2012 г.
Утро	91	604	1 800	1 062
Вечер	335	945	2 910	1 770

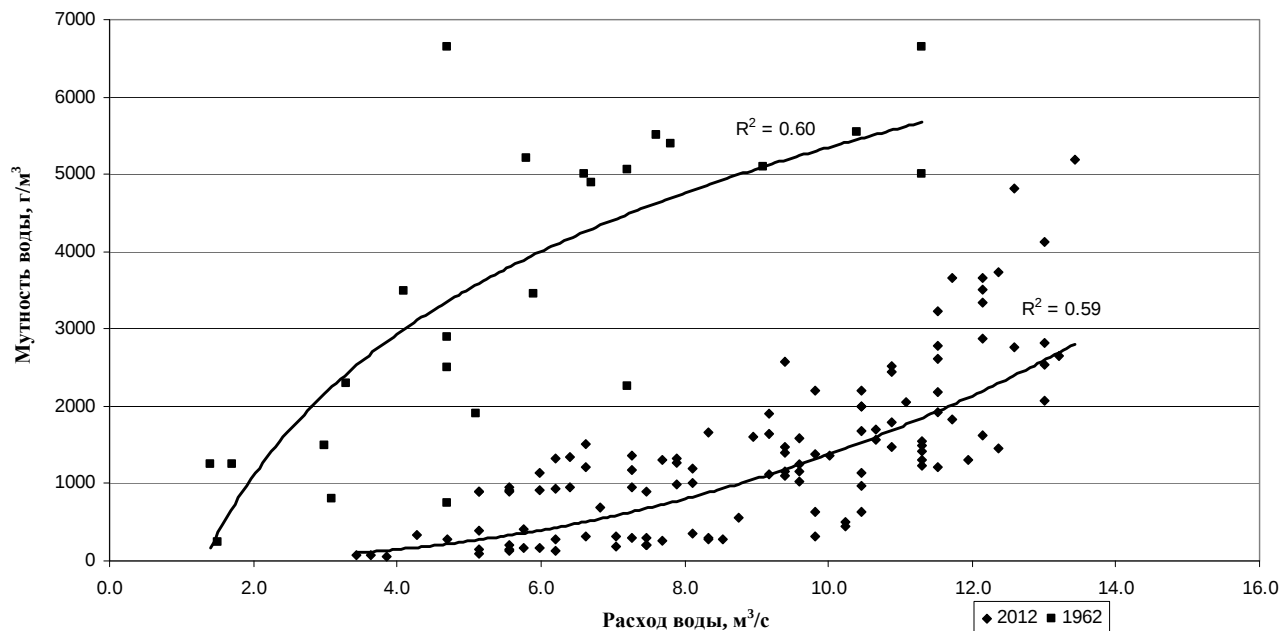


Рис. 3. Кривая связи мутности воды и расходов воды за 1962 и 2012 гг.

Тем не менее расходы взвешенных наносов за сравнимый период времени в 2012 г. превышают расходы взвешенных наносов 1962 г. ввиду наблюдавшихся больших расходов воды в 2012 г. в июне и июле, которые достигали 14–15 м³/с. Такой расход наблюдался в 1962 г. лишь однажды в августе. Среднемесячный рас-

ход взвешенных наносов июля 1962 г., по данным И.М. Колюшкиной [2], составлял 8,99 кг/с, средний расход взвешенных наносов за период измерений в июле 2012 г. – 16,4 кг/с. Весомый вклад в среднемесячный расход взвешенных наносов в 2012 г. приходится на паводок 14 июля, когда его максимум достиг 357 кг/с.

Кроме регулярных наблюдений на створе ГМС Актру проведено несколько параллельных наблюдений за мутностью выше места слияния рр. Бол. Актру и Мал. Актру

в каждом из них. Измерения производились в различное время суток при разных уровнях воды. Гистограмма значений мутности обоих притоков представлена на рис. 4.

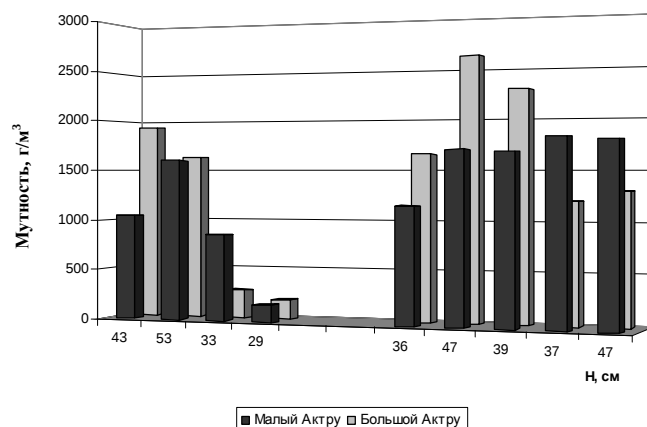


Рис. 4. Гистограмма значений мутности при параллельных измерениях в рр. Бол. Актру и Мал. Актру выше их слияния

Как видно из рис. 4, мутность р. Бол. Актру не всегда превышает мутность р. Мал. Актру. После продолжительной теплой погоды без осадков мутность Мал. Актру оказывается выше, чем Бол. Актру, что, скорее всего, связано с дополнительным поступлением наносов за счет размыва срединной морены, обнажившейся в результате отступления ледника р. Мал. Актру. В период большой

водности Мал. Актру размыв его берегов местами достигает десятых долей метров в минуту – русло значительно блуждает по долине, подмывая слабосвязанные грунты донной морены, состоящие из истертых ледником сланцев темного цвета. Именно темный цвет характерен для вод р. Мал. Актру в периоды высокой водности, в чем можно убедиться по фотографиям автора 2012 г. (рис. 5).



Рис. 5. А – слияние рр. Бол. Актру (нижний левый угол) и рр. Мал. Актру (правый верхний угол); Б – размываемая донная морена ниже ледника Малый Актру

В целом за период измерений 2012 г. максимальная зафиксированная мутность р. Мал. Актру составила 1 820 г/м³, в 1962 г. максимальная мутность р. Мал. Актру 1 августа была 4 580 г/м³.

Еще одной составляющей наблюдений 2012 г. были отборы проб для определения гранулометрического состава взвешенных наносов. Отборы этих проб производились в различные моменты водности, в том числе и в дождевой паводок 14 июля. Гранулометрический анализ проводился методом фракционирования прибором ГР-82. Разделение фракций мельче 0,1 мм проводилось методом деления оставшегося во фракциометре столба воды на 3 части, высота которых соответствовала расстоянию падения частиц должной крупности. Гистограммы распределения крупности взвешенных наносов приведены на рис. 6.

Результаты гранулометрического анализа указывают на преимущественное процентное содержание во взвешенных наносах частиц крупностью от 0,5 до 0,1 мм – от 30 до 60%. В некоторых пробах (от 25 июня и 2 июля) процентное содержание фракции 1,0–0,5 мм сопоставимо с содержанием фракции 0,5–0,1 мм. Следует отметить, что подобные исследования 2011 г. [6] показывают, что наибольшее содержание в пробах приходилось на фракцию 0,1–0,05 мм. Подобное несоответствие может быть объяснено различием водности потока в период наблюдений, который составлял всего 4 дня. Уточнение этого объяснения возможно только после накопления репрезентативного количества материалов в разные годы и периоды водности.

Распределение гранулометрического состава взвешенных наносов 14 июля 2012 г. несколько отличается

от остальных проб – здесь большая часть приходится на фракцию 0,1–0,05 мм и составляет 46%. Немного меньше – 41% – приходится на фракцию 0,5–0,1 мм, на остальные фракции остается 13%. Такое отличие рас-

пределения крупности взвешенных наносов от остальных проб 2012 г. также может указывать на не ледниковое, в большинстве своем, происхождение этих наносов.

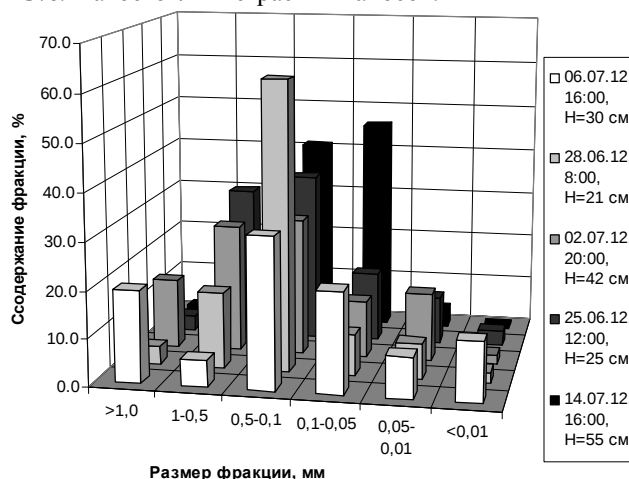


Рис. 6. Распределение гранулометрического состава взвешенных наносов р. Актру, пост ГМС Актру

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

1. Максимальная мутность р. Актру, обусловленная эрозионной деятельностью ледников, по материалам измерений 2012 г. оказалась ниже на 15% максимальной мутности воды, зафиксированной в 1962 г.

2. Во время прохождения по реке дождевого паводка, совпавшего со сходом со склонов долины нескольких лавин и селей, зафиксировано экстремальное значение мутности за все время наблюдений – 27 500 г/м³, что в 4 раза превышает значение максимальной мутности воды в 1962 г.

3. Мутность р. Мал. Актру за счет миграции ее русла и подмыва мелкодисперсных пород вскрывшейся в результате отступления ледника срединной морены в некоторые дни превышает мутность р. Бол. Актру.

4. В составе взвешенных наносов р. Актру преобладают частицы от 0,1 до 0,5 мм.

Более или менее обоснованный вывод об изменении стока взвешенных наносов в многолетнем разрезе можно сделать только после восстановления регулярных гидрологических и метеорологических наблюдений на географической станции Актру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Титова З.А. Наблюдения за мутностью реки Актру в горах Биш-Иирду // Гляциология Алтая. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1962. Вып. 2. С. 114–126.
2. Колошкова И.М. Необычайная мутность воды р. Актру в 1962 году // Гляциология Алтая. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1965. Вып. 4. С. 232–237.
3. Васильев В.В., Ковалёв И.К. Предварительные результаты исследования стока взвешенных наносов и ионного стока реки Актру электрооптическими методами // Гляциология Алтая. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1978. Вып. 13. С. 139–144.
4. Галахов В.П., Нарожный Ю.К., Никитин С.А., Окишев П.А., Севастьянов В.В., Севастьянова Л.М., Шантыкова Л.Н., Шуруп В.И. Ледники Актру (Алтай): Водно-ледниковый и тепловой баланс горноледниковых бассейнов. Л. : Гидрометеиздат, 1987. 118 с.
5. Narozhniy Yu., Zemtsov V. Current State of the Altai Glaciers (Russia) and Trends Over the Period of Instrumental Observations 1952–2008 // AMBIO. 2011. Vol. 40, is. 6. P. 575–588. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s13280-011-0166-0>
6. Дубцов А.Л., Вершинин Д.А. Сток наносов с преимущественно ледниковым питанием на примере р. Актру // Труды ТГУ. Сер. Геолого-географическая: Современные проблемы географии и геологии. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. Т. 280. С. 123–125.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 20 января 2014 г.

SUSPENDED LOAD IN THE AKTRU RIVER AND PECULIARITIES OF ITS REGIME OVER THE LAST 50 YEARS

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 226–231 DOI: 10.17223/15617793/381/37

Vershinin Dmitrii A., Uimanova Valeria A., Ovsyannikov Stepan A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: daversh@ggf.tsu.ru; skvaleri91@mail.ru; azzikss@gmail.com

Keywords: mountain rivers; glaciers; suspended sediment; turbidity; sediment gradation analysis.

Mountain rivers with glacier-derived nourishment bring an appreciable quantity of water-borne dust – stream load. The principal supplier of fragmentary materials is glaciers. The glacier attrites the foot of massive materials to the smallest rates – less than a thousandth of a millimeter. At the same time the stream load has larger items – river gravel and granule round stone. However, despite a significant mountain rivers' turbidity regular water observation of this phenomenon is not realized in every region of our country. Water observation was realized at the hydrometeorostation Aktru for a month by a standard instrument – the bathometer. Water measurement was made at the same time. The records of water measurement were fixed by the logger Valdai. The water rate was obtained daily by a hydrometric current meter for the period of 14 to 23 of July. Diurnal variations of water depend on the solar altitude – the max is at 2.00–4.00 p.m.

when the sun is at zenith. At this time the bulk of water reaches the section line of the measurements. The min of the water level is at 8 a.m. At night the ablation reduces to a minimum. The water level decreases. The abrupt jump of turbidity on July 14, 2012 is considered separately. On this day at 4 p.m. the turbidity of 27500 g/m³ was registered. For reference, in 1962 the max level of turbidity was 6820 g/m³, in 1958 – 1560 g/m³, in 1957 – 1487 g/m³. Yet, I.M. Kolushkina, V.V. Vasilyev, I.K. Kovalev marked that the 1962 turbidity was anomalously high. It happened because of the extended rain period on July 13-14. At the same time earth falls and mudflows moved down from the flanks of the mountain the dome of the three lakes. The max turbidity of glacial origin was 5181 g/m³. The flood of the airborne hirst of 2012 with 16.4 kg/s is greater than that of 1962 with 8.99 kg/s. The max of water turbidity was on July 14, 2012 with 357 kg/s. The measurements were made in the upper zone of the Aktru River at different times of the day. Altogether, the max turbidity of the Small Aktru in 2012 was 1824 g/m³ in 1962 it was 4582 g/m³ on August 1. Another part of observations in 2012 was sediment gradation analysis. The selection of samples was realized at the different levels of spring flood including but not limited to July 14. The results of the grain-size analysis indicate that sediments are mainly (30% to 60%) composed of particles with the size of 0.5 to 0.1 mm. The composition of the sediments of July 14 is different. The particles are 0.1–0.05 mm.

REFERENCES

1. Titova Z.A. *Nablyudeniya za mutnost'yu reki Aktru v gorakh Bish-Iirdu* [Observations of the turbidity of the Aktru in the mountains Bish Iirdu]. In: *Glyatsiologiya Altaya* [Glaciology of the Altai Mountains]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1962, Issue 2, pp. 114-126.
2. Kolyushkina I.M. *Neobychnaya mutnost' vody r.Aktru v 1962 godu* [Extraordinary turbidity of the Aktru in 1962]. In: *Glyatsiologiya Altaya* [Glaciology of the Altai Mountains]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1965, Issue 4, pp. 114-126.
3. Vasilyev V.V., Kovalev I.K. *Predvaritel'nye rezul'taty issledovaniya stoka vzveshennykh nanosov i ionnogo stoka reki Aktru elektroopticheskimi metodami* [Preliminary results of the study of suspended sediments and ionic runoff of the Aktru River by electro-optical methods]. In: *Glyatsiologiya Altaya* [Glaciology of the Altai Mountains]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1978, Issue 13, pp. 139-144.
4. Galakhov V.P., Narozhniy Yu.K., Nikitin S.A., Okishev P.A., Sevastyanov V.V., Sevastyanova L.M., Shantyikova L.N., Shurov V.I. *Ledniki Aktru (Altay): Vodno – lednikovyy i teplovoy balans gornollednikovyykh basseynov* [The Aktru glaciers (Altai). Fluvio-glacial and heat balance of mountain glacier basins]. Leningrad, Gidrometeoizdat Publ., 1987. 118 p.
5. Narozhniy Yu., Zemtsov V. Current State of the Altai Glaciers (Russia) and Trends Over the Period of Instrumental Observations 1952–2008. *AMBIO*, 2011, vol. 40, Issue 6, pp. 575-588. doi: 10.1007/s13280-011-0166-0
6. Dubtsov A.L., Vershinin D.A. [The glacier-fed sediment runoff as exemplified by the Aktru River]. *Trudy TGU – T 280. Seriya geologo-geograficheskaya: Sovremennyye problemy geografii i geologii* [Proc. of Tomsk State University. Vol. 280. Geology and Geography. Modern issues of geography and geology]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2011, pp. 123-125.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ О ЗАМОРОЗКАХ В ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Рассмотрены вопросы современного метеорологического обеспечения сельского хозяйства в условиях подверженности его заморозкам. Выполнены оценки средних потерь от заморозков в двух сельскохозяйственных районах Томской области при использовании климатической и прогностической информации. Показано, что ориентация на прогностическую информацию является оптимальной и дает существенное уменьшение средних потерь от заморозков. В качестве экономико-метеорологических характеристик использованы потери от заморозков, стоимость мер защиты, коэффициент непредотвращенных потерь, оправдываемость прогнозов, повторяемость заморозков.

Ключевые слова: заморозки; средние потери; оптимальная стратегия; климатическая, прогностическая информация о заморозках.

Сельское хозяйство – ведущая отрасль экономики, обеспечивающая население продуктами питания, а значит, и жизнедеятельность государства в целом. Сельское хозяйство занимает второе место после промышленности в валовом общественном продукте и на его долю приходится около 30% национального дохода. Как отрасль материального производства оно представляет собой сложную систему, связанную с биологическими условиями сельскохозяйственных культур, а также с конкретными природными условиями, в которых происходит их выращивание. В силу различных причин уровень развития сельского хозяйства в разных странах существенно различается. И это, прежде всего, объясняется как климатическими условиями, т.е. наличием необходимых климатических ресурсов, так и погодными условиями вегетационного периода. Большое значение имеют и региональные особенности местности (гористость, заболоченность, лесистость и др.).

Продуктивность сельскохозяйственных культур и качество продукции широко изменяются от года к году под влиянием складывающихся агрометеорологических условий, зависят от степени их благоприятности для возделываемых культур, особенно в критические периоды жизни растений. Неблагоприятные гидрометеорологические явления приводят к неурожайным годам. Для предотвращения ущерба, нанесенного опасными погодными явлениями, в том числе заморозками, необходимо выбирать оптимальный способ использования различных видов информации.

Внедрение научных методов использования фактической и прогностической информации о природной среде может заметно снизить потери в экономике и социальной сфере, если потребители метеорологической информации будут не только заблаговременно применять меры защиты, но и постоянно и эффективно вести хозяйственные мероприятия с учетом ожидаемой погоды.

Целью работы являются оценка средних ежегодных потерь от заморозков в сельскохозяйственных районах Томской области (Томский и Колпашевский районы) при использовании климатической и прогностической информации и выбор оптимальной стратегии.

В работе рассмотрены некоторые экономические вопросы метеорологического обеспечения сельскохозяйственных производителей информацией о заморозках: получены матрицы соответствия (сопряженности)

прогностических и фактических данных по заморозкам и рассчитаны матрицы потерь; выполнена оценка среднегодовых потерь и сделаны выводы по выбору оптимальной стратегии, минимизирующей средние потери от заморозков в области.

Особенности сельскохозяйственного производства области. Производство сельскохозяйственной продукции осуществляется в особых специфических условиях, характерных только для данной отрасли.

1. Сельскохозяйственные культуры на всех фазах производства постоянно находятся под влиянием погоды и климата, поэтому требуется их круглогодичный учет.

2. Сельскохозяйственные работы носят сезонный характер и существенно обусловлены климатической зоной. Поэтому требуются избирательные агрометеорологические условия возделывания многочисленных культур.

3. Многие выращиваемые культуры занимают обширные площади, это затрудняет практическое применение эффективных мер защиты их от неблагоприятных условий погоды. Поэтому в сельском хозяйстве непредотвратимые убытки по метеорологическим причинам больше, чем в какой-либо другой отрасли народного хозяйства [1].

В экономике страны около 59% суммарных метеорологических потерь приходится на сельское хозяйство. Из них 60% составляют непредотвращенные потери из-за специфики сельскохозяйственного производства и слабой эффективности защитных мер. Примерно 50% из общих суммарных потерь вызываются засухами (потери непредотвратимые). В целом удается предотвратить 40% потерь из их общей суммы [2].

Значительные убытки несет сельское хозяйство от поздних весенних и ранних осенних заморозков. Они занимают второе место после засух [3].

Устойчивость растений к заморозкам и степень их повреждения зависят от многих факторов: времени наступления, интенсивности и продолжительности заморозка, скорости и условий оттаивания растений, а также от состояния самих растений, их вида и сорта, фазы развития, условий выращивания и т.д.

Территория Томской области находится в зоне рискованного земледелия, поэтому товарное растениеводство возможно лишь в ее юго-восточных районах, где сосредоточено 80% всех пахотных земель и собирается основной урожай зерновых культур – 44–46% всего

сельскохозяйственного продукта. С учетом природно-климатических условий области основной задачей растениеводства является выращивание продукции для развития кормопроизводства, а также обеспечение потребностей жителей в картофеле, зерновых культурах, гречихи, зернобобовых, льна, свекле и овощной продукции. Сельскохозяйственные организации являются основными производителями зерна (более 83% валового производства зерна в целом по области) и льноволокна (100%). Почвенно-климатические условия области благоприятны для выращивания картофеля. На долю малых форм хозяйствования приходится 80,4% овощей, 93,4% картофеля. Расширяются объемы возделывания льна местной селекции.

Томский район, расположенный в юго-восточной части Томской области, является основным поставщиком сельскохозяйственной продукции. Здесь выращиваются все овощи и картофель. Наиболее крупные организации, которые занимаются животноводством и сельским хозяйством: «Сибирская Аграрная Группа», ООО ППП «Воронино», «Межениновская птицефабрика», крестьянско-фермерские хозяйства М.П. Колпакова и С.Н. Белозерова [4]. Продолжают увеличивать объемы производства овощеводческие хозяйства: ЗАО «Овощевод», ООО «Агротеховощ», ЗАО «Томь», ООО «Трубачево» [5].

Колпашевский район расположен в центре Томской области. Организации, занимающиеся сельскохозяйственным производством: ЗАО «Инкинский», Нарымское опытно-производственное хозяйство, ЗАО Первомайский, ЗАО Чажемтовское. Здесь выращиваются технические культуры (свекла, картофель), кормовые (многолетние и однолетние травы и силосовые культуры), овощные (огурцы, томаты, капуста) и садовые плодово-ягодные культуры. Для выращивания всех этих культур важна информация о заморозках.

На территории Томской области весной (летом) и осенью возможны заморозки в воздухе. Особенно опасны заморозки при устойчивом переходе температуры воздуха через 10°C, когда начинается активная вегетация растений. Наиболее поздние заморозки могут быть в первой и второй декадах июня (климатическая вероятность их появления 5%), осенью в 5% случаев заморозки могут возникать в конце августа при средней дате их появления 17 сентября [6].

Оценка средних потерь от заморозков и выбор оптимальной стратегии. В работе использованы основные экономико-метеорологические показатели [2, 7]: климатическая повторяемость заморозков, оправдываемость прогнозов заморозков (Р), стоимость мер защиты (С), потери от заморозков (L), средние потери за вегетационный период (R_{cp}), нормированные потери (Е), коэффициент непредотвращенных потерь (ϵ).

Для оценки среднесезонных потерь от заморозков использованы сведения Томского центра по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды о весенних и осенних заморозках в Томской области с 2001 по 2011 г. Они содержат информацию о дате, когда отмечался заморозок; районе; был ли предусмотрен наблюдавшийся заморозок; предпринятые меры защиты, т.е. затраты в денежном выражении, осуществляемые на защиту от заморозка (они отражают стоимость защитных мероприятий); данные об ущербе (отражают потери). На основе этих данных выполнены расчеты по выбору оптимальной стратегии, обеспечивающей минимальные средние потери.

Потери от заморозков в г. Томске. Ниже представлена матрица сопряженности прогнозов весенних и осенних заморозков. В табл. 1 обозначены: Ф – фактическая погода (заморозок); П – прогностическая информация о заморозке. Данные представлены в числе случаев и повторяемости (в скобках). Повторяемость определена как отношение соответствующего сочетания прогноз – факт к общему числу случаев и выражена в процентах.

В табл. 1 указано число случаев сочетаний между прогнозами наличия (отсутствия) заморозка и фактом его появления (отсутствия). Количество дней с возможными заморозками определено с учетом климатических данных с учетом дат самого раннего и самого позднего весеннего и осеннего заморозков [6]: это 45 дней весной и 50 дней осенью за 11 лет. Исходя из полученной матрицы соответствия оправдываемость прогнозов заморозков (Р) за этот период составила 99%.

На основе средних значений стоимости защитных мер по предотвращению заморозков и потерь от них за исследуемый период посчитана матрица потерь ($C/L = 0,1$). Матрица потерь – это денежное выражение последствий действий потребителя (принимать или не принимать защитные меры от заморозка) при наличии или отсутствии его.

Таблица 1

Матрица соответствия между прогнозами и фактически наблюдавшимися заморозками. Томск

Наличие заморозков (Ф)	Прогноз заморозков (П), число случаев (повторяемость, %)		Сумма по факту наличия (отсутствия) заморозка, число случаев (повторяемость, %)
	Ожидается П	Не ожидается –П	
Заморозок был Ф	61 (5,8)	2 (0,2)	63 (6)
Заморозка не было – Ф	2 (0,2)	980 (93,8)	982 (94)
Сумма по прогнозам П	63 (6)	982 (94,0)	1 045 (100)

Таблица 2

Матрица потерь при кардинальных мерах защиты, тыс. руб. / прогноз. Томск

Фі	Решение потребителя в соответствии с прогнозом	
	d (П) принимаются меры защиты	d (–П) меры защиты игнорируются
Ф	89 (С)	888 (L)
–Ф	89 (С)	0

В табл. 2 обозначены: Φ – ожидается заморозок; $-\Phi$ – не ожидается заморозок; 89 тыс. руб. – средние фактические затраты на предупреждение или уменьшение потерь от заморозка (C); 888 тыс. руб. – средние потери из-за него (L).

На основе матрицы сопряженности и матрицы потерь при коэффициенте непредотвращенных потерь $\varepsilon = 0$ были рассчитаны средние потери R_{cp} от заморозков [2] для трех стратегий (табл. 3). *Первая стратегия* – это стратегия постоянной защиты, она предполагает защиту на протяжении всего вегетационного периода. *Вторая стратегия* – стратегия пренебрежения мерами защиты. Эти стратегии основываются на данных по климатической повторяемости заморозков. *Третья стратегия* основывается на использовании метеорологических прогнозов и заключается в том, что если по прогнозу ожидается заморозок, то следует предпринять меры защиты; если заморозок не ожидается, меры защиты предпринимать не нужно.

В табл. 3 представлены расчеты средних потерь от заморозка в зависимости от ориентации на разные стратегии. Здесь и далее обозначены: p_{10} – климатическая вероятность появления заморозков; p_{01} – вероятность прогноза заморозков; p_{12} – вероятность неоправ-

давшихся прогнозов отсутствия заморозка (явление не прогнозировалось, но наблюдалось).

Видно, что в условиях юга Томской области целесообразно придерживаться третьей стратегии ($E3$) – стратегии использования качественной прогностической информации (оправдываемость прогноза близка к 100%). В этом случае в среднем потери от заморозка уменьшаются в 7–12 раз по сравнению с другими стратегиями.

На рис. 1 представлен график зависимости нормированных потерь E от соотношений C/L для трех стратегий. Нормированные потери – это отношение средних потерь к убыткам (R_{cp}/L) – величина безразмерная [2], не превышающая 1. Из графика видно, что для всех потребителей ($1,0 > C/L > 0$) нормированные потери минимальны при использовании метеорологических прогнозов. Наибольшие потери для большинства потребителей характерны для первой стратегии.

На основе матрицы сопряженности (табл. 1) и матрицы потерь (табл. 2) при разных коэффициентах непредотвращенных потерь (ε), отличных от 0 (т.е. меры защиты некардинальны), были рассчитаны средние потери R_{cp} от заморозков при трех климатических стратегиях (табл. 4).

Таблица 3

Средние потери R_{cp} при кардинальных мерах защиты, тыс. руб. / прогноз. Томск

Тип стратегии	R_{cp}	$\varepsilon = 0$
E1	C	88,8
E2	Lp_{10}	53,5
E3	$Cp_{01} + Lp_{12}$	7,0

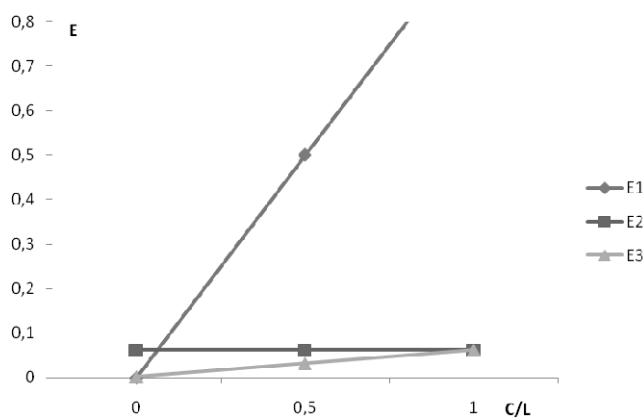


Рис. 1. Нормированные потери при кардинальных мерах защиты

Таблица 4

Средние потери R_{cp} при некардинальных мерах защиты, тыс. руб./прогноз. Томск

Тип стратегии	R_{cp}	$\varepsilon = 0,2$	$\varepsilon = 0,4$
E1	$C + \varepsilon Lp_{10}$	99,5	110,2
E2	Lp_{10}	53,5	53,5
E3	$Cp_{01} + \varepsilon Lp_{11} + Lp_{12}$	17,4	27,8

В табл. 4 p_{11} – вероятность оправдавшихся прогнозов наличия заморозка (т.е. он прогнозировался и наблюдался).

При наличии непредотвращенных потерь ($\varepsilon \neq 0$) средние потери возрастают при использовании всех стратегий. И тем не менее в условиях Томской области

целесообразно придерживаться третьей стратегии, так же как при кардинальных мерах защиты. Ориентация на прогнозы позволяет при разных значениях ε существенно снизить средние потери от заморозков в 2–4 раза.

На рис. 2 приведены нормированные потери (для $\varepsilon = 0,4$ $E = R_{cp}/L(1-\varepsilon)$ [2]).

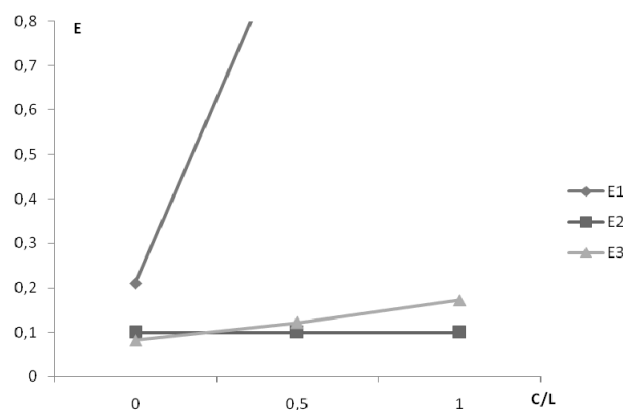


Рис. 2. Нормированные потери при некардинальных мерах защиты. Томск

Из табл. 4 и рис. 2 видно, выбор климатической стратегии зависит от коэффициента непредотвращенных потерь ϵ : с увеличением ϵ потери возрастают. В целом наблюдается такая же закономерность выбора оптимальных стратегий, что и при кардинальных мерах защиты.

Для $P = 99\%$ оптимальной является стратегия доверия прогнозам для потребителей, имеющих $C/L < 0,25$ (при $\epsilon = 0,4$). Стратегия постоянной защиты приводит к максимальным потерям; стратегия пренебрежения ме-

рами защиты дает меньшие потери для случаев, когда $C/L > 0,25$.

Потери от заморозков для г. Колпашево. Аналогичные расчеты выполнены для станции Колпашево. Для этого [8] были взяты данные за период с 1999 по 2006 г. по осенним и весенним заморозкам. Для расчета средних потерь использованы альтернативные матрицы потерь и условные вероятности осуществления текстов прогнозов, а также средние значения потерь за данный период при соотношении $C/L = 0,1; 0,4; 0,7$.

Таблица 5

Матрица сопряженности для заморозков. Колпашево

Наличие заморозков	Прогнозируемая погода П: прогноз заморозков		Сумма по факту Ф наличия (отсутствия) заморозка
	Ожидается П	Не ожидается –П	
Заморозок был Ф	20	16	36
Заморозка не было –Ф	16	592	608
Сумма по прогнозам П	36	608	644

В табл. 5 указано число случаев сочетаний между прогнозами наличия (отсутствия) заморозка и фактом его появления (отсутствия).

Количество дней с возможными заморозками (39 дней весной и 53 дней осенью за 7 лет) было получено по климатическим данным с учетом дат самого раннего и самого позднего весеннего и осеннего заморозков.

Оправдываемость прогнозов заморозков за этот период составила 95%.

Аналогично на основе матриц вероятностей и потерь (табл. 2, 6) при разных коэффициентах непредотвращенных потерь (ϵ) были рассчитаны средние потери (R_{cp}) для трех климатических стратегий, они представлены в табл. 7 и 8.

Таблица 6

Матрица повторяемости прогнозов заморозков, %. Колпашево

Наличие заморозков	Прогнозируемая погода П. Прогноз заморозков		Сумма по факту Ф наличия (отсутствия) заморозка
	Ожидается П	Не ожидается –П	
Заморозок был Ф	3,1	2,5	5,6
Заморозка не было –Ф	2,5	91,9	94,4
Сумма по прогнозам П	5,6	94,4	100

Таблица 7

Средние потери R_{cp} от заморозка при кардинальных мерах защиты ($\epsilon = 0$), тыс. руб. / прогноз. Колпашево

Тип стратегии	R_{cp}	$C/L = 0,1$	$C/L = 0,4$	$C/L = 0,7$
E1	C	88,8	325,7	562,9
E2	Lp_{10}	49,5	49,5	49,5
E3	$Cp_{01} + Lp_{12}$	23,3	34,1	46,2

Таблица 8

Средние потери R_{cp} при некардинальных мерах защиты при разных ϵ , тыс. руб. / прогноз. Колпашево

Тип стратегии	R_{cp}	$C/L = 0,1$		$C/L = 0,4$		$C/L = 0,7$	
		$\epsilon = 0,2$	$\epsilon = 0,4$	$\epsilon = 0,2$	$\epsilon = 0,4$	$\epsilon = 0,2$	$\epsilon = 0,4$
E1	C	98,5	108,4	335,6	345,5	572,8	582,7
E2	Lp_{10}	49,5	49,5	49,5	49,5	49,5	49,5
E3	$Cp_{01} + Lp_{12}$	24,3	29,4	35,8	41,3	44,4	48,5

Видно, что при кардинальных мерах защиты для разных потребителей или условий ($C/L = 0,1$; $C/L = 0,4$; $C/L = 0,7$) (табл. 7) целесообразно придерживаться третьей стратегии, ориентирующей на использование прогностической информации, которая обеспечивает минимальные потери. При некардинальных мерах защиты (табл. 8) для аналогичных C/L (при $\varepsilon = 0,2$; $0,4$) меньшие потери отмечаются также при третьей стратегии (Е3). С увеличением непредотвращенных потерь ε и увеличением отношения C/L средние потери возрастают.

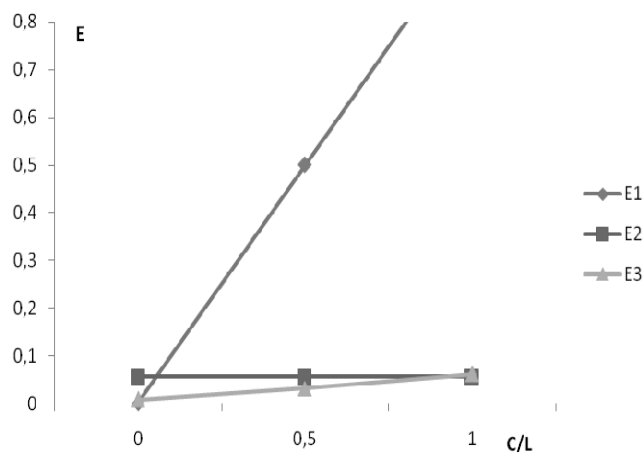


Рис. 3. Нормированные потери при заморозках для $P = 95\%$ и $\varepsilon = 0$. Колпашево

Оправдываемость прогноза 95% – это достаточно высокое качество прогнозов, поэтому практически все потребители метеоинформации при любых значениях ε могут ориентироваться на стратегию доверия прогнозам.

Таким образом, использование агрометеорологических прогнозов имеет важное значение для уменьшения средних потерь от заморозков.

Выполненное исследование относится к средним условиям. Для получения оценок по конкретным предприятиям необходимы сведения об их специфике, отражающие вид сельскохозяйственных культур и влияние на них заморозков, особенностях производства, которые включают экономические характеристики, а также качество метеорологического обеспечения.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Любое сельскохозяйственное предприятие для уменьшения потерь от заморозков может применять одну из трех стратегий: стратегию постоянной защиты, стратегию пренебрежения защитой на основе использования климатической повторяемости, а также стратегию использования оперативных прогнозов заморозков.

2. Выбор климатической стратегии зависит от экономических характеристик каждого предприятия – стоимости защитных мероприятий (C) и величины потерь (L), а также от коэффициента непредотвращенных потерь (ε).

3. Выбор стратегии зависит также от климато-метеорологических характеристик: повторяемости заморозков и оправдываемости прогнозов заморозков (P).

4. При малых C и больших L целесообразно применять постоянные меры защиты (1-я стратегия).

5. В отношении заморозков в Томской области, имеющих малую повторяемость, наиболее целесообразно использовать третью и вторую стратегии: ориен-

На рис. 3 приведена номограмма нормированных потерь для г. Колпашево при заморозках при кардинальных мерах защиты и оправдываемости прогнозов $P = 95\%$, $\varepsilon = 0$.

Очевидно, для всех сельскохозяйственных организаций (любых C/L) следует выбрать третью стратегию Е3, т.е. ориентироваться на прогностическую информацию и при прогнозе наличия заморозка предпринимать защитные меры, а при прогнозе отсутствия его – не предпринимать.

тации на их прогнозы, а также стратегию пренебрежения мерами защиты. Последняя стратегия «работает» при больших непредотвратимых убытках ($\varepsilon > 0,5$).

6. Средние потери возрастают с увеличением соотношения C/L и величины коэффициента непредотвращенных потерь ε .

7. Ориентация на прогнозы заморозков в Томской области позволяет существенно уменьшить средние потери от них: при кардинальных мерах защиты – примерно в 7 раз по сравнению с Е2 (не использовать информацию и не предпринимать защитные меры) и в 11 раз по сравнению с Е1 (ежедневно предпринимать защитные меры). Для $\varepsilon = 0,4$ (реальная величина в сельском хозяйстве) средние потери уменьшаются соответственно в 2 и 4 раза.

8. При одинаковых C , L , ε средние потери для г. Колпашево несколько меньше в связи с меньшей повторяемостью заморозков.

9. Эффект от применения на практике метеорологических прогнозов зависит от специфики работы сельхозпредприятий, их экономических характеристик, а также от качества (оправдываемости) прогнозов. Поэтому для достижения экономических результатов нужна более тесная взаимосвязь между поставщиками и потребителями метеорологической информации: предприятиям сельского хозяйства важно рассчитать функции потерь (или полезности), которые зависят от многих факторов (выращиваемые культуры, особенности производства и др.), а поставщикам информации стремиться к дальнейшему совершенствованию специализированного обеспечения.

Полученные результаты относятся к стратегии предприятий в отношении заморозков. Они могут быть

применены и для других отраслей производства с учетом их особенностей.

Рассчитанные номограммы потерь содержат полную характеристику ожидаемых издержек при той или иной

стратегии и представляют собой экономико-метеорологический паспорт сельскохозяйственного потребителя, который позволяет для конкретного предприятия достичь экономически выгодного результата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хандошко Л.А. Метеорологическое обеспечение народного хозяйства. Л. : Гидрометеиздат, 1981. 231 с.
2. Хандошко Л.А. Экономическая метеорология. СПб. : Гидрометеиздат, 2005. 492 с.
3. Кориунов А.А., Хандошко Л.А., Шаймарданов М.З. Проблемы экономической полезности использования гидрометеорологической информационной продукции. СПб. : Гидрометеиздат – Обнинск ; ВНИИГМИ-МЦД, 2000. Вып. 169, № 2. 132 с.
4. Департамент по социально-экономическому развитию Томской области. Томск, 2012. URL: <http://agro.tomsk.ru/region/agriculture> (дата обращения: 10.04.2013).
5. Агроклиматический справочник по Томской области. Л. : Гидрометеиздат, 1960. 136 с.
6. Кошинский С.Д., Трифонова Л.И., Швер Ц.А. Климат Томска. Л. : Гидрометеиздат, 1982. 176 с.
7. Кижнер Л.И., Кизеева А.А. Значение прогностической информации для уменьшения средних потерь от заморозков в Томской области // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 360. С. 176–181.
8. Погода в России и мире, прогноз погоды от Метеоцентра. М., 2009. URL: <http://meteocenter.net> (дата обращения: 01.05.2013).

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 2 февраля 2014 г.

THE VALUE OF PROGNOSTIC INFORMATION FOR REDUCTION OF LOSSES FROM FROSTS IN TOMSK OBLAST

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 232–237 DOI: 10.17223/15617793/381/38

Kizhner Lubov I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kdm@mail.tsu.ru

Keywords: frosts; average loss; optimal strategy; climatic; frost forecast.

Providing the population with food, agriculture determines the country's national security. The level of agricultural development is largely determined by climate and weather conditions. The use of hydrometeorological information, especially of prognostic one, is an important factor in increasing the production of agricultural production and reducing losses in years of bad harvest. Losses in the economy and the social sphere can be reduced with employing scientific methods on the use of actual and forecast data of the environment, if consumers of this information will apply protective measures in advance and constantly implement economic measures basing on the expected weather. The economic questions of impact of frost for two regions of Tomsk Oblast (Tomsk and Kolpashevo areas) with the use of modern approaches on the meteorological and agrometeorological data were examined. Contingency matrices of the prognostic and of the actual information on frosts as well as matrices of losses are obtained on the basis of the prognostic and of the actual data on frosts for 1999–2011 and climate characteristics. Basing on the obtained data the evaluation of the average annual losses was made. Conclusions were drawn on the choice of the optimal strategy of minimization of the average loss from frost in the region. Three strategies were considered: 1 – daily protective measures, 2 – no use of the information and no taking protective measures, 3 – orientation and reliance on frost forecasts. The following conclusions were made. 1. The selection of the climatic strategy depends on the economic characteristics of the company – the cost of protective measures (C) and loss values (L), as well as on the coefficient of non-prevented losses (ϵ). 2. Choosing the strategy also depends on the climatic and meteorological characteristics: climatic repeatability of frosts and reliability of frost forecasts (P). 3. Orientation to the prognostic information about frosts in Tomsk Oblast can significantly reduce the average losses from them: the cardinal measures of protection ($\epsilon = 0$) give about seven and eleven times better effect in comparison with the second and the first strategies respectively. For $\epsilon = 0.4$ (which is real in agriculture) the loss reduction is two and four times respectively. 4. In order to minimize the average losses for most companies it is advisable to use operational methodical forecasts. The higher the accuracy of forecasts, the more applicable and effective they are for economic managers. The calculations refer to the strategy of the companies against frost. They can be applied to other industries with regard to their features.

REFERENCES

1. Khandozhko L.A. *Meteorologicheskoe obespechenie narodnogo khozyaystva* [Meteorological support of the national economy]. Leningrad, Gidrometeoizdat Publ., 1981. 231 p.
2. Khandozhko L.A. *Ekonomicheskaya meteorologiya* [Economic Meteorology]. Saint-Petersburg, Gidrometeoizdat Publ., 2005. 492 p.
3. Korshunov A.A. *Problemy ekonomicheskoy poleznosti ispol'zovaniya gidrometeorologicheskoy informatsionnoy produktsii*. Vypusk 169 [Problems of economic usefulness of hydrometeorological information products. Issue 169]. Saint-Petersburg, Gidrometeoizdat Publ., Obninsk, All-Russian Research Institute of Gidrometeorological – World Data Centre Publ., 2000, no. 2. 132 p.
4. *Department for Socio-Economic Development of Tomsk Region*. Available at: <http://agro.tomsk.ru/region/agriculture/> (accessed 10.04.2013)
5. Shulman S.M. (ed.) *Agroklimaticheskiy spravochnik po Tomskoy oblasti* [Agroclimatic Reference of Tomsk Region]. Leningrad, Gidrometeoizdat Publ., 1960. 136 p.
6. Koshinsky S.D., Trifonova L.I., Shver Ts.A. *Klimat Tomsk* [The climate of Tomsk]. Leningrad, Gidrometeoizdat Publ., 1982. 176 p.
7. Kizhner L.I., Kizeeva A.A. Znachenie prognosticheskoy informatsii dlya umen'sheniya srednikh poter' ot zamorozkov v Tomskoy oblasti [Prognostic information value for reduction of losses from frost in Tomsk Region]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2012, no. 360, pp. 176–181.
8. *The weather in Russia and the world, weather forecast from Meteocentr*. Available at: <http://meteocenter.net> (accessed 01.05.2013)

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСЕЕВА Татьяна Александровна – аспирант кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: tanyaalek@yandex.ru

БЕЛЬСКАЯ Николь Сергеевна – аспирант кафедры общего и русского языкознания Алтайской государственной педагогической академии (г. Барнаул). E-mail: nicole_belskaya@mail.ru

БРЕДИХИНА Юлия Петровна – канд. мед. наук, преподаватель кафедры физического воспитания Томского политехнического университета. E-mail: u2000@yandex.ru

БЫКОВ Александр Александрович – канд. ист. наук, доцент кафедры социальной работы Томского государственного университета. E-mail: aab56@sibmail.com

ВЕРШИНIN Дмитрий Александрович – канд. геогр. наук, доцент кафедры гидрологии Томского государственного университета. E-mail: daversh@ggf.tsu.ru

ВЕРШИНИНА Евгения Николаевна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: en.kurmi@gmail.com

ВОРОНОВА Евгения Сергеевна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: ves1989@mail.ru

ГАПОНОВ Александр Сергеевич – ст. преподаватель кафедры социальной философии, онтологии и теории познания Томского государственного университета. E-mail: gaponov@sibmail.com

ГЕВЕЛЬ Ольга Евгеньевна – специалист Центра испанского языка, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: olyagevel@mail.ru

ГОЛУБЕНКО Анастасия Павловна – студентка экономического факультета Томского государственного университета. E-mail: nastja_gol@mail.ru

ГРИГОРЬЕВА Светлана Евгеньевна – канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета. E-mail: svetikiss07@mail.ru

ГУЖОВ Федор Александрович – аспирант кафедры спортивных дисциплин Томского политехнического университета. E-mail: fedorguzhov@mail.ru

ДМИТРИЕНКО Надежда Михайловна – д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета. E-mail: vassa.mv@mail.ru

ДОЛМАТОВ Александр Олегович – аспирант кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Томского государственного университета. E-mail: dolmatovoa@ngs.ru

ДОРОЖКИН Евгений Михайлович – д-р пед. наук, профессор, ректор Российского государственного профессионально-педагогического университета (г. Екатеринбург). E-mail: evgeniy.dorozhkin@rsvpu.ru

ДОРОФЕЕВ Михаил Васильевич – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории и методики преподавания истории Кузбасской государственной педагогической академии (г. Новокузнецк). E-mail: natdor13@mail.ru

ЕЛИНЕР Илья Григорьевич – д-р культурологии, доцент, зав. кафедрой компьютерного дизайна Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. E-mail: ila111design@yandex.ru

ЕРМАКОВА Ольга Владимировна – канд. юрид. наук, ст. преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института Министерства внутренних дел России. E-mail: ermakova_alt@mail.ru

ЗАГРЕВСКИЙ Валерий Иннокентьевич – д-р пед. наук, профессор кафедры теории и методики физического воспитания Могилевского государственного университета им. А.А. Кулешова (Белоруссия). E-mail: zvi@tut.by

ЗАГРЕВСКИЙ Олег Иннокентьевич – д-р пед. наук, профессор зав. кафедрой гимнастики и спортивных игр Томского государственного университета. E-mail: O.zagrevsky@yandex.ru

ИЛЬИН Александр Александрович – канд. пед. наук, ст. преподаватель, зав. кафедрой физического воспитания и спорта Томского университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: sport@rk.tusur.ru

ИЛЬИНА Татьяна Геннадьевна – канд. экон. наук, доцент кафедры финансов и учета Томского государственного университета. E-mail: ilinatg@mail.ru

КАЗАКОВ Владимир Владимирович – д-р экон. наук, профессор кафедры финансового права Томского государственного университета. E-mail: prorektorsv@mail.ru

КАПИЛЕВИЧ Леонид Владимирович – д-р мед. наук, профессор, зав. кафедрой спортивно-оздоровительного туризма, спортивной физиологии и медицины Томского государственного университета; профессор кафедры спортивных дисциплин Томского политехнического университета. E-mail: kapil@yandex.ru

КОНДРАСЮК Валентина Андреевна – студентка Института социально-гуманитарных технологий Томского политехнического университета. E-mail: astarta_boss@mail.ru

КОНЮК Анастасия Васильевна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: Nastya_konyuk@mail.ru

ЛЕКАРЕНКО Оксана Геннадьевна – д-р ист. наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета. E-mail: olekarenko@gmail.com

ЛОЖКИНА Мария Борисовна – канд. биол. наук, доцент кафедры спортивно-оздоровительного туризма, спортивной физиологии и медицины Томского государственного университета. E-mail: lozhkinamb@gmail.com

КИЖНЕР Любовь Ильинична – канд. геогр. наук, доцент кафедры метеорологии и климатологии Томского государственного университета. E-mail: kdm@mail.tsu.ru

КОСТЕЦКАЯ Екатерина Викторовна – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры истории, философии, культурологии и методик преподавания Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д.И. Менделеева. E-mail: katerinavb@yandex.ru

ОВСЯННИКОВ Степан Александрович – магистрант геолого-географического факультета Томского государственного университета. E-mail: azzikss@gmail.com

ПЕТИНЕНКО Ирина Александровна – канд. экон. наук, доцент кафедры мировой экономики и налогообложения Томского государственного университета. E-mail: irina.petinenko@yandex.ru

ПОЛУХИН Андрей Николаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории, философии и социальных наук Кузбасской государственной педагогической академии (г. Новокузнецк). E-mail: poluhin76@mail.ru

ПРОКОПОВА Наталья Леонидовна – д-р культурологии, профессор, директор Института театра Кемеровского государственного университета культуры и искусств. E-mail: n-prokорова@kemnet.ru

ПРЯДУХА Наталия Анатольевна – канд. искусствоведения, науч. сотр. лаборатории гуманитарных наук НПО «Экран» (г. Барнаул). E-mail: natasha72_72@mail.ru

РЕДЧИКОВА Наталия Александровна – канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и агробизнеса Томского государственного университета. E-mail: natako@yandex.ru

РУМЯНЦЕВ Петр Петрович – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: petroom@mail.ru

РЫНДИНА Ольга Михайловна – д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета. E-mail: rynom_97@mail.tomsknet.ru

РЫТОВА Татьяна Анатольевна – канд. филол. наук, докторант кафедры истории русской литературы XX века Томского государственного университета. E-mail: rytova1967@mail.ru

САРЫЧЕВА Татьяна Валерьевна – канд. пед. наук, доцент кафедры спортивных дисциплин Томского политехнического университета; докторант кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: sarycheva_tv_1@mail.ru

СЕДЕЛЬНИКОВА Ольга Викторовна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Томского политехнического университета. E-mail: sedelnikovaov@tpu.ru

СЕМИКОЛЕНОВ Максим Владимирович – аспирант кафедры отечественной истории и методики преподавания истории Кузбасской государственной педагогической академии (г. Новокузнецк). E-mail: SEMICOLENOV.MAX.RU2010@yandex.ru

СИЛИНСКАЯ Анна Сергеевна – аспирант кафедры истории философии и логики Томского государственного университета. E-mail: Gella5@yandex.ru

СОБОЛЕВА Екатерина Николаевна – канд. экон. наук, доцент кафедры экономики Томского политехнического университета. E-mail: soboleva88@tpu.ru

ТАРАБАНОВ Николай Александрович – канд. филос. наук, доцент кафедры социальной философии, онтологии и теории познания Томского государственного университета. E-mail: nikotar@fsf.tsu.ru

ТИТАРЕНКО Андрей Павлович – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института Министерства внутренних дел России. E-mail: tapavlovich@mail.ru

ТИТОВА Наталья Сергеевна – аспирант кафедры современного русского языка Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: class.room@mail.ru

ТОРОПЧИН Глеб Вячеславович – аспирант кафедры новой и новейшей истории и международных отношений Кемеровского государственного университета. E-mail: glebtoropchin@mail.ru

УЙМАНОВА Валерия Александровна – магистрант геолого-географического факультета Томского государственного университета. E-mail: skvaleri91@mail.ru

ХМЫЛЁВ Владимир Львович – канд. филос. наук, доцент кафедры культурологии и социальной коммуникации Томского политехнического университета. E-mail: vlh@tpu.ru

ЧИКОВ Михаил Владимирович – канд. экон. наук, доцент кафедры общей и прикладной экономики Томского государственного университета. E-mail: chikov@sibmail.com

ЧУДИНОВ Сергей Иванович – канд. филос. наук, доцент кафедры истории и философии Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: personally@ngs.ru

ШУМИЛИНА Надежда Владимировна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: swansea@yandex.ru

ЩЕРБИНА Елена Юрьевна – начальник Управления развития и реализации образовательных программ Российского государственного профессионально-педагогического университета (г. Екатеринбург). E-mail: elena.sherbina@tsvpu.ru

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является общенаучным периодическим изданием. Первоначально он выходил под названием «Труды Томского государственного университета», в 1998 г. издание университетского журнала было возобновлено уже под новым названием, и всего к 2014 г. было выпущено 377 номеров. В настоящее время журнал «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: [http:// www.journals.tsu.ru/vestnik](http://www.journals.tsu.ru/vestnik)

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http:// www.journals.tsu.ru/vestnik>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, ГОУ ВПО «Томский государственный университет», редакция журнала «Вестник ТГУ».

Телефон 8(382-2)–52-96-67

Факс 8(382-2)–52-98-46

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http:// www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from the authors or authors' institution.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http:// www.journals.tsu.ru/vestnik>

Editorial Board address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050

Tel: 8(382-2)–52-96-67

Fax: 8(382-2)–52-98-46

Executive Editor: Dmitry Katunin

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Общенаучный периодический журнал

2014 № 381 Апрель

Главный редактор (председатель научно-редакционного совета)

Э.В. Галажинский

Ответственный редактор выпуска

Д.А. Катунин

ФИЛОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ.
ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА. НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Печатная версия журнала

зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.

ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Электронная версия журнала

зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.

ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж).

Электронная версия журнала находится в сети Internet по адресу

[http:// www.journals.tsu.ru/vestnik](http://www.journals.tsu.ru/vestnik)

Адрес редакционного совета

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. ТГУ. Журнал «Вестник ТГУ»

Телефон 8+(382-2)–52-96-67

Подписано к печати 17 апреля 2014 г.

Формат 60 × 84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.

Цифровая печать. Усл. печ. л. 28,1. Тираж 250 экз. Заказ № .

Редакторы: Ю.П. Готфрид, Н.А. Афанасьева, К.В. Полькина

Корректор – А.Н. Воробьёва

Оригинал-макет А.И. Лелоюр

Дизайнер – Л.Д. Кривцова

Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании

Издательского Дома Томского государственного университета

634050, г. Томск, Ленина, 36

Телефон 8+(382-2)–53-15-28